СЕМЕН БАБАЕВСКИЙ

КАВАЛЕР ЗОЛОТОЙ ЗВЕЗДЫ

ПРОФИЗДАТ

1950

СЕМЕН БАБАЕВСКИЙ

КАВАЛЕР ЗОЛОТОЙ ЗВЕЗДЫ

РОМАН
В ДВУХ КНИГАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
ПРОФИЗДАТ
1950

Посвящается
моему сыну Станиславу

КНИГА
ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

— Сережа! А ну, осмотрись хорошенько: сдается, будто мы сошли не на том полустанке. Что-то и местность мне эта не нравится, да и не вижу я ни людей, ни духового оркестра.

— Полустанок тот самый, а люди, по всему видно, в поле, вот им и некогда нас встречать. Да оно так и лучше.

— Может, оно и лучше, а только, помнишь, как ты расхваливал свою Кубань? «Поедем ко мне, у нас такие хорошие люди, они нас будут встречать, у нас и то есть, и это есть, духовой оркестр и прочее...» А получается, видишь, как некрасиво: два героя стоят на безлюдном полустанке, как иностранцы... Хотя бы твоя сестренка вышла нас встречать.

— Ах, вот ты о ком беспокоишься! Скоро, Семен, ты увидишь мою сестренку. Теперь мы уже дома!

— Ты-то — дома, а я — в гостях...

Так разговаривали два друга — Сергей и Семен. Пассажирский поезд, с которым они приехали, давно скрылся в степи, а друзья все еще стояли возле своих дорожных вещей, не решаясь выйти на дорогу. Сергей Тутаринов был высокого роста, чернолиц, худощав и немного сутуловат. На нем была новенькая гимнастерка с погонами младшего лейтенанта, подпоясанная ремнем с портупеей, лежавшей на груди, рядом с медалью «Золотая Звезда» и тремя полосками орденских ленточек; такие же новенькие бриджи с очень узкими штанинами ниже колен, мягкие запыленные сапоги со сдвинутыми до щиколоток голенищами, отчего ноги его казались немного выгнутыми, как у кавалериста. Резкий очерк плотно сжатых губ, природная смуглость кожи,

сросшиеся на переносье брови широкие, черные — все это придавало его лицу суровость. Старшина Семен Гончаренко был роста невысокого, широкоплечий, стройный — таких юношей обычно называют крепышами; белобрысый, глаза большие и голубые-голубые, — даже слишком много в них этой небесной голубизны; брови узкие и до того светлые, что в пасмурный день их почти не заметно, а в солнечный — они поблескивают наподобие крылышек бабочки. Разительная несхожесть Семена и Сергея была заметна во всем. Если Сергей любил бриджи, сапоги с узкими голенищами, гимнастерку — и непременно с портупеей, то Семен предпочитал носить брюки навыпуск, китель и полуботинки. Сергей приехал домой с погонами на плечах, вместо орденов у него на груди пестрели орденские ленточки, а Семен снял погоны, как только был объявлен приказ о демобилизации, зато украсил орденами и медалями новенький китель, впервые надетый им в дорогу. У Сергея лицо было строгое, и только карие глаза со светлыми крапинками постоянно смотрели приветливо и тепло; у Семена, наоборот, лицо было очень приветливое, а добродушная улыбка, казалось, не покидала его и во сне. Сергей по натуре мечтатель, он весь в будущем; Семен же любил жизнь такую, какая она есть. Сергей не в меру влюбчив, и если девушка ему понравится, то он готов итти за ней хоть в огонь; Семен же в сердечных делах был осторожен и всегда придерживался известного правила: семь раз отмерь, один раз отрежь.

— А знаешь, что мы сделаем, — сказал Сергей. — Вынесем багаж на дорогу, а там нас кто-нибудь подвезет.

— Далеко твоя станица?

— Отсюда километров пятнадцать — не больше.

Семен ничего не сказал, только сокрушенно покачал головой, затем повесил на плечо скатку шинели, за спину — вещевой мешок, в обе руки взял по чемодану и медленно направился к пшеничному полю. Сергею достался радиоприемник, похожий на чемодан, обитый кожей, кое-какие покупки, завернутые в плащ-палатку, шинель и сумка с консервами и хлебом.

Дорога лежала между пшеницей, еще не созревшей, но уже принявшей восковую окраску. Вдали, над щетиной колосьев, показались бычьи рога, потом, точно из земли выросли, и быки огненно-красной масти, с белыми лысинами во весь лоб. Вскоре стало видно, что эти быки-красавцы

тянут бричку, — обычную кубанскую бричку с высокими дробинами, на которой возят молоко. Алюминиевые бидоны выстроились на ней двумя рядами, а у передка из-за дробин выглядывала чья-то головка, покрытая белой косынкой. Друзья молча переглянулись, так же молча посмотрели на бричку и на белую косынку. Быки двигались томительно медленно, колеса повизгивали так жалобно, точно выговаривали: «А куда, куда нам спешить». Быки ложились на ярмо, «спорили», казалось, оба готовы были в любую минуту остановиться, но не делали этого только из уважения к вознице. Белая косынка иногда чуточку шевелилась, над бричкой покачивался куцый батожок; иногда он ложился на спину быка, но так осторожно, точно боялся спугнуть сидящего на ней овода.

— Да, — заметил Семен. — Вот это движение! На таких скоростях, Сережа, далеко не уедешь.

Сергей хотел было ревниво возразить ему, так как по опыту знал, что самые ленивые быки при умелой езде могут двигаться куда быстрее, делая в час по меньшей мере шесть-семь километров, но как раз в эти минуту он заметил, что под белой косынкой скрывалось довольно-таки миловидное девичье личико. Девушка тоже увидела военных — это было заметно уже по тому, как она быстро встала, оправила юбку, чуть прикрывавшую бронзовые колени. Затем в руке у нее каким-то чудом оказалось круглое зеркальце величиной с бычий глаз, и она в одну минуту успела увидеть в нем и свои черные, немного сонные глаза, и поправить над бровями косынку, повязанную в виде шатра, и выпустить на лоб, как бы невзначай, непокорный завиток блестяще-черных волос. После этого девушка быстро спрятала на груди зеркальце и, делая вид, что военные ее вовсе не интересуют, стала подгонять быков, которые попрежнему равнодушно шагали по дороге.

— Сережа, — шепотом сказал Семен, — а возница того... девушка красивая.

— Эх, ты, тоже нашел красавицу, — проговорил Сергей с той самодовольной улыбкой на лице, которая как бы говорила, что его друг еще не видел настоящих кубанских красавиц. — Обыкновенная девушка, наверно, работница молочной фермы. — Про себя же Сергей подумал: «А у Семена глаз верный, девушка и в самом деле славная... Узнать бы, из какой она станицы».

Бричка тем временем поровнялась с нашими героями, и быки, отбиваясь и рогами и хвостами от мух, сами остановились.

— Чернобровая, — сказал Семен, — ты, случаем, не в ту сторону держишь маршрут?

— В ту самую, — с робкой улыбкой ответила девушка.

— Подвези нас в Усть-Невинскую, — попросил Сергей. — Такую станицу знаешь?

— А как же, знаю. — Девушка с любопытством посмотрела на Сергея, видимо, заметив у него на груди Золотую Звезду. — А вы кто ж такие будете? Устьневинцы?

— Видите ли, гражданка, — заговорил Семен. — Мы возвращаемся из Германии, но в дороге случилась маленькая неувязка. В Ростове дали телеграмму, а она, наверно, не дошла. Вот нас никто и не встречает.

Девушка поставила одну ногу на грядку, взмахнула кнутом, и лицо ее, смуглое до черноты, вдруг повеселело.

— Эх, вы, герои! — смеясь, сказала она, продолжая махать кнутом. — Что же это вы так опоздали? Война давно кончилась, а вы только домой собрались...

— А ехать домой никогда не поздно, — рассудительно заметил Сергей. — Так подвезешь?

— Садитесь, — уже серьезно сказал девушка. — Только на моих быках езда плохая. А еще я их буду пасти у реки, так что в Усть-Невинскую приедем вечером.

Вещи были сложены рядом с бидонами. Сергей сел поближе к вознице, а Семен устроился позади на чемодане, и они поехали. Бричка покатилась еще медленнее, быки переступали так осторожно, точно боялись своими широкими копытами потревожить дорожную пыль.

Сергей попросил у девушки кнут.

— Все равно ты их не развеселишь, — простодушно заметила она. — В жару быки быстрее не ходят.

— А у меня пойдут.

Сергей взмахнул кнутом. Быки сердито закрутили рогами, показали белые лысины и ускорили шаг. Ярмо перекашивалось то в одну, то в другую сторону, и бричка загремела веселей.

— Эй, механик-водитель! А ну, включай третью скорость! — крикнул Семен и перебрался ближе к девушке.

— Мой друг, — сказал он, — опытный механик-водитель. На «тридцать четверке» — есть такой танк. Не знаешь? Чудесная машина! Так вот на этом танке он прошел

боевой путь от Сталинграда до Берлина. Геройский танкист, а быками тоже умеет управлять.

— Семен, замолчи! — строго сказал Сергей.

— Сережа, ведь это же факт. В его танке я был радистом-пулеметчиком — есть такая должность в экипаже, — пояснил он, глядя на равнодушное и немного грустное лицо соседки. — Так что я не из головы выдумываю, а говорю фактически... Помнишь, Сережа, как мы на Прагу прорывались?

— Перестань, Семен!

— Ну хорошо, не буду.

Молчать же, да еще в присутствии девушки, Семен не мог.

— Давайте знакомиться, — сказал он, заглядывая девушке в лицо. — Меня зовут Семен Гончаренко, родом из Орловской области, а мой друг, Сергей Тутаринов, — ваш кубанец... А тебя как звать?

Девушка молчала, не смотрела на Семена, то завязывая, то развязывая концы белой косынки.

— Ну, как же тебя звать? — допытывался Семен.

— Никак, — сухо ответила девушка и отвернулась

— Ой, какая гордая! Как же это так — живешь на свете безымянкой?

— А на что тебе мое имя? Какой быстрый!

— Просто интересно знать, — вмешался в разговор Сергей. — Везде принято знакомиться.

— А у нас не принято.

— Где же это у вас?

— Нигде...

— Ну, скажи хоть одно имя, — упрашивал Семен. — К примеру, Соня, Варя, Поля?

— И не Соня, и не Варя, а... Смуглянка, — и девушка рассмеялась.

Такой ответ совсем озадачил танкистов. Невольно наступило молчание. Сергей, не зная, что сказать, задумчиво посмотрел на поля. Между дорогой и пшеницей лежала узкая полоска целины. Трава так пестрела цветами, что Сергею казалось, будто вдоль дороги протянулись ковры. Он соскочил на землю и стал рвать цветы с такой жадностью, как будто никогда еще их не видел. Смуглянка помахивала кнутом и насмешливо улыбалась.

— Все цветы порвешь, — сказала она сквозь смех. — Оставь хоть на развод!

Сергей не разгибался, левой рукой прижимал к груди букет, головки мака выбивались вверх, и Золотая Звезда, попав между красных лепестков, заблестела еще ярче.

— Смуглянка, — сказал Сергей, догнав бричку. — Это я тебе...

— Зачем?

Девушка и сама догадалась, зачем Сергей нарвал цветов, покраснела, неохотно приняла букет, закрыла им свое смуглое лицо и стала срывать губами лепестки мака. Сергей шел рядом с бричкой, видел, как падают на землю яркокрасные лепестки, и ему почему-то казалось, что встреча с этой черноглазой девушкой вовсе не случайна, что еще там, на фронте, когда он мечтал о родном крае, в воображении его вставала именно такая смуглолицая безымянка, которая ждала его, любила и теперь станет его женой... Он так размечтался, что споткнулся о куст и чуть не упал. Посмотрел на Семена и невольно улыбнулся. Гость чувствовал себя на возу хозяином. Он подсел к вознице и старательно прикалывал к ее кофточке крохотный цветок мака.

Невдалеке, поблескивая между кустарником, протекала Кубань. Река была в разливе, вода мутная, под цвет соломы, вышла из отлогих берегов и залила огороды, луга, кустарники. Вблизи берега бричка остановилась. Девушка соскочила на землю, хотела взять налыгач, но Сергей подбежал к ней, схватил за плечи, как бы невзначай сорвал с ее груди мак и стал по-хозяйски распрягать быков.

Семен ушел к берегу, чтобы умыться и хорошенько рассмотреть реку, о которой так много говорил ему Сергей. Быки паслись, а возница разостлала в тени под бричкой бурку, села, вытянув покрытые сильным загаром ноги, оправила юбку. На Сергея она не смотрела и попрежнему была грустна и неразговорчива. Не зная, чем бы ее расположить к себе, Сергей вспомнил о радиоприемнике. Он снял его с брички и стал настраивать. Заиграл неожиданно оркестр. Это немного развеселило девушку. Она подсела ближе к Сергею, черные ее глаза заблестели, а на лице выражались то удивление, то испуг. Сергей рассказывал, как устроен приемник, как используется радио на войне, и хотя многое из того, что говорил Сергей, она не понимала, но слушать ей было приятно. Они слушали музыку и забыли о Семене, который уже купался, гулко хлопая по воде ладонями. Сергей подумал, что сейчас как раз и уместно спросить девушку, из какой она станицы и как

ее настоящее имя и фамилия... Только он хотел было об этом заговорить, как на дороге темной грядой поднялась пыль и из нее вынырнул газик с опущенным тентом. Он гордо подкатил к бричке, даже сердито толкнул крылом ярмо. Машина еще не успела остановиться, а дверцы уже распахнулись, и к Сергею не подошел, а подбежал мужчина лет сорока пяти, в брезентовом картузе, в полотняной рубашке и в брюках-галифе из мягкой парусины. На нем были тупоносые сапожки, тоже из парусины зеленоватого цвета.

— Здравствуйте, молодые люди! — сказал приезжий, играя наконечником пояса и не сводя глаз с Сергея. — Для ясности, позвольте узнать, не вы ли будете Сергей Тимофеевич Тутаринов?

Сергей встал, привычным движением руки оправил под поясом гимнастерку.

— Я Сергей Тутаринов. А что вам нужно?

— Ба! — крикнул тот, снял картуз и ударил им себя по колену. — Что мне нужно! Да я уже всю степь облетал! Сергей Тимофеевич, доброго здоровья! Гордость нашего района! Кавалер Золотой Звезды! — Он обеими руками, потными и горячими, схватил руку Сергея и долго тряс ее, приговаривая: — Очень, очень все мы рады! Для ясности, будем знакомы. Лев Ильич Рубцов-Емницкий — председатель здешнего райпотребсоюза... От имени районных организаций я приветствую дорогого гостя на его родной земле! — Он мелкими торопливыми шажками побежал к машине, шелестя по траве тупоносыми сапожками, такой же танцующей походкой подбежал снова, деловито, на ходу роясь в парусиновом портфеле. — Верите, Сергей Тимофеевич, всему виной райконтора связи. Прямо чорт знает что там за руководители! Вашу телеграмму переадресовали в колхоз имени Ворошилова, и она пролежала там без всякого движения... Так что на подготовку встречи совсем не было времени. Но я уже это дело поправил. — Он улыбнулся, показав два золотых зуба. — Рубцову-Емницкому не впервые выручать из беды бездельников. — Тут он уже добродушно засмеялся, отчего живот его, слабо подтянутый пояском, чуть заметно вздрагивал. — Итак, дорогой товарищ, моя машина, для ясности, в вашем распоряжении!

— Так ведь я не один, — сказал Сергей и посмотрел на скучное лицо Смуглянки.

— Ах, молодость! — Рубцов-Емницкий снова добродушно засмеялся и сказал, глядя на девушку: — Ну, что же, голубушка, поделаешь! Герою нужна встреча — политический момент, ответственный, и ты, как сознательная девушка, да еще, может быть, и комсомолка, на меня, старика, не обидишься... Эй, Артем! — крикнул он шоферу. — Переноси вещи, да живее!

— Сережа, что я вижу?! Машина! — сказал Семен, подходя к бричке. — Вот это я понимаю!.. Ну, безыменная Смуглянка, благодарим вас за транспорт. Бувайте здоровы и приезжайте к нам в гости.

Девушка ничего не ответила и даже не посмотрела на Семена.

— Ваш адъютант? — спросил Рубцов-Емницкий, кивнув на Семена. — Или, как это еще у вас называют, ординарец, для ясности!

— Мой товарищ, — сухо ответил Сергей.

— Папаша, вы сразу угадали, — весело заговорил Семен. — Именно адъютант Героя Советского Союза — Семен Гончаренко. — Он отчеканил шаг и, с трудом сдерживая смех, сказал: — Товарищ гвардии младший лейтенант, приемник выключать или пусть орет всю дорогу?

— Выключи.

Сергей хотел проститься с возницей, но Рубцов-Емницкий уже успел взять его под руку и, рассказывая, с каким шиком приготовлена ему встреча, увел к машине и усадил на сиденье рядом с собой. Он снова стал рыться в парусиновом портфеле, а сам, не переставая, говорил о том, что отец и мать ждут своего сына и не могут дождаться, что во дворе Тутариновых собралась вся станица, что играет районный духовой оркестр, а в саду за накрытыми столами уже сидит все районное начальство. Сергей слушал рассеянно, кивал головой, а сам смотрел на бричку. Когда Рубцов-Емницкий извлек из портфеля лист бумаги и хотел зачитать написанную им приветственную речь, чтобы заранее получить одобрение того, для кого она предназначена, Сергей соскочил с машины и побежал к бричке. Девушка попрежнему сидела на смятой траве и задумчиво смотрела за реку. Услышав шаги и, видимо, догадавшись, кто к ней подошел, она сорвала стебелек пырея и положила его в рот, как папиросу.

— Смуглянка, — сказал Сергей, наклонившись к ней. — Все-таки скажи, как тебя звать?

— Никак, — ответила девушка, кусая стебелек и не глядя на Сергея.

— Так и не скажешь?

— Зачем же говорить? Все равно уедешь...

— А я тебя не забуду.

— Как хочешь. Мне-то что?

Девушка встала и, не выпуская изо рта стебелька, скупо улыбнулась.

— Если ты очень хочешь знать мое имя, — сказала она, — тогда запомни: меня звать Катя... Только Катерин на свете очень много.

Она рассмеялась, озорно блеснула глазами и убежала к реке. Сергей не пошел за ней. Его ждали в машине. Шофер давал сигналы. Семен сидел возле шофера, довольный и счастливый.

Сергей молча сел рядом с Рубцовым-Емницким, и шофер включил скорость. Газик сделал полукруг и выскочил на дорогу. Рубцов-Емницкий, положив на колени портфель, о чем-то рассказывал, от души смеялся, — но Сергей его не слушал.

— Теперь мы ни в чем не уступим соседним районам, — говорил Рубцов-Емницкий, сожмурив от ветра глаза. — Герой вам нужен? Есть у нас и Герой! А то, видите ли, орденоносцев у нас много, но ведь это же не то, совсем не то! Теперь, для ясности, и контора связи заработает по-другому! А то до этого как было? Если, скажем, сравнить меня и начальника райконторы связи, то тут не может быть никакого сравнения. Моя контора, для ясности, работает интенсивно, а связь портит все дело... Только одно у меня горе, дорогой Сергей Тимофеевич: не могу подобрать себе подходящего заместителя, такого, знаете, бедового фронтовика, чтобы личность была авторитетная...

Сергею было грустно. Он приподнялся и посмотрел назад. Над трактом изгибалась ребристая стена пыли, а наискось от нее Сергей увидел изгиб реки и в волнах текучего марева слабые очертания брички, быков и силуэт девушки, одиноко стоявшей на берегу.

ГЛАВА II

Станица Усть-Невинская лежит в верховьях Кубани, на отлогом берегу. Улицы ее, узкие и тенистые, с востока подходят к реке, а с запада упираются в подножье горы,

похожей на верблюда. Между горбами этого зеленого верблюда проходит дорога. Как только газик взобрался на седловину, Сергей увидел внизу знакомую с детства картину: зеленая шаль садов раскинулась вдоль берега, отчетливо выделялась квадратная площадь, белые дома, изгородь, серебристо-белые тополя, обступившие высокий, из красного камня собор... Сергей приподнялся, хотел издали увидеть свой дом, но найти его не мог: слишком густая и сочная зелень укрывала улицы, строения. Только уже вблизи, когда машина пронеслась по площади и вскочила в переулок, в просвете деревьев Сергей заметил и старенькую, изъеденную дождями камышовую крышу, на гребне — желтый стебелек сурепки; и гестеприимно раскрытые ворота, сплетенные из хвороста; и две ветвистые белолистки, посаженные еще в ту пору, когда он был ребенком; с веток, как груши, падали мальчуганы и бежали навстречу, оглушая станицу звонким криком... У Сергея тревожно забилось сердце, к горлу подступили слезы, и сделалось так радостно, что захотелось соскочить с машины и бежать по улице вместе с детьми.

У двора шофер затормозил, колеса поползли, оставляя на траве рубчатый след. Сергей не помнил, как очутился в объятиях сестры. Взволнованная, румяная Анфиса обнимала брата, прижималась горячими губами к его небритой щеке. «Ой, братушка, какой же ты колючий!» — шепотом, сквозь радостный смех, сказала она и быстро, как бы боясь, что брат это заметит, посмотрела на Семена. Видимо, гость брата ей не понравился, — лицо ее сделалось строгим, брови сдвинулись, и она уже снова смотрела на брата своими веселыми, блестящими от слез глазами, как бы спрашивая: не тот ли это танкист, о котором он ей писал с фронта. А Семен уже догадался, что это и есть сестра Сергея, добродушно улыбнулся и протянул ей руку. Они познакомились. Сергей незаметно подмигнул Семену одним глазом, что означало: «Ну, Семен, какова моя сестренка?» Семен все еще улыбался, не сводил глаз с Анфисы и на вопрос Сергея отвечал ему тоже взглядом: «Дескать, погоди, Сережа, я еще не рассмотрел...»

А в это время во дворе гремел оркестр, и двор и часть улицы были запружены людьми. Тут собрались и старики в старомодных чекменях, — стояли они в сторонке, подперев бороды толстыми сучковатыми палками; и моло-

дежь, занявшая больше половины двора и часть сада, где гостей уже дожидались столы, с которых свисали чуть ли не до земли расшитые петухами скатерти; и женщины с детьми и женщины без детей; и молодые набеленные вдовушки, и вдовушки просто молодые, смотревшие на Сергея радостно, с откровенной завистью; и бывшие фронтовики, еще носившие военную форму и ордена, с медалями на груди... В этой пестрой и разноликой толпе Сергей сразу отличил одну старушку, с седыми прядями волос, выбившимися из-под чепца. Да и как же можно было не отличить, не выделить из толпы эту маленькую старушку, — ведь это же была его мать, Василиса Ниловна. Какими счастливыми и тревожными глазами смотрела она на сына, как бы еще не веря тому, что вот он, веселый и улыбающийся, уже подходит к ней. Ее добрые, ласковые глаза в мелких морщинках ничего не видели от слез. «Мамо, мамо, как же вы постарели без меня», — подумал Сергей. А Ниловна уже наклонила его чубатую голову, прижала к груди, и трудно было поверить, что эта невысокая, щупленькая женщина могла родить такого рослого и красивого парня. Она прижалась к нему, ощутив мокрой морщинистой щекой гладкий кусочек золота; плечи ее мелко вздрагивали, и трудно было понять, плакала она или смеялась...

— Мамаша! Зачем же слезы! — сказал Рубцов-Емницкий, накручивая на палец кончик пояса. — Поздравляю, мамаша! Такой сын! Для ясности, настоящий кавалер Золотой Звезды! Папаша! А вы чего ж стоите?

Тимофей Ильич Тутаринов, мужчина высокий и сухой, похожий на старого, видавшего за свой век виды пастуха, стоял в обществе стариков, самодовольно поглаживая седые, куцо подстриженные усы. Старик ждал, что сын сам к нему подойдет, и поэтому сердился на жену: уж очень она долго, как ему казалось, не отпускала Сергея.

— Ниловна! — крикнул он. — И чего ты к нему прилипла, как пчела к меду. Дай хоть людям на него посмотреть!

Сергей подошел к отцу.

— Ну, здравствуй, сыну, — сказал Тимофей Ильич, строго меряя сына взглядом. — А! Подрос на войне, слава богу, с отцом поровнялся... И со Звездой! Молодец, сыну, молодец... Кто же вручал? Михайло Иванович? И про батьку, небось, распытывал?

Медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина Сергей получал под Сталинградом, в перерыве между боями, и он помнит хорошо, что во время торжественного вручения наград об отце его никто не спрашивал, сказать же об этом Сергей не мог, боясь обидеть старика.

— Моя биография, батя, всем известна, — пробормотал он. — Даже в газетах была напечатана.

Такой ответ хоть и не удовлетворил Тимофея Ильича, но он одобрительно кивнул головой, надеясь еще поговорить об этом с сыном наедине. Теперь же было не до расспросов. К Сергею подходили то тетушки, жившие где-то на хуторах, то двоюродные братья — все в один голос поздравляли с приездом и тут же обнимали и целовали; то окружали станичные парубки — одногодки Сергея, и друзья детства смущенно смотрели друг на друга: «Ого-го-го! Как мы подросли!» — говорили их удивленные взгляды... А в сторонке стояли девушки и смотрели на Сергея пристально и ласково... Потом сквозь гущу народа протискался Федор Лукич Хохлаков — председатель здешнего райисполкома. Это был рослый и толстый, эдак пудов на шесть-семь, казачина в просторном военном костюме, с седой, стриженной «под ежика» головой, носивший добротные сапоги с таким поразительным скрипом, точно под подошвами у него всегда были рассыпаны мелкие жареные орехи. С таким скрипом он и подошел к Сергею. Так как Федор Лукич был на торжестве лицо официальное, то тетушки, двоюродные братья, парубки, мальчуганы уступили ему место.

Федор Лукич заслонил Сергея своей богатырской фигурой, молча обнял, точно хотел померяться силой, так же молча троекратно поцеловал и только потом уже произнес краткое приветствие голосом ласковым и даже трогательно ласковым. Сперва Федор Лукич похвалил «нашу военную молодежь» и тут же, как бы между прочим, упомянул о кочубеевской коннице, о молодости самого Хохлакова, знавшей, как никакая другая молодость, «что есть такой кочубеевский рейд по кубанской земле»; после этого стал восхвалять кубанское казачество, «каковые традиции живут в сердце вот такого молодца...» Мысль свою Федор Лукич продолжил уже за столом, когда были наполнены вином первые стаканы и нужно было произнести здравицу в честь долгожданного гостя. Где бы ни выступал Федор Лукич, его излюбленной темой всегда

было казачество. А тут, в такой торжественный момент да еще в присутствии молодого казака-героя, он и вовсе не мог удержаться: решительно оседлал своего надежного конька и от Запорожской Сечи провел прямую дорогу к кочубеевским походам, затем обратился к Отечественной войне, перебрал по памяти все казачьи полки и всех казачьих генералов, поругал своих сыновей, не захотевших служить в кавалерии, пожурил и Сергея опять же за то, что тот был танкистом, а не конником...

— Какие там теперь из наших детей казаки, — заговорил Тимофей Ильич, чокнувшись с Федором Лукичом. — Да они и коня как следует подседлать не могут. Машину им подавай — тут они мастера... Эх, нема, нема тех казаков!

— Ой, господи, — вмешалась в разговор Ниловна, — и на что Сережке твое казачество. Ему теперь надо подобрать женушку по сердцу, а мне, старой, дождаться внучат... О казачестве плакать нечего.

Стаканы, наполненные золотистым вином, не раз уж сходились и расходились; две молодайки не поспевали приносить из хаты и ставить на столы то жареную картошку со свининой, то сметану в глубоких чашках, — такую густую, что поверни раз-два ложкой, и увидишь масло, то ломти вареной баранины... На другом конце сдвинутых столов поднялся Рубцов-Емницкий, потное умиленно-радостное его лицо лоснилось. Он начал речь таким торжественным тоном, что даже рука его, державшая стакан с вином, вздрогнула, — казалось, он не говорил, а сладко пел, и из этой песни можно было понять лишь одно: все на этой земле устроено удивительно хорошо и нет границ людским радостям, а когда сказал, что «...и вот в ту незабываемую минуту, когда мы смело смотрим в лицо нашему Герою, когда мы поем славу нашим победителям...» — тут случайно в том ряду, где сидели уже изрядно подвыпившие старики, возникла песня, — песенники, видимо, вспомнили свою молодость, ибо песня их была невеселая и всеми давно забытая. Рубцов-Емницкий умолк, выпил вино и, подцепив вилкой чуть не половину гусака, сел на свое место.

Только теперь, когда за столами разговаривали все и каждый человек был доволен самим собой, Сергей вдруг вспомнил, что его друг, сидевший с ним рядом, куда-то исчез. «Наверно, Анфиса его к себе приворожила», —

подумал Сергей, вылезая из-за стола. Он прошел в глубь сада и увидел трогательную картину: Семен, взобравшись на самую высокую черешню, обрывал крупные, спелые ягоды. А внизу стояла злодейка-колдунья и держала в руках фартук. Семен бросал спелые черешни в фартук, а они падали мимо, разбивались о землю, и это так смешило Анфису, что она от смеха чуть не валилась с ног.

— Эй, хохотунья, ты куда это запрятала моего друга?

— Нахожусь в секрете, — весело отозвался Семен. — Превосходный пункт для наблюдений...

— Так, Семен, делать не годится, — с нарочитой серьезностью заговорил Сергей. — Сидишь себе на ветке, как коршун, а меня одного оставил старикам на расправу. А ну, слезай!

— Убери преграду, тогда слезу, — все так же весело заговорил Семен, намекая на Анфису, но слезать с дерева и не собирался.

— Да забери ты его, братушка, — краснея, поспешно заговорила Анфиса. — Он совсем не умеет бросать черешни. Все у него летят мимо...

Семен неохотно слез с дерева, и друзья пошли к столам.

Обед в саду затянулся. Солнце скрылось за деревьями, отблески заката дрожали на листьях, а за столами все еще гудел оживленный говор, и в этом общем разноголосом хоре слышался то хрипловатый бас: «А силища каковая! Откель она? Ага! Не знаешь? А я тебе скажу, откель она есть...», то визгливый женский голос: «А что? Разве красавиц у нас мало? Да ты заходи в любую хату!»

Постепенно темнело. Федор Лукич Хохлаков, шумно поскрипывая сапогами, распрощался, пообещал на этой неделе заехать и взять с собой в поездку по району «дорогого гостюшу» и пошел к машине, где его дожидался белоголовый шофер. Усевшись в машину, он сказал:

— А-ну, белая голова, пришпорь...

И белая голова понимала смысл этих слов: машина вихрем пронеслась по темным улицам, осветив прожекторами лежавшую возле станицы Верблюд-гору... И после отъезда Федора Лукича гости еще долго не расходились, одна песня сменялась другой, и в мотивах этих старинных песен было что-то давно забытое и радостное. Сергей вслушивался в голоса поющих, и на душе у него было

так спокойно, как бывало когда-то в детстве, когда он на заре уходил с отцом на Кубань трусить верши и кубаря... Он размечтался и не слышал, как к нему подсел Рубцов-Емницкий и сказал:

— Скучаете?

В сумерках его маленькие веселые глаза были чуть заметны, как точечки на желтой бумаге.

— А вы, Сергей Тимофеевич, не скучайте, — заговорил он негромко и почему-то таинственно. — На вас мы возлагаем большие надежды. Теперь мы будем смело выдвигать район в шеренгу передовых.

— Почему же только теперь?

— И раньше старались, но ты понимаешь, — он перешел на «ты» и заговорил с Сергеем, как с давним приятелем, — мы теперь имеем в твоем лице, для ясности, авторитет во всесоюзном масштабе... Мы можем смело ставить любой вопрос и в крае и даже в центре...

— Разве вам запрещалось это делать?

— Ах, дорогой мой, жизнь — штука трудная... и люди, кадры, ты сам это знаешь, решают все... А взять нашего Федора Лукича — ты уже с ним познакомился. Милейший человек, душа района, местный беломечетинский казак... Добряк, романтик — все о казачестве печалится. Но он уже старик, к тому же больной сердцем, и с ним в вышестоящих организациях не считаются... Секретарь райкома Кондратьев — ах, как жаль, что он не мог приехать! — чудесный человек, большая умница, превосходный организатор. Но в районе он совсем недавно, да и не его дело, как политического руководителя, заниматься вопросами, грубо говоря, нашей советской коммерции... С тобой же, Тимофеич, с твоим авторитетом мы бы смогли такое завернуть! И вот, готовясь к встрече, мы посоветовались и пришли к решению: взять тебя, для ясности, на руководящую работу в район.

— Почему ж для ясности? — с легкой усмешкой спросил Сергей.

— Поговорка, еще с детства, — Рубцов-Емницкий засмеялся. — Ты представляешь, как бы было здорово!

— Что же я буду делать в районе? — спросил Сергей, еще толком не понимая, к чему затеян этот разговор.

— Дорогой мой, дело даже не в конкретной должности, — все с той же таинственностью заговорил Рубцов-Емницкий. — Важно твое имя, авторитет... Если же говорить

о должности, то лучше всего тебе быть моим заместителем... Я отделаю тебе кабинет, но дело опять-таки не в кабинете.

— Такая должность мне не подойдет, — серьезно сказал Сергей. — Да и к тому же я только месяц или два поживу с родными, а потом уеду учиться.

— И, пожалуйста, ради бога и отдыхай и готовься ехать на учебу... Важно, чтобы ты уже числился нашим работником.

— Нет, нет! — решительно заявил Сергей, — об этом и думать не надо.

ГЛАВА III

Давно над станицей гуляла луна, розовый ее блеск прыгал по окнам, а сады, укрытые прозрачной пеленой, казались и пышными и высокими... Гости все еще веселились — мужские голоса заглушали женские. Модная на Кубани песня, начинавшаяся словами: «Молодой казаче, ой чего ж ты ходыш-бродыш», была печальна.

Подойдя к воротам, Сергей так ласково посмотрел и на тихую улицу, и на сады в белой дымке, и на свою хату, как, очевидно, смотрит молодой оперившийся орел, пролетая над тем местом, где когда-то было его гнездо. Снова, как и днем, увидел на гребне крыши стебелек сурепки — при свете луны он был похож на серебряную палочку... Почему-то стало грустно, странное, никогда еще не испытанное чувство охватило его. И он не мог понять, был ли тому причиной одиноко-печальный стебелек на крыше, навеявший воспоминания о детстве; а может быть, настроение испортила песня, оплакивавшая горькую судьбу молодого казака; или же всему виной была Смуглянка, с ее озорно-ласковыми глазами, — нет, нет, видно, совсем не случайно он встретил ее на этом скрипучем возу! О чем бы ни думал, куда бы ни смотрел, а перед глазами стояли то огненно-красные быки, то маки в траве, то девушка на берегу реки... А может, сердце его тревожилось о друзьях, оставленных в дивизии? За четыре года он и сроднился с ними и полюбил той особенной горячей любовью, которая рождается на войне. Как знать! И хотя ему приятно было сознавать, что он уже дома, хоть и радостно было всем телом ощущать мирную тишину засыпающей в лунном свете станицы, одна мысль беспокоила его: как сложится новая жизнь

без фронтовых друзей, без привычных занятий... «Мать хочет, чтобы я женился, ей уже мерещатся внучата... Эх, мамо, мамо, разве ж трудно жениться и обзавестись детьми...» В голову снова лезли мысли о Рубцове-Емницком. «На тебя мы возлагаем большие надежды... Теперь мы смело...» — вспомнил он и грустно улыбнулся. «А почему — теперь? И почему — смело? — мысленно спрашивал он себя. — Да и вообще весь этот разговор мне не нравится. Ему мое имя, авторитет нужен... И зачем же мне кабинет? Тьфу, ты, чертовщина! Нет, надо все это забыть...»

В сенцах было темно, пахло увядшими степными цветами, видимо, где-то в углу лежала трава. Сергей с трудом, ощупью, отыскал дверную щеколду и рассмеялся оттого, что уже забыл, где находится вход в хату. На пороге остановился, удивленный тем, что и комната ему показалась маленькой, и стены низкими, и окна, смотревшие в сад, крохотными, — неужели все это было таким и раньше! На припечке так же, как и пять лет назад, стояла лампа, и оттого, что в окна светила луна, слабый ее огонек был почти невидим. Анфиса разливала в кувшины молоко. Увидев Сергея, она поставила дойницу на лавку и посмотрела на брата веселыми глазами.

— Слышишь, какое выделывают наши старики? Теперь до утра будут песни играть.

— Пусть веселятся.

— А ты чего такой кислый? Спать хочешь?

— Просто так... Не знаешь, где Семен?

— Твой гость, ты его и оберегай. — Анфиса улыбнулась и поманила брата пальцем: — Тебя Соня ждет... У плетня за углом.

— Какая Соня?

— Забыл? Как быстро!

— А... Соня. А ее муж?

— Разошлись... Сережа, она очень несчастна.

— Сама виновата... Ну, я пойду разыщу Семена.

Семен сидел за столом и разговаривал с Тимофеем Ильичом. Сергей не стал им мешать, вышел на улицу и за углом, в лунном свете, на фоне плетня, одетого в зеленую шубу хмеля, увидел белую кофточку... В голову полезли нерадостные воспоминания: весенний темный вечер, берег Кубани, тревожный шум воды и ее голос: «Отстань! Прицепился, как смола...» Она вырвала руку и ушла к хороводу — там был Виктор, друг Сергея. А Сергей сел на ка-

мень у берега и просидел так, бесцельно глядя на воду, до глубокой ночи. Тогда он любил ее, а она любила Виктора. Теперь же смешной и безрассудно глупой казалась ему эта любовь... «Виктор, Виктор, где ты сейчас? — думал он. — Уехал учиться и забыл и меня и Соню...»

Соня прислонилась спиной к хмелю, и листья венком обрамляли ее непокрытую голову. Белая кофточка ярко оттенялась на темной зелени, а черная юбка была почти невидима. Сергей сухо поздоровался. Она с трудом улыбнулась и посмотрела на него откровенно ласково, и по тому, как она скривила в улыбке губы, как устало повела бровями, Сергей понял, что Соня была и рада ему и боялась его. Он сказал, что хочет пройтись по улице и посмотреть станицу, и они пошли молча, как будто впервые встретившись.

Высоко в небе висела луна, плиты камня вокруг церкви были красные, как слитки меди, а купола и шпиль колокольни горели багряным пламенем. И просторная площадь, и полукругом стоявшие тополя с шапками грачиных гнезд, и плетни палисадников с кустами сирени — все приобрело в этот полуночный час какие-то таинственные очертания... Сергей никогда еще не видел свою станицу в таком красивом ночном наряде. Сады, тонувшие в сумеречном свете, были то совсем темные, как шатры, то пепельно-серые с розовыми пятнами, то белые, под цвет парашютного шелка. Он любовался знакомой площадью и не узнавал ее: всю правую сторону заливал такой яркий свет, что были отчетливо видны не только окна домов с занавесками и головками цветов за стеклом, но даже щеколды на закрытых дверях, бусы красного перца, развешанные вдоль стены. Предметы стали загадочными: то покажутся из-за плетня причудливые папахи, а подойдешь ближе и увидишь: не папахи, а кувшины на кольях, и они уже не черные, а красные, как будто только что вынуты из обжигательной печи; то забелеет на базу платок какой-нибудь молодайки, а присмотришься и увидишь уже не платок, а лысую голову коровы; то замаячат бычьи рога, но не бурые, как обычно бывают днем, а прозрачные, точно выточенные из слюды; то на каком-либо крылечке зачернеет овчина, а подойдешь ближе и увидишь спящую собаку; то зарябят под кровлей куры, сидящие цепочкой, точно нанизанные на шест...

Чтобы не молчать, Соня заговорила о молочной ферме, где она работала учетчицей. Сергей слушал ее рассеянно. Мысли о Смуглянке снова унесли его к берегу Кубани, он

видел девушку в синем тумане и так задумался, что уже не слышал, как Соня, тихонько смеясь, поведала ему какую-то забавную историю из жизни животноводов.

— ...Потом все узнали, что Катюша никогда в жизни не любила этого пастуха...

— Какая Катюша? — спросил Сергей и покраснел.

— Эх, ты... О чем размечтался?

— Виктор тебе пишет? — вдруг спросил Сергей.

— Писал... Но я ему не отвечала.

— Почему?

— Так... — и Соня грустно склонила голову. — Он скоро будет инженером, а у меня так странно сложилась жизнь.

Всю дорогу по пути к ее дому Сергей шутил, даже один раз поцеловал Соню в горячую щеку, но и сам он знал и Соня понимала, что делалось все это с холодной нарочитостью. У калитки ее двора они остановились.

— Ну, вот ты и дома... До свиданья.

Соня не протянула руку, просила остаться, посидеть на лавочке у плетня. Сергей сказал, что он устал с дороги, простился и ушел.

Возле двора стоял газик Рубцова-Емницкого, и в нем спал шофер. В хате горела лампа. За столом сидели Тимофей Ильич и Рубцов-Емницкий. «Неужели меня поджидают?» — с досадой подумал Сергей, входя в хату. Мать, одетая, спала на кровати. Отец был пьян: глаза масляно блестели, усы свисали уж очень низко, образуя у рта желтовато-серую подковку. Рубцов-Емницкий любезно усадил Сергея за стол, налил стакан вина и, смеясь и поглядывая на Тимофея Ильича, спросил у Сергея, как понравились ему станичные девушки и кто такая та красавица, которая посмела в первый же вечер так долго задержать возле себя Героя, и еще плел какую-то неразбериху...

— А мы тут без тебя, сыночек, толковали насчет важного дела, — заговорил Тимофей Ильич, поглаживая усы.— Доброе тебе находится место, такое, скажу, место, что лучшего и желать не надо... Лев Ильич обрисовал всю картину. Будешь ведать торговыми делами.

Сергей выпил вина. Рубцов-Емницкий еще налил стакан. Сергей, не закусывая, снова выпил. «Без меня — меня женили», — зло подумал он. Ему стало душно, кровь прилила к вискам, лицо горело.

— Тимофеич, — сладко говорил Рубцов-Емницкий, — и чего ты хмуришься. Для ясности, ей-богу, не пожалеешь. Твоя слава! Да ты знаешь, что это такое...

Сергей не дал договорить. После он не мог вспомнить, что было тому причиной — тоска ли по Смуглянке, обида и жалость к Соне, Рубцов-Емницкий или выпитое вино, а может, и все вместе, — только Сергей не мог совладать с собой, подбежал к двери, распахнул ее ногой и крикнул:

— Вон из хаты!! Слышишь?!

Рубцов-Емницкий только криво улыбнулся и продолжал сидеть, а Тимофей Ильич протирал кулаками глаза и не мог ничего понять. Наконец, он сообразил, что сын ведет себя недостойно.

— А! — крикнул он. — Перед родителем геройство выказываешь! Кто в хате хозяин? Я хозяин или кто хозяин!

Тимофей Ильич встал, засучил рукава и, пошатываясь, направился к сыну, но Рубцов-Емницкий удержал его за рубашку и усадил на место. Старик поднял крик, грозя кулаками, чуть не опрокинул стол. Тут проснулась Ниловна и, не понимая, что случилось, закружилась по хате, как наседка, у которой украли цыпленка. Она подбежала к Сергею и увела его из хаты.

— Ой, сыночек, господь с тобою, — шептала она. — Как же можно такое ради приезда... Или ты лишнее выпил, или тебе нездоровится... Пойдем, ляжешь спать.

— А он пусть не покупает меня... Ишь, какой ловкий!

В хате стало тихо. Рубцов-Емницкий все так же сидел за столом, о чем-то думая.

— Да, оказывается, и у Героев нервы тоже не в порядке, — проговорил он. — Война, что тут скажешь.

— Герой! — сердился Тимофей Ильич.—Отчаюга! В Герои вышел, а ума не набрался... Лев Ильич, ты на него не обижайся... Молодой и дурной, что с него взять. Выпьем еще по стаканчику.

— Какая может быть обида. Парень погорячился, а остынет и совсем другой будет... Ну, для ясности, мне пора домой.

В саду, под грушей,с вечера была приготовлена постель. Ниловна взбила и без того мягкие пуховые подушки, откинула одеяло. Сергей сел на траву, снял гимнастерку, отстегнул погоны и отдал их матери.

— Спрячьте в сундук.

— Аль потребуются? — озабоченно спросила Ниловна.

— Пусть хранятся... Может, еще пригодятся.

Сергей, усталый, лег и закрыл глаза. Ниловна сняла с головы платок, завернула в него погоны и тотчас, как голубка к гнезду, приникла к сыну, гладила рукой его вихрастую голову, любовалась смуглым, возмужалым лицом, пушистой, во весь лоб, стежкой бровей.

— Сережа, успокойся и усни, — шептала она и все смотрела и смотрела на него и не могла насмотреться.

— Я скоро усну, только вы, мамо, посидите возле меня немножко.

Сергей не открывал глаз, но всем телом чувствовал близость матери, ее взгляд, теплоту ее рук, ее дыхание. А Ниловна готова была до утра просидеть у его изголовья, ибо в эту минуту все, что было в ней нежного и ласкового, все ее мечты и надежды обратились к сыну, и она не смела заговорить с ним, боясь нарушить его покой... Слышала, как Тимофей Ильич провожал Рубцова-Емницкого, как загудела машина и потом снова все стихло, как Тимофей Ильич, возвращаясь в хату, крикнул: «Ниловна! Долго ты еще будешь возле него сидеть?» Ниловна не ответила, а Тимофей Ильич что-то бормотал, направляясь в хату.

Станица спала в розовом тумане, уснул и Сергей, погрузилось в сон все вокруг, даже листья в саду не шептались, и только одна Ниловна не спала. Она смотрела на спокойное лицо сына, и вся его жизнь — от пеленок до проводов в армию — стояла перед ее затуманенными глазами. Она видела своих детей, стоявших в виде лесенки, — Сергей был предпоследней ступенькой. Он родился девятым, и соседки, поздравляя мать с новорожденным, говорили, что девятый ребенок, да еще к тому же мальчик непременно будет счастливым. Тогда Ниловна не придавала этим словам никакого значения. Но вот старшие сыновья женились, дочери вышли замуж и разъехались по всему Союзу, а младшего сына, с которым Ниловна собиралась жизнь доживать, пришлось проводить на фронт; мать вспомнила о пророчестве соседок и верила, что с Сергеем ничего не случится. И вот когда он вернулся домой возмужалый, с Золотой Звездой на груди, — ей казалось, что иного исхода их длительной разлуки и быть не могло. Старуха радовалась и тому, что ее сын Герой, что грудь у него в орденах и медалях (все это, как она полагала, так и должно быть, — радуйся, мать!), а особенно тому, что вот он лежит у ее ног, красавец, каких нет на земле, с черными отметными бровя-

ми, — такими отметными, что ни у кого другого нет таких бровей! И мать вполне была бы счастлива, если бы ко всему этому да еще прибавилась бы свадьба в ее доме, да чтобы она увидела рядом с собой невестку, а потом уже и первого внучонка — вот тогда можно было бы спокойно жить!.. Об Анфисе она думала так, как думают о квартирантке: поживет, поживет и уедет. Забота теперь сводилась о ней к тому, чтобы приготовить приданое и не ошибиться в выборе жениха. Многие станичные парубки заглядываются на Анфису, да кто ж их знает, что у них на уме? Вот и друг Сергея уже завлекает Анфису (раньше матери никто не заметит!), вместе ушли на гулянки. Тоже с орденами и тоже, наверно, Герой... И снова беспокойные мысли: и откуда этот парень, и хозяйственный ли он человек, и есть ли у него родители, и если женится на Анфисе, то куда он ее увезет, и есть ли у него свой дом, — все, все ей хотелось знать. «Надо у Сергея расспросить». Она долго-долго смотрит на сына. Сквозь листья пробился свет луны и осветил лоб и глаза. Мать наклонилась и увидела между ворсинок закрытых ресниц две крохотные слезинки. Откуда они взялись? Или это упала роса с листьев? Осторожно, кончиком платка Ниловна вытерла сыну глаза и подумала: «Во сне, бедняжка, плачешь... Значит, и тебе нелегко живется на свете, хоть и почет от людей... Хорошо быть героем на войне, а дома всякий на тебя смотрит, всем надо помогать, обо всех заботиться... И всем ты нужен. Вот и Лев Ильич уже хочет к себе взять. А почему? Герой... А ты, сынок, не соглашайся, а только и человека не обижай. Он же тоже стоит у власти и тоже добра тебе желает... А мое суждение — надо тебе, сынок, оставаться дома и жить с отцом и матерью...» По простоте душевной Ниловна рассуждала так: война кончилась, теперь бы только и жить да радоваться; привел бы в дом молодую жену, работал бы бригадиром тракторной бригады, пахал бы и сеял вблизи Кубани, а там по всему берегу лежат в воде кубаря и верши, и как же хорошо на заре вытаскивать их из воды, полные трепещущей рыбы... Ниловна задумалась, взяла в руки гимнастерку и долго смотрела на Золотую Звезду — она так и сверкала, точно хотела выскочить из ее грубых рабочих рук. Скользкий металл, к которому еще никогда в жизни она не прикасалась пальцами, казался ей живым, и она положила его на ладонь и стала им любоваться, как ребенок, увидевший загадочную игрушку.

«...На войне получил, от Сталина», — подумала она и поцеловала медаль, ощутив на губах приятный холодок... Потом еще долго и пристально смотрела она на спящего сына взглядом, полным любви, и, успокоившись, тихо пошла в хату.

ГЛАВА IV

Во сне Сергей услышал рокот моторов, — звуки рождались где-то близко, и ему чудилось, будто он лежит в лесу и тут же стоит его танк, старательно укрытый ветками. И хотя еще не взвилась в небо ракета, приближение боя Сергей угадывал по нарастающему гулу, идущему, как грозовое эхо, из глубины леса. Вот и кучи хвороста поползли — это танки выходили на исходный рубеж, а машина Сергея не трогалась с места. Его почему-то никто не будил, а сам он, как ни силился, встать не мог. Сергей даже застонал и с трудом поднял голову... Открыл глаза и понял, что никакой танковой атаки нет... Мимо двора ехал колесный трактор, блестя начищенными шпорами. Водитель в невероятно засаленном комбинезоне и в смолисто-черной фуражке сидел несколько боком и посматривал назад: за трактором тянулись на сцепе два комбайна с длинными хвостами хедеров.

Сергей улыбнулся и снова лег. Но уснуть он уже не мог. В веселом шуме рождался день. Разноголосо и громко кричали петухи, предвещая погожее утро. Над головой пел скворец, пел так искренне и старательно-горячо, что на высоких тонах уже не звенел, а только звонко щелкал. Крохотные, почти невидимые в листьях пташки шныряли между веток и щебетали наперебой. Солнце еще не взошло, но восток уже окрасился пламенем лучей, идущих из земли, и станица, обильно смоченная росой, была залита ярким светом. Сергей встал, ощущая на голом теле приятный холодок утра. Семен спал рядом, свалившись головой с подушки, и рот его с толстыми, немного открытыми губами прислонился к кустику, как бы целуя серебристые в росе листья... Из хаты вышла Анфиса в будничной юбчонке, надетой поверх сорочки с вышивкой на груди и на рукавах. Она шла к Сергею, осторожно огибая кусты, и босые ее ноги уже были осыпаны капельками росы.

— Братушка, ты не спишь? — В светлых и ласковых глазах ее выразилось удивление.

— Спал бы, да трактор разбудил... Думал, танки идут.

Сергей вспомнил вчерашнюю встречу с Рубцовым-Емницким, и ему стало неловко за себя. «И зачем я с ним связался», — подумал он. Потом спросил сестру, что делает отец.

— Батя давно ушли на огород. Батя наш — бригадир и злится через то, что помидоры начинают цвести, а водокачка испортилась... К нам заезжал Артамашов — председатель нашего колхоза, ты его знаешь! Сказал, чтобы я побыла дома, потому, говорит, у вас гость... Просил тебя притти днем в правление. — Анфиса мельком взглянула на Семена, и пышные ее губы дрогнули в улыбке. — Буди своего дружка. — Она рассмеялась и, как показалось Сергею, совсем без причины.

— Пусть спит... Ты же его до петухов продержала.

— И ничуточки. — Анфиса обиженно закусила хорошенькую нижнюю губу. — Мы были в клубе, на танцах.

Анфиса взяла дойницу и пошла на баз. Из-за изгороди на нее нетерпеливо-ласково смотрела корова. Сергей давно не видел дойку, и ему приятно было смотреть на розовые струйки молока, звеневшие о дойницу. Анфиса, сидя на чурбачке, проворно доила и рассказывала брату, как она танцовала с Семеном, и говорила она об этом с той веселой, еле приметной улыбкой, которая бывает у девушек, когда они не в силах скрыть волнение... С той же улыбкой на мягких губах она спросила его о вчерашней встрече с Соней... В это время, шумно зевая, поднялся Семен, и Сергей, ничего не ответив сестре, пошел с ним умываться к реке.

Кубань протекала у края сада; сердито плескалась о берега мутная, точно после дождя, вода с широкой лентой пены на стремнине; плыли карчи, коренья камыша, солома. Берег был крутой и каменистый. К воде вела дорожка со ступеньками. Внизу лежала полоска желтого песку. Друзья разделись и искупались. Когда возвращались домой, Сергей рассказал Семену о вчерашнем разговоре с Рубцовым-Емницким.

— Я так думаю, что его очень тревожит твоя слава, — простодушно заметил Семен. — Хочет присоседиться к ней, и тогда жить ему будет и спокойно и весело. Я еще там, возле Кубани, заметил, когда он начал возле тебя извиваться, как это он говорит, для ясности! По всему видно — делец... для ясности! — Семен весело рассмеялся. — А ты соглашайся. Иди к нему в заместители, а меня возьмешь к

себе в секретари... Вот мы его и выведем на чистую воду. Ради шутки...

— Да ты, что же, смеешься? — сказал Сергей, и широкие его брови сердито сдвинулись. — Какие здесь могут быть шутки! Ему просто надо сказать, чтобы он занимался своим делом... Да, а за вчерашнее я чувствую себя виноватым. Лишнее выпил и погорячился... Ну, ладно, шут с ним, с этим Емницким. Пойдем со мной, посмотришь станицу.

— Что-то нет у меня желания без дела шататься, — рассудительно проговорил Семен. — Я лучше помогу Анфисе черешни собирать.

— А-а! Я и забыл, что черешни рвать куда интересней... А я пойду.

После завтрака Сергей вышел за ворота. Утро было прохладное, в садах темнел влажный холодок и блестели мокрые от росы листья. Широкая и зеленая по бокам улица одним концом выходила в степь, другим упиралась в площадь. Сергей смотрел на нее и раздумывал: как бы ему за день побывать во всех трех колхозах?.. Дело в том, что Усть-Невинская была разделена на три неравные части: самую большую территорию — северные кварталы до площади, то-есть бывшую «Соленую Балку», и часть «Выселков» — занимал колхоз имени Ворошилова. Район площади и остальная половина «Выселков», а также две поперечные улицы принадлежали колхозу имени Кочубея. Вся же южная часть, или бывшие «Гайдамаки», отходила к колхозу имени Буденного... Теперешние границы были установлены еще в 1930 году, и за шестнадцать лет старые прозвища кварталов всеми были забыты. Никто не говорил: «Пойдем в «Соленую Балку». Обычно говорили так: «Пойдем к ворошиловцам», «а мы вчера были у кочубеевцев», «так это же поля буденновцев». Или: «буденновские отары пасутся». Если по станице проезжал на тачанке председатель ворошиловского колхоза, молодцевато-стройный Артамашов Алексей Степанович, носивший суконные галифе с леями и мягкие без каблуков сапожки с узкими, затянутыми ремешком голенищами, о нем говорили: «Ворошилов» едет». Или: «Вчера мы на заседании исполкома слушали отчет «Ворошилова», и все хорошо знали, что отчитывался о своей работе Алексей Артамашов. То же самое говорили и о председателе колхоза имени Буденного — пожилом и степенном Рагулине Стефане Петровиче. Увидев его едущим на новенькой линейке, говорили: «Буденный» едет». Или: «Бу-

денного» вызывают в район», и каждому было понятно, что речь идет о Стефане Петровиче Рагулине — председателе одного из устьневинских колхозов. Председателем колхоза имени Кочубея работала Дарья Никитична Байкова, — в станице ее звали тетя Даша. Ездила она не на тачанке и не на линейке, а на высоченном шарабане с пружинными рессорами, запряженном белой ленивой кобылой. Сидела тетя Даша на своей колеснице гордо, как царевна на троне, любила ездить мелкой рысцой. «Кочубеевка показалась», говорили, завидев ее кабриолет.

— Что ж тут долго раздумывать? — проговорил Сергей. — У Артамашова всегда успею побывать... Навещу-ка я сперва кочубеевцев, а оттуда можно будет пройти и в «Буденный»... Не успел Сергей выйти на площадь, как путь ему был прегражден. В узком, густо затененном зеленью деревьев переулке вначале показалась белая лошадь, которая бежала лениво и кому-то усердно кланялась; затем с мягким цокотом на улицу выкатился и шарабан на высоких колесах, а в нем гордо сидела тетя Даша. На вид это была женщина уже немолодая, полнолицая, с добродушными и ласковыми глазами; одета по-будничному: серенькая кофточка с короткими рукавами, широкая юбка с двумя оборками внизу, на голове, уже тронутой серебром, повязана косынка.

— Тетя Даша, а я к вам в гости, — сказал Сергей, когда шарабан подкатил к нему.

— Спасибо, что не забыл! — Тетя Даша поправила выбившиеся из-под косынки волосы, улыбнулась. — Только мы сперва съездим в «Буденный». К старику Рагулину у меня есть неотложное дело... Насчет сенокоса. Мы быстро вернемся.

Сергей охотно взобрался на шарабан, — не все ли равно куда ехать! Он даже обрадовался случаю проехать по всей станице и побывать в «Буденном»... Белая лошадь снова кланялась и лениво бежала по улице, взбивая ногами пыль, а шарабан покачивался так мягко и так удивительно плавно клонился то в одну, то в другую сторону, что Сергей невольно воскликнул:

— Тетя Даша! Да это ж не амортизация, а одно чудо! Мы не едем, а плывем!

— То тебе так кажется с охотки, а ежели денек вот так поплаваешь, все тело разболится.

— Много приходится ездить?

Тетя Даша тронула вожжой кобылу — шарабан закачался сильнее.

— На заре выехала в поле и все езжу. И так каждый день. В кабинете некогда сидеть. Одно дело наседает на другое — прополку не закончили, а уборка уже на носу. Ячмень уже весь побелел. Пора и травы косить, — вот я и еду к Рагулину. У него есть лишние травы. Только он до такой степени скупой, что у него, старого чертяги, не то что травы, а снега средь зимы не выпросишь... И до чего ж есть на свете люди скупые!

Тетя Даша рассказывала, как однажды она уже ездила к Рагулину, как разговаривала с ним о сенокосе, а шарабан покачивался и почти бесшумно катился и катился по теневой стороне улицы. Как только он переехал мостик, условную границу между колхозом имени Кочубея и имени Буденного, Сергей сразу же заметил странную картину: на улице не рос бурьян! Да где ж это видано, чтобы в Усть-Невинской и не рос на улице бурьян? А тут его не было.

— Территория «Буденного», — с легкой усмешкой пояснила тетя Даша. — Рагулин новые порядки вводит. Э! Ты его еще не знаешь? Натурный старик...

Вдоль дворов, сколько видно глазом, тянулась изгородь — высокие плетни из хвороста; всюду стояли ворота, калитки; дома побелены, крыши починены, ставни и деревянные коридоры выкрашены зеленой краской. Ничего этого, конечно, Сергей не видел ни на территории колхоза имени Кочубея, ни, тем более, в колхозе имени Ворошилова: там, как правило, дворы были разгорожены, иди, куда хочешь — всюду открыта дорога!

— Ты думаешь, почему буденновцы так обгородились? — заговорила тетя Даша. — Тоже через рагулинскую жадность. Жалко ему сделалось той земли, что находилась под индивидуальными посевами членов артели. «Кто, — говорит, — желает, пусть обзаводится огородом возле хаты и чтобы не больше нормы». А ту землю запахал и весной посеял общественный ячмень... Лишил людей подсобных посевов.

— Ну, и как? Обходятся?

— Посеяли кое-что по мелочи возле хат... А вся надежда теперь у них на колхоз. Уродит в колхозе — и у них будет, а не уродит — клади зубы на полку... Это же настоя-

щий перегиб! Ежели каждый будет надеяться на колхоз, то что ж тогда получится?

— А на кого ж еще надеяться? — с улыбкой спросил Сергей.

— Как — на кого? — с обидой переспросила тетя Даша. — Становись председателем, тогда и узнаешь — на кого...

Сергей не мог понять, почему тетя Даша так обиделась, и уже не стал ее ни о чем спрашивать. А шарабан тем временем подъезжал к бригадному двору. Тут также в глаза бросились опрятность и хозяйский порядок во всем: двор был обнесен дощатым забором, ворота закрыты на засов, сельскохозяйственный инвентарь, брички стояли под навесом, навоз сложен квадратным стожком... Тетя Даша погнала лошадь, даже не взглянув на бригадный двор.

Вскоре шарабан подкатил к высокому каменному дому, стоявшему в окружении сада, с четырьмя высокими окнами, весело смотревшими на улицу. Во всем доме — ни души, один лишь сторож, старик инвалид, дремал возле телефонного аппарата. Если бы в комнату вошла одна женщина, сторож, наверно, так бы и продолжал наслаждаться покоем, но, увидев военного, да еще с орденами и Золотой Звездой, он торопливо встал и сообщил, что «вся канцелярия находится в степу».

— А где же Стефан Петрович? — спросила тетя Даша.

— Они еще в конторе и не появлялись, — последовал ответ.

— Да вот он и сам хозяин! — сказала тетя Даша, взглянув в окно.

Из глубины двора торопливо шел коренастый старик в холщевых штанах и в ситцевой рубашке, подпоясанной широким ремнем с медной бляхой. На ногах — черевики, шерстяные носки — поверх штанин. Соломенный картуз, ставший от времени зеленовато-бурым, был надвинут на лоб. Когда старик подошел и поздоровался, Сергей с интересом посмотрел на его худое лицо, поросшее редкой и совершенно белой щетиной, на глаза, умные и еще молодые.

— Дарья, а ты опять ко мне? — спросил Рагулин, сожмурив оба глаза.

— К вам, Стефан Петрович.

— Не насчет ли сенокоса?

— Насчет этого самого... Не жадничайте, Стефан Петрович.

— Да и какое ж тут может быть жадничанье? Посуди сама. Сенокосы-то не мои? Не мои. Могу ли я ими распоряжаться? Не могу. А общее собрание — оно всему хозяин — никак не дозволяет.

— И когда же вы успели спросить общее собрание?.. Вы захотите, а собрание не станет возражать. Ведь у вас сенокосов много.

— Верно, сенокосов много, но они ж и нам нужны...

Видимо считая, что дальше говорить о сенокосе бесполезно, Рагулин обратился к Сергею?

— Тимофеич, а ты как же это? Насовсем или только на побывку?

— Насовсем.

— Хоть ты на меня, старого, не обижайся.

— За что же? — удивился Сергей.

— А за то, что не смогу тебе выписать ни меду, ни там чего другого... Словом, рад бы своему станишнику...

— Что вы, Стефан Петрович? — краснея, проговорил Сергей. — У меня и в мыслях этого не было. Да разве я в чем нуждаюсь!

— А я так, только к слову сказал... Пока было — помогали.

— И не стыдно вам, Стефан Петрович! — отозвалась тетя Даша. — И меду у вас бочки и масла вагон, а все притворяетесь, все плачете, все жадничаете. В могилу с собой думаете забрать, что ли? Поедем, Сережа!

Но уезжать Сергею не хотелось. Чего доброго, старик подумает, что Сергей на него обиделся. Поэтому, усадив в шарабан разгневанную Дарью Никитичну, Сергей сказал, что хочет остаться и поговорить с Рагулиным, и через некоторое время снова вошел в дом... Тому, что Сергей не уехал, Стефан Петрович немало удивился, даже развел руками, точно говоря: «вот уж этого я не ждал»; затем старик обрадовался так, точно перед ним стоял не Сергей Тутаринов, а вернувшийся из армии его родной сын. Он пригласил Сергея в кабинет, усадил на лавку, сел рядом, угощал табаком, разговаривал — стал совсем другим человеком. Вошедшему кучеру велел не запрягать лошадей, а пойти и позвать кладовщика.

— Надо попотчевать гостя сильванером, — сказал он, когда вошел кладовщик. — Пока запиши в ведомость, а потом оформим через бухгалтерию. — Он посмотрел на Сер-

гея своими веселыми молодыми глазами, добавив: — Ни у кого нет виноградников, а в колхозе имени Буденного имеются.

Когда была выпита бутылка отличного сильванера, — такого вина Сергей давно не пробовал, — Стефан Петрович заговорил, сидя за столом и не глядя на гостя:

— Дарья Никитична обиделась и здорово обиделась... А за что? В скупости обвиняет. Третьего дня скопидомом назвала... Такой, разэтакий, ненажорливый... А разве ж я могу распоряжаться колхозной землей, как своей собственной? Это ж не то, что выпить бутылку вина — цена ей грош, а и то надобно вести учет: кто выпил, когда и при каких обстоятельствах... А тут речь шла о земле... Э, земля, земля, — мечтательно проговорил он, — и радость в тебе и горе... Весной пришлось отобрать у колхозников землю, что находилась под индивидуальными посевами, — сколько возникло обид и неприятностей! А что это за земля? Еще в самом начале войны был прислан к нам председатель колхоза. Стал он наводить порядки, а колхозного дела, видать, не знал и сдуру взял и отшматовал кусок земли от общественного клина, а потом поделил между колхозниками. Некоторые радовались, — как же, появились на свет божий единоличные посевы!.. А теперь нам пришлось поломать эту незаконную дележку, — и что ж ты думаешь, дело дошло не только до бабских слез, но и до райпрокурора! Обидел Рагулин, жадюгой стали звать, жаловаться во все концы... Сам Федор Лукич Хохлаков вызвал. «Ты, говорит, зачем преждевременно коммунизм устанавливаешь?» Стал я ему объяснять. И слушать не желает. «Почему, говорит, у Артамашова, у Байковой и во всем районе есть индивидуальные посевы, а у тебя нет...» Есть-то они есть, но что из этих посевов получается? Для колхоза — это же горючие слезы... Сергей Тимофеевич, ты человек молодой, рассуди, как же можно было дальше терпеть такое положение? Некоторые особо расторопные колхозники обзавелись землишкой, скотом, птицей, и все их нутро уже повернуто к своему клочку земли, а на колхоз они смотрят так, как падчерица на мачеху. Такому колхознику и горя мало: будет приплод на ферме или не будет — у него есть свой скот; уродит ли общественный посев или не уродит — у него свой хлеб растет... Что ему печалиться! Вот мы ту землю снова вернули колхозу. Было собрание. Я тогда так и сказал: хотите жить в достатке — сделайте весь колхоз бога-

тым, а на индивидуальных посевах мы далеко не уедем... Вещь уже известная.

— И что же вы этим достигли? — спросил Сергей, внимательно слушавший старика.

— Достижения будем подсчитывать осенью, — ответил Рагулин и сожмурил оба глаза. — А ежели, скажем, для интереса сравнить «Буденный» с «Кочубеем» или с «Ворошиловым», то мы уже и теперь в барышах. Дворы у нас, небось заметил, обгорожены — основной-то огородишко при усадьбе; выход в поле у нас нынче сто процентов, а ворошиловские бригадиры все еще разъезжают по дворам и уговаривают баб итти на работу, точно на свадьбу: иная пойдет, а иная к себе на огород захвентелит, только ее и видели. И еще: мы уже давным-давно закончили третью прополку, посевы у нас чистые, ждем урожая, сено начали косить, а у Артамашова бурьян гуляет по полю — некогда ворошиловцам за своими посевами прополоть общественную кукурузу или подсолнухи. Вот оно какая выгода... Опять же в кладовой навели порядок: есть у тебя трудодни — милости просим, а нет — обходи десятой дорогой. А то как бывало? Заходи в кладовую всякий, кому не лень, и возле этого места развелось немало дармоедов. А теперь кладовая у нас на замке! И хоть меня жадюгой зовут, оскорбление наносят, а ничего не поделаешь, приходится скупиться, сама жизнь заставляет... Скажи, правильно я поступаю?

Сергей сразу не нашел нужного ответа и промолчал. То, что услышал от Рагулина, укрепляло в нем уверенность, что колхозы Усть-Невинской нуждаются в каких-то организационных мерах, а в каких именно — не знал, и поэтому не мог сказать, правильно или неправильно поступал Рагулин... Ему хотелось ближе познакомиться с тем, о чем рассказывал Рагулин, и он весь день проездил с ним по полям, побывал на фермах, в садах, на виноградниках... А на второй день пошел в колхоз имени Ворошилова.

Алексей Артамашов встретил Сергея во дворе правления, долго пожимал руку, а потом обнял за плечи и, не давая сказать слова, увел в кабинет. Это был стройный мужчина, веселый, еще молодой — всего на пять лет старше Сергея; любил щегольнуть горской одеждой: носил суконные галифе с кожаными леями, шевровые, без каблуков, сапожки — такие мягкие, что когда он шел, то шагов не было слышно; длинную, со стоячим воротником рубашку, подпоясанную тонким ремешком; зимой носил кубанку

и башлык, а летом — широкополую, из козьей шерсти, шляпу. Он был смугл, худощав, с коричнево-темным цветом лица; там, где его не знали, выдавал себя за черкеса и на свадьбах лихо танцовал лезгинку с кинжалами.

— Итак, Сергей Тимофеевич, — заговорил он важно, неслышно расхаживая по кабинету, — хорошо, что ты сам пришел, зараз мы решим все бытовые вопросы. Говори, чего тебе выписать из кладовой?

— Решительно ничего не надо, — поспешно ответил Сергей.

— Брось, брось скромничать. Скромность—штука хорошая, она украшает Героя, а все ж таки и Герой кушать хочет... Правильно я понимаю?

— Об этом, прошу тебя, не беспокойся...

— А ежели я хочу беспокоиться? — Артамашов подсел к Сергею: — Поросенка возьмешь? Или лучше барана?.. Да ты чего краснеешь, как невеста. Говори! Не бойся, мы не обеднеем...

— Алексей Степанович, — заговорил Сергей, — неужели ты для всех так щедр?

— А что? — Артамашов встал. — Не щедр, а если надо человеку помочь, помогаю. Чего ж скряжничать? Рука дающего не оскудеет... Знаешь ты об этом? Я же не Рагулин! — Он улыбнулся и пояснил: — Есть у нас такой скупой рыцарь, не человек, а жила...

— А мне кажется, что Рагулин-то и есть настоящий бережливый хозяин, — сказал Сергей, вставая. — Вчера я был у него...

— У Рагулина?! — удивился Артамашов. — И ты молчишь? Да расскажи, как он тебя встретил?

— Как? Обыкновенно, — сухо ответил Сергей.

— Наверно, плакал, жаловался, как ему, бедняге, трудно, как он без собрания и шагу ступнуть не может... А врет и дурачком прикидывается. Ой, скряга! Да у него и секретарь парторганизации такой же жадюга! Отобрали у колхозников землю — и гордятся! А что в том плохого, что колхозники имеют свои посевы Я тоже член партии, а ничего в этом плохого не вижу. Разве земли мало? Земли хватает, даже служащим в аренду сдаем... Пускай себе обрабатывают, все государству польза... Скажем, стихийное бедствие, засуха, неурожай, а я за своих колхозников спокоен, без хлеба они не будут. В колхозе не уродит — у них

уродит, — вот тебе и выход из положения. А если буденновцев постигнет неурожай, то Рагулину трудно придется...

— Странные у тебя, Алексей Степанович, взгляды, — не дав досказать, заговорил Сергей. — Для того и колхозы строили, чтобы не надеяться на «авось», а постоянно иметь урожаи.

— Эх, Сергей Тимофеевич, боевая ты наша гордость, — сказал Артамашов и сокрушенно покачал головой. — Вижу, воевал ты здорово, а в мирных делах ни черта не смыслишь... не обижайся, это я по-свойски. — Артамашов весело рассмеялся, обнял Сергея за плечи. — А валушка я тебе выпишу... От себя.

— А я прошу этого не делать, — решительно сказал Сергей. — И вообще я не нуждаюсь ни в чьих подачках... Ты бы постыдился об этом даже подумать, а не то что разговаривать со мной!

— Ради бога, Сергей Тимофеевич, — заговорил Артамашов, улыбаясь и краснея. — Зачем же обида? Пожалуйста, но я хотел как лучше...

Сергей ничего не сказал, только широкие ленточки его бровей сердито сдвинулись... Артамашов хотел перевести разговор на другую тему, рассказывал о рыбной ловле, но Сергей уже был безучастен к этому разговору. Расстались они сухо. «Да, этот в одну упряжку с Рагулиным не годится, — думал Сергей, направляясь домой. — Надо поговорить в районе, а то, чего доброго, размотает колхозное хозяйство...»

ГЛАВА V

Все эти дни Тимофей Ильич намеревался поговорить с Сергеем по душам, но никак не мог решиться. Еще не улеглась обида за ссору с Рубцовым-Емницким, и старик молчал. Вот и в тот вечер, когда Сергей вернулся из колхоза имени Ворошилова, Тимофей Ильич не проронил ни слова и сразу же после ужина лег в постель. Спал плохо, ворочался, вставал курить. На заре разбудил Анфису и послал ее на огород вместо Ниловны. С Анфисой ушел и Семен.

Сергея не будили. Сам он проснулся поздно, открыл глаза и увидел мать: она склонилась к нему, и лучи солнца, пробиваясь сквозь листья, яркими бликами ложились на ее лицо, грудь, плечи.

— Вставай, Сережа, батько ждет... Через это и на работу не пошел.

После завтрака Ниловна занялась стиркой, ушла на реку, а Тимофей Ильич позвал Сергея в горницу, усадил рядом с собой на лавку, молча закурил и так же молча передал кисет сыну.

— Треба, сынок, побалакать нам в открытую... Кажи, какие у тебя думки: чи будешь жить с батьком да с матерью, чи улетишь куда?

— Правду вам, батя, сказать, я еще и сам не знаю, где буду жить и что делать. Ехал домой и думал: поживу, отдохну, а потом поеду учиться... А эти дни ходил по станице, осматривал. Был в «Буденном», в «Ворошилове»... Признаюсь вам, не понравились мне порядки в вашем колхозе. Да и в станице нет хозяина. Хочется помочь, чувствую, что обязан... ведь я же здесь не чужой.

Тимофей Ильич поглаживал усы и с удивлением посматривал на сына.

— А кому ж ты намерен помогать?

— Да хоть бы и Артамашову.

Старик безнадежно махнул рукой.

— Эх, горе это наше, а не Артамашов... Самочинствует и никому не подчиняется. Обзавелся дружками да знакомцами — все пасутся в кладовой. Через это хозяйство довел до упаду, транжирует направо и налево... Директору МТС корову дойную выписал — прямо с фермы увели. Тому кабанчика, тому телушку, тому мешок муки — кругом одна убыль. А кому пожалуешься? Прокурор — друг и приятель. Федор Лукич Артамашовым не нарадуется. «Вот, — говорит, — настоящий казак!» А этот казак нарядится в галифе и раскатывает, как князь, на тачанке... Да что там говорить! Бесхозяйственный человек. У меня на огороде вторую неделю водокачка не работает, помидоры сохнут, рассаду высадить не можем, а нашему казаку и горя мало... А что делается в поле? Бурьян выбился в колено, посевы заросли. Беда, загадили землю!

— Зачем же такого избирали?

— Да что ж, мы ему в зубы смотрели? Прислали из района, приехал с ним и Хохлаков. «Вот вам, — говорит, — новый председатель». Поглядели — на вид ничего. Стал Хохлаков расхваливать... Избрали, а вышло — на свою голову.

— Об Артамашове у меня еще будет разговор, — сказал Сергей. — Но ведь не в нем одном дело. Станицу, батя, надо обновлять. Что-то она у вас заплошала за годы войны. Почему у вас нет ни кино, ни Дома культуры, ни радио, ни библиотеки, а уж об электричестве я и не говорю. А ведь все это было! Вот и родилась у меня такая мысль: надо составить пятилетний план Усть-Невинской, да запрячь в одну упряжку и Рагулина, и Байкову, и Артамашова. Что вы, батя, на это скажете?

Старик усмехнулся.

— Что скажу? Не берись...

— Почему?

— Трудно... Плохая будет упряжка. Стефан Петрович — это человек рассудительный, с ним бы можно. Дарья — баба работящая, хоть и спотыкается. А Артамашова ни до каких планов нельзя допускать и близко — все раздаст и промотает... Лучше послушай моего совета...

— Нет, батя, тут вы неправы, — перебил Сергей. — Тетя Даша — неплохой руководитель, а Артамашова можно заставить... Важно, чтобы было за что бороться.

— А ты все ж таки послушай батька, — настаивал на своем Тимофей Ильич. — Хоть ты и стал Героем, слава у тебя великая, а все же ты не солнце и всех обогреть не сумеешь, а беспокойства будет много... Лучше брось эти думки да иди к Льву Ильичу. Человек тебе ж добра желает. Служба спокойная и, считай, — дома.

Слушая увещания Тимофея Ильича, Сергей почувствовал такую тупую боль в груди от обиды на отца, что он резко встал, надел фуражку и отошел к дверям. Хотел крикнуть: «Вот уж этому никогда не бывать!» — и уйти, но сдержался. Стало жалко отца, не хотелось ссориться со стариком, и он снова сел и сказал:

— Знаете что, батя, об этом я сейчас ничего вам не скажу... Надо мне осмотреться, подумать...

— И то правильно, — согласился отец.

— А теперь мне надо итти к Савве Остроухову. Вчера его не мог застать, а повидаться нам нужно.

Сергей посмотрел на ручные часы и вышел из хаты.

Возле станичного совета стоял «виллис». Тент с него был снят, за рулем сидел белоголовый парень. Такую белую чуприну Сергей видел вчера на своем дворе, и он подумал: «Наверно, Хохлаков приехал». Подошел к машине и, желая удостовериться, спросил:

— Чей «виллис»?

— А по мне видно, чей, — с улыбкой ответил парень.— Такого белоголового шофера во всем крае не найдешь. Федор Лукич даже обижается на меня. Невозможно, говорит, Ванюша, через твою голову появляться внезапно. Белеешь, как лебедь, а станичники издали увидят и кричат: посмотрите, к нам Федор Лукич едет!.. А ты еще спрашиваешь!

Сергей охотно согласился — да, действительно, не было надобности спрашивать, и пошел в дом. Передняя комната, с высокими окнами, раскрытыми настежь, была такой величины, что по ней впору гулять на коне. Вдоль стен стояли массивные, из дуба, скамейки с высокими спинками, до блеска вытертыми шубами и кофтами. Темносерый, тоже из дуба, шкаф стоял не в углу, как обычно, а посреди комнаты, рядом с ним — стол, а за столом сидел широкоплечий мужчина с густой рыжей бородой. Был он похож на бугаятника с фермы — силач, которому ничего не стоит успокоить любого разгулявшегося быка... «Да ведь это же дядько Игнат», — подумал Сергей. Они поздоровались, и Игнат многозначительно посмотрел на дверь с надписью: «Предстансовета С. Н. Остроухов», и сказал:

— Тише... Там Федор Лукич торзучит нашего Савву. Беда!

— За что же он его торзучит? — спросил Сергей, нарочно повторив местное словечко, которое означало: тому, о ком оно сказано, нелегко.

Игнат еще раз посмотрел на дверь и прислушался.

— Ты ж нашего Савву знаешь, твой же одногодок. По молодости горячится, рвется вскачь, а горячиться, как я понимаю, не следует... Сказать по правде, за что ж Савву ругать? Хочет он, чтобы в станице была культурность и там разное строительство. — Игнат придвинул лежавшие на столе счеты и стал для пущей убедительности откладывать косточки: — Чи там скотные базы с окнами и на деревянных полах, чтобы коровы могли оправляться в такой чистый ярочек и пить воду из алюминиевой чашки, — это раз... Чи там лектричество, чтобы в станице и ночью было, как днем, и чтобы при том освещении люди не спотыкались, идучи по улицам, — это два... Чи там раскинуть сады по всему степу — картина такая, как на выставке... А только, видать, тому не сбыться...

— Почему же не сбыться?

— Район не велит... Нарушение.

В это время из-за дверей послышался голос Федора Лукича:

— Савва, ты к небу не взлетай, не взлетай, а держись за землю, как Антей. Понятно? А то день в день планируешь, выдумываешь, а уборку спланировать не можешь. Сколько у тебя запланировано тягла в разрезе трех колхозов?

— Я говорю о будущем станицы, а вы меня тычете носом в тягло, — раздраженно возражал Савва. — Я не знаю, как жил Антей, а я не могу жить одним днем, понимаете, не могу!

— Эх, Савва, Савва, — горестно заговорил Федор Лукич, — славный ты казак, но когда ж ты постареешь и ума наберешься? Нам не теория твоя нужна, а подготовка к уборке и хлебосдаче. Понятно? А ты мне толкуешь о будущем...

— Беда, — проговорил Игнат. — Пойди помири их, а то еще подерутся...

Сергей постучал и, не дожидаясь приглашения, вошел в кабинет. Федор Лукич стоял у окна в том же, что и в прошлую их встречу, защитного цвета костюме, на боку висела полевая сумка из добротной кожи с газырями для карандашей и с гнездом для компаса. Теперь Сергей мог рассмотреть его лицо. Было оно добродушное, не в меру мясистое, с некрасивым носом; губы толстые, как бы припухшие, особенно губа верхняя, на которой сидела родинка с пучочком волос, похожая на муху... Нехватало размашистых усов какого-нибудь буросвинцового цвета, казалось даже странным, почему Федор Лукич не украсил свое лицо такой важной деталью.

Савва Остроухов сидел за столом, на котором лежало расколотое стекло, а под ним циркуляры с печатями и штампами. Увидев Сергея, он торопливо вышел из-за стола и протянул руку. Его молодое рассерженное лицо вдруг стало веселым, точно с него мгновенно сняли маску. Улыбаясь и блестя удивительно белыми зубами, Савва начал объяснять, почему не мог притти встречать друга.

Сергей не видел Савву почти пять лет, и за это время его друг так изменился, что трудно было узнать: плечи раздались, черты лица стали суровее; очень большие серые глаза как-то округлились, только ростом был он такой же невысокий, коренастый... Вместе они росли, ходили в шко-

лу. И когда Савва, приглашая друга поехать с ним в поле, стал расхваливать выездных лошадей, которые, как он уверял, были не лошади, а настоящие птицы, Сергей невольно вспомнил детство, школу, ночное и подумал: «А ты, Савва, все такой же хвастунишка...» А Савва уже расхваливал тачанку, колеса которой имели такой цокот, что его было слышно за десять верст, а потом заговорил об озимых посевах: «Скажу тебе, что это не пшеница, а настоящее Каспийское море...» Сергей снова улыбнулся и уже хотел было сказать, что желает прокатиться на лошадях-птицах и посмотреть пшеничное море, как вдруг послышался знакомый скрип сапог.

— Нет, нет, — сказал Федор Лукич, — на твоих птицах Сергей Тимофеевич еще покатается! Теперь же мы поедем на обыкновенном «виллисе». — Он обратился к Сергею: — Я специально за тобой приехал и по пути заскочил к Савве... Не думал с ним спорить, а пришлось.

— О чем же у вас спор? — спросил Сергей.

— Спор? — удивился Федор Лукич. — Разве я сказал, что мы спорили? Нет, был обыкновенный разговор о текущих делах... Ну, поедем, прокачу по Кубани!

От такого приглашения Сергей не мог отказаться. Федор Лукич любезно взял его под руку (сапоги заскрипели решительно) и повел к машине.

— Савва Нестерович! — крикнул он усаживаясь. — А ты форсируй подготовку к уборке. В понедельник заслушаем на исполкоме. — Вытер платком, величиной с полотенце, мокрый лоб, красную шею и сказал шоферу: — А ну, белая голова, возьми курс на Краснокаменскую!

Ванюша хорошо знал дорогу на Краснокаменскую. Машина юркнула в тенистый переулок, точно в лесную просеку, на головы пассажиров градом посыпались еще недоспелые абрикосы, сзади закружилась пыль, и вскоре Верблюд-гора осталась позади... Сразу же за горой взору открывалась равнина, а вдали чернел гребень гор, до половины скрытых сизым маревом... Чудесная низменность в ярких красках лета! Сперва взор радовала толока — зеленый кушак вдоль посевов; затем лежали бахчи — короткие серебристые плети еще не укрыли землю; темной стеной стояла лесозащитная полоса, а за ней, к самому подножью гор, потянулась бледная зелень кукурузы. Когда машина разрезала и толоку, и бахчи, и лесозащитную полосу, и кукурузу, а Федор Лукич крикнул: «Пшеница Буденного!», перед

глазами вдруг встала светлозеленая стена, и Сергея так поразил ее вид, что он даже приподнялся... Нет, нет — это было не море! Как же можно было сравнить эту светлозеленую, с золотистым оттенком, гладь с морем? Да это же было царство колосьев, вставших над землей такой густой щетиной остюков, что по ним можно было ходить, как по натянутому парусу! И колыхались они не от ветра, а оттого, что зерна в них уже наливались молочным соком, — чем дальше от дороги, тем сильнее волновался колос, тем величественней были изгибы, тем ярче блестели на солнце то вздымающиеся, то падающие гребни.

— Хлеб! — значительно произнес Федор Лукич. — Да ты посмотри во все стороны! Вот этим хлебом Савва и козыряет. Но это же посев буденновцев. А что у соседей?.. На это и приходится ему указывать. А он кипятится. Самонравный, как норовистый конь. Надо признаться: мы в том сами повинны. Избаловали. Парень способный, мы с ним и нянчились, как с малым дитем. Всю войну на броне держали, жалели. Когда мы были в эвакуации за Тереком, он просился в партизаны. Тоже не пустили. Так что пороху он не нюхал, винтовку и в руках не держал, а тоже лезет в герои: дескать, тыл крепил!.. Придется тебе немножко сбить со своего друга тыловую спесь. Расскажи ему, как Героя завоевал, да так расскажи, чтобы понял, сколько стоит крови настоящая слава.

— А в чем же все-таки дело? — спросил Сергей.

— В никчемной мечтательности. — Федор Лукич даже засмеялся своим приятным смехом и потрогал пальцем на губе родинку, похожую на муху. — И если б он мечтал реально, это было бы еще терпимо, а у него получаются не мечты, а чистые грезы, ей-богу! Задумал сотворить в Усть-Невинской земной рай, а кому нужна эта фантазия? И он убежден, что Усть-Невинская, как, допустим, Москва, — одна во всем свете. А таких станиц только в нашем районе десяток, а на Кубани наберется их более двухсот. Сама логика, дорогой друг, нам подсказывает: коль скоро мы вступили в новую пятилетку, то надобно все станицы вести к счастью и изобилию в одном строю, чтобы они шли, как полки, — никто не смеет лезть вперед и забывать о соседе...

— Что-то все это мне непонятно, — сказал Сергей и смущенно улыбнулся. — Если вы хотите приравнять станицы к полкам, то не забывайте, что на фронте именно те полки, которые рвались вперед, проявляли инициативу и

увлекали за собой соседей, всегда были в почете, назывались гвардейскими и не раз отмечались в приказах товарища Сталина. Да что там полки! Взять мой танковый экипаж. За что я получил звание Героя? Да за то, что в бою опередил других...

— Верю, даже охотно верю, — перебил Федор Лукич.— И полки, и твой экипаж рвались вперед, наседали на врага и делали доброе дело. Но то была война! Кочубей, как известно, тоже не зевал и знал, что такое штурм, внезапность и натиск... А у нас плановое хозяйство, и тут нечего пороть горячку. А через это с Саввой одна беда!.. Ну, ничего, мы скоро заслушаем его на исполкоме, и весь этот пыл с него спадет.

— Вот уж это зря,—возразил Сергей. — Надо поддержать Савву. Ведь цель-то у него хорошая!

— Да ты что же, в заступники к нему записался? — искренне удивился Федор Лукич. — Да знаешь ли ты, какая у него цель? А я знаю. Выдвинуться, показать себя...

— Не понимаю.

— Тут и понимать нечего. Ему хочется, чтобы Усть-Невинская чем-нибудь выделялась. А другие станицы? А весь район? Савва уже заранее радуется тому, что у него будет электричество, а у соседей его не будет... Вот оно, брат, какая штука...

— А почему бы и не порадоваться?

— Сергей Тимофеевич! Ты находишься в большой славе, честь тебе и хвала! — рассудительно заговорил Федор Лукич. — И хотя ты депутат нашего райсовета, до войны, помню, люди дружно за тебя голосовали, но времени прошло много, и ты наших мирных порядков теперь не знаешь, — извини, приходится тебе и это сказать... Постой, постой, не смейся! У тебя в голове еще шумит война, ты только вчера вылез из брони, и все тебе в жизни кажется легким и простым. По себе знаю. Когда кончилась гражданская война, я тоже храбрился, как и ты, и до сих пор, веришь, не могу носить клеш, а наган, шашка так над кроватью и красуются. Привычка...

— Вот уж это пример неудачный, — спокойно возразил Сергей. — Когда мне говорят: ты военный, ты в гражданских делах ничего не смыслишь, — мне становится просто смешно.

— Но специфика, дорогой мой, — вставил Федор Лукич. — Взять такой пример. Артамашов говорил мне, что

ты был у него, что-то там тебе не понравилось и ты обиделся... А почему? Да потому, что смотрел на вещи, как военный.

— Не что-то мне не понравилось, а бесхозяйственность и непорядок, — вспыльчиво заговорил Сергей. — Надо быть дураком, чтобы этого не увидеть. Артамашов распоряжается колхозным добром, как своим собственным. Тут не обижаться надо, а итти к прокурору! И чем быстрей, тем лучше...

— Ну, вот ты уже и на меня обиделся, — примирительно-ласково заговорил Федор Лукич. — Знаю, у Артамашова есть и промахи, и ошибки в работе, но тот не ошибается, кто ничего не делает. Ну, Артамашова мы оставим, а о Савве скажу еще два слова, и поговорим о чем-нибудь другом... Да, так вот пример. Наш район, как тебе известно, имеет зерновой профиль, хлеб — наш козырь! А Остроухов кидается и в животноводство, и в садоводство, и в виноградарство, и собирается разводить водяную птицу, намереваясь заселить ею все острова на Кубани, и даже хочет организовать какой-то агротехникум... А где реальность? В станице думает построить театр, а на берегу реки мечтает раскинуть парк, запрудить озеро, напустить туда разной зеркальной рыбы и осветить все это электричеством. А где наши реальные возможности? Откуда можно подвести под эту мечту материальную базу? Где достать строительный лес? Трудно... Мы еще не залечили военных ран, и нам еще далеко до предвоенного уровня. Тут потребуются десятилетия, а ему завтра же подавай и театр, и парк, и электрическую станцию, и там всякую рыбу.

— Это что же такое? — сказал Сергей, чувствуя острое желание поспорить с Хохлаковым. — По вашему рассуждению получается так: четыре года мы воевали, десять лет будем подходить к довоенному уровню, а потом еще десять лет будем выходить за довоенный уровень. А мне уже двадцать пять лет! Жить-то по-настоящему когда же будем? Странно вы рассуждаете... Неужели вы не читали Закона о пятилетнем плане страны?

— Стыдно, стыдно, Сергей, — Федор Лукич горестно улыбнулся. — Да за кого ты меня принимаешь? Читал ли я пятилетний план? — Федор Лукич засмеялся все тем же приятным смехом. — Да я не только читал, а сплю с этим планом... Не менее десяти докладов сделал, свой план в разрезе района разработал. А ты говоришь чорт знает что!..

Ну, я на тебя не обижаюсь. Все-таки война шумит у тебя в голове. — Федор Лукич улыбнулся. — Но ничего, поживешь, увидишь сам, как она идет, жизнь. А теперь поговорим о чем-нибудь другом... Расскажи, как воевалось.

Федор Лукич склонил на грудь голову и задумался. Сергей бесцельно смотрел на дорогу, лежавшую между посевами, — нескончаемой лентой она мчалась навстречу машине. По обеим сторонам кружились хлеба, но они уже не были такими рослыми и чистыми: то выступали желтые пятна сурепки, то черные обсевы, то серые сухие мочаги.

— Сергей Тимофеевич,—заговорил Федор Лукич, когда молчание слишком затянулось, — надо тебе подумать о женушке... Война позади, а впереди красивая жизнь. И родителей порадуешь, да и самому приятно будет обзавестись подругой. А уж свадьбу мы сыграем по всем казачьим правилам, такую, я тебе скажу, свадьбу, чтобы дружки и свашки задавали тон веселью, чтобы молодых подарками обносили, чтобы тещу на руках несли через всю станицу. Духовую музыку заставим так играть, чтобы небу было жарко! А свадебный поезд составим не из тачанок, а из автомобилей — соберем со всего района: впереди легковые в цветах, за ними мчатся полуторки, и все это поет и танцует. Каково? Пусть на сто верст все знают, что Герой женится.

— Картину вы нарисовали красочно, — в тон соседу сказал Сергей. — Вам бы быть писателем, ей-ей! Но беда— трудно найти невесту.

И Сергей в шутку рассказал, как он встретил Смуглянку и как знакомству их помешал Рубцов-Емницкий.

— А-я-я! — воскликнул Федор Лукич. — И какой нахальный человек этот Рубцов-Емницкий. А главное — бесстыжая морда! Это только он один мог так бессовестно поступить — увезти парня и оставить горем убитую девушку. Ну, и ее увез бы — да прямо к отцу и матери!

— У нее же волы и бричка, — не без резона заметил Сергей.

— Брал бы и с волами, и с бричкой, и со всем, как есть... А зовут ее, говоришь, Катерина? А из какой станицы — не знаешь? Ну, ничего, мы эту Катерину разыщем быстро. Раз она находится в нашем районе, то ей от нас не уйти. Дам задание секретарям станичных советов, а они пороются в книгах, и все в порядке. Так что ты считай, что Катерина уже сидит с тобой рядом...

— Нет, этого вы не делайте.

— Почему же? Сделаем, и все! Начнем с Краснокаменской.

Тут перед ними раздвинулись горы и саблей блеснула Кубань, рассекая надвое курчавый лесок, за которым и утопала в зелени Краснокаменская.

— Посмотри, какие сады! — воскликнул Федор Лукич. — Это же не сады, а один сплошной лес! А какой величины растут яблоки и груши!

И пока Федор Лукич расхваливал краснокаменские яблоки и груши, машина выехала на обширную площадь и подкатила к кирпичному домику станичного совета.

ГЛАВА VI

Признаться, автору вначале думалось, что в последующих главах Федор Лукич Хохлаков начнет усиленные поиски Смуглянки; что сюжет повести приобретет занятный оттенок, ибо кто же не знает, что среди многочисленных Катерин, населяющих Кубань, не так-то легко разыскать смуглолицую Катю; что Герою придется страдать, волноваться и мужественно переносить ничем не поправимое горе, что последние страницы зазвучат победным маршем и все кончится если не свадьбой, то уж непременно всеобщим ликованием... Это была бы веселая повесть с благополучным концом, и автор хотел было уже взяться за перо и показать незаурядные способности Федора Лукича, а также то, с каким старанием секретари станичных советов станут рыться в поименных списках и как в конце концов к общему удовлетворению будет изловлена девушка, пленившая Героя... Но тут дело испортил тот же Федор Лукич Хохлаков. Оказалось, по складу своего характера он любил много обещать и умел тут же забывать об обещанном. Сказанное им в конце пятой главы: «Так что ты считай, что Катерина уже сидит с тобой рядом», означало: обещанного можно и три года ждать...

В Краснокаменской Федор Лукич наскоро побеседовал с председателем станичного совета, осведомился, как идет прополка, подготовка к уборке урожая, и пожурил представителя местной власти: «Ай-я-я! В такую горячую пору и ты сидишь в кабинете?» Сергей лишь успел, краснея и смущаясь, спросить у секретаря, высокого и мрачного мужчины, есть ли в Краснокаменской девушки Катерины, на что тот серьезно ответил: «Есть, Катерин у нас много», как

уже надо было снова садиться в машину... Через какие-нибудь полчаса «виллис», как птица, летел между хлебами, и голова Ванюши белела то в одном, то в другом конце обширной степи. И всюду, на бегу встречаясь с руководителями колхозов, Федор Лукич давал сжатые указания, делал критические замечания, инструктировал, и Сергею нравилось умение Хохлакова найти нужные доводы, примеры, его умение заметить недостатки с одного взгляда... Вечером в полевом стане по указанию Федора Лукича было созвано совещание председателей и бригадиров Краснокаменского куста, которое затянулось чуть ли не до утра. А с восходом солнца заспанный Ванюша безропотно сел за руль, и «виллис» опять, набирая скорость, пылил по степным дорогам. Повсюду Сергей видел хорошо обжитые бригадные станы, с кувшинами и кастрюлями, с детскими яслями, с бочками воды, с котлами, врытыми в землю, из-под которых круглые сутки курился дымок; по рядкам подсолнуха или кукурузы ходили полольники, запряженные либо одной лошадью, либо быками, с погонычами-мальчуганами, сидевшими на ярмах; стаями гусей белели платки и кофточки полольщиц на зеленом фоне поля...

На третьи сутки, объехав добрую половину района, «виллис» катил в Усть-Невинскую. Не доезжая Верблюд-горы, Федор Лукич приказал Ванюше остановить машину. День был на исходе, пахло дождем, небо давно затянуло тучами, разгулялись вихри, и над дорогой взвились винтовые столбы пыли.

— Ах, чорт возьми! — сказал Федор Лукич. — Дождик находит, а мне надо было проскочить в соседний район. Мы с ними соревнуемся. Как же это я забыл? Ванюша, хватит у тебя бензина до Курсавки?

Федор Лукич задал такой вопрос своему шоферу ради приличия, ибо хорошо знал, что Ванюшу об этом никогда не надо спрашивать: не было случая, чтобы у него нехватило бензина.

— Сергей, поедем со мной, — сказал Федор Лукич. — Посмотришь, как наши соперники готовятся к уборке.

— Я так накатался, что уже пора бы и домой, — ответил Сергей.

— Тогда я подброшу тебя в Усть-Невинскую, а сам до дождя проскачу в Курсавку.

— Зачем же подбрасывать? Тут близко, я и дойду, а вы торопитесь, а то дождь дорогу испортит.

Сергей вышел из машины и пожал руки Федору Лукичу и Ванюше.

— Ах, да! — крикнул Федор Лукич, когда Сергей хотел итти. — Мы так-таки и не нашли твою Смуглянку! — Сказано это было таким тоном, точно все эти дни Федор Лукич и Сергей были заняты безуспешными поисками девушки. — Но ты не огорчайся. Я дам указание, и все будет сделано. Считай, что Смуглянка уже найдена.

На этом они и расстались, и Сергей, шагая по дороге, улыбался и думал: «И зачем я рассказал ему всю эту историю... Еще и в самом деле начнет разыскивать». Впрочем, как мы уже знаем, опасения Сергея были напрасными.

Гроза наступала с востока. Все чаще и чаще над потемневшими полями проносились раскаты грома. Отягощенные влагой тучи обняли всю степь, опустились низко-низко и двигались неторопливо, точно раздумывая, как бы им поудобнее лечь на сухую и еще горячую землю. Ветер утих, наступил покой, предвещавший близость дождя. И молодые лапчатые подсолнухи, и стоявшая возле дороги сочная лебеда, лопухи и татарники, выставившие свои красные головы, — все насторожилось и подставило тучам свои листья. Почуяв запах дождя, умолкли птицы, и все живое забилось либо в норы, либо в густую траву. Единственный жаворонок еще сверлил небо и напевал что-то свое, веселое, как бы споря с громом, но раскаты грозы оглушили и гордого певца, и он упал на землю и забился под лист лопуха. Сергей увидел жаворонка и остановился; серая птичка нахохлилась, закрыла глаза и не то спала, не то в горестной тоске слушала грозовые раскаты.

Дождь уже был совсем близко. Сергей чувствовал за собой его влажное дыхание. Оставив жаворонка, Сергей торопливо взошел на холм. Верблюд-гора была укрыта дождевой тучей, похожей на водяную стену. Невдалеке темнели открытые навесы, и под ними не то была сложена вата, не то развешены белые полотнища. Пока он рассматривал, водяная стена свалилась на него, и он побежал... Весь мокрый, он вскочил в сенцы небольшого домика. Только теперь Сергей рассмотрел: не вата и не полотнища лежали под навесом, а набилось туда такое количество белых кур, что если бы они взлетели, то легко унесли бы на крыльях ветхую камышовую крышу.

Из хаты вышла женщина с рядюжкой на голове. Посмотрела на Сергея, улыбнулась так добродушно, точно давно

ждала гостя, и теперь, видя его промокшим, готова была рассмеяться.

— Вот и к нам дождик загнал мужчину, — сказала она, продолжая улыбаться. — А то живут у нас тут одни птицы да бабы... Ах, какой дождик! Вот полил, насилу успели курей согнать под крышу. Чего ж ты стоишь? Заходи в хату... Ой, мамочки, наши куры поплывут! — крикнула она и смело пошла в дождь.

Окна были открыты, на подоконники, усыпанные свежей травой, летели брызги. Трава лежала не только на подоконниках, но и на глиняном полу, на столе, на лавке, отчего в комнате стоял запах скошенного луга. Дверь в смежную комнату была открыта — там тоже зеленела трава и виднелась высокая кровать, подушки с кружевами, сложенные одна на другую. «Живут по-степному, в траве», — подумал Сергей, чувствуя резкий запах чебреца.

Вошла хозяйка, сняла на пороге мокрую рядюжку и сказала:

— И куда это пропала Ирина?

Хозяйку звали Марфой Игнатьевной. Она усадила гостя на лавку, смахнув рукой траву, стала расспрашивать, кто он и откуда. Узнав, что перед ней сидит сын Тимофея Тутаринова, обрадовалась, всплеснула руками и мигом побежала в сенцы. Оттуда принесла молока, хлеба, из печки вынула чугунок с вареными яйцами и стала угощать гостя.

— Батьку твоего я знаю, — заговорила Марфа, наливая в чашку молоко. — Помню, как-то раз у Гаврилюка на свадьбе гуляли, а ты тогда совсем малышом бегал... Эх, как же быстро дети растут! Полная станица новых людей!.. А мы раньше жили на хуторе Маковском, а когда умер мой муж, — может, знаешь Ивана Любашова, — так мы и переселились сюда на птичник...

— Чья ферма?

— «Буденного»... Птицы много, а жилье для них никуда не годится. Как польет дождик — хоть караул кричи!.. А жизнь у нас тут хорошая...

— Да! Живете привольно, — сказал Сергей, очищая крупное и еще теплое яйцо. — Кругом зелень, даже и в хате трава.

— Это все Ирина придумывает, кругом травой посыпала. — Марфа оглянулась. — А вот и она! Легка на помине.

В дверях, опершись плечом о притолоку, стояла девушка. Вся она была мокрая. Слабо заплетенные ее косы лежали на плечах, спадали на лоб, и с них ручейками стекала вода. Платье тоже было мокрое и прилипло к телу, четко оттенив высокую грудь и всю ее ровную и упругую фигуру. Молча смотрела она на Сергея, улыбаясь одними глазами. В комнате уже стояли густые сумерки, и в этом слабом свете влажные глаза девушки с мокрыми ресницами блестели как-то по-особенному выразительно.

— Иринушка, это наш гость, Сережа Тутаринов, — заговорила Марфа. — Он из армии вернулся, а к нам его дождик загнал.

Ирина не ответила. Она уже не улыбалась, и красивое ее лицо в каплях дождя сделалось строгим. Постояв одно мгновенье, она быстро повернулась и вышла из хаты.

— Кто она?

— Моя дочка. — Марфа посмотрела в окно. — Э-э-э! Птица наша поплывет! Вот разошелся дождик, обложил со всех сторон. — Она снова обратилась к Сергею: — Она у меня работает на молочной ферме. Тут по соседству.

— Где-то я вашу дочь видел, — задумчиво проговорил Сергей, — а вот где — хоть убей, не помню.

— Может, в станице на гулянке?

— Не могу вспомнить...

На дворе быстро темнело, в окна веяло запахом мокрой травы, в хату все теснее набивались тени, и трудно было понять, наступают ли это сумерки или это тучи так непроницаемо окутали землю... Грома уже не было слышно, но дождь не стихал, а лил с еще большей силой: за окнами стоял ровный шум, точно где-то поблизости вращалось мельничное колесо... «Как же мне домой добраться?» — подумал Сергей, с тоской глядя на низкое и темное небо.

— Э-э-э! Теперь на всю ночь. Пойду посмотрю птицу.

Марфа накинула на голову рядюжку и вышла из хаты. Сергей наклонился к подоконнику, на котором лежала мокрая трава, и увидел, как на залитую водой степь тяжело спускается ночь... Ему стало грустно, и он отошел от окна. В это время на пороге снова неслышно появилась Ирина. В сумерках глаза ее блестели еще сильнее, и она смотрела на него тем же улыбающимся взглядом.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросил Сергей, припоминая, где он ее видел.

— Не узнал? А говорил, что не забудешь? — Она рассмеялась. — Какая ж у тебя плохая память! Вот я зажгу лампу...

— Катя?! — вырвалось у Сергея. — Смуглянка?!

Ирина не ответила. Она подошла к столу и стала зажигать лампу. Сергей ждал ответа, теперь он уже не сомневался: перед ним была смуглолицая возница, девушка, которую он встретил по дороге с полустанка. Когда неяркий свет лампы упал на ее лицо, она подобрала рукой со лба мокрые локоны и ласково посмотрела на Сергея.

— И не Катя, и не Смуглянка, — сказала она, — а Ирина Любашова. Это мое настоящее имя.

— Вот где мы встретились... — Сергей развел руками. — Ну, как же это так? Была Катя, а теперь Ирина. Зачем же ты меня обманывала?

— Разве пошутить нельзя? Тебе ж так хотелось знать мое имя, вот я и сказала... неправду.

Ирина ушла в соседнюю комнату. Вскоре она вернулась уже одетая в новое, сухое платье. Мокрая ее коса была туго окручена полотенцем и сложена на голове в виде чалмы. И это новое платье с наглухо закрытым воротником, и гнездо волос на голове, и белая чалма делали ее и выше ростом и стройнее... Она немного постояла, взглянула на Сергея блестевшими глазами и вышла в сенцы. Там ее встретила мать.

— Иринушка, ты куда? — ласково спросила она.

Ответа не последовало.

— Прорвалось небо, — сказала Марфа, снимая с головы рядюжку. — Придется тебе у нас заночевать.

— Иного выхода нет, — согласился Сергей. — Только о постели не беспокойтесь. Я привык спать по-походному.

— Зачем же по-походному? У нас кроватей много.

— Мамо, — отозвалась из сеней Ирина, — постелите Сереже в спальне... Я и сегодня буду спать в сенцах.

— Хорошо, Иринушка, я постелю.

— Вот уж этого не делайте, — сказал Сергей. — Дайте мне рядно или бурку.

Марфа не стала его слушать, а взяла лампу и пошла в соседнюю комнату. Сергей видел, как она взбивала подушки, как свалилось на пол мелко стеганное одеяло, слышал, как шуршали простыни. Когда постель была готова, Марфа взяла Сергея за руку и, как мать сына, отвела в комнату,

совсем маленькую, с одним окном, на котором висела мокрая снизу занавеска.

— Тебе тут будет хорошо, — сказала Марфа. — Простыни постелила чистые. Может, окно закрыть? Сыро...

— Нет, ничего не надо, — ответил Сергей, чувствуя неловкость.

Марфа прикрыла за собой дверь. Сергей стоял у небольшого столика перед окном и думал о том, почему и в этой комнате всюду рассыпана трава: она лежит и на полу, как ковер, и на столике, и на подоконнике. Он посмотрел в маленькое зеркало и при слабом свете лампы увидел свои густые, сердито сдвинутые брови. «Так вот ты какая, Смуглянка», — подумал он, грустно улыбнувшись, и торопливо вышел в сенцы.

Ирина стояла в открытых дверях и смотрела на мутную, шумевшую дождем ночь. Она слышала его шаги, но не взглянула, и гордо поднятая ее голова в белой чалме осталась неподвижной.

— Зачем ты сказала, чтобы мне там постелили?

Ирина не ответила, точно за шумом дождя она не слышала его голоса. Тогда Сергей взял ее сзади за плечи и повернул к себе. Она весело посмотрела на него, и в ее темных глазах заблестели не то слезы, не то капельки дождя.

— Ты же был на фронте, — проговорила она, подставив босую ногу под струю воды, стекавшую с крыши.

— И что же из этого?

— Небось, надоело спать по-походному? — она ласково улыбнулась. — А теперь отсыпайся на мягкой постели... Все равно у нас там никто не спит.

— Это жалость?

— Нет... Уважение.

— И только?

— Ты мой гость.

Она тихонько засмеялась.

— А я тебя искал. И вот нашел, и хочется мне побыть с тобой вдвоем.

— Мать увидит...

Ирина нахмурилась. Она снова отвернулась и стала ловить ладонью капли. А дождь шумел, и ночь сделалась совершенно темной.

— Я и забыла, — сказала она задумчиво, не глядя на Сергея. — Мне надо расчесать косу... Желаю покойной ночи.

Ирина торопливо ушла в хату, на ходу распуская косу. Сергей немного постоял и тоже пошел в отведенную ему комнату. Когда проходил переднюю, то невольно посмотрел на Ирину. Она стояла перед зеркалом, молодая, стройная, красивая. Расчесывая косу, она подняла над головой руки и из-под локтя посмотрела на Сергея своими быстрыми, ласковыми глазами... Марфа возилась у печки.

«Гордая... Не желает и разговаривать... А смотрит, и глаза блестят. Ну, и гордись, а я буду спать...»

Сергей неохотно разделся и лег в кровать, ощутив голой спиной приятный холодок постельного белья. Широко раскинув руки на мягких подушках, он облегченно вздохнул, закрыл глаза и сразу же увидел Ирину, стоящую перед зеркалом, ее волосы, покрывавшие, как шалью, всю спину, поднятые локти и блеск ее ласковых глаз...

ГЛАВА VII

После того как Сергей уехал с Хохлаковым, Семен заскучал без своего друга. Прошелся по двору, заглянул в сарайчик с дырявой крышей, увидел изломанный плетень в базу, повалившуюся калитку, поломанную дверь в погребе — все, на что он ни смотрел, просило рук, топора и гвоздей.

Семен вернулся в хату и сказал Анфисе, чтобы она раздобыла кое-какой плотницкий инструмент.

— Ты разве умеешь плотничать? — удивилась Анфиса.

— А что ж хитрого? Тут и уметь нечего.

Семен увидел под лавкой старые анфисины туфли, взял их и стал рассматривать.

— Тоже можно подремонтировать.

— Старье... Никуда не годится, — со смехом сказала Анфиса.

— Так-таки никуда и не годится? А я вот возьмусь за них, они и сгодятся. Еще какие туфельки получатся.

Анфиса принесла топор, пилу, молоток и горсть гвоздей. Семен вышел из хаты и принялся за дело. Работал он быстро и так умело, точно всю жизнь только этим и занимался. К обеду уже и плетень стоял на своем месте, и калитка была поднята, и дверь в погребе отремонтирована. После этого Семен взялся и за крышу. Принес к сарайчику соломы, смочил ее водой и наделал граблями узких, хоро-

шо спрессованных валков. Забравшись на стропила, он попросил Анфису подавать ему мокрую, уже приготовленную для кровли солому... «Да он на все руки мастер, — подумала о Семене Анфиса, когда крыша была готова и оставалось поставить гребень из камыша. — Вот если бы у меня был такой брат». При этом Анфиса даже улыбнулась, так как под словом «брат» она подразумевала нечто совсем другое, а что именно — догадаться нетрудно...

У Семена тоже иной раз возникали подобного рода мысли, особенно в тот момент, когда Анфиса, нанизав вилами солому, легко подымала ее и осторожно клала к его ногам. Семен видел в Анфисе хорошую помощницу и невольно говорил сам себе:

«Вот такую бы мне жену...»

В этом месте следует оговориться. Не подумайте, что Семен приехал на Кубань с определенной целью — жениться здесь на какой-нибудь молодой и красивой казачке и обосноваться на постоянное жительство. Правда, Семен — круглый сирота и не имел, как говорится, ни кола, ни двора, ему-то все равно, ехать ли на Кубань или на Урал. Однако к Сергею он приехал только в гости и намеревался пробыть в Усть-Невинской месяц или два — не больше... Такая оговорка необходима автору для того, чтобы никто, видя, с каким старанием Семен взялся за работу, не мог упрекнуть его в том, что он принялся наводить порядок в чужом дворе из каких-то личных выгод, и чтобы никто не мог сказать: вот он какой хитрый, этот радист-пулеметчик! Дескать, знаем, для каких целей понадобились ему и поломанные двери, и крыша, и туфли Анфисы. Увидит все это старый Тутаринов, обрадуется и скажет: «А посмотри, Ниловна! Да у этого парня золотые руки! Какой-то колдун! Прошелся по двору, поколдовал — и все кругом блестит и сияет! Как ты, Ниловна, на то смотришь, если б сделать этого парня нашим зятем? Свой-то сын в Герои вышел, третий день по району раскатывает, о доме забыл, а Семен, смотри, какой хозяйственный. В колхоз его примем, а там, гляди, и бригадиром станет. Голова!..» В свою очередь Ниловна, как женщина добрая, скажет: «Всякий зять любит дочку взять, но Семен — парень славный, его можно и в зятья принять».

Получив такую высокую похвалу родителей, Семену остается лишь заручиться согласием Анфисы и смело засылать в дом Тутариновых сватов. А сваты на Кубани —

народ со смекалкой, разговорчивый, знающий, как лучше подойти к отцу и матери. Кто-кто, а они-то сумеют сказать не только о том, что будущий зять — мастер на все руки, что ему ничего не стоит починить крышу или отремонтировать обувь, а и о том, что на груди у Семена три ордена и шесть медалей, что с таким героем Анфисе можно итти хоть на край света, — и весь этот разговор закончится свадьбой.

Нет, нет! Таких корыстных намерений у Семена не было. Причина его стараний коренилась в его характере. Ни внешним видом, ни душевным складом, ни привычками, ни чем-либо другим он не выделялся в среде своих друзей-танкистов. В меру был храбр, в меру вынослив, в меру любил повеселиться — словом, парень как парень, а только одна существенная черта характера бросалась в глаза — это его трудолюбие. Когда руки его ничем не были заняты, то он не находил себе места: и скучал, и злился, и ощущал ломоту в теле, а ночью страдал бессонницей. Бывало, на фронте в часы перед боем, когда танки стоят в укрытии и ждут сигнала, когда его товарищи либо тихонько поют песню, чтобы скоротать время, либо лежат под кустом и любуются синевой неба, — даже в такие минуты Семен находил себе работу: или чинил обувь, или пришивал пуговицу к шинели... Такая необычная любовь к труду была у него в крови. Взявшись за дело, он отдавал ему всего себя и не знал, что такое усталость, а самый процесс труда приносил ему одно наслаждение — сделанная вещь казалась необыкновенно красивой... Вот и теперь, покончив с крышей, он слез на землю и долго стоял, любуясь тем, как поблескивает на солнце гладко причесанная солома; мысль о том, что об этом скажут старики Тутариновы, ему и в голову не приходила.

— Анфиса, — проговорил он, любовно поглядывая на крышу, — а здорово у нас получилось! Просто красиво...

Перед вечером с огорода пришли Тимофей Ильич и Ниловна. Старик сразу заметил во дворе перемену, остановился возле сарайчика, осмотрел крышу и подумал: «Видать, Сергей вернулся и за ум взялся. А что ж, крыша дельная!» Когда же от Анфисы узнал, что Сергей, как уехал с Хохлаковым, так и не возвращался, что крышу чинил Семен, Тимофей Ильич надулся и, сердито посмотрев на Ниловну, сказал:

— Куда наш беглец запропал?

Ужинали на дворе, при слабом свете луны, выглянувшей из-за сада. Семен сидел рядом с Тимофеем Ильичом. Ели молча. Первым заговорил Тимофей Ильич.

— Умеешь? — Тимофей Ильич посмотрел на сарайчик.

— Дело привычное.

— Где ж ты учился? Может, на войне?

— А что ж? — Семен улыбнулся. — На войне нас, Тимофей Ильич, всему научили.

— А! Так-таки всему?

— Батя, а вы еще и не знаете, — вмешалась в разговор Анфиса. — Семен и туфли мне починил. Вот посмотрите...

Тимофей Ильич внимательно осмотрел починку.

— А Сергея тоже всему этому обучали на войне? Или только одному геройству?

— Тимофей, ты все на Сережу бурчишь и бурчишь, — отозвалась Ниловна. — Вот буркун старый...

— Да чего же он третий день до дому не является? Уехал — а куда и зачем?

После ужина Тимофей Ильич сел на завалинку, позвал Семена. Угостил его табаком и спросил:

— Ты, случаем, водокачку не сумеешь починить? Какая-то в ней случилась поломка...

— Колесо корцами воду берет или лопастями? — с достоинством спросил Семен.

— Корцами.

— И не крутится?

— Стоит.

— Значит, вода лопасти проломила. Можно исправить.

Такой ответ Тимофея Ильича обрадовал. Старик повеселел, охотно стал расспрашивать Семена — и откуда он родом, и кто его родители, и надолго ли приехал в станицу. Тут же он решил выяснить и такой, казалось бы, на первый взгляд пустяковый вопрос: нравится ли гостю Усть-Невинская — старинная линейная станица, стоявшая по соседству с черкесскими аулами, а также хороши ли горы, лежавшие зеленой грядой по ту сторону реки. (Тимофей Ильич родился и состарился в верховьях Кубани и был убежден, что красивее этих мест нигде нет.) В этом случае Семену нужно было сказать: «Да какой может быть разговор? Места здесь великолепные, просто райские места; и горы такие веселые, что смотришь на них и насмотреться не можешь; а Усть-Невинская — так это же не станица, а один сплошной сад». После этого старик пришел бы

к выводу, что приятель его сына — человек рассудительный, а главное, о жизни судит правильно. Но Семен сказал то, что думал:

— Местность ваша, Тимофей Ильич, мне не по душе. Что это за местность? Станица стоит в каком-то котловане. Кругом горы. Куда ни посмотришь, кругом одни горы да река. Скучно. Я бы тут ни за что не жил.

Такой ответ Тимофею Ильичу не понравился.

— Вижу, ни шута ты в нашей жизни не смыслишь, — сердито проговорил он и встал. — Где ты еще найдешь такое место?

Семен понял, что совершил непоправимую ошибку... Старик не сказал больше ни слова, ушел в хату и, продолжая мысленно спор с Семеном, стал не спеша раздеваться. Перед тем как лечь в постель, он посмотрел в окно и увидел Семена и Анфису. Они стояли за воротами в тени дерева. «А-а-а... Местность ему не по душе, — подумал Тимофей Ильич, — а дочка моя по душе».

— Анфиса! — крикнул он. — А ну, иди в хату.

Вошла Анфиса. Остановилась у порога, не взглянув на отца.

— Чего вам, батя?

— А того, что пора спать. Завтра встанешь на заре, вместо матери пойдешь на огород.

— Я только немного постою...

— Нечего тебе с ним стоять. Есть и свои парубки...

— Разве Семен чужой?

— Свой или чужой — не твоего ума дело. Тебе сказано — иди спать.

У Анфисы тревожно забилось сердце. Стало так обидно, что на глазах выступили слезы. Ничего не сказав, она сжалась, низко наклонила голову и пошла в свою комнату. Склонила голову на ярко освещенный луной подоконник и расплакалась.

— Эх, девичество! — услышала голос матери. — Как что — слезы! Не печалься... Батько скоро задаст такого храпака... А ты и уйдешь... Полюбила? — уже чуть слышным шопотом сказала она.

— Не знаю, мамо... Разве нельзя постоять?

— Да ты не плачь. Отчего ж нельзя? Можно...

Мать и дочь долго еще сидели у освещенного луной окна.

Не дождавшись Анфисы, Семен побрел в сад и остановился возле груши, под которой белела постель. Спать не хотелось. Опершись плечом о ствол дерева, он простоял, точно в забытьи, наверное, более часа. Луна давно гуляла над крышами домов, над садами, и высокое бледное небо было без звезд. Наступил благословенный час летнего вечера! Станицу, покрытую розовым светом, наполнили странные звуки, идущие не то со степи, не то из земли. То прогремит тачанка, и тогда долго-долго стоит в лунном воздухе цокот колес, и трудно понять, по какой же дороге скачет в станицу упряжка добрых коней; то заскрипят ярма, послышится разноголосое цобканье вперемежку со свистом, и уже перед вашими глазами живая картина: медленно движется бычий обоз, а возчики лениво помахивают кнутами — кто сидит, свесив с дробин ногу, кто полулежит, держа в руке кисет и раздумывая: свернуть ли ему цыгарку и задымить на всю степь, или подождать еще; то взлетит к небу песня — женские голоса такие звонкие, что они заглушили все, и кажется: нет, это не женский хор, это не голоса колхозниц, идущих со степи домой, а вся станица поет перед сном свою вечернюю песню; то заиграет где-нибудь гармонь, и уже кто-то, не щадя ног, выделывает такие разудалые колена, что гудит земля и пыль подымается столбом... Долго Семен стоял и слушал, и ему почему-то стало грустно до слез: видимо, оттого загрустил он, что говор тачанки, и плач ярм, и песня, и голос гармоники были ему и странными и непонятными. «Вот я и остался один, — подумал Семен и впервые за всю жизнь ощутил такую острую боль в сердце, что готов был расплакаться. — Сергей уехал по району, наверно, разыскивает Смуглянку. Да и что ему? Он дома, а вот я... Эх, Кубань, Кубань, значит, не всем ты мила и ласкова... И Анфиса не пришла ко мне. Эх, бездомный ты, Семен, и нечего тебе горевать, а ложись-ка ты под дерево и коротай ночь... Тебе это по привычке...» Он сел, склонил на грудь голову и еще острее почувствовал горечь одиночества. «Где я буду жить? На фронте такой вопрос никогда не приходил мне в голову — тогда все это казалось и далеким и ненужным... Да, хорошо Сергею! Повоевал вволю, повидал и Варшаву, и Берлин, и Прагу, а теперь приехал домой, и ему рады отец, мать, сестренка. Куда ни пойдет, с кем ни встретится — везде его встречают лаской и почетом... А что, в самом деле, останусь и я на Кубани. Земли здесь много, а к горам привыкну. Вступлю в колхоз, попрошу земли для

застройки. Дадут, потому что заслужил. А домишко и сам построю. Попрошу Анфису, она поможет...» Тут он весело улыбнулся и вдруг увидел свой домик на краю станицы, а вокруг молодой сад. По саду идет Анфиса и несет на руках сына... «И что это я так размечтался, — упрекнул он сам себя. — Видно, не мечтать мне надо, а поскорее уезжать отсюда куда-нибудь на завод или на шахту...»

— Сеня, а о чем ты думаешь?

Семен открыл глаза и увидел Анфису.

— Разные мысли лезут в голову.

— И невеселые?

— А чему же радоваться?

Анфиса присела к нему, ласковые ее глаза сожмурились, и вся она показалась Семену маленькой, нежной.

— Приходи завтра на огород, — прошептала она.

Быстро поднявшись, Анфиса еще раз наклонилась и, сказав: «Так приходи же», смело поцеловала Семена в щеку и убежала, нагибаясь между деревьев и белея кофточкой. Когда она вскочила в открытое окно и закрыла створки, Семен, не раздеваясь, лег и долго смотрел радостными глазами на блестевшие листья груши, на голубой лоскуток неба в просвете веток. Тоска сразу отлегла от сердца, и все вокруг точно преобразилось: и сад шептался приятными звуками, и горы, окутанные туманом, сделались красивыми... А станица в лунном сиянии казалась такой сказочной, что ее уже нельзя было ни с чем сравнить. Семену уже не хотелось уезжать отсюда. На сердце было светло и спокойно, и снова, закрыв глаза, он видел на краю станицы тот же новенький домик в молодом саду и Анфису... «А что ж, — подумал, — и это все может быть...»

Уснул он только перед утром.

ГЛАВА VIII

Если вам доведется когда-нибудь побывать в верховьях Кубани, не забудьте взойти на гору вблизи Усть-Невинской. Отсюда открывается вид на огородные плантации, лежащие в зеленой пойме, похожей на неглубокое корыто, на дне которого, образуя и петли и крючки, изгибаясь и так и эдак, блестит вода. Берега чуть приметны. Правый немного обрывист, местами порос бузиной и терном, местами усыпан желтым песком; левый же совсем отлогий и сплошь укрыт грядами и грядочками самой причудливой формы: они то стро-

го квадратные, в виде растянутых полушалков, то изогнутые, как подковы, то со шпилем и длинными концами, наподобие башлыка, а то и просто узкие стежки... И каждая такая стежка, башлык или полушалок имеют свой особый цвет: вот вы видите темнозеленый бархат — не верьте своим глазам! Это вовсе не бархат, а густая помидорная ботва; вот вы видите блестящие на солнце цинковые листы, местами серые, точно посыпанные золой, а ведь это и не цинк и не зола, а капустные гряды; вот вы видите бледнорозовое полотно — и никакое это не полотно, а просто свекольная ботва... Между грядами течет вода — узкие ручейки исчертили все поле; то там, то сям, как стража, стоят кряжистые дубы в кудлатых папахах; то чернеет домишко, то балаган, то навес на кривых ногах...

Провожая Семена на огород ремонтировать водокачку, Ниловна подала на стол яичницу, так и кипевшую в масле, напоила гостя парным молоком, спросила, не продрог ли он на заре, когда упала роса, и при этом ласково посмотрела Семену в лицо, как бы желая узнать, о чем говорила с ним вчера Анфиса. Ах, уж эти матери! Все-то им надо знать! Захватив пилу, топор, гвозди, Семен в хорошем настроении вышел за станицу. Всходило солнце, и именно в этот час пестрота красок и оттенков на огородных плантациях казалась особенно яркой. Пойма была залита солнцем, и по ней белели платки — повсюду, низко нагибаясь, работали женщины; где-то там, среди них, должна быть и Анфиса. Семен стоял и не знал, куда итти. Заметив между деревьями черный круг, он пошел напрямик, уже ощущая свежий запах помидоров, лука, капусты, молодых огурцов...

Колесо, подававшее воду, было старое. Доски на нем почернели, обшивка покрылась зеленой плесенью. Видимо, не один десяток годов безропотно вращалось оно на этом месте и за долгую свою жизнь столько подняло из реки воды, что если бы собрать ее в одно место, то образовалось бы порядочное озеро... Семен перекрыл воду. Поток со злостью наскочил на лопасти. Колесо вздрогнуло, заскрипело, но вращаться не захотело.

— А вот я тебя заставлю, заставлю! — сказал Семен, уже снова отведя в сторону воду.

— Ты с кем же это балачку ведешь?

К Семену подошла бабка Параська с ведром в руке. Это была старуха говорливая, не по летам веселая, умевшая и танцовать и распевать старинные, всеми уже за-

бытые песни. Без нее не обходились ни свадьба, ни крестины. Обычно на веселье бабка Параська являлась не одна, а со своим мужем, высоким и сухим Евсеем. Старик был до крайности застенчив и молчалив. Садился где-нибудь в темном углу, немилосердно курил и смотрел на свою бойкую, веселящуюся жену с невыразимой тоской. «И когда ты, Парася, утихомиришься?» — часто говорил он жене, когда они возвращались домой. — «А отчего же и не веселиться, — отвечала Параська. — Веселись, пока на свете живешь». На это Евсей угрюмо отвечал: «Само собой, но стыд... Года ж не позволяют».

Жили Евсей и Параська Семененковы на краю станицы, — прямо от их двора начинался спуск к огородам. Был у них единственный сын Иван. Без согласия родителей он женился на городской девушке и этим так обидел стариков, что они наотрез отказались видеть в своем доме молодую невестку. Иван остался в городе, работал на железной дороге, писал письма. Два или три раза приезжал к старикам и привозил внучат — двух белоголовых мальчиков. Параська ласкала внучат и, сжалившись над сыном, сказала: «Привез бы ты и свою кралю... Что она там за птица, родившая тебе таких добреньких хлопчиков». Евсей, никогда не возражавший жене, не стерпел: «А чего тебе на нее смотреть? Повидала внучат и сына, чего ж еще?»

Так с тех пор Евсей и Параська и жили вдвоем.

— Водокачку будешь поправлять? — поинтересовалась Параська.

— Попробую.

— Плохо без воды. Овоща сохнет. — Параська посмотрела на Семена своими маленькими веселыми глазами, мелко обсаженными морщинками. — А чей же ты будешь? Что-то я тебя не знаю...

— Нездешний. К Сергею Тутаринову в гости приехал.

— В гости... А где ж твои родители?

— Нету у меня, бабуся, родителей. В войну погибли.

— Горе, горе! — Параська покачала головой, зачерпнула ведром воду. — А где ж будешь жить?

— На земле места много.

— Знать, и домишка своего нету?

— Еще не нажил.

— Поступай до нас в колхоз.

— А примете?

— Почему же и не принять? Такой парень — и не принять?

Параська постояла, посмотрела и унесла ведро с водой. А Семен срубил толстую и длинную ветку, положил ее под колесо и повернул его на пол-оборота. Со дна поднялись поломанные лопасти.

— Вот в чем загвоздка!

Подошел Тимофей Ильич, молча осмотрел колесо, покачал головой и спросил:

— Помощники потребуются?

— Сперва раздобудьте доску, — сказал Семен, отдирая пальцами сгнившие куски лопасти.

— Доска найдется, а помощников нету... На огороде у меня одни бабы.

— А вы пришлите Анфису, — посоветовал Семен и, улыбаясь, покраснел до ушей.

— Какая там из нее помощница, — серьезно возразил старик и ушел в сарай.

Вскоре он принес кусок широкой доски.

— Я сам подмогу. А ну, давай примеряем.

Тимофей Ильич должен был обмерять грядки для посадки поздних сортов капусты, посмотреть, как идет выборочный сбор огурцов, побывать на прополке картофеля, но он не ушел от водокачки, пока не был забит последний гвоздь. Сам открыл шлюз. Вода забурлила, колесо, лениво поворачиваясь, загремело железными корцами, и брызги радугой засверкали на солнце. Поглаживая усы, Тимофей Ильич обрадованно смотрел на свежий ручеек, уже блестевший по канавке. «Вот и без Анфисы обошлись, — подумал он. — А то, вишь, как быстро облюбовал себе помощницу. Миловались бы тут, а дело стояло...»

Тимофей Ильич поблагодарил Семена и сказал, что за работу будут записаны трудодни или выданы наличные деньги.

— Никакой платы мне не нужно, — ответил Семен, глядя на огород и ища глазами Анфису.

— Какой же ты нехозяйственный! — шутливо проговорил Тимофей Ильич. — Разве можно от платы отказываться? А как жить? Эх, ты, голова! Садись, отдохнем, покурим.

Они сели под деревом и задымили цыгарками.

— Посмотрел я нынче на твою работу, — проговорил Тимофей Ильич. — Есть у тебя хватка, есть! На свете

тебе жить будет легко... Но тут я коснусь и Анфисы. А ты не обижайся, потому как отцу без этого нельзя... Я к тому речь веду, что ежели тебе местность наша не по душам и ты в скором времени собираешься уезжать, то нечего тебе и голову дурить девчушке.

— Тимофей Ильич! — заволновался Семен. — И такое вы придумали! Разве ж я дурю Анфисе голову?

— Тут и придумывать нечего, — угрюмо сказал Тимофей Ильич. — И так видно... На один день женихов теперь много. А что Анфиса смыслит? Молодая и глупая.

Вот он, самый подходящий момент для объяснений! Семен это понял и хотел было открыть Тимофею Ильичу свою душу и рассказать о том, что он передумал и перечувствовал прошедшей ночью, когда Анфиса поцеловала его в щеку и убежала... Но в это время, как на грех, к водокачке подкатил уже знакомый нам газик, и из него вышел Рубцов-Емницкий.

— Пошла вода! — крикнул он. — Папаша, сами исправили?

— Семен помог. Мастер попался хороший.

— А! Адъютант кавалера Золотой Звезды! — с улыбкой на мягком, лоснящемся лице сказал Рубцов-Емницкий. — А где ж, для ясности, сам Герой?

— Федор Лукич увез, — нехотя ответил Тимофей Ильич.

— Таки увез! — удивился Рубцов-Емницкий. — Ну, раз он попался в руки Федору Лукичу, то скоро не вырвется... — Тут Рубцов-Емницкий ловко намотал на палец наконечник пояса и так же ловко размотал его. — Тимофей Ильич, а как у вас идет сбор огурцов? Не смогу ли я прихватить с собой какой-нибудь ящичек, для ясности!.. Можно будет?

Не дожидаясь ответа, Рубцов-Емницкий взял огородника под руку и быстро увел к огуречным грядам... Пока они будут итти и разговаривать, пока Рубцов-Емницкий не спеша сорвет молодой яркозеленый плод, оботрет его платком, посмотрит на солнце — блестит ли корка, затем достанет нож, разрежет и только потом уже съест; пока он будет беседовать со сборщицами и обещать им всякие приятные вещи, как-то: открыть на огороде промтоварную точку, завезти сюда мануфактуру — словом, пока все это будет говориться, мы тем временем заглянем в контору Рубцова-Емницкого...

В тени каштанов и тутовника, на третьей улице от площади, стоит довольно-таки уютный домик под черепичной

крышей с голубыми, под цвет весеннего неба, ставнями. Это и есть контора райпотребсоюза. Тишина царит вокруг затененных стен. В сад иногда доносится стук косточек на счетах; иногда зазвенит пчела над столом главного бухгалтера; иногда послышится голос: «Марья Ивановна, не откажите в любезности, поставьте цветы на окно, а то медоносные существа не дают спокойно работать»; иногда затрещит телефон, и секретарша деловым тоном скажет: «Лев Ильич выехал по району... Когда будет? Этого я вам сказать не могу...» И затем снова наступит длительный покой.

Но так было раньше. А со вчерашнего дня нормальная жизнь в тихом домике была нарушена. Случилось это утром. Распахнулась дверь, и в контору, мягко ступая своими тупоносыми сапожками, вбежал Рубцов-Емницкий. Не заходя к себе в кабинет, он обвел строгим взглядом подчиненных и сказал:

— Для ясности, будьте все на своих местах. Я скоро вернусь.

Дверь снова распахнулась, и Рубцов-Емницкий исчез, а служащие только непонимающе переглянулись и молча посмотрели на главного бухгалтера, который негромко сказал: «Н-да, товарищи, это, я вижу, что-то такое...», а вот что именно он увидел, так никто и не узнал. Секретарша стала торопливо перелистывать входящую и исходящую книгу, как бы желая в ней найти ответ на столь загадочные слова Рубцова-Емницкого.

А Рубцов-Емницкий в это время уже подходил к райкому. Кондратьева он застал в машине и наскоро, в самых кратких словах, доложил о встрече Героя, нарисовал красочную картину и, как бы между прочим, намекнул, что надо бы сегодня вынести решение о направлении Сергея Тутаринова на работу заместителем председателя райпотребсоюза.

— Да погоди, Лев Ильич, — сказал Кондратьев. — И чего ты всегда так торопишься? Дай хоть в глаза увидеть Героя!

— А я и не тороплюсь, да дело подгоняет, — проговорил Рубцов-Емницкий. — Понимаете, Николай Петрович, мне же надо подготовиться.

Кондратьев спешил и поэтому не стал расспрашивать, о какой подготовке говорил Рубцов-Емницкий. Шофер включил мотор, и, выезжая со двора, Кондратьев сказал:

— Поговори с секретарем по кадрам. А решение принять мы всегда успеем.

С этой минуты все и началось. Рубцов-Емницкий снова появился в конторе, деловым шагом прошел в кабинет и тотчас позвал завхоза, главного бухгалтера и личную секретаршу. Под строжайшим секретом им было дано указание готовиться к встрече заместителя председателя... Рубцов-Емницкий произнес краткую речь, и личная секретарша, женщина немолодая и проворная, тут же записала на бумагу каждое его слово, пометив главные мысли буквой. Так, под буквой «а» содержался главный тезис, а именно: заместителем председателя будет не кто иной, как Герой Советского Союза... Услышав это, главный бухгалтер даже открыл рот, что означало: «Кто? Как его фамилия?» Секретарша была женщина опытная, она не стала открывать рта и интересоваться фамилией будущего заместителя, а поставила на бумаге десять точек и посмотрела на Рубцова-Емницкого тем покорным взглядом, который точно говорил: зачем же преждевременно задавать вопросы? Лучше всего поставить точки...

— Правильно, Ефросинья Федотовна, — сказал Рубцов-Емницкий, умевший читать мысли своей секретарши, — покамест пускай стоят, для ясности, точечки, а потом и фамилию запишете.

Под буквой «б» указания касались одного лишь бухгалтера. Ему вменялось в обязанность: срочно составить смету расходов, необходимых на ремонт и отделку кабинета, и, самое главное, подыскать нужные статьи. Главный бухгалтер внимательно выслушал и утвердительно кивнул головой, и этот кивок стоил пространной речи... Под буквами «в», «г» и «д» речь шла о завхозе. На него возлагалась главная задача: раздобыть лесоматериал, кирпич, масляные краски самых ярких цветов, белила, олифу, кожу для обивки дверей, найти лучших мастеров. Завхоз вынул из кармана записную книжку и неторопливо переписал все это на отдельный листок и тоже не сказал ни слова, а только утвердительно кивнул головой... Под очередными буквами алфавита стояли лаконичные фразы: «Красный бархат на стол — достать через Петра Петровича». «Диван, шифоньер, мягкие кресла, шторы на окна — позвонить в Пятигорск Ираклию Самсоновичу». «Заказать художнику портрет Героя — по фотографии из газеты». Потом пошли и вовсе краткие пометки: «Чернильный прибор —

зеркальный». «Стекло на стол — через Петра Петровича». «Половиков — семь метров». Когда же секретарша дошла до буквы «щ» и написала: «Художественную вывеску на двери», Рубцов-Емницкий встал и, строго постукивая серебряным кончиком пояса по столу, сказал:

— Для ясности, все понятно? Действуйте!

Рубцов-Емницкий сел в машину и уехал, а домик в тени тутовых и каштановых деревьев стал напоминать муравейник, в который был брошен камень. Пчелы теперь не кружились над столом главного бухгалтера, а если б они и появились, то он все равно бы их не заметил, ибо весь был погружен в составление сметы. Служащие были взволнованы. Они хотя еще и сидели за своими столами, но к бумагам уже почти не притрагивались. «Кто же он? Как его фамилия? Молодой или старый? Строгий или не строгий?» — возникали самые разнообразные вопросы, и никто не мог дать на них точный, исчерпывающий ответ. Картотетчица, девица неопределенных лет, с торчащей куделью на голове, то и дело смотрела в зеркальце и размышляла над тем, менять ли ей прическу или подождать и сменить в тот день, когда в конторе появится новый заместитель... Но вскоре служащим пришлось покинуть свои места. Завхоз, не так давно работавший прорабом в лесхозе, проявил такую ревностную деятельность, выполняя пункты «в», «г» и «д», что в два дня завалил всю контору лесом, известью, цементом, кирпичом, красками. Были отысканы и лучшие мастера. Смежная с кабинетом Рубцова-Емницкого комната торгового отдела была очищена, и туда первыми вошли штукатуры. Возле дверей и окон кружились маляры, испачканные всеми цветами красок... Люди, проходя мимо уютного домика, в недоумении разводили руками. «Рубцов-Емницкий уже перестраивается», — говорили они, а что означали эти слова — трудно было понять.

Рубцов-Емницкий хорошо знал своего завхоза и, раскатывая по району, был совершенно спокоен за своевременную отделку кабинета. Он также был уверен, что и Петр Петрович и Ираклий Самсонович охотно ему помогут и все работы будут выполнены своевременно... Лишь одна мысль не давала ему покоя: где сейчас находится Сергей Тутаринов? Не испортит ли все дело Хохлаков? Не вздумает ли он взять Сергея к себе в райисполком? Поэтому, поговорив со сборщицами огурцов, Рубцов-Емницкий отвел в сторону Тимофея Ильича и сказал:

— Вы не говорили с сыном?

— Малость говорил.

— Что же он?

— Будто так и ничего, а хочет подумать... Так сразу, говорит, нельзя.

— Да... Посоветуйте, Тимофей Ильич, как бы мне его разыскать. Не поехать ли мне в Краснокаменскую?

— Кто ж его знает, где он пропадает. — Тимофей Ильич подумал и сказал: — А что ж? Можно поехать и в Краснокаменскую.

Рубцов-Емницкий прихватил с собой не очень большой ящичек огурцов и поехал в Краснокаменскую разыскивать Сергея.

А Сергея, как мы знаем, в то время там уже не было.

ГЛАВА IX

Постель была и мягкая и чистая, а Сергею спать не хотелось. Дождь не умолкал, и, казалось, за окном все так же шумело мельничное колесо. На занавески падали капли. Пахло сырой, размокшей землей, и этот запах воскрешал картину ночной переправы через Дон... Сергей закрыл глаза и видел серый полог реки, столб прожектора, окутанный водяной пылью, черный пояс понтонного моста, силуэты людей, тени машин. И тогда вот так же мирно шумел дождь, теплый летний дождь, и в люк танка веяло запахом мокрой земли... Да, была и отшумела война! Такие мысли часто приходили ему в голову, и в памяти воскресали давно забытые эпизоды фронтовой жизни. Он проехал с Федором Лукичом от Усть-Невинской вверх по Кубани, видел станицы и хутора, непохожие на те, какими он знал их раньше, — еще свежими были следы немецкого нашествия; разговаривал о плане Саввы Остроухова, встречался с колхозниками, с трактористами; бывал у Рагулина, у Артамашова, а думал о войне; встречал по дорогам противотанковые рвы, поросшие бурьяном, свежие курганы на высотках, а под курганами черные глаза амбразур; видел ржавые надолбы, пауками торчащие из лебеды — поле так и не пахалось все эти годы; смотрел на разбитый дом, на стены школы, продырявленные снарядом, — а думал о войне... Война стояла перед ним, и забыть ее, не думать о ней Сергей не мог. Возникало страстное желание совершить подвиг, равный тому, который уж свершил на фронте. Мысли уносили его то к

Савве Остроухову: «Ты, Савва, положись на меня. Мы составим пятилетний план станицы, и если нас не поддержат в районе, я в край поеду, в Москву, а своего добьюсь»; то в кабинет Федора Лукича Хохлакова — и он горячо доказывал, что Савву Остроухова надо поддержать, а начинания его поставить в пример другим. Хохлаков неохотно соглашался, но просил поговорить с Кондратьевым... И вот Сергей уже у Кондратьева. В лицо он его еще не видел, и ему он представлялся и высоким, и стройным, похожим на генерала — командира дивизии, в которой служил Сергей. «Не через пять, а самое большее через три года Усть-Невинская будет залита электрическим светом, — говорил он Кондратьеву. — Тогда можно будет широко применить механизацию труда в сельском хозяйстве. А гидростанцию на Кубани построить нетрудно... Там есть хорошие места...» И он видел крутой и скалистый берег, — сама природа, казалось, позаботилась о площадке для будущей электростанции... Сергей уже идет берегом и вдруг видит огненно-красных быков, знакомую бричку и Смуглянку. «Ты куда идешь, Сережа? — спросила она, заливаясь смехом. — Садись, подвезу!..» Тут начинался сон.

Сергей уснул и не помнил, сколько прошло времени, но вдруг он не услышал, а инстинктивно, всем телом ощутил прикосновение к нему чьих-то рук: кто-то осторожно укрывал его одеялом... Сергей вскочил, и то, что он увидел, и обрадовало его и испугало: перед ним, как привидение, стояла Ирина в белом платье, и луна, уже выглянувшая из-за туч, озаряла всю ее, высокую, стройную, с живыми, блестящими глазами.

— Ирина?

Она не ответила и убежала из комнаты. Сергей оделся. На дворе было светло. Дождь перестал, небо прояснилось. На цыпочках, неслышно ступая по мягкому настилу травы, он прошел мимо кровати, на которой спала Марфа: луна светила в окно и щедро серебрила ее седую голову... Сергей прикрыл за собой сенную дверь и вышел во двор. Ирина стояла у стены, скрестив на груди голые выше локтя руки. Голова была гордо поднята, глаза закрыты. Не поворачивая головы и не открывая глаз, она сказала:

— А спишь-то ты чутко.

— Что поделаешь... По-военному!

Ирина открыла глаза — при свете луны они казались синими — смело посмотрела на Сергея и улыбнулась. Что

скрывалось и в ее смелом взгляде, и в улыбке, и в том, как дрогнули ее полные мягкие губы, точно она хотела что-то ответить, но раздумала, Сергей не знал. Он взял ее под руку, ощутив упругость тела и мелкую дрожь локтя. Она прижала руку Сергея и снова посмотрела на него тем же смелым взглядом, но не улыбнулась. Они немного постояли и молча пошли на курган, укрытый мокрой травой. Остановились на его вершине, и снова Сергей увидел ее синие глаза и загадочную улыбку... Им так хорошо было стоять на этом кургане и смотреть на степь. А перед ними лежала умытая и помолодевшая земля. Совсем близко темнела Верблюд-гора и поблескивали мокрые листья окраинных садов. По дороге лежали зеркала луж, бровки травы в росе были не зеленые, а дымчато-серые. Под горой гуляла Кубань. Вода разлилась по низинам, и издали казалось, что это была не река, а молочная пена поднималась над берегами...

Знаю, есть у нас такие читатели, которые уже перелистывают книгу и забегают наперед: им-то нет дела до того, как блестела Кубань в разливе и какой цвет приняла трава после дождя. Им хочется скорее узнать, что произошло там, на кургане. Зачем, скажут они, описывать и лунную ночь в степи после дождя, и половодье горной реки, и нарядную зелень, — кто же не знает, что все это, действительно, бывает красиво!.. Им давай главное: вышли молодые люди на курган, так тут нет нужды любоваться природой, а надобно следовать за ними и не отходить от них ни на шаг. Тут всякая мелочь не должна быть упущена. Если Сергей станет объясняться в любви Ирине, — а это вполне возможно, — то необходимо этот момент записать во всех его подробностях: сказал ли Сергей Ирине все, что думал, прямо без обиняков, как и подобает видавшему виды фронтовику, или изъяснялся одними лишь намеками да улыбками; краснел ли при этом или не краснел; что именно ответила ему Ирина; если же на ту беду у Сергея нехватило смелости, тогда надобно показать — откуда взялась у него эта робость: какой же это, в самом деле, герой, когда у него в нужный момент не было храбрости... Но мы не станем потакать нетерпеливому читателю и оставим наших героев на кургане и не будем им мешать. Пусть они всласть налюбуются и влажной теплой после дождя степью, и луной, бегущей между обрывками туч, а если найдут нужным объясниться в любви, то пускай это сделают без посторонних свидетелей.

...Рассветало. Из-за горы вставала заря, и свет луны тускнел. Сергей простился с Ириной и вошел в комнату. Спать не хотелось. Настроение было радостное, приподнятое. Поджидая утра, Сергей, не раздеваясь, прилег на кровать и сказал: «Разве я мог подумать, что встречу ее на этом птичнике?» Он смотрел на мокрую, просвеченную слабым светом занавеску на окне, а видел Ирину — ее яркобелое платье, ласковые глаза, брови, смелую улыбку; слышал ее голос, дыхание... Слабо кружилась голова, веки сами сомкнулись, и Сергей не заметил, как уснул... А когда открыл глаза, то увидел красный, слепящий свет, — всходило солнце, и все окно, стены, кровать были залиты лучами. Сергей улыбнулся, от боли закрыл глаза, и вместе с синими, оранжевыми кругами перед ним поплыла Ирина... Он встал и подошел к окну.

Утро было раннее и светлое. Солнце лежало в седловине Верблюд-горы, и мокрая, свежая зелень степи вспыхивала и блестела. Земля еще не парила, и горизонт был чистый. Далеко-далеко, подымаясь из лесов и гор, заманчиво синели зубчатые перевалы. Эльбрус был виден весь и казался близким, точно за ночь, под покровом дождя, он подошел к самому предгорью, — вершина его блестела и искрилась... Сергей увидел и курган, на котором они стояли, — теперь он был весь укрыт птицей и белел, точно сугроб. И по дороге, и вблизи хаты — всюду белели куры, что-то старательно выискивая в размокшей почве. По траве шла, подобрав рукой подол платья, Ирина, и босые ее ноги, до колен измоченные росой, были розовыми. Заметив Сергея, она несмело подошла к окну и, краснея, сказала:

— С добрым утром, Сережа!

Глаза ее были немного сожмурены — от яркого ли света, или от волнения, на лице не осталось и следов вчерашней грусти. В простом будничном платье, с закрученной на затылке косой она показалась Сергею необыкновенно красивой.

— Ирина, — проговорил он, любуясь ее лицом, — мне пора домой, а ведь я еще не все тебе сказал.

— Не все? — искренне удивилась Ирина. — А ты и не говорил ничего...

— А вспомни!

— Все, все я помню, Сережа: ты такое наговорил вчера, что голова кружится.

Она улыбнулась, глаза ее сожмурились еще больше.

— Пойдем, умоешься... Завтрак уже готов.

На круглый, низенький столик, поставленный возле хаты, Марфа принесла зажаренного в кастрюле петуха. Сергей ел охотно. Ирина, отломив крылышко, со смехом рассказывала, как она ловила петуха и распугала всех кур.

— А теперь я тебя немного провожу, — сказала Ирина, когда кончился завтрак. — Чтобы дорогу к нам не забывал.

— Сережа, ты еще к нам приходи, — сказала Марфа.

— Зайду, — весело ответил Сергей, поглядывая на Ирину. — Как дождик застанет в степи, так я и явлюсь.

— А ты и без дождика заходи.

Сергей и Ирина вышли на дорогу. Травянистая ложбина теперь была вся залита солнцем. Вдали, на косой горе, виднелись строения: низкий, обмазанный глиной сарай, мокрый и оттого черный, а рядом с ним — огороженный плетнями баз, из которого с разноголосым мычаньем выходили телята-сосунки. Стадо коров разбрелось по взгорью. В сторонке стоял пастух, седой и высокий старик, с засученными выше колен штанинами.

— Наша ферма, — сказала Ирина. — Пойдем, я тебя молоком напою.

— Спасибо! Но молока я не хочу.

Сергей и Ирина пошли напрямик мимо стада. Трава была густая и вся усыпана блестящими каплями: притронешься ногой, и вода польется ручьем. Ирина сняла чувяки, босые ее ноги, купаясь в росе, быстро покраснели. Сергей шагал в сапогах, чувствуя, как вода проникает за голенища.

— Это же не роса, а наводнение!

Сергей остановился и посмотрел на Ирину пристально, каким-то особенным, продолжительным взглядом. И по тому, как он сдвинул широкие брови, как дрогнули его губы, Ирина не поняла, а скорее почувствовала сердцем: он хотел ей сказать совсем не о росе, поэтому он и остановился и посмотрел на нее как-то странно, не так, как обычно смотрят, когда говорят незначительные слова. Ирина улыбнулась, ничего не ответила, но ждала: что же он ей скажет.

— Ирина, — проговорил Сергей, сбивая сапогом росу, — ты мне поверишь, если я скажу тебе... одну вещь?

— Не знаю... Говори.

Ирина смотрела на каплю, висевшую на кончике острого листа пырея, и молчала.

— Ты поверишь, если я скажу, что люблю тебя?

— Не знаю...

Лицо ее вспыхнуло. Она быстро наклонилась к траве, осторожно раздвинула пальцами листья и вдруг вскрикнула:

— Ой, мамочка! Какие малюсенькие! Посмотри, Сережа, какие птенчики... совсем голенькие. И живые!

Сергей тоже наклонился, но нечаянно коснулся губами ее теплой, в мелких завитушках, шеи и уже не видел ни гнезда, свитого из сухой травы и шерсти, ни голых птенчиков. Он обнял Ирину, хотел поцеловать, но она вырвалась и отбежала в сторону. Потом они долго шли молча, точно им не о чем было говорить.

— Так ты и не ответила? — наконец спросил Сергей, когда они уже подходили к станице.

— Не знаю... ничего я не знаю... У меня после вчерашнего разговора какой-то туман в голове... Страшно. — Она насильно улыбнулась, не поднимая головы. — Боюсь об этом и подумать. Я простая девушка, а ты...

— Что за чепуха! А я кто?

— Боюсь... Полюблю тебя и принесу себе и тебе горе...

— Вот уж этого бояться нечего!

— О! Ты — Герой! — ласково проговорила она, глядя на Сергея взволнованными глазами. — А вот и станица. Как мы быстро пришли. — Ирина протянула руку и печально улыбнулась. — Приходи, Сережа... Если любишь, приходи сегодня... Придешь?

Сергей молча кивнул и долго стоял, глядя ей вслед.

Подходя к своему двору, он еще издали увидел, что дверь в хату была раскрыта. Тимофей Ильич, собравшись итти на огород, стоял на пороге с тяпкою в руке. Здороваясь с сыном, он погладил усы и добродушно усмехнулся.

— Слава богу, беглец явился! Ну, сказывай, где бывал и что видывал?

— С Хохлаковым по району ездил, — неохотно ответил Сергей. — А где Семен? Мать, Анфиса?

— Бабы белье полощут на Кубани, а дружок твой зараз у деда Евсея. Дождь размыл погребок, так приходила бабка Параська и попросила пособить. А он же мастер на все руки. Видал крышу на сарайчике? Его работа. А позавчера водокачку починил. Бедовый малый, а вот станица ему наша не нравится, — заключил Тимофей Ильич.

— Семена я знаю, — задумчиво проговорил Сергей, — он себе всегда работу найдет.

— А ты когда же возьмешься за дело? Или все будешь раскатываться?

— Скоро возьмусь... Теперь уже скоро.

Старик обрадовался.

— Решил-таки итти к Льву Ильичу? А он приезжал, о тебе беспокоился.

Сергей усмехнулся, посадил отца и сам присел рядом.

— Туда, батя, меня и на аркане не затащите... Не это у меня в голове... Послушайте, батя! Я такое задумал, — Сергей посмотрел на отца быстрыми, живыми глазами, — такое задумал, что если осуществить все, то через пять лет вы бы свою станицу не узнали... Вот о чем я думаю.

— Чтобы я и не узнал свою станицу? Быть того не может!

— Батя, представьте себе, что на Кубани, к примеру, возле ваших огородов уже работает на полный ход электрическая станция. А такую станцию надо построить! И вот она освещает и дома, и площадь, и клуб, и избу-читальню. Да мало этого! Ее энергия проникает всюду, — это же тысячи рук! Да еще какие проворные руки! Они и доят коров, и стригут овец, и очищают зерно, и крутят молотилку, и мелют муку...

— Так, та́к, — проговорил Тимофей Ильич. — А водокачку вертеть можно?

— Тогда насосы будут качать воду. Да что — водокачка! Есть дела и поважнее... Нет, батя, без электричества нам жить нельзя.

— Так-таки и нельзя? Сколько жили — и ничего... А теперь нельзя?

— Именно теперь, — горячо доказывал Сергей. — Когда еще, как не теперь, мы должны подумать о том, чтобы людям нашим жилось хорошо? Войну кончили, люди вернулись к мирному труду. А кто из нас не мечтал на войне о том времени, когда мы сможем засучить рукава и начать строить! И в первую очередь — нужно строить электростанцию... Почему в Усть-Невинской нет своего радиоузла? Да потому, что нет электричества. Почему нет стационарного кинотеатра? Тоже поэтому. А как облегчить ручной труд колхозников? Думали ли вы об этом? А электричество все может. Возьмите любую, самую трудную работу, которую выполняют люди, и ее с успехом можно выполнять электричеством...

— А в чужих государствах ты эту технику видел?

— Что нам чужие государства? — с обидой сказал Сергей. — Побывали б вы, батя, хоть в Польше... Стоит пан-

ский особняк, а возле него обшарпанная деревушка — бедность, какой я не видел и в книгах не читал. Посмотришь на крестьян и думаешь: да неужели это люди? В лохмотьях, хуже нищих, в глазах одна тоска... А как нас одна крестьянская девушка, полька, водой поила. Я вам об этом не рассказывал? И смех и горе! Заехали в одну деревушку. Выскочили мы с Семеном из танка и побежали во двор воды раздобыть. Заходим в хату. На лавке лежит больная старуха. Смотрим на печь, а оттуда выглядывает из-под рядюжки девушка... Мы ей показываем, что хотим воды, а она по-русски не понимает, но догадывается... Помочь-то ей нам хочется, а слезть с печи не может. Не долго думая, Семен за рядюжку, а девушка в крик... Смотрим, а ей, несчастной, одеться-то не во что... Так что насмотрелся я этих чужих государств, долго помнить буду.

Тимофей Ильич вынул кисет, неторопливо закурил.

— Конешно, полякам до нас далеко, — сказал он рассудительно.

— Да и не только полякам, — проговорил Сергей. — Я видел Европу! — Он взял у отца кисет, свернул цыгарку, прикурил. — Но речь не о Европе, а об Усть-Невинской. Надо залечивать раны, нанесенные войной... Поездил я по району. В степи стоят бригадные станы—не станы, а какие-то дырявые балаганы. В них и от солнца не спрячешься. За станицей — молочная ферма. Плетни вместо стен. Ветер подует — и все рухнет. А птичник? Дождь пошел — куры в воде. Я там прятался от дождя. — Сергей вспомнил курган в лунном свете, Ирину. — А что я думаю? По пятилетнему плану надо построить и станы, и скотные базы, и конюшни — светлые, теплые, на деревянных полах, да чтобы строительство было капитальное. Есть у нас сады. Мало! Всего у нас мало! И хлеба мало, и скота мало, да и культуры нехватает. Придет зима, все покроется снегом. Что будут люди делать? Где им учиться? Где провести отдых?.. Так что, батя, плохо мы еще живем.

— Что ж ты все это мне доказываешь? — спросил Тимофей Ильич. — Стоит зачинать дело — зачинайте... Молодые начнут, старики подмогут.

— Пойду сегодня к Савве, — сказал Сергей. — Из-за Саввы я чуть с Хохлаковым не поругался...

— Опять? — удивился Тимофей Ильич. — То Льва Ильича ни про то, ни про се обидел. А теперь уже с Фе-

дором Лукичом? Да ты эдак и со всем районом поругаешься... А к чему? — Тимофей Ильич тяжело вздохнул. — И мой ты сын, а не пойму я тебя. И чего тебе еще надо? Геройства достиг, слава, почет тебе повсюду какой! Ну, чего ж еще?

— Чего еще? — Сергей улыбнулся, ему было и обидно и смешно. — По-вашему, батя, то, что я Герой Советского Союза, что я в славе и в почете, — так все это вроде мягкого дивана... Лежи на нем, блаженствуй и наслаждайся жизнью. А мне лежать не хочется. Такая жизнь не по мне... Разве трудно меня понять?

— Ну, бог с тобой, живи, как знаешь... Ты уже не маленький. — Тимофей Ильич тяжело поднялся. — Я и так с тобой засиделся. Меня давно на огороде ждут... Такой славный дождик выпал.

По берегу Кубани Сергей прошел на край станицы и зашел во двор деда Евсея. Семен уже починил погреб и мыл в ведре руки. Увидев Сергея, он так обрадовался, что опрокинул ведро и, вытирая о рубашку руки, побежал навстречу.

— Сережа! Где ты пропадал?

— Катался...

— Смуглянку разыскивал?

Сергей рассмеялся.

— Да...

— И нашел?

— Нашел, только другую... по имени Ирина. Оказывается, ее настоящее-то имя Ирина Любашова.

— Везет же тебе! — искренне позавидовал Семен. — А у меня дела плохие.

— Что такое?

— Зря к тебе ехал... Хочу перебраться жить к старикам Семененкам. Сами просят. Такие они потешные, как дети....

— А разве у моих родных тебе плохо?

Семен грустно посмотрел на друга и горестно улыбнулся.

— Из-за Анфисы не могу я там оставаться... Тимофей Ильич бунтует... Давай сядем. Я тебе все, все расскажу.

И друзья сели на бревно в тени под старой яблоней.

ГЛАВА X

После обеда Сергей пришел в станичный совет. Во дворе стояла тачанка, до такой крайности забрызганная грязью, что все — и рессоры, и колеса, и оси, и крылья, казалось, были слеплены из глины. Кучер, коренастый и большеголовый парень лет шестнадцати, распрягал лошадей, мокрых, с курчавой шерстью и с мыльной полоской между ног. Кучера звали Дорофеем. У него были застенчивые голубые глаза, шишкастый нос и белесые брови. Широкое лицо Дорофея было так опалено и солнцем и горячими ветрами, что кожа на нем напоминала потемневшую бронзу. Свое дело Дорофей ставил очень высоко, считал, что далеко не каждому дано быть кучером станичного совета. Любил рассудительно поговорить о дорогах, о повадках лошадей, о выпасе и водопое.

— А мы только что примчались со степи, — гордо сообщил он, вешая на дышло хомут. — Ой, и дороги грязные!

Поговорив немного с Дорофеем и узнав от него, что Савва ушел домой обедать, Сергей направился к Остроухову.

Савва после женитьбы жил отдельно от отца, в домике недалеко от площади. Открывая калитку, Сергей увидел небольшой двор, поросший травой, и услышал такой дружный детский крик и писк, что в недоумении остановился. «Э, да я, кажется, набрел на детские ясли», — подумал он и уже хотел было спросить проходившую мимо двора девушку, здесь ли живет председатель станичного совета, как услышал голос:

— Сережа! Заходи! Как раз к обеду.

Савва шел к нему в грязных и еще не высохших сапогах, но без рубашки. Он только что умылся и теперь вытирал упругое молодое тело широким полотенцем. Он поздоровался, схватив руку Сергея влажными и сильными пальцами, пригладил ладонью мокрые, падавшие на глаза волосы и весело посмотрел на дом, откуда доносился детский плач.

— Семейство бунтует! — смеясь, сказал он. — Свой оркестр!

— Много их у тебя? — поинтересовался Сергей.

— Пока четверо.

— Почему — пока?

— Жду пятого. — Савва смутился, заметив на лице Сергея улыбку. — Да хоть бы на пятый раз девочка родилась, а то одни хлопчики, как на заказ. И до чего крикливые.

— А ведь давно ли ты был холостяком? — улыбаясь, сказал Сергей.

— Давно, Сережа, давно. Помнишь... ты уехал учиться, а я женился. А потом война. Времени прошло немало.

— Значит, пока я воевал, ты обзаводился этими крикунами, — со смехом сказал Сергей.

— Хлопчики славные, — самодовольно проговорил Савва. — Заходи в дом. Я уже думал, что Хохлаков тебя не отпустит... Небось, жаловался, меня поругивал. Дескать, такой-сякой, на фронте не был, пороху не нюхал. Любит упрекнуть. А когда я просился в армию, сам же кричал: «А кто будет в тылу победу ковать?»

Они вошли в комнату. Оказалось, что плакали только два младших сына — оба пухленькие, головастые, с большими серыми глазами. Увидев Сергея, мальчики умолкли. Савва взял полотенце и вытер мокрые глазенки, щеки, навел порядок и под носами, а потом усадил за стол, где старшие сыновья ели молочную кашу.

— А вот и главная виновница, — весело сказал Савва, когда в дверях показалась его жена Анюта, с пучком зеленого лука в руках. — Познакомьтесь... Ты, Сережа, мою женушку не знаешь. Она у меня хуторская... Анюта, а это тот самый Сережа. Помнишь, я о нем часто тебе рассказывал.

— Интересно, что же он обо мне рассказывал? — спросил Сергей, пожимая маленькую и мягкую руку хозяйки.

— Будто ты в танке горел, — смутившись и покраснев, сказала Анюта. — А я не верила. Как же может железо гореть?

— Сережа, помнишь в газетах о тебе писали, — пояснил Савва.

— На войне и железо горит, — сказал Сергей, внимательно рассматривая жену своего друга.

Анюта была невысокого роста и так полна, что даже беременность почти ничего не изменила в ее фигуре. Движения ее были плавные, спокойные, говорила она обычно тихо, с ласковой улыбкой на губах; глаза серые, веселые. К детям у нее была какая-то врожденная склонность. Казалось, она и родилась для того, чтобы быть матерью боль-

шого семейства. С детьми она обращалась любовно и умело, — одного возьмет на руки, другого приласкает, тому застегнет рубашонку, того поцелует, и все делает так, точно она училась этому много лет... Когда кончился обед и Анюта увела детей во двор, Сергей посмотрел на своего друга и сказал:

— Завидую... Славная у тебя жена. Такая быстро в матери-героини выйдет!

— А ты не завидуй, а следуй моему примеру, — смеясь, проговорил Савва.

Сергей улыбнулся, вспомнил Ирину, курган, залитый лунным светом, и ничего не сказал... Друзья молча прошли в соседнюю комнату, сели на диван и закурили.

Савва посмотрел на друга и спросил:

— Ну, как тебе после военной жизни нравится наш, так сказать, глубокий тыл?

— Говоря по совести, мне не очень нравится ваш глубокий тыл.

— Отвык?

— Нет, не отвык... Почему вы стоите на месте? Почему теряете золотое время?

— Не наша вина.

— А чья же?

— Ты же слышал мой разговор с Хохлаковым, — Савва улыбнулся. — Разве его убедишь?

— А зачем убеждать? Федор Лукич обвиняет тебя в чрезмерной мечтательности. И он прав. Ты мечтаешь, а надо действовать. Пойми сам, какой толк от твоих рассуждений? Не рассуждать надо о красивой жизни, а строить ее... Как? А очень просто. Начать с того, что составить пятилетний план Усть-Невинской и положить этот план на стол тому же Хохлакову. Да чтобы там было сказано все и точно: и что строить, и когда, и где, и сколько потребуется строительного материала, рабочей силы, чтобы в этом плане всем трем колхозам было отведено должное место, — тут и повышение урожая, и рост поголовья скота, и развитие садоводства, и строительство ферм, полеводческих станов, разведение птицы... Когда все это будет лежать на столе у Хохлакова, тогда уже можно вести не отвлеченный, а конкретный разговор. Тогда мы можем сказать: будьте любезны, Федор Лукич, рассмотрите наши предложения и утвердите. А не захочет, скажет, что все станицы должны итти в одном строю, мы пойдем в райком, к Кондратьеву.

Если и там нас не поддержат, поедем в край, в Москву, а своего добьемся... А ты как думал? Тут одной мечтой ничего не сделаешь.

Савва опустил голову, задумался.

— Правильно, — проговорил он, не подымая головы. — Но я хотел у тебя спросить... Хоть и стыдно, а спрошу. Ты, конечно, грамотней меня, в институте учился, на войне был... Скажи, кто такой Антей? Хохлаков всегда ставит мне его в пример, а кто этот Антей, я, ей-богу, не знаю... А спросить совестно.

— Есть такая легенда о непобедимом великане. Сталин об этом очень хорошо сказал. Не читал? Плохо, Савва, плохо. Непременно прочитай... А смысл в общем такой: руководителю не надо отрываться от народа.

— Так при чем же тут я?

Сергей придвинулся ближе к Савве.

— Вот что, Савва, созывай на завтра заседание исполкома с участием председателей колхозов и бригадиров. Начнем обсуждать пятилетний план станицы. А то может случиться и так: пока ты будешь мечтать, а соседи обгонят...

— Зачем же созывать исполком? — удивился Савва. — Давай сперва вдвоем сядем и напишем. Можно учителей пригласить, чтобы все это грамотно составить.

— Написать мы всегда успеем, — сказал Сергей вставая. — Раньше послушаем людей, что они скажут. Пусть и тебя малость покритикуют.

— За что?

— А за то, что до сих пор не обсудил этого вопроса.

— Да я и думал... — Савва не договорил. — А где бы нам собраться? Весь народ в поле.

— И соберемся в поле. В какой-нибудь полеводческой бригаде. Словом, ты все это обдумай.

— А кто сделает доклад?

— Обойдемся без доклада. Ты сделаешь небольшое сообщение. Важно, чтобы другие говорили.

Разговор затянулся до вечера. Друзья условились и о том, что заседание состоится на стане колхоза имени Кочубея, поля которого лежат в центре, и о том, что Савва переговорит с председателями колхозов и подготовит их к выступлению, и о том, что необходимо пригласить агрономов, зоотехников, огородников... Шагая по темной улице (луна еще не взошла), Сергей думал: «Мечтать, конечно, легко... Ну, ничего, я помогу Савве. Главное — начать, сдвинуть с

места, а там пойдет...» Вспоминая свой разговор с Хохлаковым о Савве, Сергей усмехнулся и подумал: «Мечтатель... А в семейных делах, оказывается, большой практик... Четыре сына и пятый в проекте — это не шутка! Вот тебе и Савва!» Сергея и радовало и удивляло то, что у друга было такое большое и шумное семейство. «А ты не завидуй, а следуй моему примеру», — вспомнил слова Саввы... Тут перед ним встала Ирина, — ее живые, смелые глаза ласково смотрели и звали к себе. «Приходи, Сережа... Если ты меня любишь, то приходи сегодня». Эти слова сами пришли на ум, он вспомнил, как она протянула руку, как взволнованно и грустно посмотрела, и ему вдруг так захотелось побывать у нее, что он только на минутку забежал домой, надел новенький китель, бриджи и, заверив мать, что ужинать он не хочет, бегом понесся на птичник... Вслед ему Ниловна сокрушенно покачала головой. «Ой, сынок, сынок, — сказала она сама себе, — и какой же ты уродился непоседливый! Все ты мотаешься, все тебе некогда... Десятый день, как дома, а я на тебя еще и не насмотрелась».

Вернулся Сергей на заре с песней и в таком веселом настроении, что Ниловна, услышав его голос, с тревогой подумала: «Ой, господи, да никак пьяный». И во двор Сергей вошел с песней, пел он басом, негромко, без слов. Подошел к базу, поговорил с коровой, а затем с шумом распахнул дверь сеней и разбудил весь дом... Прошел в переднюю комнату и ни с того, ни с сего расцеловал сонную, ничего не понимавшую Анфису.

— Сестренка, — сказал он, блестя глазами. — Сестренка, милая, если бы знала, что у меня на сердце.

— А я догадываюсь...

— Скажи, если догадываешься. Ну, говори!

— Какая-нибудь уже привлекла?

Ниловна поспешно натянула юбку и, подвязывая ее на ходу, вошла в горницу. Не успела она ничего спросить, как Сергей уже обнял ее и так прижал, что бедная старушка застонала.

— Что с тобой, сынок?

— Мамо, радуйтесь! У меня есть невеста!

— Слава богу... Ну, вот и молодчина, — обрадованно заговорила мать. — А кто ж она? Наша, станичная?

— Пока, мамо, не скажу... Секрет!

Вошел и Тимофей Ильич в одном белье, отчего его костлявая фигура показалась еще выше.

— Что у вас тут за галдеж? — спросил он.

— Женюсь, батя!

— Так сразу? — радостно спросил старик.

— А чего же медлить?

— Да ты хоть одно что-нибудь: либо пятилетку составляй, либо женись...

— А я, батя, то и другое — разом. Управлюсь...

— Ну, разве что так, — самодовольно проговорил Тимофей Ильич. — А ты уже со слезами? — сказал он, заметив у Ниловны слезы. — Беда с бабами! Где надо смеяться, а они плачут... Куда ж будем посылать сватов? — обратился он к Сергею.

— Думаю, батя, что сваты не потребуются. — Сергей засмеялся. — Сваты нужны тем женихам, которые сами не в состоянии сказать невесте слово... А я, батя, и сам неплохой сват.

— Да, это верно, — неохотно согласился отец. — А все ж таки хоть для приличия. Как же это так? Жениться — и без сватов?

Сергей не ответил. Он снял китель и лег на лавку. Широко раскинул руки и тотчас уснул. Тимофей Ильич, Ниловна, Анфиса тихонько вышли из комнаты. Последней выходила Анфиса. Прикрывая дверь, она еще раз посмотрела на брата, и ей показалось, что его бровастое лицо и во сне улыбается...

Спал Сергей долго. В полдень его разбудил Савва. Он уже побывал в степи и вернулся оттуда угрюмый и злой. Растормошив Сергея, он сказал, что заседание исполкома необходимо отложить дня на два. Степь подсохла, и надо бросить все силы на прополку пропашных. К тому же ночью из МТС прибыли комбайны и завтра должна начаться косовица ячменя.

— А к этому мы не готовы, — сказал Савва. — Ни у одного колхоза обкосы еще не сделаны. Ругался я сегодня и с Рагулиным и с Артамашовым. Да что толку. Поехали в степь... Такой горячий день. А завтра уже будет посвободнее...

После этого Савва сел на тачанку и сказал Дорофею, чтобы тот ехал на поля колхоза имени Кочубея.

— Сережа! Ты меня жди завтра! — крикнул он с улицы.

Прошел день, прошел и второй, и третий, а Савва все не возвращался со степи. Только на пятый день, к вече-

ру, по станице прогремела тачанка и остановилась у двора Тутариновых.

— Ну, кажись, все наладил, — сказал Савва, подходя к Сергею. — Косовицу начали! Уже и первое зерно пошло на элеватор!

— А как заседание исполкома? —спросил Сергей.

— Тоже все готово. Люди извещены. Место сбора — вторая бригада «Кочубея». Председатели подготовились и приедут, знаешь, не одни, а со своими, так сказать, экспертами... Соберется настоящая ассамблея!

— Вот и хорошо! — радостно проговорил Сергей.

ГЛАВА XI

На закате дня, когда померкла степь и полольщицы, затянув песню и положив тяпки на плечи, как ружья, пошли к своим станам; когда уже не гудели комбайны и не блестели над колосьями ячменя крылья хедера; когда на таборах стояли шум и гам — одни умывались, окружив бочку с водой, другие звенели молотками, готовя на завтра тяпки, а в сторонке ярко пылали костры и кухарки хлопотали вокруг котлов, в которых доспевал картофель с бараниной, — словом, когда наступил ранний летний вечер, на стан второй бригады колхоза имени Кочубея стали съезжаться гости.

Первыми еще засветло приехали члены исполкома станичного совета Савва и Сергей. Их любезно встречала тетя Даша в своем праздничном сарафане и в красной косынке. Затем издали долетел веселый голос баяна, и Савва сказал:

— А прислушайтесь... Кажется, ворошиловцы едут.

Вскоре на стан шумно влетели, точно свадебный поезд, тачанка и линейка в упряжке добрых коней. На тачанке сидели: Алексей Артамашов в черной кубанке, Тимофей Ильич Тутаринов в новеньком бешмете, секретарь парторганизации Еременко, коренастый, невысокий мужчина, и баянист. На линейку набилось множество народу — члены правления, бухгалтер Никишин, секретарь правления Якубовский, завхоз Нечипуренко, — казалось, что самые крепкие рессоры не смогут выдержать такую тяжесть.

— Сергей Тимофеевич! — крикнул Артамашов, молодцевато соскакивая с тачанки. — А посмотри, какую я

делегацию привез. Даже с баяном! Но это только правленцы. А скоро прибудут бригадиры и животноводы.

— Наш Алексей Степанович расходился не на шутку, — сказал Еременко, здороваясь за руку с Сергеем. — Хочет сам всю электростанцию построить.

— Иван Герасимович, ты меня опять не понял, — заговорил Артамашов. — Не сам, а вместе с Рагулиным и Байковой, только если все работы разделить на три части, то я добровольно беру на себя две части, а третью пусть разделят «Кочубей» и «Буденный». Почему? А очень просто. Не хочу надеяться на Рагулина. Тут потребуются расходы, и не маленькие, а Стефана Петровича мы хорошо знаем, этих вещей он не любит... Вот и будет тормозить. Зато и электроэнергии я потребую вдвое больше! А как же? По затраченному труду.

— Мы же еще не знаем, что скажет Рагулин, — проговорил Сергей, а про себя подумал: «Ох, и любишь ты, Артамашов, прихвастнуть. Я и это, я и то! Не можешь ты без этого. Посмотрим, как ты будешь строить».

— Иван Герасимович, — обратился Савва к Еременко, — ты вчера ездил в район. Приедет к нам представитель района?

— Должен быть, — ответил Еременко. —Правда, ни Хохлакова, ни Кондратьева я не застал. Федор Лукич выехал по станицам, а Кондратьев был в крае. Говорил я со вторым секретарем. А тут подвернулся Рубцов-Емницкий. Услыхав, о чем речь, говорит: посылайте меня... Все равно, говорит, без помощи райпотребсоюза им не обойтись. На том и порешили. Да вот что-то и его нет.

— А! Мой коневод!— крикнул Артамашов.

На поджаром горбоносом коне подлетел Иван Атаманов — заведующий коневодческой фермой или, как он называет, «конзаводом». Это был пожилой и статный мужчина, с красивым и строгим лицом, немного испорченным шрамом на правом виске. На нем были высокие сапоги, галифе с алым кантом; рубашка из тонкого, светлосерого материала была подтянута армейским ремнем. «Кавалерист», — подумал Сергей. Когда Атаманов подошел к фонарю, здороваясь со всеми за руку, на груди у него заблестели четыре ордена и такая коллекция медалей, что Сергей, посмотрев на его грудь, сразу узнал, где воевал и в каких европейских столицах побывал этот кубанский красавец.

Пожимая Сергею руку, Агаманов сказал:

— А ты чего же колодочки носишь? Я не люблю колодочек. Смотрю на награды так: заслужил, так и пускай все блестят, как есть.

Совсем незаметно и бесшумно на стан въехала линейка, и с нее сошел Рагулин в чистеньком костюмчике, с гладко выбритым, помолодевшим лицом. С ним приехали два члена правления и бригадир так называемой хозяйственной бригады Прохор Афанасьевич Ненашев, мужчина лет под шестьдесят с пепельно-серыми усами.

— С поля наш народ еще не подъехал? — осведомился Рагулин, подходя к столу, на котором горели два фонаря.

— Полеводы и животноводы что-то опаздывают, — ответил Савва.

— Ну, Стефан Петрович, что думаете насчет пятилетнего плана? — с усмешкой спросил Артамашов.

— А что ж думать? — Рагулин сожмурил оба глаза.— Думка короткая. По урожаю «Буденный» уже в это лето превзойдет довоенный год. Небось, видел нашу пшеницу?

— Пшеница не в счет, — с улыбкой сказал Артамашов. — Электростанцию будем строить! Это важнее пшеницы. Потребуются денежки.

— А у кого будет пшеница, у того найдутся и деньги, — язвительно заметил Рагулин. — Этим нас не испугаешь.

Наступила ночь. В густой темноте скрылись дороги, сравнялись с землей холмы и курганы. А на стан все еще съезжались участники совещания: то рысью влетит всадник и, крикнув: «А где тут у вас коновязь?», спрыгнет на землю, звеня стременами; то, гремя колесами, подкатит шарабан, и с него сойдет бригадир или агроном. У стола, где ярко горели фонари, уже людей собралось порядочно: кто-то стоял тут же у стола, кто поудобней уселся на скамейку, кто улегся на траву, а в сторонке тревожно всхрапывали лошади... И вдруг все — и двор стана, и лошадей, и людей озарили прожекторы. Они взметнулись откуда-то из-за дома, яркий свет ослепил и раздвинул толпу, — люди расступились, давая дорогу газику. Когда машина остановилась, из нее вышел Рубцов-Емницкий. Он шел к столу, освещенный фарами, улыбался и со всеми здоровался за руку:

— Я не опоздал, для ясности!

Рубцов-Емницкий подсел к столу, рядом с Сергеем. Тут же сидели Савва, Артамашов, Байкова. На свет фонарей летели жуки, со звоном ударяясь о стекло. Савва снял картуз, помахал им вокруг закопченного сверху стекла, отогнал жучков и сказал:

— Товарищи, я думаю, можно начинать!

Тут Савва на минуту умолк, — вспомнил наказ Сергея: «Обойдемся и без доклада. Сделаешь небольшое сообщение...» Дело в том, что Савва был одним из тех сельских ораторов, у которых короткие речи не получаются. Обычно, начиная выступление, он любил заходить откуда-нибудь издали, чтобы потом уже, как следует разбежавшись, сказать о главном... Поэтому, прежде чем начать разговор о пятилетнем плане, Савва сделал обзор военных лет, рассказал о той помощи фронту, которую оказывали устьневинские колхозы. Затем перечислил устьневинских героев — начал с Андрея Панченко, погибшего под Сталинградом, упомянул Игната Низовцева, Петра Ковальчука, Ивана Атаманова и кончил Сергеем Тутариновым. И хотя Сергей Тутаринов, Иван Атаманов и Петр Ковальчук присутствовали на собрании, Савва по старой привычке говорил о них так, точно они еще шли с боями по немецкой земле... Только после этого Савва перешел к пятилетнему плану.

— Андриан Никонович, — обратился он к секретарю исполкома. — Теперь, прошу вас, записывайте... Да... так какие же у меня есть на это соображения? Прежде всего коснусь главного — посевных площадей и урожая. В нынешнем году мы засеяли шесть тысяч восемьсот сорок гектаров — площадь, почти что равная довоенной. По пятилетнему плану нам предстоит увеличить ее за счет целинных и выгонных земель примерно по триста — четыреста гектаров на колхоз, расширив посев зерновых культур и многолетнее травосеяние. Урожай надо повысить по всем культурам, я так думаю, вполовину. Председатели колхозов, бригадиры, что вы скажете?

— Какие у тебя данные? — спросил Артамашов.

— Расчет простой, — продолжал Савва. — При строгом соблюдении агротехники наша земля может дать по зерновым от пятнадцати до тридцати пяти центнеров. Все будет зависеть от того, как мы станем обрабатывать землю. Возьмем, для точности, по пшенице двадцать пять центнеров. Может, будем снимать и тридцать пять, но я

придерживаюсь такого мнения: давайте запишем в план такой урожай, в котором мы твердо уверены.

— И все ж таки нельзя записывать оптом, — возразил Рагулин. — Мы уже в этом году возьмем центнеров тридцать, а Алексей Степанович, может, и за пять лет этого не достигнет... Разное отношение к земле.

— Ты, Стефан Петрович, меня не подзадоривай, — сказал Артамашов. — Мы еще посмотрим, кто кого обгонит.

— Чего вы уже спорите, — сказал Савва. — Уточнять будем после, когда приступим к составлению плана... Теперь же перейдем к животноводству. Тут намечается порядочное движение вперед по каждому колхозу. Стада дойных коров есть предложение увеличить в три раза. Что скажут заведующие фермами?

— Сколько же это у меня будет коров? — задумчиво проговорила Байкова.

— Помножить наличность на три, — сказал Артамашов. — Математика простая.

— Такую математику я знаю... А куда поставлю коров? Все базы и коровники немцы сожгли... Разве ты, Савва, забыл, как у нас в этом году зимовал скот? Надо сперва коровники построить.

— Я все помню, но ты подожди, дойду и до коровников, — сказал Савва. — Пойдем дальше... С конским поголовьем дело обстоит труднее — тут нам расти и расти. Атаманов Иван, ты специалист по лошадям, скажи: можем ли мы за пять лет увеличить конское поголовье в три раза — я имею в виду и рабочее тягло...

— Трудновато, — сказал Атаманов. — Маточного состава нехватает.

— А если закупить?

— Военные конзаводы сейчас не продают, а всякое разномастное барахло нам и даром не нужно. — Атаманов встал, ударил плеткой по голенищу. — Если уж разводить, то надо брать курс на чистую кровь... Самым подходящим конем для нас может быть англокабардинский. А где его взять?

— Где же его взять?.. Попробуем достать, — сказал Савва. — Мы ж за это дело еще не брались, а возьмемся — то, гляди, и достанем...

В этом месте Савва сбил картузом какого-то назойливого жучка, слишком бойко вертевшегося вокруг фонаря, и сказал: «Не порхай, не порхай», и тихонько засмеялся.

— Теперь перейдем к свиньям, — продолжал он. — Тут смело помножим на четверо. Эй, свинари, где вы там?

— На моей ферме опорос ныне щедрый, — заявил Григорий Нарыжный, заведующий свинофермой колхоза имени Буденного. — Редко какая мать приносит десяток, а то все в рекорд кидаются... Ежели и в будущих годах так пойдет, то можно смело повышать и вчетверо, або ж и впятеро. Только опять же есть причина. Нужны помещения. Свинья хоть и зовется свиньей, а тоже любит хорошее квартирное условие — чтоб и тепло и не сыро... А какие у нас для этого есть данные? Сказать, лесу нету, а без лесу не построишь...

— Насчет данных еще речь впереди, — сказал Савва. — Ну, раз Григорий Пантелеевич говорит увеличить вчетверо, то так мы и запишем... На очереди овцы. В войну, особенно во время оккупации, отары пострадали очень сильно во всех колхозах. Чтобы догнать сороковой год, и то нам надо по овцам вырасти не менее, как в пять раз... Так что для пятилетнего плана потребуется увеличение в шесть, а то и в семь раз. Овцеводы, что вы на это скажете?

Овцеводы молчали. Отозвался Никита Яценко, старший чабан колхоза имени Кочубея:

— Сперва подумаем...

— Ну, подумайте, подумайте, а мы пойдем дальше. — Савва задумался и посмотрел в свою записную книжку.— Транспорт... Помимо автомашин, нам потребуется к концу пятилетки в каждом колхозе пар по сто волов — без этих рогатых ангелов мы обойтись никак не можем. Тут мы можем легко выйти из положения, если начнем выращивать молодых бычков.

— А грузовых машин сколько планируешь? — спросил Артамашов.

— Всего шесть.

— Мало. У меня у самого их было шесть...

— Ты погоди, Алексей... Дальше — о птице. Куры есть в каждом колхозе, но эту отрасль надо подымать решительно вверх. Надо так расширить фермы, чтобы к концу пятилетки цифра по станице была не менее сорока тысяч...

— Этих и то от дождя не спрячешь, — отозвалась Марфа, посмотрев на Сергея, как бы говоря: «Ты же у нас ночевал в дождь, знаешь». — Птицу расплодить нетрудно, ежели инкубатор даст цыплят, но куры тоже нуждаются в помещении... А из чего строить?

— И чего вы все сворачиваете на строительство! — крикнул Савва. — Будем строить и курятники... А вот гусей у нас нет, хоть и живем мы возле воды. Надо обзавестись и этой птицей — отрасль доходная. За станицей совершенно без всякого дела лежат два острова. Вот мы их отдадим буденновцам и кочубеевцам. Пусть заселяют птицей.

— А мне? — отозвался Артамашов.

— Есть еще одна доходная отрасль — рыба! — сказал Савва. — Водоем уже готовый. Значит, ворошиловцам запланируем зеркального карпа... Но главное планирование должно пойти по линии нового строительства. Мы с Сергеем Тимофеевичем в уме уже прикидывали: предстоит стройка большая. По самым малым подсчетам потребуется: три конюшни — по одной каждому колхозу, три коровника, кошары, свинарники, птичники, а еще двенадцать полеводческих станов с зернохранилищами при них... А к этому надо прибавить нужды самой станицы, скажем, клуб, избу-читальню, родильный дом, детские ясли, школу-десятилетку, дом агротехники и животноводства... А кроме всего прочего — на первом месте в плане поставлена электростанция... Можем мы сократить строительство? Нет, не можем! Но поднять такую стройку нелегко, если учесть недостаток в строительном материале, а особенно в лесе. Допустим, мы восстановим разрушенный кирпичный завод, заимеем кирпич, а часть построек будет саманная... Тут можно выйти из положения. А лес? Где возьмем лесу? А мы с Сергеем Тимофеевичем подсчитали: потребуется лесу очень много... Вот тут и надо найти выход...

Кто-то крикнул:

— Где ж его взять?

— Если б в Невинку подошел эшелон с лесом, а на вагонах надпись: «В Усть-Невинскую».

— А может, и подойдет.

— Жди.

— Район должен помочь.

— Кто? Федор Лукич?

— А дозвольте сказать!

К столу подошел Прохор Ненашев. Сергей внимательно посмотрел на жилистого и сухого мужика, с седой бородкой, с пепельно-серыми усами и с маленькими живыми глазами.

— Слово имею от плотницкой бригады, — сказал Прохор, обращаясь не к собранию, а к Савве. — Лес имеется в горах. Там его столько лежит! А какой лес! Одно удовольствие. Зимой я там бывал и видел. Лежат штабеля еще с довоенного времени. Стоит будочка, и там живут сторожа... Я так думаю, если б тот лес спустить по реке, то можно было бы хорошо обстроиться.

— Как же ты его сплавишь?

— Не иначе, надо красть.

— Зачем же красть, — спокойно сказал Прохор. — Надо все по-хорошему.

— А чей лес? — спросил Сергей, подумав: «А что? Прохор правильно говорит. Взять да и сплавить...»

— Сказать правду, чей он — до этого я не дознавался, — сказал Прохор. — Но что лес добротный, то это верно. И сплавить его — пара пустяков! Когда я работал сплавщиком, так мы не по таким рекам гоняли бревна, и еще как гоняли!

— Кому что, а Прохору сплав!

— Надо командировать его в горы.

— Смеяться нечего, — серьезно заговорил Сергей. — Предложение Прохора очень ценное, и мы постараемся узнать, кому принадлежит этот лес и нельзя ли его приобрести.

— А по-моему, — заговорил все время молчавший Рубцов-Емницкий, — в данную минуту о лесе беспокоиться не надо. Составим, для ясности, пятилетний план, утвердим его в районе, а потом уже подумаем и о строительном материале... Для ясности, я и сам смогу вам кое в чем оказать содействие, — и Рубцов-Емницкий приятно улыбнулся.

— Лев Ильич, именно об этом мы и должны побеспокоиться, — сказал Савва. — Ежели мы составим пятилетний план и приедем с этим планом к Федору Лукичу, не указав, какими путями мы изыщем строительный материал, — значит, заранее говори, что начинания наши обречены на провал... У меня вся надежда на Сергея Тимофеевича. Если он нам не поможет, тогда я и не знаю, как

нам быть: с Федором Лукичом насчет такого количества леса и говорить нечего... Это я знаю хорошо.

— Есть инстанции и повыше, — сказал Рубцов-Емницкий, — и если Сергей Тимофеевич поедет, то все может быть даже очень великолепно...

— Савва, дай людям высказаться, — сказал Сергей, строго посмотрев на Савву. — Не будем терять времени.

— Кто желает высказаться? — спросил Савва.

Попросил слово Алексей Артамашов. Сдвинув на лоб кубанку и решительно встав, он оперся руками о стол и твердым голосом заговорил о том, что в общем пятилетнем плане станицы Ворошиловскому колхозу, как самому крупному хозяйству, непременно должно быть отведено ведущее место. «Всем известно, а тебе, Савва Нестерович, в особенности, что я не привык плестись в хвосте и пасти задних!» — сказал он, повысив голос. Рагулин и Байкова молча переглянулись, Сергей улыбнулся и что-то записал в блокнот. А Артамашов уже подкреплял свою мысль примерами и цифрами, показывая по годам рост ведущих отраслей, особенно молочного скота и лошадей. «Савва Нестерович, у тебя хватило совести рекомендовать мне зеркального карпа, как доходную статью, чтоб, значит, я наживал капитал... А разве ты еще меня не знаешь? Пусть этим делом занимается Стефан Петрович Рагулин, ему это с руки, а я возьму курс на коня. Конь важнее любой зеркальной рыбы... Атаманов, правильно я говорю?» Атаманов прикуривал, осветив красивое лицо. Раскурив папиросу, он сказал: «Все правильно, а о лошадях и я еще выскажусь». Артамашов одобрительно кивнул головой и перешел к плану нового строительства, назвав четырнадцать объектов, в том числе две конюшни, четыре кошары, три коровника, амбар... Тут он, искоса поглядывая на Рагулина, нарисовал такую красочную картину и привел столько убедительных фактов, что все участники совещания вдруг подумали: да, действительно, Артамашов прав! Именно ворошиловцы и должны задавать тон всему пятилетнему плану станицы, и если кочубеевцам или буденновцам необходимо построить одну конюшню, то ворошиловцам необходимо построить две... «А лес я достану! В своем государстве и чтобы не достать лесу? А ежели нам поможет Сергей Тимофеевич...» Артамашов говорил все с той же подчеркнутой высокомерностью, склоняя местоимение первого лица во всех падежах,

и Сергей, внимательно слушая его, грустно улыбнулся и подумал: «Не пойму я его... Или хвастун, или горячая натура...»

— Ты, Стефан Петрович, и ты, Дарья Никитична, не кидайте на меня удивленные взгляды, — продолжал Артамашов. — Я вас еще и не так удивлю! На строительстве станичной электростанции я беру на себя две трети всех работ. Можете записать в протокол! А что, думаете, не выполню? Еще как выполню!

Тетя Даша только улыбнулась и промолчала.

— Да, ты на словах мастак, — язвительно проговорил Рагулин. — Савва, а ну, дай мне сказать!

— Давай, давай, а я послушаю, — весело сказал Артамашов и сел.

Но оказалось, что на очереди для выступления давно уже был Иван Атаманов, и ему было предоставлено слово.

Легонько похлестывая плеткой по голенищу, Иван Атаманов подошел к столу и внимательно посмотрел на сидевших и лежавших перед ним в темноте людей... Старый и опытный коновод, прослуживший на коне всю Отечественную войну, Атаманов умел говорить о лошадях так красочно, что просто заслушаешься. Он не приводил общеизвестных примеров, вроде «конь и в бричке и в плуге, конь и в хомуте и под седлом, конь и в тылу и на войне — всюду конь есть конь!» Нет! Атаманов побеждал участников совещания тем, что призывал устьневинцев возродить былую славу кубанского коневодства.

— И мы возродим ту славу, — уверенно заявил он, — и найдем породистых маток и жеребцов породистых кровей, а только для этого, Савва Нестерович, надо нам планировать не одну конюшню... Ты не перебивай, не перебивай! — крикнул он, хотя Савва в это время молча улыбался и размышлял над тем, как бы в самом деле, послушавшись Прохора, сплавить по Кубани какой-нибудь десяток-два кубометра древесины. — Я тебя слушал и не перебивал! — Да... Так я говорю, для этого нам надо планировать не одну конюшню и не две, как сказал Алексей Степанович, а три! Да, три!.. Кроме того, интернат для жеребят, ветлечебницу.

Атаманов говорил не более получаса, но за это время сумел так повернуть на свою сторону участников совещания, что все уже были согласны с его предложением, и

даже Сергей, как известно, всегда предпочитавший все-таки не коня, а машину, подумал: «А ведь верно! Придется запланировать три конюшни... Без коневодства нельзя».

Выступивший затем вне очереди садовод Ворошиловского колхоза Дмитрий Иванович Грачев стал говорить о грушах, яблоках и абрикосах, и все это изложил так умно, что доводы Атаманова о коневодстве стали постепенно меркнуть и отходить назад, а на передний план вышли сады во всей своей цветущей красе и со всем тем, что есть в них: и с кустами крыжовника, и с рядами смородины, и с клубникой, которая так и вьется по челке в прогонах между деревьями! Ко всему этому были прибавлены варенья, сушенья, круглогодичная торговля на базаре яблоками и грушами-зимовками, и еще чего только и не наговорил Грачев. Когда же он разволновался и нарисовал сад не нынешний, а тот, который через пять лет, пышно зеленея, ляжет по взгорью, поползет по берегу Кубани, на огороды Тимофея Ильича, все уже были согласны с Грачевым, что садоводство должно занимать в пятилетнем плане не последнее место. Даже Савва, который во время речи Грачева подсчитывал, сколько потребуется на лесосплаве людей, одобрительно проговорил:

— Да, ты, Грачев, безусловно, прав! Сады — это вещь, и надо при составлении плана это учесть.

— Ты, Митрий, не очень выхваляйся, — сказал задетый за живое Тимофей Ильич. — По взгорью сады разводи, а до меня в плантацию не лезь. Все одно повырубливаю... Ишь, как расходился! Не хвастайся... Да и все вы тут хвастуны, — сказал он и посмотрел на сына и на Артамашова, — то мы построим! то мы сделаем! Берите и стройте, а за каким дьяволом шумите! Постройте наперед, а тогда и шумите...

— Тимофей Ильич, — перебил старика Артамашов, — это вы что же, вроде как бы оппозиция? За границей, так там так все честные люди в одну сторону, а оппозиция — в другую.

— Ты, Алексей, заграницей мне глаза не коли, я там не был, — отрезал Тимофей Ильич. — Не люблю, когда все шумят: строить! Теперь все хотят строить. А где взять лес? Водокачку как следует починить нечем, а ты, Алексей, хочешь все сразу построить... Надо сперва лесу раздобыть.

— Ваш сын поможет, — кто-то сказал из задних рядов.

— Поможет? А ежели не сможет? — Тимофей Ильич задумчиво посмотрел на Сергея. — Это же не то, что сел на танку и гони до победы...

— Тимофей Ильич, а что же вы предлагаете? — спросил Савва.

— Не надо прежде времени шуметь, — повторил Тимофей Ильич. — Построим, а потом будем хвастаться... Грачев уже, видишь, ко мне в огороды лезет! А тот сад, что у него зараз есть, сохнет...

Тимофей Ильич вынул кисет и, ни на кого не глядя, стал сворачивать папиросу.

Савва предоставил слово Рагулину, который говорил очень немного и конкретно. Была ли тому причиной сердитая реплика всеми уважаемого Тимофея Ильича, пристыдившего слишком пылких ораторов, или Рагулин во всем старался не быть похожим на других, только он не стал, подобно Артамашову, высказывать недовольство предложениями Саввы. «Главное для нас — урожай», — сказал он, и затем все его выступление носило уже чисто практический характер: как лучше построить севообороты, какие применять удобрения, особо он остановился на значении черного пара, а потом сказал, где и как можно изыскать камень для кладки фундамента и как можно применить на строительстве обыкновенные плетни из хвороста. Поддержав предложение о строительстве гидроэлектростанции, Рагулин не стал возражать Артамашову, а только сказал: «Кто из нас больше сделает в эту пятилетку — будет видно... По осени, Алексей Степанович, цыплят считают, так-то!» Зато совсем в другом тоне выступил вслед за Рагулиным заведующий свинофермой Григорий Пантелеевич Нарыжный, мужчина лет пятидесяти, круглолицый, полный, с большой бородой. Григорий Пантелеевич произнес такое похвальное слово свиному поголовью, нарисовал такую реалистическую картину, что у всех перед глазами встали, как живые, и супоросные матки, и поросята, которые, как уверял Григорий Пантелеевич, «истинно, как детвора, любят купаться в ванночках, а такого приспособления у нас нету, и свинарники для культурного разведения свиней не годятся». Говорил Григорий Пантелеевич нескладно, пренебрегая всякими правилами грамматики, но

мысли свои излагал так убедительно, что все, слушая его, решили усиленно поднимать свиноводство.

Еще выступали Дарья Никитична Байкова, секретарь парторганизации Еременко, бригадиры-полеводы, горячо поддержавшие Рагулина, бухгалтер Никишин. Каждый оратор, во всем соглашаясь с Саввой, высказывал опасение, что очень трудно будет достать необходимое количество строительного леса.

Сергей слушал, склонивши голову к столу, и впервые ощущение какого-то страха, неуверенности и тревоги проникло в его сознание. «А что если их опасения сбудутся? — подумал он. — Что если мы не сможем осуществить намеченной программы строительства? Тогда как быть? Отступать?.. Может быть, отец и прав — зря шумим... Нет, нет, этого не может быть! Скорее прав Артамашов. Как это он сказал: в своем государстве и не достать лесу?.. С этим я согласен. Все равно лес будет! Поеду в край, в Москву, в министерство, а своего добьюсь...» Он так задумался, что пропустил все выступление Рубцова-Емницкого и услышал лишь последнюю фразу: «Мы возлагаем, для ясности, большие надежды на Сергея Тимофеевича и с его помощью преодолеем любые трудности, стоящие на нашем пути».

Наступило молчание, и Сергей понял, что все ждут его выступления. Савва даже наклонился к нему и что-то зашептал на ухо. Сергей встал и в кратких словах заверил совещание, что и железо, и цемент, и лес будут получены по государственным нарядам. Тут же он подумал: «А все-таки надо узнать, кому принадлежит тот лес в горах, о котором говорил Прохор... Может, он будет наш». Эта мысль вернула ему веселое расположение духа, он улыбнулся и сказал:

— Было бы у нас желание строить, а лес найдется!

По предложению Сергея, была избрана комиссия для разработки пятилетнего плана станицы. Членом комиссии был избран и Сергей.

Поздно ночью закончилось совещание. Привезенный Артамашовым баянист заиграл сперва полечку, а потом лезгинку, и тут же, у стола, образовался круг. Кто седлал или запрягал коней, а кто носился по кругу, выделывая ногами такие колена, что гудела земля. Сергей хотел посмотреть, как будет танцовать лезгинку Артамашов,

который уже подтягивал пояс на рубашке и поправлял кубанку, но в это время Рубцов-Емницкий взял его под руку.

— Я подброшу тебя в станицу, — сказал он, подходя к газику, в кузове которого спал шофер. — Артем! И когда ты выспишься? Заводи, поедем!

Когда газик осветил угол скошенного ячменя, стоявший на загоне комбайн, спящих на соломе под комбайном людей и выскочил на дорогу, Рубцов-Емницкий, как бы продолжая разговор, сказал:

— Очень хорошо! Просто молодцы устьневинцы! Такой размах мне нравится. И все это, конечно, благодаря тебе, Сергей Тимофеевич.

Свет прожекторов упал на кукурузу, ее молодые бледнозеленые листья трепетали без ветра. «А Рубцов-Емницкий все ж таки неплохой человек, — подумал Сергей. — Зря я с ним тогда так обошелся... Только он какой-то странный... Хотя всякий из нас со странностями».

— И то хорошо, что тебя они избрали членом комиссии, — продолжал Рубцов-Емницкий. — Ты, для ясности, сумеешь довести дело до конца. Главное, чтобы размах был... В практической работе над планом я тебе помогу. Пришлю специалиста. У меня есть такой человек... Дорого не возьмет, а дело сделает. — Он посмотрел на шоферское стекло, о которое со звоном ударялись ночные жуки. — Да, с лесом может быть затруднение. Такого количества древесины и район не получает... Федор Лукич за голову схватится, когда узнает.

— Лес и меня беспокоит, — признался Сергей. — Придется поехать в край.

— И нечего туда ездить, — сказал Рубцов-Емницкий. — Там тоже без Москвы решить не смогут... Лучше ты поезжай в Пятигорск. Там находится краевая контора по снабжению лесом, и есть там у меня друг, некто Ираклий Самсонович... Чудесный человек! Я ему напишу, и он все сделает, для ясности!

Сергей был занят своими мыслями и молчал.

Впереди показалась Верблюд-гора, и когда газик перевалил через седловину и струи света осветили сады, Сергей смотрел на спящую внизу станицу и думал: «Побываю и в Пятигорске, всюду побываю, если это нужно будет».

Машина уже мчалась по улице.

ГЛАВА XII

Живет где-нибудь на Кубани Иван Петрович — положительный тип районного работника, и в нем все решительно положительное: и глаза мягкие и ласковые, и лицо умное, выразительное, и нос непременно ровный, как бы выточенный, и походка не иначе, как легкая... Все в нем так скроено, так подогнано, подтянуто и скреплено, что при самом строгом взгляде и то придраться не к чему. Голос у него тихий, приятный, улыбка добрая, слова доходчивые, обращение вежливое — словом, за что ни возьмись, все говорит только о доброте Ивана Петровича... А рядом с ним, как туча в соседстве с солнцем, Андриан Аверьянович — отрицательный тип районного работника, и все в нем окрашено в одни суровые и мрачные тона: и глаза тусклые, какого-то кирпичного цвета, и лицо обрюзглое, с желваками и со зло нахмуренными бровями, и костюм сидит на нем мешком, и говорит он скучно и не иначе, как сипло и в нос.

Показать именно такие резко очерченные характеры нетрудно. Значительно сложнее иметь дело с таким районным работником, каким является Рубцов-Емницкий. Его нельзя подвести ни под первую, ни под вторую категорию: он занимает, так сказать, золотую середину и находится где-то между Иваном Петровичем с его мягкими и ласковыми глазами и Андрианом Аверьяновичем с его тусклыми глазами какого-то кирпичного цвета... Поэтому и у нашего героя сложилось о нем какое-то двойственное, неопределенное мнение. В день знакомства с Рубцовым-Емницким Сергей подумал о нем одно, теперь же совсем другое, а пройдет некоторое время, и Сергей, возможно, скажет: «Опять я ошибся». Более всего, конечно, нравилось Сергею то, что Рубцов-Емницкий был человек поворотливый и в работе любил не золотую середину, а крайности, и если брался за дело, то энергично, горячо... Так, после совещания в полевом стане, оставив Сергея дома, Рубцов-Емницкий съездил в район и уже на восходе солнца привез в Усть-Невинскую специалиста-плановика. Это был человек опытный. Он приехал в станицу со своими папками, счетами, бумагой, чернилами и карандашами, и работа по составлению пятилетнего плана началась... Шли дни, и все это время возле дома, где поселился плановик и где собиралась станич-

ная комиссия под председательством Сергея Тутаринова, непрерывно, день и ночь, так и стояли то дрожки, то тачанка, то бедарка, то верховые под седлами лошади: приезжали и уезжали бригадиры, животноводы, огородники, садоводы — консультанты плановика. За неделю плановик вместе с членами комиссии высчитал, подытожил и записал все, что только можно и нужно было высчитать, подытожить и записать. На многих листах появились и записи по каждому колхозу, и записи по станице в целом, и цифры по отраслям хозяйства, и цифры по трем колхозам. По настоянию Ивана Атаманова даже каждой животноводческой ферме было отведено в плане свое особое место, в виде отдельного листа с графами, где значились: и рост поголовья по годам, и строительство, и затрата рабочей силы, строительного материала... Что же касается главных объектов строительства — электростанции, родильного дома, кинотеатра, избы-читальни, агро-зоотехнической лаборатории — то все это было выделено в отдельный список.

Пока в Усть-Невинской составлялся пятилетний план, Рубцов-Емницкий занимался своими делами, все время размышляя над тем, как бы ему суметь заполучить строительный материал, миновав государственные плановые наряды. Какие только комбинации он ни придумывал, все мысли сходились на пятигорском друге — именно Ираклий Самсонович должен притти на помощь... За эти дни Рубцов-Емницкий несколько раз побывал у себя в конторе, осведомляясь, как идет отделка кабинета для будущего заместителя, покрикивал на завхоза, чтобы тот поворачивался еще живее, на всякий случай позвонил в Пятигорск к Ираклию Самсоновичу. Сперва попросил друга прислать мягкую мебель и несколько штук ковров, затем уже он заговорил и о лесе... Убедившись, что Ираклий Самсонович и в этом деле не подведет, Рубцов-Емницкий со спокойной душой ушел домой и уже до вечера отдыхал, растянувшись на кушетке. Его жена, Олимпиада Фирсовна, женщина очень полная, похожая на рассерженную сову, была одета в просторный халат с широкими рукавами в виде крыльев и с такими узорами и цветами, что казалось, будто на ней был не халат, а одни букеты...

Олимпиада Фирсовна принесла мужу вазу с клубникой и сказала:

— Лева, я сгораю от любопытства! Ну, где же твой герой? Хотя бы посмотреть на него одним глазом...

— Зачем же, для ясности, одним глазом, — любезно возражал Рубцов-Емницкий. — Скоро ты увидишь его обоими глазами.

Через десять дней Рубцов-Емницкий снова явился в Усть-Невинскую в самом веселом настроении.

— Ну, как, друзья, все у вас готово? — осведомился он, здороваясь с Сергеем и с членами комиссии. — Даже обсудили на колхозных собраниях? Ну, это и вовсе прекрасно! Теперь можно смело ехать в район... А насчет леса, я уже кое-что придумал...

Все эти дни Сергей то работал в комиссии с таким увлечением, что редко бывал дома, забыв о своем фронтовом друге, не замечая ни дня, ни ночи и не чувствуя усталости, то ездил с Саввой в горы, чтобы разузнать, кому принадлежит тот лес, о котором говорил Прохор. От сторожей, охранявших лес, Сергей с Саввой узнали, что лес принадлежит какому-то тресту, а какому именно — об этом и сторожа не сказали... Когда же они с Саввой выехали в район, чтобы показать план Хохлакову и Кондратьеву, Сергей тут только почувствовал усталость. Поудобней усевшись на тачанке, он облегченно вздохнул:

— Уф! Ну, Савва, кажется, самое главное сделано.

— А я думаю, что главное еще впереди, — сказал Савва. — Лес не выходит у меня из головы.

— В конце концов Лев Ильич поможет, — проговорил Сергей. — Да, а ты ведь не знаешь, как я в нем ошибся! По глупости я даже из хаты его выгонял... А он, оказывается, очень отзывчивый...

— Отзывчивый — это верно, — рассудительно ответил Савва. — Боюсь, начнет блатовать, а мне все это не по душе... Если приобретать лес, так только по-честному.

— Безусловно! А как же иначе? — согласился Сергей и задумался.

Дорога уходила под гору. Вдали, на высоком из красной глины берегу, как на карнизе, растянулась районная станица, с квадратной площадью, с садами и двумя рядами кирпичных зданий. Ближе к мосту, на стыке Кубани и Большого Зеленчука, тучной гривой подымался лес, местами уже тронутый яркой позолотой. Мимо него проносились два потока — по одну сторону бурый, по другую — темносерый; затем они сливались в один, и лес лежал в

междуречье, как зеленое копье, обращенное острием к мосту...

— Погляди ты, речки как разлились, — сам себе сказал кучер Дорофей и, тронув вожжой подручного коня, добавил: — Да, очень здорово разлились.

После этого Дорофей причмокнул губами, посвистал отрывисто, на манер перепела, и лошади, без слов понимая своего хозяина, сорвались на рысь и понеслись, только вскидывая гривы... Ах, что за парень этот Дорофей! Ведь он еще молод, казалось бы, как и где можно было успеть приобрести такую неподражаемую манеру управлять лошадьми или сидеть на козлах; такие, например, привычки, как ленивое помахивание кнутом, чтобы лошади постоянно это видели и не забывали о нем, как ловкое, в такт бегу лошадей, подергивание вожжой или тот же перепелиный свист, причмокивание... Нет, среди современной сельской молодежи такие опытные кучера попадаются слишком редко! Стоит вам хоть один раз прокатиться с ним, как вы сразу оцените его достоинства и скажете: талант! редкий мастер! Лошади у него бегут и ровно и легко, а тачанка покачивается плавно; даже на выбоинах Дорофей сумеет проехать так, что вам будет казаться, будто вы едете по асфальту... Кажется, родись он чуть-чуть позже, когда уже наверняка повсеместно лошадиный транспорт уступит место машинам, талант Дорофея так бы и увял никем не замеченный. Но Дорофей родился, как говорят, ко времени — добрые кони и тачанки еще не вышли из моды, особенно на Кубани, и такой молодцеватый кучер, естественно, вызывал законную зависть у многих председателей станичных советов. Ведь это был не просто ездовой, умеющий обращаться с лошадьми! Нет, это был кучер в полном смысле этого слова, у которого лошади всегда были веселые и тачанка гремела как-то по-особенному, даже по ровной дороге катилась с таким приятным звоном, что слушать ее было одно удовольствие, особенно в тот вечерний час, когда вы в поле одни, а вокруг вас лежит равнина, — вы слушаете, глаза слипаются в сладкой дремоте, и вы засыпаете под говор колес...

Сергей склонил голову на плечо Саввы и, мягко покачиваясь, задремал. Когда же он открыл глаза, тачанка уже катилась по узкой улице, выходившей на площадь с молодым парком, обнесенным железной изгородью. Дорофей подхлестнул коней и крупной рысью подкатил к двухэтаж-

ному домику, в котором помещались райком и райисполком. В обширном дворе уже собрался порядочный обоз — возле тачанок и линеек стояли лошади в хомутах, а в холодке, под колесами, на раскинутой бурке отдыхали кучера. На них-то и посмотрел Дорофей каким-то восторженным взглядом, весело улыбнулся, как бы говоря: «Постойте, постойте, я вот тоже подстроюсь к вашему лагерю, и мы еще не такое устроим заседание!» И как только Савва и Сергей сошли на землю и направились в двухэтажное здание, Дорофей даже привстал, показал лошадям кнут, чем придал им особую резвость, сделал круг и с грохотом влетел во двор...

— Пр-р-р! — крикнул он. — Здорово булы, кучера!

Из приемной Хохлакова Савва посмотрел в окно. Лошади уже были распряжены и поставлены к передку тачанки, куда была положена трава, а Дорофей подошел к своим коллегам и стал закуривать, гордо повесив на мизинец расшитый монистами кисет... Ай, Дорофей! И что за парень!

В приемной Хохлакова собралось человек десять руководителей колхозов и станичных советов. Это были люди в летах и при здоровье, хорошо знавшие, что такое и степной суховей, и полуденный зной, ибо лица у них были уже не бронзовые, а коричнево-черные, с жесткими, засмоленными усами. Тут были и бритоголовые, и чубатые — кто носил на голове картуз, кто кубанку с красным верхом, кто войлочную шляпу, а кто и соломенный бриль. Одежда также была пестрая: у одного еще новенький военный костюм, у другого суконные галифе, спарованные с бешметом, у третьего шаровары, сшитые по-старинному, на очкуре, под который заправлена рубашка с галстуком. С Саввой они здоровались по-приятельски, за руку, как обычно здороваются закадычные друзья, которые, до того как их позовет к себе в кабинет Хохлаков, успеют постоять у ларька с пивом. Тот, что был в шароварах на очкуре и при галстуке, даже обнял Савву и поднял его, точно собравшись бороться.

— Атаман Усть-Невинской! — крикнул он. — Слыхал про твой пятилетний план! Одобряю! Ты герой, ей-богу, герой!

Тут «атамана» окружили, на него посыпалось столько вопросов, что бедный Савва и краснел, и улыбался, и не знал, что отвечать. Поднялся веселый галдеж, все разом

поздравляли Савву и поглядывали на незнакомого чернолицего парня с Золотой Звездой, думая: не этот ли Герой подсказал Савве такую важную мысль, не его ли тут инициатива...

Послышался всем знакомый скрип шагов, и в приемную вошел Федор Лукич Хохлаков.

— Что у вас тут за пленарное заседание? — спросил он.

— Савву Нестеровича приветствуем!

— Опережает!

— Какой тон задает!

— Нашли же из-за чего шуметь, — важно проговорил Федор Лукич.—Графики по косовице и хлебосдаче все привезли?... А! Сергей Тимофеевич! — воскликнул он, увидев стоявшего в углу Сергея. — Заходи, заходи в кабинет! Поговорим... А я тогда волновался: тебя, наверно, дождь накрыл!

В кабинете, уютном и чистом, Федор Лукич усадил Сергея у стола и сам тяжело опустился в кресло. Откуда-то из-за пояса вынул хустку, величиной с полотенце, старательно вытер ею седую, низко остриженную голову, затем расстегнул ворот гимнастерки и стал жаловаться на болезнь сердца. Сергей и сам еще в приемной заметил разительную перемену на лице Федора Лукича: оно было не то чтобы бледное, а какое-то болезненное, восковое, со слабо синеющими на щеках прожилками. Увеличились мешочки под глазами, шишкастый нос тоже как-то округлился и потемнел, — даже родинка на верхней губе, и та изменилась. И походка у него стала вялая, как у человека, никогда не сидевшего в седле, а тут проскакавшего на коне без отдыха километров тридцать; и скрип сапог не был таким бодрым и веселым, как раньше, а сделался каким-то плачущим...

— Надо бы лежать, а я не могу, — проговорил Федор Лукич, пряча хустку. — Люди приехали. Начнем пересматривать график, и это до вечера. И так каждый день... Так что болеть некогда.

— Вам бы пора на отдых, — искренне посочувствовал Сергей.

— И такое придумал, — обиделся Федор Лукич. — На отдых! А кто заменит?.. Вот вы, молодые казачата, подрастаете, а смены себе я не вижу, — с упреком сказал Фе-

дор Лукич. — Партия вас учит, воспитывает, а вы нос задираете... Как подрос какой способный парнишка, так и норовит удрать куда-нибудь повыше — в край, в центр! А кто в районе будет? Кто нас, стариков, заменит?

— Вы бы поехали хоть полечились... Вам бы подошел Кисловодск.

— Знаю, что надо ехать в Кисловодск, а поехать не могу, — Федор Лукич даже скривил губы, так ему трудно было об этом говорить. — Партийная совесть не позволяет... Началась уборка. На кого я оставлю район? На кого? Не-е-ет, Сергей Тимофеевич, лечиться мне некогда. Да ежели говорить правду, то старая гвардия и не привыкла к этим нежностям... Это теперь молодые как что — на курорт! А я так и умру стоя, как солдат на посту, и буду рад, что до последней минуты не ушел с поля боя...

Помолчали. Сергею хотелось заговорить о пятилетнем плане станицы, но он не знал, как начать. Федор Лукич тяжело вздохнул и еще раз вытер хусткой голову, лицо, шею. Сергей придвинул ближе стул и сказал:

— Федор Лукич, а мы уже составили пятилетний план Усть-Невинской... По колхозам прошли собрания... Народ очень одобряет... И вот мы приехали к вам.

— Слыхал, слыхал,—сухо проговорил Федор Лукич.— И удивляюсь... Чего ты в это дело вмешался? Вся эта затея Саввы нереальная. Это я ему давно растолковывал, но он...

— Это не затея Саввы, — резко перебил Сергей, и лицо его вспыхнуло, брови сдвинулись. — Не затея, а желание всей станицы, и если вы хотите знать, то пятилетний план станицы составлен по моему предложению и с моим участием... И нечего все валить на Савву...

— Ну, чего ты уже обиделся? — Федор Лукич приятно улыбнулся. — Зачем обижаться? Давай план, — посмотрим, что вы там наметили.

— Савва! Иди сюда, — крикнул Сергей, подойдя к двери и приоткрыв ее. — Давай план, — сказал он, когда вошел Савва. — Вот посмотрите. Здесь все сказано, — и Сергей развернул перед Федором Лукичом папку с бумагами.

— Так, так, — задумчиво проговорил Федор Лукич, внимательно рассматривая план. — Так, так... Урожай завышен, рост поголовья тоже, но с этим можно согласиться... Трудно будет, но с этой задачей можно будет справиться... Раз сами колхозники решили... А вот насчет

строительства... Да, размах, размах, только все это, друзья, одна фантазия... Шестнадцать вагонов леса? Да вы подумайте, что это такое! — Федор Лукич снова ласково улыбнулся. — Я знаю Савву, он привык строить замки на песке...

— А я утверждаю, что этот план реален! — твердо сказал Сергей. — И если вы лично не согласны, тогда давайте обсудим на исполкоме...

— С тобой, Сергей Тимофеевич, нельзя спокойно разговаривать, — болезненно морщась, проговорил Федор Лукич. — Вот что, пойдемте лучше к Кондратьеву... Кстати, он давно хотел с тобой повидаться.

Федор Лукич тяжело поднялся и увел Сергея и Савву на второй этаж. Они прошли по коридору и вошли в кабинет, который внешним своим видом решительно ничем не отличался от многих кабинетов первых секретарей сельских райкомов на Кубани. Тот же длинный, в виде буквы «Т» стол, покрытый зеленым сукном, те же массивные стулья, расставленные не только вокруг стола, но и вдоль стен, те же два дивана — один кожаный, изрядно потертый, другой еще новый, из какого-то цветного материала, те же четыре окна смотрят на площадь и в них виден молодой сквер с железной оградой... Из-за стола поднялся Кондратьев и вышел навстречу гостям. О нем Сергей много слышал, и ему казалось, что Кондратьев должен обязательно быть высокого роста, в военном костюме, стройным и чем-то очень походить на генерала — командира Кантемировской танковой дивизии, в которой служил Сергей... Теперь же перед ним стоял чернолицый, худощавый мужчина, в обычном штатском костюме, опрятном, но далеко не новом. Роста он был среднего, несколько сутуловат, голова у него большая, с совершенно побелевшими висками, а лицо строгое, усталое и немного грустное. Приятными были у Кондратьева карие глаза — в них постоянно жила какая-то скрытая от людей улыбка, и взгляд их был так внимателен и проницателен, точно этот взгляд говорил: «Ты там что мне ни рассказывай, а я, дорогой, все твои мысли наперед знаю...» Во время беседы он не любил сам рассказывать, но зато любил расспрашивать и слушать, — и так умел он внимательно слушать собеседника, что, казалось, в эту минуту забывал обо всем, а только и помнил то, что говорили ему... Обычно он расспрашивал обо всем, даже и о том, что сам знал наверня-

ка, и тогда скрытая улыбка в его глазах выступала особенно ярко...

— Ну, как ваш пятилетний план? — спросил Кондратьев у Сергея после короткой беседы.

— Да вот мы и зашли по этому делу, — заговорил Федор Лукич, ближе подсаживаясь к Кондратьеву. — План-то есть, но составлен он без всяких реальных возможностей... Рассуди, Николай Петрович...

— А с районным планом ты ознакомился? — сказал Кондратьев, обращаясь к Сергею.

— Ознакомился... — Сергей встал. — Но поймите, товарищ Кондратьев, по тому плану устьневинцам строить-то нечего.

— Как же нечего? — спросил Федор Лукич.

— На три колхоза одна конюшня и три кошары. — Сергей положил перед Кондратьевым папку. — А посмотрите этот план! Тут намечается строительство электрической станции... да и не только станции. Вот весь список объектов строительства.

Кондратьев взял список и, склонившись над столом, стал его рассматривать. Савва сидел в конце стола, молчал и все время не сводил глаз с Кондратьева. Федор Лукич взял Сергея под руку и отвел в сторонку.

— На весь район нам занаряжено восемь вагонов леса, — шопотом проговорил он, — вот тут и выкручивайся как знаешь. А ты на одну станицу требуешь шестнадцать!.. Сергей Тимофеевич, где же тут реальность? Лес-то на дороге не валяется и достать его невозможно.

— Да ведь вы же еще не пробовали? — спросил Сергей.

— Опять упрек? — Федор Лукич болезненно улыбнулся. — Эх, Сергей Тимофеевич, говорил я, что шумит у тебя в голове война, и был прав... Ты как-то странно рассуждаешь. Я тебя немножко понимаю. Ты думаешь так: захотел и достал. А наше государство этого как раз и не любит. Если государство само найдет нужным — оно даст тебе и сто вагонов и скажет: стройте, а мало будет, еще дадим. А ежели найдет нужным не дать, и не даст, и тогда будь хоть золотой, а раз тебе не положено по наряду, все равно ты ничего не сделаешь... Удивляюсь, как ты этого не понимаешь?

— Я отлично все понимаю, — сказал Сергей, глядя в лицо Федору Лукичу. — А вот одного не пойму: где это

вы взяли такую выгодную теорию — ни печалей, ни беспокойств. Да вас за нее всякий бездельник расцелует. Чего еще желать лучшего? Жизнь спокойная. Живи себе и ни о чем не думай, а государство о тебе само побеспокоится и скажет, что тебе делать сегодня, а что завтра. Так ли я понял ваши слова?

— Ты опять свое...

— А о чем вы там спорите? — спросил Кондратьев, вставая. — Федор Лукич, чего ж тут судить? Надо рассмотреть на исполкоме... Мне такой план положительно нравится.

— И мне он тоже нравится, — недовольно проговорил Федор Лукич, подходя к Кондратьеву. — Если стоять в стороне и любоваться — очень хороший план. А мы должны утвердить, взять на себя ответственность. Узнают в крае, газеты распишут, а выполнить мы все это так или иначе не сможем. Тогда что? Назад раки? Кому придется краснеть перед краем? Нам с тобой, Николай Петрович... Сергей Тимофеевич был, да и уехал, Савва тоже останется в стороне, а мы с тобой в бороне...

— Так вот вы чего боитесь! — как-то особенно громко сказал Сергей. — Тогда я сам беру на себя ответственность... И никуда я не уеду, пусть вас это не пугает.

— Тутаринов, не горячись,—строго сказал Кондратьев, и в глазах его показалась скрытая улыбка. — Давайте вместе подумаем, как и где достать лес. Именно об этом беспокоится Федор Лукич, и не без основания.

— Поеду в край...

— А если в крае откажут? — в упор спросил Кондратьев.

— Не может быть, — Сергей задумчиво посмотрел на Кондратьева. — Если откажут, поеду в Москву.

— Хорошо, Тутаринов, — сказал Кондратьев. — Мы командируем тебя в край и будем считать, что пятилетний план Усть-Невинской нами одобрен... Так, что ли, Федор Лукич?

Федор Лукич не ответил. Он сидел на диване и держался рукой за грудь.

— Возьми с собой план, — наказывал Кондратьев. — А я на этих днях буду в крайкоме и тоже поговорю... А когда вернешься, тогда уже и примем решение о мерах по практической реализации плана. Я думаю, это и будет самое правильное, — и Кондратьев впервые улыбнулся.

Федор Лукич, держась рукой за грудь и часто вытирая хусткой потное лицо, сидел молча, изредка со злобой поглядывая на Савву. Когда Сергей и Савва, попрощавшись, вышли, Хохлаков встал и подошел к Кондратьеву:

— Николай Петрович, что поделаешь с этими горячими головами? Беды не оберемся...

— Федор Лукич, — сказал Кондратьев, — если тебе надо полечиться, возьми путевку и езжай... Мне было просто стыдно. Ведь как ты ни рассуждай, а Остроухов и Тутаринов правы, они-то, оказывается, дальше нас видят. И неудивительно, что наш районный план их не удовлетворяет. Вот что, иди и заготовь Тутаринову документы, чтобы он смог выехать в край завтра же...

Федор Лукич махнул рукой и молча вышел.

Сергей и Савва уселись на тачанку и выехали со двора. Навстречу им шел Рубцов-Емницкий, размахивая брезентовым портфелем, как всегда, веселый и улыбающийся.

— Друзья, ну, как ваши успехи, для ясности? — спросил он, поставив парусиновый сапожок на подножку тачанки. — Как вас принял Федор Лукич?.. Я уже спешил на выручку.

— Федор Лукич принял не очень любезно, — ответил Сергей, — а Кондратьев хорошо. Завтра еду в край, и там все будет решено.

— Милый человек! — сказал Рубцов-Емницкий, уже взобравшись на тачанку. — Зачем же ехать в край? Совсем не надо туда ехать, а завтра же поезжай ты в Пятигорск. Там обосновалась краевая контора по сбыту леса. Так что все равно тебе придется ехать в Пятигорск. А зачем терять время? К тому же, как я тебе говорил, там живет мой друг Ираклий Самсонович. Я черкну записочку, и он все сделает. Пока ты попьешь нарзану и погуляешь на склоне Машука, все твои дела будут сделаны... Заедем-ка на минутку ко мне.

В конторе райпотребсоюза еще все было испачкано глиной, известью. Пахло красками, олифой, сосновой стружкой.

— Навожу порядочек, — сказал Рубцов-Емницкий, провожая гостей в кабинет.

Пока Рубцов-Емницкий писал, усевшись за стол, Сергей смотрел в окно и размышлял: «Если это так и там находится краевая контора, то в самом деле нужно ехать в Пятигорск и все решить в какие-нибудь три—пять дней ..» Рубцов-Емницкий вложил записку в конверт и, вручая ее Сергею, сказал:

— Для ясности, никакого секрета... Можешь прочесть.

Читать Сергей не стал, а сунул конверт в боковой карман гимнастерки, даже не посмотрев, кому он был адресован.

— Эх, Савва, — сказал Сергей, когда тачанка, миновав мост, катилась по степной дороге. — Теперь бы нам утвердить в крае намеченные нами объекты и получить наряды на строительный материал... И это надо сделать побыстрее... Эй, Дорофей! — обратился он к кучеру. — Завтра мы с тобой едем в Пятигорск. Дорогу знаешь?

Дорофею не надо было говорить, что и как готовить в дорогу. Ему все это было давно знакомо. Накануне он всю ночь не спал: то кормил лошадей, подсыпав им лишнюю порцию овса, то мазал колеса, то чинил сбрую, то укладывал овес для лошадей и харчи для себя и своего пассажира. Все было готово, и на заре тачанка со звоном выкатилась из Усть-Невинской и загремела по степи... Ехали хорошей рысью и уже к полудню увидели на горизонте, точно в тумане, очертания Пятигорья... Горы синели и манили взгляд. И тут Сергей вспомнил о записке Рубцова-Емницкого; ему захотелось узнать, что в ней было написано. Конверт был не заклеен. «Ираклий Самсонович! Для ясности, буду краток, — гласила записка. — Податель сето — Герой Советского Союза, будущий мой заместитель, так что ты это понимаешь, и так далее, ясное море! Будь ласка, чернуша, устрой ему насчет лесу, как свой своему... Твой заказик будет реализован на пять! А то и больше! Привет от Иллариона — и что за каналья, обосновался в Москве, и теперь оно есть высокая шишка, ты тоже — шишка, но я тебя не дразню, и так и далее...»

Дальше Сергей читать не мог. Он невольно улыбнулся и подумал: «На каком это языке написано?.. И я — будущий заместитель? Значит, он еще не выбросил из головы эту глупую затею?..»

Сергей рассмеялся так громко, что даже Дорофей повернул к нему свое скуластое лицо и тоже засмеялся. Сергей еще раз посмотрел на записку, потом разорвал ее на мелкие кусочки и бросил под колеса.

ГЛАВА XIII

К Пятигорску Сергей подъезжал от хутора Виноградные Сады, и ему казалось, что именно отсюда полнее и лучше, чем с какой-либо другой стороны, был виден весь очерк Пя-

тигорья. Перед глазами открывалась Подкумская долина в пышных кущах садов. Левее стояли горы, заслонив собой горизонт, и рисунок их на голубом фоне неба выступал мягко и необыкновенно красиво. Бештау вышла наперед, издали вся она казалась темнозеленой, без лесных зарослей, без скал и каменистых выступов, точно высеченная из цельного куска гранита. У ее подножья струилось марево — мелкие волны-барашки катились и катились ей навстречу, и казалось, будто гора Бештау, чуть покачиваясь, низко-низко плыла над землей... А вдали в знойную дымку, как в газовый шарф, куталась Машук, похожая на огромный шатер из зеленого бархата. И чем ближе подъезжал Сергей к этому шатру, у основания которого белой террасой лежал город, тем отчетливей были видны горы — они точно шли навстречу. Вот встала у дороги Шелудивая в своем диком наряде, с совершенно голыми, в беспорядке торчащими камнями. И только успел Дорофей как следует рассмотреть эту страшно взъерошенную горку и при этом не без резона заметить: «А! Ты погляди на нее, какая она есть паршивая горка, просто и не горка, а один срам», как Бештау уже встала на пути и заслонила собой все небо. Теперь она повернулась лицом на юг, и отроги ее раскинулись вширь, как крылья взлетающей птицы, — так Сергей уже до самого Пятигорска ничего не видел, кроме ее массивного тела: на горе то расстилался лес малахитового оттенка, то тянулись курчавые заросли, то блестели на солнце травянистые поляны, то темнели прорези ущелий или краснели скалы с орлиными гнездами... А рядом с шоссе заблестели рельсы и бежали столбы, опутанные медной, горящей на солнце проволокой; с ветром и шумом пронеслись зеленые вагоны электропоезда, и Дорофей насторожился, покрепче подобрал вожжи, ибо лошади неожиданно шарахнулись в сторону; совсем близко забелел изгиб Подкумка; поплыла перед глазами полосатая труба над просторным полем аэродрома; по обе стороны побежали сады, строения, заборчики из досок, выкрашенные известью...

Дорофей ехал шагом, но когда колеса запрыгали по мостовой, он погнал лошадей, как бы желая на деле убедиться, хороша ли в этом городе мостовая... Нельзя сказать, чтобы она была очень хорошая! В двух или трех местах тачанку так тряхнуло, что Дорофей, беспокоясь о колесах, вынужден был выругаться и попридержать лошадей. Сергей держался за поручни и уже не смотрел по сторонам. Когда же колеса

плавно покатились по асфальту и Дорофей, добродушно улыбаясь, сказал: «Да! Вот это, чорт возьми, роскошная дорога», Сергей поднял голову и увидел Машук совсем близко. Гора, местами уже пожелтевшая, до половины поросшая мелким кустарником, возвышалась прямо перед ним, и весь город лежал у ее ног: улицы, дома, каштановые аллеи — все устремилось к ее вершине и, как бы не в силах взять такой высокий подъем, остановилось на зеленом склоне.

Пока Сергей любовался видом горы Машук, заметив на ее вершине гуляющую парочку, которой не было решительно никакого дела до того, кто там ехал на тачанке; пока рассматривал город, тихий и немноголюдный, где все располагает к отдыху, где даже милиционеры, как бы подражая курортникам, стоят на постах в ослепительно-белой форме; пока тачанка катилась по проспекту с двумя рядами тенистых каштанов, под развесистыми ветками которых, как под крышей, бегали игрушечные на вид трамваи, — Дорофей тем временем успел разузнать у прохожих, на какой улице находится Дом колхозника. В просторный двор, покрытый асфальтом, Дорофей влетел бодрой рысью, приветливо улыбнулся дворнику, отворившему ворота, как бы говоря этой улыбкой: «Дедусь! Видал, как умеют ездить усть-невинцы!» Тут же он, описав круг, поднял такой шум, что из коридора выбежала молоденькая, в белом переднике, девушка. Дорофей тотчас ее заметил, улыбнулся и ей, даже успел подморгнуть глазом: дескать, чего так смотришь? Мы еще и не такие круги умеем описывать!..

Как только тачанка остановилась, Дорофей молодцевато спрыгнул на землю и стал распрягать лошадей, а Сергей пошел к девушке в белом переднике, чтобы узнать у нее, есть ли в таком просторном дворе кран с водой... Поговорив с девушкой, Сергей узнал не только о том, что в Доме колхозника есть и кран и умывальник, а также и о том, что его собеседница была не просто девушка в белом переднике, а дежурная, — потому-то и стояла она на пороге вызывающе гордо, как могут стоять одни только дежурные гостиниц, когда у них все номера заняты на год вперед. И выбежала она во двор не ради девического любопытства... Нет, девушка в белом переднике и с нежно-голубыми глазами торопилась предупредить приезжих, что в Доме колхозника «на данный отрезок времени вся наличность коек и номеров занята». Сергей поспешил заверить девушку, что наличность коек и номеров его вовсе не интересует, ибо спать возле та-

чанки, когда под тобой лежит мягкая и пахучая трава, куда приятней, чем в душном номере... Тут нежно-голубые глаза вдруг заметили блестевшую звездочку на груди у приезжего; до этого строгое, неприступное лицо дежурной озарилось приятной улыбкой, глаза сделались еще более нежными и голубыми, а в голосе появились трогательно ласковые звуки.

— Вы — Герой?—таинственным шопотом спросила она, еще не веря своим глазам.

— Гожусь и в герои! А что ж?

После этих слов Сергей так ласково посмотрел на дежурную и так значительно повел своими широкими бровями, что бедная девушка почувствовала какое-то сладкое кружение в голове, закрыла лицо руками и промолвила:

— Герой... А я вам такое наговорила. Но вы не беспокойтесь. У нас есть бронь.—Она трогательно улыбнулась.— Я только позвоню и согласую...

— Кому ж вы хотите звонить?

— А Маргарите Федоровне.

— Кто такая эта Маргарита Федоровна?

— Да разве вы ее не знаете? Ее все знают... А как она обрадуется!

— Чему же, собственно, радоваться?

— Как она обожает Героев! Вот я позвоню...

— Зачем же звонить? Вовсе не надо звонить.

— Ничего, ничего, — молвила девушка, вся пылая от счастья. — Одну секунду.

Девушка скрылась в коридоре, а Сергей отыскал кран, разделся по пояс и стал умываться. «Надо умыться и сменить рубашку,—рассуждал он, подставляя под струю холодной воды крепкую шею. — А то, чего доброго, эта Маргарита Федоровна явится передо мной каким-нибудь важным лицом, а я весь в пыли, как сатана». Разумеется, Сергей никогда не видел, каким бывает сатана в пыли, но такое сравнение ему понравилось, ибо уж слишком сильно загрязнился он в дороге — и в уши, и в ноздри набилось столько всякой липкой нечисти, что отмыть ее было не так-то просто... Старательно вымывшись до пояса, Сергей вытер холодное тело полотенцем и надел чистую верхнюю рубашку. Это была его любимая рубашка из белого полотна, сшитая еще до войны на манер горских бешметов: стоячий воротник, простроченный вкось и вкривь, широкие обшлага на рукавах, круглые, величиной с горох, пуговицы, пришитые одна возле другой от самого подбородка до пояса, — словом, это была казачья

рубашка, и к армейским бриджам, которые носил Сергей, лучшую подобрать уже было невозможно... Рубашка была очень хороша, но только не висели на ней ни медаль «Золотая Звезда», ни орденские ленточки, — Сергей не то забыл, не то просто не захотел их вешать... Когда он уже причесал мокрый чуб и стал сворачивать старую, изрядно запыленную гимнастерку, раздумывая, как бы ему разыскать нужную контору, из окна дежурки донесся звонкий голосок девушки: «Разбронировать пятый?! Поставить цветы?! И цветы будут, и занавески повесим! Все, все будет!» Сергей добродушно улыбнулся, услышав о цветах и занавесках. «А оно, пожалуй, и лучше спать в хорошем номере да еще и на кровати с пружинами», — подумал он. После этого и девушка в белом переднике, и незнакомая ему Маргарита Федоровна, и даже дворник, который уже о чем-то расспрашивал Дорофе́я, показались людьми необыкновенно вежливыми, привлекательными... И Сергей был рад, когда дежурная снова бежала к нему, взволнованно блестя глазами.

— Дорогой товарищ! — сказала она очень приятным голосом. — Дорогой товарищ, Маргарита Федоровна и я просим вас... просим вас...

Тут ее приятный голосок оборвался, блестевшие нежно-голубые глаза и расширились, и помрачнели — помрачнели так, как будто она вместо живого человека увидела труп... Сергей заметил эту внезапную и странную перемену на лице девушки...

— А где ж Звезда? Об-бманщик... — проговорила она сквозь слезы и ушла, понурив голову.

Сергей долго смотрел ей вслед. «Забавно», — проговорил он, а что означало это слово, к кому оно было обращено и какой содержался в нем смысл, — никак нельзя было понять. «Да, очень забавно», — еще раз сказал он и пошел разыскивать контору...

Тут читатель должен быть предупрежден: мы не станем называть ту контору, куда направился наш герой, ее полным именем, а назовем так: Н-ская контора. Поступить так нас вынудили две причины. Первая причина заключается в том, что название этой конторы состоит из такого неудачного сочетания гласных и согласных звуков, что произносить его вслух очень трудно. Вторая причина имеет общественный характер. Дело в том, что в небольшом городе на склоне горы Машук, так сказать, в лермонтовских местах, удобно разместилась не одна контора: что ни особняк с садом и беседкой,

увитой хмелем, то и контора по заготовке и сбыту всевозможного сырья, строительного материала, молока, шерсти, яиц, масла, кожи — словом, всего, что можно заготовлять и сбывать. Трудно сказать, были ли тому виной серные источники, или горный климат, или какой-либо другой природный фактор, только у подножия горы Машук приютилось изрядное количество краевых и межкраевых, союзных и межсоюзных контор; и если бы мы назвали одну из них и сказали, что наш герой пошел именно в эту контору, миновав все другие, нас обвинили бы в нечестности. Какой-нибудь почетный управляющий, проживший в этом городе безвыездно лет двадцать, человек, без которого не обходится ни одно важное совещание у председателя горисполкома, вполне законно может сказать: «А почему Герой Советского Союза пошел в контору Терентия Игнатьевича? А почему не ко мне? Разве мое учреждение недостойно того, чтобы о нем написать в повести? У меня-то есть что и описать и показать Герою, а у Терентия Игнатьевича, если говорить правду квартальный план никогда не выполняется, да и в самой конторе нет никакого порядка. У Терентия Игнатьевича — это все знают — к посетителям нет должного уважения, жалобы маринуются, да и в кабинете не видно ни одного приличного дивана или ковра. А у меня контора, как часовой механизм!..» И пойдут управляющие и директора расхваливать и себя и свои учреждения... А кому это интересно слушать?... Так что уж лучше мы не будем называть контору ее точным именем, а скажем: Сергей пошел разыскивать Н-скую контору.

Сергею недолго пришлось ее разыскивать. Выйдя на улицу, он спросил у мороженщика, где находится такая-то контора, и тот указал рукой на довольно приличный двухэтажный дом, стоявший как-то так, что со всех сторон его укрывала буйная зелень. Нижний этаж совсем скрывался в саду — в раскрытые окна лезли ветки, а в комнатах с утра и до вечера стоял густой холодок. В приемной, куда вошел Сергей, было прохладно, в окна смотрел темный сад, заслонивший собой солнце так надежно, что ни один луч не проникал в эту во всех отношениях уютную комнату. За столом сидела представительная женщина в платье нежно-сиреневого цвета, еще молодая и, как успел заметить Сергей. хорошенькая. Лицо ее было задумчиво, глаза и строгие и немного даже грустные. Она посмотрела на вошедшего как-то так безразлично, холодно, точно перед ней стоял не жи-

вой человек, а одна лишь тень... «Кажется, мне повезло, — подумал Сергей. — Ведь это же сидит за столом не кто иной, как сама управляющая...» Повнимательней посмотрев на сидевшую за столом женщину, Сергей пришел к выводу: да, это была управляющая конторой и никто другой!

— Товарищ, — робко заговорил Сергей, — позвольте обратиться к вам с просьбой... Видите ли, я приехал...

— Демобилизованный? — не дав договорить, спросила суровая женщина.

— Да... Только у меня...

— Ничего не можем, — решительно заявила она. — Мебель изготовляем только в Нальчике. Если вас интересует шифоньер или диван, то можете ехать в Нальчик. На местном складе есть одни табуретки... В первом квартале мы коечто получали из Ленинграда, но теперь же вам не первый квартал?

— Да, квартал не первый... Но мне мебель не нужна. Мне нужен строительный лес. Видите ли, в чем дело... Я вам поясню...

— А! Индивидуальный застройщик? — уже с улыбкой спросила женщина. — Так бы сразу и сказали. Вот что. У нас вы не один. Многие бывшие фронтовики обстраиваются. Напишите заявление, указав в таковом, где будете застраиваться, какой кубатуры дом, сколько просветов, общая стоимость, количество лесоматериала и какого именно.

— Да не в этом дело...

— Будет рассмотрено в порядке очереди.

Сергей стал горячо убеждать эту представительную женщину, что в Нальчик ему ехать нет надобности, что своим домом он обзаводиться не собирается, а что речь идет о шестнадцати вагонах леса, необходимого на постройку электростанции, родильного дома, конюшен, коровников, клуба, избы-читальни... Сергей перечислил все объекты намеченного строительства и в самых ярких красках нарисовал будущее Усть-Невинской, прося обратить внимание на значение пятилетнего плана станицы. Суровая женщина немного повеселела, ей, очевидно, понравилось то волнение, с каким этот молодой чернобровый парень рассказывал о таких, казалось бы, обычных вещах, как строительство. И она, в свою очередь, стала расспрашивать Сергея о том, хороша ли собой Усть-Невинская, есть ли в этой станице сады, базар, дорого ли стоит сливочное масло, а также кубанское сало... Сергей подумал, что все эти расспросы являются лишь предисло-

вием к будущему деловому разговору, поэтому и рассказал подробно, как только мог, и о садах, и о базаре, и о ценах, сказавши при этом, что сливочное масло стоит очень дешево... Суровая женщина, как показалось Сергею, вполне удовлетворилась такой исчерпывающей информацией, но почему-то не стала рассматривать план, а взяла из стакана розочку и понюхала ее своим аккуратным, слегка припудренным носиком.

— Шестнадцать вагонов... — сухо проговорила она.

— Да, да... Верите, меньше никак нельзя! Мы все это много раз обсуждали. Вот посмотрите: и то надо строить, и это надо строить.... Тут и так все только крайне необходимое.

— Про это я ничего не знаю...

— А кто ж знает?

— Как — кто? Разве некому знать? Для этого есть начальник...

Сергей встал и, краснея и удивленно глядя на женщину, невольно развел руками.

— Разве вы... вы не начальник?

— Вот так здорово! — тут она уже рассмеялась звонким, почти серебряным смехом. — Разве я похожа?

Сергею было не до смеха.

— Очень, — зло сказал он. — Просто бесподобно...

— Спасибо за комплимент, — она смеялась. — А я ведь всего-навсего секретарь-машинистка.

— Тогда к чему все эти разговоры и расспросы? Ведь вы даже интересовались Усть-Невинской.

— Ну и что ж такого? Я обязана все знать. Мне надлежит...

Сергей не захотел знать, что именно ей надлежало, сухо простился и вышел из домика, похожего на виллу. Из таблички на входных дверях узнал, что начальник принимает с часу до двух, а уже было половина пятого... «Забавно», — не подымая головы, снова проговорил Сергей уже знакомое нам слово, но что оно означало, и на этот раз понять было невозможно.

ГЛАВА XIV

Не зная, куда пойти и как скоротать время, Сергей зашел в городской парк. Это был обычный городской парк, с летним кинотеатром, с танцовальной площадкой, возле ко-

торой уже сидели с медными трубами бойцы-музыканты, поджидая капельмейстера, с детским городком, с качелями и горками, с рестораном «на воздухе», как гласила вывеска. с киосками для продажи воды и мороженого...

Солнце опустилось за высокие деревья, шеренгой стоявшие вдоль Подкумка. В парке лежал предвечерний холодок, но еще было безлюдно, и Сергей хотел было уйти, но увидел старый дуб и остановился. На дереве висела табличка с надписью: «Аллея Героев». Эти два слова заинтересовали Сергея. По аллее на высоких щитах стояли портреты. «Забавно, — подумал Сергей. — Аллея Героев! Значит — моя аллея». И ему стало приятно от одного лишь сознания, что вот он, Герой Советского Союза, и в чужом городе идет не по какой-нибудь обычной аллее, а по своей... Что поделаешь, видно, так уж устроен человек: любит он наслаждаться славой, — даже одна ее капелька и то сладко опьяняет голову, и на сердце тогда делается необыкновенно тепло.

Вот эту приятную теплоту на сердце ощутил и Сергей, взглянув на аллею Героев. Его лицо расцвело в улыбке, и он подумал: «Может, я увижу в этой аллее и свой портрет. А почему бы и не увидеть? Конечно, увижу... Только на портретах я всегда почему-то получаюсь мрачным, с насупленными бровями, как все одно сыч...» Он сладко улыбнулся и уже был совершенно уверен, что его портрет стоит если не третьим от начала аллеи, так пятым, а не пятым, так седьмым, а возможно, и первым с противоположного конца, — в сущности, какая разница, важно то, что среди Героев есть и его портрет...

С этой мыслью Сергей и подошел к портрету генерал-лейтенанта Козлова, стоявшему на высоком щите у входа в аллею. Молодой и статный, в парадной форме, при орденах, генерал посмотрел на Сергея тем особенным приветливым взглядом, которым обычно смотрит командир дивизии на своего молодцеватого и расторопного в бою офицера, уже решив представить его к награде. Глаза у генерала были веселые, точно живые, и Сергею казалось, что вот-вот с полотна сойдет этот плечистый, с энергично поднятой головой генерал, звякнет шпорами и, подойдя к нему, скажет: «А! Сергей Тутаринов! Вот мы где встретились! Как же, как же, помню, отлично помню, воевал ты со славой! А теперь что поделываешь? Погоны уже снял... Строишь? Молодец, Тутаринов! Это я одобряю... Да, счастливые те из нас, кому довелось не только воевать, но и строить после войны. Толь-

ко ты берись за это дело горячо. Помнишь, как шли на Берлин? Без передышки!.. А где ж твоя Золотая Звезда? А где ордена? Это, брат, никуда не годится!» Сергей торопливо достал из кармана платок, в котором были завернуты орденские ленточки и медаль «Золотая Звезда», и приколол их на грудь. Потом еще раз посмотрел на генерала и пошел ко второму щиту. Здесь стояли подполковник Акопьянц и гвардии майор Потапенко. Оба старшие офицеры проводили Сергея строгим взглядом и ничего не сказали. «По старшинству стоят, — подумал Сергей. — Значит, себя я увижу не раньше, как на пятом щите...»

За старшими офицерами стояли гвардии капитан Грабчук и гвардии капитан морской летчик Бунимович. Затем пошли старшие лейтенанты Карпов, Терновой, Люткевич, Нежнов. Возле каждого из них Сергей останавливался, рассматривал незнакомое лицо и у одного мысленно спрашивал: «Ну, как, дружище, воевал?», другому говорил: «А я, видишь, уже снял погоны», третьему только приветливо улыбался и проходил дальше. Вскоре он подошел и к младшим лейтенантам. На шестом щите увидел знакомое шарообразное лицо с надутыми щеками, со смеющимися глазами и большими ушами. Когда же прочитал «Гвардии младший лейтенант Шатило К. Д.» и заметил на погонах эмблему танковых войск, Сергей чуть было не затанцовал от радости.

— Кого я вижу! — крикнул он так громко, что обратил на себя внимание старика-садовника, поливавшего цветы на клумбе. — Ким! Ты ли это? Вот как тебя изобразил художник! Или ты и в самом деле стал такой кругленький огурчик?.. Дружище, где ж ты теперь обитаешь? в Германии? Все на гусеницах раскатываешь? А может, уже и в Академию поступил? А? Да ты такой, ты все можешь... А меня потянуло домой, в станицу. А тут, если б ты только знал, сколько работы...

Так, стоя перед портретом друга, с которым служил в одной танковой роте, Сергей разговаривал с ним, как с живым, расспрашивал, рассказывал о себе, и, казалось, друзья сейчас обнимутся и пойдут куда-нибудь в ресторан, выпьют по кружке пива и будут говорить, не переставая, до утра... Но Шатило слушал друга и молчал, и только большие его глаза смеялись, точно говоря: «А что ж, поступлю и в Академию...» Сергей в этом, конечно, не сомневался, ибо хорошо знал своего фронтового друга... Теперь же Сергея интересовал другой вопрос: кто же из Героев стоит в паре в Шати-

ло? Щит был сделан так, что второй портрет находился по ту сторону, и Сергей был почему-то уверен, что вторую половину щита украшает портрет не кого другого, как самого Сергея Тутаринова... «Вот это получается здорово! — подумал он. — Два фронтовых друга и в аллее стоят рядом... Интересно, кто это так умно расставил портреты? Сережка Тутаринов и Ким Шатило — два геройских танкиста! Просто здорово!»

После этого Сергей уже решительно пошел на другую сторону щита и в недоумении остановился. На него смотрел худощавый юноша, с удивительно тонкими бровями, с лицом, своими нежными чертами похожим на девичье...

— Вот так-так, — проговорил Сергей. — Это, конечно, не я...

Ему стало грустно, а отчего, он и сам не знал. Нет, он, конечно, знал, но совестно было себе в этом сознаться. Сергей прочитал на щите: «Гвардии младший лейтенант Величко». Постояв немного, он сказал: «Ну, а ты, Величко, где теперь и что поделываешь?» и пошел дальше. Когда же Сергей прошел аллею до конца и не увидел своего портрета, ему стало совсем грустно. На последнем щите он прочитал: «Гвардии сержант Данильянц». Ничего не сказав гвардии сержанту, Сергей не спеша пошел к садовнику.

— Дедушка, — сказал он, — аллея-то у вас хорошая, а почему же нет там всех Героев?

— Как так — нет? Все налицо... Посчитай.

— Тут и считать нечего. К примеру, есть такой Герой Советского Союза Сергей Тутаринов. Почему же я его здесь не вижу?

— А себя нашел? — с улыбкой спросил старик. — Ты, вижу, тоже со Звездой.

— Обо мне и речи нет, — краснея и стараясь не смотреть на садовника, проговорил Сергей. — Да если сказать о себе, то и себя я там не нашел...

— Эге, сынок! Так ты, видать, не здешний? А в этой аллее все Герои здешние, из нашего города, сказать, пятигорчане... Посмотри на этого надутого Шатило. Кто ж его тут не знает? Все знают. Оттого-то он и посмеивается себе, глядя на своих. Перед войной, помню, мимо нашего двора ходил в школу. И кто мог тогда на него подумать? Паренек был, сказать, средний, незавидный, а посмотри, куда пошел!

Ответ старика хоть и не успокоил Сергея, но показался вполне резонным... В самом деле, какая надобность в том,

чтобы ставить в аллее Героев портрет младшего лейтенанта Сергея Тутаринова, которого в Пятигорске если и знают, то далеко не все, да и то лишь по фамилии. Да и что можно сказать, глядя на портрет Героя, по выражению старика, «нездешнего»? Ничего, кроме общих слов: посмотри, какой красавец! Молодой, а видать — гроза! Или: какой у него бравый вид!.. Совсем же иное говорят о Герое, которого знают здесь все — малые и старые, знают не только теперь, когда его портрет украшает городской парк, но знали еще до войны, когда ни Шатило, ни Акопьянц не были Героями, да и не собирались ими быть, знали как людей обычных, ничем особенным не выделяющихся.

Да, о Героях своего города местные жители говорят с чувством особой признательности, ставя их в пример и себе и своим детям, любят и погордиться, сказав при случае, что вот в одном доме с ними жил когда-то Герой Советского Союза. В воскресный день, когда городской парк наполняется народом, когда гремит духовой оркестр и музыкантам уже некогда скучать, когда по аллее Героев идут матери с детьми, шеренгами проходят девушки, парни, поглядывая с подчеркнутой гордостью на знакомые лица на портретах, на блеск Золотых Звезд, — в такое время можно услышать: «Наши герои! Какие орлы!» «...то же самое говорят обо мне в Усть-Невинской. Все меня там знают с малых лет, и я им не только Герой Советского Союза, но и сын Тимофея Тутаринова — живой пример во всем. Вот и послали меня сюда как своего ходатая. Доверили, дали тачанку, коней, и все меня там ждут и верят, что я вернусь непременно с нарядами на лес... Они думают так: раз я Герой, то и сделать мне все это пара пустяков... И сделаю и добьюсь...»

Так, шагая по улице, размышлял Сергей и уже видел себя в кабинете управляющего Н-ской конторой. Тут он стал размышлять над тем, как будет говорить управляющему о цели своей поездки, как подробно изложит ему пятилетний план Усть-Невинской и как в конце концов получит наряды на строительный лес... Он так размечтался, что уже был совершенно уверен: стоит ему только явиться к управляющему в полном блеске своих орденов и медалей да подробно рассказать, что́ значит для станицы Усть-Невинской такой пятилетний план, как самый черствый человек поймет его и все его просьбы будут удовлетворены легко и просто. От этих мыслей Сергей стал весел, как и прежде, и, поддаваясь хорошему настроению, хотел было пойти в цвет-

ник, на Горячую Гору, но вспомнил, что здорово проголодался.

Было уже поздно. Давно наступил вечер и зажглись над городом огни. В ресторан Сергей не захотел итти. На тачанке у него лежал дорожный мешок, а в том мешке чего только не было: и огромная, как сито, паляныца хлеба, и кусок, килограмма на три, сала, и десятка два вареных яиц,и зажаренный в чугунке петух, величиной с доброго гусака, и венок зеленого лука, и свежие огурцы, и еще всякая всячина, которую Ниловна, заботясь о сыне, успела напихать в мешок под самую завязку...

Наступила ночь, все вокруг потонуло в темноте, и Машук встала перед глазами уже не шатром, а полукруглой черной стеной, и Сергею казалось, что именно от этого небо в Пятигорске было значительно темнее и звезднее, чем в других южных городах... А во дворе Дома колхозника было светло. Сергей подошел к тачанке. Лошади стояли тут же и лениво жевали траву, но Дорофея возле них не было. Еще больше удивило и огорчило Сергея, когда он не нашел на тачанке не только Дорофея, но и мешка с харчами. «Странно, — подумал он. — Ни Дорофея, ни мешка с салом... Бросил коней и сбрую. Куда же он запропастился?» Сергей хотел было итти к дежурной, чтобы узнать, не знает ли она, куда ушел Дорофей, как из окна второго этажа послышался голос:

— Дядя Сергей, я тут!

— А как ты туда забрался? — удивился Сергей, увидев в ярко освещенном окне кудлатую голову Дорофея.

— И мешок с провизией со мной! Идите сюда!

Сергей вошел в комнату, залитую электрическим светом, уютную и чистенькую. Возле окон стояли две кровати, на столе — цветы в кувшине.

— Когда вы ушли, а я снимал хомуты, — с достоинством заговорил Дорофей, — ко мне подсела та девушка, что в белом переднике. Этот, говорит, которого ты привез, в самом деле Герой Советского Союза или мне только так померещилось? Как же, говорю, могло вам такое померещиться, когда он весь настоящий герой. Ведь это же все знают! И давай я ей про вас рассказывать... После этого она обрадовалась и говорит: «Пойдем, Дорофей, со мной!» Сперва я немного даже испугался. Кто ж его знает, думаю, куда она меня приглашает... А она привела в эту комнату и говорит: «Вот вам, Дорофей, комната, две кровати — честь по чести, спите себе, как у себя дома». Ночевать я отказался, потому

как у меня лошади, а она и говорит: «Сиди тут и жди, пока твой Герой придет...» Вот я и сижу. А мешок перенес сюда для сохранности, а то во дворе я заметил бродячую собаку...

— Что же, комната хороша! — сказал Сергей, присаживаясь к столу. — Только нехорошо, Дорофей, когда смотрят не на человека, а на его Золотую Звезду. Вот приехал бы ты один, без меня, и тебе бы не дали эту комнату.

— И правильно! Вы — Герой, вам требуется уважение.

— Ничего ты не понимаешь. С уважением нужно относиться ко всем, кто останавливается в этом доме. Ну, развязывай мешок. Малость закусим, да и на боковую. Вот и тебе кровать. Спал когда-нибудь в гостинице? Не приходилось? Ну, теперь поспишь...

— Заманчиво, слов нет, — согласился Дорофей, — но я все ж таки пойду к лошадям... А повечерять можно.

Когда кончился ужин, Сергей спросил:

— Дорофей, ну, как город? Нравится тебе?

Дорофей убирал со стола и удивленно посмотрел на Сергея, как бы говоря: «Тоже нашел о чем спрашивать?»

— Это вы меня пытаете?

— Да.

— Сказать так, что город ничего себе, жить в нем можно, а только мне он вовсе не нравится.

— Почему?

— Неудобство... Травы негде накосить... Кругом одни камни, а чем завтра буду кормить коней — не знаю.

— Да, причина важная, — согласился Сергей. — А ты поезжай за Машук. Там травы много.

— А можно туда ездить?

Сергей кивнул головой. Дорофей убрал со стола и ушел к лошадям. Сергей лег в постель. Только теперь он почувствовал усталость во всем теле. Белье было прохладное. Закрывая глаза, Сергей снова подумал, что люди в этом Доме колхозника в самом деле очень хорошие, особенно эта дежурная, такая славная девушка, и не заметил, как уснул.

Часов в десять утра его разбудил Дорофей. Он пришел сказать, что собирается ехать за Машук косить траву, но не знает дороги. Сергей встал. Выспался он хорошо, и настроение было у него превосходное. Дорофей стоял тут же и внимательно смотрел, как Сергей прикалывал к груди Золотую Звезду и орденские ленточки.

— А чего ж вы ордена не вешаете? — спросил он. — Эти полосочки, как я вижу, не дают такой красивости... А когда

вы навешаете ордена и медали, то вам в них и красивее и как-то даже очень наглядно.

— Говоришь, что красивее и как-то даже очень наглядно? — спросил Сергей и тут же вспомнил суровую секретаря-машинистку, перед которой, конечно, на этот раз лучше всего появиться во всем блеске. — Пожалуй, ты, Дорофей, прав. Надену я ордена. А ну, доставай чемодан.

Дорофей вынул из-под кровати чемодан и, довольный тем, что его совет принят так охотно, пошел запрягать лошадей. А Сергей, украсив рубашку семью орденами и девятью медалями, висевшими и на правой и на левой сторонах груди, вышел в коридор. Тут его встретила девушка в белом переднике, румяная, взволнованная. Увидев Сергея с ослепительно блестевшей грудью, она остановилась, и трудно было понять, о чем говорило в эту минуту ее лицо. Одно было очевидным: нежно-голубые ее глаза выражали то испуг, то радость, то удивление... Сергей с улыбкой подошел к ней, поздравил с добрым утром и поблагодарил за номер. Девушка окончательно растерялась и не знала, что сказать...

— Ой, какой же вы обманщик! — тихо проговорила она, боясь взглянуть на Сергея.

— Говорите, я обманщик? — спросил Сергей. — А мне кажется, что именно вы обманщица... Это что же за порядки в вашем Доме колхозника? Для Героев у вас все есть: и приличный номер, и чистенькая постель, и занавески, и даже цветы, а для не-героя ничего этого нет. Разве это справедливо? Разве это не является самым неприкрытым обманом? Вот заехал бы к вам колхозник, и вы бы заставили его спать на дворе, а если б и положили на койку, то это была бы не такая койка, как та, на которой я спал... Эх, ты, обманщица!

— И ничуточки, — смело сказала девушка. — Герою требуется особое уважение, и это я считаю правильно... Ведь каждый Герой совершил такой подвиг...

— А вы делайте так, чтобы в вашем доме всем одинаково хорошо жилось.

У девушки не нашлось ответа, и она быстро переменила тему разговора, спросив у Сергея, смотрел ли он вчера спектакль местной оперетты. Сергей сказал, что собирается посмотреть сегодня, но что хорошенько не знает дорогу в театр и не свободна ли, случаем, от дежурства его новая знакомая. Но в это время подкатил на тачанке Дорофей... Сергей поехал с Дорофеем на Комсомольскую поляну, там они

накосили травы и вскоре вернулись. Сергей посмотрел на часы и поспешил в Н-скую контору.

Особняк, похожий на виллу, был залит солнцем. Сквозь заросли сада лучи не проникали в прохладные комнаты нижнего этажа, где давно уже шли обычные будничные занятия. Сергей вошел в приемную. Знакомая ему секретарь-машинистка была одета не в нежно-сиреневое платье, а в платье какого-то не то кофейного, не то темнокремового цвета. Она наклонилась над книгой, куда записывались прибывающие посетители, и смотрела в нее так внимательно, точно перед ней лежал интереснейший роман приключенческого жанра. Свою ловко причесанную голову она не подымала, кто перед ней стоял — не видела, но, когда к ней подходил новый посетитель, она угадывала его приближение одним слухом и, не отрываясь от книги, говорила:

— Ваша очередь одиннадцатая... Фамилия, имя и отчество?

— Тутаринов, Сергей Тимофеевич.

— Откуда и по какому делу?

— Из станицы Усть-Невинской... По поводу леса.

Видимо, название станицы и слова «по поводу леса» не были для нее пустым звуком. Она тотчас бросила писать и встала, молча глядя на Сергея...

Эта немая сцена длилась всего только несколько секунд, но зато была она настолько сильна по своей выразительности, в ней было столько проявлено душевных чувств и взволнованности, что передать эту сцену словами автору не под силу...

— Вы, кажется, и вчера были?

— Да...

Она покраснела и хотя не очень сильно, но так, что душевное ее волнение было вполне заметно. Извинилась, улыбнулась и сказала:

— Ваша очередь не одиннадцатая, а первая.

— Почему же она первая? — спросил Сергей, тоже улыбаясь.

— А потому она и первая, что я знаю, почему она первая...

Она принесла из соседней комнаты стул и попросила нового посетителя сесть. Сергей неохотно принял приглашение и молча опустился на стул. Спустя некоторое время через приемную в кабинет прошел солидный мужчина с портфе-

лем, и секретарь-машинистка поспешила следом за ним проводить в кабинет и нашего героя...

Сергей остановился у стола, покрытого темным лаком, и сразу обратил внимание на чернильный прибор, сделанный наподобие пней, оставшихся после порубки леса. За столом сидел управляющий — человек уже немолодой, с высокими висками и с чуть приметной сединой в гладко зачесанных волосах.

— Прошу, садитесь, — сказал он приятным голосом, любезно глядя на Сергея. — Я вас слушаю.

Сергей сел и начал рассказывать, и кто он, и откуда, и по какому делу приехал на Кавказские Минеральные Воды. Управляющий, скрестив на груди сильные руки, слушал молча, лишь изредка вставляя какое-нибудь отвлеченное замечание вроде: «Так, так... Интересно... А! Вот оно как!» Когда же Сергей перечислил все объекты строительства и сообщил, какое количество потребуется лесоматериала, управляющий встал и некоторое время слушал стоя, затем начал прохаживаться по кабинету.

— Кончил? — спросил он, когда Сергей умолк.

— Да... Но я изложил лишь в общих чертах.

— Понимаю... Да, так вот что я тебе скажу. — Он не сел за стол, а продолжал ходить по кабинету. — Вот что я тебе скажу, дорогой товарищ: хоть и в общих чертах, но излагал ты свою мысль правильно и очень хорошо, даже не то что очень хорошо, а просто красиво! Я бы сказал—красочно! У тебя получилась, как это говорят писатели, настоящая художественная проза... Говорил ты взволнованно, и это меня очень обрадовало...

Сергей облегченно вздохнул и подумал: «Обрадовался... Значит, поддержит... Видать, человек понимает...»

— Как это ты сказал в одном месте: «Величественная панорама послевоенного строительства колхозной станицы...» Это место мне очень понравилось... И что особенно приятно было и слышать и сознавать, так это то, что вот такое смелое — да, да! — он энергично взмахнул рукой, — именно смелое начинание и исходит не из каких-нибудь канцелярских дебрей, а от вчерашних фронтовиков, да и не просто фронтовиков, а Героев! И вот, когда я слушал тебя, в голову невольно приходила мысль: почему мы так плохо популяризируем трудовой опыт бывших фронтовиков? Почему в нашей печати нет подробных рассказов о том, как вчерашние воины стали активными строителями? Иногда читаешь

передовицу нашей городской газеты на тему об участии демобилизованных товарищей в мирном строительстве, и что же видишь в этой передовице? Одни рассуждения и совершенно мало интересных фактов. А ведь вот он, живой факт, стоит передо мной, да еще и какой факт! Говоря образно, герой фронта стал созидателем! Вот где лежит закон диалектики! Фронтовик пришел домой, и по его почину составляется пятилетний план станицы... Казачья станица имеет свой пятилетний план! Да тут, если подойти к этому факту с политической точки зрения и сделать соответствующий вывод...

«Что-то мне эти рассуждения не нравятся, — подумал Сергей, терпеливо слушая управляющего. — Ну и говорил бы конкретно, практически... Нужно шестнадцать вагонов леса — вот об этом и надо вести речь... А он развел теорию...»

Сергею нетрудно было понять, что управляющий Н-ской конторой был человек разговорчивый, любивший, не в пример, конечно, другим, не минутный разговор со своими посетителями, а, так сказать, затянувшуюся беседу. По складу своего характера он был из числа тех хозяйственных руководителей, которые считают: если они разговаривают с посетителями подолгу и на сугубо отвлеченные темы, то тем самым показывают, что не зря же они занимают такие ответственные должности...

Таков был и наш управляющий. Начав свой разговор с Сергеем с похвалы фронтовикам, он перешел к диалектическому материализму, затем повернул на международное положение — бегло коснулся и последнего выступления Черчилля, и Парижского заседания четырех министров, и даже не забыл упомянуть о промелькнувшем в печати сообщении об испытании атомной бомбы в районе атолла Бикини... Сергей слушал, слушал, да и перестал, ибо увидел, что разговор о строительном лесе отошел слишком далеко на задний план.

— А как же все-таки насчет моей просьбы? — набравшись смелости, спросил он.

— Ах, да!.. Видишь ли, все это делается не так-то просто... Но ничего, я помогу тебе добрым советом. Ты поезжай в Ставрополь. Это же очень просто. Сел в самолет, и через сорок минут в Ставрополе... Да, там тебе утвердят объекты строительства, и тогда уже милости просим к нам...

Управляющий говорил убедительно, и Сергей ему поверил, но обидно было, что столько потерял времени... «И надо же мне было послушаться этого Емницкого! — думал

Сергей, выходя из кабинета. — Ну, ничего, полечу в Ставрополь. Там я сразу все и сделаю. Там можно будет заодно и строительные объекты и весь пятилетний план станицы утвердить и получить наряды...»

День был знойный. Сергей вошел в комнату гостиницы, облегченно вздохнул и лег на кровать. Он думал о поездке в Ставрополь и мысленно ругал Рубцова-Емницкого. «Ну, какой же я дурак! И послушался ж этого... для ясности. Сколько дней потеряно...»

Вошел Дорофей. Молча постоял возле кровати. Кашлянул.

— Дядя Сергей, — сказал он, тронув Сергея за плечо,— а та девушка, что в белом переднике, вас спрашивала.

— А, Дорофей, дружище! — радостно сказал Сергей, вставая.—Не беда, что она меня спрашивала... Вот что, Дорофей! Завтра ты поедешь домой. Отвезешь Савве письмо.

— А вы как же? Тут остаетесь?

— Нет. Я полечу в Ставрополь.

— И чего же вам летать? Летать, как я полагаю, страшно. Лучше поедемте на тачанке. Дорогу я хорошо знаю.

— Далеко. Долго будем ехать, а мне надо быстро. — Сергей задумался. — Завтра подвезешь меня на аэродром. Готовься, выедем на зорьке... А теперь пойди и позови дежурную. Надо с нею расплатиться.

Дорофей непонимающе посмотрел на Сергея, но уже ни с чем не стал спрашивать и пошел звать дежурную.

ГЛАВА XV

На сером поле стояли, подготовленные к вылету, четыре двухместных авиалимузина типа «У-2». Сергей сосчитал пассажиров и подумал: если он не предъявит начальнику аэропорта своей книжки Героя Советского Союза и не получит билета вне очереди, то улететь ему сегодня, конечно, не придется.

Начальник аэропорта, капитан авиации, встретил Сергея улыбкой, пригласил в кабинет, развернул красную книжечку и, не читая, сказал:

— Улетите.

Не прошло и десяти минут, как Сергей сидел в самолете. Напротив Сергея, спиной к пилоту, уселся полный мужчина в белой рубашке, с кожаным портфелем, лежавшим у

него на коленях. Самолет еще не успел оторваться от земли, а попутчик Сергея уже склонил набок голову и в сладкой дремоте закрыл глаза, — видимо, ему не первый раз приходилось летать по этой трассе... А под крылом уже проплывали кустарники, стога сена, пасущиеся коровы, телеграфные столбы, — самолет медленно взбирался по невидимой горе все выше и выше. Степь была залита мягкими утренними лучами. Открылась взору прикумская пойма. Рисунок Кумы, с желтыми глиняными берегами, имел причудливые изгибы. Проходя село, эта тихая степная река выделывает и крендели и петли, — то потечет в одну, то в другую сторону, то изобразит колесо, то бублик, а то, как бы себе на удивление, начертит огромный вопросительный знак и только тогда выйдет за село, в степь... А в степи простор, и тут Кума дает себе волю и начинает писать такие восьмерки, такие узлы и петли, что рябит в глазах, когда на нее долго смотришь с высоты. В пойме Кумы серебром отсвечивали виноградники, темными полянами рисовались сады и лежали села — одно длиннее другого, с белыми хатами, похожими на ульи.

Сергей посмотрел на юг. Там, совсем близко, из-за зеленых гор выступал Кавказский хребет, не белый, а синевато-розовый. Он изогнулся как бы подковой, и в середине ее в виде шипа возвышался Эльбрус с искрящимися шапками своих вершин. Сергей еще раз взглянул на Пятигорск. Лучи солнца, только что показавшиеся из-за горы, залили всю низменность красным светом, и белые дома, и крыши, и окна так ослепительно блестели, что издали трудно было понять — город ли это, или у подошвы Машука раскинулась необыкновенного размера оранжерея под одной стеклянной крышей... Вершины Пятигорья были охвачены синей дымкой и приобрели как бы приплюснутую форму. Бештау тоже прижалась к земле, разбросав свои большие и малые отроги; она постепенно темнела и темнела, а потом и совсем скрылась из глаз...

А впереди расстилалась ставропольская степь в радуге летних красок, с зеркалами озер и прудов, и Сергей долго, как зачарованный, смотрел на плывущую под ним равнину, — смотрел, смотрел, а потом махнул рукой и сказал: «Фу, какая ж ты широкая!» Простор, и какой простор уходил к горизонту!.. Степь и степь вокруг... Как же описать тебя всю сразу, со всеми твоими цветами, какие только рассыпались по тебе, со всеми твоими посевами, какие уже со-

зрели и какие еще зреют, с холмами и буграми, с водоемами, с садами и лесами?

В степи властвовала страда с ее палящим зноем. Сергею казалось, что вся степь была охвачена движением. Села и хутора опустели и приутихли — все живое переселилось на станы и на тока, к тракторам и комбайнам. Поля стали многолюдны: там машут крыльями лобогрейки, запряженные то четверкой коней, то парой добрых волов, — видны погонычи, сидящие либо в седле, либо на ярме; там покажется однуконная бедарка с ящиком, сверху похожим на гнездо, а в том гнезде сидит либо бригадир тракторной бригады, либо участковый агроном; там растянулся по степи ровной стежкой обоз бычьих упряжек — в бричках-бестарках бронзой отсвечивает зерно, и сидят в этом зерне белоголовые мальчуганы-возчики; там снуют взад и вперед грузовики, подняв такую непроницаемую гряду пыли, что она похожа на дымовую завесу, под прикрытием которой целая дивизия может итти в бой... Эх, шоферы, шоферы, знатные люди нашего века! Вот уж где вы вволю наиграетесь с ветром!

С воздуха хорошо видно, как движутся по пшенице комбайны. Тракторы, идущие впереди них цугом, напоминают степных жуков, волокущих свою ношу... Над соломотрясами подымается белая пыль, похожая на пар, у руля, с гордой осанкой, стоит штурвальный... Повсюду жнивье и жнивье, и только изредка заиграет на солнце сочное цветенье подсолнуха или ляжет то темная, как тень облака, кукуруза, то черный квадрат паров, похожий на отрез добротного сукна. А сколько же здесь дорог — и малые и большие, все они спутались, сплелись одна с другой. Ранней весной это были обычные, ничем не примечательные дороги, лежавшие по проселкам в траве и в бурьянах. Теперь же над ними закружилась пыль, и они расширились, ожили, и что ни дорога, то уже считай ее степным трактом... А какие села стоят на пути этих дорог! Растянулись они по балкам, точно людям на удивление, и что ни название села, то кусочек самой поэзии: Нагут, Кынкыз, Курсавка, Суркуль.

Смотрит Сергей на запад, далеко за эти села, и диву дается: ведь вот же, рядом, и его родные места — белыми парусами красуются казачьи станицы Барсуки, Надзорная, Николаевская... Вдоль Барсуков, как лезвие, блестит Кубань в разливе... Да где же, в самом деле, граница Кубани и Ставрополья? Нет такой границы, да, пожалуй, и не было. Раньше удобно было считать такой границей две горы — Стре-

жамент и Недреманную, стоящих грозной стеной на пути Кубани в Ставрополье. Это они не пустили полноводную реку на ставропольские равнины и повернули ее на Армавир. Теперь же и эта несправедливость была устранена: на Кубани, вблизи Невинномысска, встала стена, более грозная, нежели Стрежамент и Недреманная, — поднялась над водой белая гранитная плотина, а от этой плотины вырвался на простор, в степь, канал, и прошел он сквозь толщу Недреманной, и Кубань прорвалась на Ставрополье...

Сергей любовался то отарой овец на зеленом склоне, то конским табуном, идущим к водопою, и не заметил, как на горизонте показалось что-то белое — не то полотно, растянутое для сушки длинными полосами, не то стая гусей, слетевшая на пригорок... Когда же самолет подлетел ближе, Сергей увидел, что это и не полотно, и не гуси, а белые дома; они потянулись десятками улиц, разбежались во все стороны, утопая в пышных кустах зелени, стройных рядах тополей... Это и был Ставрополь.

Летчик нарочно сделал круг, как бы желая показать своим пассажирам весь Ставрополь, чтобы под крыльями проплыли и базары, запруженные людьми, и просторная площадь, и главные проспекты с зелеными бульварами, и окраины с широкими улицами. Над центром города летчик даже помахал крылом, как бы говоря: «Эге, вы-то и не знаете, кого я везу», и уже после этого пошел на посадку... Приземлился он так спокойно, что даже не потревожил спавшего пассажира. Из вежливости Сергей потрогал своего спутника рукой и сказал:

— Подымайтесь!

— Уже и приехали, — огорчился пассажир, протирая ладонью глаза. — А я, кажется, немного вздремнул. — Он энергично закинул правую ногу за борт и легко спрыгнул на землю.

— Как думаете добираться в город? — спросил он, застегивая довольно толстый портфель. — До центра километров шесть наберется.

— Об этом я еще не подумал, — ответил Сергей. — В крайнем случае можно и пешком.

— Зачем же пешком? Герой и пешком? Поедем со мной. Я сейчас вызову машину.

Он пошел в диспетчерскую звонить по телефону, а Сергей лег на траву вверх лицом, и глаза его, увидев синеву неба, сами закрылись. И почему-то он вспомнил Рубцова-

Емницкого и тут же мысленно перенесся снова в Пятигорск. Сергей так задумался, что не слышал, как к нему подошел его спутник. Он тоже прилег на траву и сказал, что машина уже вышла из гаража. Затем он вынул из портфеля сверток и предложил Сергею отведать пирога с рисом и яйцами.

— Жена в дорогу завернула, — сказал он. — Работаю я в Ставрополе, а живу-то в Пятигорске — хорошенькое удобство... Вернее, семья моя там живет...

Они ели пирог и разговаривали. Сергей узнал, что его случайный спутник — руководящий работник края, что он считает себя старожилом Ставрополя, но что жена живет в Пятигорске.

— Ах, эти мне жены! — пожаловался он. — И кто их только придумал? Никак не хочет уезжать с Кавминвод. Просто беда!

Сергей тоже рассказал о себе: и кто он, и откуда, и как попал в Пятигорск. Когда Сергей рассказал о пятилетнем плане станицы Усть-Невинской и о цели своей поездки в Ставрополь, попутчик его искренне обрадовался.

— Вот это здорово! — простодушно сказал он. — Я готов тебе помочь. — Он перешел на «ты». — Да, так вот ты меня послушай. Завтра приходи прямо ко мне. Сегодня день можно считать загубленным, а завтра прямо с утра являйся, и я тебе все устрою... На всякий случай запиши мои телефоны. Запиши все три... Зачем три? Техническое удобство, — и он добродушно рассмеялся, — один занят — звони по другому... Звони и спрашивай Николая Николаевича. Это я и буду... Значит, я буду ждать...

На желтом пригорке показалась черная «эмка».

— Тебе куда? — обратился Николай Николаевич к Сергею уже как к другу. — В гостиницу? И чудесно! Сейчас мы подкатим к гостинице!

Сергей сел в машину, обрадованный таким неожиданным и приятным знакомством.

ГЛАВА XVI

Сергей умылся, причесался перед зеркалом и вышел из гостиницы. В душе у него звучали марши. Его радовало и то, что он первым вылетел на самолете, и то, что познакомился с Николаем Николаевичем, и, наконец, что в гостинице оказался свободный номер, — словом, было приятно сознавать, что в самом начале поездки в Ставрополь ему сопут-

ствует удача. С особенным удовольствием он прошелся в тени бульвара, не спеша выпил кружку пива, даже купил приличную порцию мороженого себе и какому-то мальчику, подвернувшемуся под руку. Затем, так же прогуливаясь, поднялся на Комсомольскую горку, на гребне которой возвышался в виде вздыбленных танков памятник генералу Апанасенко, сооруженный из светлосерого известняка. Здесь и была самая высокая точка, поднявшаяся над Ставрополем, и Сергей, увидев террасы улиц, в недоумении остановился... Перед ним лежал не обычный город, а столица степного края, со своим особым, неповторимым колоритом, с широкими, как и сама степь, проспектами и улицами. Белые дома в садах, и чем дальше от центра, тем зелень садов становилась сочнее, — там она совсем скрывала строения и сливалась с красками поля... Чудесная панорама лежала на многие версты, — все перед вами, как на ладони. Из окна краевого земельного управления хорошо видно, как цветет и созревает пшеница, как на глазах у всех она меняет свой наряд — вчера еще была зеленая, а сегодня по желтому жнивью рябят копны... Сюда, к Ставрополю, идут все степные дороги и тракты, скрещиваются и снова разбегаются во все стороны, а белый город, как сторожевой маяк, стоит на высоком плато, и у ног его — куда ни посмотришь — стелется холмистая степь...

Увиденное так взволновало Сергея, что он невольно опустился на траву и просидел, мечтательно глядя вдаль, наберное, более часа. Взгляд туманился. Солнце гуляло над головой, становилось знойно. Сжимались ресницы, и от яркого света болели глаза. Он смотрел долго, и теперь город, укрытый жаркой дымкой, почему-то казался ему птицей, плывущей по синему простору... Ставропольская степь! Вот ты какая! Протянулась от горизонта к горизонту, и не видно ни начала, ни конца! И хороша же ты, степь, и есть у тебя прекрасное место, откуда люди любуются тобой, и над твоими равнинами вот уже второе столетие летит эта белая птица... Что, если бы ее не было? В самом деле, что сталось бы с тобой, если бы на твоей возвышенности не вырос Ставрополь, раскинув свои кварталы от Пелагиады до Татарки? Тогда и вид твой был бы мрачен, и сеть дорог позарастала бы травой. И если бы не было города, то кому нужны были бы те дороги? Ибо куда, в какую сторону пошли бы скрипучие обозы, колонны машин, груженные зерном, шерстью, кожей, если бы не маячил впереди белый город... И потяну-

лись бы они если не к Невинке, то к Армавиру, теперь же дороги прямые и людные, и каждая подвода или автомашина, днем ли, ночью ли, не собьется с пути, идет смело, ибо наверняка знает, что на пути — Ставрополь...

Сергей покинул Комсомольскую горку, когда солнце уже стояло в зените. Он спустился вниз и в каком-то переулке заметил вывеску, сделанную масляными красками: «Чайная». Он направился к одноэтажному домику в надежде найти там стакан горячего чаю, булочку с маслом и искренне веря, что перед ним стояла в самом деле чайная, ибо в добавление к вывеске на двери был изображен чайник величиной с добрую бочку. Но, подойдя ближе, Сергей ощутил приятный запах шашлыка. «Забавно, — подумал он.—Я, кажется, ошибся дверями... Да оно и лучше, ибо я давно не пробовал настоящий кавказский шашлык... Но почему же на дверях изображен чайник?» Сергей не успел подыскать нужный ответ, как в дверях показалась рослая фигура в белом фартуке и с усами чернее смолы. Усач взял Сергея под руку и увел в чайную, восторженно говоря:

— Герой! Дорогой мой! Как ты красив! Пожалуйста, заходи!

Прошло не более получаса, и Сергей вышел из чайной несколько навеселе, с довольным, улыбающимся лицом... Затем он уже до конца дня гулял по бульварам, заходил в городской парк, думал и здесь встретить аллею Героев, но не встретил... И, странное дело, где бы он ни ходил, о чем бы ни думал, а степь так и стояла перед глазами. Только когда стемнело и с ложбин потянуло прохладой и запахом скошенного хлеба, степь утонула во мраке, и Сергей забыл о ней.

Часу в десятом ночи Сергей вернулся в гостиницу и лег спать. В открытое окно была видна необыкновенной величины луна на чистом небе, а под луной — опять степь, уже не в яркой, а в бледнорозовой окраске... Сергей закрыл глаза, хотел подумать о завтрашнем разговоре с Николаем Николаевичем, а в воображении стояли то степь, то город с широкими террасами улиц, сады, бульвары... Сергей уснул, но и во сне видел город, плывущий над степью наподобие большой белой птицы...

Проснулся Сергей рано и, подойдя к раскрытому окну, снова увидел свежую, в серебре росы, все ту же необозримую степь... Когда же взошло солнце, Сергей уже гулял по базару, и подмышкой у него лежали завернутые в газету две булочки... Надобно сказать, что Сергей с детства любил

сметану, а поэтому, подойдя к базару, он мог бы с закрытыми глазами разыскать молочный ряд. Известно, что на Кавказе нет такого базара, где бы не было своего молочного ряда. Пусть даже самый крохотный базарчик, живущий, как правило, только на восходе солнца, а молоко там все равно есть, и стоит оно особняком, на самом видном месте. А на ставропольском базаре, шумном и людном, молочные продукты занимают уже не один ряд, а несколько. В этих рядах имеется молоко во всех видах и формах — от сметаны и ряженки до пышного ноздреватого творога и сливок, — кажется, оно снесено сюда со всех ферм, какие только расположены вблизи города. Сметана стояла в глиняных махотках и горшках, прикрытых вышитыми рушниками, на которых того и гляди во всю мочь загорланят петухи... И какая же вкусная сметана в Ставрополе! Сергей только взял ее на язык и уже ощутил какую-то особенную сладость и какой-то необыкновенный аромат. Да, чорт возьми, это была именно та сметана, которая, прежде чем попасть на базар, побывала в глубоком погребке, отстоялась в кувшинах, накрытых дощечками, — именно та сметана, которую собирают непременно деревянной ложкой и не более, как по четыре-пять ложек из каждого кувшина. Съесть такой сметаны один стакан, значит только раздразнить себя... Сергей не стал этого делать. Он ласково посмотрел на молодую белолицую молочницу, тут же, как бы невзначай, подмигнул ей и сказал:

— А ну, белощекая, повтори!

И белощекая охотно исполнила просьбу... После четвертого повтора Сергей снова ласково посмотрел на уже смутившуюся молочницу, улыбнулся, вежливо поблагодарил, расплатился и пошел на прием к Николаю Николаевичу.

Сергей поднялся на третий этаж и вошел в небольшую чистенькую комнату. За столом в окружении телефонов сидела девушка. Из кабинета вышел Николай Николаевич. Поздоровавшись, он обнял Сергея, как родного брата, и повел по мягкой ковровой дорожке своего просторного кабинета.

— Итак, мы можем приступить к делу, — сказал он. — Где твои наметки? Давай их сюда, посмотрим.

Он взял из рук Сергея тетрадку и стал внимательно читать. Лицо его, свежее, гладко выбритое, было задумчиво. Читая, он говорил: «Так, так... Что ж, это идея! Все правильно...»

— Превосходный план, — сказал он, когда кончил читать. — Все это размножим на пишущей машинке и дадим для ознакомления целому ряду специалистов.

— А это не затянется? — спросил Сергей.

— Почему ж затянется? — Николай Николаевич улыбнулся. — А ты и не спеши... Такие вещи быстро не делаются.

Николай Николаевич нажал беленькую, как клавиш баяна, кнопку, и в дверях появилась девушка-секретарь. Николай Николаевич попросил ее снести тетрадь в машинное бюро и снять с нее восемь копий.

— Такое количество, я полагаю, вполне будет достаточно, — сказал он, обращаясь к Сергею.

Сергей утвердительно кивнул головой. Девушка вышла, а Николай Николаевич нажал вторую кнопку, уже не белую, а коричневую, и в кабинет через некоторое время вошел юноша в военном костюме, но без погон, с двумя полосками орденских ленточек. Это был инструктор. Николай Николаевич познакомил с ним Сергея и поручил сейчас же связаться по телефону со специалистами, направить им копии пятилетнего плана станицы Усть-Невинской... Пока Николай Николаевич пояснял инструктору, что и как надо сделать, Сергей из этого разговора заключил, что тетрадка его, размноженная на машинке, пойдет гулять по всему городу и когда к нему вернется — неизвестно. А Сергею не терпелось, хотелось кончить все дело если не сегодня, то уж непременно завтра... Кончив разговор с инструктором, Николай Николаевич успокоил Сергея.

— Завтра же, — сказал он, — мы получим ответы, и тогда уже никакой другой консультации не потребуется.

На второй день Сергей снова поднялся на третий этаж. Николая Николаевича еще не было. Девушка-секретарь любезно предложила Сергею стул и приветливо улыбнулась. Сергей тоже улыбнулся. Поджидая Николая Николаевича, они разговорились, и Сергей успел сказать что-то приятное о глазах своей собеседницы... Девушка сделала вид, что такой откровенный комплимент ее не обрадовал. После этого им уже приятно было сидеть и разговаривать. Рассказывая о том, о сем, Сергей в свою очередь спросил о достопримечательностях города, но ответа не услышал, так как в это время вошел Николай Николаевич.

Он пригласил Сергея в кабинет. Некоторое время они сидели молча. Лицо у Николая Николаевича было строгое,

и он сказал тихо, с чуть заметной грустью, что придется еще подождать денька два... Оказалось, что специалисты еще не сообщили своего мнения.

Прошло еще два дня, и утром, когда Сергей вошел в кабинет, Николай Николаевич обрадованно сообщил:

— Ну, Сергей Тимофеевич, все идет хорошо! Специалисты одобрили пятилетний план Усть-Невинской... К тому же есть и еще одна важная новость...

— Какая? — вырвалось у Сергея.

— А вот какая. — Николай Николаевич не мог сдержать улыбку. — Твой план я также послал нашему депутату Верховного Совета Бойченко Андрею Петровичу. Вчера вечером я у него был. Он уже ознакомился и очень одобряет... Просил тебя зайти для беседы...

Прием у депутата был назначен на утро следующего дня.

ГЛАВА XVII

Весь день Сергея беспокоили мысли о предстоящей встрече с депутатом. В голове строилась пространная речь, точно ему предстояло излагать содержание пятилетнего плана перед огромной аудиторией. Ему казалось, что депутат, выслушав такое подробное сообщение, скажет:

«— Не много ли просите, товарищ Тутаринов?

— Да как же много? Очень даже немного. Посмотрите план. Это же только то, что крайне необходимо...

— План ваш я видел и читал... Кто это проставил такие непомерно большие цифры? Шестнадцать вагонов строительного леса? И это только для одной станицы! Многовато... А нельзя ли весь ваш план сократить и заново пересоставить? Может быть, пока обойдетесь без электростанции и кинотеатра?

— Никак нельзя, — возразит Сергей. — Как же без электростанции? Да и кинотеатр крайне нужен...

— Но нельзя же строить все сразу. Впереди пятилеток еще много...»

Мысленно Сергей стал доказывать, что сократить строительные объекты никак нельзя, что Усть-Невинская больше других станиц пострадала от немецкой оккупации, что в устьневинских колхозах есть средства, есть рабочая сила...

«— А разве в других станицах нет ни средств, ни рабочей силы? Есть все это и в других станицах, однако они не приезжают с такими широкими планами...

— Вы говорите, что все это есть и в других станицах... Да, правильно, есть! Но вы не забывайте, что у нас, кроме материальных возможностей и рабочей силы, есть еще и горячее желание строить... Вот я и приехал к вам, и вы обязаны нас поддержать...»

После таких доводов Сергей был уверен, что депутат уже не сможет ему возражать... Однако разговор начался совсем не так, как предполагал Сергей. Бойченко поднялся из-за стола, протянул Сергею руку и, улыбаясь, пригласил сесть. Он был высок, строен, и темносерый костюм на нем сидел как-то особенно красиво. Взгляд его серых глаз показался Сергею и строгим и несколько даже суровым. Гладко выбритое лицо казалось еще очень молодым, но голова уже изрядно была тронута сединой.

— Ну, рассказывай, как ты там с Федором Лукичом Хохлаковым поссорился? — спросил он, и светлые его глаза повеселели.

— Уже приезжал жаловаться?

— Нет. Был у меня Кондратьев...

— Я это не считаю ссорой. — Сергей резко встал, лицо его сделалось строгим, брови сурово сдвинулись. — Меня Федор Лукич, если хотите знать, и удивляет и злит. Нельзя же так смотреть на жизнь... Вот как было дело...

— Не надо, — перебил Бойченко.—Кондратьев мне подробно рассказывал. И ты не волнуйся. Федора Лукича я знаю, и Кондратьеву я уже сказал, что мы устьневинцев поддержим... Вот сейчас вместе и рассмотрим ваш план. Подсаживайся поближе...

Сергей пододвинул стул. Бойченко раскрыл папку. В кабинете почему-то сделалось жарко, Сергей вспотел, чувствуя, как теплые и твердые капельки одна за другой катятся по спине, и ему казалось, что даже в танке, в самый сильный зной, ему не было так душно.

— По трем колхозам вы запланировали разный урожай зерновых. Разве земля у вас не одинаковая?

— Я поясню, — Сергей торопливо вытер платком мокрое, раскрасневшееся лицо и склонился над столом. — Земля одинаковая. Но вы взгляните на эти цифры. Колхоз имени Буденного уже в этом году соберет пшеницы по тридцать центнеров с гектара, а имени Ворошилова и Кочубея — восемь—десять, не больше. Так что за буденновцами угнаться трудно. А председатель этого колхоза Стефан Петрович Рагулин, самонравный и гордый старик, за бах-

вальство недолюбливает своих соседей и особенно Артамашова — председателя Ворошиловского колхоза. Когда он узнал, что и ворошиловцы и кочубеевцы планируют уже на третий год пятилетки двадцать пять центнеров зерновых, то себе записал сорок, и на общем собрании колхоза эта цифра была принята единогласно... Сорок центнеров — это, конечно, много, и буденновцам придется очень трудно, но я знаю, что Рагулин этим хочет доказать Артамашову, как надо бороться за урожай...

— А сумеет ли доказать?

— Если ему помочь — сможет, — уверенно сказал Сергей. — Вы не знаете Рагулина? Настойчивый, и если он что задумал, то своего добьется.

— Значит, надо ему всячески помогать, — сказал Бойченко. — Взять такое количество зерна с гектара — это похвально и стоит того, чтобы над этим потрудиться.

Затем Бойченко подробно расспрашивал Сергея о плане развития животноводства, обратив особое внимание на коневодческую ферму колхоза имени Ворошилова, где предполагалась постройка трех конюшен и ветеринарной лечебницы.

— А почему одной этой ферме такое преимущество?

— За эти конюшни была настоящая борьба, — сказал Сергей. — Иван Атаманов, заведующий этой фермой, настоял на своем, и с ним пришлось согласиться. Вы бы знали этого Атаманова! Врожденный конник: в Отечественную войну служил в Плиевской кавалерии, награжден шестью боевыми орденами. За дело берется горячо, ну и не удовлетворить его просьбу мы не могли... Дальше идет поголовье свиней и овец. Тут никаких особых споров не было. Все колхозы идут одинаково...

После этого были рассмотрены сады, виноградники, пчеловодство, птицеводческие фермы, огородничество. Бойченко нарисовал кружок на цифре, которая обозначала количество гусей к концу пятилетнего плана, улыбнулся.

— Значит, решили острова заселить гусями? — спросил он. — Да, птица эта веселая...

Когда дошли до главных объектов строительства, записанных на отдельном листе, Бойченко задумался и долго сидел молча. Это молчание показалось Сергею необыкновенно длинным, и от этого ему стало еще жарче.

— Хорошо, — сказал Бойченко, — план мы одобрим и примем специальное постановление бюро крайкома, чтобы и

другие станицы и села последовали вашему примеру... Но я должен тебя предупредить...

Бойченко снова задумался, а Сергей облегченно вздохнул и почувствовал, как в раскрытые окна повеяло прохладой.

— Да, должен предупредить, ибо составить и утвердить пятилетний план — тоже, конечно, важно, но это только начало, первые шаги. Выполнить его — вот главная задача, и, чтобы успешно ее решить, придется приложить немало сил, старания и самоотверженного труда. Об этом тебе, Сергей Тимофеевич, надо не забывать. — Бойченко внимательно посмотрел на Сергея, точно он впервые его увидел. — Вот ты — человек военный и легко поймешь меня, если я сошлюсь на такой пример... Будем условно считать Усть-Невинскую отдельным полком. Этот полк хорошо вооружен, в нем есть отличные старшие и младшие офицеры, есть опытные сержанты, есть, наконец, храбрые, хорошо обученные солдаты. К тому же за последние десять—пятнадцать лет полк выдержал не одно испытание, выиграл не одно сражение. И вот теперь в нем зародилась дерзкая идея — штурмом взять крепость противника и этим показать другим полкам, как надобно решать подобные задачи. В штабе разработан план операции, и надо сказать, что этот план прекрасный, смелый. Генерал такой план охотно одобрил и утвердил... Что необходимо делать дальше?

Бойченко снова посмотрел так внимательно, что Сергей невольно наклонил голову. Когда же он поднял ее, Бойченко улыбался, но так весело, точно говорил: «Ага, вот видишь, ты и отворачиваешься, и молчишь, и не знаешь, что мне ответить».

— Знаю, — сказал Сергей. — Только я буду говорить о танковом подразделении...

— Все равно.

— Необходимо готовить людей и материальную часть.— Сергей даже усмехнулся. — Это-то мне знакомо!

— Правильно! Именно теперь необходимо готовить людей и материальную часть. Люди будут решать исход сражения. О них надо и беспокоиться. Важно, чтобы не только Иван Атаманов горячо брался за дело и отстаивал интересы своей фермы, а чтобы каждый бригадир, звеньевые — эти сержанты и старшины — знали бы и сами и могли бы рассказать своим колхозникам, как и что они должны делать, борясь за выполнение пятилетнего плана. В полку есть политработники, агитаторы, коммунисты, комсомольцы — в

Усть-Невинской они тоже есть. Пятилетний план станицы должен стать знаменем их партийной и политической работы. С Кондратьевым я на эту тему уже говорил, он вам поможет, но и с тебя не снимается ответственность. А как у нас обстоит дело с материальной частью? Все ли у нас хорошо? Нет, далеко не все. Чем будет подкреплено желание буденновцев взять сорок центнеров зерна с гектара? Об этом тоже необходимо подумать. Тут одного желания мало... А строительный материал? Хорошо, цемент и железо мы вам дадим из краевых фондов, а на большее не надейтесь. В частности, кирпич, саман. Значит, прежде всего необходимо ускорить ремонт кирпичного завода и наладить выделку самана. Без этого ни о каком строительстве и мечтать нечего. И чем покрывать здания? Соломой, камышом, — это не годится. Значит, надо уже теперь подумать о местном производстве черепицы. Найти станки, специалиста, а глина у вас, я знаю, есть отличная... А лес? На поступление леса извне рассчитывать нельзя. Единственный выход — изыскать лес на месте. А такая возможность у нас есть. В горах, в Чубуксунском ущелье, лежит готовый лес, который предназначался для военных целей, а теперь передан нам, но этот лес можно только сплавлять по реке, иными средствами его оттуда не вывезешь.

— Чубуксунское ущелье? — переспросил Сергей. — Так я там уже был и видел лес... Дайте его нам, и мы сплавим.

— Дадим, — сказал Бойченко, — и дадим не шестнадцать вагонов, а сколько сумеете сплавить к устьневинским берегам.

Беседа затянулась надолго, и, когда они обо всем уже договорились, Бойченко поднялся, подошел к окну и посмотрел на степь, укрытую знойной дымкой.

— Когда выезжаешь домой? — спросил он.

— Я готов лететь хоть на крыльях! — сказал Сергей.

— Зачем же на крыльях? — Бойченко с улыбкой подошел к Сергею. — Я понимаю, у тебя выросли крылья. Это хорошо, но лететь на них не стоит. Поедешь на машине. Сейчас иди к Николаю Николаевичу. Я ему позвоню и скажу, что еще надо сделать, а в конце дня заходи ко мне. Я поеду в ваши края и подвезу тебя до Усть-Невинской.

Николай Николаевич встретил Сергея на пороге своего кабинета, взял под руку и повел по зеленой ковровой дорожке.

— Поздравляю! — сказал он весело. — Вот видишь, говорил я тебе, что все устроится прекрасно... Я вот еще позвоню в заинтересованные организации... Словом, как говорится, делу уже дан законный ход...

Николай Николаевич снял трубку и стал звонить то в крайплан, то в крайсельпроект, то в райзо, то в крайснаб, то в крайсельэлектро, то еще какому-то Петру Спиридоновичу, а затем Олегу Александровичу. Со всеми говорил коротко, точным и деловым языком, ссылался на указания Андрея Петровича Бойченко, требовал ответа не по телефону, а в письменной форме, где было бы точно указано, когда и что конкретно будет сделано... Петру Спиридоновичу после непродолжительного разговора сказал:

— Ты меня обещаниями не корми, а на этой неделе посылай в район Усть-Невинской изыскательную партию.

Олегу Александровичу посоветовал:

— Все это, конечно, хорошо, но я советую тебе послать в Усть-Невинскую своего работника, да такого, чтобы сумел описать и показать...

Окончив телефонный разговор, Николай Николаевич облегченно вздохнул и сказал:

— Вот теперь, Сергей Тимофеевич, ты можешь спокойно ехать в свою станицу. Указания даны, все будет сделано. Так что ты теперь на месте форсируй дело и меня держи в курсе всего, что вы там будете проворачивать. Да, чуть было и не забыл! Сейчас же иди в крайснаб и получишь там разрешение на сплав леса... Там тебя ждут...

Сергей поблагодарил Николая Николаевича, и они распрощались, как добрые старые друзья.

— Сергей Тимофеевич, — сказал Николай Николаевич, когда Сергей уже открыл дверь, — так ты смотри же, поддерживай со мной самую тесную связь...

ГЛАВА XVIII

К Андрею Петровичу Сергей пришел часа в четыре дня, когда уже справился со всеми делами. Солнце хоть и клонилось к западу, но еще было высоко, и жара не спадала. Окна в кабинете были завешены шторами, но сильные лучи пробивались и сквозь темное полотно... Бойченко сидел за столом и что-то писал. Отложив недописанный лист, он пригласил Сергея сесть на диван и спросил, получено ли разрешение на сплав леса.

— На сплав ты должен поехать сам, — сказал он и сел возле Сергея. — Лучше всего, если за эту трудную работу возьмется молодежь. Организуйте молодежные бригады, поищите, возможно, в станице у вас найдутся старые, опытные сплавщики. Сплав леса по горной реке — дело нелегкое, и браться за него надо с умом...

Сергей вспомнил Прохора Ненашева и сказал, что один такой специалист у них уже есть... После этого они закурили и уже разговаривали запросто, точно были знакомы давным-давно. Бойченко спрашивал, на каких фронтах Сергею довелось воевать и за какой подвиг ему присвоено звание Героя Советского Союза. Сергей не умел рассказывать о войне, а особенно о себе, ему казалось, что передать все то, что он чувствовал в бою, было невозможно, и всякий раз, когда его спрашивали, за что он получил медаль «Золотая Звезда», перед ним вставала картина танковой атаки на подступах Кантемировки — большого села в верховьях Дона... Вспомнить об этом было приятно, и он уже не мог удержаться, чтобы не рассказать, как он один из первых ворвался в расположение врага, как впервые в своей жизни подбил самоходку, которая ползла на него с выводком бронетранспортеров, как вступил в поединок с немецкими танками и бронезажигательными снарядами уничтожил пять вражеских машин, вызвав в стане врага панику и замешательство... Но как он ни старался полнее передать картину боя, рассказ его получался обычным, и ему казалось, что никакого особого геройства он не проявил... Смущенно глядя на Бойченко, он сказал:

— Там у нас многие отличились... А потом, когда мы пошли на окружение сталинградской группировки немцев, бои были и пожарче...

После этого Бойченко спросил, давно ли Сергей приехал домой, останется ли в станице или уедет в город, чем думает заниматься. На последний вопрос Сергей не знал, что ответить, и некоторое время сидел молча.

— Об этом я еще и не подумал, — уклончиво ответил он. — Поживу у родных, а потом подумаю... Мне же еще надо учиться.

— Подумать можно, но не поздно ли будет? — сказал Бойченко. — В Рощенском районе ты — человек свой, депутат! И хорошо было бы, чтобы сейчас обо всем договориться. План ваш мы утвердим, в станице завертятся боль-

шие дела, а тебе захочется уехать. Так что лучше уже заранее все и решить...

И тут же Бойченко подумал: «Учиться ему, конечно, надо, но хорошо было бы заменить им Хохлакова... Старый казак давно просится в отставку...» И тотчас, как бы боясь, что Сергей разгадает его мысли, перевел разговор на другую тему и как бы между прочим спросил, сколько Сергею лет.

— Я уже не молодой, — сказал Сергей. — Двадцать пятый год, — подумаешь, и как-то самому не верится. На фронт уходил совсем юным, а теперь...

— А что же теперь? — Бойченко удивленно сдвинул брови. — Самая завидная пора молодости... Сергей Тимофеевич, ты родился в Усть-Невинской?

— Да, там я окончил школу. Потом уехал в институт, а из института в танковое училище.

— И вот ты снова вернулся в Усть-Невинскую... Скажи, какие недостатки в жизни станицы бросились тебе в глаза?

Такого вопроса Сергей не ждал и, не зная, что сказать, посмотрел на Бойченко.

— А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Потому, что всегда не бесполезно послушать критические замечания о недостатках, увиденных свежими глазами.

— Но вы и сами, как я думаю, видите недостатки.

— А мне хочется выслушать твои замечания.

— Тогда я скажу. — Сергей на минуту задумался.—Мало машин — вот в чем беда... На войне я имел дело с техникой первого класса; что это за техника — пояснять вам не надо. За четыре года я привык к грохоту машин, я засыпал и просыпался под музыку моторов, и это стало таким привычным, обыденным... А на устьневинских полях, да и в самой станице — тишина. Есть, конечно, тракторы, автомашины, но их очень мало...

— Если сравнить с нашими потребностями, то безусловно мало, — согласился Бойченко. — Но многие колхозы и МТС края уже в этом году получили машины, получат и еще, и не за горами то время, когда недостатка в них не будет...

— Или взять такой вопрос, как земля,—продолжал Сергей. — Тут я буду говорить конкретно — о колхозе имени Ворошилова. Членом этого колхоза состоит мой отец, а стало быть, и я... Но не в этом дело. Я уже говорил вам, что ворошиловцы в этом году получат урожай зерновых самое

многое восемь центнеров... Это же позор! Земля у них загрязнена, порядка на полях нет. Но это еще не все. Там общественная земля пошла по частным рукам с благословения председателя колхоза Артамашова. Землей пользуются колхозники сверх приусадебной нормы, вроде единоличников, землю сдают в аренду районным учреждениям и даже частным лицам. А Артамашов или в самом деле дурак, или только прикидывается дурачком... То, что его землей пользуется всякий, кому не лень, Артамашов выдает за достижение, козыряя тем, что земли в колхозе много, почему бы, дескать, и не помочь нуждающимся... Видите, какая глупая теория.

— Интересно, — сказал Бойченко, угощая Сергея папиросой. — Так, так... Значит, чего проще, земли много — разбазаривай направо и налево.

— Так получается, — Сергей закурил папиросу. — А практически Артамашов смотрит на это так: пусть колхозники обзаводятся единоличными посевами, в колхозе не уродит, у колхозников уродит, — это доподлинные слова Артамашова. Это у него называется «выходом из трудного положения» на случай неурожая... Меня это так разозлило, что я не утерпел и разругался с Артамашовым в первую же нашу встречу. Но он это понял, как личную мою гордость. И беда еще в том, что Артамашов числится на хорошем счету у районных работников. Не знаю, что о нем думает Кондратьев, — с ним я еще не говорил, но Хохлаков отзывается о нем так: в работе у каждого возможны ошибки. Да так можно оправдать любого преступника! А ведь тому же Хохлакову должно быть известно, что Артамашов разбазаривает не только землю, но и колхозные продукты, скот. Об этом мне рассказывал отец. Всякого рода друзья и приятели Артамашова тянут из колхоза и коров, и овец, и свиней, а колхозная кладовая превращена в какую-то кормушку для бездельников... И это называется ошибкой! И когда я стал говорить об этом Хохлакову, он глубокомысленно заявил: дескать, я — человек сугубо военный, у меня в голове шумит война, а потому и посмотрел я на артамашовские проделки глазами военного, то-есть посмотрел неправильно, не так, как надо было посмотреть... Вот какая чушь! — Сергей попросил спички, прикурил папиросу. — Если такое положение существует и в других колхозах края, то, мне думается, тут нужны какие-то организационные меры...

— Это я себе запишу.

Бойченко подошел к столу и взял блокнот. Пока он писал, Сергей курил, о чем-то думая.

— Нет, мне кажется, что не во всех, — сказал Сергей, когда Бойченко снова сел на диван. — В той же Усть-Невинской есть колхоз имени Буденного... Я вам о нем говорил, помните, где председателем старик Рагулин... Там с землей наведен хозяйский порядок. Рагулин немало положил труда. И что ж вы думаете? Хозяйство заметно окрепло, у колхозников появилось совсем иное отношение к труду, к общественному добру. Рагулин объявил войну расточительству, бесхозяйственности, а его противники увидели в этом жадность и скупость самого Рагулина... Особенно это не понравилось Артамашову, за которым установилась слава щедрого и добродетельного председателя... Правда, старик Рагулин далеко не щедр, но это, как я понимаю, очень хорошо для хозяина. — Сергей вспомнил свой разговор с Рагулиным и невольно усмехнулся. — Бережлив он до крайности... Не успел я появиться у него во дворе, как он тут же объявил, что из колхозной кладовой ничего мне не выдаст, хотя об этом я его не просил, да и вообще о подобных вещах не думал... Старик бережлив и не глуп, я с ним беседовал. Очень много интересного сумел рассказать, но Хохлаков его недолюбливает. И урожай у Рагулина, я вам уже говорил, — такого урожая, я ручаюсь, во всем районе нет. — Сергей посмотрел на Бойченко, который что-то записывал, и продолжал: — А вот еще примеры из личных наблюдений... С Хохлаковым я объездил чуть не весь наш район и видел в одном колхозе посев пшеницы. Это было в Белой Мечети. Подъезжаем к одному участку — пшеница ростом выше пояса, густая, колос — в ладонь... Спрашиваем у председателя колхоза, чья пшеница. «Наша», — отвечает. Подъезжаем к соседнему участку — пшеница утонула в сорняках, колос жидкий, и стоит она, как сирота... «А это чья?» — «Тоже, — говорит, — наша...» Так почему ж такая разница? Председатель спокойно объясняет. Та, что рослая и колосистая, говорит, есть семенная, а эта обычная... Оказывается, семенники в этом колхозе в большом почете, их умеют и правильно посеять и во-время прополоть, сюда и председатель частенько наведывается и агроном наезжает... А посевы товарной пшеницы загубили, бросили осенью зерно в землю, а потом о нем забыли... А что, если бы, скажем, в танковом полку были бы в боевой готовности только те танки, которые предназначены для ведения разведки, а основные ударные машины, которые

решают исход сражения, находились бы в непригодном состоянии? Разве командование могло бы допустить такое положение? Нет, конечно... А почему же председатель колхоза мирится с таким явлением, когда основной товарный хлеб никуда не годится и только семенники находятся в хорошем состоянии. И тот же Федор Лукич Хохлаков разъезжает по району, видит все это и только сокрушается: «Ах, чорт возьми, урожай подводит!» Так почему же он подводит? Почему руководитель района не подумал, как поднять урожай товарной пшеницы до уровня урожая семенников?.. Мало, конечно, сокрушаться и качать головой. Урожай, как я понимаю, тоже надо завоевать...

Сергей говорил взволнованно, лицо его раскраснелось, и черные глаза горели живым блеском. Бойченко слушал внимательно, иногда что-то писал или утвердительно кивал головой. «Молодец Тутаринов, — подумал он. — Надо непременно оставить его в районе... Старый кочубеевец пусть идет на отдых. А этот — молодой, энергичный, и суждения у него смелые...» Уже твердо решив поговорить об этом с Сергеем в дороге, Бойченко встал и сказал:

— Сергей Тимофеевич, разговор наш мы еще продолжим. Теперь же время позднее, пойдем ко мне пообедаем, да и будем собираться к отъезду.

ГЛАВА XIX

Солнце уже опустилось к горизонту, когда темнокоричневый «зис» выехал за город и, мягко покачиваясь по неровному шоссе, помчался на Невинномысск. Впереди во все стороны расходились холмы, и перед глазами то вставало взгорье в ярком цветении трав, то бежали навстречу кустарники, то встречались степные хутора или кошары — две-три низенькие овчарни под камышовой крышей, круглая изгородь, домик чабанов и журавель над высоким срубом колодца. Бойченко и Сергей сидели сзади, и шофер, наблюдая за дорогой и поглядывая время от времени в зеркало, видел, как они о чем-то оживленно разговаривали...

— Если бы вы знали, — говорил Сергей, — как я жалею, что сразу не выехал в Ставрополь... Только время потерял, а во всем виноват Рубцов-Емницкий.

— Лев Ильич? — с улыбкой спросил Бойченко.

— Разве вы его знаете?

— Ну, как же! Личность популярная.

— Но вы не знаете, как я с ним познакомился и как потом попал в Пятигорск... Не успел я слезть с поезда, — тут Сергей вспомнил и дорогу вдоль пшеницы, и цветы по обочине, и огненно-красных быков, и Ирину в белой косынке, — как ко мне явился Рубцов-Емницкий, усадил в машину и тут же начал сватать меня к себе в заместители, и как сватать! С большими стараниями и настойчивостью... Мне было и неловко и смешно, — посудите сами, какой из меня кооператор. Вначале я ничего не понимал, теперь же мне все ясно. Ему хотелось, чтобы моя военная слава ходила у него в заместителях, а Золотая Звезда, как щит, надежно защищала бы от возможных толчков и ударов.

— Ловкач! Это в его манере.

Под колесами потрескивал гравий, мелкие камни взлетали из-под шин и со звоном ударялись о железо. Машина выскочила на бугор, и отсюда открылся вид на красивую, в лучах заката, кубанскую низменность. По взгорью белели станицы и хутора, ярким пламенем горели стекла окон, а в пойме реки, как чернь на серебре, лежал мелкий курчавый лес.

— Может быть, я в чем и неправ, — заговорил Сергей, — но мне о многом хочется вам сказать...

— Говори, говори, я охотно слушаю.

— Я часто думаю о фронтовиках, которые вернулись в свои колхозы... Когда я ехал домой, в вагоне мне попалась книжка — названия ее я не помню. В ней рассказывалось о том, как фронтовики в промежутках между боями писали письмо в тыл своим друзьям и знакомым. Письмо получилось хорошее, критическое. Написано оно от души, в нем много новых интересных мыслей и деловых советов. Читая его, чувствуешь — тем, кто его писал, было и там, на войне, не безразлично, что делают и как живут люди далеко от фронта... Тогда наши войска только-только подходили к своим границам, война была в самом разгаре, и, если бы мне попалось это письмо, я охотно бы подписался под ним. Но теперь война победно завершена, и те, кто писал такое, я бы сказал, горячее письмо, уже дома. Значит, положение изменилось — давай дельные советы, да и сам не стой в стороне, а засучивай рукава!.. Я бы теперь так сказал: эй, фронтовики, а ну, кто там писал письма тыловикам, кто учил, как надо жить и работать! Подходите ближе, становитесь в первые ряды и покажите на живом примере, как это делается... И когда я думаю, в чем же дол-

жны показать себя бывшие воины, то мне кажется, что именно им, людям, повидавшим свет, суждено стать вожаками, организаторами, если и не всем, то каждому десятому, — а это немалая армия. Наступило время не только сеять и пахать землю, но и как можно шире внедрять технику в сельское хозяйство, обучать колхозников управлению любой машиной, настойчиво прививать культуру в труде и в быту... Сама жизнь этого требует. В той же Усть-Невинской много молодежи. У каждого парня или девушки, как правило, семилетнее или десятилетнее образование. И если, скажем, мои родители, уже старики, живут по старинке и жизнью своей довольны, то молодежь, так сказать, новое казачество, жить по старинке не хочет... Они хотят убирать подсолнух не серпом и цепом, а комбайном, доить коров не руками, а механической дойкой, они часто бывают в городе и городскую культуру приносят в станицу. Поэтому и в станице они хотят иметь и свой театр, и библиотеку, и кино, и электрический свет. И не случайно, когда в пятилетний план было внесено строительство электростанции, об этом заговорила вся станица, а особенно молодежь. Они уже видят свою станицу не такой, какая она есть, а какой она будет... И я верю: если мы построим электростанцию, скажем, к весне будущего года, Усть-Невинскую уже в эту пятилетку нельзя будет узнать.

— Я тоже в это верю, — сказал Бойченко, когда они переехали мост и вдали увидели Верблюд-гору. — И я согласен со всем, о чем ты мне говорил. Правильные, хорошие мысли... Но дело заключается не в одних только добрых желаниях...

— А я не только говорю.

— Правильно. Но тебе под силу и большее, нежели то, чем ты сейчас занимаешься. Ты вполне мог бы справиться с работой, скажем, председателя райисполкома. Говоря конкретно, мог бы заменить Федора Лукича Хохлакова.

— А Федор Лукич?

— Он давно просил меня подыскать ему смену. Старому казаку надо и отдохнуть и полечиться, но найти подходящего человека я не мог.

— С этой работой я не справлюсь, — твердо заявил Сергей. — Мне еще надо учиться. Ведь я же с первого курса ушел на фронт...

— Вот видишь, — с заметным огорчением заговорил Бойченко, — смотреть на жизнь со стороны легко, а оку-

нуться в нее с головой и тебе не хочется. — Он озабоченно посмотрел на Сергея и чуть заметно улыбнулся. — После такого твоего ответа я не пойму, к кому же относятся слова: эй, фронтовики, засучивайте рукава!

— И ко мне... И я, вы видите, не сижу сложа руки, но учиться мне необходимо.

— Да, учиться каждому необходимо, — сказал Бойченко и умолк.

В просвете между двух гор лежала Усть-Невинская. Густо курились трубы, и на крыши, на сады вместе с вечерними тенями тонкой пеленой ложился сизый дымок.

Возле двора Тутариновых машина остановилась. Сергей поблагодарил Бойченко, просил зайти в дом.

— Тороплюсь, — сказал Бойченко, пожимая Сергею руку. — На обратном пути заеду. Ну, желаю успеха. А о том, что я тебе говорил, советую подумать.

— Хорошо, я подумаю.

Сергей постоял у калитки, пока машина выехала на площадь и скрылась в сумерках, потом неторопливо вошел во двор. Навстречу ему бежала Анфиса.

ГЛАВА XX

Анфиса остановилась. Блестевшие в ее глазах слезы поразили Сергея.

— Анфиса, что с тобой?

— Братушка, и где ты так долго был?

— Да что случилось?

— Семен прислал сватов, а батя противится, — сквозь слезы говорила Анфиса.

— Семен? — переспросил Сергей. — Вот оно что! Да ты не плачь, а расскажи толком.

Пробыв в поездке больше недели, Сергей даже и не предполагал, что в его отсутствие дома могут произойти такие важные события.. А случилось это в тот лунный вечер, когда Сергей гулял по бульварам Ставрополя. По станице, подымая пыль, прошло стадо, начинало смеркаться, хозяйки доили коров, и в это же самое время на пороге дома Тутариновых неожиданно появилась бабка Параська, и не одна, а с дедом Евсеем. Ни Тимофей Ильич, ни тем более Ниловна не придали этому никакого значения, — могло быть, рассуждали они, Параська и Евсей зашли проведать. Хозяева любезно пригласили нежданных гостей в

горницу и зажгли лампу. Евсей, высокий и сухой старик, с острыми и согнутыми, как у грузчика, плечами, молча снял шапку и перекрестился.

— Евсей Иванович, — приятным голосом заговорила Ниловна, — будьте так ласка, садитесь, бога ради, на этот стульчик. А вам, Прасковья Ефимовна, вот эта табуреточка.

Евсей сел на стульчик, поставил между ног суковатую палку и сказал:

— Само собой.

После этого он уже сидел молча, только изредка поглядывая на жену. А Параська говорила и говорила, не то что за двоих, а сразу за троих, так и сыпала, так и сыпала словами, и ее речь текла такой удивительной скороговоркой, что записать ее не смогла бы даже самая опытная стенографистка.

Тимофей Ильич терпеливо слушал, задумчиво поглаживал усы, и никак не мог понять, к чему Параська заводит такой любезный разговор. Но как только словоохотливая старуха стала непомерно расхваливать своего квартиранта, рассказывая о его наградах, о скромности, о редком трудолюбии, Тимофей Ильич невольно насторожился, догадавшись, по какому делу пришли к нему Евсей и Параська. Тимофей Ильич промолчал и только посмотрел на Ниловну тем проницательно-строгим взглядом, который как бы говорил: «Ниловна, а погляди ты на нее... Сватать пришла».

— Прасковья Ефимовна, и вы, Евсей Иванович, — вежливо, как только мог, заговорил Тимофей Ильич. — И за каким бесом тратить лишние слова... По всему видно, что вы пришли сватать нашу дочку. Так чего же начали с обиняков да с подходов? Семен и такой, и разэдакий, и так на него посмотри — хорош, и так взгляни — еще краше... А мы этого жениха и сами знаем, приехал он сюда с нашим сыном... Так что вы прямо и начинайте, что, мол, так и так, пришли к вам по такому-то делу...

— Само собой, — сказал Евсей.

— Ой, Тимофей Ильич, — обрадовалась Параська, — да ты настоящий угадчик! Но мы же хотим по-старинному... Сперва без паляныци, а так, чтобы поговорить, вроде как бы разведка... Нельзя ж так сразу. Разговор должон быть деликатный, сперва разнюхать, расспросить.

— Стало быть — дипломатия? — спросил Тимофей Ильич и засмеялся.

— Само собой, — отозвался Евсей.

— А то как же, — поспешила ответить Параська. — Так было в старину. Обычай... Правильно я говорю, Евсей?

— Само собой.

— А завтра уже пожалуем и с паляныцей, да и потребуем рушники... Все, Тимофей Ильич, будем делать постаринному, как заведено...

— А я так думаю, что и паляныця, и рушники не потребуются, — сказал Тимофей Ильич. — А как ты скажешь, Ниловна?

— Спросить бы Анфису, — робко проговорила Ниловна. — Такое дело, что как его и сказать...

— Зачем же ее спрашивать? — Тимофей Ильич обратился к Параське: — Так ты, Прасковья Ефимовна, старинный обычай вспомнила. Хороший обычай, слов нет. А есть и другой, и ты его тоже знаешь...

— Какой же это еще обычай?

— А такой, что у Анфисы есть старший брат, и пока Сергей не женится, младшей сестре о замужестве и думать нечего... Да и молодая она у нас, сказать еще, не перестояла. — Тимофей Ильич забрал в жменю усы, подумал и сказал: — Так что лучше всего и тебе, Прасковья Ефимовна, и тебе, Евсей Иванович, итти домой да и никому не говорить о нашей балачке...

— Само собой, — сказал Евсей, натягивая шапку.

Сват и сваха даже не подали виду, что такой прямой отказ их огорчил или обидел. Они еще с полчаса поговорили о том, о сем, любезно распрощались и только тогда вышли из хаты. А за воротами Параська пришла в негодование и сказала Евсею, что на этом она не остановится; что раз дело начато, то его следует довести до конца, и если будет отказ, то пускай об этом узнает вся станица; что, самое позднее, через неделю, когда старый Тутаринов успокоится, Параська возьмет себе в компаньоны не Евсея, а старика Назара — опытнейшего человека по сватовству, и явится к Тимофею Ильичу уже не для разведки, а с паляныцей, и не уйдет из хаты до тех пор, пока Анфиса с благословения отца и матери не разрежет ту паляныцю на две равные половины... Как всегда, Евсей слушал жену внимательно, а потом промолвил:

— Само собой.

Параська и Евсей уже подходили к своему дому на краю станицы, а в хате Тутариновых еще продолжался спор о

том, кто же был прав: Тимофей Ильич, рассуждающий о жизни трезво и знающий, как никто другой, что значит выдать дочь за парня, у которого нет ни кола, ни двора, или же Ниловна со своей материнской мягкосердечностью... В глазах Тимофея Ильича Ниловна была неправа, ибо стояла на стороне дочери. Ниловна всячески старалась уговорить Тимофея Ильича, склонить его на свою сторону, поэтому говорила о Семене так, как могла бы сказать только одна мать о своем горячо любимом сыне. По ее словам, Семен был и красивый, и умный, и трудолюбивый, и «характером смирный», и обходительный со старшими.

— А что он не здешний, — заключила она, — то в этом беда небольшая — приживется в станице, да так никуда и не уедет.

Казалось, что ничего нельзя было возразить против этих доводов Ниловны, однако Тимофей Ильич не соглашался с нею, стоял на своем и доказывал совсем противоположное: Семен вовсе не красивый, а так себе — белобрысенький парень, тогда как Анфиса — чернявая и лицом миловидная, и ничуть Семен не умный, ибо умный человек, по мнению Тимофея Ильича, никогда бы не стал так плохо отзываться об Усть-Невинской... Правда, в работе Семен горяч, — с этим Тимофей Ильич соглашался, но тут же добавлял, что «есть это одна видимость, и старается он до поры до времени...»

— Нет, Ниловна, — сказал он, — что там ты ни говори, а такой зять мне не по душе.

Ниловна только молча смотрела на мужа, и ее маленькие, добрые глаза уже наполнялись слезами.

— А ты не плачь, — участливо заговорил Тимофей Ильич. — Чего прежде времени слезы проливать! Дело еще не решенное. Лучше позови Анфису, и мы у нее для интереса спросим, что она нам на это скажет.

На ту беду Анфисы в доме не оказалось. «Где ж ей быть в такую позднюю пору, как не с женихом», — подумал Тимофей Ильич, и это его еще больше обидело. Старик бурчал долго и теперь уже ругал не только Анфису, но и Сергея: и зачем он привез в станицу такого дружка, и где пропадает без вести вторую неделю, и что это за сын, который бросил родителей и уехал, а куда и зачем — ничего не сказал, хотя Сергей и говорил ему об этом... Долго в эту ночь Тимофей Ильич не спал, все курил и думал. Утром поднялся рано, разбудил Анфису и сказал:

— Объясняй батьке, по какой причине тот Семен ни с того, ни с сего присылает сватов?

— Объяснения, батя, у меня будут короткие, — ответила Анфиса, боязливо глядя на отца сонными глазами. — Вы, батя, свое уже отжили, так и нечего вам становиться на нашу дорогу... Все равно по-вашему не будет.

— Кто же это тебя научил так батьке отвечать? Наверно, Сергей.

Анфиса молчала, сидя на кровати в коротенькой сорочке, совсем похожая на девочку. Торопливо подошла Ниловна, стала спиной к дочке, а лицом к мужу, ничего не сказала, только сурово посмотрела на Тимофея Ильича.

— Оставь ее.

Тимофей Ильич молча вышел. Остальные дни до приезда Сергея он ни с кем не разговаривал. Утром уходил на огород, приходил затемно, молча ужинал и только один раз сказал как бы сам себе:

— Подождем Сергея... Должен же он скоро явиться.

...Анфиса сбивчиво рассказала брату обо всем, что произошло в доме, и, повеселевшая, вошла вместе с Сергеем в хату. Ниловна на пороге прижалась к сыну и тайком, чтобы не заметил Тимофей Ильич, всплакнула.

— А вот и Сергей, — сказал Тимофей Ильич. — Подоспел как раз к вечере.

Сели ужинать. Сергей ел молча, ждал, что скажет отец.

— Что же ты молчишь? — спросил Тимофей Ильич, когда на стол были поданы вареники с вишнями. — Сказывай, где ездил, что видел?

— Эге, батя! Был я далеко. И в Пятигорске, и в Ставрополе. И все сделал. Наш план утвердили. У депутата был.

Тимофей Ильич повеселел, даже усмехнулся и погладил усы.

— Говоришь, у депутата был? — нарочно переспросил он. — Да ты у нас такой — во все дырки пролезешь и своего добьешся. — Он посмотрел на Анфису. — А сестра тоже с тебя пример берет.

— И хорошо, — сказал Сергей, доставая вареник.

— Оно, может, и хорошо, но не во всяком деле.

— Я, батя, знаю, на что вы намекаете.

— А если знаешь, так говори отцу — думаешь ли ты жениться?

— А как же? Думаю. — Сергей улыбнулся и посмотрел на довольное и радостное лицо матери. — А что такое?

— То самое, — Тимофей Ильич взглянул на Анфису, которая опустила голову и не ела. — Если думаешь, так поторапливайся и ослобоняй дорогу... А то младшая сестра обгонит.

— А я могу посторониться, — весело сказал Сергей, желая придать разговору шутливый характер. — Для своей сестренки я всегда дорогу уступлю. Правильно, Анфиса?

Анфиса не ответила, встала и молча вышла из хаты.

— Батя, и куда это годится! — сказал Сергей. — В нашем доме и такие старорежимные порядки? Девушку до слез довели, а из-за чего?

— Порядки в доме такие, как и были, а что не по душе мне твой дружок, так это совсем другая песня.

— Вам не по душе, а Анфисе по душе...

— А Анфиса моя дочка, — сердито перебил Тимофей Ильич, — и, как отец, я не хочу, чтобы она каталась по белому свету...

— Погодите, батя, не горячитесь, — Сергей сел ближе к отцу, угостил его папиросой. — Семена я знаю лучше вас. Четыре года я с ним жил в одном танке, а на войне люди как раз и узнают друг друга. Он был мне, как родной брат, понимаете, и я буду рад, если мы с ним по-настоящему породнимся.

— То ж вы жили в танке, — угрюмо проговорил Тимофей Ильич. — В танке одно дело, а теперь — другое... Скажи мне, куда он ее повезет? Наша жизнь ему не нравится. Потому я и не желаю... Должон я, как родитель, думать об ней. У нас, слава богу, окромя тебя и Анфисы, выросло еще восьмеро, и у всех есть где жить...

— Тимофей, да ты послушай Сережу, — вмешалась в разговор Ниловна. — Пускай женются, а мы им домишко построим, вот они никуда и не уедут... А то, может, и в зятьях останется. Сереженьку нам, по всему видно, возле себя не удержать.

— И это тоже правильно, — поддержал мать Сергей.

Тимофей Ильич погладил усы и хотел что-то сказать, но в это время дверь распахнулась, и на пороге показался Савва Остроухов.

— Сережа! И где ты так долго пропадал! — крикнул он, пожимая Сергею руку. — Ну, как? Добился? Получил?

— И добился и получил. Садись, буду рассказывать... Мамо, подбавьте вареников.

— Погоди. И вареников не хочу, и ничего не рассказывай. Жена мне сказала, что ты приехал, и я забежал за тобой. А у меня как раз заседание исполкома с активом. Вот мы там тебя и послушаем. Пойдем!

— Я готов. — Сергей встал.

— И опять уходишь? — грустно спросила Ниловна. — Савва, и откуда ты взялся! Сережа и минуты дома не сидит... Да ты хоть надень чистую рубашку.

Ниловна достала из сундука белье, брюки, белую с вышитым воротником рубашку. В соседней комнате Сергей наскоро переоделся и в штатском костюме стал и ниже ростом, и стройнее, и шире в плечах... Он ушел, по дороге о чем-то оживленно разговаривая с Саввой, а Ниловна долго смотрела в открытое окно, а потом покачала головой и сказала:

— Убег... И какая ж радость родителям от такого сына? Месяц как с войны вернулся, а мы его еще и в глаза как следует не видели. Все мотается и мотается.

— А ты, что ж, хочешь его подле себя привязать? — отозвался Тимофей Ильич. — Значит, дело есть, раз бегает... А куда Анфиса запропала? Вот эту побереги.

По дороге в станичный совет Савва рассказывал Сергею о станичных новостях. Тут было всего понемногу. И то, что буденновцы первыми закончили косовицу ячменя и уже косят пшеницу, и что прибыла автоколонна и уже началась хлебосдача; и что позавчера в Усть-Невинскую приехали две новые учительницы, «такие собой чересчур молоденькие да стыдливые, что просто с ними одна беда — насилу устроил их с жильем»; и что Иван Атаманов уже ездил на конзавод и ему там обещали продать четырех маток, — «пока, говорит, план будет утверждаться, а я обзаведусь племенными матками...» — хитрый кавалерист; и то, что в Усть-Невинскую приезжал председатель Краснокаменского стансовета, «где-то прослышал про наш план и, веришь, полдня просидел у меня в кабинете и все расспрашивал, как и что»; и наконец то, что Федор Лукич Хохлаков захворал и слег в постель... «На сердце жалуется. Заходил я его проведать, лежит и очень стал плох, прямо весь как-то почернел. Просил тебя, чтоб ты к нему приехал. Что-то хочет тебе сказать, а что — не говорит».

Из всех этих новостей лишь одна показалась Сергею странной и неприятной: болезнь Федора Лукича. «Меня хочет видеть, — подумал Сергей. — И что же он собирается мне сказать? А может, он уже знает о том, что говорил мне депутат...» Сергею показалось, что его разговор с депутатом и болезнь Федора Лукича имеют какую-то взаимосвязь и как-то непонятно переплелись между собой. «Одно из двух, — думал Сергей, — либо депутат уже знал, что заболевшему Федору Лукичу нужно длительное лечение, а потому и говорил мне, либо разговор наш — сам по себе, а болезнь не имеет к нему никакого отношения».

В станичном совете и особенно у входа было многолюдно и шумно. Те, кто не мог попасть в кабинет Саввы, ярко освещенный лампой-молнией, толпились у окон, в темной прихожей и в длинном, во все здание, коридоре. Густо дымили цыгарки, иногда вспыхивал огонек спички или зажигалки, освещая то клок рыжей бороды, то красивое женское лицо, повязанное белой косынкой, то юные блестящие глаза, а то и какой-нибудь ловко закрученный молодой ус... Следом за Саввой и Сергеем повалила толпа. В кабинете, с широко раскрытыми дверями, совсем стало тесно и жарко. С улицы, в просветы окон, заглядывали девушки, жмуря глаза от сильного света лампы. Сергею показалось, что где-то там, за окном, стоит Ирина. Во всем доме гудел приглушенный говор. К Сергею подошел в блеске орденов и медалей Иван Атаманов. Крепко пожимая руку, он спросил:

— С успехами? А я уже смотался на конзавод! Обещали помочь.

— Бабочки, дайте дорогу!

— Ты проходи, да не обнимайся!

— Да как же вас не обнимать...

— Разве Артамашов может без этих шуток?

В дверях, меж женских платков, показался Артамашов, чернея низенькой кубанкой, сбитой на затылок.

— Сергей Тимофеевич, — сказал он здороваясь, — ну, что там о нас люди говорят?

— Всякое говорят.

— Хвалят! — сказал Савва.

— А иначе и быть не могло, — сказал Артамашов. — Кого ж еще и хвалить, как не нас.

— Алексей Степанович, ты только об этом и думаешь,— отозвался сидевший у стола Рагулин. — Гляди, чтоб от тех

похвал да не вскружилась голова, как у той вороны, что сидела на дубу.

— Савва, всегда на заседание исполкома собирается столько народа? — шопотом спросил Сергей, когда они уже сели за стол.

— Сегодня с активом, — пояснил Савва и, улыбаясь, добавил: — Я пошел к тебе, а Дорофей тем временем проскакал на коне по станице... Всем же интересно послушать.

Савва постучал о чернильницу карандашом, подождал, пока наступит тишина, и объявил, что на повестке дня стоит один вопрос: доклад Сергея Тутаринова.

Отчет о своей поездке Сергей изложил в форме подробной беседы. Рассказывал неторопливо, не упуская даже таких мелких подробностей, как, например, поездка Дорофея за травой, знакомство с дежурной Дома колхозника; особо остановился он на аллее Героев, виденной им в городском парке. Слушали его внимательно, но все знали, что говорит Сергей не о главном, что самое интересное где-то еще впереди. А Сергей уже в самых живых красках рисовал степь, виденную им в полете, очень лестно отозвался о Ставрополе. «Лежит этот город на таком высоком месте, что его видно на десятки верст в окружности». Всем нравился рассказ и о степи, и о городе, но все попрежнему думали, что это тоже не главное... И когда Сергей сказал: «И вот, товарищи, позвал меня депутат, и вхожу я в его кабинет», — сразу во всем здании сделалось так тихо, что было слышно, как за окном шелестели без ветра листья акации. Сергей подробно изложил свою беседу с депутатом, рассказал, как депутат расспрашивал его об урожае, «верите, даже поинтересовался, почему у Рагулина один урожай, а у Артамашова — другой», о животноводстве, о строительстве, как похвалил Ивана Атаманова. О сплаве леса Сергей нарочно умолчал.

— Прохор Ненашев здесь? — спросил Сергей.

— Я тут! — донеслось из соседней комнаты.

— Подходи ближе.

Прохор важно подошел к столу. Ему уступили место на лавке, он оправил рубашку и сел, еще не понимая, зачем его позвал Сергей.

— Ну, Прохор Афанасьевич, — заговорил Сергей, — вышло по-твоему. Тот лес, что лежит в Чубуксунском ущелье, будем сплавлять. Так что готовься. Депутат так и сказал, — прибавил от себя Сергей, — что есть у вас в

станице опытный человек, старый сплавщик Прохор Афанасьевич Ненашев, вот вы ему это дело и поручите.

Прохор добродушно улыбался. Как-никак, а приятно было слушать, что о нем так высоко отзывается даже сам депутат. Прохор встал и уже хотел было что-то сказать, как со всех сторон послышались советы:

— Молодых послать.

— Три колхоза — три бригады.

— А я так думаю, что молодежь в таком деле не справится. Это же не косовица!

— А что такого — бревна гнать по воде. Возле воды и не жарко. Чуть что — купайся.

— Там купаться некогда. На какой-либо крутизне бревна станут сторчмя, запрудят все русло.

— Тише, граждане, — сказал Савва. — Давайте послушаем Прохора.

Прохор поднялся, одернул под поясом рубашку. Он понимал, что такой важный вопрос без него решен не будет, поэтому и держался с достоинством, гордо посматривая по сторонам.

— Вообще, сказать так, — заговорил он, — что такое есть сплав леса по нашим бурным рекам? Называется он молевой, и работа эта трудная. В молодости мне довелось побегать за бревнами, а они, верите, несутся по воде, как сумасшедшие... Вообще надо бояться поворотов....

Воспользовавшись случаем, Прохор подробно изложил свою биографию, особенно ту ее часть, которая относилась к молодым годам. Затем он дал несколько практических советов по организации труда на сплаве. По его предложению, необходимо было послать на сплав не менее трех бригад. Каждой бригаде нужна была подвода, железные крюки, багры, веревки, лопаты, топоры, а также кухарки и на месяц продуктов. Кроме того, требовалась лодка или даже две, волы или лошади для подтаскивания бревен к берегу.

— А молодежь вообще обучить можно, — сказал он, уже усевшись на лавку. — Тут главное — поворотливость.

Все предложения Прохора были записаны в протокол. Председателям колхозов поручалось в течение трех дней подобрать бригады из молодежи, не занятой на уборке, поделать багры, крюки, выделить подводы и продукты...

Кажется, все должно было радовать — и удачная поездка, и только что прошедшее собрание, и то, что было уже

принято решение о сплаве леса, а на сердце у Сергея почему-то было неспокойно. В тот вечер он возвращался домой один и думал об Ирине. «Почему же она не пришла? Очевидно, не знала, что я приехал». На чистом вечернем небе стоял уже ущербный месяц, от хат, от деревьев далеко на улицу выползли тени. Было тихо, станица спала... «А тебе я советую подумать... Надо заменить Федора Лукича», — вспомнил он слова Бойченко и посмотрел на высокое и пышное дерево вдали, залитое лунным светом. От дерева навстречу Сергею шли парень и девушка. «Да ведь это Семен и Анфиса, — подумал Сергей. — Вот черти, даже на собрание не пришли».

— А мы идем на собрание, — сказал Семен, здороваясь с другом за руку.

— Опоздали. Пойдемте обратно. — Сергей взял Анфису и Семена под руки. — Я вам завидую...

Ему не ответили. Все трое некоторое время шли молча.

— Семен, — сказал Сергей, — чем ты моего отца так сильно обидел?

— Я догадываюсь... Как-то раз я нелестно отозвался об Усть-Невинской. — Семен помолчал. — Но я этому разговору не придал значения... А вообще, Сережа, я тебя ждал. Ты уже сам видишь, что мы с твоей сестренкой... — он не договорил. — Мы уже с ней обо всем самом главном договорились.

— Проще сказать — полюбили друг друга?

— Сережа, и чего ты допрашиваешь? — сказала Анфиса, прижимая руку брата.

— Но ты понимаешь, — заговорил Семен. — Отец уперся и стоит на своем... Вот я тебя и ждал, надо бы както решить, чтобы и стариков не обидеть...

— Чтобы и волки были сыты и овцы целы?

— Братушка, ты все шутишь?

— А почему бы и не пошутить? Эх, вы, черти влюбленные! — Сергей засмеялся. — Я знаю, на собрание вы и не думали итти, а просто хотели меня встретить. Я вам нужен, а то, куда я ездил и что сделал, — вас это не касается? А тебя, Семен, я просто не узнаю. Да ты ли это — мой верный радист-пулеметчик?

— Конечно, я, — смущенно проговорил Семен.

— Сережа, ты его не обвиняй, — весело сказала Анфиса.

— Нет, друзья, я без шуток, — сказал Семен. — Сережа, ты должен нам помочь.

— Значит, взаимная выручка? — с улыбкой проговорил Сергей. — Отлично, так и быть, помогу. Отца мы уговорим, но только не раньше, как через месяц. Теперь же нам надо ехать на лесосплав, и тебе, Семен, как проверенному товарищу, я думаю доверить бригаду. А Анфису мы возьмем кухаркой. Сможешь, сестренка? А вот когда уже вернемся с лесосплава, тогда и свадьбу справим.

Семен и Анфиса охотно согласились ехать на лесосплав. Поездка представлялась им красивой прогулкой в горах. Они шутили, смеялись, и Сергей, забыв о делах, тоже развеселился. Но как только он оставил Семена и Анфису у калитки, в голову снова пришли мысли о Бойченко, о Федоре Лукиче... Сергей лег в постель, но уснуть не мог. Закрывал глаза и видел Федора Лукича — то они ехали с ним по степи на «виллисе», то сидели в кабинете... «Да, мне надо подумать». И Сергей хотел представить себя председателем райисполкома, но не мог. Ему казалось, что в районе все привыкли к Федору Лукичу, привыкли видеть его седую, коротко остриженную голову рядом с приметным белоголовым шофером. И вдруг в станицу приезжает та же машина, тот же белоголовый шофер, а только рядом с ним уже нет Федора Лукича, а сидит какой-то молодой парень, чернолицый, как цыган, с широкими густыми бровями...

В окно было видно луну. Сергей невольно вспомнил птичник, курган, блеск мокрой травы, и его так потянуло к Ирине, что он вскочил с кровати, быстро оделся и, боясь, чтобы не услышала мать, на цыпочках вышел из хаты. А спустя некоторое время он разбудил Савву и сказал, что ему срочно нужна верховая лошадь.

— Да куда же ты в ночь? — удивился Савва.

— Да тут близко. На птичник.

— А-а-а... — догадался Савва. — Теперь понятно. Иди на конюшню и скажи Дорофею, чтобы подседлал серого. Рысью идет хорошо.

Дорофей проснулся с трудом, но, увидев перед собой Сергея, не стал ни о чем расспрашивать, а снял со стенки попону и седло и направился к выходу.

— Седлать не надо.

— Покрепче держите поводья, — предупредил Дорофей, — а то этот серый чертяка пужливый.

Сергей шагом выехал со двора. Но уже на площади пригнулся к гриве и пустил коня в галоп. Осадил его только вблизи знакомого домика. К окну подъехал шагом, почти неслышно, слез с коня, привязал его к стене. Осторожно приподнял занавеску. Ирина спала, слабый свет луны освещал ее лоб, темную, лежавшую на подушке косу... Сергей тихо постучал. Ирина вздрогнула, но не поднялась, а только открыла глаза, узнала Сергея и снова их закрыла, не веря — сон ли это или явь...

В станицу Сергей вернулся на рассвете. Вручил Дорофею коня и пошел домой. Ниловна уже гремела дойницей, собираясь доить корову.

— Сережа, — сказала она, — ой, как долго у вас было собрание!

— Да, затянулось, — с улыбкой проговорил Сергей и ушел спать.

ГЛАВА XXI

Проснулся Сергей Тутаринов поздно. Не стал одеваться, а босиком и в трусах отправился на реку. С разбегу бросился в воду и нырнул так глубоко, что коснулся ладонями скользкой плиты. На дне реки вода была такая холодная, что, казалось, будто в тело впивались тысячи мельчайших ледяных иголок. Всплыл Сергей на быстрине, встряхнул мокрым чубом и, легко взмахивая руками, направился к противоположному берегу. Там темной стеной возвышался лес, бросая тень на реку. Не доплыв и до тени, Сергей повернул обратно, став лицом навстречу течению... Купался он долго, пока не продрог. Бодрый, чувствуя прилив сил, он вбежал в хату, схватил полотенце и начал старательно растирать руки, грудь, спину. «Надо поехать к Кондратьеву, а заодно проведать и Федора Лукича», — подумал Сергей. Он оделся и пошел к Савве просить верховую лошадь.

Ниловна хлопотала у летней печки.

— Мамо, — сказал Сергей, — я на минутку схожу к Савве, а вы приготовьте мне позавтракать.

Через полчаса Сергей привел под седлом того же серого коня, на котором вчера ездил к Ирине.

— Сереженька, ты опять уезжаешь? — удивилась Ниловна.

— Смотаюсь в район. Дайте мне покушать, только побыстрее.

— Ты хоть к обеду возвращайся. У меня варится борщ с курятиной.

Не прошло и десяти минут, как Ниловна и поджарила яичницу, и нарезала малосольных огурцов, и вынула из погреба махотку со сметаной, — знала мать, для кого берегла эту махотку! Сергей ел торопливо, а Ниловна сидела за столом, опершись щекой на руку, и смотрела на сына влажными и грустными глазами. Ей казалось, что за эти дни Сергей и похудел, и постарел, и брови у него стали лохматей, и глаза невеселые.

— Сережа, — сказала она ласково, — и когда ты уж набегаешься? Все мотаешься и мотаешься...

— А что? Разве плохо?

— Мы еще с тобой и не посидели, и не побалакали... Вот и Анфиса в таком горе. Как с ней быть? Они с Семеном, как я думаю, все уже и без нас порешили... Я-то согласна, бог с ними, слюбились, так и пусть себе женются. А батько, ты ж его знаешь. Посоветовал бы ты Семену, он же твой друг, пусть бы оставался жить у нас. Да пусть бы пришел к батьке да поговорил бы... Можно им бы хатенку построить, а то и у нас место нашлось бы...

— Не печальтесь, мамо, — сказал Сергей. — Я поговорю и с Семеном, и с батей... Все уладится.

Сергей съел яичницу, огурцы и сметану. Встал и, на ходу подтягивая ремень и поправляя гимнастерку, вышел из хаты. Ниловна пошла за ним. Когда Сергей садился в седло, ей приятно было взять коня за повод и придержать рукой стремя... А только выпустив из рук повод и подняв заплывшие слезами глаза, она услышала стук копыт и, сколько ни смотрела на ворота, на калитку, Сергея так и не увидела....

Подбадривая хворостинкой коня, бежавшего ленивой рысью, Сергей выехал за станицу и направился вдоль Кубани. В эту летнюю пору пойма была похожа на огромный зеленый ковш, надвое разрезанный рекой. По взгорью разбежались невинномысские хутора, тоже все в зелени, так что издали нельзя было понять — хутора ли это или лесные заросли. Сергей пустил коня шагом, а сам долго и с радостным чувством смотрел то на бригадные станы — одни в кущах садов, другие — на голом поле; то на овечьи кошары, ютившиеся под горой наподобие пещер; то на се-

рые пятна базов, огороженных плетнями, — лежали они либо в ложбине у родника, либо вблизи речного водопоя... И широкая, в яркой зелени пойма, и станица, и скрытые в садах хутора, и стада коров, пасущихся в низине, и даже пустые и скучные своим серым видом базы — все казалось Сергею и необычным и значительным. «Странно, — подумал он, — как будто я вижу все это впервые. А ведь сколько раз еще до войны я проезжал по этой дороге». Сергей смотрел на пойму, а видел не только огородные плантации, с балаганами и водокачками, но и русло будущего канала. Там, за дальними холмами, отойдет от Кубани рукав, протянется вдоль берега, а вот в этом месте, у каменного обрыва, подымется вода... И Сергей представил себе многоводную протоку, которая не только вращает турбину, но и орошает огороды. «Радуйтесь, огородники, — подумал он, — скоро вода к вам сама пойдет». В воображении его выросли и квадратный домик у обрыва, где белой пеной вскипают буруны, и бегущие от домика в Усть-Невинскую на смолисто-черных столбах медные провода... Невдалеке от обрыва наискось через всю реку лежал мелкий перекат. Вода здесь шумела совсем тихо, и для Сергея это уже был не перекат, а удобное место для приема плывущих бревен. «Лучшей запани и желать не надо», — подумал он и уже представил себе плывущий лес, штабеля бревен, мокрых, только что вытащенных из воды...

Отъехав в сторону от Кубани, Сергей нагнал в степи длинную вереницу конных упряжек. Брички с деревянными ящиками были нагружены ячменем. Обоз двигался медленно, лошади сворачивали на обочину и тянулись к траве. Возчики предоставили лошадям полную свободу: кто спал, растянувшись на зерне и накрыв лицо картузом, кто ел еще недоспелый арбуз, а кто просто лежал, изнемогая от жары. На головной подводе двое подростков и пожилой рыжебородый мужчина играли в карты. К ним и подъехал Сергей.

— Эй, друзья-картежники! Куда везете зерно?

Обоз остановился. Парнишки, игравшие в карты, проворно соскочили на землю и побежали к своим подводам.

— Как — куда? — отозвался рыжебородый. — Известно — на заготпункт.

— Откуда?

— Из Белой Мечети, — неохотно ответил возница, собирая карты. — Колхоз «Пролетарская воля».

— Ты старший возчик? — Сергей зло посмотрел на рыжебородого.

— Я. А об чем разговор? Какое имеешь право задерживать движение обоза?

— И ты это называешь движением? Да разве так возят хлеб на заготпункт? Лошади на ходу спят, возчики загорают, а ты, старшой, в карты режешься.

Рыжий сердито покосился на Сергея, увидел у него на груди медаль «Золотая Звезда» и, ничего не сказав, взял вожжи.

— Дай сюда карты! — тоном приказа сказал Сергей и, перегнувшись на седле, вырвал карты из рук возчика. — Ишь, нашел место картежничать! Да еще и мальчишек развращаешь... Стыда у тебя нет... А ну, погоняй, да потораплывай! А карты я передам вашему председателю.

Видно было, что возчики испугались. Рыжий, поглядывая на Сергея, погнал своих лошадей рысью, и тогда на всех подводах послышалось понуканье, хлопки кнута, разом загремели десятки колес, и обоз, подымая пыль, покатился по хорошо укатанной дороге.

Подъезжая к мосту, за которым на высоком глиняном берегу лежала районная станица, Сергей думал: «И надо же додуматься — возить зерно и в карты играть... Нет, непременно поеду в «Пролетарскую волю» и сообщу об этом председателю. Пусть он их хоть на собрании постыдит».

Наступил полуденный зной. В станице было не жарко, а душно. Деревья покрылись пылью, особенно на главной улице, где часто проезжали грузовые автомобили... По этой улице Сергей выехал на площадь. В жиденькой тени акаций, недалеко от магазина, стояли три подводы с пустыми корзинами. С женщинами, видимо возчиками, разговаривал продавец или приемщик, коренастый человек, в белой из тонкого полотна сорочке, в галифе и в сапогах. Это был Рубцов-Емницкий. Увидев Сергея, он крикнул:

— Сережа! Здорово, дружище! — оставил женщин и подбежал к Сергею. — Поздравляю, Сергей Тимофеевич! Значит, все на мази! Вчера проездом был у нас Бойченко. Говорил о сплаве леса. Я уже дал указание обеспечить лесосплав походными ларьками, забросить туда нужные товары. Да ты чего на меня так смотришь? Обиделся? — Рубцов-Емницкий улыбнулся, блеснув золотым зубом. — А обижаться и нечего... То, что ты отказался от услуг Ирак-

лия Самсоновича, это, я думаю, даже к лучшему. Почему к лучшему? Этот человек еще пригодится на будущее...

— Не думаю, — неохотно проговорил Сергей.

— Поживем — увидим... А я уже на всякий случай в одном месте закинул удочку насчет турбины. Такой товар, для ясности, на дороге не валяется.

— Обойдемся без ваших дружков, — сухо сказал Сергей. — Да и вообще...

Рубцов-Емницкий не дал договорить.

— Безусловно, можем обойтись. Но это я говорю на тот случай, если, к примеру, будет нужда... Да кстати, слыхал, Федор Лукич захворал. Слег старый конь. Но сегодня я виделся с его женой, ему уже лучше. Непоседливый казачина, рвется в поле... Где он живет? Совсем близко, почти рядом с райисполкомом. Видишь палисадник в кубанском стиле? Вот эти кусты сирени и эти две вишни. Дом под белой черепицей.

«Сперва заеду на минутку к Федору Лукичу, а потом уже к Кондратьеву», — подумал Сергей и, давая понять Рубцову-Емницкому, что им говорить больше не о чем, тронул каблуками коня. «Опять липнет, — думал Сергей, проезжая по площади. — Смола, а не человек... Ну, я с ним когда-нибудь поговорю по душам...» Представляя себе этот разговор, Сергей улыбнулся и слез с седла возле небольшого одноэтажного домика под белой черепичной крышей, с белыми стенами и с закрытыми ставнями. В палисаднике росли две вишни, густо облепленные спеющими ягодами, рядок крыжовника, кусты сирени.

Во дворе, возле сенец, Сергей привязал коня и загремел щеколдой. Отворилась дверь, и вышла пожилая женщина, немного похожая на Федора Лукича: такая же грузная, тот же ласковый взгляд спокойных глаз, те же черты доброго, открытого лица. «Наверно, сестра», — подумал Сергей. Он назвал свою фамилию и сказал, что приехал навестить Федора Лукича.

— А он вас давно ждал, — сказала женщина. — Но вот беда, только-только уснул. Я и ставни позакрывала.

— Марфуша, кто там пришел? — послышался слабый голос Федора Лукича. — Кто там? Пускай заходит.

— Это я, — сказал Сергей, уже войдя в кухню.

— Сережа! Вот спасибо, дорогой, обрадовал. Проходи в мою темницу. Марфуша, открой ставню.

В спальне, где лежал Федор Лукич, было темно и прохладно, пахло лекарствами и полевыми цветами. Сюда не проникали ни свет, ни жара, и Сергей вначале ничего не увидел. Но вскоре Марфуша открыла ставню, и небольшая чистенькая комната наполнилась ярким светом. Первое, что бросилось Сергею в глаза, был красочный портрет Ивана Кочубея, висевший над кроватью, чуть выше ковра. Легендарный комбриг был в косматой бурке и в белой, лихо заломленной назад папахе, с удивительно строгим и энергичным лицом. Казалось, Кочубей скакал на коне, устремив зоркие глаза вдаль, а рядом с ним на невысокой кровати полулежал его соратник... Широкой спиной Федор Лукич опирался на высоко взбитые подушки, сложенные одна на другую. Он заметно постарел, осунулся, давно небритое лицо обрюзгло и потемнело. Глаза были тусклые — не найти в них былой веселой искорки. Седая щетина на голове отросла и стала еще белее.

— Как я рад, что ты приехал навестить, — с тяжелой одышкой проговорил Федор Лукич, слабо пожимая руку Сергею. — А то вот лежу один, а тут еще Марфуша окна закроет — как в погребе... Мою натуру ты же знаешь — такая житуха не по мне. Лучше уж и помирать, чем так жить. Я теперь, как тот старый конь, приученный к боевым походам — чует запах пороха, слышит звон трубы, бьет копытами, прядет ушами, а уже никуда не годится... Мне бы по степи мотаться, а я вот лежу... пошаливает... болит, — и он горько улыбнулся, положил руку на левую сторону груди. — Крепкий был мотор, думал — и износу ему не будет, а сработался... Дает перебои.

— Федор Лукич, — участливо заговорил Сергей, — хоть вы и пренебрежительно смотрите на курорты, а все ж таки надо бы вам поехать в Кисловодск.

— Покамест обойдусь. Если совсем будет плохо, тогда поеду... Мне уже лучше. То, было, левая рука онемела и не подымалась, а сегодня она у меня действует, — и как бы в подтверждение своих слов поднял руку. — Скоро встану... А что дышу тяжеловато — это пройдет... Ванюша с ветерком промчит по полю, и сразу отдышусь... А лежать нельзя. Кондратьеву одному трудно. Лето, хлебозаготовки, сам знаешь...

Федор Лукич спросил, как идет уборка в устьневинских колхозах, приехала ли автоколонна. Сергей отвечал и ждал, что Федор Лукич вот-вот спросит о результатах поездки в

Ставрополь. Но Федор Лукич об этом и не вспоминал. Он справился о здоровье Тимофея Ильича, Ниловны. Затем они говорили о международных новостях. О поездке Сергея в Ставрополь Федор Лукич так и не спросил, точно ничего за эти две недели и не произошло. «Значит, старик сердится и ничего не хочет знать, — подумал Сергей. — А я все-таки ему расскажу... Не сейчас, а когда буду уходить».

— Сережа, лежал я эти дни и думал, — сказал Хохлаков, — о чем только и не передумал, и пришла мне в голову мысль: поговорить бы нам надо об одном важном деле...

— О каком же деле, Федор Лукич?

— Дело это такое, — Федор Лукич с трудом поднялся и опустил на коврик босые, припухшие в щиколотках ноги. — Здесь нас двое — два кубанских казака... Есть еще казачка, Марфа Игнатьевна, моя жена... Пусть она тоже послушает. От нее у меня секретов не бывает.

— Вы секретничайте, а я пойду. Мне надо сбегать за льдом, — сказала жена и вышла.

— Ну и лучше, что мы теперь одни, — Федор Лукич вздохнул и вытер полотенцем мокрый лоб. — Да... Так вот о чем... Сидят два казака... Один, будем говорить прямо, уже глядит в могилу, а другой только начинает жить... Да и как начинает, дай бог каждому!.. К чему это я? А к тому, что надо нам, Сережа, подумать о кубанском казачестве... Смотрю я на нашу молодежь, вот на таких геройских парней, как ты, на наших старательных дивчат и радуюсь: доброе казачество подросло, надежная смена...

— Федор Лукич, может быть, я вас и обижу, — сказал Сергей и посмотрел на Кочубея, — но скажу то, что думаю... Правильно вы заметили, люди на Кубани выросли новые и интересные люди. Но того казачества, о котором вы постоянно печалитесь, давно нет...

— Как же это так — нет? — удивился Федор Лукич.— А мы с тобой кто ж такие? Разве мы — не казаки? А все станицы от Преградной и до Темрюка — разве не казаки в них живут?

— Казаки, — согласился Сергей и снова посмотрел на Кочубея. — Да, живет казачество, только не старое, о котором вы говорите, а новое, колхозное казачество. В наши дни такое название звучит куда значительней и красивее. Люди-то нынче совсем другие, духовный их мир не тот, что был до революции. Нет уже того старинного форса, которым кичились казаки, не блестит у молодого парня на

поясе кинжал, но зато в голове ума стало больше, жизненные интересы шире, а этому как раз и надо радоваться... Так что давайте, Федор Лукич, подумаем о кубанских колхозниках.

— Что ты мне рассказываешь, — не сдавался Федор Лукич. — А в книгах, а в романах что написано? Читал?

— Читал, — спокойно сказал Сергей. — Есть у нас такие писатели, которые очень любят казачью старину и дальше своего носа ничего не видят. На выдумку они мастера — чего только и не напишут: тут и бешметы, и кинжалы, и черкески, и башлыки, и шаровары не какие-нибудь, а с лампасами, и женщины тоже надевают шаровары и скачут на конях, — словом, как в спектакле... А в жизни ничего этого и нет. В кубанских станицах произошли такие изменения, что не замечать этого и проходить мимо — значит, быть слепым... Правда, кое-где, как островки в море, сохранились старые обычаи и порядки, особенно в семейном быту, но этим восхищаться не следует... Да вот вам живой пример — мой отец. Вы его знаете — казак первосортный. Дети его занимают в государстве видные посты, а он живет себе по старинке. Родную дочь не хочет выдать замуж за любимого ею парня и считает, что имеет на это право... И это называется казачий обычай. Да кто же ему рад!

— Но вот ты — тоже казак?

— Да, я сын казака. — Сергей встал, подошел к окну.— Но разве, Федор Лукич, вы не видите, что я решительно ничем не похож на своего отца, разве лишь тем, что брови у меня такие же пучкастые, как и у него. Но это сходство чисто родственное... А что во мне от казачьей старины? Да нет ничего! Я не джигит, черкески и бешмета не носил, кинжала и в руках не держал. Так чем же я отличаюсь от не-казака? Ничем. А станичная молодежь, уезжающая учиться в техникумы и вузы, — что в ней от старого казачества? Жизнь-то наша, Федор Лукич, не стоит на месте, и мы, молодое поколение, поднялись на несколько ступеней выше своих отцов, на окружающую жизнь смотрим иными глазами, а этому надо только радоваться! Я вот смотрю на портрет Кочубея. Лихой вояка, благородный человек, неграмотный был, а понимал, что его дорога с Лениным. Мы благодарны Кочубею за то, что воевал он храбро, не уронил честь кубанского казачества в тяжелые годы рождения советского государства, — родство наше с Кочу-

беем кровное. Но кто теперь того не знает, что нынче и на войне, и в мирное время одной лихостью ничего не сделаешь, что не конь теперь главное, а машина...

— Ну, ну, тебя только затронь, — уже примирительно заговорил Федор Лукич. — Хорошо, не будем, Сергей Тимофеевич, спорить... Я заговорил с тобой не для спора. Ты видишь, я уже стар, и как я ни бодрюсь, как ни расправляю крылья, а сил нету... Все ж таки придется мне ехать и в Кисловодск, а может, еще куда и подальше... Так вот я и думаю: кому доверить район?.. Бывало, в старину, отходя на покой, отец передавал власть в доме старшему сыну... Будь, Сергей Тимофеевич, таким моим старшим сыном... Я проработал в этом районе на разных должностях восемнадцать лет... А теперь берись ты, Сережа, за дело... Ты — депутат райсовета, кооптировать тебя не придется... Созовем сессию, и люди проголосуют за тебя всей душой... Ты чего крутишь головой? Боишься, что будет трудно? А ты не бойся... Впереди немало работы, но вам теперь легче... Мы, старики, начинали этот путь на коне, а вы оседлали машину... Мы хорошо знаем, что такое интервенция, голод, разруха... А у вас, молодых, впереди ясные горизонты... Так что берись, Сережа, за дело, становись на мое место, и тогда я буду спокоен... Вчера был у меня Андрей Петрович Бойченко. Долго мы разговаривали, советовались и пришли к тому, что нет более подходящей кандидатуры...

— Об этом со мной Бойченко тоже говорил, — сказал Сергей. — Спасибо, Федор Лукич, за такую честь и доверие, а дать согласия я не могу.

— Почему?

— Собираюсь ехать учиться.

— Учиться? Да ты и так грамотный.

— Институт хочу окончить.

— Разве это обязательно? — строго сказал Федор Лукич. — Я в институте не был, а с работой справлялся.

— У вас большая практика.

Сергей задумался, посмотрел в окно.

— Чего ж ты молчишь? Неужели испугался?

— Нет, Федор Лукич, я не испугался, но не знаю, что вам сказать. Дайте мне хорошенько подумать... Посоветуюсь с отцом, с товарищами.

— Думать-то некогда, вот беда, — сказал Федор Лукич, болезненно морщась и откидываясь на подушки. — Сам же советуешь ехать в Кисловодск...

— Я это понимаю, но у меня сейчас в Усть-Невинской столько дел. Ведь я вам еще не говорил, что пятилетний план утвержден и лесу теперь у нас будет столько, сколько сплавим по реке.

— Про все это я уже слыхал... Молодец, что своего добился. Только передай там от меня Остроухову, что пускай теперь не мечтает, а засучивает рукава... А то он к облакам взлетать мастер.

— Теперь у нас главное — организовать сплав леса... Я сам туда поеду.

— Дело, конечно, нужное.

Федор Лукич устало закрыл глаза и надолго умолк. Сергей еще немного посидел, еще раз посоветовал Федору Лукичу поехать на курорт, распрощался и вышел... Подъезжая к райкому, он думал: «Будь моим старшим сыном... Становись на мое место, и тогда я буду спокоен...»

В райкоме никого, кроме машинистки и управделами, не было. Все разъехались по колхозам. Кондратьев выехал еще вчера вечером. Сергей подтянул подпруги и сел в седло. За мостом он свернул с дороги и поехал напрямик по скошенному полю. В горячем воздухе приглушенно гудел мотор. Близко, на квадратной клетке ячменя, трактор тянул комбайн с волокушей, похожей на хвост огромной птицы. У дороги стоял вагон, дымилась вырытая в земле печка, кухарка варила обед. Рядом с вагончиком стояла легковая машина. По жнивью от комбайна к вагону шел Кондратьев, без фуражки, в серой, запыленной блузе, в темносиних брюках, издали похожий на механика.

— Тутаринов, ты откуда? — крикнул он, издали узнав всадника.

— Был у Федора Лукича.

— Ну, как старина?

— Лежит.

— Ну, а как твои дела? — его карие глаза улыбнулись. — Слезай и рассказывай все подробно.

Они сели в тени возле вагончика, и Сергей обстоятельно рассказал о поездке в Пятигорск и о разговоре с Бойченко.

— Я и знал, что так будет, — сказал Кондратьев. — Вот только зря ездил в Пятигорск... Ну, это тебе наука... Да, так вот что. Берись за сплав леса. Ты сейчас едешь в станицу? Передай секретарям парторганизаций всех трех колхозов, чтобы завтра утром приехали ко мне. Я им ска-

жу, что надо делать. — Кондратьев внимательно посмотрел на Сергея, и его чуточку сощуренные глаза точно говорили: «А почему ж ты мне не все сказал... Не скрывай, не скрывай, я все уже знаю...» — Бойченко тебе еще что-нибудь говорил? — спросил он.

— Да, говорил, — сказал Сергей. — Смена нужна Федору Лукичу.

— Правильно, нужна. Но ты сейчас мне ничего не говори... сперва подумай... Поезжай на сплав, а потом уже все решим.

Разговаривали они еще долго. От комбайна доносился гул мотора и какое-то звонкое дребезжание железа. Кондратьев прислушивался, вставал и снова садился.

— Только сегодня наладили машину, — сказал он. — Пришлось и мне помогать.

— А вы разбираетесь в машинах?

— Немножко...

Подошла кухарка и пригласила обедать.

ГЛАВА XXII

Третий день в Усть-Невинской шла подготовка к выезду на лесосплав. Хлопот оказалось немало. Прохор Ненашев, подседлав вислозадую кобыленку, метался по станице, торопил кузнецов, подбирал людей в бригады, назначал бригадиров.

— Тетя Даша, может, хоть у тебя имеются саперы? — спросил Прохор Байкову, просматривая списки демобилизованных. — Побольше бы нам саперов, они спецы по части леса.

— Посмотри, — сказала тетя Даша, — может, и найдется.

— Вообще и в «Буденном», и в «Ворошилове» — одна пехота да кавалерия... Правда, есть еще танкисты, а саперов как на беду нету.

Но один сапер все-таки нашелся в станице. Это был Дмитрий Кушнарев, или по-станичному — Митька Артист, из Кочубеевского колхоза, веселый, уже немолодой парень, до войны руководивший драматическим кружком.

— Ну, как, Митрий, поедешь дрючья сплавлять? — спросил Прохор. — Ты ж теперь мастер по части леса.

— Да какой же я мастер, дядя Прохор? — играя веселыми глазами, сказал Дмитрий. — Ведь я же все время

мосты строил, переправы наводил, а сплавом леса заниматься не приходилось... Хотя однажды был такой случай — по Днепру немцев сплавляли.

— Ты, Митрий, без шуток, — серьезно проговорил Прохор. — Я даже хочу тебе бригаду поручить.

— И девки едут? — спросил Дмитрий, посмотрев блестящими глазами на молоденькую девушку — секретаря правления.

— Могу поручить тебе такую бригаду, где одни девки да бабы, — весело, в тон Дмитрию, сказал Прохор.

— А спектакль можно сыграть?

— Я думаю, что там и без этого будет весело.

Дмитрий подмигнул девушке.

— Записывай, посмотрим, что это за лесосплав.

В эти дни вислозадая кобыленка появлялась то на бригадном дворе, то возле правления, то в мастерских. Желая придать своему приезду важное значение, Прохор всякий раз, слезая с седла, нарочно громко покрикивал:

— Стой, бешеная! Так бы и рвалась! В строй бы тебя, дьявола!

Привязав к плетню смирную, ко всему равнодушную кобылу, Прохор заходил в кузню, проверял, хорошо ли сделаны багры, крючья. От кузнецов шел к плотникам, где уже стояли готовые, наскоро оструганные ясеневые шесты.

В трех колхозах снаряжались подводы и кормились в дорогу быки. Иван Атаманов, назначенный бригадиром, привез с Кубани плоскодонную лодку, прошпаклевал и залил смолой дно... Появились будущие кухарки. Они принимали от кладовщиков печеный хлеб, муку для галушек, пшено, растительное масло, сало, мед — все это грузилось на подводы. На четвертый день в полдень Прохор еще раз проехал по станице и предупредил бригадиров и кухарок, чтобы люди на зорьке выехали из станицы и что первый привал будет только за горой Очкуркой. Поварихой в бригаде Семена Гончаренко была назначена Анфиса Тутаринова. Анфиса уже получила все продукты, послала Семена на огород за капустой и стручками перца. Когда все было аккуратно уложено на подводе и сверху укрыто полостью, Анфиса хотела сбегать домой. В это время во двор въехал Прохор. Не слезая с кобылы, он сказал:

— Анфиса Тимофеевна, — Прохор любил называть девушек по имени и отчеству, — а знаешь, кто у тебя начальник?

— Знаю.

— А я хотел определить к тебе Костю Радченкова. Парень бедовый, а Сергей Тимофеевич сказал, чтобы был бригадиром Семен.

— А мне все равно.

— Ну, тогда вот что я тебе скажу... Да стой ты, окаянная! — крикнул он на кобылу. — Передай Семену, чтобы он не проспал. Выезжаем на рассвете. Худобу будем кормить за Очкуркой.

— А если проспим? — Анфиса без причины звонко рассмеялась.

— Смотрите! — пригрозил Прохор. — Будить не буду.

Пожалуй, никто из отъезжавших на лесосплав так не волновался и не был так обрадован, как Семен. Видимо, были для этого свои причины. Ему казалось, что наконец-то ждет и его настоящая работа, где можно будет вволю потрудиться. Живя в станице вот уже более месяца, Семен не сидел без дела, но то, чем ему приходилось заниматься, только огорчало... Правда, пока Сергей ездил в Ставрополь, Семен выкопал у стариков Семененковых новый погреб (старый завалился после ливня), покрыл его землей и посыпал сверху золой, почистил колодец, поставил новый плетень, заплел сапетку для кукурузы. Параська и Евсей не могли нарадоваться своим квартирантом, а Семен все время думал, где бы ему найти такую работу, чтобы она захватила его всего и надолго... Но приходилось ходить на огородные плантации и помогать бабам пропалывать помидоры, морковь, срезать кочаны ранней капусты. Семен давно бы ушел в поле, к косарям, но на огороде его удерживала Анфиса. Нагибаясь над пахучей помидорной ботвой, Семен с нетерпением ждал вечера и думал о том, как они с Анфисой будут итти домой, как над лесом за рекой встанет луна... Обычно они ходили не по дороге, а по узкой стежке, лежавшей между высокой травой вблизи Кубани. В двух шагах — берег. Шумела река, и был виден черный, стремительно бегущий пояс воды... В тот особенно памятный вечер они возвращались в станицу очень медленно. Из-за леса давно вышла луна, и тень от деревьев покрыла всю реку. Семен взял Анфису под руку и молча смотрел на светлое, в бледных звездах, небо. Анфиса спрятала руки под фартук и прижалась к Семену, точно боялась свалиться в реку.

— Что-то мне сегодня зябко, — тихо сказала она.

— А вот я тебя обниму, ты и согреешься.

В этот раз Семен почему-то обнимал ее боязно, как-то по-особенному нежно, и Анфиса с тревогой думала, что вот-вот он скажет ей что-то необыкновенное — и радостное и страшное. Каким-то внутренним, чисто девичьим чутьем она сознавала, что именно теперь, в этот лунный вечер, Семен назовет ее своей невестой, и от одной этой мысли по телу проходила дрожь. Она сама прижималась к нему, и ей очень хотелось, чтобы Семен молчал как можно дольше... А как он об этом скажет? Будет ли смотреть в глаза или отвернется? Нет, пусть лучше молчит. Они прислушивались к шуму реки и незаметно свернули с дорожки и пошли, сами не зная куда, по пахучей скошенной траве. И если бы на пути у них не встала высокая, как папаха, копна сена, они бы так, ничего не видя, шли бы и шли неизвестно куда... Сено было свежее и сухое, от него веяло теплом и запахом полевых цветов. По копне пробежала ящерица, блеснув серебристой спинкой. Сверчки, казалось, сбежались к этой копне со всей степи, окружили ее кольцом и начали свою однообразную, но вечно красивую песню... Но Семен не видел ни ящерицы, ни копны в лунном свете, не слышал ни шелеста сухой травы под ногами, ни звона кузнечиков.

— Анфиса, милая, как же мы будем дальше?

— А я и не знаю...

Анфиса краснела, кусала губу, ее мучили и смех и слезы, а на сердце было и весело и как-то по-странному боязно. Когда Семен взял ее за плечи и внимательно посмотрел ей в лицо, точно желая в ее светлых, живых глазах отыскать ответ, Анфиса уже не в силах была удержаться.

— Ой, Сеня, какой же ты серьезный! — сказала она и со слезами на глазах рассмеялась весело и звонко.

Семен не помнил, как сжал ладонями ее маленькую голову, не видел, как на копну упала косынка, а только когда стал целовать ее смеющиеся, горячие губы, земля под ним точно зашаталась и закружилась... И тогда луна вдруг описала дугу и в небе загорелась радуга, посыпались звезды, и казалось ему, будто Кубань вышла из берегов, тревожно зашумел лес, а в степи вспыхнули пожары... Не зная, что сказать Анфисе, он поднял ее на руки и закружился вокруг копны. Она уже не смеялась, а только отбивалась руками и тихонько говорила:

— Ой, что ты делаешь... Голова кружится... Косу подбери...

Семен ничего не слышал. Он уперся плечом о копну, свернул ей шапку и осторожно положил Анфису на мягкое сено. От копны повеяло дурманящим запахом слежавшихся трав. Умолкли сверчки. Ярко светила луна, и было тихо, тихо... Семен наклонился к Анфисе и в испуганных глазах ее увидел слезы.

— Хохотунья! Что с тобой?

— Ты меня закружил...

Она поднялась, ласково посмотрела на Семена и стала заплетать косу. Он стоял перед ней на коленях и видел одно лишь ее лицо, задумчивое и немного грустное... А вокруг блестела трава в росе, от реки веяло прохладой, недвижимо стояла над станицей луна, и снова и вблизи копны, и под каждым кустиком, и где-то далеко-далеко на все лады заиграли степные музыканты, нарушая ночной покой. И какая же красивая ночь при луне, но и какая же она короткая! Анфисе и Семену казалось, что они еще так мало сидели на копне — будто и не целовались, и ни о чем не говорили, а ночь уже пролетела, и за лесом загоралась заря...

— Без сватов, Сеня, никак нельзя, — говорила Анфиса, когда они уже подходили к ее дому. — Ты же знаешь моего отца, какой он старомодный.

— Как-то стыдно с этими сватами... Да и где ж их взять, будь они неладные?

— Попроси бабку Параську, — советовала Анфиса. — Лучшей свахи во всей станице не найти.

— Да и перед Сергеем мне будет стыдно.

— Так это ж мы не для себя, а для батьки и матери.

— Разве что для них, — неохотно согласился Семен.

С радостью Семен ждал выезда на лесосплав еще и потому, что вместе с ним, даже в одной бригаде, выезжает и Анфиса. Будучи человеком практичным, он рассуждал совершенно реально. Ночь, проведенную в поле возле копны, он считал началом своей новой жизни, и то, что Анфиса рано или поздно будет его женой, у него уже не вызывало сомнения. Думать же приходилось о другом. Так красиво начавшаяся его новая жизнь была еще совсем не устроена, и у Семена возникало столько трудных вопросов, что кружилась голова. После неудачного сватовства надо было решить, как быть с Тимофеем Ильичом. Махнуть ли рукой на старика и расписаться в загсе без его согласия, или найти пути для примирения? Лучше было бы, конечно,

помириться... Но как? Может быть, Сергей знает? Теперь он дома и обещал помочь. Опять же необходимо было решить, где обосноваться на жительство. Уехать ли в Донбасс, устроиться на шахте, получить квартиру, а летом, во время отпуска, приезжать в Усть-Невинскую... Или оставаться в станице? Тогда надо с Анфисой заранее условиться — у кого жить. Итти Семену в зятья? Не хотелось, с Тимофеем Ильичом все равно не поладит. Но ради Анфисы Семен бы согласился и на это, но ведь старый Тутаринов может воспротивиться? Тогда придется немного пожить у бабки Параськи, а тем временем выстроить свою хату. Кстати, лес теперь будет... И вот Семену казалось, что где-то там, в верховьях Кубани, вдали от родных Анфисы, они и смогут спокойно все обдумать, обо всем поговорить, посоветоваться с Сергеем. Втроем же легче все обдумать и притти к какому-то решению, а уже после, вернувшись в станицу, можно будет не рассуждать, а действовать...

Готовясь к отъезду, Семен поделился своими мыслями с Анфисой. Оказалось, что Анфиса думала точно так же, и они, радуясь тому, что скоро снова будут вдвоем, условились покинуть станицу, как только заалеет восток. Семен боялся проспать. Не раздеваясь, он лег на лавку и попросил Параську поднять его с первыми петухами. В эту ночь старуха спала крепко, сквозь сон услышала крик полуночных петухов и приняла их за зоревых. За окном низко-низко плыла луна, в хате было светло, и старуха, решив, что уже наступил рассвет, торопливо разбудила квартиранта.

Улица была пуста. Над станицей плыл тягучий шум реки. Под горой распушенной ватой лежал туман. Семен подошел к двору Тутариновых и в нерешительности остановился. В сарайчике под новой соломенной крышей шумно ударил крыльями петух и загорланил охрипшим, простуженным голосом. Семен вошел в сад. Деревья были объяты дремотным покоем. Вот и та яблоня, под которой он когда-то провел бессонную ночь. Тогда так же на земле рябили лунные блики и от ствола на землю падала тень. Попрежнему два пышных деревца сторожили анфисино окно. Рама была чуть приоткрыта, блестело стекло. Семен подошел ближе, наклонился, приоткрыл раму и увидел кровать, Анфису, ее сонное лицо, сбившиеся волосы на белой подушке. Из окна повеяло сладким девичьем теплом... Семен тихонько постучал.

— Пора вставать.

Анфиса подняла голову и, ничего еще не понимая, испуганно посмотрела на Семена. Затем соскочила с кровати, проворная, в белой, ниже колен, сорочке, с распущенной косой. Стыдясь Семена, она спряталась за высокую спинку кровати и стала торопливо через голову натягивать юбку.

— Не разбуди батю, — шопотом сказала она, — иди за ворота и жди меня.

На бригадном дворе темнела бричка, нагруженная продуктами и сверху укрытая полостью. Возле ярма отдыхали быки, тяжело посапывая. Из сарая вышел сонный сторож, долго смотрел на небо, что-то читая по звездам.

— Ай, как рано явились, — сказал он. — До рассвета еще далече.

— А мы все равно поедем, — сказал Семен и стал подымать быков, которым очень не хотелось покидать мягкие, нагретые места. — Я уже знаю, какая езда на этом рогатом транспорте... Пока доедем...

— Божья худобка, — с усмешкой проговорил сторож, помогая Семену запрягать. — Не езда, а одно удовольствие. Ни тебе вожжей, ни тебе узды. Садись и помахивай кнутиком, а выехал за станицу — ложись себе и зорюй. С дороги не свернут, не то что кони... Постой, постой, а ты знаешь — куда цоб, а куда цобе?

— Хитрость, папаша, небольшая.

Анфиса уже сидела на возу, подобрав под юбку босые ноги. Семен взял налыгач и взмахнул кнутом.

— Ну, вот я и казак, — весело сказал он, улыбаясь Анфисе.

Бричка выкатилась со двора. В ночной тиши гулко гремели колеса, пугая сонных, хрипло лающих собак. За станицей, по берегу реки, белела извилистая дорога, то теряясь в ложбине или в кустарнике, то снова появляясь на пригорке. Горы стояли совсем близко, и между ними блестел кусочек реки...

Семен повесил на рога подручному быку налыгач и, ухватившись рукой за его спину, по дышлу взобрался на бричку. Сел рядом с Анфисой, и она сама к нему прижалась и посмотрела в глаза... Ну, вот и сбылось то маленькое счастье, о котором они вчера мечтали, — они сидели вдвоем на бричке, как могут только сидеть муж и жена, выезжая рано поутру на базар. А вокруг — ни души, степная тишина, нарушаемая цокотом колес, и лежат в глубоком

молчании одни лишь холмы и курганы да узким полотном белеет дорога...

В это утро Сергей поднялся рано. Наскоро закусил, внимательно выслушал наказ Ниловны, как ему надо беречь себя, чтобы не простудиться в горах. «На сырую землю не ложись, не купайся — там вода, знаешь, какая холодная, и, боже тебя упаси, не вздумай прыгать по плывущим бревнам». Тимофей Ильич с улыбкой смотрел на жену и сказал:

— И чего ты наговариваешь? На войне ему и не такое пришлось повидать — и ничего, жив-здоров... Ты только вот что, Сергей, домой наведывайся.

Сергей пообещал наведываться домой, взял радиоприемник и вышел. Ниловна провожала его за ворота, уговаривала взять с собой теплое одеяло, подушку.

— На войне тебе и под шинелью было тепло, а тут так нельзя, — настаивала на своем мать.

— Хорошо, мамо, я не буду купаться, не лягу на сырую землю, — сказал Сергей, чтобы хоть немного успокоить мать, — а одеяло не возьму.

В станичном совете он застал Савву и Прохора и от них узнал, что все три бригадира со своими кухарками выехали на рассвете, а Семен и Анфиса еще в полночь. «Знаю, знаю, чего Семен так торопился», — весело подумал Сергей.

Потом он, Савва и Прохор сели на тачанку и поехали по колхозам. Помогли Прохору собрать людей и отправить их на шести конных упряжках. (Все шесть подвод должны были вернуться в станицу). Пока были выделены подводы и собраны люди, пока Сергей, вручив надежному парню радиоприемник, разговаривал с Саввой о том, в каком месте на реке лучше всего устроить запань для приема плывущей древесины, пока Дорофей седлал не серого коня, а тонконогого и пугливого жеребца, при этом разговаривая с ним, как с человеком: «А ты пробегайся, пробегайся... Ты, чертяка жирный, застоялся, вот и покатай Сергея Тимофеевича, тогда и не будешь мордоваться и грызть ящик...» — словом, пока все это делалось, наступил день и солнце высоко уже поднялось над лесом.

Сдерживая поводьями плясавшего жеребца, Сергей боялся давать ему волю и по станице ехал рысью... А за станицей выскочил на курган, приложил щитком ладонь к глазам и долго смотрел на дорогу. Подвод не увидел и тогда пустил жеребца в галоп. Он проскакал балку, поднялся на

невысокую гору, поросшую кустарником, и отсюда заметил в низине бричку, запряженную быками серой масти. Быков погоняла женщина с непокрытой головой. Она полулежала в передке, помахивая кнутом, и не смотрела назад. «Наверно, наша подвода, — подумал Сергей. — Но кто на бричке?» Сергей хлестнул плетью, пригнулся к гриве, и жеребец пошел таким бешеным галопом, что ветер звенел в ушах. С разбегу он чуть не перепрыгнул и бричку, и быков. Сергей сразу узнал возницу. Это была Ирина. Сергей обрадовался, поставил жеребца на дыбы и, с трудом успокоив его, поровнялся с бричкой.

— Иринушка, ты чего так отстала?

— Тебя поджидала, — с улыбкой ответила Ирина.

— Правда?

— А ты все хочешь правды. — Ирина с грустью посмотрела на Сергея, и он понял, что думала она совсем о другом. — Разве на этих тихоходах за лошадьми угонишься? — Ирина сердито замахала кнутом. — Все меня опережают. Вот и ты проскачешь мимо, — нарочно сказала она, хотя знала, что Сергей от нее не уедет.

— А может, и не проскачу?

— Это, кажется, не тот конь, на котором ты ко мне приезжал.

— Тот был конь смирный, — сказал Сергей, натягивая поводья. — А это Савва дал мне такого скакуна, что с ним я уже замучился.

Жеребец всхрапывал и, танцуя, косился злыми, горячими глазами на быков и все время отходил от брички. У Сергея болели плечи, ладони, стянутые поводьями, покраснели.

— Ты его привяжи к задку, а сам садись ко мне, — охотно посоветовала Ирина.

Сергей спрыгнул с седла, покрепче привязал к грядке поводья и подсел к Ирине.

— А где ж твой бригадир?

— Да разве ты не знаешь Ивана Атаманова? Не могу, говорит, ехать на быках, голова болит. Обгоняли нас конные подводы, вот он и пересел на них. — Она посмотрела на Сергея, задумчиво улыбнулась и сказала: — Знаешь, когда ты уехал, меня мать спрашивала, какой это, говорит, кавалерист приезжал...

— И ты сказала?

— Нет. А зачем ей говорить? Она и сама знает...

Солнце уже поднялось высоко. Над степью властвовала жара, и Сергею захотелось растянуться на полости. Он расстегнул ворот гимнастерки и лег, осторожно положив голову Ирине на колени.

— Так можно? — спросил он, закрывая от яркого света глаза.

— Можно... Только я боюсь — ты уснешь.

— Ирина, — сказал он, не отвечая на ее вопрос, — это я предложил взять тебя на лесосплав.

— Я так и думала... Кто ж еще обо мне побеспокоится.

— А ты довольна?

— Да, я рада.

Ирина задумалась и осторожно, точно боялась обжечь руку, прикоснулась к Золотой Звезде. Медаль была гладкая и немного теплая. Ее приятно и держать на пальцах и видеть, как она при малейшем движении притягивает луч солнца, вспыхивает и слепит глаза... А Сергей в это время любовался лицом Ирины — таким простым и милым, ее строгими, всегда тревожно блестевшими глазами, ее головой, гордой и высокой оттого, что заплетены на ней две толстые и тугие косы. Ирина, рассматривая медаль, склонилась к нему так низко, что Сергей разглядел у нее на висках нежный пушок. Точно впервые увидел он и ее мягкие губы, и уши в завитках волос, и загорелую шею, и этот нежный пушок, к которому так и хотелось прикоснуться губами... Они долго молчали, а быки, видимо, давно уже поняли, что возница о них забыла, и еле-еле плелись по пыльной дороге. Бричка катилась так медленно, что даже жеребец злился, толкал ее грудью и кусал дерево... Сергей закрыл глаза, и тотчас же ему показалось, что бричку тянут знакомые ему лысые, огненно-красной масти быки, блестят на солнце молочные бидоны...

— Только чур не спать! — весело сказала Ирина, теребя его за чуб.

Сергей открыл глаза и улыбнулся. Ирина склонилась над ним так, точно хотела поцеловать, но боялась. «А хорошо так лежать, — думал Сергей. — Лежать и видеть небо, Ирину, ее темные глаза — то задумчивые, то веселые, чувствовать близость той, которую я люблю... И этот убаюкивающий стук колес, и скрип ярма, и блеск жаркого дня... Голова моя мягко покачивается, а надо мной голубое-голубое облачко растянулось, как кисея в полете, и где-то в поднебесье — дрожащая точечка жаворонка... Нет,

я как-то по-особенному люблю этот мир, простор поля, пыльную дорогу, медленную поступь быков... Есть во всем этом какая-то понятная мне прелесть, и на сердце у меня приятно и хорошо... Видно, прав был Федор Лукич: есть в моей крови что-то казачье... — Он закрыл глаза и улыбнулся, как во сне. — Нет, что-то есть у нас на Кубани свое и неповторимое...»

— Сережа, о чем ты думаешь?

Сергей молчал. Ирина расчесывала пальцами его чуб.

Сергей увидел, как дрожащая точечка в небе покачнулась и камнем упала вниз. Над бричкой запел жаворонок, но не надолго. Он так же быстро исчез, как и появился.

— О чем я думаю? — сказал Сергей. — Вспомнился мне один разговор о казачестве... И вот так, лежа на этой скрипучей бричке, я почувствовал... нет, это трудно передать... Я почувствовал, что во мне живет казак... — Он рассмеялся. — Мне даже показалось, что ты моя жена и что мы едем с тобой в поле. От этих мыслей на сердце стало тепло..

— Милый ты мой казак!

Ее лицо разрумянилось, она как-то сразу наклонилась к Сергею и торопливо поцеловала его.

ГЛАВА XXIII

В полдень Сергей и Ирина проехали станицу Джегутинскую, стоявшую у входа в ущелье, по которому сочилась мелководная, капризная во время дождей речонка. Отсюда начинались горы. Совсем близко то вырастали буро-красные скалы, то одна вершина лезла на другую, чернея либо шапкой леса, либо блестя белыми камнями. Прижимаясь к отвесной, голой скале, дорога вошла в ущелье. Сверху висели глыбы серой породы, а внизу — пропасть, и оттуда, как из недр земли, поднимался такой рокот бьющейся о камни воды, точно в этой узкой стремнине работали десятки турбин. «Вот где бы поставить станцию», — подумал Сергей.

Ехать в этом месте было опасно. Ирина, покороче подобрав налыгач, осторожно вела быков. Сергей успокаивал жеребца, который подгибал задние ноги и дрожал всем телом. Иногда Сергей заглядывал вниз. Река бесновалась, щедро обдавая брызгами висевшие над руслом камни, сверкала и переливалась радугой водяная пыль, и были видны котлованы, в которых кипела и пенилась вода. «Как же здесь

пройдут бревна? — с тревогой подумал Сергей. — Да тут, если образуется затор...»

Вскоре дорога отошла от скалы, круто повернула сначала влево, потом вправо. Тут открылась просторная поляна, покрытая кустарниками и невысокими холмиками. Кубань текла по широкой пойме.

— Ну, Иринушка, как ни хорошо ехать на твоей бричке, а на коня снова придется садиться. — Сергей поставил ногу в стремя и легко сел в седло. — Я нагоню передние подводы, и мы тебя подождем, — сказал он и ускакал.

Поднявшись на гребень невысокого перевала, Сергей увидел внизу, на отлогом берегу, лагерем стоявшие брички, лошадей и быков, пасущихся в низкорослом кустарнике. В тени под бричками белели платки и кофточки. Парни столпились у берега. Человек десять разделись догола и измеряли глубину переката, видимо желая перейти его наискось. Они держались за руки и шли цепью. На берегу стоял Прохор и что-то кричал, размахивая руками. Дальше от берега река становилась глубже, вода толкала с такой силой, что те, кто послабее, падали и, хохоча, плыли по течению, постепенно прибиваясь на мелководье. «Вот так же помчатся одно за другим бревна», — подумал Сергей Тутаринов, подъезжая к лагерю.

Сергей слез с седла, привязал к дышлу поводья, похлопал ладонью по влажной холке жеребца. Подошел Прохор, покручивая ус и самодовольно улыбаясь.

— Сергей Тимофеевич, а посмотри ты на этих голых дуралеев. — Прохор указал рукой на парней, уже выходивших на берег, — среди них был и Семен. — Захотели со мной поспорить! Семен и Митька Кушнаренок заявили, что, дескать, по такому мелкому перекату бревно не пройдет. Да вы, говорю им, зайдите на середину — устоите, значит и бревно застрянет... Пошли. Даже побрались за руки, а вода подхватила и унесла... Куда там устоять против такой силищи!

— В этом месте лес пройдет, — сказал Сергей и посмотрел на скалу. — А там?

— Тоже пронесет, — уверенно заявил Прохор. — Только потребуется постоянный надзор. Иная древесина может лечь поперек, и ежели ее во-время не пихнуть, может, чертяка, застрять, а на нее попрутся другие — тогда беда! Так что придется для этого дела оставить несколько надежных хлопцев.

— Надо теперь же подобрать надежных людей и оставить их здесь, — сказал Сергей и подошел к женщинам. — Эй, кухарки, почему обед не варите?

— Какой там еще обед, — отозвался Иван Атаманов, лежа под бричкой в окружении молодых и пожилых женщин. — Еще не проголодались.

— Да и возы неохота разбирать, — рассудительно сказала Анфиса. — Приедем на место, тогда и наварим... Братушка, а у нас, правда, никто не голодный.

— А я? — Сергей улыбнулся и посмотрел на соседок Ивана Атаманова. — Или вы меня и за своего не считаете?

Женщины заговорили наперебой:

— Почему ж тебя Ирина не накормила?

— Она ж нарочно и отстала от нас.

— Сережка, да ты, наверно, постеснялся попросить?

— Да он не из стеснительных.

— А что ж стесняться, — сказала вдова Глаша, озорно блеснув глазами...

— По себе судишь! — громко сказал Иван Атаманов и обнял Глашу.

— Да не липни...

— А вот и Ирина ползет.

— Вот мы ее и спросим, почему обидела Сережку.

— Ох, и язычки у вас острые! — проговорил Сергей, усаживаясь возле Анфисы. — Сестренка, а я в самом деле есть хочу.

С горы медленно спускалась бричка. Ирина шла впереди быков и махала у них перед глазами кнутом. Старательно сдерживая бричку, быки садились на задние ноги, высоко задирали головы, и ярмо, сползая на голову, стучало о рога... Сергей задумчиво смотрел на Ирину и ел сало, мелко порезанное на газете. «А умеет она быками управлять», — заключил Сергей, когда Ирина уже подъехала к лагерю. Он подбежал к ней, помог распрячь быков, которые жадно потянулись к траве.

— Эх, ты, казачка! — нарочно громко сказал он.

— Рогастые черти, — со смехом сказала Ирина и ушла к женщинам.

Сергей снова принялся за сало, и в это время к нему подсел Семен, возбужденно радостный, с еще мокрым и плохо причесанным чубом. Внимательным взглядом он проводил Ирину и шопотом спросил:

— А она такая же... гордая?

— Ну, как, Семен, устоял на быстрине? — спросил Сергей.

— Куда там устоять! Камни несет. — Семен подсел ближе к Сергею. — Мне начинает нравиться Кубань...

— Я замечаю, — серьезно заговорил Сергей, — что тебе начинает нравиться не только наша река.

Семен покраснел. Белесые его брови, еще влажные, были почти незаметны.

— Нет, я говорю серьезно. Таких рек я еще не видел... Вот только разве в Карпатах.

— Я тоже не шучу, — сказал Сергей и рассмеялся. — Почему из станицы уехал в полночь? Я хотел передать с тобой радиоприемник, а ты поспешил скрыться.

— Бабка Параська подвела.

— Сваливай на Параську. — Сергей завернул в газету сало, кусок хлеба. — Вот что, Семен. Придется тебе занять огневой рубеж вблизи этой скалы. Самое опасное место для сплава.

— Один я там буду?

— Подберем тебе надежных парней. — Сергей улыбнулся. — Анфису возьмешь кухаркой.

Сергей позвал Прохора, Ивана Атаманова, Митьку Кушнарева. Стали совещаться, сколько надо оставить у скалы людей, кого именно. По мнению Прохора, надо было дать в помощь Семену не менее шести человек, «да чтоб это были дюжие хлопцы». Объявили, кто желает остаться добровольно. Охотников оказалось много. Тогда Прохор, хорошо зная людей, отобрал по своему усмотрению братьев Фоменковых — Игната и Афанасия, Никиту Мальцева, Антона Череду, Андрея Писаренко и Петра Нескромного. С полчаса Прохор поучал остающихся сплавщиков, как надо установить наблюдение за рекой в том месте, где начинается порог, как предотвращать возможные заторы. Тем временем с анфисиной брички были сняты лишние продукты, возницы запрягли лошадей и быков, и вскоре обоз тронулся и скрылся за поворотом. Только бричка, на которой ехали Семен и Анфиса, стояла на месте и уже была повернута дышлом в обратную сторону. Анфиса сидела на бричке и с грустью смотрела на скалу, — так ей не хотелось туда ехать. Сергей и Семен стояли в сторонке и о чем-то разговаривали. Игнат Фоменков запрягал быков, остальные сплавщики ушли по дороге.

— Сережа, мне так хотелось посмотреть ущелье... Помнишь, как ты все это расписывал... А вот не пришлось.

— Посмотреть мы еще успеем, — сказал Сергей, не давая жеребцу щипать траву. — На свободе оседлаем коней и поедем в горы, как экскурсанты... А теперь ты подумай, как лучше организовать дело. На тебя я надеюсь, как сам на себя. Заранее подготовить на камнях удобные места, чтобы багром можно было достать на середину течения... Делай все обдуманно, осторожно.

— Это я смогу, — Семен задумчиво посмотрел на бричку, уже выехавшую на дорогу. — Только видишь, какое дело... Я думал, что мы будем вместе, сумеем поговорить, посоветоваться... Как же нам с Анфисой быть?

— Так я же к вам приеду, — желая успокоить друга, весело сказал Сергей. — Да ты не печалься, все уладим... Ну иди, иди, да смотри не прозевай первые бревна. — Сергей хотел было поставить ногу в стремя, но раздумал. — Да, вот еще что, Сеня... Мы с тобой давно уже как родные братья. Так я хотел сказать тебе насчет сестренки. Она там среди вас одна, ты ее хорошенько береги, устрой ей шалашик, чтобы ночью она не мерзла... В горах зори холодные... А то, что отец противится, не беспокойся. Поженитесь, а если в чем нужда будет — поможем. Отца своего я хорошо знаю. Ты, Семен, не беспокойся. Поупрямится, да и отойдет. Это факт. Ну, счастливо тебе оставаться.

Он прыгнул в седло, с места пустил жеребца в галоп и вскоре нагнал обоз в небольшом лесу. Лес проехали быстро, и подводы снова загремели по неровной, каменистой дороге. Было душно. По ущелью тянуло свежим запахом сухой травы. Обе бычьи упряжки шли впереди, и от этого обоз двигался медленно. Ирина лежала на бричке вверх лицом, прикрыв глаза косынкой. На третьей подводе стояла лодка с черными, просмоленными боками, полная сена, на котором удобно лежал Иван Атаманов. Сено было навалено вровень с дробинами и на других конных упряжках. На нем разместились сплавщики: кто сидел, свесив ноги, кто лежал, опрокинувшись навзничь. Лошади, приноравливаясь к шагу быков, переступали осторожно, точно боялись оступиться. Увидев лошадей, жеребец пронзительно заржал, весь содрогаясь и высоко вскидывая черную гриву. Протяжное эхо отозвалось в разных местах, и кобылицы, неожиданно услышав такой веселый, молодцеватый голос, подняли головы, заспешили, натянув постромки. Поровняв-

шись с лошадьми, жеребец уже не шел, а подплясывал, и Сергей с трудом удерживал его.

Сергей ехал по обочине дороги и рассматривал сплавщиков, с которыми ему предстояло перебросить по реке не один кубометр древесины. Всех пожилых мужчин — их было немного — он знал в лицо, но некоторые парни и девушки вовсе не были ему знакомы. На бричке, лицом к нему, сидел худощавый паренек, с красивыми блестяще карими глазами. Он любовался жеребцом, и по его взгляду, по глазам, влажным и сожмуренным, Сергей понял, что юноше до слез хотелось сесть в седло. Рядом с ним лежал, растянувшись поперек брички, надежно сложенный детина. Он раскинул короткие, немного согнутые в локтях руки, свесил с грядки ноги с закатанными до колен штанинами. Лицо его было накрыто войлочной шляпой, — виднелся лишь подбородок, крупный, как кулак. «Кто же это? — подумал Сергей. — А! Грицько Корнев!» Вокруг Грицька и сидели, и полулежали парни — кто был занят разговорами, кто рассматривал дальний лес, кто вслушивался в шум реки.

— А наш Грицько похрапывает, — сказал чернолицый, усатый мужчина. — Видать, всю ночь пробегал за девками, а теперь задает храпака.

Ему никто не ответил.

На соседней подводе, где ехали одни женщины и куда недавно перебрался Митька Кушнарев, не умолкал веселый разговор, шутки и смех. С игриво-веселыми, блестящими глазами, Митька не давал покоя своим спутницам. То подсаживался к одной, обнимал, что-то говорил на ухо, за что получал если не удар по спине, то толчок в бок, то перебирался к другой...

— Дмитрий, — сказал Сергей, — какой же из тебя бригадир, — с девушками заигрываешь, а свою кухарку заставил быков погонять.

— Какой я есть бригадир — будет видно на работе, — Митька обнял Вареньку. — Правильно я говорю, Варюша?

Варенька схватила Митьку за ухо, но не больно, и сама вскрикнула. Митька только улыбнулся и сказал:

— Вот бы мне Вареньку в кухарки или тетю Дашу. А то моя повариха такая молоденькая, что с ней рядом сидеть даже боязно. — Он снова обнял Вареньку. — Пойдешь ко мне в кухарки?

— Отчепись, идол!

Варенька покраснела, соскочила на землю и пересела на ту бричку, где спал Грицько. Худощавый паренек помог ей сесть и уступил место рядом с собой.

— Это не Митька, а чорт! — сказала Варенька незлобно. — И война его ничему не научила. Какой был бабник, такой и остался... Степа, — обратилась она к пареньку, — давай споем.

— А Митька на меня не обидится?

— Да ну его к лешему... Давай эту: «Распрягайте, хлопцы, кони...»

Она тихонько запела. Ей несмело подтянул Степа, искоса посматривая на Митьку, который уже сидел рядом с Глашей. Постепенно запели все сидевшие на бричке, даже черноусый мужчина, и только один Грицько оставался ко всему равнодушным... Поглядывая на Вареньку и ловя ее взгляд, Митька тоже запел.

— Чего ты тут гудишь? — сердито сказала Глаша. — Иди к своей Варюше.

Женщины с криком и со смехом прогнали Митьку с брички.

Засунув руки в карманы галифе, Митька важно подошел к Сергею, усмехнулся.

— Вот какие, — сказал он, смеясь и вынимая серебряный портсигар. — И до чего же смешные. Давай закурим... У меня папиросы.

Оставшись без Митьки, женщины тоже тихо запели какую-то старинную песню. Песня начиналась словами: «Ой, кабы на цветы да не морозы...» Сергей прикурил и стал слушать. Два хора пели, точно соревнуясь в мастерстве. Забивали мужские голоса.

— А все ж таки бабочкам надо подсобить, — серьезно проговорил Митька. — Эй, Вася! Беги сюда! У тебя голос подходящий. Да зови и Андрюшку.

С третьей подводы бежали два парня.

Сергей поровнялся с подводой, на которой ехал Иван Атаманов.

— Иван Кузьмич, чего так призадумался? — спросил Сергей.

— Смотрю на Кушнарева, — неохотно ответил Атаманов, — и зло меня берет... — Атаманов завистливо посмотрел на жеребца. — И чего он жирует? Придется его, чертяку, стреножить, а то беда будет. Сережа, дай я сяду в седло, а ты ложись в лодку.

— Не могу, — сказал Сергей. — Поскачу вперед. Надо засветло со сторожем переговорить... Эй, дядя Прохор, вы спите? — Прохор сидел в задке на сене и дремал. — Я поеду и буду вас ждать в ущелье. А вы поторапливайте быков да лошадей пропустите вперед.

Сергей рысью подъехал к Ирине. Ласковыми глазами она посмотрела на него и улыбнулась.

— Садись ко мне, Сережа. А то, видишь, я опять одна...

— Рад бы, но мне надо ехать.

Жеребец рвал поводья, грыз удила, брызгая пеной, и никак не хотел итти шагом. Чрезмерная прыть жеребца уже не радовала Сергея. Ломило в плечах, болели натруженные поводьями руки... Весь путь до Чубуксунского ущелья он ехал скорой рысью, а в тех местах, где лежала ровная дорога, пускал в галоп, чувствуя, как ветер рвется в расстегнутый ворот, раздувает рубашку и приятно холодит тело.

В Чубуксунское ущелье Сергей приехал поздно. Солнце уже опустилось за гору, щедро позолотив ее ребристую, буро-зеленую вершину. Постепенно угасли яркие краски, почернело и ребро горы, но вечер еще долго не наступал, лишь от гор ползли тени да веяло сыростью и запахом сосны. У входа в ущелье стояла деревянная, наскоро срубленная сторожка. Привязав жеребца у дерева, Сергей поправил ремень, одернул полы гимнастерки. Навстречу ему вышел сторож с берданкой на плече — кряжистый, уже знакомый Сергею старик, с седой в мелких кольцах бородой.

— Здравствуйте, Фома Антонович, — сказал Сергей. — Вот я и снова к вам... Не ждали такого гостя?

Старик молча протянул короткую, сильную руку. Вспомнив, что этот чернявый парень с золотой медалью уже как-то приезжал к нему, Фома Антонович приятно улыбнулся, блеснув молодыми, свежими зубами.

— Запомнил дорогу? — спросил он, продолжая улыбаться.

Сергей вынул из кармана удостоверение, полученное в Ставрополе, наряд и разрешение на сплав леса, оплаченный в банке счет и все это передал Фоме Антоновичу. Тот зажал бумаги в кулак, — рука у него была густо покрыта серебристо-черными волосами, особенно суставы пальцев. Он сперва внимательно осмотрел жеребца, как человек, сведущий в породах лошадей, затем перевел взгляд на Сергея. Не трудно было догадаться, что старика заинтересовала Золотая Звез-

да приезжего. Фома Антонович не постеснялся потрогать ее своими кургузыми пальцами и добродушно улыбнулся.

— Вот она какая вещь! Сроду в руках не держал...

— Вы, папаша, читайте бумаги, а то скоро стемнеет.

— А зараз разберусь и в бумагах. — Он читал без очков, вытянув перед глазами обе руки. — Так, так... Значит, дознался, как забрать лес? А где ж твои люди?

— Едут.

Засветло Сергей с Фомой Антоновичем осмотрел заготовленный лес. Штабеля сосны, толстого бука возвышались, как сараи, на широком плато, метрах в ста от берега. Видимо, эти красивые, темнокоричневые стволы были свалены давно, ибо верхний ряд уже почернел и покрылся шершавой, как замша, кожицей, а кора высохла и уже не отсвечивала красным оттенком. Сергей проходил мимо штабелей, как по улице, ощущая острый и сухой запах смолы. Дерево, нагретое дневной жарой, еще дышало приятным теплом и запахом горячей стружки.

— Сухой, как порох, — сказал Фома Антонович и понюхал то место на толстом бревне, где выступали желтые и липкие слезы. — Спичку брось — вспыхнет. Вылежанный. Еще в первый год войны рублен. — Старик самодовольно погладил бороду. — Назначение имел важное...

Давно уже стемнело, когда шумно вкатился обоз. Темна и незнакома была ночь в ущелье. Аспидно-черные тени от скал падали на реку, горизонты были закрыты, и небо в частых и крупных звездах виднелось только над головой. С наступлением темноты по ущелью стали гулять холодные сквозняки, от реки, как от ледника, непрерывно веяло свежей прохладой. У всех перед глазами огромным шатром рисовалась почти отвесная скала, а наискось от нее тучей темнел лес.

Никогда еще в Чубуксунском ущелье не было так шумно. В таборе стоял галдеж, горели костры, метались, белея платками, кухарки. Слышались голоса:

— А место тут холодноватое.

— Будто осень!

— И как тут люди живут?

— Да, прохладно, но зато комары не будут кусать. Спи спокойно.

— Если залезешь под шубу!

— Кому как, а мне как раз по душе такая прохлада.

— Да и нас прохладой не испугаешь, — сказала Глаша.

Ужинали при свете костров. Дрова горели шумно.

— Эй вы, новые хозяева! — подходя к лагерю, сказал Фома Антонович. — С огнем поосторожней.

— Знаем.

— Садитесь до нас вечерять.

Время близилось к полуночи. Где-то за горой молодцевато гулял поздний месяц, бросив на угол скалы розовый блик, как ленту на грудь красавицы. Ходил он только над горизонтом, и на вершину гор так бедняга и не взобрался... Но и от этого в ущелье сделалось светлее. Женщины готовили себе постели, разбирая сено. Ушла к бричке и Ирина. Сергей видел, как она долго копошилась на бричке, как птица в гнезде, потом сидела и заплетала перед сном косу.

— Погодите спать! — крикнул Сергей, желая, чтобы его услышала Ирина. — Мы еще радио послушаем. Митя, принеси приемник.

Почти все сплавщики вернулись к костру и молча в ожидании передачи уселись вокруг загадочного чемодана. Пришел и Фома Антонович, присел на корточках возле Сергея. Настраивая приемник, Сергей быстро поймал Москву. Заиграла музыка, оркестр исполнял какой-то вальс, и странными, волнующими показались эти протяжные звуки в сыром и тихом ущелье.

— А с вами, хлопцы, весело, — сказал Фома Антонович, поудобней усаживаясь возле приемника.

Наступила тишина, и под убаюкивающие звуки горной реки негромко заговорил мужчина-диктор, объявляя о передаче последних известий. Люди еще ближе придвинулись к чемодану, стоявшему у ног Сергея, образовав тесный круг. Затаив дыхание, они слушали. Приятный женский голос сказал:

— Президиум Верховного Совета СССР, учитывая особо важное значение танковых и механизированных войск и их выдающиеся заслуги в Великой Отечественной войне, а также заслуги танкостроителей в оснащении Вооруженных Сил бронетанковой техникой, принял Указ об установлении ежегодного праздника — Дня танкиста... День танкиста празднуется ежегодно во второе воскресенье сентября месяца...

«Во второе воскресенье сентября», — подумал Сергей, и ему показалось, что он ослышался, хотелось, чтобы диктор еще раз прочитал текст. А все, кто сидел у приемника, вдруг разом посмотрели на Сергея. В темноте он видел знакомые

лица, улыбки и только теперь начинал понимать, как он обрадовался. Никогда еще у него так учащенно не билось сердце. К вискам подступала кровь, все лицо горело... На сердце стало и приятно и почему-то тревожно. Кроме радости, новой и непривычной, в глубине души его уже росло чувство гордости оттого, что он — танкист. Но вслед за радостью пришла какая-то еще незнакомая ему горечь, и он впервые пожалел, что ушел из армии. «Почему я здесь, в этом пахнущем сосной ущелье? — спрашивал он сам себя и не находил ответа. — Мне бы сейчас быть в родной дивизии... Где теперь они? Где мой танк?.. Знаю, непременно будет парад... будет салют в Москве... Кто ж пронесется по площади на моей машине?» Сергей задумался. «На Кубани началась массовая уборка зерновых. Как сообщают нам из Краснодара...» — читал диктор, но Сергей уже ничего не слышал. В нем рождалось столько волнующих мыслей, что он не знал, что делать и куда себя деть. Ему было и радостно, и вместе с тем грустно от сознания, что он не будет в день праздника в своей дивизии, с которой прошел полсвета, что не увидит парад танков, тех самых боевых машин, которые в канун мира гигантским броском пересекли горы и с боем вступили в Прагу... Да, ночь, считай, пропала! Уснуть ему уже не придется. Диктор сообщил о восстановлении разрушенной немцами шахты, а Сергей смотрел на темный откос скалы и мысленно уже находился в дивизии. И ему казалось: то он стоял возле своего танка, еще накрытого брезентом, но уже готового к параду, то его окружали друзья, все в парадной форме, то он проезжал по людным улицам Праги, то генерал пожимал ему руку и спрашивал: «Тутаринов, и ты, оказывается, приехал к нам? Насовсем?» Сергей смущенно улыбнулся: «Да нет, только на праздник... Знаете, как я соскучился...» — «Знаю, знаю... А почему ж только на праздник? Почему не насовсем? Оставайся, ты у нас свой...»

Сергей резко поднялся, сказал Митьке, чтобы убрал приемник, когда кончится передача известий, и торопливо ушел к реке. Он сел на поросший мохом камень и в уме подсчитал: праздник будет 8 сентября. Значит, впереди еще два месяца. Времени много, к сентябрю сплав леса будет закончен... «А если бы и в самом деле поехать в дивизию? Повидаться бы с друзьями, отпраздновать вместе с ними и вернуться домой...» После этих мыслей он уже не мог сидеть. Не зная, куда пойти и что делать, он прошелся по берегу. С рокотом билась о каменный берег вода, а ему казалось,

что это ревут танки, прорываясь вот по такому же ущелью к Праге... Он даже закрыл глаза, чтобы ярче представить картину этого беспримерного марша, и вдруг ему почудилось, что и река, и горы, и лес были охвачены мощными звуками песни... нет, не песни, а марша. Он открыл глаза и прислушался... Это по радио исполнялся гимн, и Сергею показалось, что никогда еще эта знакомая музыка не звучала так торжественно и возвышенно, как в этом глухом и далеком кавказском ущелье... Потом все стихло.

— Маруся, а хорошо, должно быть, в Москве...

— Мой брат был в Москве и заезжал домой, и он рассказывал.

— Такой неказистый ящичек, — басом заговорил Фома Антонович, — а посмотри ты на него, что выделывает.

— Да, вещь не простая, — многозначительно заметил Иван Атаманов.

Монотонно и грустно шумела Кубань. Сергей шел по берегу, чувствуя под ногами высокую влажную траву. Кто-то почти неслышно подошел к нему и взял за плечи. Он обернулся и увидел Ирину.

— Разве ты не спала?

— На новом месте почему-то не спится... Я все слышала. Но отчего ты такой грустный?

— Отчего я грустный? — Сергей обнял Ирину, обрадованный ее приходом. — Поймешь ли ты меня? Ведь загрустил-то я от радости, — правда, странно?

Негромко разговаривая, они прошли в глубь ущелья, счастливые и радостные оттого, что были вдвоем, что вокруг них молчаливо стояли одни лишь скалы да неумолчно пела свою песню река...

ГЛАВА XXIV

Утром начался сплав леса. Еще не рассвело, и ни одна вершина еще не успела окраситься пламенем зари, а Прохор уже подымал табор. Люди ежились от непривычной свежести. Иван Атаманов, Грицько, Митька Кушнарев, желая показать, что на фронте им доводилось видать и не такие холодные зори, сняли рубашки и побежали к реке умываться. Ирина развела костер, поставила треногу и подвесила уже закопченное снизу ведро. Всю ночь она провела с Сергеем, от счастья у нее и сейчас еще кружилась голова, и спать ей не хотелось. К костру подсела Глаша. Вынув из-за

пазухи маленькое квадратное зеркальце и баночку с помадой, она стала прихорашивать заспанное, немного опухшее лицо. А Прохор бегал по ущелью, и все понимали, что сплав леса — дело ему давно знакомое, что, не будь здесь Прохора, никто бы не знал даже, как подступиться к этим высоким, уже освещенным зарей штабелям. Он давно облюбовал место на берегу для подготовки к спуску на воду бревен, Варе и Глаше велел побыстрее закладывать в ярма быков, советовался с бригадирами, как лучше расставить людей. В ущелье стало светло. «И чего он бегает, а медлит, не начинает», — подумал Сергей. Сбросив шинель, он взял под возом ломик, позвал Атаманова, Грицька, Степу и Андрея. Они взобрались на штабель, подсунули под бревно ломики и сделали почин. Бревно со стоном упало на землю и немного откатилось. Варя и Глаша подвели быков — вместо дышла от ярма протянулась длинная, в руку толщиной, цепь. На толстом конце сосны Митька Кушнарев выстругал зазубрину, обхватил цепью, и быки, натужась, волоком потащили бревно к берегу.

К реке подтягивали все новые и новые стволы — одна сосна была стройней другой, один бук толще другого. Быки надрывались, падали на колени, звенела струной натянутая цепь, и слышалось то: «Цоб! Цоб! Лысого, лысого чертяку стегани!», то дружное: «Ну-ну, рр-а-азом!», и снова ползли к берегу бревна, и снова по ущелью плыл стон падающего дерева. По указанию Прохора, бревна складывали вдоль берега в несколько рядов... А где-то в горах подымалось солнце, вершина далекого леса вспыхнула не красным, а розовым пламенем, и ущелье наполнилось ярким, падающим с неба светом.

Работали весело, с шутками.

— Эй, Варенька, серденько мое, — смеясь, сказал Митька, — не танцуй у быков перед очами... Ты ж своим танцем не даешь им ходу!

— Она подручного боится, вот и выскакивает наперед.

— Подручный бык смирный, чего ж его бояться... Ты с ними смелее, Варя...

— Вот тетя Глаша, она и быков не боится, и Митьку кнутом обещала попотчевать!

— Грицько! Слезай со штабеля да научи Варю, как подле быков ходить! Ты же мастер!

— Он сможет!

— Ха-ха-ха!

— Го-го-го!
— Чего зубы скалите? Тоже нашли над чем смеяться.
— Варя, сюда, сюда заворачивай!
— Ну, взяли! Подняли!
— Рр-а-а-зо-ом!
— У-у-ух!

Поддевая ломом бревно, Сергей улыбался. «Дружно начали, — думал он, — работа тяжелая, а у всех смех и шутки... Значит, нетяжело». Его особенно радовал стоявший с ним в паре Грицько. Плечистый, с широко развитой грудью, крепкий на ногах, он легко подымал край бревна, а когда выпрямлялся, то заливался звонким, почти детским смехом, сверкая влажными, озорно горящими глазами. На Варю он посматривал часто и умилительно ласково. Ему было и смешно и жалко ее, когда она со слезами на глазах тянула за налыгач непослушных быков. «Такая красивая, — думал Грицько, — а быки ее не слушают».

— Варя, а ты их батогом, батогом, — советовал Грицько, — да покричи на них... Вот они и тебя послушают.

Грицько давно снял рубашку. На руках, на спине, на плечах играл каждый мускул. Поглядывая на Грицька в такую минуту, Сергей невольно думал: «Здоровило! Да если бы рядом с ним никого не было, он бы и один, немного поднатужившись, сбросил бы бревно на землю...»

Общая веселость, разноголосый говор и смех, царившие с утра на переброске леса, не смолкали весь день. А особенно было шумно за едой. Обедали все вместе, усевшись на траве, ели много и точно наперегонки. Говорили все разом, и тут доставалось и кухаркам, и Прохору, а больше всех не в меру веселым девушкам, — им-то, бедняжкам, за смехом некогда было и кушать!

— А ну, еще засмейтесь на пятачок!
— Пусть веселятся, а нам подавай жареную картошку.
— Митька, покажи палец!

Митька Кушнарев, не отрываясь от тарелки, показывал указательный палец, где-то на фронте задетый осколком, и девушки, сами не зная почему, хохотали доупаду.

По молодым, возбужденно-радостным лицам Сергей видел, что у всех сплавщиков было превосходное настроение. «Хорошая подобралась артель, — думал он. — С такой веселой артелью мы за месяц столько сбросим леса в реку, что пусть там Савва только поспевает ловить бревна и вытаскивать их из воды».

Вечером Сергей совещался с Прохором. У него нехватало терпения — хотелось как можно быстрее начать сплав.

— Если еще денек так поработаем, — авторитетно заявил Прохор, поглаживая усы, — то можно будет первую партию сбросить в воду... Пустить лес на воду нетрудно, — добавил он, — а вот провожать его по реке — дело другое. Тут потребуются настоящие молевщики. Вот я и думаю, кого бы нам послать молевщиками?

— Для начала, — сказал Сергей, — придется вам итти... Возьмите с собой Атаманова, Кушнарева — они сумеют, да подберите по своему усмотрению еще три-четыре человека.

— Ладно, — сказал Прохор, — будем готовиться.

— А вы поезжайте на лодке.

Прохор усмехнулся.

— Погоди. Лодка нам еще пригодится.

Сергей во всем доверял Прохору и охотно с ним согласился.

На третий день утром первая бригада молевщиков во главе с Прохором взяла багры, веревки, запаслась продуктами и тронулась в путь. А следом за ними поплыли по реке бревна. Четыре парня — среди них был и Грицько — выравнивали бревна по бровке берега и сталкивали в воду. Река охала, брызги взлетали выше берега, по ущелью плыло эхо, похожее на мощный вздох. Вначале дерево тонуло, но вскоре над водой показывалась черная полоса, точно спина огромной рыбы, — это всплывало бревно и, легко покачиваясь, быстро неслось вниз по течению.

В сторонке, подойдя к берегу, стоял Фома Антонович. Много лет старик охранял штабеля строевого леса и ждал, что придет время и вода унесет на своих плечах одно бревно за другим, вот так, как они плывут сейчас. Приятно было старику смотреть на воду. Заложив руки за спину, он улыбался в бороду и долго, пристальным взглядом провожал удаляющиеся бревна... Вот они, покачиваясь, растянулись по быстрине узкой темной лентой с небольшими разрывами и постепенно одно за другим исчезали вдали. На их место подплывали все новые и новые. Старик украдкой перекрестился и сказал сам себе:

— Айда! Пошла... Быстрая дорога!

Бросая бревно в реку, Грицько крикнул:

— Эх, и здорово! Пошла!

— Грицько, а как ты думаешь, — спросил Степа, вытирая рукавом потное и раскрасневшееся лицо, — сколько дней оно будет плыть до станицы?

Грицько рассмеялся.

— А ты садись на деревяку верхом, — гайда! Приплывешь в Усть-Невинскую и — здрасьте, я на бревне прискакал!

— Степа, а ты в самом деле! Плыви в станицу, а потом и нам расскажешь... Гляди, к вечеру и дома будешь.

— Вот было бы чудо!

— А ну вас! — сказал Степа. — Я серьезно, а вы смеетесь.

Приподнятое настроение у лесосплавщиков, которое так радовало Сергея, стало падать. На шестой день в ущелье стояла тишина — не было ни шуток, ни смеха, ни веселых выкриков, слышались только одни звуки падающих бревен. Лица у людей стали унылыми. Чаще возникали разговоры о доме. До обеда работа подвигалась сравнительно быстро, а к вечеру усталость валила с ног, многие, отказавшись от ужина, ложились спать. Утром подымались с трудом, неохотно и молча уходили на берег. На тяжелый труд жаловались не только девушки, но и парни. Даже Грицько как-то подошел к Сергею и сказал:

— Да, тяжеловато... Это не на покосе.

— А ведь мы еще и половины не сделали. Что будет дальше?

— Я думаю, что втянемся, — сказал Грицько. — Всякое дело поперва́х кажется трудным.

А тут еще случилось несчастье — подручный бык наступил своей клешней Варе на ногу. Девушка полдня плакала и вот уже вторые сутки лежала под возом, с грустью глядя на горы. После этого случая никто из девушек не хотел становиться к быкам, и на эту легкую работу пришлось послать парня — того самого Степу, которому товарищи советовали плыть на бревне в станицу.

По вечерам у изголовья больной сидел Грицько. Просиживал он подолгу и уходил, когда Варя уже засыпала.

На подводе, которая привезла в лагерь продукты, приехали Прохор, Атаманов и Кушнарев, веселые, загорелые.

— Ну, вот и мы! — сказал Прохор, подходя к Сергею. — Прошли аж до семенова лагеря.

— А где ж остальные?

— Они пошли дальше, до самой станицы. — Прохор заметил под бричкой Варю. — Больная? Варя, что с тобой? А-а... Бык поранил... Ах ты, чертяка клешоногий!

— Придется ее с этой подводой отправить в станицу. — сказал Сергей.

— А у вас как дела? — обратился Прохор к Сергею. — Что-то лес редко идет.

— Меня это тоже беспокоит, — хмуро проговорил Сергей. — Придется что-то предпринять, а вот что — не придумаю...

Митька Кушнарев не стал интересоваться делами лагеря. С веселой улыбкой он подошел к Варе. Присел возле нее, поздоровался. Варя печально смотрела на него.

— Вот видишь, Варюша, осталась ты без меня, и уже с тобой горе случилось, — говорил Митька, заглядывая девушке в глаза. — Ой, чего ты такая злая?

— Невесело, — тихо сказала Варя, кусая нижнюю губу

— А ты не печалься! Такая была веселая... Ну, засмейся.

— Да ну тебя! Отстань, и без тебя тошно...

Давно Сергей стал замечать, что с каждым днем все меньше и меньше уплывало леса к берегам Усть-Невинской, и мысль о том, как бы ускорить сплав, не давала ему покоя. «Что там думает о нас Савва, — говорил он сам себе. — Небось, стоит на берегу и удивляется, почему так редко подплывают бревна». Обрадовавшись приезду Прохора, Сергей дождался вечера и, когда поужинали и лагерь уснул, позвал Прохора. Они уселись на бревне, вблизи берега. Река шумела и пенилась. Веяло сыростью и запахом сосны.

— Расскажите, дядя Прохор, как там по реке?

— Там-то хорошо, — сказал Прохор, — лес идет безостановочно. Заторов не встречали. Десятка два застряли подле берега. — Прохор помолчал, закурил, угостил Сергея. — Лес идет дружно, а все ж таки назавтра надо собирать бригаду. Главарем можно назначить Атаманова. Со мной он уже напрактиковался.

— А как поживает Семен?

— Эге, те хлопцы здорово поживают. У них все налажено. Дежурят по очереди на камне посреди реки. Голые, позасмолились на солнце, как черти... Курорт!.. Семен просил тебя приехать.

— Не смогу, — задумчиво проговорил Сергей. — Плохие нас дела. Об этом я и хотел с вами посоветоваться.

— Труд тяжелый, вот хлопцы и сдают, а тем паче бабы.

— А что если ночью сбрасывать? Не жарко...

— Река потянет, но кто же будет бревна турлять? За день люди так наработаются, что к вечеру у них сил не будет... Как-нибудь потихоньку сплавим.

Такой ответ Сергею не понравился, но возразить он Прохору не мог. Поговорили еще немного, и Прохор, шумно зевая, ушел спать. Сергей остался сидеть на бревне и так задумался, что не услышал, как к нему подошел Грицько.

— Сережа, насыпь табачку, — сказал Грицько, присаживаясь на бревно. — Хоть на маленькую. Курить страсть хочется.

Грицько курил молча и не уходил.

— Сережа, — сказал он, — не отправляй Варю в станицу. Она скоро поправится.

— Пусть дома поправляется.

— Сережа, я по-дружески тебя прошу, — просил Грицько. — Понимаешь, не отправляй... Мы с ней...

— А-а-а... Понимаю, — Сергей улыбнулся. — Ну, хорошо. Пусть она здесь выздоравливает. — Сергей минуту подумал, а потом спросил: — Ты в каких родах войск служил?

— Сперва был в пехоте, а потом танкодесантником... А что?

— Вот оно как! — обрадованно воскликнул Сергей. — Мы с тобой, оказывается, родичи!

— Родня дюже близкая, — Грицько тихонько засмеялся. — Вы сидели в броне, а мы — рядом, на броне... Соседи! Помню, мы на Кировоград шли. Танки мчались на таких скоростях, что как вспомню, так и сейчас в ушах свистит.

— А ты на Прагу, случаем, не прорывался?

— Не-е... Тогда я уже в госпитале лежал.

Помолчали. Сергей бросил окурок и долго смотрел на реку. В темноте бурный ее поток напоминал туго натянутый ремень, — покачиваясь, он проносился между скал со скоростью скачущей лошади. «Ничем не остановить бег этого ремня, — рассуждал Сергей. — А что, если в воду бросать каждую минуту бревно — потянет, не согнется. Но ведь в час от нас река принимает не шестьдесят бревен, да и то лишь днем...»

— Сережа, хотел я с тобой посоветоваться, — как-то глухо заговорил Грицько.

— О чем же? Говори, если смогу — посоветую.

— Не знаю, что мне делать с Митькой Артистом...

— А что случилось?

— Да, понимаешь, пристает он к Варе, нахальничает... А мне через это обидно. Всю дорогу я пролежал на возу. Ты думаешь — спал? Притворился, будто сплю, потому что не мог видеть, как он ее обнимает... Все слышал. И как она убежала от него, и как села возле меня. Думаешь, чего она пересела на нашу бричку, отчего так весело запела? Со мной ей хорошо, но я тогда не мог подняться — злой был... Знаю, Артист меня давно дразнит, а я все терплю, все молчу, но кипит во мне такая злость, что я уже и не знаю, что мне делать... Вот и зараз он примостился возле Вари, слышишь, смеется... Весело. И я снова сдержал себя и не подошел. — Грицько выругался и тяжело вздохнул. — Что мне с ним делать — не знаю. Или подраться? Как ты скажешь?

— Вот уж этого я не советую, — сказал Сергей. — Тут силой, Гриша, ничего не сделаешь... Да и вообще драться из-за девушки — позор.

— Я понимаю, — взволнованно заговорил Грицько. — Знаю, что это нехорошо... Но он же обижает меня и злит.

— А ты любишь Варю? — в упор спросил Сергей.

— Угу...

— Так женись, если любишь! Вот и спору вашему конец.

Грицько только тяжело вздохнул и молчал, низко склонив голову. Сергей снова видел стремительный и шумный бег реки... Почему-то вспомнил Ирину, ее нежную ласку, теплый запах ее распущенной косы, ночь, проведенную с Ириной в глубоком ущелье, траву, на которой они сидели, нежную и мягкую.

— Я бы и женился, — глухо, не поднимая головы, заговорил Грицько, — такое намерение у меня есть, да только я не знаю, захочет ли Варя...

— А любит ли она тебя?

— Должна бы любить... Почему ж меня не полюбить?

— Разве ты об этом с ней не говорил?

— Не пришлось... Веришь, Сережа, как-то боязно. Уж очень она мне мила... Думал поговорить еще в станице, да не смог. А тут, на сплаве, можно, часто я с ней вижусь, да Митька Артист, чорт его знает, чего лезет к ней...

— Эх ты, танкодесантник, — весело, по-дружески сказал Сергей. — Вот что я тебе скажу. В любовных делах

лучше всего обходиться без посторонних советчиков. Если ты любишь Варю, так пойди и скажи ей, да пусть и она скажет все, что думает о тебе... А Митька, как я понимаю, тут ни при чем.

— Пойду! Все скажу.

Грицько встал, широко расправил плечи и не пошел, а побежал к лагерю. А Сергей задумчиво смотрел на бурлящий поток, и мысли о сплаве снова не давали ему покоя. «Что-то надо придумать... Но что? Нужны две смены. А где взять людей?» Он погрузился в размышления и не слышал, как к нему осторожно, точно крадучись, подошел Грицько. Молча сел на бревно, попросил закурить.

— Ну, что?

— Спит... Все уже спят.

— Слушай, Гриша, — заговорил Сергей, обнимая Грицька за плечи. — Пусть себе Варя спит... Давай поговорим о сплаве леса. Медленно у нас подвигается дело. Смотрю я на эту реку и думаю, как бы нам загрузить ее сполна? Ведь посмотри, ночью она идет на холостом ходу. А сколько бы она унесла бревен за ночь!

— Насытить ее трудно, — откровенно сознался Грицько. — Разве подобраться к ней под покровом темноты?

— Ты предлагаешь вести сплав и ночью?

— А почему ж? Ночью даже удобнее. Прохладно.

— Я тоже думал об этом. Но у нас мало людей.

— Не очень и мало, — сказал Грицько. — Давай посмотрим. На сбросе у нас зараз стоит десять человек. Все мы возимся с бревном, уморимся до третьего пота, а можно на то же место поставить пятерых, и управка будет та же самая. Зато пять человек отдыхают. А на штабелях управятся остальные. Там две пары быков... Так что поделить нас на две смены — дело верное.

Грицько изложил свой план просто и понятно.

— Ты станешь во главе ночной смены? — спросил Сергей.

— Могу. Только с уговором — хлопцев давай мне на выбор.

— Согласен.

— А в дневной кто будет за главного?

— Поставим Митьку Кушнарева. — Сергей улыбнулся. — Твоего соперника.

— С Кушнаревым я справлюсь, — уверенно заявил Грицько. — Я его знаю, на работе он не очень резвый.

— Тогда начнем! — решительно сказал Сергей и встал. — Иди, отбирай людей. Бери, кого пожелаешь.

— Так сразу? — удивился Грицько. — Они же поуснули.

В лагере было тихо. Давно потухли залитые водой костры. Грицько остановился возле крайней от реки подводы. Люди спали. Слышалось глубокое дыхание, кто-то говорил во сне, сладко чмокая губами. «Кого ж будить?» — подумал Грицько. Подсел к Андрюшке. Легонько толкнул в бок, припал к теплой раковине уха.

— Андрюша, — зашептал Грицько, — вставай. Хочешь со мной работать?

Андрюша спросонья не понял, что от него хочет Грицько. Поднял голову и, не открывая глаз, сказал:

— Чего ты пристал? Дай поспать..

— Куда ты голову прячешь? Если хочешь, так вставай. Ну?

— Да еще не утро...

— Вставай, вставай. Потом я тебе все расскажу.

Грицько поднял четырех парней. Угрюмо-молчаливые, они подошли к реке. Сергей рассказал, зачем их сюда позвали. Парни слушали молча, и по суровым их лицам было видно, что они не одобряют план Грицька.

— Значит, Грицьку захотелось работать по холодку, — рассудительно сказал Петро. — Ночью-то, верно, не упаришься, да уж очень спать хочется.

— Эй, орлы! — подходя с ломиком на плече, крикнул Грицько. — Выспитесь днем, а зараз быстрей просыпайтесь...

— Ну, начнем! — сказал Петро. — Куда мне становиться?

Покатилось и упало в воду бревно. Нарушая ночной покой гор, по ущелью прокатился глухой звук, похожий на далекий пушечный выстрел, за ним последовал второй, третий... Митька Кушнарев проснулся, поднял голову, прислушался. Снова раздался знакомый всплеск воды, и по ущелью покатилось эхо. «Кто-то дрючья ворочает, — подумал Митька. — Да кому ж это не спится?» Он не утерпел, встал и, спотыкаясь о камни, пошел к берегу. Его встретил Сергей.

— Сережа! Кто тут в полночь чертуется?

— Ночная смена, — весело сказал Сергей.

— Какая такая смена?

— А вот, как видишь.

И Сергей подробно рассказал Кушнареву о том, как по предложению Грицька была создана на сбросе ночная смена.

— А! Теперь понимаю, — сказал Митька. — Грицьку захотелось со мной потягаться. — Он подошел к Грицьку. — Принимаю...

— А ну, каких ты себе друзей подобрал? Андрюшку? Бери, этого мне и даром не надо. Степа? Тоже... А, и Петро тут? И Артем? Значит, уговорил... Ну, шут с вами! У меня тоже найдутся хлопчики, можете не сомневаться. Заранее могу сказать — обгоним.

— А ты раньше времени не грозись.

— Иди, да и спи себе спокойно.

— А я нарочно не уйду. — Митька постоял, потом отвел в сторону Сергея. — Кто будет учитывать? А то я Грицька знаю. Он днем не умеет толком сосчитать, а ночью и подавно насчитает в свою пользу.

— Вот уж об этом ты не беспокойся, — успокоил Сергей. — За учетом бревен, брошенных в реку, я сам слежу

— Ну, если так, то это дело другое, — сказал Митька и пошел спать.

Всю ночь по реке неслись бревна. Они шли непрерывно, между ними лежали ровные интервалы. Теперь их стройное движение не приостанавливалось ни днем, ни ночью. На рассвете заступила дневная смена. Видимо, Митька Кушнарев спал плохо, был злой, ни с кем не разговаривал. Прошел мимо Грицька, взял из его рук ломик и, не глядя в лицо, спросил:

— Сколько?

— А ты спроси у Сергея, — с достоинством ответил Грицько.

Обе смены работали напряженно, старались обогнать одна другую. Не прошло и недели, а штабеля заметно поредели. Люди не жаловались на усталость, хотя уставали сильнее прежнего. Видимо, сказывалась и привычка. Постепенно люди втянулись, вошли, как говорят, в норму, и Сергей, видя на лицах сплавщиков ту же решимость, которую видел и в начале работ, то же веселое настроение, приподнятость, желание показать свое преимущество, умение, думал: «Подобраться к реке под покровом ночи, — оказывается, Грицько был прав... Чутье опытного танкодесантника!»

Он задумчиво улыбнулся.

ГЛАВА XXV

Место для стоянки облюбовали Игнат и Афанасий Фоменковы. Братья распрягли быков и уселись на дышло, поджидая Семена. Это были уже немолодые, но рослые и крепкие люди. Оба были женаты, имели детей и жили под одной крышей — в отцовском доме. Всю войну Игнат и Афанасий служили в дальнобойной артиллерии. Из армии вернулись еще зимой, но до сих пор не расставались с армейским обмундированием — гимнастерки на плечах и на спине выгорели добела... К ним подсел Никита Мальцев, молчаливый, хозяйственный парень лет двадцати. В армии он еще не был, — начал посещать всеобуч, а тут кончилась война. По совету матери, в начале мая он женился, и девятого числа, в первую годовщину дня Победы, в станице была свадьба. Женившись, Никита стал усиленно отращивать мягкие и какие-то бесцветные усы, старался как можно чаще бывать среди пожилых. Поэтому, когда Петро Нескромный и Антон Череда, его одногодки, пригласили Никиту пойти посмотреть клокочущую внизу воду, он отказался, предпочитая остаться с Игнатом и Афанасием.

Подошел Семен и тоже сел на дышло.

— С чего ж будем начинать? — спросил он. — Вы тут люди местные, вам виднее.

Афанасий неторопливо вынул кисет, оторвал полоску газетной бумаги, угостил табаком Семена и протянул кисет Никите. Тот принял его с достоинством и стал не спеша, так же как и Афанасий, сворачивать цыгарку.

— Начнем по-военному, — с оборудования огневой позиции, — серьезно сказал Афанасий. Светлые его глаза весело заблестели. — Как бывало? Приехали, остановились — незамедлительно окопайся, оборудуй чин по чину огневую позицию... Эх, сколько я их порыл! Отступали — рыл, можно сказать, на каждом десятом километре, наступали — тоже рыл. А какие то были позиции! Не то, что у пехоты — врыл себя в землю, и готово. А тут на́до вокруг орудия ров отрыть, да чтобы он был глубже, чем по пояс, с хо́дами сообщений... Словом, позиция что тебе надо!

— А я уже отметил важный ориентир, — сказал Игнат, поглядывая на скалу. — Вижу пещеру. Надо ее приспособить для жилья — тогда нам не страшен ни дождь, ни ветер.

— Правильно, — согласился Семен. — Да, и ориентир, и огневые позиции — все это мне хорошо знакомо. И войны

нет, а слова не забываются, нет-нет, да и вспомнишь. А сколько новых слов мы выучили на войне! И слова-то какие: огневая точка, ориентир, дислокация, внезапность, код, беглый огонь — всех не перечесть. А ну, слушайте, я буду говорить по-военному. Игнат и Никита, вам поручаю оборудовать огневую позицию, разведать вот тот кустарник, нарубить хворосту и хорошенько замаскировать материальную часть. Постройте командный пункт — имеется в виду шалаш из хвороста. Кроме того, помогите нашему интенданту разобрать продукты, устройте из камней кухню, — Семен с улыбкой посмотрел на Анфису, — и на всякий случай разведайте пещеру. А мы с Афанасием пойдем, так сказать, на рекогносцировку... Понятно?

Семен улыбнулся, и серые его глаза сожмурились от удовольствия.

— Все понятно! — громко сказал Игнат.

Все трое весело рассмеялись, а Никита Мальцев даже не улыбнулся. Он понимал, о чем говорил Семен, но многие слова ему были неизвестны. Особенно его озадачило слово «рекогносцировка». Он никогда такого слова не слышал, пробовал произнести вслух — и не мог, и от этого было совестно и как-то неловко: он, женатый человек, и не знает, что означает это слово, куда именно ушли Семен и Афанасий... На рубке хвороста, разговорившись с Игнатом, Никита как бы между прочим спросил:

— А куда они пошли?

— Да ты что же — не слышал? — удивился Игнат. — Пошли осмотреть то место, где нам завтра придется с бревнами воевать...

— А-а-а... Теперь понятно, — сказал Никита, нагибая сапогом пучок легко гнущегося хвороста и размахивая топором.

В это время, цепляясь о каменные выступы, Семен и Афанасий спускались к реке. Внизу, у самой воды, тянулась узкая полоска берега, вымощенная плитами, которые лежали не плашмя, а ребром. Подыскивая удобное место для наблюдений за сплавом леса, Семен и Афанасий прошли по прибрежной дорожке навстречу течению и вскоре увидели метрах в пяти от берега плиту. Белая, она формой своей напоминала спину животного, — скорее всего была похожа на огромного северного медведя, стоявшего с погруженной в воду головой. Казалось, сама природа позаботилась о сплавщиках — лучшего места для встречи бревен и желать не

надо! На плите свободно могли разместиться два человека, и багром отсюда можно доставать чуть ли не до того берега. Чего ж еще надо!

— Наблюдательный пункт «Медведь», — весело заметил Семен.

— Очень удобное местечко, — рассудительно сказал Афанасий. — Сиди, как на лодке, и вся река перед тобой.

Вода билась о плиту и косыми бурунами отходила в обе стороны. Афанасий покачал головой и сказал:

— Удобно, а страшно. Днем ничего, а ночью... Вдруг вода подымется? Смоет, как щепку!

— А как бы нам туда забраться? — спросил Семен.

— Пойдем вброд.

Они разделись и по быстрой воде, глубиной по колено, подошли к «Медведю». Из воды выступала массивная глыба белого мрамора, сверху до блеска отшлифованная водой, — работа реки во время разливов. Афанасий первым взобрался на плиту, растянулся на ней, как в бане на полке. Разогретый солнцем камень был горяч, а вокруг него веяло приятной свежестью быстро бегущей воды.

— Какое блаженство! — воскликнул Афанасий, широко раскинув руки. — Вот где принимать солнечные ванны... Райское место!

— Погоди радоваться, — заметил Семен. — Еще и надоест здесь загорать.

Все хорошо знали, что сегодня бревна плыть не будут. В лучшем случае их надо встречать лишь завтра к вечеру. Поэтому сплавщики занимались устройством лагеря и подготовкой наблюдательного пункта «Медведь». От правого берега к белому камню протянули канат для того, чтобы ночью, пробираясь по воде, можно было за него держаться.

Игнат и Никита, выполняя приказание бригадира, нарубили хворосту и обложили им бричку с трех сторон. Между колесами образовалось уютное местечко, наподобие небольшого чуланчика. Сюда и были сложены продукты. По соседству вырос шалаш тоже из хвороста, покрытый сухой травой, — предназначался он для кухарки. Шалаш строил Афанасий, ему охотно помогали парни, особенно Антон Череда. Он раздобыл где-то сухого, прошлогоднего камыша, связал маты и постелил их внутри шалаша.

— Добрый домишко получился у нашей кухарки, — сказал Афанасий. — А все ж таки придется нам гуртом охра-

нять девушку, — Афанасий лукаво посмотрел на Семена, — и от парубчаков и от... бригадира.

Все, конечно, догадывались, что приезжий друг Сергея Тутаринова ухаживает за его сестренкой. Афанасий даже узнал от своей не в меру болтливой жены важную новость, будто Сергей нарочно привез с фронта Семена, чтобы женить его на Анфисе, — тем не менее все делали вид, что им ничего неизвестно, и отвели девушке отдельное, да притом лучшее место в лагере...

Наступила ночь. Игнат и Петро погнали быков пастись. Афанасий укрылся буркой и уснул возле брички. Никита сидел у костра и о чем-то думал. А Семен и Анфиса гуляли невдалеке от лагеря. Странно и непривычно было им слушать ночью сильный шум воды и видеть постоянно перед глазами, как тень, темный силуэт утеса. Они сидели на камне, вблизи обрыва. Семен обнимал Анфису так нежно, как только можно обнимать любимую девушку, которая скоро станет женой. В своих сильных руках он чувствовал ее упругие плечи, и она казалась ему совсем маленькой и беззащитной на фоне этой суровой природы... Теперь они говорили о том, что их больше всего волновало. Будет ли свадьба, а если будет, то хорошо было бы провести ее в колхозном клубе, отделившись от стариков. «Не люблю я пьяных, — говорила Анфиса. — Пусть старики гуляют сами по себе, а мы сами по себе». Много говорили о постройке хаты: как строить — две или три комнаты, покрывать камышом или черепицей; хорошо, если план получат на низине, там и вода близко, и земля хорошая, а что если у самой толоки, где лежит тракт и без конца едут, подымая пыль, машины и подводы; какой посадить сад — абрикосовый или вишневый? «Всякого понемногу», — советовала Анфиса, уже видя молоденькие деревца. «Надо, чтобы и яблоки и груши были», — добавлял Семен; где Семену лучше всего работать, — тоже немаловажный вопрос: в колхозе или в тракторной бригаде, и приходили к выводу, что во всех отношениях выгоднее, конечно, в тракторной бригаде. «Танк я знаю отлично, так что могу быть бригадиром», — сказал Семен, и Анфиса этому верила... Если бы кто-либо подслушал их разговор, то невольно бы сказал: да, эти паруются надолго, будущая семья цементируется надежно, и по всему видно, что сошлись они и характерами, и вкусами, и взглядами на жизнь.

Была глубокая полночь. От реки вместе с туманом подымалась осенняя свежесть. Анфиса зябла. Они пришли в ла-

терь. Анфиса простилась с Семеном и полезла в темный, пахнущий камышом и овчиной шалаш.

— Сеня, а ты далеко не уходи, — сказала Анфиса. — Карауль меня.

Разве Семен мог уйти от шалаша! Он расстелил шинель и безропотно лег у входа, преградив своим телом доступ в шалаш. Он слышал шорох ее платья, спокойное дыхание, и радостное ощущение близости любимой девушки волновало его... Казалось, что она тоже не спит и думает о нем, и от этих мыслей холодело в груди; мысленно он продолжал разговор с Анфисой, рисовал в воображении заманчивые картины будущего, — почти до утра он не смыкал глаз...

Только на третий день, когда солнце стояло в зените, бросив на воду блестящий мостик, наблюдавший за рекой Никита Мальцев увидел плывущие бревна... Да, это было красивое зрелище! Одно за другим, точно состязаясь в беге, бревна выскакивали из-под блестящего солнечного мостика, и чем ближе они подплывали к порогам, тем бег их становился стремительней... Впереди, как бы показывая дорогу, во всю мочь неслась тройка: коренник, чуть-чуть выскакивая наперед, устремился прямо на «Медведя», а пристяжные то рвались в сторону, то прижимались к кореннику.

— Плывут! — во всю силу закричал Никита.

— Ба-а-гры!

— На «Медведя»!

— Игнат, скачи к берегу!

— Петро и Антон, идите к концу порогов!

Семен и Афанасий, схватив багры, побежали к реке. Вода уже густо рябила бревнами, они шли вразброс, сбиваясь к быстрине, как бы готовясь нырнуть в буруны. Семен и Афанасий взобрались на «Медведя». Они стояли рядом, а на них неслась неудержимая тройка. Вот она уже совсем близко. Семен и Афанасий подняли багры. На разрезе воды пристяжные чуть приостановились, потом рванулись в разные стороны и, вздрагивая, нырнули в буруны и исчезли. А коренник ткнулся носом о плиту, с минуту постоял, сердито поводя хвостом. Семен ударил его багром, но он даже не пошатнулся. Помогал Афанасий, но и вдвоем они не могли сдвинуть его с места. Наскочило плывшее сзади бревно. Коренник чесанул боком о гранит с такой силой, что на воде показались темные обломки коры. Покачиваясь и белея

ободранным боком, бревно нырнуло в пену и снова забелело уже далеко за порогами, где река текла спокойно.

— Пронесло! — крикнул Афанасий, отталкивая багром новое бревно. — А вот несется целая стая... Ну, держись, Семен!

Из-под пламенеющего мостика одно за другим выскакивали бревна, издали похожие на торпеды. К порогам они подплывали гуськом, как бы выстраиваясь в одну шеренгу. Их встречали Семен и Афанасий и направляли на середину течения. Сплавщики усиленно работали баграми, стоя на белой плите, как отважные полярники на льдине... Такое сильное движение леса продолжалось недолго. Через час или полтора река очистилась, и от сверкающего на воде мостика уже редко отделялась темная полоса. Семен и Афанасий отдыхали, усевшись на «Медведе».

Нещадно палило солнце, зноем дышал раскаленный утес, а сплавщикам было прохладно.

— Ну, кажись, наступила передышка, — сказал Афанасий, зачерпнув ладонью воду. — Надо звать молодежь, а нам придется заменить их ночью.

Обычно в дневное время на «Медведе» находились те, кто был помоложе, а ночь делили между собой братья Фоменковы и Семен с Никитой. Никита гордился тем, что его, как молодожена, признали на сплаве человеком пожилым, причислили к людям серьезным, кому можно было доверить ночное дежурство. Широко расставив ноги, Никита стоял с багром, держа его наперевес, как винтовку. У его ног сидел, отдыхая, Семен. Никита всматривался в темный поток воды и, важно поглаживая молодые усы, время от времени покрикивал:

— Ага! Еще одно чернеет!

Шлепался о воду багор, взлетали брызги. Никита легко управлялся и сам. Бревно чернело, промелькнув мимо плиты. Семен сидел и молча смотрел на шумящий в темноте поток. Река, окутанная серым мраком, была величественна и грозна. Семену почему-то казалось, что этот чернильно-серый поток вот-вот либо захлестнет их, либо сорвет плиту и унесет на ней, как на плоту. В темноте с трудом можно было увидеть подплывающее бревно. Днем его было видно издали, а теперь оно, точно подкравшись, выскакивало из воды почти рядом с «Медведем», и тут, чтобы во-время направить каждое бревно на середину течения, требовались особая сноровка и ловкость. Иногда лес шел, как говорил Никита, «ста-

дом», и тогда частенько у гранитного островка возникали небольшие заторы. В такие минуты оба сплавщика принимались за дело и ворочали баграми с невероятным проворством, помогая воде размыть и унести все бревна. Затем, как правило, наступало затишье. Семен ложился на спину и отдыхал, любуясь звездами.

— Семен, а на свадьбу меня позовешь? — вдруг почему-то спросил Никита, продолжая наблюдать за рекой.

— Что это пришло тебе в голову? — удивился Семен. — О какой свадьбе говоришь?

— Да ты не скрывай, — сказал Никита, подсаживаясь к Семену. — Я и сам недавно таким был... Тоже скрывал, скрывал, а люди все равно все узнали... Скажи, позовешь?

— Ну, и чудак же ты, Никита! Если будет свадьба, то, конечно, позову.

— За это спасибо... А как же порешил с Анфисой? Увезешь ее от нас или тут останешься жить?

— Об этом еще ничего не знаю, — уклончиво ответил Семен.

— А ты оставайся у нас, — оживленно заговорил Никита. — У нас здесь очень хорошо жить! Земля родит, вода... А такой красивой станицы, как Усть-Невинская, по всей Кубани на найдешь... Оставайся, хату мы тебе гуртом построим. Я первый подсоблю. И не один приду, а с женой. Лесу теперь у нас много, а саману наделаем... Я хоть и женился, а мне строиться не надо. Один я у батька...

Семен промолчал. Мимо плиты, разрезая темную воду, как щуки, пронеслись два бревна. Быстро вскочив, Никита успел толкнуть их багром. Потом снова присел к Семену. К этому бывалому парню, вернувшемуся с фронта при орденах и медалях, Никита питал какое-то внутреннее уважение и доверие. Из рассказов Никита знал, что Семен побывал в Германии и еще в каких-то странах, и ему казалось, что такой бывалый солдат сможет ответить на любой вопрос. Поэтому Никита нет-нет да и заговаривал с Семеном то о станице, то об Анфисе, то о свадьбе. А однажды спросил:

— Семен, ты намного старше меня?

— Думаю, что старше, — неохотно ответил Семен. — А зачем тебе?

— Так, поинтересовался. — Никита некоторое время молчал. — Да... Ты уже на войне был, чего ты там только и не видел... Значит, ты и знаешь больше, чем я.

— Может больше, а может и меньше... Смотря в каком деле.

— А скажи, отчего так бывает: когда я был неженатым — одно ко мне отношение, а женился—совсем другое?..

— В чем же ты видишь это «другое»?

— Да во всем. Люди на меня смотрят по-другому. Сказать, поручение какое или еще что-нибудь важное... Я — комсомолец, и вот я скажу тебе правду. Раньше, бывало, наш секретарь совсем меня не замечал. Попросишь что-нибудь сделать, а он говорит: «Ты, Никита, за это дело не берись, не сумеешь». Больше всего я бывал на побегушках: то клуб убирал, то афиши расклею, то на собрание сзываю... А теперь—в президиум меня избирают; кому первое слово в прениях—Никите Мальцеву. Задания всякие дает, особо какие трудные. По займу не всякий может толково рассказать или какое постановление прочитать колхозникам, — а мне это доверяется. Недавно меня агитатором на ферме назначили. Сам парторг Еременко подписал меня на газету «Правда», говорит: «Теперь тебе без газеты никак нельзя...» Вот журнал еще не выписал. А когда готовились ехать на лесосплав, стали подбирать людей. Кого послать? Думали, думали и первого меня записали. Поезжай ты, Никита, на тебя полная надежда. Или вот уже недавно. Почему Прохор выбрал меня в твою бригаду? Охотников было много, а Прохор на меня так серьезно посмотрел и сказал: «Никита пойдет, человек надежный...» Отчего так, скажи?

— А очень просто, — сказал Семен. — Значит, заслужил доверие... Дорожить этим надо. Если б ты побывал на фронте, ты бы еще больше удивился. Там хорошее в человеке быстро замечают.

— Да я это понимаю... Или вот еще такой пример. Иван Герасимович Еременко беседовал со мной. Долго мы с ним говорили. «Готовься, говорит, Никита, в партию вступить...» Дал мне Историю ВКП(б), Устав. «Изучи все это, говорит, с конспектами, а тогда мы еще побеседуем...» А ты член партии?

— Да, — сказал Семен. — Я вступал на фронте...

— А скажи, — еще больше оживился Никита, — что наиважнее для члена партии?

— Как тебе сказать... — Семен задумался. — Важнее всего, как я понимаю, быть всегда и во всем примером...

— Это я смогу.

— Еще не все, — продолжал Семен. — Жаль, что ты не был на фронте. Там бы ты сам увидел, что значит быть коммунистом... Но я приведу тебе такой пример. Скажем, так. Возьмем нашу страну, это тебе будет понятно. Растянулась она на полсвета, сам знаешь, в одном государстве шестнадцать республик. А сколько у нас людей и разного богатства. И вот все люди, как одна большая армия, каждый день находятся в сражении против мирового капитала... Ты думаешь, отчего нам так трудно? Никто еще не шел по этой дороге, а мы идем. Война кончилась, немного стало нам легче, но сколько впереди еще дела... Армия идет вперед, и есть в этой армии ударные полки. В них отбираются люди самые честные, самые преданные и бесстрашные. Их трудностями не запугаешь. Это и есть члены партии... Вот ты и рассуди теперь сам, что самое главное для члена партии.

— Да я тоже думал об этом, только выразить не могу.

Семен встал, взял багор. Посмотрел на реку. Бревна не плыли. «А Никита — славный парень, — подумал Семен. — На фронте такой непременно бы отличился. Как это он сказал: «Люди на меня смотрят по-другому...» Да, скоро и мне придется переступить порог в эту «другую» жизнь».

Он улыбнулся. Вспомнил Анфису, желанные разговоры с ней о жизни, о будущем. В его мыслях личное, близкое перемежалось с общественным. После разговора с Никитой он как-то яснее осознавал, что он в этих краях не гость... Он держал над водой багор и зачем-то считал плывущие мимо бревна. Мысленно представлял, как каждое проносящееся по реке бревно скоро будет либо распилено на доски, либо так, всей тяжестью ляжет на стену, как вырастет красивое здание электростанции, кинотеатра, конюшни, коровника...

— А! — воскликнул он, — еще одно плывет! Ишь, какое толстое да важное. Плыви, плыви, мы тебя распилим на доски и настелем полы. — И его радовало то, что среди новостроек станичной пятилетки он видит и свою маленькую хатенку, с белыми ставнями и яркой черепичной крышей.

Было уже поздно. Пришли на смену Афанасий и Игнат. Семен вернулся в лагерь в приподнятом настроении, подошел к шалашу, чувствуя, как тянет его туда какая-то сила. Хотелось поделиться своими мыслями с Анфисой, но войти к ней он не решался. Никита залез под бричку и тотчас уснул. Семен сел возле шалаша и задумался. Вход в шалаш был завешен белым передником, в котором Анфиса бегала днем возле печки. Семен притронулся к нему рукой и почув-

ствовал, как часто забилось у него сердце. Всем телом он ощутил приятное комнатное тепло, исходившее из шалаша. Тут же, у входа, он расстелил шинель и лег. Неподалеку шумела река. Семен лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к биению своего сердца, в котором росла, заполняя грудь, тихая и светлая радость — радость жизни.

ГЛАВА XXVI

Днем и ночью вот уже в течение месяца по реке плыл лес. Вслед ему уходили из лагеря мелкие группы молевщиков, и те, что возвращались, замечали разительную перемену в Чубуксунском ущелье. В нем как будто стало просторней и светлее, намного уменьшилось число штабелей, всюду валялась мелкая, смятая кора, а на тех местах, где раньше лежали бревна, белели голые полянки, покрытые бледной, прибитой к земле травой. «Увидел бы Бойченко, — думал Сергей, — как мы тут стараемся, и сказал бы: «Вот молодцы, дорвались, скоро весь лес перебросят к Усть-Невинской». Сергей, проводя ночи без сна, хорошо знал, каких усилий стоил сплавщикам их успех. Грицько, все время работая в ночной смене, заметно похудел, редко брился, но ни разу не пожаловался на усталость. Троих парней из его бригады пришлось подменить и послать молевщиками. Митька Кушнарев на сбросе бревен проработал всего лишь неделю, отстал от Грицька, признал себя побежденным и сам попросился в бригаду молевщиков. На его место Сергей поставил Ивана Атаманова.

— Сережа, все уходят по реке, — как-то раз сказал Грицько, — а когда ты меня пошлешь? Сколько я сбросил в воду бревен, а не видел, как они там плывут.

— Еще посмотришь, — успокаивал Сергей. — Мы с тобой пойдем по реке, когда будем вести зачистку.

Однако через некоторое время, посоветовавшись с Прохором, Сергей решил послать по реке и Грицька. «Пусть прогуляется», — подумал он. В тот день обе смены спустили на воду большую партию леса. Обрадованный такой удачей, Прохор стал поговаривать об отправке молевщиков на лодке.

— Вот теперь нам и лодочка понадобится, — сказал он. — Надо проехать по всему руслу, осмотреть берега, а вот кого послать?

— Поезжай ты, дядя Прохор, — сказал Сергей, — а в помощники себе возьми Грицька и Степу.

— Еще бы какую-нибудь девчушку, чтоб обед варила.

— Возьмите Варю, — охотно посоветовал Сергей, вспомнив свой ночной разговор с Грицьком. — Она еще прихрамывает, но в лодке ей ходить не придется.

Широкая лодка с плоским дном терлась черным, жирно просмоленным боком о каменный выступ берега. Еще на заре в нее погрузили продукты, два багра, укрепленных вдоль бортов, веревки, бурку, плащи, брезент. С восходом солнца, когда долина реки очистилась от тумана, четверо сплавщиков, поудобней усевшись в лодке, покинули лагерь. У берега, как на пристани, когда корабль отходит в дальнее плавание, собралась толпа людей. Люди долго провожали ласковым взглядом уплывшую лодку, видели, как она покачивалась на стремнине реки и как потом исчезла за крутым поворотом.

Лодка сделала рывок в сторону и неожиданно попала в водоворот. Грицько не успел поднять левое весло, и она закружилась. Потом, как бы опомнившись, секунду постояла на месте, Грицько в это время налег на весла, и лодка понеслась то мимо отвесных стен, источенных родниками, чистая, как серебро, вода которых стекала по камням крупными слезами; то в тени под склонившимися на воду ветками — лодка плыла под густой кровлей листьев, и пассажирам приходилось низко наклонять головы, то посредине реки, залитой слепящими лучами выглянувшего из-за скалы солнца... Да, красива речная дорога! Кругом, куда ни глянешь, лежит живописный горный пейзаж! Там, где скрылись меж гор берега, — трепещет жаркий блеск на воде; кажется, в этом месте собрались, как в фокусе, все лучи солнца и отразились в зеркале реки с такой силой, что все вокруг вот-вот воспламенится. А дальше — лабиринт гор и перевалов, прячется в них река, как ручей среди камней... Все здесь радует глаз, все удивляет, и трудно сказать, какой из этих видов самый красивый. То ли вот эта пирамидальная сопка, нарядно одетая в зеленый плющ, с острой, как шпиль колокольни, вершиной, на которой вместо креста стоит удивительно стройная сосна; то ли эти оранжево-темные, без конца и края, полотнища лесов, укрывшие собой отлогую, уходящую к небу ложбину, над которой стаями кружатся орлы; то ли эта голая, из темной бронзы скала, повисшая над водой в виде огромной обезглавленной птицы, у которой крылья окаменели в тот момент, когда она сделала ими широченный размах, — трудно сказать! А вот еще стоит торчмя, упираясь в небо, утес из желтого, мягкого известняка. Срез у него от верши-

ны до подошвы ровный, точно кто-то одним взмахом сабли отсек вторую его половину, которую давно размыла и унесла река, и весь этот срез теперь рябит норками, как стена крепости бойницами. Всю его могучую грудь источили птицы, образовав на ней свой шумный город. Над утесом тучи щуров, — они то стаями взлетают ввысь и, описав дуги, с разгону влетают в норки, как пули в мишени, то стрелой выскакивают из норок и сверлят воздух, чертя на синеве неба такие причудливые круги и линии, что рябит в глазах... Лодка кажется щепкой у ног этого великана — она проплывает вдоль стены, а вверху льется такой оглушительный птичий хор, что кажется, в эту минуту весь мир объят одним этим разудалым щебетанием.

— И до чего же крикливая птица, — заметил Прохор, глядя в небо. — Пужануть бы по ним с берданки...

Вот и утес давно уже позади. Мимо прошли мелкие вершины, холмы, покрытые кустами терна, бузины, низкорослым карагачом, и вдруг горы раздвинулись, и река потекла по долине — в зелени и в солнечном сиянии. Весь ее левый берег заселен станицей — широкими кварталами растянулась она вдоль Кубани. Сады, местами тронутые желтизной ранней осени, подходят к самой воде, и с лодки хорошо видны яркожелтые, точно облитые медом, ветки с созревшими абрикосами. А за садами стоят дома, прячутся в зелени улицы, уходя к площади. Где-то стучит мотор, — видимо, поблизости находится мастерская МТС. К берегу тянется узенькая, поросшая бурьяном улочка. Она обрывается у некрутого спуска, ведущего на отлогий и каменистый берег. Мальчуганы поят коней, купаются. На камнях стоят две бабы и стирают белье, подобрав подолы юбок выше колен. Заметив сплавщиков, они расправили спины и, приложив щитком ладони к глазам, с нескрываемым любопытством смотрят на плывущих в лодке людей. Пристальные их взгляды точно говорят: да кто такие эти люди? Откуда они? Почему плывут мимо нашей станицы?

— Здорово булы, казачки! — крикнул Прохор.

— Здоров, колы не шутишь!

— Подплывайте к нашим берегам!

— Эй, люди добрые, откуда вы?

Бабы еще что-то кричат, машут руками, но вода, плескаясь о борта, заглушает их голоса... А река уже сделала дугу, и Варе показалось, что станица закружилась и перебежала на другой берег.

— Гриша, — сказала она, обращаясь к Грицьку, — посмотри, где станица!

— А она там, где и была, — с улыбкой ответил Грицько, занятый веслами. — Это ж река завернула...

Сады, хаты, улочки, подходившие к воде, быстро скрылись, а впереди на гористом берегу лежали кошары, серой тенью двигались по взгорью овцы, на перекате стояли коровы, зайдя по брюхо в воду и отбиваясь от липких оводов мокрой метелкой хвоста.

Все это время сплавщикам не попадались застрявшие в пути бревна. Обычно бревна плыли то впереди лодки, то сзади, а то и рядом с бортом, так что Прохор мог похлопать ладонью по мокрому бревну и сказать: «Плыви, браток, плыви». Прохор был доволен. «Хорошо идет лес, — подумал он. — Воды много, вот он и несется карьером». Ехать так, как они ехали до сих пор, было куда приятней, чем возиться с застрявшими бревнами. Однако вскоре спокойному путешествию пришел конец. Отплыв от станицы, они увидели за поворотом, в широком озерке стоячей воды, около десятка бревен — они прибились к берегу и не могли сдвинуться с места.

— А, вот они где! — весело сказал Прохор. — Давай, Грицько, к берегу.

Лодка тихонько причалила к берегу. Первым выскочил на землю Прохор, за ним Степа, Грицько отвязал багры и сбросил их на камни. Прохор решительно подошел к бревнам, держа наизготове багор.

— Ага! Вот вы где! — заговорил Прохор, обращаясь к бревнам. — Значит, решили отдохнуть? Дорога дальняя, и вы, голубчики, приморились. Надоело плыть? Ай, стыдно, стыдно... А мы вас вот так, вот так — багром да в бок, да по затылку. Идите на быстрину... Степа, Грицько, а ну, подсобляйте! Сперва мы проводим этого толстяка. Ишь, какой гордый! Иди, иди, чего гордишься? Пошел... Теперь этих приглашай...

Бревна вышли на быстрину и легко поплыли по течению. Следом за ними ушла и лодка. Прохор повеселел еще больше. Закручивая усы, он зорко всматривался в берега и, как только замечал в затоне бревно, тотчас велел Грицьку подгонять к нему лодку. Не сходя на берег, он выталкивал бревно из затишка, называя его самыми ласковыми словами. Одно длинное бревно он почему-то назвал «гусочкой», толкнул его багром и сказал:

— Вот так и плыви, дурочка!

Толстую сосну, так застрявшую в корчах, что ее с трудом оттуда вытащили, Прохор вначале назвал «чортом полосатым», а когда дерево уже ласкалось у борта лодки, гнев Прохора прошел, и он, поглаживая рукой жесткую, мокрую кору, ласково, сказал:

— Ах ты, кабанчик эдакий! Ну, маршируй, маршируй, стервец!

— Какой же это кабанчик, — с улыбкой заметила Варя.

— А твое дело здесь, дочка, десятое, — сердито проговорил Прохор. — Ты лучше подумай, как нас обедом накормить.

Однако вскоре Прохор забыл не только о еде, но и обо всем на свете. Опытный глаз старого молевщика еще издали заметил подозрительную темную плиту на воде, как раз на крутом повороте Кубани. Сердце у Прохора дрогнуло. Когда же лодка подплыла ближе, все увидели плотную массу бревен. Бревна сбились в угол, как стадо испуганных овец, запрудили собой большую половину реки. Вода ревела, рвалась на залом и всей своей тяжестью сжимала, прессовала дерево. Иные бревна, не выдерживая натиска воды, становились вертикально, как мачты на корабле, иные упирались носами в берег, иные садились на дно. По залому с баграми в руках бегали человек пять молевщиков. Среди них Грицько узнал Митьку Кушнарева. «От этого артиста никуда не уедешь», — горестно подумал он, широко взмахивая веслами.

— Ну, хлопцы, — с тревогой в голосе сказал Прохор. — Мирная наша дорога кончилась. Подруливай, Грицько, начнем разбирать залом... А то, я вижу, тут без нас ничего не сделают... Ай-я-я-я... Вот это кабанчики, чтобы их черти съели!

— Обед варить? — спросила Варенька, когда они сошли на берег.

Прохор только махнул рукой и, подымая багор, торопливо пошел к затору. Следом за ним побежали Степан и Грицько.

Митька Кушнарев, с измученным и злым лицом, с потеками пота на щеках, подошел к Прохору.

— Как же это вы прозевали? — с упреком спросил Прохор. — Давно реку запрудило?

— С утра бьемся и ничего не можем сделать, — сказал Митька, глядя в землю. — Хоть зубами грызи.

— Эх ты, а еще сапер, — весело сказал Прохор. — Ну, ничего. Мы еще повоюем. А ну, все за мной! — скомандовал Прохор и первый побежал по шатким бревнам на край залома.

В этот день, еще с утра, дежурившие на «Медведе» Петро и Антон заметили на реке перемену — лес плыл все реже и реже, а к полудню его вовсе не стало. Семен стоял на обрыве, недоумевающе смотрел на блестевшую гладь воды, но так ничего и не увидел. Его мучили догадки. Если это конец сплава, то Сергей давно предупредил бы или сам бы приехал. «Нет, наверно, что-то случилось», — подумал Семен и послал Никиту Мальцева на разведку вверх по течению.

Никита вернулся с нерадостной вестью. Он подбежал к Семену, запыхался и, с трудом переводя дыхание, сказал:

— Затор... Там... на изгибе.

В лагере у скалистого обрыва осталась одна Анфиса. Петру и Антону было приказано не покидать плиту. Братья Фоменковы, Никита и Семен, вооружившись баграми, побежали не по дороге, идущей в обход горы и наполовину удлиняющей путь, а напрямик, через высокий и крутой перевал. Пробирались по каменным выступам, сквозь густой и колючий кустарник. Когда взобрались на вершину, то внизу увидели изгиб реки, сплошь запруженный лесом, лодку, причаленную к берегу, и молевщиков, уже работавших баграми у края затора.

— Ого, сколько здесь людей! — воскликнул Семен.

— Да вот и Прохор! — сказал Афанасий. — Откуда он взялся? — Афанасий сложил у рта ладони ковшиком и крикнул: — Про-о-охор!! Э-ге-гегей!

Снизу, точно эхо, донеслось:

— Ого-го-го-го!

— Бежим! — крикнул Семен.

Разборка залома — трудная и опасная работа. Гонимый потоком, лес сбился в кучу, сплелся, запутался так искусно, что разобраться в этом сплетении, найти нужные концы, чтобы потом развязать весь узел, — дело не простое. Лежащая на воде стена бревен покачивается, как понтонный мост, а у берега плотно прижата и местами уже сидит на дне. Вода с такой силой сдавливает плот, что он глухо потрескивает, лущится на бревнах кора.

Разборкой руководил Прохор. Ему во всем беспрекословно подчинялись молодые и неопытные еще молевщики. По его указанию они сплавляли по течению одно бревно за дру-

гим. Через некоторое время натиск воды уменьшился, и весь плот, почуяв свободу, зашатался. В углу, ближе к быстрине, где стоял со своей бригадой Семен, огромный кусок залома откололся. Тут надо было не упустить и минуты, чтобы сильно толкнуть бревна, направив их на быстрину, — в этом и был ключ к успешному разбору всего залома. Семен это хорошо понимал.

— Хлопцы! — крикнул Прохор. — Ударьте баграми!

Семен первый кинулся к отколовшемуся плоту и с разбегу, как копьем, ударил багром. Образовалась неширокая прогалина, в ней бурлила вода. Брусья отошли еще дальше и потянули глубоко вонзившийся в мокрое дерево багор. Семен хотел вырвать его, потянул к себе, но под ногами у него зашаталось бревно, он потерял равновесие и провалился в воду. И в тот момент, когда он, схватившись за бревно, поднялся по пояс и подал руку подбежавшему Афанасию, сзади вода приподняла большое бревно; оно покачнулось и ударило Семена в затылок... Семен упал. Его подхватил под руки Афанасий... Семен еще помнил, как бревна, гонимые водой, тронулись с места и сдавили ему обе ноги ниже колен, но боли он уже не ощущал... Он потерял сознание у Афанасия на руках.

...Далеко за порогами лодка плыла по спокойному течению реки. Афанасий сидел у весел и старался не смотреть на лодку. Тут же у его ног, на мягком сене, лежал Семен. Лицо у него было бледное, глаза закрыты. У изголовья, согнувшись калачиком, неслышно плакала Анфиса. Только вблизи Усть-Невинской Семен впервые открыл глаза и, не понимая, где он и что с ним, увидел синее небо и на его фоне, как рисунок на синей бумаге, лицо Анфисы, залитое слезами...

ГЛАВА XXVII

Только на третий день с попутной машиной в Чубуксунский лагерь приехал Прохор Ненашев. Боязливо поглядывая на Сергея, он сбивчиво рассказал о несчастном случае на разборке завала. Сергей слушал молча, широкие его брови насупились, лицо побагровело.

— Эх, Прохор, Прохор, — сказал он, — лучше бы ты с такой вестью и не приезжал... Как же это могло случиться? Ты человек в этом деле опытный, как же ты мог...

— Не доглядел... Он же горячий, кидается... То, что провалился, — не беда, со всеми такое случается. Искупался

бы — и все. А тут, как на грех, вода наперла, бревно, чертяка его возьми, высунулось и садануло...

— Вода! Бревно! А ты где был?

— Да тут и был... Это же произошло в одно мгновение. Мы кинулись к нему, а он уже без чувства... Вдобавок и ноги подавило.

— Он так и не очнулся?

— Не знаю... Мы еще остались, а Фоменков Афанасий увез его в лодке в станицу.

Сергей поручил руководство сплавом Прохору (работа уже приближалась к концу), подседлал застоявшегося жеребца и ускакал в Усть-Невинскую. Всю дорогу думал о Семене. «А что, если увечье тяжелое?» Старался чем-нибудь успокоить себя, смотрел по сторонам, вспомнил о предстоящем празднике, а тревожные мысли о друге ни на минуту не покидали его. Он злился, гнал жеребца... В лагере у обрыва его окружили Игнат, Грицько, Никита и подробно рассказали, как Семен упал, как его уложили на лодку и отправили по реке. Варя, заменившая Анфису, упрашивала Сергея пообедать, хвалила свежий, с помидорами борщ. Сергей от обеда отказался, выпил, не слезая с седла, воды и ускакал.

Подъезжая к Усть-Невинской, Сергей издали увидел место на реке, где была устроена коренная запань для приема бревен. Знакомый перекат, лежавший наискось, нельзя было узнать, — весь он был запружен бревнами. Запань разрослась и в длину и в ширину, уровень воды поднялся — образовалось небольшое озеро. Бревна высоким и широким завалом, похожим на противотанковое укрепление, перепрудили Кубань. Вытаскивать лес из воды не успевали, хотя и приспособили для этого трактор. По берегу лежали в штабелях и вразброс уже высохшие, отлично вымытые бревна. Вода их не только вымыла, но и хорошенько почесала о камни, так что на многих стволах не уцелела кора... «А здорово получается, — обрадованно подумал Сергей, подъезжая к запани. — Еще недавно весь этот лес находился в Чубуксунском ущелье. Теперь же он здесь. И все это сделала вода в дар людям. Берите и стройте!.. Какая сила!»

Савва Остроухов только что пришел на запань сказать бригадиру по приемке леса, что завтра придет еще один трактор. Увидев подъезжавшего на знакомом жеребце всадника, Савва побежал ему навстречу.

— Сережа! — крикнул он, здороваясь за руку и стаскивая Сергея с седла. — Посмотри, что у нас тут делается!

Пристань у берегов Усть-Невинской! Свой лесной склад... И плывут, и плывут, и плывут! Вот если бы Кубань всегда была такая щедрая.

— Были бы мы на работу щедрые, — ответил Сергей,— а Кубань свое сделает. Сила необыкновенная! — Сергей передал поводья Савве. — Горячего ты мне дал коня... — Он задумчиво посмотрел на запань. — Да, Савва, скоро сплаву конец... Ну, ничего. Мы одно плотбище очистили, хватит нам на много лет... А вы, я вижу, механизировали?

— Директор МТС прислал трактор. И еще один обещал прислать, а сам уже заговаривал со мной насчет леса для мастерских. Они же у них без крыш.

— Поможем, — сказал Сергей, любуясь запанью.

— Конечно, помочь надо. А без тракторов мы бы тут запарились. Ты посмотри, уже зацепил целую вереницу. Потащил! А какой лес! Это же богатство... Да, чуть было не забыл. Тебя Кондратьев разыскивал. Приезжал на машине, а с ним военный. Я сказал, что ты в горах... Не повстречались?

— Никого я не видел... А как тут мой друг?

— Лежит, бедняга, — тихо сказал Савва. — Из района я привозил хирурга. Осмотрел. Говорит, что кость не повреждена.

По настоянию Анфисы, Семена из лодки перенесли не к бабке Параське, а к Тутариновым. Его уложили в передней комнате на мягко взбитой перине. Позвали фельдшера. Прибежал Савва и распорядился послать в район тачанку за хирургом. Анфиса, похудевшая, со слезами на глазах, ни на минуту не отходила от кровати. С матерью говорила неохотно. Будто и слушала то, о чем ей говорила Ниловна, но ничего не слышала, будто и смотрела на мать, но ничего не видела.

— Мамо, не трогайте меня...

Всю ночь Анфиса просидела у кровати больного. Семен лежал тихо, дышал спокойно. На рассвете, не открывая глаз, попросил воды. Пил короткими, жадными глотками.

— Сережа еще не приехал? — спросил он.

— Должен бы скоро приехать, — успокаивала Анфиса. — А тебе уже лучше? Лучше? Ну, посмотри на меня...

Семен открыл глаза. Сухие его губы болезненно скривились.

— Видишь, Анфиса, какой я стал... — Семен потрогал рукой забинтованную голову. — Прилипло...

Вошел Тимофей Ильич и остановился возле кровати. Анфиса, точно не замечая отца, перевязывала Семену голову, одной рукой обняла за шею, другой заматывала бинт. Старик видел ее тоскливые с высохшими слезами глаза, осунувшееся, почерневшее лицо. «Недаром же говорится, — думал он, — суженого и на коне не объедешь».

Когда Семен снова лежал на подушке, Тимофей Ильич подошел к нему.

— Ну, Семен, как твои дела? — спросил он участливо.

— Лежу...

— Вижу, что лежишь... Надо тебе парное молоко пить. Я сказал Ниловне, чтоб подоила корову... Молоко, ежели пить прямо после дойки, силы прибавляет.

— Ничего мне не хочется.

— А ты пей, хоть и не хочется...

Ниловна вошла с дойницей и с кружкой. Тимофей Ильич зачерпнул теплого, пышного, вспенившегося молока и заставил Семена выпить...

После завтрака, собираясь итти на огородные плантации, Тимофей Ильич наказывал жене:

— Ты оставайся дома. Может, что помочь надо... Да еще скажи Анфисе и Семену, что я противиться не буду. Бог с ними, пускай паруются.

— Как я вижу, они уже давно спаровались, — сказала Ниловна.

— Теперь-то и ты увидела.

— И раньше я тебе говорила, да ты тогда глухой был...

— Глухой, глухой, — обиделся Тимофей Ильич. — Знать, плохо говорила, оттого и не слыхал...

На третий день утром Тимофей Ильич снова зашел к Семену. Анфиса сидела на стульчике и спала, уронив на кровать голову. Семен приподнялся, опираясь локтями в подушку.

— Лежи, лежи, — сказал Тимофей Ильич. — Ну, как молоко, помогает?

— Сегодня мне уже хорошо...

— А я тебе что сказал? Анфиса! Вставай, — Тимофей Ильич разбудил дочь. — Беги, неси дойницу.

Анфиса торопливо вышла из хаты.

— Вот только ноги, — проговорил Семен, — точно и не мои...

— Ничего, подживут и ноги. — Тимофей Ильич ласково посмотрел на Семена. — Теперь тебе залеживаться нельзя. Надо свадьбу справлять.

Семен смущенно улыбнулся.

— Ну, ничего, Семен,—продолжал Тимофей Ильич,— это я только к тому сказал. Главное — поправляйся, а повеселиться мы успеем, то от нас не уйдет...

В этот день приехал Сергей. Отец и мать были на работе. Анфиса увидела брата в окно, выбежала в сенцы и обняла его на пороге.

— Сережа, а батя уже согласился...

— Прекрасно! — сказал Сергей, радуясь за сестру. — А как жених?

— Ему лучше, — тихо сказала Анфиса. — Заходи, он тебя давно ждет.

Сергей вошел в горницу, молча подал Семену руку, с удивлением глядя на худое, небритое лицо друга. Сел на низенький стульчик, улыбнулся.

— Ну, радист-пулеметчик, как тебя туда черти внесли?

— Сам влетел, — ответил Семен. — Бревно перевернулось.

— А ну, давай посмотрю ноги.

Сергей открыл одеяло, снял с ног Семена согревающий компресс. Нагибаясь, он долго и внимательно, как врач, смотрел на опухшие, смазанные иодом икры, лежавшие на белой и влажной вате. Потом снова наложил компресс, укрыл одеялом.

— А как голова?

— Пустяки, — сказал Семен. — Уже заживает.

— Да, друже Семен, как все это некстати. Дело мы начали большое, а тут и праздник наш подходит...

— Какой?

— Да ты ничего и не знаешь? Эх, бедная твоя голова! Так знай — восьмого сентября танкистов будет чествовать вся страна.

— Вот здорово!

— А ты будешь лежать.

— К тому времени я встану, — уверенно сказал Семен. — Хоть на костылях, а встану.

Сергей поднялся, широко расправил руки.

— Анфиса! Семен! — крикнул он. — Да я же забыл вас поздравить. Ты, сестренка, не красней, не красней, а загляни в шкафчик, нет ли там какой настойки. Тут без этого нельзя!

Анфиса принесла графин, в котором оказалось не более стакана вишневки. Ее разделили на три равные части и выпили... В это время ко двору подъехала легковая машина.

Через раскрытое окно Сергей увидел Кондратьева и офицера в чине капитана.

— Ко мне, — сказал он и, выйдя из хаты, встретил гостей в тени под грушей.

— Весь день тебя ищем, — произнес Кондратьев, улыбаясь Сергею умными, внимательными глазами. — Познакомьтесь, наш райвоенком.

— Капитан Савельев, — сказал офицер, подавая руку.

— Теперь поговорим о деле, — сказал Кондратьев. — Из Москвы получена телеграмма.

Капитан Савельев расстегнул планшет, вынул лист бумаги с почтовым штампом и передал Сергею.

— Не забывают, — сказал Кондратьев, когда Сергей читал телеграмму.

Сергея вызывали в Бронетанковое управление. Текст телеграммы был краток, под лаконичными словами стояла подпись маршала. В телеграмме не было сказано, по какому делу его вызывают в Москву. Сергей об этом даже не подумал, а в уме уже подсчитывал, когда, в какой день ему выехать, чтобы к указанному в депеше сроку быть в Москве.

— Командировочное удостоверение, деньги, проездные документы получите в райвоенкомате, — сказал капитан.

Кондратьев и Савельев пожелали ему счастливого пути и уехали, а Сергей, опершись плечом о ствол груши, еще долго стоял и перечитывал телеграмму.

Сергей успел побывать в Чубуксунском лагере, провел ночь с Ириной, распрощался со сплавщиками... Незаметно наступил день отъезда. Все, что полагалось в дорогу, было собрано и сложено в чемодан. Тут лежали и летний китель, блестя начищенными пуговицами, и белая гимнастерка из мягкого полотна с горящими позолотой погонами, и бритвенный прибор с мыльницей, флакон одеколона, купленный в станичной аптеке, и наглаженное Анфисой белье,

полотенца, горка носовых платков, сложенных уголком, как обычно складывают блины. Рядом с чемоданом стоял вещевой мешок, куда Ниловна уложила и вареные яйца, и зажаренное свиное сало, и буханку свежего хлеба, и пирожки, и ватрушки. Сверху были положены помидоры, янтарно-красные, величиной в кулак. Тут же лежали тоже приготовленные в дорогу три арбуза и две дыни.

Сергей надел те же бриджи с узкими, ниже колен штанинами, ту же новенькую гимнастерку, в которых приехал домой. Он стоял перед зеркалом и прикреплял погоны, — Ниловна бережно принесла их, завернутые в платок.

— Мамо, вот и пригодились погоны! — весело сказал он.

— Сережа, а все ж таки по какому делу тебя вызывают? — спросила мать.

— Не знаю, мамо. Раз вызывают, значит нужен. — Сергей залез рукой под гимнастерку, стараясь поймать шнурок от погона. Ордена и медали на груди у него слабо зазвенели, и от этого знакомого звука Сергею стало как-то особенно приятно на сердце... Когда погоны надежно лежали на своем месте, он оправил гимнастерку, подтянул портупею, награды снова напомнили о себе. Сергей смотрел в зеркало, видел себя таким, каким был на фронте — стройным и высоким, и обрадованно улыбнулся. А Ниловна с тоской смотрела на сына и не понимала, почему он такой веселый.

— Сереженька, — шепотом сказала она, поглядывая на Тимофея Ильича, — может, опять война будет? Иначе, зачем бы тебя вызывали?

— Вот уж насчет войны вам, мамо, не надо беспокоиться.

— Да я так... только спросила, — не сводя глаз с сына, сказала Ниловна.

— А и спрашивать тебе об этом нечего, — строго сказал Тимофей Ильич. — Не бабское то дело. Ты лучше сходи в погреб да принеси сметаны. Пусть Сергей закусит в дорогу.

— Уж и спросить нельзя, — сказала Ниловна, собираясь итти в погреб. — Ты ж, сыночек, там не задерживайся. Немного побудешь и приезжай. Свадьба ж у нас скоро.

— К анфисиной свадьбе я вернусь, — весело сказал Сергей, желая успокоить мать.

Тимофею Ильичу хотелось поговорить с сыном наедине, без Ниловны, а старуха, как назло, не отходила от Сергея. Тимофей Ильич нарочно послал ее за сметаной, и, когда Ниловна вышла из хаты, он подошел к Сергею, все еще стоявшему возле зеркала.

— Все ж таки, какие есть у тебя предположения? — спросил он, сердито насупив брови. — Бабам про то знать не следует, а со мной ты говори начистую

— Ничего, батя, я не знаю. Честное слово!

— В Москву-то зря не будут вызывать?

— Наверно, дело важное. Там скажут.

— Может, Сталин снова вас собирает?.. В газетах пишут, что в чужих странах сызнова идет балачка про войну. Правда это?

— Да, там об этом поговаривают.

— Знать, опять уже там идет чертоскубица?

— Идет...

— Мало крови пролито?

— Выходит, так.

— Чего ж они там хотят?

— А чего хотелось Гитлеру?.. Без войны жить не могут.

Старик усмехнулся, сжал в кулаке усы.

— А кто ж там еще под Гитлера рядится?

— Есть такие...

В хату вошел Дорофей с кнутом в руке. Широкое, добродушное его лицо было озарено улыбкой.

— Дядя Сергей, — сказал он, не в силах сдержать улыбку. — Савва Нестерович послали меня узнать, когда подавать тачанку?

— Подъезжай через час. Нам лишь бы успеть к вечернему поезду.

— Поедем на разъезд или махнем на Невинку? — спросил Дорофей. — Вы мне заранее скажите.

— Махнем на Невинку, — сказал Сергей и, взглянув на Дорофея, невольно рассмеялся.

Перед тем как должна была подъехать тачанка, Сергей еще раз зашел к другу. Семен смотрел, не мигая, сухими и строгими глазами. Сергей присел на край кровати.

— Чего ты на меня так смотришь?

— Завидую.

Они молча смотрели друг на друга. Сергей улыбался, Семен был мрачен.

— Сеня, может случиться, что я не вернусь, — заговорил Сергей. — Прошу тебя, как друга, помогай Савве Остроухову. Парень он славный, но неразбитной. Немного фантазер. Ему всегда приятней мечтать, чем делать. А ты же сам понимаешь, что сейчас нельзя ни на минуту останавливаться. Пятилетний план станицы надо выполнять каждый день. Дорожите временем. Проверяйте сами себя: что сделали сегодня, что наметили на завтра. Сегодня один шаг, завтра еще два шага... Начинайте строительство. Смелее начинайте. Отберите в трех колхозах плотников, каменщиков и создайте строительную бригаду. Бригадиром можно назначить Прохора Ненашева. Я уже Савве об этом говорил... Жаль, что ты не на ногах... Ну, чего ж ты молчишь?

— Помогу. Вот только бы встать.

— А отчего такой мрачный?

— Эх, Сережа, Сережа, счастливый ты... Четыре года мы были вместе, и я всегда об этом думал. Как-то легко ты идешь по земле. Жизнь точно сама выходит тебе навстречу, и в какую бы ты сторону ни пошел — всюду гостеприимно раскрыты двери... Сколько удач у тебя было на фронте! Помнишь Кантемировку? Я ее никогда не забуду. Ты тогда так вел машину, что, казалось, гусеницы не касаются земли. Потом уже, когда мы отрезали немцам дорогу, я понял, зачем нужна была такая гонка.

— Дело, Семен, не в моем личном счастье, — сказал Сергей, припоминая эпизод боя за Кантемировку.

— Погоди, не перебивай... Ты все равно уезжаешь, и я хочу тебе все сказать... Нет, Сережа, ты все-таки счастливый — это тебе каждый скажет. Не будем касаться фронта. Тебе и здесь, дома, во всем удача. Два месяца тому назад люди думали, думали и не могли придумать, где бы им достать строительный лес, а теперь у них весь берег завален лесом... Или вот ты в Москву едешь. Разве это не счастье?

— Да, это вот счастье! — с улыбкой сказал Сергей. — С этим я согласен... Давно я мечтал побывать в Москве...

— А у меня никогда не бывает так, как у людей, — продолжал Семен. — Мы с тобой два раза горели в танке — ты оба раза выходил целенький, а меня отвозили в санбат. Ты за всю войну был три раза ранен, а я этим ранениям и счет потерял... Да что там говорить! Вот и на лесосплаве. Все целые и невредимые, а я лежу...

— Зато в одном тебе повезло, — сказал Сергей, стараясь свести весь разговор о счастье к шутке.

— А в чем же?

— А Анфиса!

— Это — да! — охотно согласился Семен и повеселел. — А все ж таки я тебе завидую. В Москве побудешь. — Семен вдруг оживился, поднялся на локте, глаза заблестели. — Сережа, а может, тебя вызывают на праздник танкистов?.. Будет парад, — мечтательно заговорил он, — Сталина увидишь... Эх, Сережа, везет же тебе в жизни...

— Вот это было бы здорово! — Сергей встал и подошел к окну.

По улице загремели колеса. К воротам подкатила тачанка, и послышался зычный голос Дорофея:

— Э! Разбесились! Чего танцуешь! Погоди, выедем за станицу — там и потанцуешь!

На тачанке сидел Савва.

— Ну, Семен, поправляйся, — сказал Сергей и, попрощавшись с другом, четким шагом вышел.

Тимофей Ильич нес чемодан и вещевой мешок. Анфиса повесила на руку шинель и тоже вышла к воротам. Сергей простился с Анфисой, с отцом и с матерью и сел на тачанку рядом с Саввой.

— А-лл-юр! — крикнул Дорофей.

Кони рванулись, тачанка закачалась на мягких рессорах и, набирая скорость, выскочила за станицу. Мимо дороги потянулось жнивье. Косовица повсюду была закончена, и степь густо рябила копнами. Дорофей то и дело покрикивал на лошадей: «Не кивай, не кивай головой! Ишь, раскивалась, как свашка... Овод жгет? А я его зараз наконечником», — и тут же слышался резкий посвист кнута. Лошади ускоряли бег, срываясь в галоп, а Дорофей, натягивая вожжи, уже ласково говорил: «А чего ж вы перепугались? Это ж я овода прихлопнул...»

— Трудно мне будет без тебя, — сказал Савва. — Начали мы широко, весь район о нас говорит, а теперь...

— Что ж — теперь? — перебил Сергей. — Теперь уже легче... Семен тебе поможет. Я с ним говорил. А ты придерживайся того плана, что мы с тобой набросали. Первым долгом постройте лесопилку. Скоро придут наряды на цемент. Немедленно посылай человека. На этих днях должны приехать специалисты для осмотра места под элек-

тростанцию. Надо их встретить, побеспокоиться о квартирах... Не забудь позаботиться, чтобы колхозы завтра же перечислили через банк остальные деньги за лес. А трудно будет — обращайся за помощью к Кондратьеву. Человек он очень внимательный... А главное — сам не зевай.

— Да я это понимаю, — сказал Савва и задумался. — А может, ты вернешься?

— Все может быть.

Дорога проходила мимо высокого берега. Внизу плавно неслась река. Тачанка мчалась так быстро, точно хотела обогнать шумный поток воды.

— Сережа, еще есть к тебе личная просьба. — Савва покраснел. — Вернее, просьба жены...

— Какая ж это просьба?

— Если вернешься, не забудь купить сосочку. — Тут Савва окончательно смутился, посмотрел на смеющееся лицо Сергея и сказал: — Ты чего смеешься? Пустяк, резинка, а нету, и взять негде... Сережа, понимаешь, я бы и не просил, но жена...

— Я понимаю, — стараясь быть серьезным, проговорил Сергей. — Но боюсь, что забуду... Такое в голове не удержится.

— Да, это верно — бабское дело, — охотно согласился Савва, мысленно ругая себя, что послушался жены и заговорил об этом с Сергеем.

ГЛАВА XXVIII

Скажите, кому из вас не доводилось ехать в Москву, ехать и степью и лесами, мимо знакомых городов с шумными вокзалами, пересекая сотни рек и речонок? И всегда от одной лишь мысли, что мы едем в Москву, каждая поездка кажется нам и новой и неизведанно радостной, точно мы еще никогда не лежали на верхней полке пассажирского вагона. Нас радует все: и свист ветра в окне, и равномерный стук колес, и волнующий голос паровоза, когда он, рассыпая по шпалам искры, несется в степь глубокой ночью... Я!! А-я-я-я! И-и-ду! — доносится в вагон. А колеса: тук-так, тук-так, тук-так, — и вы не только слышите этот однообразный говор, но и всем телом чувствуете, как прогибаются на стыках рельсы и плавно в беге раскачивается вагон... То иногда звякнут буфера, то сердито засопят тормоза, а к вам давно уже крадется сон, и

в сладкой дремоте смежаются веки... Просыпаетесь от толчка. Ночь. Поезд стоит на станции, в окно смотрит огненно-красная луна на закате; промелькнул огонек фонаря, по рельсам протянулась тень... Проходит час или два, и вы снова открываете глаза. Навстречу поезду летит теплый ветер, плывут, кружатся укрытые серым пологом ночи незнакомые поля; луны уже нет, небо почернело, и только на горизонте лежит розовая каемка.

Утром проезжаете Ростов. Вслед поезду всходит солнце — узкая тень змейкой скользит по росистой траве. Блестят лиманы, точно огромные зеркала в темнозеленых рамах камышей... «Да, хорошо едем! — думаете вы. — Вот уже осталось провести в вагоне всего две ночи, а там... И вы в десятый раз спрашиваете проводника, в котором же часу поезд прибудет в Москву. Проводник называет час и минуты, и вы уже видите Курский вокзал, широкую, но тесную площадь, видите раскрытые двери метро, похожие на леток — медоносную щель в пчелином улье в разгар большого взятка; потом перед вами встает и вся Москва такой, какой вы видели ее в последнюю поездку... И сколько тогда в голове рождается радостных воспоминаний!

У Сергея это было первое утро на пути в Москву... Устало закрывались глаза, и Сергей хотел как можно ярче представить себе облик Москвы. Он с силой напрягал воображение, и тогда вдруг куда-то исчезали и степь, и лиманы в камышах, и вагон, и полка, на которой он лежал... Солнечный день лета, Сергей идет по Москве. Белый сказочный город залит светом, и лежит он на высоком плато. Все на его улицах живет и движется, непрерывной лентой катятся автомобили, и видит Сергей, как одна машина подкатила к нему и остановилась. Из нее выходит пожилой генерал... Да ведь это же командир танковой дивизии! Сергей становится во фронт, четко отдает рапорт. Генерал улыбается и берет Сергея под руку — нет, не нужна машина! По Москве приятно пройтись пешком!.. И вот они идут по московским улицам, все прохожие смотрят на них и говорят: «Это же отец и сын — и оба Герои Советского Союза!»

На одной из площадей они остановились.

— Гвардии младший лейтенант, — сказал генерал, — ты впервые приехал в Москву. Скажи, чего ты желаешь? Каждое твое желание будет исполнено, ибо ты заслужил его перед Родиной.

— Хочу побывать на Красной площади, — сказал Сергей.

— Хорошо! Посмотри на свою Золотую Звезду, и мы очутимся на Красной площади.

Сергей взглянул на свою Золотую Звезду, и перед ними уже лежала величественная Красная площадь, вся усыпанная цветами, и кремлевская стена, увитая гирляндами, и мавзолей Ленина — в цветах, и высокие, никогда еще не виданные Сергеем здания — в цветах.

— Почему здесь столько цветов? — спросил Сергей.

— Завтра — парад, и здесь перед взором великого Сталина пройдут наши боевые машины... А посмотри, Сережа, вокруг, что ты видишь?

Сергей смотрит и не верит своим глазам. Перед ним лежит в солнечном сиянии вся страна — его Родина. Со всех краев пролегли к Москве железные дороги, и мчатся по ним сотни товарных и пассажирских поездов. Еще ярче разгорается летний день. Небо жаркое, и Сергей видит, как с разных сторон летят самолеты курсом на Москву... Куда ни посмотрит Сергей — и люди, и машины, и поезда, и самолеты устремились к этому городу на высоком плато...

— Хочу побывать в мавзолее Ленина, — сказал Сергей и взглянул на свою Золотую Звезду.

В ту же минуту перед ними открылись массивные двери; стоят, не шелохнувшись, часовые, блестят штыки; мраморные ступеньки ведут вниз; тишина и покой; неведомо откуда льется солнечный свет... Долго-долго два воина стоят с обнаженными головами у гроба человека, чье имя мы произносим нежнее, чем имя матери, чье лицо всегда перед нами, как символ великой прозорливости, мужества и благородства...

Герои вышли из мавзолея.

— Товарищ генерал, — сказал Сергей, — есть у меня еще одно желание.

— Говори, какое?

— Хочу побывать в Кремле.

Сергей посмотрел на свою Золотую Звезду, и вдруг заиграли кремлевские куранты, распахнулись Спасские ворота, и два героя стройным шагом прошли мимо часовых... Но тут кто-то из всех сил крикнул над ухом у Сергея:

— Да ты погляди! На этой же станции мы захватили эшелон немецких танков!

Проснулся Сергей с тревожно бьющимся сердцем... Было позднее утро. У окна сгрудились красноармейцы. Поезд подходил к какой-то степной станции. Сергей слез с полки. Бойцы уступили ему место у окна. Мимо полотна тянулся железный вал. Чего здесь только не было! То паровоз без колес взобрался на помятый, с черным крестом танк, то остовы сгоревших вагонов, автомашин текли нескончаемой лентой, то сгрудились, оседлав одна другую, разбитые, изувеченные немецкие пушки. В дуле зеленой мортиры Сергей заметил ловко обсаженное пухом гнездо, а на щитке — воробья. «Эх, голубчик, — подумал Сергей, — скоро весь этот лом будет погружен на платформы, и уедет твое жилье куда-нибудь на металлургический завод...»

— А порядочек!—воскликнул сидевший рядом боец.— Помню, тут было такое... — он не договорил и махнул рукой. — Много немцы оставили железа.

Поезд остановился. На том месте, где когда-то было здание станции, снова из земли вырастал, как молодой побег на месте срубленного дерева, высокий каменный фундамент, и к нему уже были подвезены кирпич, песок, цемент и штабеля леса.

— Гвардии младший лейтенант, — обратился к Сергею сержант. — Случаем, не знакома вам эта станция?

— Нет, мы проходили под Харьковом.

— А мы как раз тут... Дело было весной, снег уже растаял. Понимаете, с этой станции немецкий эшелон пробивался на Барвенково. А мы уже ходили по тылам. Весь состав был загружен танками — направлялись они под Ростов, да не успели. Ну, мы и обрезали пути — ни взад, ни вперед. Завязалась жаркая стычка... Видите этот сарайчик? Нет, не тот, что под черепицей, а вот маленький, под соломенной крышей. Как раз против него стоял паровоз, а я с ручным пулеметом и с гранатами в том сарайчике... Дело кончили быстро. — Сержант потрогал пальцами медаль «За отвагу», висевшую у него на груди рядом с другими медалями и двумя орденами Славы. — Вот память...

Поезд тронулся. Сержант смотрел в окно.

— Да, — задумчиво проговорил он, — как же все-таки приятно проезжать по знакомым местам.

Слова были сказаны так откровенно радостно, как только может сказать человек, у которого при виде простого сарайчика под соломенной крышей вдруг заблестят гла-

за и взволнованно забьется сердце, а в памяти встанет в мельчайших деталях картина короткого, но жаркого боя с врагом. Сергей даже позавидовал сержанту. Ему тоже захотелось увидеть подступы к Харькову, лесок недалеко от железной дороги, деревушку в низине... Да, пройдут десятки лет, а из памяти никогда не изгладятся дороги войны и никогда не забудутся ни холмики, ни бугорки, скрывавшие нас от вражеского глаза, ни лески, ни кустарники, некогда служившие нам исходным рубежом для атаки... И хорошо, если поезд будет подходить к Харькову днем. А если ночью?.. Сергей разыскал проводника и спросил, в котором часу поезд прибудет в Харьков.

— Рано беспокоитесь, — сказал проводник.—Еще сутки езды.

И наступило утро... Сергей давно сидел у окна. Холмистая степь казалась ему знакомой. Да вот же, вот же они стоят, те самые густые вербы! В них когда-то укрывалась танковая рота, ожидая приказа. Сергей даже приподнялся и высунулся из окна... Да, именно здесь и были спрятаны танки — искусная была засада! А вот и деревушка у взгорья. За два дня непрерывного наблюдения она была так изучена, что танкистам казалось, будто они жили здесь много лет. Дома тогда были пустые, на улицах — ни души. Деревушка стояла на пути к Харькову, и танки, выскочив из засады, пронеслись по ней, как вихрь...

Утром поезд подходил к Москве.

От Серпухова в вагоне уже царило знакомое беспокойство, предвещавшее близость столицы; в проходах стало тесно, никто не лежал на койках — одни умывались или укладывали чемоданы, другие толпились у окон. Мимо проплывали заводские корпуса, поселки, укрытые деревьями, линия высокого напряжения с белыми изоляторами, похожими на серьги. Навстречу со свистом неслись электропоезда — длинная зеленая лента пролетала мимо окна и исчезала. Невдалеке из синего марева подымались многоэтажные корпуса, точно отлитые из стали, блестели на солнце окна, крыши... «Москва! Так вот ты какая!» — думал Сергей. Вскоре мимо окон побежали строения, товарные станции, заставленные составами, тоннели, и Сергей увидел улицы, уходящие под мост, по которому проносился поезд, вереницу трамвайных вагонов на повороте, авто-

машины, спешащих людей... Паровоз, сбавляя ход, громким гудком приветствовал город и уже подходил к вокзалу.

Сергей вышел на привокзальную площадь. Люди толпами растекались во все стороны, — их увозили троллейбусы, метро, трамваи. Другие с такой же поспешностью устремлялись к вокзалу... Через некоторое время метро приняло нашего героя в свое сказочное подземелье. Шагнув на бегущие ступеньки эскалатора и видя блеск мрамора, огни, плывущие навстречу, слыша глухой, идущий из земли стук колес, Сергей не мог скрыть волнения... «Так вот ты какая, Москва!»

...Не было и десяти часов, когда Сергей подошел к высокому зданию. В вестибюле его встретил капитан с красной повязкой на рукаве, стройный, гладко выбритый, с приятным улыбающимся лицом.

— Ну, вот и хорошо, что вы прибыли во-время, — сказал он, рассматривая документы. — Номер в гостинице вам заказан. Мы сейчас поедем.

Они заехали на вокзал за багажом, затем повернули к гостинице «Москва». Поднялись на четвертый этаж. Капитан был разговорчив, расспрашивал о Кубани, об урожае. Рассказал, что ему в эту войну пришлось исходить пешком кубанские равнины. Прощаясь, капитан сказал:

— Значит, в двадцать два часа мы вас ждем. Пропуск будет заказан. А покамест располагайтесь, как вам будет удобней, и отдыхайте.

Сергею Тутаринову советуют отдыхать! И где? в Москве! Это похоже на шутку. Кто же того не знает, что человеку, впервые приехавшему в Москву, не лежится даже на самой мягкой кровати, а из номера пусть самой лучшей гостиницы его так и тянет на улицу, в поток людей... Сергей в этот день не только забыл об отдыхе, но и о еде. На ходу, кое-как закусив в буфете, он до позднего вечера, не помня усталости, гулял по Москве. Красную площадь он прошел дважды и оба раза подолгу простаивал возле мавзолея. Побывал в Третьяковской галлерее, гулял по набережной, ездил в парк имени Горького, а Москва все раздвигалась и раздвигалась перед ним, одна улица казалась шумней другой, одна площадь величественней другой. Все, что он видел, и радовало, и удивляло его, и вызывало такое ощущение, точно кто-то невидимо ходил рядом с ним и всякий раз спрашивал: «Ну, как? Хороша Москва? Но

это же обычный день! А ты бы посмотрел Москву праздничную!..»

Сергею суждено было увидеть Москву и праздничную... В двадцать два часа он прибыл в Управление. Там он узнал, что в числе многих других Героев Советского Союза его вызвали на праздник Дня танкиста.

В тот вечер Сергей возвращался в гостиницу в приподнятом настроении. Ему казалось, что после столь приятного известия не было на земле человека счастливей, чем он. Даже улица, как бы поняв состояние его души, вдруг озарилась огнями необыкновенной силы — никогда на улице еще не было столько огней! Лучи автомобильных фар так и летели от одной площади к другой; широкие окна магазинов приветствовали Сергея необычайно ярким светом; люди, встречаясь с ним и опережая его, приветливо улыбались, и все казались ласковыми, добрыми...

В номере Сергею не сиделось, — он вышел на балкон. Перед его восторженным взглядом лежал Охотный ряд. Как же он был красив ночью, этот уголок столицы! Смотришь на него сверху, и кажется тебе, будто там, внизу, между высокими домами катится живая река. По ее руслу блестит и вздрагивает медная паутина, качаются белые ленты фонарей, точно бакены на быстрой воде; под бакенами проходит тысячная толпа — люди, как бы по уговору, все разом вышли из домов, и широкие тротуары стали узкими... Мимо в шесть рядов несутся автомобили, и нет им конца! Улица наполнена разноголосым говором машин. Так же, как часто возникают и пропадают автомобильные сигналы, так непрерывно то здесь, то там блестит никель, одна машина упирается носом в другую, пищат и плачут тормозы. Посмотришь навстречу этому блестящему потоку машин — слепят глаза лучи сотен фар, посмотришь вслед — мигают, отражаясь в асфальте, стоп-сигналы, точно яркие звезды, катятся по земле... Да и что тут говорить! И без слов видно, как красив и величествен город в ночное время...

Утром кто-то настойчиво барабанил в дверь. Сергей проснулся, не понимая, кто бы мог притти к нему так рано. Соскочив с кровати, он наскоро оделся и вышел в коридор. Перед ним стоял старшина — шофер генерала.

— Ты ли, Гриша?

— Так точно! — улыбаясь, громко сказал старшина.

— Ну, заходи, дружище! Ты какими судьбами в Москве?

— А такими судьбами, что мы теперь все здесь.

— То-есть — как все? Всей дивизией? В Москве? Да где же вы? Садись, рассказывай.

— Сидеть некогда, — сказал старшина. — Генерал сказал, чтобы я. вас побыстрее привез... Машина внизу, так что давайте собираться.

— Генерал? — удивился Сергей. — Поехали. Я готов!

Долго ехали по улицам Москвы, подстроившись в автомобильную очередь. Гриша вел машину молча, даже ни разу не взглянув на сидевшего рядом с ним Сергея. Только однажды, торопливо схватившись за ручной тормоз, он сердито сказал:

— Трудно ездить... Привык к фронтовым дорогам, а тут красные огни так и маячат перед глазами... Тормозы горят!

Выехали за город, и Гриша повеселел. Широкая, залитая солнцем трасса радовала взор. Машина набирала скорость — бежали навстречу сосновые лески, дачные домики, и вскоре шоссе вонзилось, как копье, в оранжево-зеленую толщу леса... Гриша свернул на лесную дорогу с еще свежими следами гусениц танков и поехал мимо узенькой речонки с темноголубой стоячей водой; красными пятнами по ней плавали листья... Издали, из глубины леса, плыл протяжный гул моторов.

— Слышите знакомую песню? — спросил Гриша. — Это наши механики-водители готовятся к празднику...

В лесу чувствовалось раннее дыхание осени. Веяло пряным запахом зрелых, припавших к земле трав, опавших листьев. Деревья неохотно снимали свои зеленые наряды, заменяя их піднично-серыми, с нежной оранжевой окраской... Неожиданно на поляне Сергей увидел палатки, окруженные зеленью, они были необыкновенно белые, точно свежие сугробы завалили лес. При виде этого знакомого походного жилья у Сергея забилось сердце так радостно, точно он подъезжал к родному дому.

ГЛАВА XXIX

Машина пронеслась мимо часового, стоявшего под парусиновым грибком, и остановилась возле высокой квадратной палатки. Сергей подбежал к раскрытым дверям и

увидел генерала — знакомое лицо, добрую улыбку и веселые серые глаза. Ему казалось, что это было продолжение светлого сна, виденного им в вагоне, и он разволновался еще сильнее, приложил дрожащую руку к козырьку, нечаянно сдвинул фуражку и, стараясь казаться спокойным, ловко щелкнул каблуками.

— Разрешите, товарищ генерал!

— А! Тутаринов! Заходи, заходи!

Генерал обнял Сергея, положил руку на его плечо и смотрел на смуглое, до черноты загорелое лицо офицера с такой радостной улыбкой, с какой может смотреть только отец на сына, встретив его после долгой разлуки. За четыре года войны многие молодые офицеры так же, как и Тутаринов, выросли на его глазах, не один из них так же, как и Тутаринов, отличился в боях и прошел тяжелую дорогу от Сталинграда до Берлина. Опытный боевой генерал, прошедший путь от рядового бойца до командира гвардейской дивизии, умел со всеми подчиненными быть одинаково требовательным, строгим, одинаково ласковым и внимательным, и никто в дивизии не мог даже и подумать, что этот чернолицый юноша из горной казачьей станицы был у него на особом счету и что к нему генерал питал по-настоящему отцовскую любовь. Еще под Сталинградом, после многодневных и кровопролитных боев, генерал высоко оценил умение, находчивость и храбрость никому еще неизвестного в дивизии старшего сержанта Тутаринова. Тогда же он представил Сергея к званию Героя Советского Союза и подписал приказ о производстве в офицеры. Прославленный механик-водитель был вызван в штаб. Генерал беседовал с ним долго и запросто, сидя в землянке. Ему понравились смелые суждения Сергея о войне, о танковой атаке, о внезапности ночного налета. Вернулся Сергей в свой батальон командиром танка. И хотя после этого памятного разговора их отношения и не вышли за рамки обычной армейской субординации, однако с тех пор между ними протянулась невидимая, но крепко связавшая их нить сердечной дружбы и взаимного уважения. Генерал постоянно интересовался жизнью и боевыми делами своего молодого офицера, а Сергей, где бы ни находился, в каком бы жарком сражении ни участвовал, всегда думал о генерале, и одно желание наполняло его сердце — делать все так, чтобы командир дивизии был доволен. Давая согласие на увольнение Сергея из армии, ге-

нерал думал о том, что такой офицер, как Тутаринов, там, в кубанской станице, теперь, пожалуй, нужнее, нежели в дивизии. Перед отъездом Сергея генерал вызвал его к себе, и они, вспоминая прошедшее и разговаривая о будущем, просидели весь вечер. Генерал говорил о пятилетнем плане страны, о том, чем заняться Сергею дома... Многое, конечно, из того, за что так горячо брался Сергей, в частности составление пятилетнего плана станицы, делалось им по совету генерала.

— А, вот ты теперь каков! — сказал генерал. — Совсем почернел под кубанским солнцем... Ну, как твои дела? Как поживают отец и мать? А мне ночью из Управления позвонили о тебе. Да ты чего же стоишь? Садись, теперь ты у меня гость! Признаться, Тутаринов, я жалел, что дал согласие на твое увольнение из армии. Да ты садись.

Сергей присел на край стула.

— А я вот увидел следы гусениц, — заговорил Сергей, — услышал гул моторов, увидел палатки, вас... и хочется мне попроситься снова к вам...

— Зачем же проситься? — Генерал сел рядом. — Проситься не надо. Когда будет нужно, я и сам тебя позову. Вот как сейчас.

— Разве это вы меня вызвали?

— Не я, но по моей просьбе, — с улыбкой ответил генерал.

Сергей хотел что-то сказать и по привычке снова встал.

— Сиди, сиди, чего ты вскакиваешь! Ну, расскажи, как ты там дома постоял за честь нашей гвардии? Чем занимался? — Генерал опять положил руку на его плечо. — Не женился?

— Не успел.

— Жаль! Ну, ничего, это еще успеешь. А как жизнь в станице? Что там делают демобилизованные?

Он расспрашивал с таким искренним участием, что Сергей вдруг увидел рядом с собой не только своего любимого генерала с такой же Золотой Звездой на груди, как и у него, но и самого близкого человека, и то различие в воинском звании, о котором Сергей никогда не забывал, теперь куда-то исчезло. Сергей рассказывал все подробно, как обычно рассказывают задушевному другу: и о пятилетнем плане Усть-Невинской, и о поездке в Пятигорск и в Ставрополь, и о Семене Гончаренко, и о том, как сплав-

ляли лес, и о разговоре с Бойченко. Не умолчал также и о предложении, которое сделал ему Бойченко.

— Предложение, на мой взгляд, очень лестное, — сказал генерал. — И что же ты ответил? Дал согласие?

— Нет. Я сказал, что подумаю.—Сергей посмотрел на генерала. — Вы меня знаете, может быть, даже лучше, чем мой отец... Посоветуйте, как мне быть? Соглашаться?

Генерал задумался, достал коробку папирос, угостил Сергея и закурил сам. Некоторое время они сидели молча.

— Район большой?

— Не очень. На Кубани такой район считается средним. Две МТС, три совхоза.

— Направление хозяйства?

— Хлеб и животноводство. Развиты также огородничество и садоводство. Особенно в предгорной части района.

— Право, не знаю, что тебе и посоветовать, — сказал генерал и внимательно посмотрел Сергею в глаза. — А как ты сам на это смотришь?

— Вам скажу правду... Вначале, когда приехал в станицу, мне хотелось только помочь местным работникам. Помните, вы тоже об этом мне говорили. И я помогал, как мог. Теперь же мне кажется, что одной помощи мало, и у меня есть желание попробовать свои силы на большем, но боязно... А что если не справлюсь? Вот чего я боюсь. Помогать и одновременно оставаться временным гостем — одно дело, а стать хозяином района — совсем другое... И вот я не знаю, как мне быть. Хотел бы услышать, что вы скажете...

— В этом деле, как ты знаешь, я советчик плохой, — сказал генерал. — Как я понимаю, быть председателем райисполкома куда труднее, нежели, скажем, вести в бой танк. Должность эта и почетная и ответственная. Если приравнять ее к воинским званиям, то ты должен занять генеральский пост. Да, генеральский! А это ко многому обязывает. — Генерал встал, подошел к дверям, заслонив своей коренастой фигурой весь просвет, отчего в палатке стало темнее. — Да, трудно сказать что-либо определенное. — Он снова сел рядом с Сергеем. — Знаешь что, Сережа, без моего совета и наставления домой ты не уедешь. Давай покамест отложим этот разговор. Посоветуемся с начальником политотдела, он сам в прошлом председатель облисполкома и в этих делах хорошо разбирается... Тогда и решим. Теперь же поговорим о другом. Скоро наш

праздник. Партия и правительство высоко оценили заслуги нашей дивизии перед Родиной. Нам предоставлена великая честь—пройти в этот день боевым маршем по Красной площади... Ты у нас нынче почетный гость, и я хотел бы знать, где ты пожелаешь быть в этот торжественный час — на гостевых трибунах или с нами на марше?

— С вами, — не задумываясь, сказал Сергей и встал.

— Я так и думал... Тогда готовься, поведешь машину.

«Готовься, поведешь машину...» Кажется, эти слова были сказаны просто и с дружеским участием, но для Сергея они прозвучали, как приказ, и он уже не мог сидеть. Быстро оправив гимнастерку под ремнем, он выпрямился и стоял перед генералом по всем правилам устава — так, как не один раз приходилось ему стоять во время войны.

— Есть — готовить машину! — громко сказал он. — Разрешите итти?

— Погоди, — проговорил генерал. — После марша поедем со мной на дачу. А теперь иди и передай мое приказание командиру батальона. Они стоят тут рядом.

В свой батальон Сергей пришел в середине дня. В лесу было душно. На поляне двумя рядами стояли палатки, между ними темнели расчищенные в траве дорожки. В сторонке, под широким покровом веток, выстроились поротно танки... Они были укрыты чехлами, нагретый на солнце брезент плотно облегал броню, ствол пушки и опускался до земли. Батальон обедал, в лагере было шумно, гремели котелки, алюминиевая посуда. Сергей направился в офицерскую столовую, белевшую столиками в зелени деревьев. Незаметно подошел к крайнему столику и, улыбаясь, стал во фронт перед старшим лейтенантом Кравцовым—командиром своей роты... Что тут потом было! Кравцов вскочил, опрокинул стул, подбежал к Сергею, и два друга обнялись. Со всех сторон понеслись веселые голоса:

— Сережа! Здорово!

— Тутаринов явился!

— Откуда?

— Тащи его к столу!

— Сережа, какими ветрами?

Многие офицеры перестали есть и обступили нежданного гостя. Пожимали ему руку, каждый приглашал к своему столу, попросив официантку, чтобы та захватила лишнюю кружку пива. Сергей только радостно улыбался и не знал, кому же отдать предпочтение, с кем сесть обедать, —

все, кто его звал к себе, были его старые друзья, и с каждым из них Сергею хотелось посидеть за столом.

— А мы сядем все вместе! — сказал Кравцов. — Сдвинуть столы!

Вокруг столов уселась шумная компания молодых людей. Полилось в стаканы пиво, только что вынутое из ледника. Говорили все разом, и Сергей, глядя на знакомые лица, не поспевал отвечать на вопросы. Ему было весело, но не верилось, что он снова в кругу своих фронтовых друзей. Молоденькая официантка, недавно поступившая на работу в столовую, обслуживая столы, то и дело посматривала на Сергея, не понимая, кто этот чернолицый офицер и почему ему оказана такая радушная встреча.

— Кто это к нам приехал? — шепотом спросила она у повара, принимая вторые блюда.

— Да Сережка Тутаринов. Наш Герой!

После обеда Сергей и Кравцов прошли по лагерю. Сергей рассказал о беседе с генералом, о том, что ему приказано готовить машину к боевому маршу.

— Я рад за тебя, Сережа! — сказал Кравцов. — Это будет исторический марш, а как мы к нему готовимся, если бы ты знал!.. Командиру батальона ты представился? Комбат у нас новый. Майор. А Гребенников уже в Академии... Пойдем к майору, пусть он на тебя посмотрит.

— Ну, как мой танк? — по дороге в штаб спросил Сергей.

— В порядке, — с улыбкой ответил Кравцов. — Экипаж на нем весь новый. Молодежь, недавние курсанты.

Возвращаясь от комбата, они направились к танкам. Свою машину Сергей узнал издали по каким-то одному ему известным приметам. Танк был раскрыт, сложенный брезент белел под деревом. У лобовой брони, завидев старшего лейтенанта, выстроился экипаж — молодые, незнакомые Сергею парни в замасленных комбинезонах. Подавая команду «смирно», коренастый, с круглым лицом, сержант выскочил вперед и сбивчиво, еще неокрепшим голосом отрапортовал подходившим офицерам.

— Вольно! — Сказал Кравцов и обратился к сержанту: — Командиром вашего танка временно назначен гвардии младший лейтенант Тутаринов... Для сведения экипажа: Герой Советского Союза, Тутаринов... совсем еще недавно был командиром этого же танка. Кравцов обратился

к Сергею: — Ну, знакомься с экипажем, а я займусь своими делами. — И ушел.

Знакомство продолжалось недолго. Сергей узнал фамилии и имена всех членов экипажа и спросил:

— Кубанцы среди вас есть?

— Есть один! — крикнул белобрысый паренек. — Младший сержант Чикильдин.

— Из какой станицы?

— Беломечетинской!

— Значит, мой сосед.

Сергей не спеша обошел вокруг танка, похлопал ладонью теплую, досуха вытертую броню, посмотрел на знакомую, уже застаревшую царапину на башне — узкий осколочный след на металле почернел и был похож на восклицательный знак. Внимательно осмотрел гусеницы, тоже чистые, протертые тряпкой, опорные катки, поцарапал ногтем резиновые бандажи. За ним молча шли танкисты.

— Ну, как, ребята, надежный у вас дом? — спросил Сергей.

— Домишко ничего, подходящий, — за всех ответил Бурцев.

— Снаружи он у вас чистенький, а посмотрим, как он выглядит внутри.

Сергей поставил ногу на лобовую броню танка и проворно спустился в передний люк... Ему показалось, что он еще никогда с такой легкостью не влезал в это узкое окно. Внутри танка пахло знакомой, но давно уже остывшей пороховой гарью. Усевшись в кресло водителя, Сергей сразу ощутил приятный покой во всем теле. Все, к чему он прикасался, на что смотрел, было так знакомо и привычно, как только бывают знакомы и привычны вещи в хорошо обжитой комнате. Руки сами потянулись к рычагам управления, а левая нога уже давно стояла на педали. Сергей улыбнулся... Сколько же не часов, а суток провел он, когда был водителем, вот так, не снимая коченеющих рук с рычагов и не отрывая ног от педалей!.. «А ну, отвечай, — негромко заговорил он, обращаясь к танку. — Как ты тут поживаешь без меня? Здоров ли ты? Все ли у тебя в порядке?» — и левая рука потянулась к стартеру. Танк, точно и в самом деле услышал знакомый голос своего старого хозяина, встрепенулся, ответил мгновенно — и таким оглушительным рокотом, что задрожала земля и с ближнего дерева упали оранжево-желтые листья. Сергей

прогревал мотор и внимательно вслушивался в ровное, учащенное биение огромного сердца машины... Когда мотор умолк и наступила тишина, а в ушах еще звенело, Сергей обернулся и только сейчас заметил, что все члены экипажа сидели на своих местах.

— Ну, как? — с гордой улыбкой на широком лице спросил Бурцев.

— Ничего, — сдержанно ответил Сергей. — Узнал по голосу.

— Гвардии младший лейтенант, — обратился к Сергею Чикильдин, сидевший на месте радиста-пулеметчика. — Разрешите спросить. На этом танке вы получили Героя?

— Нет, не на этом, — ответил Сергей и задумался. — Та машина сгорела под Сталинградом. Экипаж уцелел, а танк погиб... Да, это был выдающийся танк. За свой короткий век он много горя наделал немцам. А за время войны мне пришлось сменить не одного стального коня... Но, я понимаю, вас интересует именно этот танк. Его я получил уже в Польше, новенький, только что прибывший с Урала. На нем побывал и в Германии, на нем проезжал по улицам столицы Чехословакии... Так что и эта машина тоже бывалая. — Сергей посмотрел на строгие лица танкистов. — Подсаживайтесь поближе, я расскажу вам, по каким военным дорогам прошел уже ваш танк...

Незаметно пролетело время в лесном лагере, и наступило утро восьмого сентября... В жарком пламени вставало солнце над далекими корпусами. Сергей вел свой танк в головной походной заставе. В узкой щели перископа темнела гладь шоссе, мелькали и блестели зубчатые пояса гусениц передних танков, кружился сизый дымок у выхлопных труб, легко и, казалось, бесшумно катились по асфальту мотоциклы, а на их седлах — чуть согнутые фигуры водителей. Вся дивизия, как гибкий, воедино собранный организм, гремящим потоком устремилась к столице, запрудила людную, залитую солнцем и по-праздничному убранную улицу Горького и замерла у преддверий Красной площади... Сергей вылез из танка. Улица напоминала конвейер гигантского завода, и во всю длину ее, сколько видел глаз, в три ряда стояли стволом к стволу и средние и мощные танки, и быстроходные транспортеры с пулеметчиками, и самоходные зенитные установки, и тяжелая самоходная артиллерия с толстыми хоботами, и автомашины с мотопехотой, и мотоциклы, и «катюши» под зеленым брезентом...

А сколько здесь собралось гостей! Повсюду мелькали пестрые цвета праздничной одежды. Там пожилой мужчина о чем-то разговаривал с офицером, там толпа окружила артиллеристов, там девушки с веселыми, смеющимися лицами дарили танкистам цветы и ласковые улыбки, и в глазах всех людей Сергей видел и радость и удивление... «Так вот чем мы богаты и всесильны», — точно говорили их восторженные взгляды. «Нет, нет, — думал Сергей, — это не гости явились к нам, а хозяева всего, что я вижу на обширной московской улице, и пришли они сюда, чтобы еще раз посмотреть на сделанное их же руками оружие и чтобы взглянуть в лица тем, кто прошел с этим оружием такой беспримерный путь...» Он задумался и не заметил, как к нему подошли девушки. Одна из них, самая бойкая, с цветами в руках, легко взобралась на лобовую броню танка и обняла Сергея. Она была так похожа на кубанскую возницу Ирину, что Сергей невольно удержал ее руку и уже хотел было крикнуть: «Иринушка, и ты здесь!» А девушка, смущенная и тем пристальным взглядом танкиста-героя, которым он посмотрел на нее, и еще более тем, что он задержал ее мягкую маленькую руку в своей крепкой, твердой ладони, покраснела и, не зная, что ей делать, спрыгнула на землю и уже боялась взглянуть на Сергея.

— Милые девушки... — сказал Сергей и не успел закончить...

Где-то в головной части колонны раздалась команда: «По местам!» — и покатилось вдоль улицы на разных голосах многократное, как эхо в ущелье, протяжное, слитое в одно слово — «По-о-ме-ста-а-а-м!». Инстинктивно Сергей посмотрел на часы. Было без десяти пять. Не раздумывая, точно желая показать безупречность тренировки, он одним прыжком очутился в танке, коротким, но строгим взглядом посмотрел на членов экипажа, бросил Бурцеву цветы, захлопнул люк и в ту же минуту забыл и о девушках, и о цветах. Он нажал кнопку стартера, мотор сердито взвыл, но вскоре успокоился. Припадая к перископу, Сергей видел, как заблестели гусеницы передних танков. Отпустил педаль, и танк плавно покатился по мягкому, нагретому асфальту... Весь конвейер вздрогнул и загремел, и навстречу Красной площади понеслась мощная музыка моторов, ритмичный лязг и грохот железа, — до боли в сердце радостные звуки знакомой поступи машин!.. Впереди мча-

лась командирская машина. По обе ее стороны, как катеры вокруг линкора, катились мотоциклы, бронетранспортеры. Генерал стоял в открытом люке. У него в руках — гвардейское знамя, ветер раскинул алый шелк, и портрет Ленина поднялся над головой генерала... Сергей пригнулся к рычагам, уперся лбом в броню и, припав к перископу, не выпускал из виду пламеневшее гвардейское знамя, силуэт Ленина на шелку. Когда подумал, что пройдет еще одна минута и он увидит Сталина, — тело его точно слилось с машиной, сердце забилось учащенно, а в ушах с необыкновенной силой загремела стоголосая музыка моторов. А в перископе уже лежала вся Красная площадь, необычайно торжественная и строгая в своем праздничном убранстве. Мимо мавзолея проносились танки, трепетало на ветру, как пламя, гвардейское знамя, и Сергей увидел на мраморной трибуне товарища Сталина с поднятой рукой. В этот миг ему хотелось остановить танк, открыть люк, но колонна машин с лязгом и рокотом неудержимо катилась вперед. Его танк шел с замедленной скоростью, а ему казалось, что он летел с невероятной быстротой, и, чем ближе он подходил, тем настойчивее вправо отходил мавзолей, а площадь суживалась и становилась короче. Теперь уже Сергей видел только Спасскую башню, но сознание само говорило ему, что в эту минуту он проезжает мимо мавзолея, и он всем телом, сквозь броню, чувствовал на себе взгляд Сталина, и перед его глазами стоял живой и любимый образ вождя. А в перископе вправо уходила Спасская башня, впереди лежало Лобное место в алых стягах, и вдали белой террасой выступала набережная... Минута счастья! Как же ты радостна и коротка!

На второй день вечером Сергей гостил у генерала.

— Ну, кубанец, — с улыбкой спросил генерал, — видел товарища Сталина?

— Видел, но мы слишком быстро ехали, — ответил Сергей. — Мне казалось, что мы неслись на полных скоростях, так, как, помните, прорывались к Праге.

— А мне казалось, — продолжая улыбаться, сказал генерал, — что мы ехали в самый раз.

Они сидели на веранде, обращенной к лесу. Тишина царила вокруг. За оранжево-зелеными верхушками деревьев догорал закат.

— Ну, Сережа, я разговаривал с начальником политотдела... Благословляю тебя на пост председателя райис-

полкома. Только вот что я тебе скажу на прощанье. Ты вступаешь в новую и нелегкую жизнь, и тут одной старой славой не проживешь — об этом никогда не надо забывать. Теперь тебе надлежит свою военную славу ежедневно обновлять в труде, чтобы она у тебя не потускнела и чтобы не появилась на ней ржавчина, а проще сказать — зазнайство. Бойся этого, как огня. Обычно говорят, что правительственные награды, украшающие грудь воина, есть зеркало его души. Это, пожалуй, верно. Но в этом душевном зеркале люди видят только наше прошлое и настоящее, а будущее еще должно отразиться в наших делах, — независимо от того, где и чем мы будем заниматься, будем ли мы воевать или строить!.. И вот, Сережа, от всей души желаю тебе, как сыну родному, чтобы через год или два на твоей груди рядом с наградами за военные подвиги появился бы орден за подвиги трудовые... Ну, мы еще об этом поговорим. Будешь покидать Москву, заезжай ко мне проститься, и тогда я подробно скажу, что я думаю о твоей будущей работе на посту председателя райисполкома. А сейчас пойдем к гостям. Нас ждут.

Утром Сергей послал депутату Бойченко в Ставрополь телеграмму: «Согласен дома буду двадцатого Тутаринов».

ГЛАВА XXX

В Москве Сергей задержался и в Усть-Невинскую приехал только 26 сентября. Сошел с поезда на том же полустанке, на котором он когда-то стоял с Семеном. Не успел Сергей оглянуться, как к нему подкатила тачанка и Дорофей, стоя на козлах, крикнул:

— Дядя Сергей, а я не опоздал!

Они ехали степью. Обычно в конце сентября на Кубани устанавливается хорошая погода, наступает период безвременья, когда и лето еще не ушло, и осень не вступила в свои права. Дни стоят тихие и жаркие, а ночи прохладные и росистые, — сорвешь на заре арбуз, а он мокрый и такой холодный, точно вынут из погреба. В такую пору неповторимо красива бывает степь, — нет, не пестротой красок и не осенними нарядами, а своим богатством. Только в эти дни и можно по-настоящему узнать, что такое урожай! Даже Сергей, выросший на этой земле и не раз видавший наступление осени, и то был несказанно обрадован.

Сергею не терпелось узнать, что же было сделано без него в станице, как выполняется пятилетний план, и он обратился к кучеру с расспросами.

— Дорофей, расскажи, что нового в станице?

— А я и не знаю, какие у нас есть новости, — не поворачиваясь, чистосердечно признался Дорофей. — Мое дело людей привозить и отвозить, а про все прочее я не знаю. — Он помолчал, как бы соображая, что бы ему все же ответить Сергею. — Семен, что у ваших живет, уже ходит, только еще при палочке... И еще—скоро у ваших будет свадьба. — Дорофей посмотрел на Сергея и счастливо улыбнулся. — На той неделе я возил в район Анфису и Семена. В загс ездили, а свадьба, говорят, будет, когда на степи подуправимся.

— Ну, вот видишь, какие хорошие новости!

— Разве это новости... Вот вы в Москве были... Расскажите, как там, а?

— Расскажу, как-нибудь соберемся в стансовете. Послушать будет чего... А ты не знаешь, лесопильню построили?

— Не видал... А те люди, что промеряют землю, уже уехали. Побыли с неделю, обмерили весь берег. Я их отвозил на станцию. Все о вас расспрашивали. «Где ж, говорят, ваш Герой?» А я говорю: «В Москве... Где ж еще!»

Далеко на дороге Сергей заметил бычью упряжку. На грядке брички, в которой двумя рядами белели молочные бидоны, сидела возница, закутанная по-зимнему теплой шалью. «Ирина», — подумал Сергей, и на сердце сделалось тепло и радостно. Когда тачанка нагнала бричку, Сергей схватил Дорофея за плечо:

— Останови!

Сергей на ходу соскочил и побежал к бричке. Да, это были те же огненно-красные быки с красивыми лысинами на весь лоб, а на бричке сидела Ирина, и лицо ее, обрамленное серой шалью, было не таким смуглым, как раньше. Ирина смотрела на Сергея так спокойно, точно ей было совершенно безразлично, подбежит он к ней или проедет мимо, и только губы ее, не в силе скрыть и радость, и волнение, чуть-чуть улыбались.

— Здравствуй, Иринушка! — весело сказал Сергей. — А я тебя и в Москве видел.

— Здравствуй! Садись, подвезу!

— Дорофей! — позвал Сергей. — Принеси мои вещи и можешь ехать.

Дорофей принес чемодан, строго посмотрел на Ирину, потом перевел взгляд на быков.

— И охота вам ехать на этих чертях рогатых?

Не дожидаясь ответа, Дорофей взобрался на тачанку и погнал лошадей. А Сергей сел рядом с Ириной, ласково посмотрел ей в глаза.

— Ждала?

— Ох, Сережа, как же ты долго ездил... Если б ты только знал...

— Я знаю, что скучала и ждала. Но теперь я уже рядом с тобой, а глаза у тебя грустные. Отчего, Иринушка?

— А я и не грустна.

— Неправда... Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, а только посмотрю я на тебя, и мне делается грустно.

— Почему?

— Какой-то ты неуловимый. — Она взмахнула на быков кнутом.—Все ездишь, все бегаешь, а у меня только душа болит, думаючи о тебе... Пока ты со мной, мне радостно, да только эта радость такая всегда короткая.

— Милая моя Смуглянка, — сказал Сергей, — я и сам знаю, что люблю тебя как-то на бегу, урывками... Но что поделаешь, все дела отрывают... А теперь я уже никуда не уеду. Хочешь, я скажу тебе, где я буду работать? Только это еще секрет.

— А ты скажи. Я секрет не выдам.

— Председателем нашего райисполкома.

— Ты!? — удивилась Ирина.

— Я. А что?

— Значит, опять я тебя не буду видеть?

— Отчего же не будешь? Я возьму тебя с собой... Поедешь?

Быки свернули с дороги в кукурузу. Ирина приподнялась и замахала на них кнутом. Когда бричка снова со скрипом катилась по дороге, Ирина села на свое место, посмотрела на Сергея и сказала:

— Нет, не поеду...

— А я силой тебя увезу, — засмеялся Сергей. — Иринушка! А я тебе подарки привез. Вот, посмотри.

Сергей потянулся к чемодану, но Ирина удержала его руку.

— Ничего мне не надо, — сказала она. — Был бы ты со мной... Что я там буду делать в районе? Ты на такой должности, а я?..

— И ты без дела сидеть не будешь. — Сергей прижал ее к себе. — Гордая, а я как раз такую тебя и люблю... А подарки я все же покажу. Ну, если не понравятся, тогда другое дело... — Он открыл чемодан. — Вот смотри!

Ирина склонила голову на колени и закрыла лицо руками.

...Дома был один Семен. Он еще хромал, и его оставляли одного на хозяйстве. Чтобы не скучать без дела, Семен подрядился плести для полеводческой бригады корзины, в которых переносят кочаны кукурузы. Когда Сергей вошел во двор, Семен сидел под деревом и очищал лозу, подготовляя ее для новой корзины. Сергей помог другу подняться, и они горячо обнялись.

— В газетах читал и снова завидовал, — сказал Семен, радостно глядя на Сергея. — Ну, рассказывай, как там поживает наша гвардия?

— Живут хорошо, — сказал Сергей.—Эх, Семен, если б ты знал, сколько я привез тебе поклонов!.. Расскажу все по порядку, но прежде хочу тебя послушать. Что у нас нового?

Семен сел на вязанку хвороста и поведал другу обо всем — и о том, что Анфиса уже стала его женой — дело теперь за свадьбой, и что его приняли в члены колхоза, и что позавчера вся станица выполнила план по государственным поставкам хлеба — по этому случаю на площади был митинг, и Кондратьев вручал Савве переходящее Красное знамя...

— А как с лесопилкой? — перебил Сергей. — Начали строить?

— Пока ничего не сделано, — уклончиво ответил Семен. — Савва тебе все подробно расскажет, но я тоже слышал, будто в районе не разрешают.

— Как — не разрешают? Кто?

— Откуда я знаю — кто? Я только третьего дня поднялся... Говорил Савва, что весь наш лес поступит в райпотребсоюз, а потом его будут продавать колхозам всего района.

— Вот это новость! Кто это так ловко придумал? У кого такая умная голова?

— Про это я тоже не знаю, — отвечал Семен. — Приезжал Рубцов-Емницкий с какой-то комиссией. Обмеряли древесину, написали акт. Потом Рубцов-Емницкий выпросил у Саввы пять бревен и увез их на грузовике.

— А ты где был? — Сергей зло посмотрел на Семена. — Почему не запретил?

— Чего ты на меня кричишь? Я же все время лежал.

— Так, так, — задумчиво проговорил Сергей, сгибая в руках хворостину. — Значит, Рубцов-Емницкий уже действует. Кто-то сплавлял, кто-то трудился, платил деньги, а Рубцов-Емницкий составляет акты и подъезжает с грузовиком. — Сергей долго сидел молча, переломил хворостину и отбросил ее на середину двора. — Канал думаете рыть?

— Какой там канал! — с досадой ответил Семен. — Приезжали специалисты — я тогда еще лежал в постели и никого из них не видел. Но Савва мне рассказывал, будто они изрыли весь берег и пришли к заключению, что у нас электростанцию строить нельзя... С тем и уехали.

— Вот это здорово! — Сергей резко встал. — Ну, друг, порадовал ты меня новостями... Пойдем к Савве! Хотя — сиди, я один пойду.

— Не печалься, Сережа, — ласково сказал Семен. — Ведь я приберег для тебя новость и приятную.

— Ну, что там еще? — неохотно спросил Сергей. — Говори, да я пойду.

— Ирина к нам заезжала... Вот новость! Сама ко двору приехала, — знать, не выдержало серденько. — Семен широко улыбнулся. — Как-то раз смотрю я в окно, а ко двору подъезжает бричка. Быки красные, с белыми лбами — да этих быков можно узнать за десять километров! Девушка слезает с брички и идет во двор. Смотрю — наша знакомая, только, веришь, стала она, чорт возьми, еще красивее. А выйти я не могу — ноги у меня тогда еще не действовали.

— Зачем же она приезжала?

— Нашла пустяковую причину — быков напоить. И надо же придумать!.. Да. Зовет Анфису, а мне все слышно. «Можно, говорит, из вашего колодца быков напоить?» Анфиса принесла ей ведро. Зачерпнула Смуглянка воды, вытаскивает ведро, а сама спрашивает: «Когда твой брат приедет?» — «А я откуда знаю», — отвечает Анфиса, не понимая, зачем ей понадобилось это знать. — «А письма он

вам пишет?» — «Нет, не пишет», — отвечает Анфиса. Вижу, побледнела Смуглянка, чуть ведро не уронила. — «А он вернется?» — «Не знаю, — говорит Анфиса. — Не обещал». Смуглянка ничего не сказала, вылила на землю воду и уехала...

— И с этой новостью ты запоздал, — сказал Сергей. — Ирину я по дороге встретил.

— Ну, и что?

— Обо всем поговорили... Ну, я пойду к Савве.

Секретарь станичного совета сказал, что Савва еще утром оседлал коня и уехал в степь, но что к вечеру обещал вернуться... Возвращаясь, Сергей по пути зашел к Савве домой. Двор оглушали веселые детские голоса, и, когда Сергей открыл калитку, к нему побежали, видимо приняв за отца, маленькие остроуховцы. Тут же они поняли, что обознались, боязливо остановились, и только самый младший смело подошел к Сергею и сказал:

— А наша мамка баклажаны насаливает.

Анюта только-только управилась с соленьем. В сенцах стояли две кадки с помидорами — свежие, яркокрасные плоды были покрыты, как инеем, тонким слоем соли. Хозяйка, все такая же пухлая и ласковая, — только теперь природная ее полнота уже не могла скрыть беременность, — помыла руки и, вытирая их о фартук, пригласила Сергея в хату. В комнате было чисто убрано, пахло переспелой дыней. Под кроватью рябели и чернели горкой арбузы.

— А Савва тебя заждался, — сказала Анюта. — Тут у него столько неприятностей.

— Какие же это неприятности?

— А я толком и не знаю. — Анюта вытерла фартуком стул. — Посиди, Савва обещал к обеду вернуться. Хочешь арбуза? Выкатывай из-под кровати любой, какой на тебя смотрит.

Сергей нагнулся и достал полосатый, несколько продолговатый арбуз. Анюта вытерла его полотенцем, и то, как она положила арбуз на стол, как принесла тарелку, ножик, заставило Сергея снова в душе позавидовать Савве — хорошая была у него жена. Разрезая арбуз, Сергей вспомнил Ирину и улыбнулся.

— Знаю, знаю, отчего ты усмехаешься, — сказала Анюта, усевшись рядом на стуле.

— Да так... просто.

— Нет, не просто, а потому, что зараз я тебя буду ругать.

— За что же меня ругать, Анюта?

— Ну, говори, купил соску?

Анюта сдержанно улыбнулась, ожидая ответа, а Сергей тоже улыбался и резал арбуз мелкими ломтиками.

— А если не будешь ругать?

— Нет, буду!

— А сосочку-то я купил. Вот она! — И Сергей вынул из кармана маленький пакетик, аккуратно завернутый в целлофан. — Да еще какая сосочка! Высший сорт. В Центральном универмаге купил.

— Ой, какая славная! — воскликнула Анюта. — За это тебе, Сережа, большое спасибо... Сразу видно, что из тебя хороший отец получится...

— Да там уж какой будет...

Арбуз был давно съеден, а Савва так и не приехал.

— Я уйду, — сказал Сергей, — а когда приедет Савва, приходите вечерком к нам. Посидим, поговорим.

В этот вечер в доме Тутариновых долго светились окна. Узнав о приезде Сергея, сошлись соседи, близкие знакомые, пришел и Савва с женой... Время уже было заполночь, когда Сергей закончил рассказ о поездке в Москву и гости стали расходиться. Савву и Анюту Сергей проводил за ворота. Поговорив о своих делах, Сергей и Савва решили утром ехать в район.

— Только давай выедем пораньше, — прощаясь, сказал Сергей, — чтобы Кондратьева застать в райкоме.

Тимофей Ильич и Ниловна уже лежали в кровати, когда Сергей вернулся в хату.

— Сережа, — тихо заговорила Ниловна, приподняв голову. — Я постелила тебе на лавке. — Она взглянула на дверь, ведущую в горницу. — Там теперь Анфиса полная хозяйка.

Сергею было безразлично, где спать. Свет был погашен, в комнате стоял полумрак. Вытянувшись на лавке и закинув руки за голову, Сергей думал и о специалистах, которые побывали в станице и нашли непригодным место для строительства электростанции, и об актах, составленных Рубцовым-Емницким, и о завтрашней поездке в район, и о том, что скоро ему предстоит стать председателем райисполкома, — мыслей в голове собралось столько, что тут уже было все равно, на какой постели коротать ночь.

— Батя, вы не спите? — спросил Сергей.

— Дремаю... А что ты хотел?

— Поговорить хотел... Скоро, батя, я буду председателем нашего райисполкома.

Тимофей Ильич ответил не сразу. Сергей слышал, как заскрипела кровать, как старик со стоном поднялся на локоть, точно не веря тому, что услышал от сына.

— Это что же, в Москве тебе об этом сказали?

— Разговор начался давно, еще когда в Ставрополь ездил.

— И молчал?

— Чего же прежде времени говорить.

— А теперь дело уже решенное?

— Почти.

— Что ж Федора Лукича — снимают?

— Ему надо лечиться. Он давно просился.

Снова заскрипела кровать. Тимофей Ильич сел на кровати и спустил костлявые, в белых подштанниках ноги, достал кисет и стал молча закуривать. Зажглась спичка, и Сергей увидел хмурое бородатое лицо.

— Сам пожелал или люди того захотели? — раскуривая цыгарку, спросил Тимофей Ильич.

— Я дал согласие, а избирать будут на сессии. Как обычно это делается.

— А справишься? Подумал ты об этом?

— Обо всем, батя, уже я думал и передумал...

— Ох, смотри, чтобы твоя Золотая Звезда не потускнела. Дело это нешуточное...

— Тимофей, ты не об этом печалься, — вмешалась в разговор Ниловна. — Разве ж Сережа не управится с той работой? Будет по району разъезжать на машине и указания давать... Ты лучше спроси у него, как нам, старикам, жить... Старшие поразъехались и уже на порог не появляются. Анфиса замуж вышла и тоже норовит со двора... Думала, вернется Сережа, поживем с ним вместе... — Ниловна умолкла, и Сергей услышал, как она тихонько заплакала.

— И какая ж ты стала слезливая, — сердито сказал Тимофей Ильич. — В молодости за тобой этого не замечал... А подумай своей головой, чего плакать? Наседка, небось, не плачет, когда цыплятки подрастут и разбежатся?.. Тут радоваться надо. Сын — голова всего района, и чей же сын — да твой! А ты в слезы... Слушай, Сергей,

что я тебе скажу. Раз дело это нужное и уже решенное — становись и работай. Может, ты и нашего Артамашова обуздаешь, а то — беда, скачет напропалую... Только я так думаю. На войне ты отличился смелостью, а тут одной этой штуковины маловато. Знаю я тебя, натура горячая — покойный твой дедушка был таким... А эта работа требует хладнокровия. Сколько у тебя будет людей — войско, и со всеми надо приличное обхождение. И ежели по-настоящему вникать во всю нашу жизнь да обо всем заботиться — какая тут нужна голова, какие силы, а сколько терпения потребуется...

Ниловна наплакалась вволю и давно уже уснула, а отец и сын все еще разговаривали, не замечая, что в окно смотрит заря...

Женщины выгоняли в стадо коров и видели, как от двора Тутариновых покатилась стансоветская тачанка, стуча и подпрыгивая на камнях. Лошадьми правил Дорофей, опершись для удобства ногами в жестяной козырек. В задке сидели Сергей и Савва. Женщины долго смотрели им вслед.

— Сынок Ниловны куда-то помчался.

— Мотается... В Москве месяц жил.

— Говорят, сам Сталин к себе вызывал.

— Счастливая мать.

— Молодой, а погляди, какой деловитый.

— Нам бы такого председателем колхоза.

— Ишь, чего Фроська захотела! Я слышала, будто его ставят на место Федора Лукича. Должно, за этим и в Москву вызывали.

— Правда ли? Вот хорошо!

— И вовсе не за этим. Был на празднике. На своем танке возле Кремля проезжал. Он сам вчера об этом рассказывал.

— Так это все равно.

— А слышали? Марфа-птичница метит его в зятья за свою Ирину.

— Девка не плохая.

— Знать, у Тутариновых зараз две свадьбы.

Усть-Невинская давно скрылась в утреннем тумане. Из-за горы вставало солнце, и его лучи прижимали туман к земле. Было прохладно. Роса прибила пыль на дороге, и всюду, где туман уже рассеялся, — на стерне, среди сухого бурьяна, на копнах — блестела, как стеклянная пряжа, мо-

края паутина. Дорогой Сергей еще раз просмотрел написанные под копирку акты комиссии, которую возглавлял Рубцов-Емницкий, выводы и заключения по поводу того, что на Кубани, вблизи Усть-Невинской, нельзя строить электростанцию.

— Неужели мне еще раз придется ехать к Бойченко? — сказал он, когда тачанка уже гремела по мостовой районной станицы.

Ехать же к Бойченко Сергею не пришлось. Все произошло совсем не так, как он предполагал.

— Тутаринов! Как ты мне нужен! — крикнул Кондратьев, увидав в окно подъехавшую тачанку. — Я уже хотел посылать за тобой машину. Входите! И ты, Остроухов, тоже мне нужен.

Поздоровавшись с Кондратьевым, Сергей без лишних слов развернул перед ним папку с актами и выводами комиссии. Кондратьев взял бумаги, внимательно просмотрел их, сощурил умные глаза.

— Жалоба? — спросил он и улыбнулся.

— Да... Ну, как же не жаловаться! — горячо заговорил Сергей. — Знаете, что тут написано? Пока я был в Москве, а в станице уже нашлись хозяева на лес... Это же, чорт знает, что такое! Рубцов-Емницкий составил вот эти акты на лес, к которому он не имеет никакого отношения... Или посмотрите, чем мотивирован отказ строить станцию? Не подходит грунт. Это же смешно!

— Да ты не горячись, — сказал Кондратьев. — Все это мне известно. Я звонил Бойченко. Все улажено, и проект гидростанции будет составляться в «Сельэлектро». А с актами Рубцова-Емницкого придется тебе, Сергей Тимофеевич, самому разобраться.

— Не понимаю!.. Я и так уже во всем разобрался. Тут нужны какие-то меры.

— А меры мы потом с тобой вместе примем. — Кондратьев с сияющим лицом посмотрел на Сергея. — Да, вместе!.. Вот что. — Лицо Кондратьева сделалось серьезным, глаза — строгими. — Завтра созывается сессия райсовета. Будем избирать тебя главой нашего района... Так что погоди денька два, и жалобу свою рассмотришь сам... Завтра приезжает Бойченко. Надо нам готовиться. Ты, Остроухов, возвращайся в Усть-Невинскую и завтра приезжай со свои-

ми депутатами. А Сергея я уже домой не отпущу. — Кондратьев снова улыбнулся. — Вот тебе анкета, бумага, садись и подробно опиши свою жизнь.

...Заседание сессии состоялось на второй день вечером. И, несмотря на то, что прошло уже более двух месяцев, как Бойченко предложил Сергею стать председателем райисполкома, несмотря на то, что за это время Сергей успел и обдумать и заручиться мнением таких авторитетных для него людей, как генерал и начальник политотдела дивизии, разговаривал об этом и с Федором Лукичом, и с Кондратьевым, спросил совета у отца и матери, наконец, у Саввы, Семена и Анфисы, — несмотря на все это, Сергею казалось, что такое большое событие в его жизни произошло слишком быстро и как-то неожиданно... Ехал к Кондратьеву с жалобой; прошло всего два дня, и вот Сергей уже сидит в светлом кабинете, за тем самым дубовым столом, за которым еще вчера сидел Федор Лукич Хохлаков... Странное, еще никогда не испытанное им волнение до сих пор не покидало его. Он видит клуб, переполненный народом. Депутаты районного совета заняли только первые двенадцать рядов, а гости за несколько часов до открытия сессии до отказа забили и проходы и балкон... Сергей подошел к трибуне, в переднем ряду увидел улыбающееся лицо Саввы, в углу — седую бороду отца, в дверях — Артамашова, — да и все лица, на кого он ни смотрел, казались ему знакомыми, а говорить почему-то было трудно. Он и задыхался, и потел, и голос его прерывался хрипотой, и во рту пересыхало. Здесь впервые перед народом Сергей говорил о себе, о своей жизни и впервые как-то явственно почувствовал, что хоть и прожил он на свете четверть века, а биографии у него еще не было — она только-только начиналась... Было детство, была школа, первый курс института, были мечты стать инженером-строителем, и были четыре года войны. Самыми значительными в своей жизни он считал годы военные, поэтому почти все свое выступление и посвятил этим годам и рассказывал не столько о себе, сколько о боевом пути своей дивизии. Его речь не раз прерывалась рукоплесканиями, а когда он стал рассказывать о последнем боевом марше дивизии восьмого сентября и сказал: «Наш путь в Москву, на Красную площадь, пролегает от Сталинграда через всю Европу — это и есть моя биография», весь зал, аплодируя, встал... Потом состоялось официальное избрание. Бойченко и Кондратьев пожимали

ему руку, тепло поздравляли, и вот он сидит в кабинете один со своими думами...

Кто-то тихонько постучал. Дверь приоткрылась, и сперва показалась одна лишь белая голова, а потом и весь шофер Ванюша.

— Вы меня звали? — спросил Ванюша.

— Приготовь машину. Поедем в станицы.

— А у меня она завсегда готова, — гордо заявил Ванюша. — Так что на будущее об этом вы не спрашивайте, а прямо велите подъезжать.

Ванюша вышел. Сергей еще некоторое время просматривал бумаги, поступившие из крайисполкома, письма, жалобы, накопившиеся за время болезни Федора Лукича... Уже начинало смеркаться, когда дверь распахнулась и в кабинет влетел, раскинув полы парусинового плаща, Рубцов-Емницкий.

На пухлом вспотевшем его лице блуждала какая-то жалкая улыбочка, одновременно выражавшая радость и испуг... Схватив Сергея за руку, он чуть было не взобрался на стол, опрокинув животом стакан с карандашами.

— Сергей Тимофеевич! — крикнул он так, точно весь кабинет уже был охвачен пламенем и он, Рубцов-Емницкий, прибежал сюда с единственным стремлением — спасти своего друга. — Сергей Тимофеевич! Поздравляю! Для ясности, я просто не нахожу слов!

— Погоди радоваться, — сухо сказал Сергей, подымая стакан и ставя в него карандаши. — Я думал тебя вызвать, а ты кстати и сам явился... Скажи, Лев Ильич, кто тебе позволил составлять акты на строительный лес, принадлежащий устьневинским колхозам?

— Да не только позволили, а просто-напросто принудили, — торопливо, не краснея, заговорил Рубцов-Емницкий. — Сергей Тимофеевич, веришь, крайпотребсоюз телеграфно, под мою личную ответственность... Что я мог поделать? Ты был в Москве, Кондратьев — в Ставрополе, а Федора Лукича я в тот день сам отвез в Кисловодск... Кому пожалуешься на незаконное действие вышестоящего начальства?.. Но я не такой дурак. — Лев Ильич улыбнулся, показав два золотых зуба. — Я эти актики придержал у себя, поджидая тебя из Москвы... Да вот они, эти акты, будь они неладные. Теперь мы с тобой можем их эдак, для ясности, под сукно. — Рубцов-Емницкий даже засмеялся, и его живот задрожал. — Закуривай, Сергей Тимофеевич. Вот ка-

кие у меня на базе имеются папироски!.. Да! Так я просто в восторге, видя тебя в этом кабинете!

— Зря восторгаешься, — сказал Сергей, разминая в пальцах папиросу. — Ни к чему эти восторги! А акты под сукно совать тоже не следует. Это же документы... Вот что, Лев Ильич, завтра у нас заседание исполкома. Подготовься... Послушаем твой отчет.

— Буду рад, буду рад доложить...

— Опять ты радуешься, — уже не в силах сдержать улыбку сказал Сергей. — И смотри, не вообще будешь говорить, а доложишь исполкому, что делается по развитию в районе кооперативной торговли, как идут закупки сырья, продуктов для города. А заодно и об этих актах расскажешь.

— Отлично, — сказал Рубцов-Емницкий, распрощался и вышел.

От моста, осветив голые, покрытые паутиной кусты и серый от пыли придорожный бурьян, «виллис» свернул на проселок. Прожекторы бросали свет на узкую дорогу, а по бокам стеной подымались из темноты будылья кукурузы, поблескивали косички на толстых, рогами торчащих кочанах. Резкий, уже по-осеннему холодный ветер бил в переднее стекло. Сергей сильнее натянул на лоб фуражку. Ванюша изредка посматривал на своего нового хозяина, как бы спрашивая: «Ну, как? Хорошо идет машина?..» В чистом поле из темноты поднялась гора. Сергей знал, что по ее хребту проходит дорога в самые отдаленные станицы. И когда машина легко выскочила на голую вершину, по правую сторону в неясном очертании ночи открылась почти вся предгорная часть района. Степь, изломанная невысокими холмами, уходила к горизонту, повсюду светились то близкие, то далекие огни, и по ним нетрудно было понять, где чабаны готовят себе ужин, где стоят молотилки, где раскинулись бригадные станы или таборы трактористов. Машина проносилась по возвышенности. В глубоком котловане виднелся тусклый отблеск Кубани. На берегу темнели сады. Под сумеречным небом в станицах еще кое-где дымились трубы и светились окна в домах. Сергей всматривался в неясную даль степи, видел под покровом ночи станицы, хутора, бригадные станы, пастушьи кошары и, как никогда еще, сознавал, какая большая и неизведанно новая жизнь ожидала его впереди!..

КНИГА
ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Хороша бывает осень в верховьях Кубани! Погода стоит теплая и тихая, нет еще ни обложных дождей, ни восточных ветров с заморозками. Солнце греет слабо, не курится земля, и лишь по утрам покрывается она дымчато-сизым туманом. Сквозь туман, как сквозь матовое стекло, проступает зеленая-зеленая краска озими, а по сенокосам так буйно подымается отава, что впору второй раз пускать сенокосилки!

С восходом солнца туман жмется к земле и исчезает, оставив на траве лишь блестки крупной, как горошинки, росы. В радужном сиянии плывет паутина, плывет тихо-тихо: то подымается вверх, то падает на землю. А небо удивительно чистое и низкое; прозрачная голубизна его, какая бывает весной, ласкает взгляд, — хочется, как случалось в детстве, лечь на траву вверх лицом, да так и пролежать час или два... По светлому горизонту встает Кавказский хребет, — кажется, лежит он так близко, что простым глазом видны и седловины перевалов, и острые зубчатые шпили, и обрывы с матовой тенью на снегу, и даже трещины, как черточки на бледносиней бумаге.

От станицы в степь протянулись сухие дороги, широкие и до звона утрамбованные копытами, шинами колес, со следами рубчатой резины. Над степью шумными стаями летают грачи, опускаясь так низко, что иные чертят крыльями пахоту. Другие прыгают с кочки на кочку. Где-нибудь на кургане зачернеет шапка пастуха, где-нибудь в ложбине покажется охотник, увешанный куропатками, как десантник гранатами. Зайцы чуют близость зимы и в такие погожие дни поздней осени становятся ленивыми — они уже одеты

в теплые меха и ходят, как правило, стайками; водят у скирды веселые заячьи хороводы — одни прыгают, резвятся, другие стоят часовыми и, поглаживая передней лапкой жесткие усы на разрезанной губе, зорко всматриваются вдаль: не идет ли охотник?

А Усть-Невинская лежала в золотом убранстве и была еще красивее, чем летом. Улицы как будто сделались шире и просторней; над ними и над желтыми коврами садов плыли призывные звуки пилы. Звуки возникали за станицей, на лесопилке, — там стучал мотор, и пила взвывала, точно силясь разрезать теплый, отяжелевший воздух, и вдруг голос ее слабел, замирал или разливался острым свистом.

— Чудно! — сказал Савва, выйдя на крыльцо станичного совета. — Что делается в Усть-Невинской! Какие звуки и какие песни!

Будто и осень, как бывало и прежде, богатая солнцем, и липучая паутина попрежнему расцвечивает небо, а присмотришься — нет, не та осень. Да и станица имеет не тот вид.

От лесопилки двигались конные упряжки. Колеса были раздвинуты на длину бревен, и белая лента свежих досок долго тянулась через площадь, направляясь за станицу. Там, у высокого обрыва, как ласточкино гнездо, лепилось обставленное лесами красное здание гидростанции. Туда же, пересекая площадь, шел обоз с цементом. Бочонки стояли торчмя, один в один, — они вздрагивали и курились синеватой пылью. Возчики, спицы колес, спины быков белели, точно запорошенные инеем.

Передних быков вел Никита Мальцев — старший в обозе. Он шагал неторопливо и твердо. Быки выгибали спины и шли тяжело. Колеса гремели, сотрясали подводу, и над бочонками вспыхивал сизый дымок. За Никитой ехала Ирина Любашова на своих быках-красавцах. Она ловко примостилась на бочонке, — ее брови, нос, распущенная за плечами коса были припудрены цементной пылью. Ирина помахивала кнутом и задумчиво смотрела на Савву.

— Никита! — крикнул Савва. — Весь забрали?

— Тяжеловато, но подняли, — важно ответил Никита.

Савва подошел к Никите.

— А за кирпичом когда?

— Думаю, что надо и быкам дать отдохнуть, — так же важно и рассудительно отвечал Никита. — Да и комсо-

мольское собрание надо провести. Уж с месяц не собирались.

— Эх, Никита, Никита, —сказал Савва. — О чем печалишься? Зачем же вам собираться? Все твои комсомольцы с тобой на возах. Вот ты по дороге хоть каждый день и проводи собрание. Быки идут медленно, президиум посади на первую подводу...

— Такой порядок не годится, — сказал Никита. — Собираемся в клубе.

— Так ты вот что там обсуди, — сказал Савва: — выделите пять комсомольцев на курсы электриков. Сергей и сегодня звонил: надо в понедельник этих курсантов отправить.

— Сделаем, — проговорил Никита и подстегнул кнутом подручного быка.

Савва отстал и поровнялся с Ириной.

— Ну, черноокая, побелела! — весело сказал Савва. — Тут пудры, я вижу, вволю. Молоко возить, пожалуй, легче?

— А мне все равно. С обозом ездить даже веселей.

Савва приблизился к Ирине.

— Приходи к нам завтра вечерком, — негромко сказал он. — Анюта просила, да и я тоже.

— А что там у вас?

— Крестины справим.

— А-а-а... Дочурка у вас? Какое ж имя дали?

— Ириной нарекли, — гордо ответил Савва.

— Кому ж это понравилось мое имя?

— И мне, и Анюте, а более всего Сергею — он же крестный отец.

Ирина покраснела и смущенно закусила губу.

— Так приходи, Ирина.

— А провожать меня на птичник кто будет? — уже смеясь, спросила Ирина.

— Ого! Была бы ты, а провожатый найдется.

По улице, навстречу обозу с цементом, шли сытые и тяжелые волы с саженными рогами. Они тянули высокий воз сена — не воз, а целую копну, — аромат травы и сухих цветов долго стоял над хатами. Вдыхая пряный запах сена, Ирина думала о приглашении Саввы. Она понимала, что Савва пригласил ее не иначе, как по просьбе Сергея, и что провожать ее будет либо Сергей, либо никто. Ей хотелось, чтобы вечер пришел быстрее. Мысленно она то была у Сав-

вы, то примеряла новое платье, которое Сергей еще не видел. Задумавшись, она бесцельно смотрела на солнечную сторону улицы. Там, под плетнем, грелись крупные, как индюшки, куры, — иные копошились и били крылом о ногу, иные же сладко дремали, затянув глаза, как бельмом, белой пленкой.

Обоз выехал за станицу. Рядом со штабелями древесины стояло низкое, как кошара, здание лесопилки, и песня пилы теперь звучала с исключительной силой. Кубань не шумела, не точила каменистые берега. Она давно обмелела и притихла — тоже прислушивалась к голосистым звукам лесопилки. По реке, как эхо, летели то звон плотничьих топоров, то хлопки падающих досок, то слабый стук вальков о мокрое белье, то гоготанье гусей, то голоса детей. Гуси плавали последние дни и потому кричали сильно и звонко. Веселая стая ударила крыльями о воду, как в ладоши, оставила на реке пушинки и полетела низко-низко над обозом, так что Ирина видела прижатые к хвосту красные и еще мокрые лапки... А день был красочно-светел, воздух неподвижен и горяч; сильно пахло переспелыми дынями, зимними яблоками и сосновой стружкой.

ГЛАВА II

В один из погожих дней Сергей Тутаринов не выехал в район и с утра начал принимать посетителей. Он распахнул окна, смотревшие на юг, за Кубань, и только что сел за стол, как в кабинет не вошел, а вскочил Рубцов-Емницкий, одетый уже по-осеннему. На нем были новые сапоги, тоже тупоносые, только не из парусины, какие он носил летом, а из мягкой кожи; новая рубашка, только не косоворотка с украинской вышивкой в ладонь, а суконная, со стоячим воротником и с нашитыми на груди в виде мешочков карманами; новый плащ с капюшоном, с карманами внутрь, но уже не серый, под цвет стерни, а ярко-коричневый, как сухие листья каштана...

Взволнованно-радостный, веселый Рубцов-Емницкий приветствовал Сергея сперва ласковой улыбкой, а потом крепким пожатием руки. При этом он взглянул в окно на горящие под солнцем цинковые крыши, на зацепившуюся за трубу паутину.

— Ах, и что за чудо — погода! — воскликнул он. — Ведь это же царственная осень! Погляди, Сергей Тимо-

феевич, какие повсюду лежат краски! А этот без конца и края летящий шелк! Нет, такая погода просто балует кооператоров!

— Почему же она балует только кооператоров? — спросил Сергей. — По-моему, такая теплая осень всем приятна.

— Всем — это да! Но нам, для ясности, — людям торгующим, — это же просто благодать! В Москве снег, метели, а у нас такой погожий день.

— Лев Ильич! — перебил Сергей. — О погоде поговорим после. Ты давно приехал?

— Только сейчас с поезда.

— Ну, рассказывай, как там в Москве? Все закупил?

— Закупил? — Рубцов-Емницкий усмехнулся. — Такое слово не подходит. — Он снял плащ, сел ближе к Сергею и тяжело вздохнул. — Сережа, не закупил, а добыл, заполучил, заимел, из зубов, для ясности, вырвал, да и то не по всем нарядам. — Рубцов-Емницкий стал рыться в портфеле. — А итог все ж таки неплохой — турбина и генератор уже держат маршрут на Усть-Невинскую. Сам ездил на Урал и погрузил... А ты знаешь, что такое достать на Урале вагон? Но Рубцов-Емницкий раздобыл и вагон. У меня там завелся дружок...

— Ты все обзаводишься дружками? — с усмешкой спросил Сергей. — А что же с остальными нарядами?

Рубцов-Емницкий вынул из портфеля бумаги.

— Вот они, уже с резолюциями... Министр электропромышленности оказался такой внимательный, просто на редкость приятный человек. В министерстве меня каждая секретарша теперь знает. Тоже очень приятные женщины. Познакомились мы, можно сказать, на деловой почве... Даже одного дружка там нажил — милейший характер.

— Опять дружок?

— Без них в нашем деле нельзя... Да, так вот, с министром у меня дела решились по-хорошему и быстро. Но эти резолюции не министра, а главка. Министр позвонил начальнику главка, а вот там я и завяз. Прибыл я в главк, и пришлось, для ясности, покружиться. Начальника еще нету, а секретарша попалась не женщина, а, прямо скажу — чорт. Я сижу и жду. Вижу, мимо меня так важно прошел начальник, я — за ним. «Обождите, гражданин». Жду. А телефоны уже мучают секретаршу. Начальник в кабинете сидит, а она всем отвечает, что начальника нету... И это

на моих глазах такой обман. Тут я не мог сдержаться, отстранил секретаршу вежливо—и в кабинет... Там и состоялся у меня крупный разговор, а все ж таки резолюции заполучил. — Рубцов-Емницкий тяжело вздохнул. — Ты знаешь, что он мне сказал? Все колхозы точно сговорились насчет строительства станций — едут и едут. Говорю ему, что не сговорились, а так строим по плану... Пожил я там немного — в главке тоже появились дружки, а все ж таки ни электромоторов, ни лампочек, ни кабеля, ни провода, ни изоляторов отгрузить так и не смог.

— Почему?

— По причине разбросанности баз. Главк-то в Москве, а электрооборудование, для ясности, приходится получать и в Житомире, и в Киеве, и в Риге, и в Ленинграде, а я не мог разорваться. Хорошо, что сумел проскочить на Урал. — Рубцов-Емницкиий горестно улыбнулся. — Это как в песне поется: «Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону...»

— Придется ехать и в другую сторону, — сказал Сергей, рассматривая наряды.

— Да я готов лететь хоть на край света! Сережа, помнишь нашу первую встречу? Я еще тогда предвещал и говорил, что с тобой-то мы сможем смело...

— Только ты желал видеть меня не в этом кабинете? — с хитрой улыбкой проговорил Сергей.

— Ну, то, чего я желал, — дело прошлое. — Рубцов-Емницкий придвинул стул. — Главное — мы вместе вершим одно большое дело... Да, так вот в чем суть вопроса. Я могу выехать в эти города хоть завтра и даю слово, что все оборудование будет представлено, но мне нужно, для ясности, взять с собой — буду называть вещи своими именами — некоторый вес сливочного масла... Сережа, черкни писульку на сырзавод, чтобы там все обделали без лишних мыслей...

— Это зачем тебе масло?

— Наивный вопрос. — Рубцов-Емницкий смущенно улыбнулся. — Электрооборудование будет быстрее двигаться.

Сергей встал.

— А без масла не можешь?

— Могу, но... убыстрять же надо движение.

— Убыстрять? Так и дурак сможет убыстрить. — Сергей сел за стол. — Вот что, Лев Ильич: ты дал слово

работать честно — сдержи! Никакого масла ты, конечно, не получишь, а выедешь завтра. Даю тебе месяц сроку. Чтобы через тридцать дней все оборудование было в Усть-Невинской. Сможешь?

— Значит, безо всего?

— Да!

— Трудновато будет, но попробую. Убыстрения не получится...

Рубцов-Емницкий любезно простился и вышел.

«Странный человек, — подумал Сергей. — А слова-то какие? «Некоторый вес»... «Черкни писульку»... «Обделать без лишних мыслей»... Чорт знает, на каком это языке!»

Гремя толстой, из груши, палкой и немного прихрамывая, вошел Федор Лукич Хохлаков. Он молча, с достоинством протянул руку Сергею и сказал с нескрываемой усмешкой:

— Сергей, что-то ты очень быстро обзавелся приемной. Там у тебя диваны появились, круглый стол, цветы, газеты на столе — как все одно в каком министерстве... Неужели ты этому научился на фронте?

— А что в этом плохого?

— Людей собралось, как на суде. Насилу протискался к тебе в кабинет.

— Значит, у каждого есть ко мне дело, вот они и пришли, — улыбаясь, сказал Сергей. — В этом я не вижу ничего плохого, а наоборот...

— Ты не видишь? — перебил Федор Лукич, затем вынул коробку папирос и угостил Сергея. — Ты не видишь, а я вижу... Ты так вот приучишь людей бежать с жалобой по всякому пустяку, тебе и работать некогда будет... Тут, возле исполкома, жалобщиков собирается целая ярмарка.

— Этого бояться нечего.

...Федор Лукич Хохлаков недавно вернулся из Кисловодска. После месячного лечения старик поздоровел, но был мрачен, жаловался на боль в правой ноге и без палки ходить не мог. Он попросил себе легкую, не связанную с разъездами работу. Ему посоветовали быть заведующим районной мельницей, и он согласился. Приняв водяную мельницу, стоявшую за станицей, вблизи Кубани, он несколько дней не появлялся в исполкоме.

О возвращении Хохлакова узнал Алексей Артамашов и как-то под вечер приехал к нему на тачанке, злой, с опухшим и сердитым лицом. Кучер отнес в сенцы две корзины,

зашитые сверху мешковиной, а Артамашов прошел в комнату. Федор Лукич встретил его приветливой улыбкой, пригласил за стол пить чай. Артамашов сел к столу, но есть и пить отказался и стал жаловаться на Сергея.

— А чего ты удивляешься? Известно, что новая метла метет чище, — Хохлаков усмехнулся. — Да и какая метла! Но ты, Алексей, не смотри, что у него полная грудь наград, да еще и Золотая Звезда. Я о людях сужу не по медалям... Еще не известно, как он поведет район... Слишком горяч, слишком горяч... на электричество напирает..

— Да я это понимаю, — волновался Артамашов. — Но он же меня, Федор Лукич, от работы отстранил!

— Это как так отстранил? А где общее собрание? Кто ж ему позволил нарушать колхозный устав? — Хохлаков встал, прошелся по комнате. — Здорово работает! Но ничего, Алексей, для всякого самочинства у нас есть законы...

— Да что ж — законы? Как же тут быть, ежели он запретил мне работать, ревизию назначил...

— Докапывается?

— Его же отец председатель ревизионной комиссии, — продолжал Артамашов. — Зараз кладовую ревизуют... А еще он был у директора МТС. Такой ему нагоняй дал, корову приказал вернуть и грозился... Ну, как же мне быть?

— Поезжай домой, а я сам с ним поговорю, — угрюмо сказал Хохлаков. — И с Кондратьевым посоветуюсь...

Это и заставило Хохлакова притти к Сергею. Он стоял у окна и раздумывал о том, с чего бы ему начать этот неприятный разговор. Он стукнул палкой о пол и подошел к Сергею.

— Ну, Федор Лукич, — заговорил Сергей, — расскажите, как там у вас на мельнице? Завозно?

— Зараз меня не мельница интересует, — не глядя на Сергея, проговорил Хохлаков. — Что там у тебя произошло с директором Усть-Невинской МТС?

— Ничего особенного. Я ему сказал, чтобы он вернул корову, которую взял на ферме колхоза имени Ворошилова, — вот и все.

— Так. А ты эту корову в глаза видел?

— Зачем же мне ее видеть?

— Да какая ж это корова? Это же была телушка, и он ее не взял, а купил...

— За бесценок? Так не покупают. — Сергей подумал.— Есть постановление правительства, и его надо выполнять.

— Хорошо, пусть так. — Хохлаков снял картуз, погладил ладонью стриженую голову. — А кто тебе позволил оскорблять директора МТС, члена пленума райкома, да еще и грозиться снять с работы?

— Я его не оскорблял, — твердо сказал Сергей. — А от работы его надо будет освободить в интересах дела...

— Да ты и Артамашова уже освободил, лучшего председателя... и тоже в интересах дела?

— Да, освободил — и добьюсь, чтобы его выгнали из партии, — все так же негромко, стараясь быть спокойным, отвечал Сергей.

— Вот ты какой смелый! — Хохлаков зло усмехнулся.— Но не забывай, что не ты будешь исключать его из партии... И не диктаторствуй, это тебе не в танковой роте! Я член исполкома, член бюро райкома, и ты тут свои порядки не наводи!

Сергей хотел что-то сказать, брови его сдвинулись, он даже поднялся, но Хохлаков не стал его слушать. Гремя палкой, он вышел, не закрыв за собой дверь.

На пороге появились двое посетителей. Один был коренастый мужчина в серой кубанке и в бурке, с красивыми русыми молодыми усами на свежем, веселом лице. Другой— худощавый старик с пепельно-серой бородкой, в бешмете под стареньким полушубком, в суконных шароварах и в сапогах. Это был Никита Никитич Андриянов — председатель Родниковского станичного совета. С ним Сергей встретился как-то ночью, когда проездом остановился в Родниковской. Посетителя в бурке Сергей не знал и с любопытством смотрел на его пышные усы, на светлые неспокойные глаза и на всю его по-военному стройную фигуру в горском наряде.

— Прошу садиться, — сказал Сергей, указывая на стулья.

— Благодарим. Мы всю дорогу в седлах сидели, — весело ответил тот, что был в бурке. — Сесть мы, конечно, сядем, но сперва давайте познакомимся. Мы, родниковцы, живем в горах, как орлы. Я — секретарь станичной парторганизации Иван Герасимович Родионов. — Он крепко пожал Сергею руку. — А Никита Никитич Андриянов — наш станичный голова.

— Мы уже знакомцы, — сказал Андриянов, тоже здороваясь за руку. — Помнишь, как ты меня среди ночи с постели поднял? Пришел я до дому под утро, а жинка и пытает: «Кому ты в такую пору понадобился? Не к соседке

забегал?» Ревнует... «Нет, — говорю ей, — новый председатель райисполкома приезжал...» — «А чего ж он, — говорит жинка, — сам по ночам не спит и другим мешает?» Ну, что на это глупой бабе ответишь? — И Андриянов от души рассмеялся.

— С каким же вы делом ко мне приехали? — спросил Сергей.

— Иван Герасимович, докладывай по партийной линии, — сказал Андриянов, снимая с плешивой головы кудлатую шапку.

— Сергей Тимофеевич, я не только партийный руководитель, — пояснил Родионов, садясь на стул и снимая с одного плеча бурку, — основная у меня должность — председатель колхоза «Власть Советов», а секретарем работаю по совместительству. Коммунистов у нас мало, так вот мы и создали партийную организацию при станичном совете... В данном случае я, конечно, буду говорить в двух лицах, потому что у нас к тебе есть дело и политическое и хозяйственное — никак нельзя разделить.

Он порылся в боковом кармане кителя, — из-под полы бурки блеснули ордена и медали.

«Тоже недавно с войны», — подумал Сергей, а Родионов развернул тетрадку и положил ее на стол.

— Речь у нас о пятилетнем плане нашей станицы, сказать, идем по примеру устьневинцев... Скажу тебе правду: пример-то мы взяли у них, а не знаем, как оно у нас получится... Рассмотрим все хорошенько. Первым у нас идет животноводство, как главная отрасль...

— А какие у нас выпаса! — вмешался в разговор Андриянов. — Это ж такие выпаса, такие выпаса, что ни в одной станице таких не сыщешь. А особливо на горах! Прямо целебные травы! Хоть какую худорьбу туда выгони, а вернется каждая скотиняка жирная — сразу можно на весы.

— Так почему же не получится? — спросил Сергей, рассматривая тетрадку.

— Со скотом и с урожаем получится, — ответил Родионов. — А вот с электростанцией... Вся беда с лесом. Мы только что были у Кондратьева. Он нас поддержал — и насчет посева, и насчет поголовья. «Все, — говорит, — правильно», а когда мы дошли до лесоматериала — послал к тебе. «Если, — говорит, — Тутаринов вам не поможет, тогда уже никто не поможет».

— Вот как! — сказал Сергей, все еще не отрываясь от тетрадки. — А у меня тоже нет леса...

— Да как же так — нету? — Родионов снял кубанку и ударил ею о ладонь. — А я знаю, что есть! Ты ж летом сам сплавлял лес. Мимо нашей станицы брусья плыли. Мы все видели, а только не знали, что к чему.

— То лес чужой, — сказал Сергей. — Устьневинский. Сплавляйте и вы. Наряд я выдам...

— Как же его сплавлять, когда Кубань обмелела?

— У нас же там одни перекаты, — подтвердил Андриянов.

— Сергей Тимофеевич, — заговорил Родионов, — скажи Савве Остроухову, пусть он даст нам взаймы бревен сто... До лета. Летом мы все восполним. А ждать до лета...

— Попросите Савву, может, он и даст.

— Просили. Мы с Никитой Никитичем ездили к нему, чуть в ноги не кланялись. Я ему говорю, что на фронте мы делились и патронами, и снарядами. — Родионов развел руками. — Куда там! И гладиться не дается! Я ему про фронт, а он свое: «Мой лес...» Ну, что тут скажешь? Прикажи ему, Сергей Тимофеевич...

— Приказать я не могу. — Сергей задумался. — Если бы вы были одни — другой разговор. Вчера приезжали ко мне из Белой Мечети. Привезли план и тоже просят лесу. На той неделе были краснокаменцы — им тоже нужен лес. И все смотрят на Савву Остроухова... Короче говоря, мы ваш план утвердим! А вот строительство электростанции не утвердим. У нас будет одна станция — Усть-Невинская ГЭС... Прочее строительство — пожалуйста. Поможем достать строительный материал. Я поговорю с Саввой не только о ваших нуждах. Я скажу ему так: «Сделал почин — выручай, дели свой лес напополам», — Сергей улыбнулся и посмотрел на радостное лицо Родионова. — Я думаю, что он уважит. А гидростанцию будем строить всем районом — тут распыляться нельзя.

— Когда же мы получим окончательный ответ? — спросил Родионов, встав и накинув на плечи бурку. — Нам бы надо побыстрее.

— Ах, какие быстрые! — с улыбкой сказал Сергей. — Завтра я вам позвоню.

— Будем благодарны, — сказал Андриянов вставая.

Они распрощались и вышли.

В кабинет торопливо вошел Стефан Петрович Рагулин. Он снял шапку, вытер кулаком вспотевшую лысину и, не здороваясь, мрачно посмотрел на Сергея.

— И что это у вас тут в районе за дурацкие порядки! — сказал он, и его давно небритое лицо почернело от злости. — На словах — все за высокий урожай, а на деле что ж получается? У Калугина в банке лежат мои гроши, а получить я их не могу... Да как же тут не кричать! Мне нужны гроши сегодня! Я посылаю человека за минеральными удобрениями. Завтра надо выезжать, а Калугин говорит, что у него нету такой статьи и он не может мне выдать ни копейки. Да какое мне дело до его статей! Мои гроши — давай их мне, раз они мне требуются. Я же их не пропивать собираюсь? Я пообещался — ты это знаешь — получить сорок центнеров зерна с гектара, а он мне своими статьями голову заморачивает. Законник какой нашелся!

— Сколько ж вы просите? — спросил Сергей и положил руку на телефонную трубку.

— Да хоть бы тысяч пять.

Сергей позвонил Калугину, говорил с ним долго и упросил выдать половину суммы сегодня, а остальную половину — в конце недели.

— Как же так — половину? — горячился Рагулин. — Мне ж никто не скажет: «Ты, Стефан, наобещался взять с гектара сорок центнеров, а бери любую половину»?

Ушел Рагулин недовольный и еще более разгневанный... Затем боязливо переступили порог старик и старуха из хутора Вишневые Сады. Они пришли с жалобой на невестку, которая ушла от них и увела корову... Сергей пообещал вызвать в исполком невестку и поговорить с ней... Стариков сменил бухгалтер колхоза «Путь хлебороба» Авдеев, и Сергей с полчаса слушал историю о разбазаривании продуктов и трудодней в этой небольшой сельхозартели... После бухгалтера Авдеева у стола минут двадцать сидел животновод колхоза «Волна революции» Сидоренко, приехавший с жалобой на трактористов, запахавших часть сенокосных угодий.

...Короткий день угасал. Когда из кабинета ушел последний посетитель, Сергей остановился у окна и широко расправил плечи. За Кубанью над лесом садилось солнце. От реки веяло приятной свежестью. Сергей вспомнил, что сегодня его ждет Савва, что там будет Ирина. Он задумался и не слышал, как вошел старший агроном отдела сельского

хозяйства Андрей Саввич Полищук, худой, высокий мужчина с седеющими, низко подрезанными усами.

— Ну, кажись, конец жалобщикам, — сказал он, присаживаясь к столу. — Ждал, ждал и насилу дождался.

— Что у вас, Андрей Саввич?

— Мой начальник, как вам известно, — сказал Андрей Саввич, раскрывая папку, — выехал в Усть-Невинскую и попросил меня доложить, как в районе выполняется постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) от девятнадцатого сентября...

— Охотно послушаю.

Андрей Саввич, сутулясь у стола, отыскал нужные бумаги.

— По последним данным райзо, — начал он глухим голосом, — возвращение колхозам земли идет туговато.

— В чем же дело?

— Кое-какие районные организации упорствуют. Вспахали зябь и требуют, чтобы земля за ними сохранилась до снятия урожая... Как с ними быть? Все ж таки люди труд затратили?

— Как быть? Никому и никакой отсрочки, — резко сказал Сергей.

— И еще, — продолжал Андрей Саввич, — сокращение управленческих штатов в колхозах идет, на мой взгляд, медленно. Редко в каком колхозе уменьшилось число столов в канцелярии.

— Значит, «столоначальники» крепко сидят? — Сергей грустно улыбнулся.

— Сидят надежно... Есть еще у меня один список, да только я не знаю, Сергей Тимофеевич... как быть? — Андрей Саввич наклонил голову. — Дело-то такое дальнее... Как-то даже и неловко... Тут вот посмотрите, в списке есть фамилия второго секретаря.... Так что я даже и не знаю...

— Да что ж тут знать? И второй секретарь вернет, если он взял незаконно.

— Понимаю, — еще ниже наклонив голову, сказал Андрей Саввич. — А может быть, Сергей Тимофеевич, так лучше, чтоб не поднимать этого вопроса?..

— Скрыть? Нет, этого делать нельзя.

— Так надо же принять во внимание, — Андрей Саввич посмотрел на Сергея грустными глазами, — принять во внимание и то, Сергей Тимофеевич, что он не сам брал ту

корову, а мы, райзо, ему давали... Пусть так и будет. Ведь это же наше внутреннее дело...

— Нет, Андрей Саввич, это не только внутреннее наше дело, — Сергей, о чем-то думая, подошел к окну и снова вернулся к столу. — Почитайте «Правду», что там пишут о секретарях, и о председателях райисполкомов, и о директорах МТС.

— Это-то я знаю. Читал...

— Советую еще раз перечитать. — Сергей сел и взял карандаш. — А что делается в кладовых? Давайте по каждому колхозу. Начнем с Усть-Невинской.

ГЛАВА III

На площадь съезжались подводы, выстраивались в ряд, и возчики, закуривая, посматривали на окна остроуховского кабинета, как бы желая узнать, долго ли им придется стоять без дела.

Во дворе станичного совета Дорофей запрягал свою выездную пару, но не в тачанку, а в длинную, со свисающими дробинами арбу.

— Эй, дьяволяка лысый! — шумел Дорофей на лысого спокойного коня.—Чего крутишь головой? Привык в тачанке ходить, а солому возить не желаешь?!

— Эге! Хлопцы! — крикнул кто-то из возчиков. — Да с нами и Дорофей поедет. Погляди, как бушует!

Подъехал и кучер Артамашова, — и тоже не на тачанке, а на бричке. Когда собрался обоз в двадцать две подводы и к ним, выехав рысью со двора, присоединился Дорофей, из станичного совета вышли Тимофей Ильич, Савва, Сергей и Стефан Петрович Рагулин. У коновязи, кусая столб, подплясывал на тонких и сильных ногах жеребец, — тот самый неспокойный гнедой жеребец, на котором Сергей ездил в Чубуксунское ущелье. Тимофей Ильич, ударяя плеткой о голенище, торопливо зашагал к жеребцу.

— Батя, вы скачите вперед! — сказал Сергей, стоя на крыльце и рассматривая обоз. — Да отделите лошадей от волов!

— И без тебя, сынок, знаю.

Тимофей Ильич легко и умело сел в седло, кивнул головой и, покороче подбирая поводья, поскакал к головной подводе. С трудом осаживая жеребца, старик полуобернулся и крикнул, точно подавая команду:

— Эй, конные! За мной! А вы, бычатники, тоже пошевеливайтесь!

Обоз загремел, растянувшись по площади.

— Э! Тимофей Ильич дюже большой мастер грузить воза, — сказал Рагулин, провожая взглядом всадника. — Мне с ним довелось сено возить... Умеет воз наложить. И ежели он повел обоз, то привезет соломы столько, что хватит нам весь кирпич обжечь.

— Если б только нам, — буркнул Савва, — а то всему району. Не пойму, что ж это из нашего пятилетнего плана получается?

— А что такое? — спросил Сергей.

— Да как же так! Гидростанцию планировали для Усть-Невинской, а теперь она перешла в район.

— Не печалься, Савва, — сказал Рагулин, — гуртом быстрее построим.

— Или тот же лес, — продолжал Савва. — Трудились, сплавляли, а теперь ко мне ежедневно делегация ездит из соседних станиц. Все за инициативу благодарят и лесу просят, а еще грозят тебе, Сережа, пожаловаться.

— Что же в этом плохого?

— Плохое то, что на готовое добро охотников найдется много... Вот и кирпичный завод мы восстановили, а теперь давай кирпич соседям.

— Надо помогать... А как же?

— Да вы не спорьте, — отозвался Рагулин. — Есть к тебе, Сережа, один хозяйственный вопрос. Скажи, когда мы будем иметь электричество?

— Думаю, что к весне... А что?

— Важная мысль зародилась, а без электричества осуществить ее невозможно.

— Какая ж это мысль?

— Секретная.

— Я знаю, — сказал Савва, — у Стефана Петровича один секрет на уме — об урожае печалится. Да только урожай, как я понимаю, электричеством не подымешь.

— Может, кто и не подымет, а я подыму.

— Не хвастайте прежде времени.

— А я тебе, Савва, вот что скажу. В будущем году наш колхоз пообещался взять на гектаре двести сорок пудов, а дай к весне энергию — и можно прибавить к той же цифре еще сто пудов... Вот тебе и электричество!

— Это интересно! — сказал Сергей. — Стефан Петрович, вы расскажите.

— До поры до времени не могу, — тайна! Ты давай электричество, и мой секрет сам по себе откроется.

Еще немного поговорив с Рагулиным, но так и не узнав о его «секрете», Сергей решил поехать сперва на кирпичный завод, а потом — на строительство станции.

— Думаю, сопровождать тебя не нужно, — угрюмо проговорил Савва.

— Ты чего дуешься?

— Я? Нет, ничего. — Савва насильно улыбнулся. — Сережа, так ты вечером приезжай... Ирина обещала притти.

— Хорошо, я приеду.

Улица вышла к берегу Кубани. Всякий раз, выезжая за станицу, Сергей и радовался, и дивился: какой же странной и неузнаваемой стала знакомая с детских лет речная пойма!.. Бывало, поздней осенью здесь только и был виден серый, прибитый дождями песок, да маячили голые кусты, — кругом просторно и тихо, лишь слышалось грустное журчание воды на перекате.

Теперь же пойма была завалена лесом — штабелями лежали и брусья, и доски. Лесной склад, богатство, какого еще не видела ни одна станица! Изо дня в день по реке разносился протяжный голос пилы, точно говоря: «У-и-и-хь! Ма-а-а-ало!» А вблизи глиняного откоса желтыми курганами стояли обжигальные печи, темнел глиномешальный чан, а вокруг этого чана ходил на приводе конь. Двор был просторный, люди по нему выстроились цепочками, и кирпич-сырец проворно перебегал по рукам и ложился в печи дырявой стеной. А в центре двора невысокая труба курилась курчавым дымком, — пусть издали проезжие и прохожие видят: завод живет!

Более всего, конечно, Сергея радовал вид будущей гидростанции. И хотя еще не горели на солнце окна и не шумела турбина, хотя еще не блестел цинк на крыше, не плескалась вода и сквозь строительный лес лишь угадывались контуры квадратного здания с белыми стропилами, — а все вокруг уже изменилось: и берега Кубани сделались отлогими, и горы стали как будто ниже и приветливее, и бег реки стремительнее, и даже Усть-Невинская точно надела обнову и помолодела.

«Вот она, живая мечта, — думал Сергей, подъезжая к строительству. — Да, здорово меняется пейзаж Кубани».

— Ванюша, а посмотри: какой прекрасный вид! — сказал он.

— Верно! — с достоинством ответил Ванюша. — Вид вполне приличный.

Сергей вошел в машинное отделение и остановился возле глубокого, изогнутого буквой «Г» котлована. Под ногами вдавливались мокрые доски, в окна дул ветер, снизу веяло земляной сыростью. Вот на этом месте ляжет тяжелая, красивая турбина. Сергей задумался. Видя на откосе высокого бугра цементную стену с дырой, он представил, с какой силой забурлит вода, падая по пятнадцатиметровой трубе.

«Скорей бы, скорей», — подумал он и посмотрел на стропила, откуда доносились звон и стук топоров. Прохор сидел верхом на перекладине и улыбался Сергею.

— Любуешься! — крикнул он и стал слезать по лестнице.

Подошел прораб, пожилой, грузный мужчина в полушубке и в шапке-капелюхе.

— Время бы и крышу натягивать, — сказал он, снимая капелюху и вытирая мокрый лоб.

— Без кровли никак нельзя, — вмешался в разговор Прохор. — Скоро польют дожди, а стены не укрыты. — Прохор вынул из-за пояса топор и провел пальцем по лезвию. — Быстроты нету в таком сурьезном деле, как доставка. Чересчур медленно идут грузы... В чем дело, Сергей Тимофеевич?

— То же самое — стекло, — продолжал прораб. — Идет оно к нам уже месяц, а когда прибудет — кто знает.

— Быстро строите, — шутя произнес Сергей и кивнул Прохору. — Так быстро, что железная дорога не поспевает с доставкой.

— Шутки — вещь хорошая, — сказал прораб, — а дело все ж таки стоит... Вот ты торопил меня воздвигать стены, и мы постарались. Машинное отделение готово, а где машины?

— Едут, едут.

— Опять едут? Инженер по монтажу прибыл, а машины все нету...

— Приехал? — обрадованно спросил Сергей. — Да где же он?

— Ушел в станицу. Что ему тут делать?

— Сережа, так этот инженер, знаешь, кто? — отозвался Прохор. — Наш станичник Витька, сын вдовы Грачихи! Ты

бы поглядел на него — франт, просто ужас! На устьневинца не похожий.

— Виктор приехал! — воскликнул Сергей. — Вот это здорово! Эй, Ванюша! Поедем в станицу!

Виктор Грачов обнял Сергея на пороге, и друзья детства долго смотрели друг на друга веселыми и удивленными глазами. В эту минуту весь мир точно отодвинулся назад, и они увидели и залитое лунным светом бахчевое поле, и блеск росы на арбузной ботве, и берег Кубани в солнечном сиянии, и школьную парту, на которой сидели вместе, и Соню, и весенние вечера за станицей...

— Так вот ты какой, Витя! — сказал Сергей и рассмеялся. — А вырос! Ты, брат, повыше меня! А чуб у тебя все такой же — лен да и только! И костюм приличный! Очень красиво! А Прохор — ты знаешь Прохора Ненашева? — франтом тебя назвал.

— Да, — задумчиво проговорил Виктор. — По внешности судят о человеке. Какой была станица, такой и осталась.

— Виктор, а мы-то кто теперь! — все так же волнуясь, говорил Сергей. — Помнишь, какой манящей и загадочной казалась нам жизнь?

— Когда мы сидели верхом на балагане? А в балагане храпел дед Кудлай?

— А луна над степью — ну, просто прелесть!

— Да, было загадочно, а вышло все так просто, — Виктор скупо улыбнулся. — Ты воевал, а я учился. Теперь ты начал строительство, а я приехал к тебе в подрядчики, — все весьма просто и обыденно.

— Инженер?

— Да, и притом электрик.

— Ну вот и хорошо. Будешь у нас главным электрификатором.

— Не смогу.

— Отчего же не сможешь?

— Есть свои причины... В Усть-Невинскую я приехал не надолго... Да что меня связывает с этой станицей? Одна старуха мать... да и той нет времени со мной посидеть.

Наступило неприятное молчание. Друзья сели на лавку. Виктор угостил Сергея папиросой.

— Где ж твоя мать?

— Ушла на ферму... Бригадир позвал.

Опять молчание. Сергею было неловко, и он курил, склонив голову, не зная, о чем бы начать разговор.

— Ты один? — спросил Сергей.

— Еще двое должны подъехать. — Виктор потушил папиросу. — Ну, а ты как поживаешь? О тебе и в Москве говорят... Надолго здесь обосновался?

— Признаться, об этом я еще и не думал.

— Я понимаю... Тебе иначе и нельзя. Слава, чорт возьми, великое дело!

— Это ты что же? Хочешь со мной поссориться?

— А чего ты уже хмуришься? — Виктор осторожно притронулся к Золотой Звезде на груди Сергея. — Путеводная звезда! Да, Сережа, тобой, оказывается, даже иностранные корреспонденты интересуются.

— Где же ты их видел? — удивился Сергей.

— Были у нас в институте. Беседовали с участниками войны и в разговоре назвали твое имя... Видишь, и за границей тебя знают. Собирались приехать в Усть-Невинскую. Ты знаешь, что их интересует? Проблема трудового устройства бывших воинов.

— Хотят перенять опыт? — с усмешкой спросил Сергей. — Ну что ж, милости просим, пусть приезжают. Опытом мы не скупимся...

— И еще собирался приехать один писатель-романист. Книгу о тебе будет писать. Спрашивал у меня, есть ли в верховьях Кубани гостиницы.

— Ну, это ты уж врешь, — с добродушной улыбкой сказал Сергей. — Тут и без гостиницы жить хорошо.

— Как бы там ни было, а скоро ты станешь героем романа. — Виктор рассмеялся и похлопал Сергея по плечу. — Не хмурь, не хмурь свои страшные брови... С тобой и пошутить нельзя!

— Что-то мне твои шутки не нравятся.

— Женился, Сережа? — спросил Виктор, желая переменить тему разговора.

— Собираюсь, — неохотно ответил Сергей.

— А как поживает Соня? Видишься с ней?

— Почти нет...

— Я и до сих пор не пойму, — весело сказал Виктор, — кого она из нас больше любила?

— По-моему, тебя.

Друзья рассмеялись.

— Ну, а ты обзавелся подругой жизни? — спросил Сергей.

— Следую твоему примеру.

— Зря... Лучше поучись у нашего друга Саввы. Вот кто показывает пример. Четыре сына и дочурка — прелестная девчушка. Сегодня у Саввы крестины. Пойдешь?

— В таком случае надо побриться.

Виктор пригладил ладонью спадавшие на светлый лоб мягкие русые волосы. Лицо у него было бледное, усталое. Он достал из чемодана бритвенный прибор и стал раскладывать его на столе.

Теплый вечер укрывал станицу, когда Сергей и Виктор вышли из дому и направились через площадь. В сумерках тонули сады, плетни, крыши хат. Курились трубы, и было так тихо, что дым тянулся к завечеревшему небу толстыми косматыми столбами.

— Виктор, как тебе понравилось здание нашей ГЭС? На красивом месте стоит!

— Тот, кто строит станцию, красотой места интересуется меньше всего, — сухо ответил Виктор.

— Ну, тебе-то нравится?.. Ведь здание какое!

— И здание мне не нравится. Зачем такая махина? Да в этом здании можно ставить два агрегата, а вам и одного хватит с избытком.

— Расчет у нас на будущее, — сказал Сергей. — Освоим новое дело, разбогатеем и вторую турбину поставим... Воды-то у нас хватит!

— Эх, Сережа, Сережа, горячая голова! — снисходительно-ласково проговорил Виктор. — Море тебе по колено. Канала еще нет, а ты уже уверяешь меня, что воды хватит.

— Канал будет. У нас уже все готово. Проект утвержден. Ждем инженера... Да мы если возьмемся...

— Ты, брат, настоящий герой! — Виктор обнял Сергея. — Ну, хорошо, хорошо. Рой канал, богатей, только вторую турбину монтировать я не приеду... Давай условимся заранее.

— Была бы турбина, а монтажники найдутся, — со злой иронией ответил Сергей. — А вот и имение Саввы! Посмотри, какой уютный дворик...

ГЛАВА IV

Дом Саввы стоял в глубине двора окнами на улицу, и к нему вела дорожка, обсаженная гвоздикой и дубками. Сергею всегда, а особенно сегодня, было и приятно и радостно проходить по этой дорожке. В комнатах ярко горели огни, и на белом кружеве занавесок темнели венчики цветов, доносились голоса детей, матерински-ласковый смех Анюты, — все так и говорило, что в этом доме полная чаша довольства и счастья, и Сергей невольно ощутил на сердце какую-то теплую радость... И пока Савва обнимал Виктора, смеялся и приговаривал: «Ага! Слетаются усть-невинские парубки!»; пока знакомил друга с женой, которая подошла спокойной походкой, с улыбкой протянула руку и сказала своим приятным голосом: «Снимайте пальто, будьте у нас как дома»; пока Савва унимал не в меру развеселившихся сыновей, представлял их по очереди Виктору, а потом отвел друга к висевшей у припечка люльке и показал дочурку, — все это время Сергей думал об Ирине и жалел, что ее еще не было, и все смотрел то на Анюту, то на умытых, причесанных хлопчиков, то на тот особенный уют, который всегда был в этом доме.

А когда вошла Ирина с заплетенными косами, лежавшими у нее на груди, и, блестя черными глазами, еще у порога улыбнулась Сергею ласково и так украдчиво, что только он один и мог заметить, Сергею показалось, что в комнате стало светлее и на сердце теплее. Затем появились Семен с Анфисой, Никита с Варей, и Савва начал приглашать гостей к столу, при этом говоря:

— Ах ты, горе! Не у всех имеются жены... Как же вас поудобнее за столом рассадить?

Сергей, волнуясь, обнял Ирину и сказал:

— Друзья! Вот моя жена!

— Сережа, ты с ума сошел, — чуть слышно проговорила Ирина, краснея и отстраняя его руку.

— Виктор, — не слушая Ирину, говорил Сергей. — Одобряешь мой выбор?!

— Вполне, — сказал Виктор, улыбаясь Ирине. — Рядом с Героем любая девушка становится намного красивее.

— И неправда! — сказала Ирина, и все заметили в ее блестевших глазах слезы.

— Почему ж неправда? — спросил Виктор.

Ирина подняла голову и, смело глядя на Грачова, сказала:

— Потому, что ты глупости говоришь!

— Обиделась — значит, правда, — сказал Виктор, но уже обращаясь не к Ирине, а к Сергею.

— А я с Ириной согласен...

— Ну, еще бы!

— Братушка, — отозвалась Анфиса, — уж очень ты медленно выбираешь себе жену!

— Медленно, но зато надолго!.. Правильно, Иринушка?

— Отстань, — сердито сказала Ирина и отвернулась.

Тем временем Савва разлил в стаканы вино, а Анюта, розовая и взволнованная, поднесла к столу маленькую Иринушку в голубом с кружевами одеяле и осторожно передала ее Сергею.

— Ну, крестный папаша! — весело сказала она, озорно посмотрев на Ирину, — учись детишек нянчить... Может, пригодится!

— Наука нетрудная, — рассудительно сказал Никита.

— Да тебе все нипочем, — отозвалась его жена Варя.

— Семену, Семену надо этой наукой овладевать! — сказал Савва, и все посмотрели на смутившуюся Анфису.

Семен наклонил голову и промолчал. А Сергей неумело, на вытянутых руках держал мягкий и, как пушинка, легкий сверток, и ему не верилось, что в одеяле лежит живое существо. Все так же, не сгибая рук, он обошел вокруг стола. Гости заглядывали в одеяло и видели там крохотное личико с чуточку приоткрытыми, сонными и ко всему равнодушными глазенками. Когда Сергей подошел к Ирине, она встала и сказала:

— Эх, медведь! Руки — как грабли... Еще уронишь!

Ирина взяла ребенка, склонила к нему голову, шопотом говорила что-то такое ласковое и нежное, отыскала соску, — ту самую соску с белым роговым кольцом, которую Сергей привез из Москвы, — подобрала концы одеяла, оправила на голове девочки беленький чепчик — и все это делала так ловко и проворно, что ей могла позавидовать самая взыскательная мать. Передавая девочку Анюте, она поцеловала ее в теплую, с нежным пушком щечку и рассмеялась.

Сергей стоял тут же и то улыбался, то одобрительно кивал головой, а потом взял стакан с вином и предложил

выпить за здоровье крестницы Ирины Остроуховой. За столом стало шумно, — все смеялись, шутили, хвалили Анюту и за то, что в доме у нее всегда весело, и за то, что дети у нее такие голубоглазые и славные, и за то, что она такая заботливая хозяйка, и за то, что на столе чего-чего только не было: тут и жареный гусь, обложенный печеными яблоками, и тарелки свиного холодца с застывшим, как иней, салом, и горы малосольных помидоров, и пироги, и ватрушки, и какие-то зубчатые пряники. А когда все, что лежало на столе, было испробовано на вкус и маленькая Ирина снова лежала в люльке, а мальчуганы ушли спать, появился патефон, и гости разделились: Семен заводил патефон, Анфиса подбирала пластинки, Варя учила мужа танцовать вальс, а Ирина и Анюта сидели за столом и тихонько говорили о чем-то своем.

Друзья детства уселись на диван, закурили; разговаривали, смотрели друг на друга восторженными глазами, и им не верилось, что вот они снова вместе и что каждый из них уже не тот, каким был еще совсем недавно.

— У меня свои планы и свои нужды, — говорил Савва. — И не могу же я печалиться о других. И в Родниковской, и в Белой Мечети есть станичные советы, так о чем же они там думают? Или хотят, чтобы я взял их на иждивение? Не могу!

— Милый Савва, но и нельзя же жить интересами одной своей станицы, — возразил Сергей. — Твоя Усть-Невинская не на острове стоит.

— Все правильно! — Савва даже приподнялся. — Но что ты там, Сережа, ни говори, а понять я тебя не в силах. То ты Усть-Невинскую возвеличивал, в первые ряды ставил... Помнишь, как мы вот на этом же диване вели беседу, как ты горячо нам подсоблял, и мы дело двинули... А теперь чорт его знает что получается! Гидростанцию планировали для себя, а вышло для всех... Обидно, Сережа! Ведь старались! А лес? Себе приобретали, а получается — работали для чужого дяди...

— У тебя странное понятие о своем и чужом.

— Да уж какое есть, — с обидой ответил Савва.

— Разве гидростанция теперь уже не твоя?

— Моя, но и не моя. — Савва обратился к Виктору, который сидел с поникшей головой, курил и молча слушал: — Витя, ты человек образованный, рассуди — кто из нас прав?

— Я у вас временный гость, — глухо заговорил Виктор, не подымая головы. — Моя обязанность — установить машины... Но мне непонятно, о чем вы спорите?

— Обижает меня Сергей! — волновался Савва. — Понимаешь, все мои планы рушатся... Ну, скажи, разве друзья так поступают?

— Смотря по тому, как понимать дружбу, — с улыбкой сказал Сергей.

— Зря, Савва, волнуешься. — Виктор поднял голову и оправил ладонями спадавший на лоб мягкий чуб. — Мне кажется, как бы Сергей ни поступал, он прав... по-своему, конечно.

— Почему ж прав? — спрашивал Савва. — А мы? А вся станица?

— Прав уже по одному тому, — продолжал Виктор, — что личная его слава, так сказать, его теперешнее место в обществе заставляют это делать...

— Чертовщину городишь! — со злостью сказал Сергей и решительно встал. — При чем тут моя слава?.. Так могут рассуждать действительно только временные гости... Но я-то здесь житель постоянный?

— Ну, полно, Сережа, — добродушно заговорил Виктор, тоже встал и застегнул пиджак. — Чего ты злишься? Ну, пусть я неправ, — не настаиваю... И не будем об этом... Лучше расскажите мне, что нового в станице?

— Савва, побеседуй с гостем об устьневинских новостях, — с некрываемой усмешкой сказал Сергей. — А я буду благодарить хозяев, мне пора! — последнюю фразу он нарочно произнес громко, так, чтобы услышала Ирина.— И прежде всего я благодарю Анюту — это же золото, а не хозяйка!

В комнате наступила тишина. Сергей надевал шинель и ласково смотрел на Ирину. Ирина тоже стала одеваться.

— Ну, что же это такое! — Савва развел руками. — Куда ты торопишься?

— Не могу, Савва... Спешные дела... Завтра я буду у тебя.

Сергей любезно попрощался со всеми за руку, подмигнул сестренке, подошел к люльке, посмотрел на сонное личико Иринки и вышел. Впереди него прошла Ирина.

Савва проводил Сергея за ворота.

— Обиделся? — спросил он, блестя большими глазами.

— Нет, не обиделся, а только слушать тошно... Да, вот что не забудь: Грачову потребуются люди. Пошли Прохора и еще человека три...

Сергей обнял Ирину, а она, словно давно этого поджидала, прижалась к нему, и они пошли улицей, не торопясь, точно и не зная, в какую сторону лежит их путь, — куда бы ни итти, лишь бы не стоять на месте... А Савва, оставшись у ворот, еще долго смотрел им вслед и думал:

«Сережа, Сережа, так вот какое у тебя спешное дело... А я и не знал, что захотелось тебе побыть с Ириной, вот и ушел, и правильно сделал. На твоем месте и я не стал бы сидеть в хате, потому как ноченька-то какая!.. Не знаю, знакомы ли тебе, Сережа, красоты этих ночей?»

Не печалься, Савва! Кто, кто, а Сергей Тутаринов хорошо знает, как очаровательны те часы южной осенней ночи, когда давным-давно спит Усть-Невинская и над ее припудренными инеем крышами разлита такая тишина, что даже слышно, как шуршат крыльями грачи, зорюя семьями на тополях; когда шатер неба высок и матово-черен и над головой рассыпано столько малых и больших звезд, что рябит в глазах, если подолгу смотришь вверх; когда от Кубани веет изморозью, а широкая, со шпалерами акаций, улица совсем пуста и идешь по ней, как по проспекту, не один, а с любимой девушкой.

Так отрадно было вдвоем, разговаривая вполголоса, проходить под звездным небом, видеть то площадь, то шапки грачиных гнезд на тополях, то улочку, идущую к выгону... В станице начиналась перекличка зоревых петухов, повеяло свежестью разгулявшегося ветерка, а дорога еще далека, и птичник еще не виден за Верблюд-горой...

— Сережа, — говорила Ирина, — зачем ты при всех назвал меня своей женой?

— Не утерпел, Иринушка!

— Ты в шутку так сказал? Да? В шутку?

— Да как же можно! Совсем наоборот... Разве этим шутят?

— А все ж таки не надо было... Как можно наперед говорить такое?

— Так это же будет! — волновался Сергей. — Зачем же скрывать?.. И знаю — любишь!

— Люблю, — чуть слышно проговорила Ирина, — а только боюсь.

— Чего же ты боишься?

Ирина посмотрела Сергею в глаза и улыбнулась.

— Если б ты был, как все, чтобы были у тебя вот только эти приметные брови и вот только эти глаза, и весь ты — просто Сережа и больше никто...

— Да я и есть такой... Ты только присмотрись хорошенько.

Ирина, не переставая улыбаться и ласково глядя ему в лицо, отрицательно покачала головой:

— Нет... Слышал, что сказал даже твой друг... Возле тебя девушки становятся красивее... А я хочу и с тобой, и без тебя быть самой по себе, какая я всегда... Понимаешь, Сережа?

— И будь такой! Это же очень хорошо... А Виктора ты не слушай. Он и обо мне чорт знает что говорит... Не успел приехать — и уже такие суждения.

Ирина наклонила голову и молчала.

— И еще, — сказала она, перебирая пальцами махры шали и уже боясь взглянуть на Сергея, — и еще — я поеду учиться...

— Одобряю, — сказал Сергей. — Вместе поедем. Вот построим гидростанцию, жизнь наладится — и мы улетим с тобой, как вольные птицы!

— Долго ждать, — все так же тихо и грустно проговорила Ирина. — Когда это будет...

— Скоро, скоро, Иринушка. — Сергей крепче обнял Ирину. — Ну, что ты сегодня такая невеселая?.. Подыми голову! Посмотри, как белеет иней на степи! И птичник уже видно...

Они подходили к птицеводческой ферме. С Верблюд-горы дул ветер, и на равнину клочьями сползал туман, — очевидно, рассвет был близок.

ГЛАВА V

Еще в первых числах октября на одном из заседаний исполкома Сергей внес предложение — наделить приусадебными участками тех фронтовиков, кто из армии приехал на Кубань, женился или был женат, но у кого своего подворья не имелось и жить было негде. Предложение было принято, затем утверждено в крае, и к поздней осени во всех станицах и хуторах Рощенского района сотни новых семей ставили на краю улиц плетни и строили себе хаты.

В Усть-Невинской в числе других фронтовиков делянку земли под усадьбу получил и Семен Гончаренко... Трудно словами передать его душевное волнение. Ему сделалось и радостно и как-то боязно от сознания, что совсем нежданно жизнь его после войны сложилась так легко и удачно. Ехал к другу в гости на какой-нибудь месяц, а остался насовсем. Еще вчера у него ничего, кроме оружия, не было, а сегодня он — уже всеми признанный житель Усть-Невинской. У него есть жена, и какая ж славная жена! Своей Анфисой Семен не нарадуется! А теперь вот есть у него и свой огород, а скоро будет и свой дом. Семена приняли членом колхоза имени Ворошилова. «А где тут у вас проживает Семен Гончаренко? — будут спрашивать люди. — Эге, да разве ж вы не знаете? Идите по этой улице аж на край станицы — там и стоит его домишко...»

И хотя давно была сыграна свадьба, где Артамашов изрядно выпил и кричал на всю улицу: «Семен — ты золотая душа! Вот это и есть настоящий фронтовик, не то, что некоторые другие... геройством своим козыряют! Семен, дай я тебя поцелую! Мы принимаем тебя в свою казачью семью с раскрытой душой!»; хотя давно его все назвают «станишником», а однолемешный плуг, впряженный парой волов, еще на той неделе описал узкой стежкой квадратное поле и Савва Остроухов сам поставил на углах колышки, а Семену все еще не верилось и все еще казалось, что это была не явь, а сон. Савва вручил ему документ с печатью, и Семен много раз вместе с Анфисой перечитывали слова: «Принимается на постоянное жительство в станице Усть-Невинской и наделяется усадьбой согласно постановления Рощенского исполкома бывший фронтовик, орденоносец Гончаренко Семен Афанасьевич», а про себя думал:

«Спасибо тебе, Сережа, славный ты у меня друг... Только где ж ты пропадаешь, почему же не заедешь ко мне, чтоб мы вместе с тобой порадовались?..»

Часто Семену видится груша во дворе Тутариновых, та самая развесистая груша, возле которой он стоял в лунную ночь, понуря голову и тоскуя по Анфисе. «Кубань, Кубань,—вспоминал он свои слова,—знать, не для всех ты ласкова и приветлива». Теперь он даже улыбнулся, думая об этом. Как во сне, видел он тогда свою хату, садок и Анфису, идущую по саду с ребенком, — то была мечта, и

казалась она несбыточной. Теперь же мысли его сбылись, и хотя на огороде нет еще ни домика под черепичной крышей, ни молодого садочка, но Семен верил, что все это будет. Верила и Анфиса, помогая мужу рубить и носить хворост и огораживать им двор. Лес стоял по ту сторону реки. Семен и Анфиса с рассветом переезжали Кубань на лодке и до восхода солнца успевали перевезти на свой берег не одну вязанку хвороста.

Семен так быстро и умело плел изгородь, что Анфиса не успевала подносить ему лозу и дивилась, где он мог этому научиться. Не прошло и недели, как свежий плетешок ловко пристроился к крайнему от выгона двору стариков Семененковых. Выросли и ворота, и калитка — они стояли лицом на восток. Соседи Семена — бабка Параська и дед Евсей — немало обрадовались, увидев рядом со своим домом новую изгородь.

— Евсей, оцэ мы зараз не крайние, — сказала бабка Параська.

— Само собой, — ответил Евсей.

Старики пошли осматривать изгородь. Евсей попробовал рукой плетень, одобрительно кивнул Семену и сказал:

— Плетешок — само собой... Ну, давай, сосед, покурим.

Дед Евсей вынул из кармана широкой штанины кисет, пропитанный табачной пылью, и повесил его на мизинец. Они закурили. В этом время на улице показалась подвода, запряженная быками. Помахивая кнутом, быков вел Никита Мальцев, а на бричке сидели его жена Варя, остроносая, с быстрыми глазами, чем-то похожая на лису, и сестра Вари — Соня, повязанная теплой шалью. На Никите короткий, подбитый овчиной жакет был подпоясан веревкой, низенькая кубанка сдвинута на затылок.

— Здорово булы, казаки! — сказал Никита, подъезжая к плетню. — Быстро ты, Семен, обгородился. А чего ж людей не скликаешь?

— Да зачем же их созывать?

— Как так зачем? А дом строить?

— Никита, так то ж будет по весне, — пояснила бабка Параська.

— Ах, бабуся, бабуся, долго вы живете на свете, а знаете мало. — Никита повесил налыгач быку на рога. — Меня батько завсегда учил: то, что можно сделать сегодня, никогда нельзя оставлять на завтра... Вот так надо

действовать и Семену. И чего же ждать? Например, камень для фундамента можно заготовить и осенью, а весной мы наделаем саману, и к жнивью можно будет новоселье справлять.

— Само собой, — пробурчал Евсей. — Новоселье — оно такое дело, что само собой...

— Вы, бабо Параська, думаете, что я так только языком поучаю? Сегодня воскресенье, моей транспортной бригаде отдых, вот я и прибыл помочь. — Никита восторженно посмотрел на Семена. — Прикатил к тебе, Семен, с женой и со свояченицей. — Он обратился к Варе: — Варюша, прыгай на землю.

Варя проворно соскочила с брички и, блестя быстрыми глазами, подала Семену руку, отвернулась и рассмеялась. Соня сидела на бричке и грустно, с завистью смотрела на Анфису.

— И до чего ж хозяйственный человек мой Никита! — сказала Варя, играя насмешливыми глазами. — Все он наперед знает, как старый дед. — И она, подняв веселую голову, подошла к Анфисе. — Анфисочка, а скучно тебе будет жить на краю станицы? Как в степу.

— А отчего ж скучно? — возразила Анфиса. — В своей хате завсегда весело.

— Был бы муж по сердцу, — отозвалась Соня, грустно улыбаясь.

Камень брали в пойме Кубани. Он лежал по берегу серой полосой — один в один, величиной не больше арбуза, только не все круглые. Бричку нагружали быстро, и быки, ложась на ярмо и выгибая спины, с трудом вывозили ее на пригорок, где стояла станица. Никита вел быков, а Семен шел следом за подводой.

Анфиса, Варя и Соня оставались у реки. Они садились на широкую плиту, как на скамью. Кубань была мелководная, — почти до середины синело усыпанное камнями дно. За рекой желтел лес. В чистом небе кружились грачи.

— Анфиса, скажи, тебя Семен сильно любит? — спросила Варя, задумчиво глядя на реку.

— А зачем ты об этом спрашиваешь? — Анфиса покраснела. — Если бы не любил, то не женился...

— То, что женился, еще не все, — рассудительно сказала Варя. — Я вот смотрю на своего Никиту: переменился он ко мне. Пока парубковал да домой меня провожал

каждый вечер, так, веришь, был такой ласковый да влюбленный, а теперь...

— Разве что замечаешь? — спросила Анфиса.

— Такого ничего не замечаю, — со вздохом сказала Варя, — а чегось он сделался такой непоседливый. То бегает на собрание, то на разные совещания, то на лесосплав без меня уехал. А то еще одна новость — комсоргом сделался и бригадиром по транспорту. День и ночь ездит. А третьего дня был у нас твой брат, на машине приехал. «Ну, говорит, Никита, я тебя еще на лесосплаве заприметил, готовься, подбирай себе из молодежи бригаду, скоро начнем канал рыть». А мой Никита и рад, и уж только и разговору у него, что о канале. А знаешь, сколько там будет девчат? Я ему так и сказала: «Поезжай, а только и меня бери с собой».

— Разве за это можно на мужа обижаться? — возразила Анфиса. — То, что Никита старательный, как раз и хорошо, а ты, дурная, в ревность бросаешься.

— Да я не ревную, а только побаиваюсь, — Варя рассмеялась.

— Анфиса, — вмешалась в разговор Соня, глядя на реку и о чем-то думая, — правда, что твой брат женится на Ирине Любашовой?

— А я почем знаю, — с обидой в голосе ответила Анфиса. — Его дело. Пускай, на ком хочет, на том и женится.

— Чего ты скрываешь? — Соня бросила камешек в воду. — Об этом вся станица говорит... Ничего себе, подходящая для Героя будет жена... молоко исправно умеет возить.

— Ой, сестренка, — отозвалась Варя, — какая ж ты злая на язык! Разве Ирина плохая девушка!

— Я знаю, — сказала Анфиса, мельком взглянув на Соню, — у тебя, Соня, серденько болит... Так ты сама в этом виновата. Не уберегла ты своего Сережу. Как он тебя любил, а ты замуж вышла назло ему, а получилось — себе же на горе. И Виктор Грачов тебя любил... Ты с ним повидалась?

— Любили... — грустно и ни на кого не глядя, сказала Соня, и подруги заметили в ее глазах слезы.

Анфисе стало жалко Соню, и она с чисто женской лаской обняла ее, улыбнулась и сказала:

— Да ты не печалься... Не знаю, может, Ирина его чем и завлекла — она ж его на своих быках со станции везла. Может, у него и есть какая думка, да только я так скажу: Ирина не пара нашему Сергею. Он и председатель райисполкома, и образованный, а к тому ж и Герой. А кто такая Ирина? Простая девушка, молоко на сырзавод возит, «цоб-цобе» знает — вот и все.

Соня смотрела на желтую полосу леса за рекой и молчала.

— Не беспокойся насчет культуры, — сказала Варя. — Пусть только Сережка возьмет Ирину к себе в район да косу она себе малость подрежет, завивку сделает да красивое платье наденет — еще какая будет образованная и культурная.

— И такое ты придумала, — рассердилась Анфиса. — Разве нарядами да прическами можно человека переделать? По себе суди. Поезжай в город. Хоть какое красивое платье надень, а всякий скажет, что ты из станицы... Да мне-то что? — Анфиса встала, отряхнула рукой юбку. — Пусть женится и на Ирине. Она семилетку кончила, а там еще подучится... Только я думаю, что Сережке сейчас не до Ирины. Уже второй месяц домой не заявляется. Все по району ездит. И хлебопоставки, и электростанцию строит... Знаешь, сколько у него дел?.. Машины уже пришли. Витька Грачов их будет пристраивать... А вот и наши ползут.

По берегу, осторожно ступая на камнях, медленно шли быки. Пустая бричка подпрыгивала и гремела. Семен и Никита сидели на грядке и разговаривали.

— Ты в этом неправ, — доказывал Никита. — Послушай моего совету. Тракторная бригада от тебя не убежит, ты о ней зараз не думай, а становись председателем колхоза. Артамашову, по всему видно, теперь не удержаться. Много за ним грехов. Сейчас работает ревизионная комиссия. Заведующий райзо сидит вторую неделю; Сергей Тутаринов приезжал... Там такая картина открывается, что Артамашову не поздоровится. Скоро будет общее собрание, и колхозники, я слышал, сильно поговаривают насчет тебя. И, по-моему, кандидатура подходящая. А ты что скажешь?

— Не смогу... Понимаешь, Никита, не потащу.

— Ну, почему ж не потащишь? Странный ты человек. Был на войне, столько наград имеешь, член партии — и не потащишь? Не понимаю тебя, хоть что хочешь!

— Тут и понимать нечего. Посуди, Никита, сам. Колхоз наш большой, хозяйство в нем развалено, а у меня нет ни опыта, ни знания в сельском хозяйстве. Как же мне браться за такую работу?

— Кто ж будет колхозы укреплять, ежели все начнут так рассуждать, как ты? — сердито заговорил Никита. — Верно, нелегко придется после артамашовского хозяйничанья: и того нету, и другого нехватает. Так для того же и новый председатель, чтобы все направить и наладить.

— Хорошо ты говоришь, Никита, — с улыбкой сказал Семен. — А почему бы тебе не стать на этот пост? Ведь ты же природный хлебороб?

— Я бы стал, — смутившись, отвечал Никита. — Если бы был членом партии, я бы поехал к Кондратьеву и сказал: «Буду в своем колхозе председателем...» Я бы не испугался и показал бы, как надо работать.

— Разве для этого необходимо быть членом партии?

— Не то чтобы необходимо, а все ж таки доверие...

— Но ты же комсомолец да еще комсорг, а потом будешь и членом партии. Покажешь себя на работе.

— Нет, я знаю, собрание не согласится. Скажут — еще молодой. Весной меня хотели назначить бригадиром, а Федор Лукич Хохлаков запретил по причине того, что я еще молодой.

— Эй, молодожены! — крикнула Варя. — Чего ползете, как на черепахе? Да у вас и быки поснули!

ГЛАВА VI

Варя Мальцева была падкая до всякого рода станичных новостей, любила поговорить, посудачить, сидя вечером с соседками на завалинке. Самой излюбленной темой таких разговоров обычно были свадьбы, женитьба, сватовство. Поэтому, когда Варя узнала от Анфисы, что Сергей Тутаринов, возможно, и не женится на Ирине Любашовой, то на второй день об этом знали все ее подруги, а от подруг новость разнеслась по всей станице. Слова Анфисы: «только я так скажу: Ирина не пара нашему Сергею» были приписаны самому Сергею. Какая-то словоохотливая подруга Вари прибавила от себя, будто бы Сергей сказал, что ему, как Герою Советского Союза, нужна жена не такая, как Ирина, и что якобы он уже нашел себе в Рощенской не то учительницу, не то приезжую артистку.

От ворот Мальцевых слухи поползли по станице и вскоре проникли и на молочную ферму. Как ни старалась Ирина ничего не слышать и ничего плохого не думать о Сергее, а сердце все болело и болело. Вечером, приехав на ферму, она бежала домой и, блестя глазами, спрашивала мать, не приезжал ли Сергей.

— Ох, горе, горе мне с тобой, — говорила Марфа Игнатьевна. — Видно, правду люди говорят, — не тебе его любить.

— А я не верю! Никому не верю, пока от него не услышу.

Отказавшись от ужина, Ирина садилась у окна, и так, прислонившись горячей щекой к вспотевшему стеклу, просиживала всю ночь. Утром мать со страхом смотрела на ее сухие, выплаканные глаза и только сокрушенно качала головой:

— Да ты не больна, Иринушка?

— Нет, мамо, я здорова, — и она через силу улыбалась.

Как на беду, проезжая мимо двора Мальцевых, Ирина встретилась с Варей.

— Эй, молочница! Чего так запоздала? — крикнула Варя, выходя из калитки.

— А я всегда в эту пору приезжаю в станицу, — сухо ответила Ирина. — Да на этом бычьем транспорте раньше и не вернешься.

— Иринушка, небось надоело тебе цобкать? — сочувственно спросила Варя. — Ну, ничего, — ее быстрые глаза засмеялись, — может, скоро и не будешь на быках ездить?

— Это почему же так? — Ирина насторожилась, увидя в глазах Вари недобрый блеск.

— А так, твой герой... — она не досказала, залилась смехом, прыгнула на воз и уже на ухо прошептала: — ты ему не очень верь... Как подружке скажу, что Сергей смеется над тобой. — Она заговорила еще таинственней: — «Меня, — говорит, — Ирина полюбила за Золотую Звезду, а за это каждая полюбит».

— Погоди, — тихо проговорила Ирина. — Что ты такое говоришь? Откуда тебе это известно?

— Сорока на хвосте принесла — вот откуда!

— Это неправда! — крикнула Ирина. — Неправда! Сергей так обо мне не скажет. Ты это сама выдумала... Как тебе не стыдно, Варя!

— Дурная ты, что тебе еще сказать! — Варя прыгнула на землю. — Ты не злись, тебе ж добра желаю...

У Ирины так заболело сердце, что она не могла вымолвить слова. Желая одного — уехать побыстрее, она взмахнула кнутом, надвинула на глаза платок и за слезами не видела ни быков, ни дороги...

«Так это я полюбила за Золотую Звезду? Неправда. Он этого обо мне не скажет...»

И еще одну ночь Ирина не смыкала глаз. Она вышла на курган — когда-то здесь они стояли вдвоем и любовались лунным светом. Теперь же степь была укрыта такой темнотой, что не было видно ни дороги, ни даже птичника. Ирина ждала — вот-вот вдали вспыхнет зарево автомобильных фар. Она так пристально смотрела в темноту, что ей или показалось, а может быть, она и в самом деле увидела две горящие точки.

«Он!.. Сережа!»—крикнула она и с замирающим сердцем побежала к дороге. Горящие точечки разрастались, все шире и шире раздвигалась тьма, и вот яркий, слепящий свет озарил Ирину, курган, птичник, — мимо нее с грохотом и ветром пролетел грузовик. Долго маячили красные огоньки — точно шарики катились по земле. Ирина стояла у обочины дороги и шептала:

— Не он... А может, это правда?

Утром, когда Ирина ушла на ферму, а Марфа Игнатьевна управлялась в хате, на птичник нежданно-негаданно пришли Тимофей Ильич и Ниловна. Старики были одеты по-праздничному. Старый Тутаринов, сухой и высокий, был в папахе из кудлатой овчины, в тулупе, в сапогах, вымазанных дегтем. Ниловна была одета в широкополую кофту, повязана теплой шалью, отчего рядом с Тимофеем Ильичом она казалась совсем маленькой.

Не постучавшись, Тимофей Ильич открыл дверь, на пороге снял шапку и перекрестился. Перекрестилась и Ниловна. Потом они поклонились хозяйке и молча переступили порог. Только после этого — все так же молча — Тимофей Ильич распахнул полы тулупа и извлек оттуда паляныцю, завернутую в рушник, и бутылку водки. Теперь Марфа Игнатьевна не сомневалась, что Тутариновы пришли сватать ее дочь. Обрадованная такой приятной неожиданностью, Марфа Игнатьевна и улыбалась гостям, и не знала, где их посадить, что им сказать. Принимая дрожащими руками хлеб, она перекрестила его, поцеловала и по-

ложила на стол. Водку поставила под стол. Потом стала упрашивать гостей раздеться.

— У нас хатенка маленькая, а теплая, — ласково говорила она, помогая Ниловне развязать концы шали.

Снимая шубу, Тимофей Ильич улыбнулся и сказал:

— Гостей не так радует хата, как ласковый прием хозяйки.

Ниловна сняла кофту и, усевшись на лавку, осмотрела хату.

— А и вправду, — сказала она своим тихим и приятным голосом, — хатенка у вас маленькая, а славная хатенка. И тепло у вас. Наверно, дочка печь топит?

— Ирина у меня на все руки.

— А где ж она будет? — спросил Тимофей Ильич.

— В извозе... Щебень на строительство возят. Где ж ей быть?

— Ну, Марфа Игнатьевна, — заговорил Тимофей Ильич, усаживаясь на лавке, — ты уже, наверно, догадываешься, за каким делом мы к тебе пожаловали? Да оно и не трудно догадаться. На столе хлебина в рушнике, под столом на изготове горилка, а на лавке — добрые люди. Картина дюже наглядная... Так вот что я скажу про наше посещение. Хоть мы уже люди и не молодые, век свой прожили, можно сказать, в старых обычаях, а все ж таки мы не будем упоминать таких слов, какие говорились допрежь: дескать, у вас имеется товар, а у нас купец, у вас живет красавица царевна, а у нас пребывает красавец царь и прочее. Такие слова нынче не в моде, и нет в них правильного понятия. Скажем по-простому, без обиняков: в вашем доме, Марфа Игнатьевна, есть невеста, стало быть, ваша дочка... По всему нам видно — девушка славная, работящая... А в нашем доме на тот случай приберегается жених, стало быть, наш сын, не будем его здорово расхваливать, а только скажем — парень хоть куда. Ко всему этому, Марфа Игнатьевна, родительскому глазу видно, что дети наши паруются. Знать, и нам не следует стоять в стороне, а надобно поступить так, как поступали наши покойные родители, когда нас женили и замуж выдавали... Правильно я говорю, Ниловна?

— Известно дело, чего ж еще, — сказала Ниловна. — Друг дружку они полюбили, так что надо их благословить, — да и всему разговору конец.

— А что вы, Марфа Игнатьевна, на это скажете?

— Ох, Тимофей Ильич и Василиса Ниловна, задали ж вы мне задачу, — с радостной улыбкой заговорила Марфа Игнатьевна. — Я скажу, что так я рада, так я рада, что вы навестили меня с добрыми намерениями, что даже и выразить не могу свою радость. И речи ваши о наших детях приятны моему сердцу. А все ж таки я не знаю, как и быть... Дело-то такое еще неясное...

— А что ж тут неясного? — спросил Тимофей Ильич и посмотрел на Ниловну. — По-нашему — все ясно!

— А слыхали, небось, какая идет по станице балачка? Такое бабы поговаривают... — Марфа Игнатьевна запнулась, отвернула лицо. — Будто так выходит, что сыну вашему неровня моя дочка... Так что, я не знаю, как нам и говорить о таком деле...

— Что нам та балачка? — Тимофей Ильич вынул из кармана кисет и стал закуривать. — Люди почешут языки да и замолчат. Мы же своим детям не чужие люди, а родители.

— Слова ваши, Тимофей Ильич, истинная правда, — Марфа Игнатьевна тяжело вздохнула. — Мы своим детям добра желаем, а только дети нынче гордые да обидчивые... На меня, — так я бы эту людскую молву и слушать бы не стала, а Ирина сильно переживает, даже приболела, стала сумрачная, невеселая... Так что надо бы сперва детей наших спросить, как они между собой — в согласии, а мы поладим, чего ж там... Я-то всей душой, лучшего зятя мне и желать не надо...

— Что ж нам детей спрашивать? — возразил Тимофей Ильич. — Что они нам скажут? Невеста покраснеет и убежит, а жених еще и поругает нас. Он в таких делах дюже норовистый. — Тимофей Ильич, раскуривая папиросу, рассмеялся и закашлялся. — Так что сперва нам надо между собой найти согласие.

— А вы своего сына пытали, когда собирались к нам? — поинтересовалась Марфа Игнатьевна. — После этих всех разговоров в станице...

— Сказать правду, затем мы к вам и прибыли, чтобы станичные бабы прекратили ту дурную балачку. — Тимофей Ильич разгладил усы. — Вчера я был у сына. Он же к нам редко заезжает. Так я сам явился к нему. Прихожу прямо к кабинет. Накинул крючок на двери и говорю: «Ты, сынок, управитель всего района, а про тебя в стани-

це всякую чертовщину говорят... Почему ты девушку в такой позор вводишь? Почему не приедешь сам да и не кончишь свое дело разом?» Стал он передо мной оправдываться, говорит, что замыкался на работе, что некогда ему и в гору взглянуть... Тогда я ему и говорю: «Ежели тебе некогда, то мы с матерью пойдем к Марфе Игнатьевне и будем по-родительски вершить дела...» Так что вы, Марфа Игнатьевна, ни в чем не сумлевайтесь, а ставьте на стол закуску, выпьем мы по чарцы и породнимся, а дети наши потом обо всем прочем между собой договорятся... Так я понимаю, Ниловна?

Ниловна утвердительно кивнула головой, а Марфа Игнатьевна с сияющей улыбкой уже расстилала на столе новую скатерть.

ГЛАВА VII

Сергею еще на фронте довелось познать, что такое цена времени. Он служил в танковых войсках, и там, на войне, случались минуты, когда он думал о том, как бы хорошо было иметь в танке четвертую, пятую, а то и шестую скорость. Помнится, последний раз такая дерзкая мысль пришла в голову в тот день, когда их дивизия прорвалась в Прагу... Но там, в этом могучем движении войск, а особенно в танковых атаках и маршах, Сергею казалось обычным и естественным то, что он иногда забывал, какой сегодня день, и не замечал, что там, на дворе, — утро или вечер.

В ту пору, — а потом уже и позднее, когда демобилизовался, — Сергей был совершенно убежден, что только на войне жизнь набирает такую предельную скорость, а скажем, у председателя райисполкома она течет спокойно и размеренно. Был Сергей еще молод, в житейских делах неопытен, и он верил, что председателю райисполкома торопиться некуда, ибо у него нет приказа — непременно к такому-то часу пересечь вражескую коммуникацию, выйти к реке и овладеть переправой... Нет, у председателя райисполкома, думал он, каждый день проходит спокойно, все у него заранее расписано и предусмотрено: он знает, что ему делать сегодня, а что завтра; придет воскресенье — выходной день, в понедельник — заседание исполкома, во вторник — выезд в станицы, в среду — прием посетителей.

К тому же есть и часы досуга: хочешь — езжай на охоту, хочешь — отдыхай за чтением книг.

Оказалось же, что в жизни Рощенского района есть много общего с той торопливой, напряженной жизнью фронта, которую Сергей за годы войны не только хорошо познал, но и полюбил. Это общее и состояло именно в том, что одинаково, как на фронте, так и в Рощенском районе, надо было постоянно торопиться, заниматься срочными и неотложными делами, беречь и ценить время и быть постоянно в движении...

С первых же дней большие и малые дела так захватили Сергея, что вот уже третий месяц он не знал отдыха, спал, сидя в машине, обедал на ходу — то в тракторной бригаде, то на ферме, то в полеводческом стане...

Такая беспокойная жизнь пришлась Сергею и по нраву, и по сердцу. Как перед человеком, взошедшим на гору, вдруг раздвигаются горизонты, так перед Сергеем, вступившим на должность председателя райисполкома, открылся широкий простор инициативы — тут можно было и всласть помечтать, и вдоволь поработать. Своему новому делу он отдался горячо, со страстью, силы его крепли, — а это как раз радовало Сергея. Только одно обстоятельство и огорчало и удивляло — это жалобы, поступившие на него в райком. Об этом он узнал вчера от Кондратьева. После заседания исполкома, оставшись в кабинете с Сергеем, Кондратьев сказал:

— Тутаринов, обижаются на тебя председатели станичных советов и руководители колхозов.

— Все обижаются? — спросил Сергей, смело посмотрев на Кондратьева.

— Этого еще нехватало, чтобы все! — Кондратьев улыбнулся, и эта улыбка показалась Сергею горестной. — Но есть такие, которые в обиде на тебя.

— Кто же?

— Ну, хотя бы твой друг Остроухов.

— Савва? — Сергей улыбнулся. — Знаю, небось жалуется, что Тутаринов забирает у него лес и строит электростанцию не для одной Усть-Невинской, а для всего района?

— В этих жалобах я разберусь, — сказал Кондратьев, прощаясь за руку. — Потом мы поговорим особо... Я знаю, ты — горяч, а дело для тебя новое. Тут надо поосторожнее.

Вспоминая этот разговор, Сергей открыл окно. Сырой ночной воздух ветром хлынул в кабинет. Сергей прислонился плечом к откосу и долго смотрел на холодное, в частых звездах, небо...

«Тут надо поосторожнее, — думал он. — Забавно... Но, может быть, я и в самом деле в чем виновен?»

Он задумался, склонивши голову, и перед ним живыми картинами прошли его встречи с людьми — и поездки по району, и споры с бригадирами, с председателями колхозов и станичных советов, и совещания, и заседания исполкомов. Ему хотелось припомнить: в чем же он был неосторожен, где не в меру требователен и излишне тороплив?

Вспоминая, что им было сделано за эти месяцы, он мысленно как бы оглядывался, пристально всматривался в каждый свой шаг, но ничего такого не находил, в чем бы мог считать себя виновным.

«Ну, хорошо, — рассуждал он, — пусть перед Саввой я и виновен, но только перед Саввой, не перед районом, а это не так уж и страшно... Допустим, что друзья так не поступают. Но в этом случае я руководствовался не интересами моей дружбы с Саввой... Нет, нет, Савва меня поймет».

Сергей, как бы вспомнив что-то необыкновенно важное, закрыл окно и, мельком взглянув на часы, накинул на плечи шинель, взял фуражку и торопливо вышел. Он направился во двор. Рядом с гаражом стоял домик — там жил шофер райисполкома. Сергей постучал в окно и сказал:

— Вставай, Ванюша! Поедем в Усть-Невинскую.

Ночь была темная и сырая. Степь куталась в туман, такой мокрый и плотный, что его с трудом пробивали прожектора фар. На землю легла изморозь, — всеми цветами радуги горела по дороге и на стерне тонкая корка льда. Сергей приподнял воротник шинели, ссутулился и привалился плечом к дверцам.

«Кто ж еще, кроме Саввы, на меня обижен? — мысленно спрашивал он себя и тут же отвечал: — конечно, Артамашов. Кто ж еще! Ему-то есть на что обижаться... А кто ж еще? Директор усть-невинской МТС? И у него есть причина. — Сергей улыбнулся. — А еще, наверное, Нарыжный — хитрый старик! Грозился жаловаться в Москву. Может быть, в Москву и не пожаловался, а у Кондратьева побывал непременно... Как же, Тутаринов обидел

старика, заставив перемерять семенное зерно... Да, кстати, надо сегодня побывать у Нарыжного. Как он думает рассчитаться с государством?.. А кто же еще? А еще мой батько. Приезжал, уму-разуму учил. — Сергей закрыл ладонью от ветра глаза и припомнил весь разговор с отцом об Ирине. — И кто это выдумал всю эту глупую историю?... Сегодня же поеду к Ирине».

Обычно, бывая в Усть-Невинской, Сергей всегда заезжал к Савве на дом. В этот же раз он подъехал к станичному совету, хотя знал, что в такую позднюю пору Саввы здесь не будет. Не слезая с машины, Сергей сказал дежурному, сонному, протиравшему кулаком глаза парню, чтобы он побежал и побыстрее вызвал Савву Остроухова.

Начинало рассветать. Белели покрытые легкой изморозью крыши домов. Вся станица в этом сумеречном свете была похожа на огромный лагерь из парусиновых палаток на берегу Кубани. Сергей слез с машины и поднялся на крыльцо. Отсюда хорошо было видно, как рождался над еще спящей станицей пасмурный рассвет. Осень давно изменила вид Усть-Невинской. Сады оголились и потемнели, дома теперь стояли открыто, улицы стали просторнее. Летом, бывало, куда ни посмотри, сочная зелень деревьев так и вставала перед глазами. Теперь же от станичного совета сквозь серые голызины веток хорошо был виден берег Кубани, красноватые штабеля леса, дощатая крыша лесопилки, а вдали под бугром — здание гидростанции, еще без крыши, но такое высокое, что его было видно отовсюду.

Под крышей лесопилки кто-то заводил трактор и никак не мог завести: отрывисто, как очередь автомата, трещал и умолкал мотор, а к воде тянулась синяя ленточка дыма. Но вот мотор заработал спокойно, с каким-то убаюкивающим гуденьем, и в ту же минуту, как бы подпевая ему, тонким голосом запела пила...

«Пилят, торопятся», — подумал Сергей и стал смотреть в другую сторону.

Верблюд-гора тонула в тумане. Там низко-низко опустились тучи — не было видно не только знакомого Сергею птичника, но и крайних домиков.

Пришел Савва. Одет он был по-зимнему. Куцый полушубок красиво сидел на его коренастой и статной фигуре. Серая кубанка была надвинута на глаза. На ногах — валенки.

— Сергей, — сказал Савва, здороваясь за руку, — и чего ты так рано явился?

— Захотелось посмотреть этот серый рассвет в родной станице, — пробовал отшутиться Сергей. — Да и тебя вот пораньше поднял. А то ты любишь со своей Анютой отлеживаться на мягкой постели.

Сергей старался быть веселым, улыбался, но и эта улыбка, и небритое, усатое его лицо точно говорили: «Я, Савва, чертовски хочу спать, и рассвет мне этот не нужен, а вот ты нужен, и ради этого я приехал».

— Опоздал меня будить, — сказал Савва. — Я давно поднялся и уже на лесопилке побывал.

Сергей промолчал. Они вошли в кабинет. Здесь окна были закрыты, но и сюда проникал назойливый голос пилы.

— Доски пилите? — спросил Сергей, садясь на стул возле окна.

— Шалевки.

— Для себя?

— Пилили для станции, а теперь себе.

— Торопитесь?

— А чего же медлить? Пока лес дома, надо поторопиться.

Сергей сделал вид, что ничего не слышал, и нарисовал на вспотевшем стекле цифру шесть.

— Как у Атаманова с конюшней? — спросил он. — Фундамент заложили?

— Фундамент-то заложили, а стены нечем выводить. На своем заводе выжгли кирпич — весь отвезли на гидростанцию. А теперь станция не наша. Работаем, стараемся, а все для дяди.

Некоторое время они сидели молча.

— Кондратьеву жаловался? — наконец спросил Сергей, выводя пальцем на оконном стекле еще одну цифру шесть.

— Специально не жаловался, а такой разговор был, — понурив голову, сказал Савва. — Понимаешь, не мог я не сказать об этом Кондратьеву, потому как я считаю, что поступил ты не по закону.

— В чем же не по закону? — Сергей не спеша нарисовал на стекле цифру восемь.

— Сережа, доказывать мне трудно... Я человек маленький, а у тебя такое высокое звание.

— Мое высокое звание оставим в покое, — сердито перебил Сергей. — Ты говори мне как председателю райисполкома, в чем я поступил неправильно... или, как ты говоришь, не по закону?

— А зачем лес забираешь? — Савва побагровел, встал и отодвинул стул ногой. — Куда ж это годится?! Разве это по закону? Помнишь, как ты сам же выговор объявил Рубцову-Емницкому за то, что он посягнул на наш лес, а теперь то же самое делаешь?

— И чего ты дурачком прикидываешься? — стараясь быть спокойным, негромко проговорил Сергей. — Ты же знаешь, что я не собираюсь устраивать торговлю усть-невинским лесом. — Сергей перечеркнул цифры на стекле. — Обидно за тебя... Ты смотришь на жизнь с колокольни своей Усть-Невинской, а колокольня эта невысокая, и ничего, кроме своей станицы, ты не видишь, да и гордишься этим... А ведь ты подумай вот о чем. По вашему примеру во всех станицах составлены пятилетние планы, и всюду нужен лес, чтобы эти планы не остались только на бумаге. И если ты болеешь о двенадцати объектах строительства, то я беспокоюсь о ста двадцати... В эту зиму и весну во всех колхозах надо построить первонеобходимые постройки — у кого конюшни, у кого баз, свинарник, коровник... К тому же электростанцию строить нужно — сколько потребуется столбов!.. А лесу-то нет.

— При чем же тут устьневинцы?

— Вот это здорово! Инициаторы, вожаки — и ни при чем? Гордиться этим надо, а ты рассуждаешь, как какой-нибудь некультурный хуторянин.

— Я согласен и вести вперед других, и гордиться, но как же так получается: мы сплавляли лес, затратили силы и средства, а этот лес у нас забирают!

— Я уже тебе говорил, что лес мы берем взаймы. Летом начнем сплав и вернем. За зиму и весну надо поставить не один километр столбов. Ждать же до лета и не строить — значит, потерять полгода. Не день и не два, а полгода. А это — преступление. Поэтому я считаю, что поступил правильно, то-есть по закону, решив взять у устьневинцев лес... — Сергей встал, как бы показывая, что разговор окончен. — Об этом есть решение исполкома, и ты обязан его выполнить... Завтра из Белой Мечети, из Родниковской и из Краснокаменской приедут подводы за

лесом. Так ты смотри, чтобы все обошлось по-хорошему... Понятно?

— Мне понятно, — грустно проговорил Савва, — но я не согласен. Подчиняюсь, но не согласен. — Тут Савва с усмешкой посмотрел на Сергея. — Вот ты говоришь, что лесь берешь взаймы, а я этому не верю... Я знаю, какой это заем! Это все равно, если бы я сам у себя занял сто рублей...

— Опять ты рассуждаешь по-устьневински. — Сергей сдержанно улыбнулся. — Но моему честному слову ты веришь?

— Тебе-то верю, но... — Савва не договорил и махнул рукой.

— Вот и хорошо. — Сергей снова сел на стул. — Еще я хотел поговорить с тобой о рытье канала.

— Поговори лучше с родниковцами... они ж теперь тоже хозяева, наравне с нами.

— Вот что, Савва Нестерович, — Сергей строго посмотрел на Савву. — После мы разберемся, кто тут главный хозяин. Строить же станцию будем всем районом. Машины уже прибыли. Надо нам поторопиться с каналом. С понедельника сюда съедутся колхозы шести станиц. Жить они будут у вас — надо тебе заранее побеспокоиться о жилье. Поговори об этом с председателями своих колхозов — гостей надо встретить как полагается. Кроме того, Усть-Невинская по нашему плану должна дать на строительство канала три бригады по пятьдесят человек, тридцать пароконных подвод, шестьдесят носилок, сто пятьдесят лопат и ломов.

— Мы готовимся.

— Поторапливайся. И еще. Как ты думаешь, если я назначу прорабом на канале Семена Гончаренко? Тут нужен хороший помощник инженеру. Семен — парень честный, трудолюбивый, а к тому же еще без определенного дела.

— Что ж, я не возражаю...

Расстались они сухо. Сергею было неловко оттого, что говорил он с Саввой таким строгим и подчеркнуто-официальным тоном.

«Хороший же парень, работяга, — думал он, проезжая по площади, — а вот рассуждает, как допотопный единоличник... Смешно, ей-богу. «Моя Усть-Невинская, ее я люблю, о ней печалюсь, а что делается за станицей — меня это вовсе не интересует...»

ГЛАВА VIII

Сергей увидел Верблюд-гору, за которой стоял птичник, подумал об Ирине, и рука сама потянулась к лицу, ощутив на щеках и на подбородке густую и колючую щетину.

— Заскочим на птичник? — спросил Ванюша.

— Нет, сперва к нашим, — с улыбкой сказал Сергей.— Там мы умоемся, позавтракаем, а к тому же у Семена есть чудесная бритва... Тебе тоже надо помолодеть?

— Еще терпимо, — сказал Ванюша, заворачивая «виллис» в знакомый переулок.

В доме была одна Ниловна. Приезд Сергея ее так обрадовал, что бедная старушка прислонилась спиной к печке и не могла сойти с места. Сергей поцеловал мать в старчески-мягкую щеку. Губы у Ниловны дрогнули, а всегда ласковое ее лицо в мелких морщинках озарялось то веселой, то грустной улыбкой. Концом платка она вытерла слезы, усадила сына на лавку, сама села рядом и стала рассказывать свои домашние новости.

— А еще скажу тебе, сынок, что Семен и Анфиса по весне уйдут от нас, — с горечью сообщила мать. — Чересчур спешат, стараются. С утра и до вечера — все там, на своем плану. Вот и сегодня чуть свет ушли.

— Парочка подобралась дружная, — сказал Сергей. — Анфиса, небось, довольна своим мужем?

— Лучшего ей и желать не надо... И скажу я тебе, что Семен — парень славный, смирный, со старшими обходительный. Он бы и с нами жил, да только Анфиса не желает. Молодая, а уже захотела стать хозяйкой. «Будем строить свою хату», — вот и весь ее разговор... Не хочет жить со стариками. — У Ниловны снова задрожали и скривились губы, а глаза затуманились слезами. — А дура Анфиса. Она того и не знает, как трудно нынче строиться. Весной саман надо делать, а там стены ставить, мазка, потолок накладывать, побелка... Какую силу нужно, а Анфиса, — ты только, сынок, молчи, я тебе как своему скажу,— уже затяжелела Анфиса, к лету будем ждать внучонка... Какая ж из нее будет работница? Как же тут хату строить?

— Ничего, мамо, Семен и сам управится.

— Зачем же, скажи на милость, семью нашу разделять? Ну, и жили бы с нами. Гуртом жить легче, да и мы с батьком жильцы на этом свете уже недолгие... Останем-

ся на старости лет вдвоем, и некому за нами присмотреть. Ты в большие начальники пошел, по месяцу дома не бываешь, — Ниловна вытерла глаза, — а дочка свое гнездо свивает...

— Мамо, вы не печальтесь, — сказал Сергей, желая успокоить Ниловну. — В обиде мы вас не оставим, а что Семен и Анфиса мостят себе гнездо, так в этом виноват, мамо, я. Это ж я позаботился, чтобы фронтовикам дали планы, вот и Семен сразу разбогател. — Сергей улыбнулся и, желая переменить разговор, спросил: — А где ж батя?

— В правлении сидит день и ночь. Все Артамашова ревизует, через это и дома не живет.

— Мамо, приготовьте позавтракать мне и моему шоферу, — сказал Сергей вставая, — а я покамест побреюсь.

— Иди, сынок, в ту комнату, там и зеркало, а я тебе горячей воды принесу.

Сергей сидел перед зеркалом и с удивлением смотрел на свое худое и густо заросшее бородой лицо. Таким мрачным и изнуренным он себя еще не видел. Глаза стали большие, щеки заметно ввалились, брови сделались и чернее и шире — они хмурились и тяжело свисали над устало-грустными глазами.

«Мне бы отоспаться, — думал Сергей, чувствуя тяжесть в веках. — Я чертовски хочу спать... Побреюсь, поеду к Ирине и в ее комнате отосплюсь...»

Ниловна принесла в кружке горячую воду и присела рядом на стуле. Сергей разводил мыло, накладывая помазком белую пену на щеки, а Ниловна смотрела на него и изредка тяжело вздыхала.

— Сережа, — сказала она тихо, — тебе тяжело?

— Нет, мамо, совсем не тяжело.

— Ох, обманываешь! Отчего ж ты так переменился? Похудел и как бы дажеть почернел... Небось, и недоедаешь и недосыпаешь?

— Вот это, мамо, бывает.

Ниловна только сокрушенно покачала головой и с той же грустью в глазах смотрела на сына.

— Женился бы ты, Сережа, — заговорила она, — вот оно тебе и легче бы жилось... Как там ни говори, а жена и постель приготовит, и обед сварит, и чаю согреет...

— Женюсь, мамо, — сказал Сергей, заглядывая в зеркало. — Вот только подуправлюсь с делами.

— На Ирине Любашовой?

— На ней, мамо.

— Так чего же ты смеешься над девушкой?

— О чем это вы, мамо?

— А все о том же. — Ниловна с упреком посмотрела на сына. — Ты перед матерью не хитри. Все бабы в станице только и балакают о том, что Ирина тебе неровня.

— Мне-то какое дело до этих разговоров?

— А такое дело, что бабы зря языками чесать не станут. Знать, есть тому причина... Как же это так — неровня? Да ты на себя посмотри: какого ты роду и племени? Родители у тебя простые люди. Да и ты такой же, только моли бога, что на войне так высоко продвинулся и, сказать, уму-разуму набрался. Так зачем же унижать других, наших станичников?

— Да никого я, мамо, не унижаю.

— Помолчи да послушай, коли мать тебе говорит, — строго сказала Ниловна. — Хоть ты и ходишь в славе, в почете, служба у тебя высокая, а я, как мать твоя, скажу напрямик: Ирина как раз и есть тебе пара. Погляди на нее, какая славная девушка. И красавица первая в станице, и работать умеет, и чистуха, и у печи станет — все, все умеет делать, потому что мать ее всему научила. С такой женой жить да радоваться. С людьми она обходительная, да и грамотная, в школе училась... Грех тебе, Сережа, не любить такую девушку, а тем паче насмехаться над ней.

— Да откуда вы все это взяли? — с удивлением спросил Сергей.

— Сама Ирина мне высказала... Мы с батьком ходили к Марфе Игнатьевне. Думали посвататься, а вернулись с «чайником».

— Так вы уже там были? — Сергей смущенно улыбнулся. — Вот это совершенно зря. Я вас об этом не просил.

— Велика важность. В таком деле батька с матерью и просить не следует, они и сами знают, что им делать. А с Марфой Игнатьевной мы вели свой родительский разговор, и согласие промеж нас было душевное. Мы уже и выпили, и разговорились, а тут приходит Ирина... Вижу — в слезах и в горе. Стала я ей ласковые слова говорить, невесточкой своей назвала, а она смотрит в землю и молчит... А потом сказала...

— Что ж она сказала?

— Ежели, — говорит, вашему сыну я не пара, то передайте ему, чтобы он ко мне не приезжал, я его и видеть не желаю...

— Меня? — Сергей даже приподнялся.

— А то кого же? Не меня.. А вам, — говорит, — тоже делать у нас нечего... С тем мы и ушли... Нехорошо так, сынок.

— Мамо, — сказал Сергей, вытирая полотенцем смоченное одеколоном лицо, — вы можете мне поверить? Как сын, клянусь вам, что я ничего не только не говорил плохого об Ирине, но даже и думать не смел. Это кто-то в станице придумал... Если бы узнать, кому я стал поперек дороги...

— А ты, сынок, поезжай к Ирине да все, что ты зараз мне сказал, расскажи и ей да приласкай — вот оно все и будет по-хорошему.

Ниловна смотрела на сына мокрыми и счастливыми глазами.

ГЛАВА IX

Если бы Семену сказали на фронте, когда он был радистом-пулеметчиком в танке Тутаринова, что осенью 1946 года он будет строить свою хату на краю какой-то казачьей станицы Усть-Невинской, он бы не только не поверил, но и обиделся. Тогда у него был дом из брони, в котором он так обжился, что ни о чем постороннем и думать не хотел. Теперь же Семен редко когда вспоминал о танке, — и то как о чем-то далеком. Его ни за что бы не узнали друзья-танкисты, — так он изменился во взглядах на жизнь. Своя хата! Своя семья! Эти слова не были для него пустым звуком. Он постоянно думал о своем маленьком дворе с садиком и колодцем, часто говорил об этом с Анфисой, и все это наполняло его жизнь новым содержанием и облекало ее в необыкновенно яркие краски.

Ночью, оставшись вдвоем, Семен и Анфиса мечтали о том уже близком счастливом времени, когда вот эта обнесенная изгородью делянка земли за станицей будет ими застроена и обжита. Они видели свой дом, аккуратно побеленный известью; видели и окна с белыми занавесками, с венчиками цветов на стекле, и за домом сад, а в саду белые ульи, и в четырех шагах от порога колодец с высоким срубом, и в сторонке погреб, курник, и от калитки к по-

рогу — дорожку, посыпанную песком... И не раз казалось им, что по этой дорожке идет Семен, возвращаясь из тракторной бригады. Спецовка на нем испачкана и землей и мазутом. Анфиса видит мужа в окно, бежит к нему навстречу, веселая, и на пороге говорит: «Тише, Сеня, не греми... он спит...» И Семен входит в комнату на цыпочках. В люльке, подвешенной к потолку, видит головку сына. Семен хочет взять его на руки, но Анфиса не пускает «Куда ты такой грязный! — шопотом говорит она. — Иди в кухню, я тебя вымою горячей водой». В кухне стоит таз. Семен склонился над ним, а Анфиса, радостная и счастливая, своими проворными руками намыливает ему кудлатую голову...

И хотя ничего этого еще нег, а есть только плетень, ворота и калитка да лежит серым ворохом камень для фундамента, а мечтать об этом приятно... Третий день Семен и Анфиса роют погреб. Продолговатая яма уже выкопана по пояс. Семен, в гимнастерке без ремня, выбрасывает лопатой землю — сочный чернозем блестит на солнце. Анфиса не успевает за мужем. Она берет землю на пол-лопаты, выбрасывает наверх. Ей тяжело, и она, опершись на лопату, отдыхает, ласково смотрит на Семена, любуясь и сильным взмахом его рук, и его раскрасневшимся лицом.

Анфиса взглянула на улицу, увидела машину и радостно крикнула:

— Сеня! К нам Сережа едет!

— Наконец дождались, — сказал Семен, вытерев рукавом потное лицо. — Ну, пойдем встречать гостя.

Ванюша завернул к плетню и остановился у ворот. Сергей подошел к калитке, внимательно осмотрел ее, потом открыл и, улыбаясь Семену и Анфисе, уже подходившим к нему, сказал:

— Так вот вы где окопались! Это что ж у вас — огневая точка?

Сергей рассмеялся.

— Пока только маленький окопчик, — смущенно улыбаясь, ответил Семен. — Видишь, роем...

— Вижу, вижу. Да тут в скором времени вырастет целая система укреплений?

— Ты, братушка, все шутишь, — с обидой в голосе заговорила Анфиса. — А нам не до шуточек... Вот пришли на голое место и роемся, как кроты...

— Не могу без смеха смотреть на вашу затею, — улыбаясь, сказал Сергей. — Посмотрю на вас — и меня смех разбирает... Зачем вы роете эту нору? Или в единоличники собираетесь записываться?

— А как же без своей хаты? — робко возразил Семен.

— Жили бы у родных... Был я у матери. Обижается она на вас. Без причины покидаете стариков.

— Тебе хорошо так рассуждать! — отозвалась Анфиса, косясь на брата. — Ты сел в машину и уехал. А пожили ты с нашим батей! Разве с ним можно ужиться? Бурчит и бурчит: все ему не так, все не по нем. А мы хотим жить по-своему...

— Сережа, ты же сам дал мне этот огород, — как бы оправдываясь перед другом, сказал Семен, — а теперь и недоволен.

— Верно, я давал, а теперь жалею. — Сергей сел на кучу хвороста. — Садись, Семен, поговорим. Есть к тебе дело.

Они закурили и некоторое время сидели молча. Возле Семена, прижавшись к нему, примостилась Анфиса.

— А знаешь, почему я жалею, что тебя наделили приусадебным участком? — спросил Сергей, подбрасывая на руке камень величиной с гусиное яйцо. — Не знаешь?

— Даже не могу и придумать.

— Боюсь, что сделаешься ты собственником и пропадешь... Вот почему!

— Ах, вот оно какая причина! Этого, Сережа, не бойся.

— А я побаиваюсь... Видишь ли, Семен, ты для меня слишком дорогой человек. Вместе мы прошли войну, вместе жизнь познавали, оба мы молоды, все у нас еще впереди, и мне хочется, чтобы ты знал в жизни не одну свою хату, не один этот маленький окопчик... Красота нашей жизни, Семен, не в этом. Послушай, как я смотрю на нашу теперешнюю жизнь. В ней, как на реке, есть и быстрина, и затишье. И мы с тобой должны плыть по быстрине, а ты свернул в затишек, хочешь пристроиться там поудобнее и зажить тихой и спокойной жизнью. А я хотел бы, чтобы ты был на быстрине, рядом со мной... Ты понимаешь мою мысль?

Семен склонил голову и счищал ногтем золу с папиросы.

— Сережа, и что ты к нему пристаешь? — вмешалась в разговор Анфиса. — На быстрину да на быстрину, а может, Семену уже надоело жить на этой твоей быстрине? Он заслужил на войне и эту хату, и спокойную жизнь...

— Знаешь что, сестренка, — строго сказал Сергей, — ты послушай нас и помолчи.

— А я не буду молчать, — смело возразила Анфиса. — Ты хочешь, чтобы все жили так, как ты, — на колесах... А мы хотим жить по-своему.

— Анфиса, не мешай нам, — грустно проговорил Семен, и Анфиса умолкла, сердито покосившись на брата.

— Мы с тобой не на войне, — продолжал Сергей, — но и здесь, так же, как и на фронте, есть передовые, ударные части и есть тылы, есть и обозы... И вспомни: кем ты был на фронте? Где было твое место? Так будь же таким и здесь.

Семен молчал, еще ниже склонивши голову.

— Если бы ты меня понял, — Сергей бросил камень, — ты бы охотно послушал моего совета... Ну, хорошо, скажем так. Ты построил себе эту хатенку, прирастешь к ней пуповиной, обживешься, разбогатеешь. В этом как будто нет ничего плохого... Ну, а дальше что? Вот сестренка говорит, что ты завоевал право на такую спокойную жизнь. Нет, Семен, у тебя права на большее! Ты же бывший фронтовик, член партии, а главное — молод! Тебе ли прятаться в этом житейском окопчике?

— Я об этом тоже думал, — проговорил Семен, не подымая головы.

— Ну, и что же?

— Думал, думал и пришел к тому, что лучшей жизни мне и желать не надо... Ну, посуди сам! — Семен поднялся и посмотрел на Сергея своими чистыми голубыми глазами. — Я люблю труд физический — ты это хорошо знаешь, а тут кругом земля, столько работы, старайся — и жизнь будет красивая! Мы с Анфисой все обдумали... Вот ты говоришь, что я прячусь в затишек, что я испугался быстрины, что я не рвусь в бой, а отсиживаюсь в обозе? А мне кажется, что и быстрина, и самый жаркий бой здесь, у нас. Я буду работать в тракторной бригаде, буду пахать землю, сеять хлеб. Разве это затишек?

— Знаю, знаю. Но пойми, Семен, ты способен делать больше, чем пахать и сеять. — Сергей тоже встал. — Вот что я тебе скажу, как другу. Берись за настоящее дело...

Я решил назначить тебя начальником строительства районной электростанции. Приехал инженер, а ты будешь у него организатором труда. Вот это работа! Что ты на это скажешь?

— Не пойду, — не задумываясь, ответил Семен.

— Нечего ему там делать, — отозвалась Анфиса.

— Не пойдешь? А если будет решение райкома о тебе, как о члене партии? Что ты тогда скажешь?

— А скажу то, что такого решения не будет... Я все объясню Кондратьеву, скажу, что хочу работать в тракторной бригаде, к этому у меня есть желание, и он меня поймет. — Семен умоляюще посмотрел на Сергея и сказал: — Сережа, не трогай меня. Я соскучился по земле. Сам же говорил: «Поедем на Кубань...» Ну, какой же из меня будет организатор строительства?

— Зачем ты нашу жизнь ломаешь? — уже сквозь слезы заговорила Анфиса. — Сам день и ночь мотаешься по району, домой месяцами не заглядываешь... хочешь, чтобы и Семен так жил?.. Свою хату хотели построить, чтобы жить по-людски, а ты?

— Опекунша, уже со слезами? — с улыбкой сказал Сергей. — И чего вы так об этой хате беспокоитесь? Вот выстроим электростанцию, а рядом с ней поставим домик, и будет у вас и свой садик, и огород, и корова. Живите и радуйтесь. — Увидев злое, заплаканное лицо Анфисы, Сергей обратился к Семену: — Ты подумай, но я советую согласиться. Тебя я знаю очень хорошо и прямо скажу Кондратьеву, что лучшего человека для стройки подобрать нельзя. Ну, мне пора. — Он пожал руку Семену и Анфисе. — Эх, ты, злая хозяйка! — весело сказал Сергей, обнимая сестру. — Не печалься, я же вам добра желаю!

С пригорка были видны навесы на низких столбах, белые полотнища куриных стай и крохотный домик под камышовой крышей. Как только Сергей увидел и птичник, и домик, куда его прошлым летом загнал дождь, сердце у него почему-то дрогнуло. Его и радовала и пугала предстоящая встреча с Ириной, и к привычной взволнованности примешивалось чувство не то обиды, не то горечи...

«Забавно, — подумал он, — у меня такое самочувствие, точно я и в самом деле в чем виновен перед Ириной».

Ванюша в это время свернул с дороги к домику и, притормозив машину, медленно проехал мимо окна знакомой Сергею комнаты... Ирина припала к стеклу и тотчас от-

скочила. Сергей на ходу выпрыгнул из машины, вбежал в сенцы и распахнул дверь. В кухне никого не было. Сергей подошел к соседней комнате и постучал. На стук никто не ответил. Тогда он ударил в дверь кулаком, распахнул ее и остановился на пороге.

Ирина прислонилась спиной к окну, держась руками за подоконник, и смотрела с таким удивлением, точно не могла понять, почему Сергей сюда приехал. Лицо ее, освещенное с двух сторон, казалось и худым, и усталым, и смуглым до неприятной черноты...

— Иринушка, здравствуй!

Ирина улыбнулась, но невесело, и глаза ее, обычно ясные, вдруг потускнели. Сергей подошел к ней, хотел обнять, но она несмело отстранила его руку.

— Ирина! Что с тобой?

— А что? Ничего...

— Отчего же невеселая?

Она горестно посмотрела на Сергея, — теперь ее глаза блестели и смуглое лицо сделалось таким гордым и красивым, каким Сергей его еще никогда не видел.

— Эх, Сережа, Сережа! — сказал она грустно. — Когда я тебя ждала — не приходил... А теперь...

— Что же теперь?

— Меня ждут в обозе... Я на минутку забежала домой... — Она взяла с подоконника узелок. — Проводи меня до дороги.

Они шли ложбиной в том же направлении, что и в то памятное утро после дождя. Тогда в этой низине морем блестела росистая трава по колено. И все: и умытая степь под ярким, только что выглянувшим из-за горы солнцем, и птичьи голоса в светлом небе, и пасущиеся коровы, и пастух в полотняных штанах, и даже намокшие изгороди базов — было для них и радостным и значительным... Теперь же ничего этого не было. Нежаркое солнце робко пробивалось сквозь плывущие на запад тучи и лишь на короткое время освещало тусклые поля, серую, вытолченную стадами траву... У Ирины тревожно билось сердце, хотелось многое сказать Сергею, а мысли путались, и она шла молча, глядя вдаль.

— Ирина, — заговорил Сергей, — я знаю, отчего ты такая грустная... Поверила бабским сплетням?

— Нет... И не верила, и не верю. — Ирина остановилась и почему-то испуганно взглянула на Сергея. — Сере-

жа, мне больно, но я не верю, чтобы ты такое обо мне сказал... А только, Сережа, обо всем я уже передумала... И вот теперь смотрю на тебя и говорю сама себе: напрасно я тебя полюбила...

— Ну что за глупость, Ирина!

— Нет, Сережа, это не глупость...

— Да я же ни в чем перед тобой не виновен...

— Верю. — Ирина закусила губу, ресницы ее сделались влажными. — И если ты сейчас ничего плохого не говорил обо мне, то всегда можешь об этом сказать, потому что это — правда... Что тут скрывать? Тебе нужна жена не такая, как я, — разве это не правда?.. Мне больно и горько... но я уже не смогу быть с тобой такой, как была...

— Знаю, ты гордая! Так вот такую я и люблю тебя!

— Нет, не гордая я, а несчастная.

Из станицы, извиваясь по дороге, выползал обоз. На передней арбе стоял Никита и махал шапкой.

— Меня зовут, — сказала Ирина.

— Останься, Ирина, — проговорил Сергей, беря ее за руку. — Мы их догоним... Я тебя на машине подвезу.

— Не могу, Сережа...

Ирина оправила на голове шаль и, высоко подняв голову, пошла к обозу. Сергей видел, как она села в бричку, взмахнула кнутом и погнала быков, а потом встала на ноги и помахала платочком. Последняя подвода давно скрылась за Верблюд-горой, опустела серая лента дороги, а Сергей все стоял и с грустью смотрел на блеклую степь под низким, в тучах, небом.

ГЛАВА X

Вдали лежала озимь, густо припудренная инеем, и над ней низко-низко кружились грачи. «И чего они кружатся над этой неуютной и обезлюдевшей степью? — думал Сергей. — Только еще больше одолевает грусть, когда перед глазами рябит серое, в тучах, небо».

И в какую сторону Сергей ни смотрел — всюду лежали нерадостные краски поздней осени. По одну сторону дороги широким размахом простиралась зябь, по другую — тянулись то редкие, выбитые скотом будылья кукурузы, то жухлая, совсем бесцветная стерня, то редкие, сломанные и приглаженные бороной стебли подсолнуха. Мимо мелькали

то стога соломы, то бригадные станы — пустые, с наглухо закрытыми дверями. А небо было темное и холодное, ветер гнал тяжелые тучи на запад и там, по изогнутому горизонту, прессовал их в иссиня-черную, как чугун, стену.

На дороге показалась женщина. Опираясь на палку, она устало переступала ногами, обутыми в тяжелые сапоги. На левой руке у нее висела кошолка.

— Подвезем? — спросил Ванюша, когда женщина была от них в десяти шагах.

Сергей кивнул головой. Ванюша потянул к себе рычаг ручного тормоза, колеса завизжали, поползли и остановились. Женщина испуганно посторонилась.

— Куда путь держите, тетушка? — спросил Сергей.

— Иду, сынки, до дому. В колхоз «Светлый путь» — туточка на хуторах.

— Садитесь, подвезем.

Женщина не спеша залезла в машину и, подобрав руками полы кофты, удобно уселась на заднем сиденье, не сказав ни одного слова. Когда «виллис» набрал скорость и ветер мягко ударил ей в лицо, она улыбнулась и сказала сама себе:

— Ой, как же ловко!

Сергей полуобернулся, закинул руку за спинку сиденья и внимательно посмотрел на свою случайную спутницу. В машине сидела немолодая женщина, суровая на вид. Широкие и сильные ладони ее лежали на коленях. Лицо у нее было скуластое и сухое, а глаза, в мелких морщинках, — молодые и смелые. На ней была просторная ватная кофта. голову ее покрывали белая косынка, завязанная узлом ниже подбородка, затем теплый полушалок, а поверх всего — вязаная шаль с махрами, лежавшими на плечах, и на груди, и на спине.

— Где же вы были? — поинтересовался Сергей.

— А где была — там уже нету, — с добродушной улыбкой сказала женщина и, посмотрев на Сергея своими молодыми глазами, добавила: — Ходила в Рощенскую.

— На базар?

— На базар бы не потащилась в такую даль.

Женщина тыльной стороной ладони вытерла губы.

— А что ж у вас за дело?

— Жалоба, — неохотно ответила женщина. — Ходила в район, думала пожаловаться.

— И что же? Пожаловалась?

— Не смогла. — Женщина тяжело вздохнула. — Только ноги набила, а все бестолку... Тех начальников, до которых было мое дело, на ту беду не оказалось в районе. Сказать, Кондратьев Николай Петрович, наш первый секретарь райкома, меня очень хорошо знает. Летом, бывалоча, сколько разов приезжал до меня прямо в поле и завсегда спрашивал: «Ну, как поживаешь, Лукерья Ильинишна?..» К нему-то я и направилась. Он человек душевный, простой, ему-то во всем доверишься, а только не было Николая Петровича в районе. Говорили, что уехал по станицам. Сидел на его месте второй секретарь или даже третий — тех я не знаю. Но я было хотела пойти и к третьему, а мне сказали, что он сильно занят, принять не может, потому как готовится к выборам... Что тут поделаешь? Пошла я в райзо, а в райзе тоже никого нету, выехали в Усть-Невинскую, что ли... Беда! Тогда я направилась в райисполком. Там у нас теперь председатель новый, демобилизованный, а еще и Герой — Золотая Звезда на груди... Тутаринов по фамилии, местный, из Усть-Невинской. Его я еще и в глаза не видела, а люди, кто с ним встречался, очень дюже хвалят. Старательный, говорят, а только еще совсем молоденький, дажеть и не женатый... Пошла я к нему. И тут мне неудача. Секретарь сказал, что этот Тутаринов не сидит в кабинете, а все по району мотается.

Сергей заметно покраснел и с еще большим интересом заговорил с Лукерьей Ильиничной.

— А вы бы изложили свою жалобу секретарю райисполкома, — посоветовал Сергей.

— Ничего тот секретарь не поможет. — Лукерья Ильинична поправила у подбородка шаль и снова ладонью вытерла губы. — Пошла я к судье. Выслушал он меня со вниманием, дажеть головой качал, а потом и говорит так внушительно: «Все правильно, у тебя, тетка, есть патриотизм, а только, — говорит, — к твоим словам требуется, чтобы сперва райпрокурор все расследовал, дело составил, а тогда уже это дело само по себе пойдет в суд... А пока, — говорит, — от прокурора такого дела нету, суд судить не может...» Закон, что тут поделаешь! Поплелась я и к прокурору, и все одно своего добилась бы, а у прокурора, на мою беду, уже весь прием кончился. Куда пойдешь? Харчей у меня нету, жить, сказать, не на что. Так я ни с чем и вернулась. — Она на минуту задумалась. — Но я завтра снова пойду, только теперь буду умнее — запасусь харчами.

— Лукерья Ильинишна, — заговорил Сергей, — а что же у вас за жалоба? Вы так и не сказали.

— И не скажу. — Лицо Лукерьи Ильиничны сделалось еще более строгим. — Жалоба, сынок, не лично моя, а, сказать, от колхоза... Тебе-то зачем же знать?

— Хотелось бы знать, — сказал Сергей, не в силах сдержать улыбку. — Я и есть тот самый Тутаринов, что еще совсем молодой и неженатый.

— А не обманываешь? — спокойно спросила Лукерья Ильинична. — И ты — Герой?

— Да.

— А ну, покажи Звезду.

Сергей вынужден был расстегнуть шинель и откинуть левую полу. Увидев Золотую Звезду, ярко горевшую и при тусклом, пасмурном свете, Лукерья Ильинична приветливо улыбнулась.

— Вот не думалось и не ждалось на дороге повстречаться.

— Ну, теперь рассказывайте, что там у вас?

— Разговор у меня с тобой будет длинный, — сказала Лукерья Ильинична, — а «Светлый путь» уже виднеется. Так что милости прошу ко мне в дом, накормлю я тебя борщом, а там и будет время нам побалакать. — Она вдруг оживилась, точно что-то важное вспомнила: — Так это ты у нас был на той неделе? А я как раз ходила на соседний хутор к сестре. Возвернулась, а в нашем хуторе переполох. Евсей Нарыжный разъезжает по улице на коне, злой, как все одно чорт. У амбаров собрались люди. Галдеж такой, как на базаре. «Что такое случилось?» — спрашиваю у Нарыжного. А он стеганул плетью коня и говорит, что приезжал новый председатель райисполкома и заставил перемерять семенное зерно, чтобы все лишки в хлебопоставки сдать.

— И что же? Перемеряли?

Лукерья Ильинична только махнула рукой и ничего не сказала. Они въезжали в широкую, как проспект, хуторскую улицу.

— Мамаша, где ваш дом? — осведомился Ванюша.

— Езжай до тех белолисток, вон туда, где гуси сидят.

Возле купы деревьев, распугав гусей, Ванюша повернул к низкой изгороди и уперся радиатором в ворота из трухлявых от времени досок. Ворота открыла молодая, с возбужденно-красным лицом женщина, в одном платье и без платка. Машина вкатилась в небольшой дворик, со всех сторон

обставленный низкими строениями — сарайчик, закут для коровы, свинарник, курник в виде сапетки. Следом за машиной полный двор набежало детворы.

— Эй, сопливая гвардия! — крикнул Ванюша. — Не цепляйтесь: все одно катать не буду!

Та красивая, на вид не хуторская женщина, что открыла ворота, стояла на пороге, скрестив на полной, высокой груди белые, голые выше локтей руки.

— А это моя дочка, — сказала Лукерья Ильинична. — Среди нас — белая ворона.

— Мамо, вы такое наговорите! — Она протянула Сергею мягкую белую руку и, покраснев и смущенно улыбаясь, сказала: — Лена...

— Тутаринов. Председатель райисполкома.

— А я вас знаю, — сказала Лена, — в газетах о вас читала... Вы к нам в гости?

— Совсем случайно, — ответил Сергей, войдя в переднюю, небольшую комнату. — В поле с вашей мамашей повстречался.

— Проходите в горницу, — сказала Лена, зябко вздрагивая и сильнее сжимая руки на высокой груди. — У нас все здесь по-деревенски.

Сергей вошел в просторную и чистую комнату. Вдоль глухой стены стояли две кровати — одна с никелевыми спинками, накрытая тонким одеялом с кружевами, другая — обычная. На лавке, на подоконниках расставлены цветы — одни росли кустами, расправив широкие листья, другие — тоненькими стебельками плелись по лесенкам. Между окон уместился стол, покрытый скатертью; и на столе, и по стене расположились большие и малые фотографии. На Сергея смотрели и бородачи в казачьей форме, и еще голые малютки, и красноармейцы с винтовками и с оголенными шашками, и красавица-невеста под фатой рядом с женихом. Лена охотно поясняла, кто такие эти люди, а сама украдкой посматривала на Сергея и ласково, одними глазами, улыбалась.

«Бровастый, как сыч, — думала она. — Нехорошо, — у Героя и такие некрасивые брови, даже они какие-то страшные... Почему он их не подправит? Ведь многие мужчины это делают...»

— Вы тоже колхозница? — спросил Сергей, увидев Лену на фотографии, — она стояла у реки в летнем сарафане и в широкополой соломенной шляпе.

— Нет, что вы?! — Лена удивленно подняла брови. — Я здесь гость, по несчастью... Оттого мать и называет меня «белой вороной».

— Что ж вы здесь делаете?

— Живу у матери. — Лена тяжело вздохнула. — Я с мужем развелась. Не сошлись взглядами на жизнь... Не характерами, а взглядами на жизнь — вот что обидно... Знаю, знаю, в душе вы уже осуждаете меня — все мужчины эгоисты, но я-то ни в чем не виновата...

— Давно вы здесь?

— Еще с весны, — с грустью ответила Лена, не глядя на Сергея.

— Чем же вы занимаетесь?

— Летом купалась, — повеселев, ответила Лена. — Кубань у нас тут близко, и есть небольшой пляжик... А зимой вот так... живу.

— И ничего не делаете? — Сергей сдвинул брови.

— А что? — Лена непонимающе смотрела на Сергея и смущенно улыбнулась. — Не пойду же я в поле... Я училась в техникуме.

— Н-да...

Сергей хотел что-то сказать, но в это время вошла Лукерья Ильинична.

— Сергей Тимофеевич, — сказала она, — думала накормить тебя борщом, а он, окаянный, без меня не сварился. Так что угощу тебя на скорую руку салом с яичницей, моченым арбузом, а еще и сметаной. — Она обратилась к дочери: — Лена, сходи позови Глашу. Она мне нужна. А чтобы быстрее явилась, скажи ей, что из района я прилетела на легковике.

Лена надела шубку из беличьего меха, на голову примостила шляпу, скрытно от матери улыбнулась Сергею и ушла. А Лукерья Ильинична усадила Сергея за стол, где уже весело шкворчала на сковородке яичница, вздувая пузыри между кусками сала. Тут же стояла глубокая алюминиевая чашка, до краев наполненная сметаной. На тарелке небольшими ломтиками был порезан арбуз, только что вынутый из кадушки, — малосольный, холодный и сладковато-терпкий.

— Твоего шофера я накормлю опосля, — сказала Лукерья Ильинична, — а зараз, пока мы одни, скажу, зачем я ходила в район. А потом тебе еще Глаша добавит — она боле меня знает. — Лукерья Ильинична перешла на шо-

пот: — В нашем колхозе хлеб растаскали по домам, и все это — шито-крыто. Нарыжный раздавал зерно по домам и всем говорил, чтобы помалкивали. «Вам, — говорит, — я добра желаю — вот и помолчите...

— Занятно! — сказал Сергей и перестал есть. — Расскажите, как все это было, только поподробнее. Я никому не скажу, что от вас узнал.

— А чего ты боишься? Говори всем, что это я тебе сказала. От своих слов я не откажусь, потому как вижу в этом одну правду... Так я начну по порядку. Мы с Глашей — это которая придет — звеньевые. Я — вдова, муж мой погиб в войну, а Глаша еще совсем молодая, ровесница моей Лене, даже подружка ее... А звеньевые мы по пшенице, — стало быть, все зерно проходит через наши руки. Уродило его в нынешнем году порядочно. Думали — теперь наш «Светлый путь» рассчитается с государством, а вышло опять не так. Выдали зерна на трудодни, семена засыпали, а хлебные поставки опять недовыполнили. Куда девался хлеб — никто не знает. Нарыжный не делает никакого отчету, а все валит на звеньевых. «Вы погано работали — вот и зерна нету». Такое меня зло взяло, что я хотела побить Нарыжного — и одолела бы! Сдержалась. Думаю себе: не иначе, тут идет махинация. Так по-моему и вышло. — Лукерья Ильинична посмотрела на Сергея своими молодыми, смелыми глазами и усмехнулась. — Ты слушай и ешь. Бери сметану, да ложкой... Так вот. Когда ты побывал у нас и сказал, чтобы семенное зерно перемеряли, вся эта махинация наружу и вылилась. Лишку в семфонде оказалось не один центнер. Куда его девать? Сдать государству—значит, себя выдать. Испужался Нарыжный, ночью под секретом созвал членов правления — там их было всего только четверо. Нас не приглашали, но Глаша все знает, как они там совещались, — у нее муж член правления... И решили они то зерно раздать колхозникам под расписку и со строгой тайной. Все вышло шито-крыто, семена перемеряли, излишков нету. Дажеть такой акт составили... Хитро сделано, — Лукерья Ильинична засмеялась глухим смехом.

— И вы тоже взяли зерно? — спросил Сергей.

— Взяла... Отказаться никто не мог.

— И много взяли?

— Два мешка. В кладовке они так и стоят... Признаться, я не хотела брать, потому как была злая на Нарыжного. Но пришел ко мне Нарыжный, стал со мной вежливо

разговаривать, упрашивать, даже прослезился... «Ты же, — говорит, — моя лучшая стахановка по зерну, ты моя первая опора — и желаешь загнать меня в тюрьму? С тобой же, — говорит, — мы вместе это зерно кохали, и я же не воровал его, государство я не хотел обидеть, а только хотел сберечь до весны, а весной пустить его в общественное питание... Не себе же, — говорит, — на стол, а колхозу. А еще, — говорит, — нужда по весне будет и в кузнечном угле, и в железе, и в бричках, а за хлеб все это можно легко приобрести... Хлеб, — говорит, — что золото, и это золото не где-нибудь, а в нашем колхозе...» Подумала я, подумала и решилась взять. — Лукерья Ильинична протяжно вздохнула. — Взять-то взяла, а смолчать не смогла. Всю ночь не спала, все думала, как же мне понимать Нарыжного и почему он так непонятно для меня печалится о колхозе? Голова разболелась. Встала я утром, посоветовалась с Глашей — и гайда в район до Кондратьева... Вот она, какая новость в «Светлом пути».

— Да, новость, Лукерья Ильинишна, очень важная.

— Важнее и придумать нельзя. — Лукерья Ильинична посмотрела в окно: — А вот и Глаша бежит. Она тебе еще больше расскажет.

ГЛАВА XI

Глаша Несмашная, статная и еще молодая, была из тех постоянно веселых, знающих себе цену молодых колхозниц, которые любят пошутить и в любом разговоре смелы и находчивы. Лицо ее с красивыми светлыми бровями было живое и выразительное, а в серых, здоровьем светящихся глазах ее скрывалась хитрая усмешка. Держалась она свободно, с достоинством. Ей трудно было удержать улыбку, — казалось, Глаша готова была рассмеяться, но с трудом удерживала смех из вежливости к председателю райисполкома. На Сергея Глаша смотрела и смело и с той игривой, по-женски приятной улыбкой, которая точно говорит: «Вот ты спрашиваешь меня о том, как у нас растаскивали зерно, а я смотрю на тебя — и ты мне нравишься, и думаю я совсем о другом, а вот о чем — ты этого никогда не узнаешь».

— Откуда мне все это известно? — Глаша блеснула глазами и чуть-чуть не рассмеялась. — Мой муженек — член правления, а я его уже так изучила, что как посмотрю на него, так и знаю, что у него на уме. А в ту ночь он при-

шел домой мрачный, в глазах — тоска тяжкая. Приступила я к нему с допросом... Ну, он и рассказал все, как они там дело вершили... «Как же тебе, Петро, — говорю ему, — не стыдно было соглашаться с Нарыжным? Ведь это же мот, каких свет еще не видал. Его давно надо сместить, да все никак мы за него не возьмемся. А ты, — говорю, — фронтовик, на войне руку оставил — и тоже за Нарыжным поплелся». «Мы, — говорит, — действовали по уставу: меньшинство подчиняйся большинству. А я был в меньшинстве, что я мог поделать?..» А я ему и говорю, что такого дурацкого уставу нету в жизни... Ну, и давай его по-своему, как жена. — Тут Глаша уже не в силах была удержаться и рассмеялась весело и звонко.

Сергей еще некоторое время поговорил с Лукерьей Ильиничной и Глашей, сказал им, что если будет собрание, то чтобы непременно приходили, и потом направился в правление...

Наступал вечер. По хутору шли на водопой лошади, сзади верхом на серой кобыле ехал конюх. В бригадном дворе, у плетеных яслей, стояли волы и жевали сено. В правлении светились огни. Жизнь небольшого хуторка казалась тихой и спокойной.

Члены правления, собравшиеся в кабинете Нарыжного, удивлялись и не могли понять, почему Сергей не поехал в правление, а к Лукерье Коломейцевой.

— Может, Лукерья заманила его к своей дочке? — высказала предположение Евдокия Нагорная.

— Глупости говоришь, — сказал старик Горшков.

— И моя вертихвостка туда помчалась, — проговорил Петр Несмашный. — Ежели моя Глаша побежала, то тут что-то такое неладное.

— Товарищи, — угрюмо проговорил Нарыжный, — то, зачем Тутаринов заехал к Лукерье, — не наше дело. Я собрал вас сюда не за этим. Нам надо поговорить вот о чем. Как вам известно, в газетах напечатан указ о выборах в Верховный Совет РСФСР. Партячейки у нас нет, так что за все придется отвечать самим...

Тут Нарыжный увидел из окна идущего к дому Сергея и побежал к нему навстречу. Радостно улыбаясь, он пригласил Сергея в правление. В соседней комнате, так называемой «большой канцелярии», толпились и курили колхозники. Не давая Сергею задержаться, Нарыжный провел его в кабинет и закрыл на крючок дверь. Сергей поздоровался

с членами правления за руку и сразу узнал мужа Глаши — молодого лобастого парня в шинели с пустым рукавом. Петр Несмашный был на фронте только первые месяцы войны. В первом же бою под Бердичевом получил инвалидность, приехал домой и вскоре был избран членом правления... По соседству с ним сидел старик Федор Кириллович Горшков, круглолицый, с седой, кольцами, бородкой, похожий на цыгана. Третьим членом правления была Евдокия Ивановна Нагорная, пожилая и злая на вид женщина. Повязанная толстой шалью, она сидела в углу и ни на кого не смотрела. Нарыжный любезно приглашал Сергея сесть за стол, но Сергей отказывался, говорил, что сядет возле Несмашного, как солдат рядом с солдатом...

Покамест Евсей Гордеевич Нарыжный будет любезно приглашать Сергея сесть за стол, говоря при этом, что дорогому гостю — почетное место; покамест он будет расспрашивать, как Сергей ехал, какой именно дорогой, заметил ли озимые «Светлого пути», — мы тем временем попытаемся сделать беглый набросок его портрета. Представьте себе мужчину старше средних лет и выше среднего роста и не то чтобы солидного, а так себе — весьма щуплого и худощавого. Всем своим видом Нарыжный был слишком похож на этакого хуторянина времен нэпа, когда на Кубани появились «культурные хлеборобы» и снимки их подворьев вместе с племенным скотом и многочисленным семейством печатались в журнале «Сам себе агроном». И одет Евсей Гордеевич был так просто, как только может одеваться человек, вечно занятый неотложными делами по большому хозяйству. В его костюме ничто не бросалось в глаза. Простой пиджак, простые брюки, сапоги из обычной кожи. На голове — простенькая кепка. Все в нем было обычным — и худощавое, гладко выбритое лицо, и седые виски, и, наконец, усы — не пышные и не тощие, а средние усы, какие бывают у мужчин, ничем особенным не выделяющихся. И только глаза у Нарыжного были не такие, как у всех людей. То темносерые, то светлокоричневые, они казались одновременно и веселыми, и грустными. Смотрели они на Сергея то с чуть заметной хитрецой, то с усмешкой, то с лукавством. По глазам Нарыжного нетрудно было определить его душевное состояние. В ту минуту, когда он упрашивал Сергея сесть за стол, глаза его суживались, образуя лишь щелочку, и в этой щелочке вспыхивали искорки... нет, не искорки, а какие-то прыгающие чортики.

— Что это у вас — заседание? — спросил Сергей, усевшись все-таки не за столом, а рядом с Несмашным.

— Маленькое совещание, — поспешно ответил Нарыжный, и чортики забегали в его глазах. — Готовимся к выборам. Решили, Сергей Тимофеевич, заранее обсудить, как и что. Партячейки у нас нет, так что надеяться не на кого.

— И что ж вы решили? — Сергей нарочно оттягивал разговор о зерне.

— Пока обдумываем в общих чертах... Надо помещение выделить, средства и прочее.

Все время отвечал Нарыжный. Остальные члены правления, понурив головы, сидели молча. Евдокия Ивановна Нагорная перебирала пальцами махры своей шали, ничего не слышала, ибо с приходом Сергея ее мысли вдруг обратились к дому. Она хотела вспомнить, сколько же у нее было спрятано мешков пшеницы, пять или шесть, и не могла. И еще ее беспокоило то, что мешки стоят в чулане, а надо было бы отнести их в погреб — место куда надежнее. Она перебирала пальцами махры и раздумывала: пойти ли ей сейчас домой и перенести мешки в погреб, или уж сидеть и ждать, что будет. Она так задумалась о своих ворованных мешках, что ей казалось, будто Тутаринов, на которого она и взглянуть боялась, входит к ней в дом, открывает дверь в чулан и останавливается перед мешками. «Что это у вас? Откуда зерно?» От этих мыслей по телу ее пробегали холодные иголки, и она снова силилась припомнить, сколько же у нее мешков, и никак не могла вспомнить...

Молчал и Федор Кириллович Горшков. Зажимая в кулаке курчавую бороду, он смотрел себе под ноги и мысленно ругал Нарыжного.

«Ишь, куда загнул... Помещения, средства — этим ты ему зубы не заговаривай, он тебя видит насквозь...»

Петр Несмашный засовывал в карман пустой рукав, а сам думал о Глаше:

«И чего, скажи, побегла? Это не зря, моя жена зря не побежит... Эх, говорил тебе, Нарыжный: не надо прятать зерно, не годится такое дело, — так не послушал... — Потом он посмотрел на Сергея. — А молодой, видать, не старше моих лет, а какой бедовый...»

— А как у вас с хлебными долгами? — спросил Сергей, обращаясь ко всем.

Наступило короткое молчание.

«Вот зараз все и выяснится», — подумал Несмашный и зло покосился на Нарыжного.

— Это ты насчет поставок? — спросил Нарыжный, и глаза его печально потускнели.

— Возили, возили, да и возить уже нечего, — не подымая головы, отозвалась Евдокия Ивановна. — Сколько ж можно возить!

— Помолчи, Евдокия, — сказал Нарыжный и обратился к Сергею: — Сергей Тимофеевич, долг за нами, верно, есть, но совсем пустяковый, каких-нибудь шестьдесят центнеров... И мы не отказываемся, но пусть и государство нас пожалеет, подождет долг до следующего урожая, а тогда мы все заразом и выплатим.

— В нынешнем году нема чем платить, — снова отозвалась Евдокия Ивановна, у которой перед глазами так и стояли не то пять, не то шесть мешков пшеницы. — Если бы было зерно, то почему бы и не вывезти...

— А что показал перемер зерна семенного фонда? — спросил Сергей, точно отвечая Евдокии Ивановне.

— Как я тебе в тот раз говорил, так оно в точности и вышло, — поспешно ответил Нарыжный. — Получается аккурат по площади посева... Все заактировано.

«Ой, мастак брехать! — подумал Петро. — И в глазах стыда нету...»

— Сергей Тимофеевич, по плану мы должны посеять яровой пшеницы... — начал было Нарыжный, но Сергей перебил:

— Погоди, Евсей Гордеевич, со своим планом. Сколько вы должны засеять яровой пшеницы — это я знаю. Но мне неизвестно, сколько вы развезли по домам колхозников семенной пшеницы. Евдокия Ивановна, сколько, к примеру, у вас мешков?

Такой прямой вопрос так озадачил Евдокию Ивановну, что она только встала, раскрыла рот, но ничего сказать не могла.

— Все уже знает, — тихо проговорил дед Горшков.

— Да, я все знаю. — Сергей встал. — И вот что я вам скажу, члены правления: руководить колхозом вы не способны — это вы показали на деле... Но зерно, спрятанное вами по дворам, должно быть сегодня же собрано, погружено на подводы и отправлено на элеватор.

— Петро, — сказал Нарыжный, и чортики в его глазах забегали с необыкновенной проворностью, — иди, Петро, и кажи бригадирам, чтоб запрягали...

— Эх, Евсей, Евсей, идолова ты душа! — крикнул Петро Несмашный и вышел из кабинета.

За ним незаметно убралась Евдокия Ивановна. Торопливо юркнул в дверь и Нарыжный.

— Собрать-то соберем, да позор на голову какой! — проговорил Горшков, все так же сидя на лавке.

ГЛАВА XII

На хутор давно опустилась ночь. В хатах светились огни, а по улице и на бригадном дворе маячили во тьме фонари. Сергей стоял у калитки дома Лукерьи Ильиничны, подняв воротник шинели и опершись плечом о столб. Остуженный заморозками ветер тревожно шумел в голых деревьях. С конца улицы доносились людской говор, смачная мужская ругань, цокот колес, крики на лошадей. Сергей вслушивался в этот то нарастающий, то утихающий шум, видел мелькавшие огни, а сам думал о том, кем бы можно было заменить Нарыжного, и ему казалось, что самой подходящей кандидатурой была Лукерья Ильинична Коломейцева.

— И чего вы стоите на холоде?

К Сергею подошла, кутаясь в шаль, Лена.

— Любуюсь вашим хутором, — сухо ответил Сергей.

— Да чего ж тут хорошего? — Лена подступила к Сергею так близко, что он в темноте увидел ее ласковые глаза. — Сергей Тимофеевич, идите в хату. Чай давно вскипел, а яичница совсем остыла.

— Пусть остывает. Я вашу матушку подожду.

— Не дождетесь! — Лена рассмеялась.—Куда там! Теперь они то зерно и до утра не соберут.

— Ну, хорошо, я скоро приду... Идите, а то вам холодно.

Лена не уходила. Видимо, ее и злило, и обижало то, что Сергей был совершенно равнодушен и к ней, и к ее просьбе. Кутаясь в шаль, она сказала:

— Сергей Тимофеевич, найдите мне работу.

— А что вы умеете делать?

— Что-нибудь... каким-либо секретарем у вас в исполкоме.

— У нас такой должности нету.

— Но я же тут умру со скуки.

— Хотите, я помогу вам избавиться от скуки? Езжайте на курсы электриков... будете большим специалистом.

— Какая же у меня будет работа?

— Хозяйкой электричества в колхозе... Станцию строим большую, впереди столько дела! Так что скучать не придется...

— Хорошо, я подумаю.

Лена схватила Сергея за руку, а потом рассмеялась и убежала. На пороге остановилась и крикнула:

— Идите же, Сергей Тимофеевич, а то чай остынет!

Сергей промолчал. По улице, недалеко от него, подпрыгивая в темноте на камнях, гремели колеса. Лошадей не было видно. На бричке стояли, точно обнявшись, две фигуры. Дрожащий свет фонаря освещал мелькавшие спицы заднего колеса. Бричка подкатила ко двору и остановилась у калитки. На землю спрыгнула Лукерья Ильинична, высоко подняв фонарь и осветив им лицо Сергея.

— И ты не спишь? — удивилась она. — А ужинал? Я же наказывала Лене, чтобы она тебя накормила.

— Покушать еще успею, — сказал Сергей. — Смотрю, как вы стараетесь.

— Стараются, да не все. — Лукерья Ильинична взмахнула фонарем, как кадилом. — Ты думаешь, что члены правления собирают хлеб? Эге! Они только мастера его прятать! Нарыжный подседлал коня и куда-то ускакал, наверно в район. Евдокию Ивановну с перепугу лихорадка бьет. От нее мы свезли семь мешков... Только один дед Горшков не спрятался. Злится, матершинничает, а старается. Он с бригадиром поехал в тот конец, а мы с Глашей — по этой стороне.

— Мой муженек, — отозвалась Глаша, стоя на возу, — тоже совсем духом упал. Где-то успел выпить. Пришел домой пьяный, лег в кровать, стонет, вздыхает. Потом встал— не лежится. А вот и он плетется! Эй, Петро, садись, подвезем до дому!

— А ну вас всех к чортовой матери! — зло сказал Петро, подходя к Сергею.

— Оставь его, Глаша, человеку, можно сказать, не до шуток. — Лукерья Ильинична пошла во двор. — Пойдем, вынесем мешки да и поедем дальше.

Сергей помог женщинам уложить на бричку мешки. Бричка снова погремела по хутору, и снова замелькали спи-

цы заднего колеса, освещенные фонарем. Петр Несмашный стоял у плетня, тяжело навалившись на него спиной.

— Что ж нам теперь будет? — угрюмо спросил он.

— А как ты думаешь?

— Почем я знаю. От этих думок у меня уже голова трещит.

— Ты, я вижу, воевал?

— Неудачно... А при чем тут война?

Сергей угостил Петра папиросой.

— Ты спрашиваешь, при чем тут война? — Он зажег спичку, прикурил сам и дал прикурить Петру. — Не знаю, как тебя, а меня война многому научила. Да и на тебе она свою метку оставила. И, как я думаю, на войне ты вел себя куда лучше, чем в колхозе. Руки лишился — значит, геройски сражался. Так почему ж ты в колхозе пошел за Нарыжным? Зачем воровал хлеб у государства?

— Я не воровал! — крикнул Петро. — Понимаешь, не воровал!

— Не прямо воровал, так прятал, занимался жульничеством, — а это и есть преступление.

— Ты меня вором не об'звывай. За всю жизнь я чужого гвоздя не взял и не возьму. — Петро ударил себя в грудь кулаком. — Ты в душу мне загляни, ежели ты грамотнее меня!

— Я твою душу и так хорошо вижу.

— Нет, не видишь.—Петро схватил Сергея за рукав.— Давай сядем... Никому я не хотел говорить об этом, а тебе расскажу... Ты только меня извини, я малость выпил... Сердце болит, не мог... Да тебе хорошо так говорить... Сегодня я в правлении смотрел на тебя, и мне так стало обидно на себя. Ведь мы с тобой, наверно, одногодки. А почему ж мы такие разные? Скажи, отчего не одинаковые?

— Ты какого года рождения? — спросил Сергей, опираясь спиной о потрескивающий плетень.

— Двадцатого.

— А я на год моложе.

— Видишь, почти что ровесники... Стыдно мне об этом даже подумать... Ведь это ж что ж такое получается? В двадцатом году я появился на свет, какая была жизнь до революции — не знаю, единоличником никогда не был, состоял в комсомоле... правда, неудачно. Когда была коллективизация — мальцом бегал. И вырос я в колхозе, другой жизни не знаю и знать не хочу, а вот что-то сидит у меня

внутри, сосет оно меня, дорогой товарищ, как пиявка... Имеется у меня свой огородишко, корова, кабанчик, и ко всему этому есть у меня тяга, скажу, какая-то любовь, сердце радуется, ежели корова отелится или свою картошку копаешь и носишь ее мешками в погреб... Я, конечно, и колхоз уважаю, членом правления меня избрали, — значит люди наши видят, что мне можно доверить...

— Ошиблись ваши люди, — сказал Сергей.

— Да ты погоди, я и сам знаю, что ошиблись. Но вот ты скажи: почему я не могу заступиться за колхоз, когда это требуется? Вижу, что многое делается не на пользу колхоза, а сказать об этом не могу... Или я еще молодой? Так нет же, моя жена Глаша моложе меня, а характер у нее совсем другой. Ежели Глаша видит, что делается не по ее, так она ни за что не смолчит. В прошлом году, помню, Нарыжный подсунул звену несеменное зерно, — так она этого Нарыжного, веришь, чуть зубами не загрызла. Злая изделалась, просто и подойти к ней страшно. А Нарыжный возьми и скажи ей, так, в шутку, что не себе сеешь, чего взбесилась?.. Так она к нему — да за грудки! Было дело, смеху на весь хутор... Или узнает Глаша, что правление взяло не ту линию, — тогда ее уже не удержишь, куда угодно пойдет... А вот я не могу. Ведь я тоже знал, что план хлебозаготовок мы не выполнили, а в семенном зерне спрятали сто двадцать центнеров. Нарыжный поехал к Хохлакову, расплакался и сказал, что нечем выполнять хлебопоставки... Знал я об этом, а смолчал. А почему?.. Ходил я по хутору и о том зерне думал. Подойду к амбарам, погляжу-погляжу: нет, думаю, надо ехать в район и все рассказать. Думал, пойду прямо к Кондратьеву и скажу: так, мол, и так, Петро Несмашный, безрукий инвалид Отечественной войны, душой болеет... Думал, а не пошел и не рассказал... А почему? Раздвоился я на две половины. Одна половина тянет в хорошую сторону, будем говорить — за колхоз, а другая — против. Одна половина говорит: «Не жадничай, Петро, не прячь зерно, не иди на поводу у Нарыжного», а другая норовит свое: «Останется в колхозе хлеб — твой будет, колхозу на пользу...» Вот как рассуждал. И помнится, на том заседании, где мы решили развезти по дворам зерно, тоже я раздвоился. Нарыжный, хитрый чертяка, глазами завсегда играет, говорит: «Государство у нас большое, в государстве хлеба много, и если у него нехватит, то мы в любой момент отдадим даже последнее.

А вот ежели, — говорит, — у нас нехватит хлеба к весне, то нам просить у государства совестно. Какие ж мы после этого хлеборобы!» Подумал я: правильно. А Нарыжный и говорит: «Ежели у нас будет лишнее зерно, то мы к весне подготовимся, посеем во-время, колхоз свой сделаем передовым». Подумал я, подумал: правильно! А потом еще подумал: нет, неправильно! Хотел я не согласиться с Нарыжным, а не смог, духу нехватило.

— Вот в этом-то и беда твоя.

— Пришел я домой, посмотрел на Глашу, и так мне совестно стало! Рассказал я ей все, как у нас дело было, а она мне прямо в глаза: «Дурак ты, хоть и руки на войне лишился... Разве, — говорит, — так надо о колхозе печалиться?..»

— Молодец у тебя жена! — воскликнул Сергей. — Вот ты ее во всем и слушай.

— Да она-то молодец, а вот я кто?

Мимо проехала подвода. По твердому стуку колес можно было догадаться, что она была доверху нагружена зерном. Двое мужчин шли рядом с подводой и негромко разговаривали.

— Допрыгался наш Евсей! — сказал один. — Теперь ему суда не миновать.

— Так ему, шкуре, и надо, — ответил сиплый бас.

Подвода отъехала далеко, и голоса возчиков стихли. В темноте гремели другие подводы — двигались они к бригадному двору, стоявшему на краю хутора.

— Горько мне было слушать твой рассказ, — сказал Сергей. — Ты похож на жалкого труса, а мужчине быть таким стыдно.

— Что ж мне делать, дорогой товарищ?

— Ты читать умеешь?

— Умею...

— Будешь в районе — заходи ко мне. Я дам тебе хороших книг. Жить тебе надо учиться не у Нарыжного, а у книг и у хороших людей.

Ко двору подъехали на груженой подводе Глаша и Лукерья Ильинична.

— А вы все сидите? — спросила Лукерья Ильинична, подходя с фонарем к плетню. — Сергей Тимофеевич, как же нам теперь быть?

— А что такое?

— Да то, что Нарыжный куда-то сбежал, а мы остались без всякой власти. Зерно собрали, его надо отвозить на элеватор, а как же так? Надо акты составить, а председателя нет, и я прямо и не знаю.

Сергей встал, застегнул на все пуговицы шинель.

— Я думаю, что акты мы можем составить и сами. А председателя надо избирать нового. — Он поднес руку к фонарю, посмотрел на часы: — Еще рано. Созывайте колхозников в школу, одну ночь не поспим, так зато все разом сделаем. Правильно, Лукерья Ильинишна?

— Да ночь-то еще большая, — сказала Лукерья Ильинична, а Сергей, любуясь ее крепкой и рослой фигурой, подумал:

«Вот мы тебя и изберем председателем — лучшего и желать не надо...»

— Петро, а ты уже пришел в себя? — насмешливо, но ласково спросила Глаша. — Иди на конюшню, седлай жеребца — и гайда по хутору. Созывай всех на собрание.

ГЛАВА XIII

Поздно ночью в школе состоялось собрание колхоза. Никогда оно не было таким людным и шумным, как на этот раз. Два просторных класса, соединенных широкой дверью, были забиты людьми. Многие не смогли попасть в здание и облепили снаружи окна, двери, коридор. Тут же, возле окон, двумя рядами выстроились двенадцать подвод, груженных мешками с пшеницей. И то, что собрание было созвано в такой поздний час, и то, что на собрании находился новый председатель райисполкома, и то, что у школы выстроился готовый к отправке обоз с зерном, — говорило о событии исключительной важности.

Возчики, ожидая приказания, лежали на мешках и курили, а в школе стоял галдеж, доносились выкрики, обрывки фраз — там шли выборы президиума. И вот избранные — животновод Нестеров, доярка Яблочкина и Лукерья Ильинична — уселись за стол и о чем-то разговаривали с Сергеем, а разноголосый говор не смолкал. Все знали, что на собрании будет избираться новый председатель, что Нарыжный сел на коня и куда-то уехал. Какой-то шутник вслух вспомнил о Нарыжном и крикнул:

«А посмотрите в тот угол: это не Евсей Гордеевич блестит глазами?!»

Все посмотрели в угол, где горел фонарь, и по классу покатился веселый смех. Раздался стук карандаша о стол. Нестеров, сердито насупив брови, сказал:

— Граждане, тише! Слово даю председателю райисполкома товарищу Тутаринову.

Нестеров уселся на свое место и еще раз постучал карандашом. Когда воцарилась тишина, Сергей ощутил в груди волнение. На него смотрели сотни внимательно строгих глаз. В слабом свете лица были темные, под цвет меди. На подоконнике, рядышком, сидели Глаша и Петро. На скамейке, в обществе стариков, примостился Горшков. Сергей смотрел на эти незнакомые, но радостно близкие ему лица людей и неожиданно спрятал в карман листок с приготовленными тезисами и начал рассказывать о том, как он впервые участвовал в крупном танковом бою под селением Кантемировкой. Такое начало его речи всем показалось необычным, в классе стало еще тише — было слышно, как за окном бьют копытами и всхрапывают кони. Чей-то молодой голос из задних рядов спросил, страшно ли бывает в бою.

— Очевидно, юноша хочет знать, — говорил Сергей, — испытывал ли я страх в этом бою?.. Дело прошлое, и я могу вам сознаться: да, испытывал. Но рядом с чувством страха у меня тогда явилось и другое чувство. Когда я увидел в перископ сигнальную ракету и дал полный ход машине, — я был механиком-водителем, — это чувство возникло во мне с невероятной быстротой. Мне трудно выразить его словами, но оно похоже — как бы это вам понятнее сказать — на неожиданный порыв сердца, когда ты ощущаешь в себе прилив силы и тело твое, каждое движение мускула, зрение, слух — все подчинено одной мысли: вперед!.. Чувство это, товарищи, и есть моя любовь к Родине. И хотя я и раньше знал, что такое любовь к Родине, знал из книг, но я признаюсь вам, что всей душой своей я впервые почувствовал ее в этом бою под Кантемировкой. Затем уже всю войну это чувство, как бы поднявшись надо мной, не только не покидало меня, а стало главной целью моей жизни... И я бы, конечно, не вспомнил об этом здесь, на нашем собрании, если бы я не испытывал этого чувства и теперь, когда вынужден говорить с вами о всем вам уже известном позорном случае с воровством зерна. Почему, думал я, это произошло в «Светлом пути», а не в каком-либо другом колхозе? Разве люди у вас другие? Нет, люди у вас хорошие. А потому произошел этот позорный

случай у вас, что членам правления вашего колхоза, и в особенности Нарыжному, незнакомо то чувство любви к Родине, которое воодушевляет человека на подвиг. А раз так, то такие люди не могут стоять у руководства. Так могли поступить не руководители колхоза, а шкурники!

— Вот это правильно!

— Отчитал по-гвардейски!

— Еще какие шкуры — ничем не пробьешь!

— Одна преподобная Евдокия Ивановна чего стоит!

— Спекулянтка! Белую муку кто на базар носил?

— Да они все в кладовой паслись!

Слушая реплики, Сергей ощущал какую-то незримую нить, которая протянулась между ним и колхозниками, и от этого говорить ему было необыкновенно легко — мысли строились четко, слова подбирались простые и нужные. И, вместе с тем, он никогда еще так не волновался, как сегодня. Подробно, как только сумел, он рассказал, что значит для района сам факт задолженности по хлебу хотя бы одного небольшого колхоза:

— Бывшие горе-руководители рассуждали так, что, дескать, государство наше большое, хлеба у него много, обойдется и без нас... Ну, пусть бы так могли говорить Нарыжный и Евдокия Ивановна Нагорная. Но там же был и фронтовик? Вот что обидно!

Все посмотрели на Петра, и с разных мест послышались голоса. Собрание снова зашумело. Нестеров встал и сердито постучал карандашом.

— Спокойно, граждане! Прения мы еще не открывали!

— Какая там еще прения!

— Хлеб надо отвозить, а преть успеем!

— Сперва председателя выберем.

— Тетю Лукерью Ильинишну!

— Глашу Несмашную!

— Давай Глашу! И молодая, и грамотная!

— Петро! Пропал ты теперь.

— Лукерью Ильинишну!

— Голосуем за Глашу!

— Да они обе подходящие.

Поднялась Лукерья Ильинична, вытерла платочком губы, подождала, пока собрание успокоится, и сказала:

— Меня не назначайте: я женщина старая и малограмотная. Лучше всего давайте проголосуем за Глашу.

— Значит, так, — сказал Нестеров, обводя собрание строгими глазами, — будем голосовать за Глафиру Федоровну Несмашную. Кто — за? Подымайте руки.

Не голосовал только Петр Несмашный. Он прислонился головой к стенке и печальными глазами смотрел на жену. А Глаша улыбалась, как бы подсчитывая в уме, все ли подняли руки...

Когда были избраны члены правления и в числе их — Лукерья Ильинична, Глаша легко спрыгнула с подоконника и подошла к столу. Заложив руки за спину и гордо подняв голову, она постояла несколько секунд, стройная и красивая. На лоб ее спадал завиток волос, лукавые, быстрые глаза блестели.

— Ну, Петро, — сказала она, обращаясь к мужу, — погляди на меня хорошенько! И вы все посмотрите... Все кричали: «Глашу давай!» — вот я и есть! Так вы хорошенько на меня посмотрите, чтобы потом не говорили, что выбирали одну, а получилась другая. И вот тут, когда вы все в сборе, я и скажу, что зараз думаю: характером я строгая — это все знают, так что поблажки никому не будет. И еще скажу: выбирали — так и подчиняйтесь... А ежели под горячую руку кого и обижу — так не прогневайтесь... Вот и все мое вам обещание. А зараз давайте отправлять обоз. Собрание мы еще малость продолжим, а лошадей тут держать нечего. Тетя Луша, придется тебе ехать за старшего...

Утром Сергей собрался уезжать. Он уже сидел в машине, когда к нему подошла Глаша — все такая же веселая, с миловидным лицом, на котором особенно запоминались шнурочки светлых бровей.

— Глаша, — сказал Сергей, — готовь колхоз к выезду на канал... харчей берите на месяц. Везите кузню, запаситесь углем, поделайте носилки, закупите лопаты. Не забудь послать Лену на курсы электриков. Напиши ей такую справку.

— Это мы все сделаем, а ты нас не забывай, — сказала Глаша, и взгляд ее смеющихся, девичьи-озорных глаз как бы говорил:

«Ах, Сергей Тимофеевич, если б ты только знал, что у меня на уме касательно тебя...»

Прощаясь с Сергеем за руку, она сказала все с той же лукавой усмешкой в глазах:

— Если будет трудно, то я приеду к тебе за помощью.

Ветер трепал парусину тента — над головой точно кто-то непрерывно хлопал в ладоши. Сергей кутался в бурку, ощущая тепло и слабый запах овечьего пота. Он закрыл глаза и мысленно продолжал разговор с Глашей, и то сравнивал ее с Леной, то с Ириной... Но как только он думал об Ирине, мысли его путались, и он уже видел птичник, серую и тоскливую степь под облачным небом, Ирину, уходившую к возам. Сергей задумался и не заметил, как машина остановилась. Он открыл глаза и в двух шагах увидел отлогий, голышеватый берег Кубани, а на той стороне — желтый, давно скошенный луг и несколько красных, как пламя, кустов. Ванюша наливал воду в радиатор...

И когда снова перед глазами лежала остуженная ветром степь и над головой хлопали в ладоши, Ванюша с застенчивой улыбкой посмотрел на Сергея и сказал:

— Не дала мне выспаться эта Лена...

— Как же это так? — сочувственно спросил Сергей.

— Когда вы ушли в правление, я себе поужинал и так удобно устроился на сене возле горячей лежанки — и мягко, и с одного бока греет... Дремлю себе и слышу — кто-то меня эдак легонько толкает. Открываю глаза и сам себе не верю — ко мне наклонилась Лена, и лицо ее, верите, показалось мне таким красивым, что я спросонку малость даже оробел. А она и говорит: «Эй, шофер, где это твой начальник запропал? Чай пора пить». Ишь, думаю себе, откуда зачинает разговор! Я держу себя гордо, а тут еще и спать сильно хочется... «Ежели, — говорю, — тебе нужен мой начальник, тай пойди и разыщи его, а спать мне не мешай...»

— А она что же?

— Вышла из хаты... Да. А я зажмурился, лежу, а заснуть уже не могу — разные мысли полезли в голову. Стал я себя ругать: зря я ей так сурьезно ответил. Опять закрою глаза, а Лена будто стоит возле меня и смеется. Я и так перевернусь, и так лягу, а сна нету — хоть плачь! Стал я думать, зачем она ко мне подходила, — и не мог придумать... Слышу — идет со двора. Где она была, не знаю. Я дыхание притаил и прикинулся сонным, а у самого сердце ёкает, и хочется мне, чтобы она снова подошла... Это я истинную правду говорю. Да. Слышу — подходит, кладет мне на плечо свою руку, а у меня холодок по спине бежит... «Ванюша, — ласково говорит она, — вставай чай пить». Я, конечно, вскочил, причесал чуб, а у самого разное вол-

нение в голове. Главное, никого в доме нету, ночь — и мы одни... Пьем чай, а она так выразительно смотрит на меня, что мне изделалось даже неловко... Кто ж про то знает, что у нее на уме? Она тяжело вздохнула и говорит: «Ванюша, а скажи, отчего твой начальник — стало быть, вы — такой нелюдимый?..» Ей-богу, так и сказала!

— Что ж ты ей ответил?

— Говорю, что по должности ему таким быть полагается... Да еще говорю, что он не из тех, кто любит шутки шутить... А она снова ко мне с вопросом: «А скажи, Ванюша, твой начальник женатый?»

— Как же ты ответил? — с улыбкой спросил Сергей.

— Говорю, что женат давно и есть дети, — так говорю, что на ум придется...

— И что же она? — Сергей смеялся.

— Ничего, — неохотно продолжал Ванюша. — Немного будто удивилась, а потом загрустила и стала зевать... Встала и сказала: «Ну, Ванюша, попил чаю, иди отдыхай, тебе, бедняжке, придется рано вставать». Я и ушел, а уснуть не мог... Вот какие бывают женщины привязчивые. Привязалась и не дала уснуть... Когда вы пришли на рассвете, а я еще и глаз не смыкал... А все через ту Лену.

— Да, обидно, — посочувствовал Сергей, кутаясь в бурку.

ГЛАВА XIV

Рано наступила зима, и пришла она в станицу в теплой белой шубе. На рассвете по Усть-Невинской совсем неслышно проехал первый санный обоз. Выбравшись за станицу, вереница саней потянулась в степь. Дорога пряталась в глубоком и пушистом снегу. След прокладывали новенькие пароконные сани с подрезами, и на них, удобно умостившись в сене, сидел Прохор, в шубе и в башлыке, повязанном так, что виднелись одни лишь глаза. Приподымаясь на колени, Прохор то подбадривал вожжами коней, то посматривал назад, — боялся, как бы не отстали какие быки и не уснули возчики. У его ног, закутавшись в бурку, лежал Виктор Грачов.

— Эй, ей! — покрикивал Прохор, — не растягивайтесь!

Следом за санями Прохора, поскрипывая ярмами, на которых сычами сидели мальчуганы-погонычи, брели по топкому снегу пять пар волов. Они были запряжены цугом

в огромные санищи, с толстыми, как дрючья, полозьями, — обычно в верховьях Кубани на них перевозят амбары или стога сена... В эту же зиму добротным полозьям из суковатого дуба предстояло выдержать груз, может быть, во много раз тяжелее любого амбара, — нужно было перевезти со станции станину водяной турбины.

«И скажи на милость, какой вес имеет та штуковина, — размышлял Прохор, кутаясь в шубу. — Это же только подумать: одна часть уместится на этих дрючьях, а чтобы всю турбину поднять, то приходится гнать столько лошадей и быков...»

За свою жизнь Прохору довелось перевозить всякие грузы — и лес, и железо, и пшеницу, а вот с турбиной иметь дело еще не приходилось. Какая она есть на вид, эта турбина, он тоже не знал, — оттого и лезли в голову всякие тревожные мысли: а что, если даже такие дубовые полозья не устоят под тяжестью и среди дороги случится поломка? Застрянет турбина где-нибудь в степи, будет лежать в снегу на дороге, а проезжие люди станут насмехаться: вот, мол, какие устьневинцы! Гидростанцию строят, машину затребовали из Урала, а привезти домой не смогли — ума нехватило...

«А наш Виктор Игнатьич спит себе, — думал Прохор. — Ему-то чего ж не спать, он уже ей и местечко приготовил — как для невесты, ей-богу!»

Работая в бригаде Грачова, Прохор ко всему присматривался и многое не понимал из того, что делалось в машинном отделении. Он видел, как вырастала из котлована железобетонная стена, и хотя Грачов говорил, что это строится фундамент для турбины, но Прохор так и не мог себе представить ни форму, ни величину той машины, которая вскоре ляжет на этот твердый настил.

Над степью разгоралось светлое утро. Небо было высокое и синее-синее. Виктор Грачов уже давно не спал, и вставать ему не хотелось, — сани укачивали, глухо постукивали копыта, молодо и свежо скрипел под полозьями мороз. Было приятно лежать и смотреть вдаль. За Кубанью белыми шатрами стояли невысокие горы и то казались дымчато-сизыми, то озарялись мягким розовым светом. Когда же в седловину двух вершин выкатилось солнце, горы точно воспламенились, а вся низина заискрилась с такой силой, что стало больно смотреть...

Виктор закрыл глаза и задумался. Нет, нет, не такой представлялась ему жизнь его после многих лет учебы... Обычно в Усть-Невинскую Виктор приезжал погостить. То были веселые месяцы — купался в Кубани, гулял по степи; ему и в голову тогда не приходило, что вот кончит учебу и первую свою практику проведет дома; казалось, будто бы кто-то нарочно послал его именно сюда, чтобы свои же станичники могли увидеть и оценить, чему научился в Москве сын вдовы Грачихи... И хотя в Усть-Невинскую Виктор поехал неохотно и, как сам говорил, временно, а уже с первых дней почему-то отрадно было сознавать, что все верховье Кубани без его помощи обойтись не может и что он — единственный человек среди своих земляков — сумеет и установить сложнейшие машины, и заставить их дать свет. Самым же приятным было то, что турбина устанавливалась на реке, где прошло его детство, где он ловил рыбу, купался, бегал голышом по берегу, — сколько возникало волнующих сердце воспоминаний всякий раз, когда он подходил к зданию вблизи высокой кручи!

И еще приятно было Виктору наблюдать в станице тот живой интерес к электричеству, который был вызван, несомненно, постройкой гидростанции. Он хорошо знал, с какой гордостью обычно говорят об электрификации его друзья детства, и он их понимал, но не Сергей и не Савва удивляли и радовали Виктора, а такие люди, как Прохор и Грицько, работавшие в его бригаде.

Прохор жил по соседству с матерью Грачова. Однажды поздно вечером, проходя мимо Прохоровой хаты, Виктор увидел в окно небольшое собрание: у стола, при слабом свете лампы, сидели пожилые мужчины и женщины и читали вслух книгу «Выбор силовых установок». Виктор вошел в сенцы, остановился у дверей и прислушался.

— Прохор, а ты расскажи мне попонятливее, — послышался хриповатый бас.

— Как же тебе еще пояснить? — отвечал Прохор. — В книжке говорится, что электричество бывает постоянное и переменное. Чего ж тебе еще?

— А у нас какое будет?

— Кто же его знает.

— А как же оно станет вертеть молотилку или там, скажем, доить коров, — допытывался хриповатый бас, — вот в чем мой вопрос, а временное то электричество или постоянное — в том я не разбираюсь.

— Все одно, — уверенно заявил кто-то из мужчин, — лишь бы его к делу приспособить.

— А на мое рассуждение, — отозвалась женщина, — лучше, ежели оно постоянное.

— Почему? — строго спросил Прохор.

— Все, что временно, — плохо.

— Правильно, тетка Фекла, — подтвердил бас. — У нас в то лето временно кинопередвижку строили, и никакого толку из нее не получилось.

— Вот это ты, Андрей, верно подметил!

Виктор рассмеялся и вошел в хату.

— А! — крикнул Прохор. — Вот кто нам объяснит! Виктор Игнатьевич, мы тут читаем одну книжку, я ее в Рощенской на базаре купил... Читаем, читаем, а только разобраться не можем.

...И теперь, лежа на санях и кутаясь в бурку, Виктор с улыбкой вспоминал свою беседу, затянувшуюся допоздна. В этот вечер он впервые так просто и, как ему казалось, интересно рассказывал своим станичникам об электричестве, — его и сейчас волновало какое-то еще не изведанное им чувство... Откинув полу бурки, он соскочил на снег и пошел рядом с санями.

— А я думал, что ты зорюешь! — обрадованно сказал Прохор.

— Виктор Игнатыч! — кричал с других саней Никита Мальцев. — Погляди, какое движение!

Голова обоза выползала на пригорок, а хвост изгибался по ложбине. Мальчуганы-погонычи — кто в кудлатой, гнездом сидевшей на голове шапке, кто закутан башлыком, а кто повязан платком поверх картуза — покачивались на ярмах и лениво помахивали кнутами. Пять пар быков шли споро, а следом за ними тяжелые полозья, как плуги, разрезали снег. Никита Мальцев важно лежал на разостланной поверх сена полости, курил и улыбался.

— Да на таком транспорте, — говорил он, обращаясь к Виктору, — можно две турбины поднять!

«И у этого гордости — хоть отбавляй», — с улыбкой подумал Виктор и посмотрел на скрипевший по дороге обоз.

Где-то в средине санной вереницы вдруг как будто вспыхнуло на снегу пламя. Оказалось же, что было это вовсе не пламя, а огненно-красные, знакомые нам быки с красивыми, во весь лоб, лысинами. И Виктор, стоя у дороги, залюбовался не столько быками-красавцами, сколько

возницей. В санях сидела девушка в белой шубенке, подпоясанная рушником, повязанная пуховой шалью, как-то так искусно, что узлы лежали у нее на голове в виде замысловатой шляпки. И на этой шляпке, и на махрах шали, и на выбившихся над висками черных локонах, и даже на бровях серебром блестел иней, отчего ее смуглое лицо, с быстрыми и живыми глазами, казалось необыкновенно красивым.

«Да чья же это такая прелестная девушка?» — подумал Виктор, когда бычьи лысины уже блестели перед его глазами.

Девушка улыбнулась, как бы желая помочь Виктору вспомнить, кто она, и он сразу узнал, что это же — невеста Сергея.

— Садись, инженер! — весело сказала Ирина, — у меня сани нетряские.

— Ирина! Да я тебя и не узнал!

Виктор охотно сел рядом с Ириной. Теперь уже ни яркая окраска быков, ни искрившийся на пригорке снег не привлекали внимания Виктора. Разговаривая с Ириной, он узнал, что выросла она на хуторе Маковском, а в станицу переехала совсем недавно... Любуясь и ее взглядом и улыбкой, он думал,что его друг не мог, конечно, не влюбиться в такую миловидную возницу. Но странным казалось, почему в тот вечер на крестинах она была для него обычной девушкой, каких в Усть-Невинской немало, а тут, рядом с ним, сидела на санях точно совсем другая Ирина, — и глаза с пушинками инея на ресницах и на бровях светились какой-то щедрой радостью, и лицо, смуглое и немного подрумяненное морозом, было необыкновенно веселым.

— А я думал, — говорил Виктор, — почему тебя не знаю, а ты, оказывается, хуторская... На каникулы приезжал и тоже тебя не видел.

— Меня увидеть трудно... я все время на быках раскатываю.

— А почему ты выбрала себе эту работу?

— Разве плохо? — Ирина хитро сожмурила глаза.

— Не то что плохо, а все ж таки с быками возни много.

— Я к ним привыкла. — Ирина рассмеялась. — И быки у меня особенные, умные.

— Привычка — дело хорошее... Но тебе же надо выдвигаться. Ты комсомолка?

— Ага...

— Нельзя же всю жизнь оставаться возницей.

— Я и не собираюсь.

— Понимаю. — Виктор значительно улыбнулся. — Выйдешь замуж за Сергея Тутаринова?

— Это еще неизвестно... Может, выйду за Сергея, а может, и не за него.

— Я Сергея хорошо знаю — настойчивый. И если он тебя полюбил...

— Ну, и что же? У меня тоже есть настойчивость.

— А все ж таки хорошо бы тебе учиться.

— Я знаю, что это хорошо...

— Стала бы каким-нибудь специалистом... вот и с Сергеем бы поравнялась.

— А я с ним и так равная. — Ирина смущенно улыбнулась. — А ты хочешь, чтобы я училась ради Сергея?

— Ну, хотя бы...

— Эге! Пусть он меня любит такую, какая я есть.

— Да он тебя и так любит... Но все же лучше было бы...

— Лучше, лучше! — гордо глядя вдаль, сказала Ирина. — Помнишь, ты сказал, что любая девушка возле Сергея становится красивее... чего ж еще?

— Так это же я пошутил. — Виктор взял из рук Ирины кнут и стал сбивать комочки снега с хвоста быка. — А если говорить серьезно, то знаешь, о чем я сейчас думаю?

— Не знаю.

— В Усть-Невинской строится гидростанция большой мощности. Обслуживать ее потребуются люди. Вот и быть бы тебе на этой станции, к примеру, диспетчером.

— А это что такое? — удивилась Ирина.

— Э! Работа весьма важная... Тебе, наверное, известно, что на железной дороге есть такой человек, который управляет движением всех поездов... Вот такой человек должен быть и на электростанции. — Виктор приподнялся на колени, глаза его заблестели. — Представь себе, машина работает полным ходом, и по проводам от станции, как от поезда по рельсам, устремился ток, — это же сила, понимаешь? От нее светятся тысячи лампочек, вращаются моторы, жизнь становится богатой и красивой, и ты — всему этому хозяйка! — Виктор восторженно посмотрел на смущенно улыбающуюся Ирину. — Да знаешь, кем бы ты была? Богиней огня! Да, да, не улыбайся!

— Красиво! — мечтательно проговорила Ирина. — Но разве я смогу?

— Сможешь! — уверенно заявил Виктор. — Дай согласие — и я тебя обучу... Хочешь?

— Хоть и хочу, но как же я буду учиться? Быков же не брошу?

— Будем учиться по вечерам. У меня есть много книг... А какие книги! Только условимся — Сергей об этом не должен знать.

— А! Хитрый! — Ирина погрозила пальцем. — А почему он не должен знать?

— Мы ему преподнесем сюрприз.

— Я такого слова не знаю, — с грустью проговорила Ирина.

— Нарочно, понимаешь, сделаем так, чтобы Сергей удивился, когда увидит тебя за диспетчерским столом.

— Нет, этого нельзя, — грустно проговорила Ирина.— Разве я смогу так, чтобы ему ничего не сказать... Вот если открыто, тогда я согласна...

Виктор начал горячо уверять свою соседку, что Сергею куда приятнее будет узнать обо всем, когда обучение увенчается успехом и его невеста из возницы станет диспетчером, приводил столько неоспоримых доказательств, что не согласиться с ним, казалось, было невозможно. А Ирина лишь усмехалась, весело играла глазами и никак не отступала от своих условий... И пока они так разговаривали, обоз проехал мост, обогнул окраину станицы Рощенской и остановился у ворот товарного двора.

Виктор ушел с документами к начальнику станции, так и не склонив на свою сторону Ирину, и, уже проходя по рельсам, думал:

«С характером девушка, и по всему видать — хозяйка своему слову...»

Возчики, поджидая Грачова, оставили коней и быков у ворот и с нескрываемым любопытством осматривали груз на четырех платформах. Непонятно заманчивыми казались и огромные ящики, опоясанные обручным железом с жирными надписями: «Уральский электромеханический завод», и какие-то причудливые части машины, нечто похожее на колесо, заколоченное крест-накрест досками, из которых торчал вал, испачканный желтой мазью, точно сливочным маслом... А Прохор опасливо присматривался к станине: эта чугунная туша, имевшая форму ковша, пугала его своей

тяжестью. Прохор даже постучал кнутовищем о чугун и рассмеялся.

— Ишь, какая громадина! — сказал он. — Никита, а ты как думаешь — пять пар быков потащат?

— Если принять в расчет на каждую пару по санной дороге пудов сто, — как всегда рассудительно, заговорил Никита, поглаживая колючие белесые усы, — то в общем, можно сказать, возьмем.

— А это что? Его тоже вода будет крутить? — спросил мальчуган, жарко блестя глазами и показывая кнутовищем на генератор.

— Ты погляди, Ванька, сколько в ней медной проволоки!

— Да то ж не проволока! То золото!

— Тю, чудо! Как устроено... Да так и паук паутину не сплетет!

— Ему название генератор, — сказала Ирина, обращаясь к мальчугану. — Понятно, хлопчик?

— А сколько там катушек, кулачков и щеточек! — с удивлением сказал Никита и покраснел. — Вот штуковина!

— Эх, ты, а еще женатый! — снисходительно ласково сказала Ирина. — Не штуковина, а генератор — самая главная вещь. Турбина его во всю силу раскрутит, а внутри будет вырабатываться электричество.

— Ты смотри на нее! — удивился Прохор. — Ирина, а откуда ты все это знаешь?

— А так вот и знаю, — с самодовольной улыбкой отвечала Ирина. — В школе изучали...

— Тогда скажи, — задумчиво проговорил Прохор, — скажи на милость, куда ж пойдет вода?

— Вон в ту дырку, — подсказал седобородый и мрачный на вид возчик, стоявший в сторонке.

— И придумал! Разве там вода уместится?

— Ежели захочет, то уместится.

— Она ж напором пойдет.

— О! Сила!

— И ни черта она не пойдет!

— А я тебе говорю — пойдет! — стоял на своем седобородый возчик.

— А вон и провода! Гляди, какие круги, и тоже медные.

— Чего вы прежде времени спорите! — авторитетно заявил Никита, которому хотелось хоть на этот раз не

уронить свое достоинство перед Ириной. — Тут же и понять ничего нельзя. Вот когда все части будут сложены в кучу — труба сама по себе найдется, и вода зашумит!

— Ай, грамотный, Никита! — со смехом сказала Ирина. — А это что — не труба!

Спор, пожалуй, затянулся бы надолго, потому что Никита уже побагровел и хотел что-то дерзкое ответить Ирине, но помешал Виктор. Он пришел с двумя железнодорожниками. Возчики побежали к саням, и не успел обоз заползти во двор, как на второй путь подошел паровоз и притащил подъемный кран с торчащим вверх хоботом, на конце которого, как у индюка на носу, болтался крючок.

Прохору и в голову никогда бы не пришло, что погрузка начнется так просто. Хобот подъемного крана легко поднял станину турбины — ту самую ее часть, которая всю дорогу не давала покою Прохору, пронес ее по воздуху, как бы говоря: видите, какая у меня сила, — и, звеня натянутыми, как струна, тросами, осторожно положил груз на большие сани... Дубовые полозья скрипнули и чуточку пошатнулись. Когда же поклажа была притянута проволокой к саням, погонычи по команде Прохора взяли покороче налыгачи и разом взмахнули кнутами. Кто-то свистнул, а Прохор, мотаясь вокруг саней, во всю мочь кричал:

— Гей! Гей! Цоб! Цоб!

Вереница быков налегла на ярма, цепь натянулась, но полозья точно примерзли. Натужась, выгибая костистые спины и скользя нековаными копытами, быки снова налегли на ярмо, а сани не двигались с места.

Подбежали возчики, уперлись плечами о чугун, разом гикнули, зашумели и закричали:

— Бурого, бурого стегани!

— Гони, гони!

Сани тяжко заскрипели, и станина медленно поползла со двора.

— Пошла, милая!

— Подъезжай, Ирина! — крикнул Виктор, взобравшись на платформу. — Тебе мы положим ящик с распределительным щитом, как будущему диспетчеру.

— Хватит смеяться, — буркнула Ирина, ведя быков за налыгач.

— А я не смеюсь!

— Так Ирина всю эту премудрость знает, — заявил Прохор, поглядывая на работающий кран.

— А у кого там полозья покрепче? — спросил Виктор. — Прохор, подбери надежные сани, на них мы положим ротор и провода.

— Зараз подъедем.

Погрузка затянулась до позднего полдня. А пока увязывали и укручивали груз, пока варили обед, кормили бычков и лошадей, совсем завечерело, и в обратный путь обоз тронулся ночью, когда за Рощенской уже поднялась яркобелая и холодная луна.

Давным-давно остались позади и огни станции, и собравшаяся ко сну Рощенская, и мост через Кубань, а впереди в лунном сиянии расходилась во все стороны бугрaстая и такая широкая степь, что обоз казался всего лишь темной стежкой на снегу. И эта стежка не лежала на месте, а двигалась и двигалась, и на многие километры вокруг слышались то звонкий хруст мороза под каблуками идущих возчиков, то разноголосое цобканье, то певучий скрип полозьев на повороте, то посвист кнута, то песня, которую ни с того, ни с сего затянул густым басом Прохор, то звонкий смех Ирины, — причиной этого смеха был Виктор, сидевший на ирининых санях... Тень двигалась обочь дороги, и все — сани с грузом, головы возчиков, лошади, бычьи рога — все отчетливо рисовалось на снегу, точно на полотне.

Посмотришь на эту растянувшуюся вереницу саней, прислушаешься к ночным звукам — в душе рождается такое отрадное чувство, которое может вызвать разве лишь песня, разгулявшаяся в степи... А отчего? Казалось бы, что же здесь такого? Кому же не известно, что издавна лежит в верховьях Кубани широкий тракт, тянется он мимо станиц и хуторов, и с незапамятных времен ходят по нем и санные и колесные обозы. Кто только и не чумаковал в этих местах, перевозя в горы соль, пшеницу, а с гор — лес, деготь, шерсть, овчины, уголь. Видало верховье Кубани и не такие вереницы упряжек и не такой шум колес и саней, да только никто еще не помнит, чтобы везли по этому тракту водяную турбину — и какую турбину! Оттого-то и сердце наполняется волнением, когда видишь упряжку пяти пар уже сильно подморившихся быков, тянувших высоченную, как шатер, станину, а верхом на ней, как лилипут на теле великана, примостился мальчуган; оттого-то и взгляд туманится от счастья, когда смотришь на медный провод, а он лежит на санях толстыми мотками и горит под лунным светом такой радугой, что глазам больно; оттого и полозья

скрипят не так, как скрипели они во все времена; оттого и бас Прохора кажется протяжным и плавным, а смех Ирины — необыкновенно веселым; оттого и не похож устьневинский обоз на все другие обозы, какие когда-либо здесь проезжали; оттого и встречные возы и сани сторонятся и уступают дорогу, останавливаются в снегу, а возчики, удивленно глядя, спрашивают:

— Люди добрые! Да что за чудо вы везете?

За всех отвечает Прохор, с гордой осанкой сидя на ящике.

— Что везем? — нарочно переспрашивает он. — Да разве не видите? Машины идут!

— Та куда ж они идут?

— Куда же еще? — Прохор медлит с ответом. — В Усть-Невинскую!

— А издалече?

— Эге-ге-те! — распевает Прохор. — Аж с Урала!

— Та ну?! Що ж за такие машины, що идут до нас от самого Урала?

— Тю, пристал, хохол, с допросом! — говорит Прохор и будто сердится, а самому хочется подольше отвечать на вопросы. — Так ты хочешь знать, что оно за машины? Те самые машины, что свет дают! Вот оно какие машины!

Обоз поскрипел дальше, и уже снова зазвучал беспечный смех Ирины, снова затянул песню довольный своими ответами Прохор, снова среди белой степи заблестела, как жар-птица, медная проволока, а те, кто повстречался с устьневинцами, все еще не трогались с места и все еще задумчиво смотрели им вслед...

— Так вот оно, хлопцы, каковское дело, — мечтательно проговорил возчик. — Машины идут в станицу!..

ГЛАВА XV

Все эти дни станицы готовились к выезду на рытье канала. С утра и до вечера звенели кузни — спешно делали и оттачивали кирки, лопаты, грузили продукты, сбивали из досок носилки. В Белой Мечети Сергей пробыл полдня. При нем по снежной дороге потянулись в Усть-Невинскую подводы и сани с людьми и продовольствием. Сергей проводил их до поворота и поехал сперва в Краснокаменскую, а затем в левобережные хутора. Только на пятый день,

убедившись, что выезд прошел организованно, Сергей тоже отправился в Усть-Невинскую.

Наискось горы медленно выползала вереница подвод, изогнутая в виде серпа. Острие этого живого серпа уже вонзалось в заснеженную верхушку горы. Там же, отчетливо рисуясь бурками на белом фоне, ехали два всадника.

«Какая ж это станица так запоздала?» — подумал Сергей, увидев знамена, людей, идущих обочь дороги и едущих на подводах и на санях.

— Пришпорить? — спросил Ванюша.

Сергей кивнул головой. Взвыл мотор, сильнее зашуршала под резиной мерзлая земля. Машина поровнялась с задней подводой, на которой чинно, как гусыни в гнездах, сидели казачки — молодые и пожилые — и в толстых ватных кофтах, и в стеганках, и в полушубках. Лошадьми правил чернявый, словно грач, мужчина, задумчивый и сердитый.

Сергей обратился к женщинам:

— Куда едете, хозяюшки?

Женщины заговорили наперебой:

— Не закудыкивай, а то удачи не будет.

— Едем на кудыкало, куда тебя не клыкало.

— К чужому дядьке в гости!

— Женихов едем искать!

— Подальше от мужей.

— Туда, где нас не знают!

— А ну, цытьте, вороны! — прикрикнул чернявый мужчина. — Это же председатель нашего рика, а вы зубоскальничаете!

Женщины умолкли и пристыженно смотрели на Сергея.

— Товарищ Тутаринов, — важно заговорил чернявый мужчина, — всего лучше с нашими бабами не связываться. Спытайте меня, Трифона Ярового, и я вам все расскажу. Это обоз станицы Родниковской, тут все наши пять колхозов, и едем мы в Усть-Невинскую канал рыть.

— Почему запоздали?

— Я в руководстве не состою, но так думаю, что по причине громоздкого табора.

— Всю станицу подняли? — обрадованно спросил Сергей.

— Как это говорится: раз, да горазд! — Трифон усмехнулся. — Только я не знаю, как мы там расквартиру-

емся? Усть-Невинская — станиченка невелика... Как поселить в ней такую ораву? Но, должно быть, Родионов и Андриянов знают... Вон они, на конях, — и Трифон указал кнутовищем на всадников в бурках.

Обогнать обоз было не легко — нужно было ехать по обочине дороги. Километра два машина подпрыгивала и тряслась на присыпанных снегом кочках. Мимо тянулись, гремя по мерзлой земле, подводы — одна вслед другой. Казалось, что это какое-то богатое племя перекочевывало на новую стоянку, забрав с собой все, что только можно было забрать. То Сергей обгонял подводу, груженную одними лопатами и кирками, еще новенькими, только что сделанными в кузне; то на низких полозьях ползла копна сена и на вершине ее сидел малец, помахивая кнутом на тяжело идущих коней; то на двух подводах были навалены носилки с еще незапачканными ручками; то белели мешки с мукой, сложенные крест-накрест; то стояли на подводе какие-то кадки, бочонки, — очевидно, с соленьями и моченьями, — засыпанные доверху крупной желтой картошкой; то показывались из-за дробин овечьи морды с холодно-тоскливыми глазами; то чернели опрокинутые котлы, кастрюли, блестела посуда в ящиках, то плелись за подводами коровы, устало переступая клешнятыми ногами, — обоз ехал со своим молоком; то стояли на бричках дощатые в два этажа клети, и в них сидели крупные серые куры и гуси в такой тесноте, что их головки с красными от мороза серьгами и ушками вылезали в узкие щели... И весь этот караван сопровождали люди, двигаясь шумно, с веселыми разговорами, а то с плясками и песнями, — кто бежал за подводой, подпрыгивая и размахивая руками, кто подгонял коров, кто сидел на возу.

Родионов и Андриянов, как только заметили райисполкомовскую машину, круто повернули лошадей, рысью подъехали к Сергею, соскочили с седел и поздоровались. Всегда свежее лицо Родионова теперь пылало ярким румянцем, на русых усах лежала испаринка. Старик Андриянов, в бурке, волочившейся по земле, как подбитые крылья у петуха, продрог на морозе, и обычно обескровленное старческое его лицо сделалось землисто-черным, — по всему было видно, что его уже не грела сестра казака — бурка. Он потирал руки и улыбался.

— Запоздали, родниковцы! — сказал Сергей. — Ваши соседи давно в Усть-Невинской.

— Зато погляди, какое движение! — гордо заявил Родионов. — Ни одна станица таким лагерем не выехала. Пусть Савва Остроухов встречает гостей!

— Идем всей станицей, как дивизией, — пояснил Андриянов. — Люди и часть худобы останутся на канале, а на остальных подводах думаем забрать лес.

— А вы с Саввой условились и о договоре, и о количестве бревен? — спросил Сергей. — Ведь я же вас просил сперва съездить и обо всем договориться.

— А что ж там договариваться? — возразил Родионов. — Есть решение исполкома — вот и едем и на месте обо всем договоримся.

— Мы на всякий случай везем магарыч, — сказал Андриянов, и маленькие, озябшие его глаза оживились. — Там у нас на подводе едет бочонок первачка.

— Боюсь, как бы Савва не отправил вас обратно вместе с первачком.

— А мы не уедем — вот и все!

В Усть-Невинской, куда вскоре приехал Сергей, царило необычное оживление. Еще вчера с вечера сюда прибыли беломечетинцы, краснокаменцы, рощенцы, яманджалгинцы, а также хуторские колхозы, и площадь, запруженная подводами, лошадьми, шумела и напоминала ярмарку. Люди располагались огромным лагерем, кто где мог, поэтому по всей площади горели костры; женщины хлопотали у котлов, подвешенных на дышлах и на треногах. Отовсюду слышались людские голоса. Пришли устьневинцы посмотреть на нежданных гостей, появились гармонисты, песельники, образовались круги молодежи, и уже в голосистые звуки гармони вплеталась частая дробь каблуков.

В станичном совете Сергей застал Савву, Семена и человек десять председателей колхозов в шубах и в бурках. Они толпились у стола, кто с кнутом, кто с тетрадкой в руке. За столом сидел Семен и что-то записывал. Савва стоял у окна и с грустью смотрел на горевшие костры, на весь лагерь, уже живший своей многоголосой походной жизнью.

— Называйте фамилии бригадиров, — говорил Семен, обращаясь к седобородому мужчине. — Сколько у вас всего бригад? — Семен поднял голову, увидел Сергея и смущенно улыбнулся: — Сережа, вот я уже и на быстрине...

— А окопчик?

— Снегом замело...

— Получил решение бюро? — уже серьезно спросил Сергей.

— Не только решение, а и у Кондратьева в кабинете с час просидел... Вот я теперь и начальник, а это мои помощники...

— Инженеры приехали?

— Еще вчера прибыли.

— А где они?

— С утра на трассе. Там уже восемнадцать плугов работают... Такая, брат, идет пахота!

— Здорово, Сергей, — сказал Савва, подавая руку.

— А, начальник гарнизона! Ну, как дела?

— Дела идут! Видишь, что творится в моей станице? — он развел руками и засмеялся. — Не Усть-Невинская, а лагерь Запорожской Сечи!

— А ты чего же удивляешься? — Сергей и Савва подошли к окну. — Теперь все дороги ведут в Усть-Невинскую, и люди едут сюда без конца и краю. Вот инженеры приехали, писатели заявятся, фотографы, корреспонденты. Того и гляди, Усть-Невинскую скоро будут снимать на кинокартину. А как ты думал! Начали большое дело, так выдерживайте марку до конца... На площади уже тесно, а там еще едут к тебе родниковцы — тоже обоз длиною в два эшелона... Гордись, Савва!

— Да я и так горжусь, — горестно проговорил Савва. — А вот где я буду эту братию расквартировывать? Это вопрос?

— Устьневинцы — народ гостеприимный, потеснятся.— Сергей задумался. — Савва, сколько дашь бревен родниковцам?

— И этим давать?! — удивился Савва.

— Ну, хотя немного. Бревен сто.

— Ах ты, горе! — Савва почесал затылок. — Тому сто, другому сто, а что нам останется? — Савва с улыбкой посмотрел на Сергея. — Сережа, помнится мне, ты был большой противник вести все станицы в одном строю, говорил, что надо приветствовать особо тех, кто выдвигается вперед —вроде как бы гвардейцев. А теперь и сам подстраиваешь все станицы в одну шеренгу?

— Вот чудак! — воскликнул Сергей. — Да разве ж это одна шеренга? Устьневинцы давно всех обогнали, а за ними пошли все... Какая ж это шеренга?

— А электростанция!

— Эх, беда с тобой! Когда ты бросишь об этом говорить?

— Не говорил бы, да зло берет. — Савва посмотрел на Сергея и горестно покачал головой. — И с детства я тебя не мог понять, и зараз ты для меня загадка... Все тебе мало, все не так. Я уже думаю, Сережа, что если бы тебя избрали председателем крайисполкома, то ты нашу станицу сделал бы не районной, а краевой... А? Как ты думаешь — угадал?

— Возможно, — неохотно ответил Сергей. — Ты у Грачова был?

— Наведывался.

— Ну и что?

— Сплошная неразбериха. — Савва усмехнулся. — Там столько наворочено разного железа и чугуна, что и понять нельзя, что к чему. А Виктор ничего, веселый... Что-то сооружает.

— Люди ему не нужны?

— Не просил... А знаешь, Прохором он очень доволен да и Грицька хвалит. Электриками, говорит, будут.

— Людей на курсы отправил? — спросил Сергей.

— Люди-то уехали, да и сидят там без дела.

— Почему?

— А ты разве не знаешь? Инструктор не приехал... Заболел, что ли... Вчера я был у Кондратьева...

— Новое дело, — проговорил Сергей и забарабанил пальцами по стеклу. — Вот это, чорт возьми, задача! — Он закусил губу. — Виктор мог бы помочь. Не хотелось к нему ехать, а придется.

— А вот и родниковцы ползут, — сказал Савва, протирая рукавом стекло. — Ай, ай, ай! Вся станица идет! Валом валит! Пойду встречать, такая моя теперь обязанность.

В то время когда Сергей подъехал к зданию гидростанции, в машинном отделении шумели голоса, — оказалось, только что была водружена на фундамент станина турбины и вокруг нее еще толпились возбужденно-радостные монтажники. Среди них был и Виктор Грачов, в шапке, лихо сбитой на затылок, в новом коричневого цвета комбинезоне, уже испачканном на коленях и на локтях. Он вытер паклей замасленные руки и с гордой улыбкой на раскрасневшемся лице подошел к Сергею:

— Погляди, Сережа, какая красавица!

— Да, красавица, что надо!

— Очень удобно лежит, — тоном знатока вмешался в разговор Прохор. — Скажу тебе — так лежит, будто специально для этого места делалась!

— А вот это местечко для генератора, — продолжал Виктор. — Поторапливайся, Сережа, с каналом.

— Завтра начинаем, — сказал Сергей. — Там столько собралось народу, что я уже побаиваюсь, как бы за монтажниками не было задержки.

— Об этом ты не печалься. — Виктор посмотрел на голые стропила: — Вот о чем побеспокойся... Под снегом работаем.

— Кровельное железо ждем со дня на день.

— Ну, пойдем погреемся, — сказал Виктор. — Нельзя же гостя держать на холоде.

Они прошли в инструментальную — небольшую пристройку, крытую камышом. Там горела железная печка и было дымно и душно. Всюду лежали то крючья, то медная проволока, то куски кабеля, то алюминиевые шины, то изоляторы — и фарфоровые, и стеклянные.

— Виктор, у меня есть разговор посерьезнее и канала, и турбины, — начал Сергей, когда они сели у печки и закурили.

— Что такое? — насторожился Виктор.

— Гидростанцию строим, а специалистов не готовим.

— Ах, ты вот о чем! — Виктор снял шапку и пригладил пальцами влажные волосы. — Да, без опытных людей не обойтись.

— Выручай, Витя, — ласково сказал Сергей. — Срываются у нас районные курсы электриков. Инструктор из «Сельэлектро» обещал приехать и не приехал... Так вот я и пришел к тебе с просьбой.

— Много курсантов?

— Человек тридцать... От каждого колхоза.

— Как же я в район буду ездить? Свою-то работу не брошу?

— Можно перевести курсы в Усть-Невинскую. А занятия будешь вести по вечерам.

Виктор значительно улыбнулся, и Сергей подумал, что друг его уже согласен, но не хочет об этом сказать.

— Свою невесту посылаешь учиться? — продолжая улыбаться, спросил Виктор. — Она у тебя девушка бедовая.

— Откуда ты успел ее узнать?

— Во время перевозки турбины познакомились.

— А-а... — Сергей задумался, бросил в огонь недокуренную папиросу и, вспомнив свой последний разговор с Ириной, сказал: — Это ее личное дело...

— А я бы на твоем месте...

— Что — на моем месте! — вспыхнул Сергей. — Брось эти разговоры, не до них! — Сергей побагровел, брови его насупились. — Я прошу тебя, как друга, — помоги.

— А ты, оказывается, злой... Ну хорошо, я согласен. Только переводи курсы в Усть-Невинскую.

Сергей пожал Виктору руку и хотел уйти. В это время появился с огромным гаечным ключом Прохор.

— Внутренние болты затягивать или подождать? — спросил он, подсаживаясь к огню и грея руки. — Сергей Тимофеевич, — заговорил Прохор, взглянув на Сергея веселыми маленькими глазами, — все я умею делать — был и пастухом, и молевщиком, и плотником, и сапожником, довелось и печи делать, а на старости лет решил изучить электрическую технику. — Видя на лице Сергея одобрительную улыбку, Прохор обратился к Виктору: — Как ты скажешь, Виктор Игнатьевич, будет из меня толк?

— А почему же и не быть?

— Вот и Прохора надо послать на курсы, — сказал Сергей.

— Я по части теории не мастер. Мне подавай все практически.

Виктор и Сергей рассмеялись.

...Возвращаясь в Усть-Невинскую, Сергей укрыл углом бурки лицо и думал: «Познакомились на перевозке турбины... «Она у тебя девушка бедовая...» Это забавно...»

ГЛАВА XVI

Евсей Нарыжный поехал не в район, как это все предполагали, а к Афанасию Головачеву — председателю соседнего колхоза, с которым издавна находился в приятельских отношениях.

— Да, Евсей, заварил ты кашу на свою голову! — проговорил Афанасий, внимательно выслушав торопливый и сбивчивый рассказ друга. — Дело это подсудное. С чем, с чем, а с хлебом шутки шутить нельзя. Ты не маленький и должен был это знать.

— Да я и знаю, но я же без всякого умысла, — сказал Нарыжный, и чортики в его глазах насторожились, не зная, прятаться или пускаться в пляску.

— С умыслом или без такового — это все едино, — рассудительно отвечал Афанасий. — Прокурор об этом тебя спрашивать не станет, а спросит как раз о другом... Есть факт укрытия хлеба? Есть. Так об чем же разговор?

— Но укрытие укрытию рознь, — не подымая головы, проговорил Нарыжный. — Я ж не кулак какой-нибудь, который злостно хоронил пшеницу в землю.

— А какая в том, Евсей, разница — кулак запрятал хлеб или же председатель колхоза? — Афанасий задумался. — Тут различия, как я полагаю, нету: и то, и другое против закона.

— Что ж мне делать? — Нарыжный поднял голову и горестно посмотрел на своего приятеля.

— Поезжай в район. Только ни к кому не заявляйся, а иди к Федору Лукичу Хохлакову.

— Так он же зараз власти не имеет.

— Ну, тогда иди к прокурору, тот власть имеет, — с усмешкой сказал Афанасий. — Иди, как я тебе говорю, к Федору Лукичу и обо всем ему чистосердечно признайся. — Афанасий задумался, вынул кисет. — Попроси заступиться. Он хоть зараз и ведает мельницей, а вес в районе имеет...

Нарыжный заночевал у друга и только к обеду вернулся в «Светлый путь». Он не удивился тому, что председателем была избрана Глаша Несмашная.

«У-у, ябеда, дождалась моего горя!» — думал Нарыжный, но в глаза Глаше смотрел добродушно.

Он передал ей печать, секретные бумаги в железном сундуке, наглухо прибитом к полу. Дня три не выходил из дому, а когда узнал, что в колхоз приехал следователь, никому ничего не сказал и пешком отправился к район.

Остановился Нарыжный у двоюродного брата, работавшего весовщиком в «Заготзерно». С вечера побрился в парикмахерской и рано утром пошел к Хохлакову в дом.

В этот день Федор Лукич собирался побывать у Кондратьева и поэтому не ушел на мельницу. Когда Нарыжный робко приоткрыл дверь и сказал: «Хозяева дома?», Федор Лукич, только что умывшись, в галифе и в сапогах, но еще в одной нательной рубашке, просматривал вчерашние газеты.

— А, Евсей Гордеич! — крикнул он. — Заходи, заходи!.. Давно, давно бы тебе пора проведать старика!

— Как твое здоровье, Федор Лукич? — пожимая руку, обрадованно и взволнованно говорил Нарыжный.

— Да что ж здоровье? Старый конь еще стучит копытами! — и Федор Лукич улыбнулся своей мягкой и приятной улыбкой. — Помирать еще не собираюсь.

— Ну, и слава богу! — Нарыжный успокоился, сел на стул, и глаза его, зорко щурясь, засветились горячей радостью. — Как поживаешь, Федор Лукич? Как новая служба?

— Работы я не боюсь, а вот в жизни оборачивается все как-то не так, не по-моему.

— Порядку нету? — спросил Нарыжный, и в глазах его показались веселые искорки.

— Не в том дело. — Федор Лукич отложил газеты. — Газеты к критике нас призывают, а в районе такое повелось, что чуть кого критикнешь, так на тебя сразу чортом смотрят.

— Истинно, истинно.

— Ну, Гордеич, рассказывай, как там у тебя, в «Светлом пути».

— С жалобой к тебе, Федор Лукич...

— Что такое?

— Отрешили меня от председательства, — понуря голову, с дрожью в голосе проговорил Нарыжный.

— Вот это новость! Кто?

— Тутаринов...

— Так, так... — Федор Лукич погладил ладонью свою стриженую голову. — Значит, уже второй попался ему на зубы? А за что?

— Да без всяких причин, — все с той же дрожью в голосе отвечал Нарыжный. — Меня отстранил, а Глашу назначил...

— Кто такая эта Глаша?

— Несмашная... наша звеньевая... Ябеда до ужасти.

— Так, так, — Федор Лукич задумчиво улыбнулся. — Но все-таки за что же он тебя снял? Ведь была же какая-то причина?

— Федор Лукич, дело было так... — Нарыжный поднял голову, и в глазах его тревожно забегали чортики. — Тебе, как старому нашему руководителю, хочется пожаловаться... Так же дальше работать нельзя.

И Евсей Гордеевич по обдуманному плану изложил историю о запрятанном зерне так, как будто по недосмотру весовщика и кладовщика было засыпано в семенной фонд лишних сто двадцать центнеров яровой пшеницы. Затем все семенное зерно было заново перевешено и найденные излишки временно, под расписку, розданы колхозникам. (При этом Нарыжный вынул из кармана смятый лист бумаги с фамилиями и подписями.)

— Тут вся каша и заварилась, — заключил Нарыжный, тревожно глядя на Хохлакова.

— Но хлеб сдали государству? — спросил Хохлаков.

— В ту же ночь.

— Так чего ж еще нужно было Тутаринову?

— А кто ж его знает? Прилетел на машине... По всему видно, личность моя ему не понравилась. — Нарыжный весь сжался, лицо его потемнело и постарело. — Десять лет работал, работал, старался, ночи недосыпал... Помнишь, Федор Лукич, как мы в войну? Последнее зерно везли... А теперь — не гожусь?

— За то, что мы в войну самоотверженно трудились, нам спасибо говорили бойцы. — Федор Лукич тяжело поднялся и, не глядя на Нарыжного, зло сказал: — Сколько я тебя, старого чорта, учил — не шути с государством, а ты таким же дураком и остался... Я тебя берег, ценил, а Тутаринов из тебя, знаешь, что сделает... Весовщик виноват. По недосмотру! Знаю я тебя, и мне тут нечего чертовщину плести!

— Пособи, выручи, Федор Лукич, — взмолился Нарыжный, и в глазах его Хохлаков увидел слезы. — Десять же лет в руководстве...

— Некрасивая история, — как бы про себя сказал Хохлаков. — Но я похлопочу...

В кабинете у Кондратьева сидели вызванные на бюро Семен Гончаренко и Иван Родионов. Гремя палкой, Хохлаков, не взглянув на посетителей, прошел к столу и подал Кондратьеву руку.

— Здорово, Николай Петрович. У меня к тебе дело.

— Присаживайся. Вот кончу с товарищами, — сказал Кондратьев и обратился к Семену и Родионову: — Меня не уверяйте. Но на бюро вы должны сказать точно: будет готов канал к апрелю?

— Безусловно, — уверенно заявил Семен.

— Какие у вас расчеты? — спросил Кондратьев, и взгляд его внимательных глаз остановился на Родионове.

— Рассчитываем по людям, — не задумываясь, ответил Родионов, тронув пальцем кончик уса. — Мы на канале всего вторую неделю, а ты бы посмотрел, что там такое происходит! — Родионов встал и развел руками. — Выйдешь на гору, а перед тобой весь берег усыпан народом — копошатся, истинно, как муравьи! Трасса растянулась на полтора километра... Красиво!

— А кроме всего прочего, — добавил Семен, — у нас есть точный, по дням, план выемки грунта. Если мы все это выполним, — а мы выполним, — то вода пойдет по новому руслу еще раньше апреля.

— Ну, и отлично! — сказал Кондратьев. — Я рад, что у вас такое настроение. Значит, готовьтесь к бюро. А ты, Родионов, как парторг строительства, дополнительно скажешь о коммунистах.

Семен и Родионов ушли.

На пороге появился управделами.

— Из Усть-Невинской приехал Еременко, — сказал он. — Вы его, кажется, вызывали?

— Давно приехал? Давай его сюда. — Кондратьев грустно посмотрел на Хохлакова: — Федор, придется тебе еще подождать.

Вялой и неверной походкой вошел Еременко — парторг и временный председатель колхоза имени Ворошилова. Устало, как больной, он приблизился к краю стола и, точно боясь свалиться, сжал сильными руками спинку стула.

— Садись, Еременко, — сухо пригласил Кондратьев. — Что такой болезненный?

— Прибыл по вашему вызову, — тихо проговорил Еременко присаживаясь.

— Это я знаю. А без вызова и нос боишься показать?

— Все я признаю, — с волнением заговорил Еременко, — но у нас там такое, вы же знаете... Я все признаю... но глубокая ревизия... Приходится мне за чужие грехи расхлебываться... Артамашов кружил направо и налево, авторитет себе наживал, а мне теперь отвечай...

— Твоих там грехов тоже немало, — строго сказал Кондратьев.

— Клянусь вам, товарищ Кондратьев, я ничего лишнего из кладовой не брал. — Еременко поднялся, взглянув

на Хохлакова, и снова сел. — Это Артамашов — и по запискам, и так, по-всякому...

— Дело, дорогой мой, не в кладовой, — дружеским тоном заговорил Кондратьев. — Садись поближе и послушай, что я тебе скажу... Моя вина, что я не говорил тебе этого раньше... Так вот. Клятва твоя ни к чему. Ты—партийный руководитель, и с тебя мы спросим за все, что делалось в колхозе. А ты как думал? Ты все сваливаешь на Артамашова и клянешься, что ни в чем не виноват. А вина твоя в том, что ты, как коммунист, не видел, что делалось вокруг тебя...

— Это я все признаю, — заговорил Еременко, не подымая головы, но чувствуя на себе взгляд Кондратьева. — Все я признаю, но как же можно было парторгу за всем уследить? Тут и политмассовая работа, и беседы по бригадам, и собрания... А сколько у нас хозяйственных отраслей! И чтобы во всем разобраться, надо сразу быть и агрономом, и зоотехником, и бухгалтером, и знать там разный учет по кладовой, по фермам... Куда ни сунься — и все надо знать.

— Вот именно — все надо знать... Ты в армии служил?

— Немного. Еще до войны.

— А знаешь ли ты, что такое в Советской Армии общевойсковой командир?

Еременко, не понимая, почему его об этом спрашивают, молчал.

— Так я тебе скажу, — продолжал Кондратьев. — Это такой командир, который отлично знает все рода войск — их оружие, тактику, взаимодействие в бою... Вот таким и должен быть партийный руководитель в колхозе. Ты даешь политическое направление людям всех отраслей колхозного производства, ты их учишь, как им надо жить и работать. А если это так, то уж само собой понятно, что ты обязан, подобно общевойсковому командиру, знать все рода оружия и одинаково разбираться и в политическом воспитании людей, и в агротехнике, и в животноводстве, и в учете труда... А как же иначе? Иначе нельзя...

— Да, я это признаю...

— Мало признавать. — Кондратьев раскрыл записную книжку. — Когда будут готовы акты ревизионной комиссии?

— К тому понедельнику, раньше нельзя.

— Обсудите их на открытом партийном собрании. Доклад сделаешь сам. — Кондратьев с минуту что-то записывал. — Как ты думаешь, кого можно рекомендовать председателем колхоза?

— Подошел бы Атаманов.

— А коневодство? Что, если остановиться на Никите Мальцеве? — Кондратьев сожмурил свои светлые и умные глаза, как бы к чему-то прислушиваясь. — Как по-твоему?

— Молодой еще...

— А дельный?

— Это у него есть... Малый башковитый.

— Вот его и будем рекомендовать общему собранию. А то, что он еще молодой, бояться нечего... Люди быстро подрастают... Правильно я говорю, Федор Лукич? — Хохлаков неохотно кивнул головой, а Кондратьев поднялся и сказал: — Оставайся на бюро. Послушаешь отчет о строительстве канала. Когда вернешься домой, поговори с колхозниками о Мальцеве, и готовьте собрание. От нас там будет Тутаринов.

— А как же со мной? — с грустью спросил Еременко.

— Пока будешь работать... Да, не забудь, пришли ко мне Мальцева.

Еременко вышел такой же вялой и неверной походкой, и Кондратьев заметил в его глазах горестную тоску. Кондратьев нарочно остановился у окна, протер платком затянутое ледком стекло и стал смотреть. У коновязи, в двадцати шагах от дома, дремала гнедая лошадь под седлом. Еременко отвязал повод, повернувшись лицом к окну, и Кондратьев снова увидел его печальные глаза.

«Нет, не годится, надо заменить», — подумал он и еще долго смотрел в окно, пока Еременко не увел на поводу коня...

А день стоял морозный, падал мелкий снег, на веточках акации тускло белела ледяная корка. Станица была пуста, люди редко проходили по улице. Тишина плыла над белыми крышами, и площадь с молодыми голыми деревьями казалась просторной и неуютной. От райкома через площадь шли, о чем-то оживленно разговаривая, Родионов и Семен — один в бурке, снизу запушенной снегом, другой в поношенной шинели, оба низкорослые, коренастые.

— И что за народ эти фронтовики! — подойдя к окну, сказал Хохлаков. — Все мне в них нравится, всем они мо-

лодцы ребята, а вот одну особенность я никак не могу разгадать.

— Что ж это за особенность, если не секрет? — спросил Кондратьев, садясь за стол.

— Излишнее самомнение и чрезмерное хвастовство. — Хохлаков сел против Кондратьева и положил на край стола свою суковатую палку. — Поговори с ним о чем угодно, и они в один голос: «Мы все можем. Нам все нипочем!» К чему это высокомерие, я никак не могу уразуметь.

— Ты имеешь в виду Родионова и Гончаренко?

— Да. Но и не только их.

— По-моему, тут и понимать нечего, — сказал Кондратьев. — Они гордятся и собой, и своим делом, и, я бы сказал, своей настойчивостью. Ты замечаешь, как с возвращением фронтовиков изменилась жизнь даже в нашем маленьком районе? В золотой наш народ влилась новая струя, и этому только надо радоваться, а не гадать...

— По-твоему, выходит так, — перебил Хохлаков, — во время войны мы жили здесь так-сяк, а кончилась война, пришли фронтовики — и мы зажили по-новому?

— Да, по-новому, и это должно было случиться... Поэтому нас теперь не удовлетворяет то, что удовлетворяло раньше. Простой пример — урожай. Мы не можем довольствоваться урожаем военного времени. Или укрепление колхозов? В войну нам просто не было времени по-настоящему заняться этим делом... Или строительство гидростанции в такой небывало короткий срок... Да что мне говорить тебе об этом, когда ты сам хорошо знаешь! — Желая перевести разговор на другую тему, Кондратьев спросил: — Ну, что там у тебя ко мне?

Хохлаков поднес к глазам палку и стал ее рассматривать, очевидно, собираясь с мыслями.

— Николай Петрович, — начал он, продолжая рассматривать палку, — у меня разговор о Тутаринове...

— Обидел?

— Меня лично он ничем не обидел, и разговаривать о себе я бы не пришел. — Хохлаков подумал, повертел палку. — Ты вот что мне скажи: кто дозволил ему самочинствовать и диктаторствовать в районе?

— Интересно, — спокойно возразил Кондратьев, — ты, очевидно, увидел «диктаторство» Тутаринова в том, что он предложил многим руководящим товарищам вернуть в колхозы незаконно взятых коров? Так пойми, Фе-

дор, был бы у нас Тутаринов или его не было бы, а директива партии и правительства была бы выполнена.

— Не об этом речь.

— А о чем же?

— О том, что Тутаринов превышает данную ему власть, — вот в чем горе. — Хохлаков потрогал пальцем родинку на своей губе. — Николай Петрович, я уважаю Сергея; ведь наш же казак... Но по праву старших товарищей мы обязаны призвать к порядку молодого, еще неопытного работника...

— В чем же дело?

— Я прошу меня выслушать или сейчас, или на бюро.

— Хорошо, говори.

Кондратьев облокотился на стол и приготовился слушать.

— Да, я понимаю, — начал Хохлаков, снова положив палку на стол. — О Тутаринове куда приятнее, конечно, говорить похвальные слова, нежели изрекать горькую критику... Но я вынужден говорить, к сожалению, о нем не как о Герое, а как о председателе нашего райисполкома... — Хохлаков тяжело вздохнул. — Скажи, кто ему позволил учинять погром в усть-невинском колхозе имени Ворошилова и отстранять от работы председателя колхоза без ведома и согласия общего собрания? Ведь это же неприкрытое нарушение основ колхозной демократии! Кто ему позволил нарушать устав артели? Ведь он приехал в колхоз и стал там распоряжаться так, как в своей танковой роте! Но ведь это же не танковая рота, а колхоз! Он увидел в Артамашове своего врага. А кто такой Алексей Степанович Артамашов? Ты, Николай Петрович, приехал в наш район лишь на несколько месяцев раньше Тутаринова. А ведь я-то проработал с Артамашовым бок о бок всю войну и знаю его как человека волевого, энергичного. Это был лучший председатель во всем Рощенском районе, и если у него сейчас обнаружены какие-то ошибки, так ведь тот не ошибается, кто ничего не делает. Да и нельзя же забывать его прошлые заслуги. Нельзя рубить с плеча, как это делает Тутаринов. Прежде нам надо детально разобраться, что это за ошибки, найти конкретных виновников, а потом уже принимать то или иное решение. И если виноват Артамашов, то не в меньшей мере виноват и Еременко, и бригадиры, и бухгалтерия... Ревизионная комиссия еще не закончила работу, и какие будут результаты — еще

не известно. Возможно, вся эта шумиха и выеденного яйца не стоит, а Тутаринов уже снял человека с работы, — ему, видишь ли ты, некогда, он привык водить танк на третьей скорости, и ему нет дела до того, есть ли у нас райком партии. Он решает судьбу руководителя колхоза самолично, приказом... Что это, скажи мне, как не диктаторство!

— И это все? — спросил Кондратьев, сидя за столом с закрытыми глазами.

— Нет, не все, — Хохлаков встал, вытер платком голову и лоб, оперся руками о стол. — Есть и совсем свежие факты. Тебе, наверное, известно, что Тутаринов в одну ночь сместил все правление «Светлого пути» и назначил новое, по своему выбору. Председателя колхоза Нарыжного, проработавшего там бессменно десять лет, он снял и тут же назначил... Ты не улыбайся, не улыбайся!.. Да, именно назначил какую-то Глашу... Если Тутаринов так и дальше пойдет хозяйничать в районе и мы его во-время не остановим, то я уверен, что к весне все наши старые кадры будут разогнаны... Николай Петрович, пусть он строит гидростанцию, — в этом ничего плохого я не вижу, — но чего он лезет во все щели?.. Тебе же известно, что он грозился снять директора устьневинской МТС. Да кто же ему давал такие полномочия? А присмотрись к его личной жизни? От избытка славы у юноши окончательно закружилась голова. С девушками он долго не церемонится... В той же Усть-Невинской он обесчестил какую-то не то доярку, не то возницу фермы, а потом бросил ее под тем предлогом, что, дескать, простая девушка недостойна стать женой Героя.. Об этом позорном факте говорит вся станица... И если мы, как старшие...

— Все! — строго сказал Кондратьев и откинулся на спинку стула. — Отвечу коротко, ибо не вижу причин для пространного разговора. Во-первых, на бюро об этом говорить нет нужды...

— Потворствуешь? — Хохлаков тяжело поднялся и отошел к окну.

— Нет, защищаю по праву старшего... Во-вторых, Артамашова, твоего хваленого председателя, Тутаринов отстранил от работы по моему указанию. Так же по моему указанию назначена глубокая ревизия, и когда она будет закончена, мы привлечем Артамашова к партийной ответственности за разбазаривание колхозной собственности... Чтобы

другим не повадно было! В-третьих, тебе известно, что «Светлый путь» — единственный в районе колхоз, который не рассчитался по хлебу с государством. Нарыжный приезжал в район и у тебя же в кабинете плакал, что у него нет хлеба. И ты ему верил. А оказалось, что Нарыжный спрятал от государства сто двадцать центнеров пшеницы. Тутаринов распустил это правление, как неспособное руководить, — и правильно сделал. Но мало распустить: я поручил прокурору привлечь Нарыжного к суду... Да будет тебе известно, что новый состав членов правления не назначался, как это ты заявил, а избирался на общем собрании. Там же был избран председатель — и не какая-нибудь там Глаша, а известная звеньевая Глаша Несмашная — кандидатура вполне подходящая... И последнее: придуманное тобой диктаторство Тутаринова — есть сущая чепуха!

— Я не придумал, — отозвался Хохлаков, глядя в окно, — об этом говорят факты!

— Какие ж это факты? К чему эти громкие слова? Ты никак не хочешь понять того, что Тутаринов как раз и отличается от некоторых районных работников... не буду называть фамилий... именно тем, что смело вмешивается в жизнь колхозов и быстро решает важные и злободневные вопросы... И когда ты сказал, что Тутаринов якобы нарушает колхозный устав и основы колхозной демократии, я думал о том, что ты ничего не понимал и не понимаешь в колхозном строительстве...

— Спасибо... Дожил!.. — буркнул Хохлаков.

— Да, не понимаешь, ибо там, где мы помогаем колхозу и колхозникам, где мы защищаем их интересы, там ни устав, ни демократия не будут нарушены — об этом ты можешь не беспокоиться. А вот то, что столько лет во главе колхозов стояли воры и мошенники и ты их покрывал, — вот это и есть, если хочешь знать, грубое нарушение колхозного устава... Зря, ни к чему ты затеял со мной этот разговор... Что же касается личной жизни Тутаринова, тут я, признаюсь, ничего не знаю. Моя вина... Но мне не верится, чтобы все было так, как ты рассказал.

— Вот и он сам! — сказал Хохлаков, увидев подъезжающий к райкому «виллис». — Легок на помине! Вот ты у него и расспроси, что там было у них с возницей...

Сергей влетел в кабинет с холодным ветром, сбросил на диван влажную, негнущуюся бурку.

— Николай Петрович! — весело сказал он, здороваясь за руку и не замечая Хохлакова, стоявшего у окна. — Ты бы посмотрел, что делается в моей станице!

— Ну, садись, рассказывай, — улыбаясь, сказал Кондратьев.

— Тесно в Усть-Невинской! — Глаза у Тутаринова заблестели, черные, взлохмаченные брови поползли на лоб. — Туда съехался весь район. Народу — как на фронте! Брички, автомашины, волы, лошади, шум, гам... А как идет работа! В войну мне довелось не раз видеть, как народ трудился на постройке противотанковых укреплений, но такого подъема, как в Усть-Невинской, я еще не знал... Теперь можно с уверенностью сказать, что к весне, когда пойдут вешние воды и заиграет Кубань, Усть-Невинская ГЭС запылает огнями... Вот это будет праздник!

ГЛАВА XVII

Алексей Артамашов переступил порог своего дома, увидел испуганный взгляд жены, остановился в дверях и, как бы раздумывая, входить или не входить, сказал:

— Теперь все... Тутариновы доконали...

Не раздеваясь и не снимая сапог, он лег на кровать животом и сильно, до боли и рези, сжал влажные веки. Ему не хотелось думать о том, что случилось с ним в эту ночь; стыдно и больно было вспоминать, как ушел он, понурив голову и чувствуя на себе злые и враждебные взгляды, а вслед ему кто-то насмешливо крикнул: «Доигрался, Алексей!..» Ему хотелось забыться, а в ушах звучали голоса, и перед глазами стоял сухой и сутулый Тимофей Ильич Тутаринов с гневным лицом...

...За день до этого Алексей Артамашов узнал, что по указанию Кондратьева вопрос о нем будет решаться не на бюро райкома, а на партийном собрании. Артамашов обрадовался, и тогда ему казалось, что именно на собрании, да еще и на закрытом, где будут присутствовать семь коммунистов, которых он хорошо знал, легче доказать свою невиновность.

«Конечно, Кондратьев человек хороший, не то что Тутаринов, — думал он, готовясь к собранию. — Правильно поступил Кондратьев, мы все вместе работали и вместе должны обсудить свои ошибки».

Желая одного — сохранить партийный билет, — Артамашов согласен был получить выговор, выслушать самую резкую критику, и он еще задолго до собрания обдумывал, кто же из коммунистов будет его главным противником и кто из них станет голосовать за исключение из партии.

«Допустим, Еременко, — рассуждал он. — Но кто такой Еременко? Он виноват не меньше меня... Знаю, будет горячиться, будет критиковать, но руку не подымет... Еще кто? Доярка Прохорова? На язык она, правда, злая, но разве я мало ей добра делал?.. Пусть и она покритикует. Соломатин? Этот ничего плохого обо мне не скажет. За него я в партию поручался... Еще Семен Гончаренко. Человек он у нас новый, может, конечно, выступить резко, но он парень славный...»

Артамашов перебирал в памяти всех коммунистов и пришел к выводу, что бояться ему особенно нечего...

«Выкручусь, — думал он. — Надо только заранее продумать выступление. Возьму слово и скажу: «Да, товарищи, я виноват, я признаю свою ошибку перед вами и прошу...» Нет, зачем же просить? Такое начало не годится. Не следует одному брать на себя вину и признавать ошибки, когда виноваты все...»

Он сел за стол, открыл ученическую тетрадь и начал писать: «Меня обвиняют...» Задумался, зачеркнул написанное, торопливо закурил и, положив дымящуюся папиросу, написал: «Вы не меня обвиняйте, а себя...» Эта фраза показалась ему настолько сильной и оригинальной, что он уже видел смущенные, виновато покрасневшие лица Еременко, Прохоровой, Соломатина... Улыбнувшись, он еще сильнее почувствовал уверенность в своей правоте. Просидев за столом всю ночь, он написал пространную, на двенадцати страницах речь.

Утром легко расхаживал по комнате, читал написанное вслух жене, которая грустно смотрела на него и только качала головой.

Днем Артамашов выучил наизусть первую фразу своей речи, которая после переделки начиналась так: «Да, товарищи, я слушал вас и удивлялся. Вы говорите, что виноват один Артамашов, я же считаю, что виноваты мы все, и вам надо обвинять не меня, а себя... А вечером, окончательно убедившись, что речь написана сильно и убедительно, Артамашов в хорошем настроении пошел на собрание. Но как только он увидел ярко освещенные окна правления, тол-

пившихся там людей — и в большой комнате, где обычно проходили собрания, и в темном коридоре, и во дворе; как только он услышал оживленные голоса, смех, по телу его пробежала неприятная дрожь, — такое ощущение, точно ему надо было прыгать в бушующую воду. Он остановился и не мог понять, почему пришло столько народу и почему он так испугался этого.

«Да что же это такое? — подумал он. — С ума сошел Еременко? На закрытое собрание созвал всю станицу? Это что же, суд надо мною думают учинить?»

Мимо него, направляясь во двор, проходили колхозники, о чем-то своем громко разговаривали, курили, шутили и смеялись. Артамашов тоже пошел во двор и уже не мог вспомнить ни одного слова из своей написанной речи. Ему вдруг стало жарко, на спине и подмышками выступил холодный, противный пот. Артамашов силился припомнить начальную фразу своего выступления, а в голову лезли мысли:

«Зачем эти люди здесь? Это что ж, посмешище надо мной?.. Это Тутаринов распорядился...»

Он расстегнул шинель, остановился у калитки, хотел успокоиться, а потом войти, но волнение, похожее на страх, охватило его еще сильнее.

Сбив на лоб кубанку, Артамашов в своих мягких сапожках быстрыми и решительными шагами прошел по темному коридору и споткнулся на пороге.

— Не к добру, Алексей, спотыкаешься, — услышал он насмешливый голос Тимофея Ильича Тутаринова.

Не отвечая, Артамашов теми же быстрыми шагами вошел в комнату, так, как обычно входил он, когда его дожидались члены правления и актив, ни с кем не поздоровался и ни на кого не посмотрел, делая вид, что занят важными мыслями. В комнате стоял приглушенный говор, и Артамашов искоса посмотрел в угол и увидел в темноте Тимофея Ильича. Лицо старика показалось ему страшным. Оно как бы улыбалось, седые, низко опущенные усы шевелились, а взгляд был мрачный — сурово висли клочковатые брови. И то, что старик Тутаринов улыбался и смотрел злыми глазами, заставило Артамашова отвернуться. Все тело его горело, особенно голова, и он чувствовал, как из-под кубанки на лоб выступила испарина. Он снял кубанку, вытер лоб, еще ниже наклонил голову, а взгляд старика Тутаринова точно притягивал к себе, какая-то сила застав-

ляла еще раз взглянуть в темный угол... Чтобы не поддаться этой силе, Артамашов подошел к лампе, развернул тетрадку и стал читать, но гневное и смеющееся лицо Тимофея Ильича стояло перед глазами, и от этого он ничего не мог понять из написанного... Тогда он подошел к Еременко, который сидел за столом и просматривал какие-то бумаги.

— Иван, что же это такое? — шепотом сказал он, тяжело склонившись на стол. — Зачем же открытое собрание?

— По указанию райкома, — не отрываясь от дела, сказал Еременко.

— Знаю... Это Тутариновы судить меня думают...

Артамашов увидел входивших в комнату Сергея и Семена. Стараясь не попадаться им на глаза, он отошел в угол, сел на лавку и долго, точно о чем-то думая, сидел с опущенной головой... А когда началось собрание и в президиум были избраны Семен Гончаренко и Прохорова, Артамашов поднял голову, хотел посмотреть на Семена, но снова увидел Тимофея Ильича, который все так же смотрел на него суровыми, блестевшими в темноте глазами.

«Радуешься в душе, чортов дед, — зло подумал Артамашов и опять стал смотреть в тетрадку, а видел мрачно-гневное лицо старика Тутаринова. — Исключат», — мелькнула мысль, и он, стараясь ни о чем не думать, не смотреть в угол, начал слушать доклад Еременко...

И вот теперь, с тяжелой головой, болезненно-ослабевший, Артамашов лежал на кровати и не мог ни пошевелиться, ни выпрямить онемевшую руку. К нему подходила жена и то наклонялась, то гладила рукой его волосы, то что-то говорила, а он не слышал ни ее шагов, ни ее голоса. Ему хотелось забыться, уснуть, а сознание уносило его опять туда же, в людную и шумную комнату. Он слышал голоса ораторов, мысленно повторял то, что говорили они о нем, смешивал их слова со своими словами, спорил, возражал, — мысли его путались, а потом снова прояснялись. Болело сердце, и он сжимал кулаки... Мысленно он уже стоял у стола, положив перед собой тетрадку и отыскивая заученную фразу, до боли в пальцах сжимал края стола. И когда поднял голову и увидел молчаливо-строгие лица и в темном углу блестевшие глаза Тимофея Ильича, руки его разжались, и то, что так старательно было вписано им в тетрадку, показалось и смешным, и обидным. Он скомкал тетрадь и, ни на кого не глядя, стал говорить... Лежа на

кровати, он заново, слово в слово, припомнил свое выступление, и ему казалось, что надо было сказать что-то другое, а что именно было это другое, и теперь не мог придумать... Мысли его напрягались, а в ушах все так же грозно звенели голоса: «Ты до позора нас довел!» «Кто же это сказал? Кажется, Прохорова... Нет, не она. Ну, кто же это сказал? Прохорова... Конечно, Прохорова... Так вот ты какая, моя лучшая доярка...» Он как бы очнулся, ощутил горячую и влажную подушку, боль в локте, услышал голос жены, которая просила, чтобы он разделся, а в голове точно кто-то выстукивал молоточком: «Ты до позора нас довел... до по-зора, до позора...» И он снова был в той же комнате, видел, как члены партии подняли руки, и стало тихо-тихо... И кажется Артамашову, что лежит он в своей комнате, только почему-то не на кровати, а на полу. Будто бы наступило утро, входит Тимофей Ильич и подает руку. Теперь лицо его с седыми, закопченными табаком усами доброе, по-отцовски ласковое... «Алеша, — заговорил он, — не меня ты обидел, а людей наших... Люди тебе дали власть, они тебе верили, а ты что сделал? Подвел, обманул... Забыл, что с людьми и ты человек, а вот без них — кто ты? Да никто... А теперь мучаешься? Иди, Алексей, опять к людям, мы тебя примем... Одному, без людей, жить неможно... Будешь с нами работать в поле и вот хорошенько узнаешь...» Старик не договорил, а Артамашову так хотелось услышать, что же он там, в поле, узнал бы... Он хотел спросить, но вместо Тимофея Ильича почему-то перед ним стоял Стефан Петрович Рагулин и зло усмехался... «Побили тебя — и поделом!.. Только тебя этим не исправишь, я твою натуру хорошо знаю, избаловался, зажирел... Если б была моя власть над тобой, запряг бы я тебя в работу да погонял бы».

Артамашов вздрогнул и со стоном поднял голову. Лежавшая на диване жена проснулась. В окна пробивался свет.

— Лена, — позвал он жену, — собери мне в дорогу... Я пойду к Кондратьеву.

— Да ты хоть покушай. Я сейчас затоплю печь.

Артамашов ничего не сказал, устало подошел к рукомойнику и стал умываться.

Утро было пасмурное. С поля дул слабый ветер. Выйдя из станицы, Артамашов направился по снегу через огородные плантации, мимо водокачки. Он неожиданно остановил-

ся, услышав идущий от реки стук колес, звон железа, глухой, роем гудящий говор. «Ты людей наших обидел», — вспомнил он слова Тимофея Ильича, которые он слышал не то во сне, не то наяву. «Ты людей наших обидел», — не выходило у него из головы, и он, еще не понимая, откуда доносится этот мощный и странный шум, торопливо выбежал на пригорок. Отсюда хорошо был виден лагерь строителей, лежавший, как хутора, по берегу Кубани. Чуть подальше — тысячи людей рыли землю, растянувшись малыми и большими группами. Вся трасса будущего канала двигалась, жила своей напряженной и шумной жизнью, — в сером утреннем свете блестели лопаты, кирки, взлетали вверх, как шапки, комья земли, ехали и пустые, и груженные землей подводы в конной и бычьей упряжке... Артамашов почувствовал, как по телу его пробежала зябкая дрожь. Он низко наклонил голову и быстрыми шагами пошел по дороге.

«Ты людей наших обидел», — неотвязно лезло ему в голову.

Далеко от станицы, когда вокруг стало тихо и слышался лишь убаюкивающий, слабый шум обмелевшей реки, Артамашов поднял голову. Перед ним лежала степь, белая и холодная, с сухими будыльями лободы, с желтыми, совсем голыми кустиками «заячьего холодка». По ложбине толстым слоем лежал снег, точно влажная вата.

«Буду просить у Кондратьева работу, — думал он, ускоряя шаг. — Никуда не уеду... Тут я рос, тут и останусь... А что ж я буду делать, какую работу?»

Он шел и шел, натыкаясь на сугробы, смотрел себе под ноги и долго думал, вспоминая, как когда-то пахал, сеял, ухаживал за быками, косил сено, подавал снопы на молотилку, — вся его жизнь от самой ранней юности до вчерашнего собрания в каком-то новом освещении встала перед ним.

«Да я же все умею делать, — как бы оправдываясь перед самим собой, подумал он и снова увидел по-отцовски ласковое лицо Тимофея Ильича... — «Иди, Алексей, к людям, мы тебя примем. Без людей жить неможно...» Надо послушаться... Но что ж это было? Во сне ли я видел старика, или это приходила ко мне моя совесть?..»

Вдали, за Кубанью, на глиняном карнизе, виднелась Рощенская.

ГЛАВА XVIII

На улице снег лежал по колено, когда Сергей в восьмом часу вечера вышел из исполкома и направился домой. Только что закончилось совещание агрономов, и после долгого сидения за столом у Сергея ломило в пояснице. Он шел неторопливо, ему приятно было дышать чистым и холодным воздухом, ворошить ногами пушистый и высокий настил снега. Ночь была тихая и темная. Сергей подымал голову, улыбался, чувствуя, как крупные пушинки садились ему и на глаза, и на брови. У дома, где он снимал квартиру, стояло дерево в пышном белом одеянии. Сергей подбежал к нему, с разбегу потряс руками, и снег мягкими комьями повалился ему на плечи, на голову, посыпался за воротник... В снегу, с веселым, раскрасневшимся лицом он появился на пороге сеней. К нему со свечой и с веником вышла хозяйка — тетя Паша.

— Тетя Паша, — обратился Сергей, — принесла библиотекарша книги?

— Была одна с книгами, — отвечала тетя Паша, сметая с Сергея снег, — а другая пришла без книг... К тебе по делу.

— Кто такая?

Сергей вошел в кухню и увидел стоявшую возле ярко горевшей печки дочь Лукерьи Ильиничны.

— Лена? — Сергей удивленно сдвинул брови. — Ты какими судьбами?

— А такими, — с улыбкой ответила Лена. — Захотела притти и пришла.—Она смутилась, заметив суровый взгляд Сергея. — Нет, я шучу. Разве можно к тебе приходить с пустяками?.. У меня даже два дела.

Ее красивое лицо разрумянилось, и она посмотрела на Сергея лукавыми, заблестевшими глазами.

— Говори.

— Петр Несмашный, муж Глаши, просил книжки... Ты ему обещал?

— Да, да, обещал, — сказал Сергей. — Пойдем в мою комнату, что-нибудь я подберу... Тетя Паша, зажгите лампу.

В комнате Сергея было прохладно. Два окна, выходившие на улицу, запорошены снегом. Тетя Паша поставила на стол лампу и вышла. Лена остановилась у стола. На ней было узкое, по фигуре сшитое платье из светлосерого ка-

шемира с длинными рукавами и высоким закрытым воротником.

— Посиди, Лена, — сказал Сергей, просматривая лежавшие на столе книги, — сейчас я что-нибудь найду... Ну, как там поживает твоя мать, как идут дела у Глаши?

— Мать дома, а Глаша с колхозом уехала на канал, — отвечала Лена. — Петро Несмашный тоже на канале...

— Вот эту книжку передай ему... Михаил Иванович Калинин, «О воспитании молодежи».

— Интересная? А мне можно прочитать?

— Желательно. — Сергей закурил папиросу. — Еще что у тебя ко мне?

— Была я на курсах, а Остроухов меня не принимает, — сказала Лена, улыбаясь и блестя глазами. — Тут, говорит, учатся только члены колхоза.

— Ну, ничего, — участливо заговорил Сергей. — Я напишу Савве записку, и ты будешь учиться.

Сергей написал карандашом несколько слов, сложил лист вчетверо и передал его Лене.

— Теперь все?

— Нет, я еще хочу спросить. — Лена посмотрела на Сергея ласковыми, покорными глазами. — Отчего ты такой гордый?

— Вопрос этот, как говорят, не по существу, — усмехнувшись, ответил Сергей.

— А ты не смейся. — Голос ее дрогнул, она посмотрела вызывающе-зло, и в эту минуту лицо ее показалось Сергею по-особенному красивым. — Я знаю, отчего! — Она рассмеялась неестественно-веселым смехом. — Боишься, как бы какая дура не влюбилась в Героя? Ты умышленно не замечаешь красивых женщин и этим гордишься. Вот, мол, какой я, не похожий на всех... А разве можно тебя полюбить... такого?

— Забавно, — проговорил Сергей, раскуривая папиросу.

— Тебе все забавно. — Лена встала. — Ну, я пойду. — Она протянула ему руку. — Меня ждет подруга.

— Нет, нет, я должен тебе ответить. — Сергей взял ее за руки, но она гордо отстранила его.

— У тебя есть девушка? — спросила Лена, потупив глаза.

— Есть, но не в этом дело. — Сергей потушил в пепельнице папиросу. — Вот ты говоришь, что я не замечаю красивых женщин. Не буду говорить о других, но тебя-то

я заметил еще там, на пороге твоего дома. В твоем лице есть черты той, я бы сказал, редкой красоты, которая присуща только женщинам Кубани, и не заметить тебя было невозможно... Но, признаюсь, я заметил — и только, да еще подумал: «Чья это такая?» вот и все...

— Спасибо за откровенность, — грустно и тихо сказала Лена. — Проводи меня... Здесь близко; третий дом от вашего.

Они шли молча по глубокому и пушистому снегу.

— Извини меня, Сережа, — сказала Лена, когда они остановились у ворот, где жила ее подруга, — я не хотела тебя обидеть.

— А я и не обижаюсь. — Сергей пожал ей руку. — Будем друзьями.

Лена молча кивнула головой и скрылась во дворе.

В это время в дом тети Паши вошел Кондратьев в высоких валенках, шапке-ушанке и в шубе со сборками на поясе.

— С зимой вас, Прасковья Семеновна, — сказал он, снимая рукавицы. — Квартирант ваш дома?

— Посетительницу пошел провожать, — сказала тетя Паша. — Зараз обещал вернуться... Хотите чаю, Николай Петрович?

— Чайку давай.

Кондратьев разделся и пошел в комнату Сергея, а тетя Паша следом за ним понесла чайник. Вскоре вернулся и Сергей.

— Оказывается, ты посетителей не только принимаешь, но и провожаешь? — спросил Кондратьев, хитро сощурив свои умные глаза.

— Приходится, — неохотно ответил Сергей, наливая себе чаю.

— Вот что, Сережа, — заговорил Кондратьев, — завтра я еду на пленум крайкома. На пленуме два вопроса: проведение выборов и подготовка к весне... Да, кстати, утвердили вчера на исполкоме состав участковых избирательных комиссий?

— Все сделано, и с редактором договорился: будут напечатаны на отдельной листовке.

— А новые сметы изб-читален утвердили?

— Не успели.

— Вот это плохо. Новый год не за горами... А как идет вывозка сена с нагорных пастбищ? С подножными кормами надо распрощаться.

— Сено завезено. Сам проверял.

Кондратьев позвенел ложечкой в стакане и внимательно посмотрел на Сергея.

— Возьми карандаш и запиши, чтобы не забыть, — сказал он. — Не позднее завтрашнего дня утвердите новую смету изб-читален, чтобы они с нового года уже не влачили такое жалкое существование. Записал? Заодно утвердите расходы на культурно-массовую работу по проведению выборов. Скажи заврайфо, чтобы не скупился... Записал? На этой неделе надо созвать совещание чабанов и заведующих овцеводческими фермами. Число назначишь вместе с работниками райзо. В январе нам необходимо провести семинар звеньевых специально по подъему урожая пшеницы. Поручи агрономам составить программу. Семинар проведем в колхозе имени Буденного, — там у нас получен самый высокий урожай. Руководителем назначишь Стефана Петровича Рагулина — ему тут принадлежит первая скрипка. Ты понимаешь, в чем тут суть дела? К Рагулину мы пошлем людей на выучку... Записал? — Кондратьев усмехнулся. — Теперь я буду тебя ругать. Почему ты не заслушал до сих пор на исполкоме отчет прокурора? Пусть он доложит, как у нас идет борьба с нарушителями колхозного устава. Непременно надо заслушать. А то мы говорим об этом много, а дела пока мало. Я не считаю Усть-Невинскую. А что делается в других станицах?.. Записал? Ну, вот еще что. Посмотри сам, как там живут наши строители, в Усть-Невинской. Есть ли бани? Тепло ли в хатах? Как готовится пища? Поторопи кровельщиков, чтобы на этой неделе гидростанция была с крышей. Заодно — будешь в Усть-Невинской — проведи собрание в колхозе Ворошилова. Надо нам там кончать дело, затянули. Пусть изберут новое правление. Председателем рекомендуй Никиту Мальцева. Люди ему доверяют. Я с ним разговаривал. Парень живой, энергичный. Пусть на работе растет... — Кондратьев задумался. — И еще запиши самое главное. Из ЦК получено письмо — необходимо срочно выслать материалы о звеньевых и председателях колхозов, получивших в этом году высокие урожаи. Я посмотрел наши данные: бедны мы такими людьми. Из председателей подходит один только Рагулин.

— Звеньевых будет больше, — сказал Сергей, — в «Светлом пути» есть две: Лукерья Коломейцева и Глаша Несмашная. Правда, Глаша теперь уже председатель.

— Словом, это весьма важная работа, и ты возьми ее на себя.

— А зачем нужны такие сведения? — спросил Сергей.

— Ознакомишься в райкоме с письмом и узнаешь... Это задание товарища Сталина.

Кондратьев допил чай, отодвинул стакан и, жмуря повеселевшие глаза, сказал:

— Утром был у меня Артамашов. Часа два беседовали мы с ним по душам. Всю жизнь свою рассказал, видно, многое он передумал и перечувствовал... Да, молодой, а не той дорогой пошел, и, если говорить по-честному, мы в этом тоже виноваты: во-время не поправили.

— Но нас же тогда не было?

— Нас не было, были другие — это все равно... Но ничего, человек из него еще будет.

— Рассказывал, как его на партийном собрании отчитывали?

— И об этом говорил, и о твоем отце, и о Рагулине.

— Небось, просил, чтобы бюро заступилось?

— Нет. Он же знает, что мы утвердим решение общего собрания. — Кондратьев задумался. — Важно другое: я увидел в нем перемену. Он просил дать ему физическую работу... А знаешь, что я ему посоветовал? Стать звеньевым в колхозе.

— А он что? Согласился?

— Да. Только вот что: будешь в Усть-Невинской — поговори с новыми членами правления, чтобы они отнеслись бы к этому серьезно, без шуточек. Понимаешь? Многим покажется смешным и странным: вчерашний председатель назначен звеньевым. А с этим шутить нельзя. Еременке тоже скажи. Пусть дадут Артамашову возможность подобрать себе людей. Человеку надо помочь...

Разговор, самый дружеский и оживленный, продолжался еще долго, и если бы посмотреть на них со стороны, то можно было бы принять Кондратьева за отца, седого и рассудительного, который с чисто отеческой любовью учит своего сына, как ему надо жить... Собираясь уходить, Кондратьев посмотрел Сергею в лицо, и в его светлых глазах засветилась добрая улыбка.

— Сергей, — сказал он, — что там у тебя вышло в Усть-Невинской с девушкой из молочной фермы?

— Ты и это знаешь? — удивился Сергей.

— В том-то и беда, что не знаю. А хочу знать.

Сергей угостил Кондратьева папиросой, усадил на тахту, сам сел рядом и, волнуясь, рассказал все: и как он встретил Ирину, по его словам, необыкновенной красоты девушку, и как влюбился в нее, и как в станице кто-то по злобе наговорил ей о нем...

— А она девушка гордая, — добавил он, но ничего не сказал о том, как они расстались на поле вблизи фермы.

— Я гожусь тебе в отцы, — задумчиво проговорил Кондратьев, — и ты послушай моего совета: если Ирина тебе так нравится и ты ее по-настоящему любишь — женись. А чего же ждать?

— У меня и было твердое намерение, а вот теперь не знаю...

Сергей не договорил и с грустью, как провинившийся ребенок, посмотрел на Кондратьева. А Кондратьев молчал, и только суровый его взгляд точно говорил:

«Так вот оно что... Как же это так?..»

ГЛАВА XIX

С наступлением морозов Кубань обмелела еще сильнее, но не вся замерзала. Вблизи Усть-Невинской, в том месте, где уже чернел след будущего канала, река неслась по-летнему шумно, гоня мелкую кашицу льда.

...Шуми, гордись, Кубань, пока люди молча роют землю, пока лежит рядом с тобой еще мелкое и узкое русло. Мчись своей старой дорогой, пока еще не преградили тебе путь! Но уже скоро, скоро в этом месте встанет плотина, подымутся твои воды и пойдут по новому руслу. Вот она, твоя новая дорога, чернеет на снегу, усыпанная землекопами!

Так думал Сергей, стоя на берегу за станицей и глядя на Кубань. Все ему было здесь так привычно и знакомо! Все здесь с детских лет исхожено и изъезжено. Много раз, бывало, ходил Сергей по берегу, много раз мерял дно, когда купался, много раз плавал на лодке, когда ездил с отцом за рыбой... Вот и та каменная круча, мрачная, под цвет кизяковой золы, дырявая, источенная ветрами. На эту кручу приходили станичные парни и подростки купаться, и

вся веселая, галдящая шатия-братия с разбегу, как лягушата, бросалась в реку. Потом ребята гуськом плыли по течению километров пять, мимо станицы, а на берегу стояли девушки и махали платочками. Среди них была и Соня, и Сергей видел тогда ее смеющееся лицо... Давно, давно отшумели эти радостные дни! Теперь от кручи берет свое начало будущий канал, там же, наискось, встанет плотина и вода взойдет на берег... А в том месте, где лежит низина и блестит на солнце, весь в снегу, веер водокачки, в обход плантаций деда Тутаринова уже идет ров, бугорками лежит свежая насыпь шебня и суглинка. Там из ложбины дует морозный ветер, но люди не чувствуют холода. Над их согнутыми спинами подымается пар и блестят, как клинки, добела отшлифованные землей кирки и лопаты. По реке несется шум голосов, покрикивание на лошадей, скрежет железа о камни, цокот колес; взад и вперед катятся то бычьи, то конные упряжки, рядом бегут погонычи, подпрыгивая и взмахивая кнутами; по дощатому настилу цепочкой идут женщины с носилками, груженными землей; молодые парни в одних рубашках, с красными до черноты лицами, валят ломами глыбу земли величиной с добрую печь; два подростка тянут шнур, а за ними идет мужчина в брезентовом плаще поверх шубы, с книгой подмышкой; мальчуганы втыкают в мерзлую землю железные палочки и тянут шнур дальше; движется вереница быков, пар шесть, запряженных цугом, — они тянут однолемешный плуг; на чепигах висят два плечистых дядька, плуг врывается в голышеватую землю и с треском роет борозду глубиной по колено...

Посмотришь издали, — кажется, будто канал движется вперед, разрезая вдоль берега заснеженный пригорок. И еще кажется: вся эта масса людей, лошадей, быков, бричек копошится и движется туда-сюда, и нет там никакого порядка... Но это только так кажется: подойдите поближе и сразу заметите не только слаженность в работе, не только во всем строгий порядок, но и какую-то свою, внутреннюю организованность. В сторонке от трассы лагерями расположились станицы. Они четко разделены и разграничены — каждая станица занимает свой участок и на трассе, и на стоянке. Вот хозяева берега — устьневинцы. Лагерь у них устроен не так, как у соседей. У устьневинцев, например, нет ни котлов для варки пищи, ни каких-либо подсобных строений, вроде наскоро устроенных столовых, — люди едят

дома. Стоит лишь будочка, сколоченная из досок, похожая на собачью конуру, — с одним окном и с отростком железной трубы над дверями. Это контора начальника устьневинского участка Ивана Атаманова. В будке постоянно находится его учетчица — молоденькая девушка с густыми россыпями веснушек на носу и на щеках. Здесь ночью хранятся инструменты, сюда изредка забегает и Атаманов, принося веснушчатой учетчице сведения, записанные на клочке бумаги. Иногда, желая отогреться, бывает в конторе и Семен Гончаренко в своей длиннополой шинели, и Иван Родионов в бурке с замызганными концами. На крыше конторки на коротком древке висит флажок, засыпанный снегом...

По соседству с устьневинцами — участок родниковцев. Здесь жизнь поставлена на широкую ногу — бросается в глаза обилие построек, кажется, будто вся станица снялась и переехала на новое место и зажила тут не хуже, чем в горах. И в этом не было ничего удивительного, ибо родниковцы — люди трудолюбивые, обживчивые, за много лет привыкли все делать сообща и поэтому в одну неделю не только освоились с новым местом, но успели обстроиться так, точно они уже и не собирались отсюда уезжать. По указанию Родионова — не в далеком прошлом кавалерийского командира — лагерь был раскинут по военному образцу: все пять колхозов, как полки, встали в ряд по берегу, и каждый колхоз обзавелся всем необходимым — кухнями, складами, кузнями, ремонтными мастерскими, кладовыми, сараями для скота и даже столовыми. Не прошло и двух недель, как на том месте, где остановились родниковцы, выросли небольшие хутора: тут стояли и столовые — обычные сараи из плетней, обставленные камышовыми матами; тут и продолговатые землянки, похожие на дзоты, — только в них стояли не пушки и ящики со снарядами, а бочки солений, лежали освежеванные бараньи туши, мешки с мукой и пшеном; тут и наскоро устроенные кузни с ворохами хуморинского угля; тут и стойла для коров, и временные базы, и конюшни, и овчарни, и свинарники, и курники... А ко всем этим постройкам прилепились то балаганчики, то скирдушки сена, то стожки соломы, то воз дров или куча кукурузных будыльев...

Всем этим обширным лагерем пяти колхозов, где по утрам и мычали коровы, и горланили петухи, так же как и в станице, руководил Никита Никитич Андриянов. Ста-

рик много бегал из хозяйства в хозяйство, кричал на завхозов, на кухарок, суетился и отчаянно мерз.

Как-то раз он пришел погреться в главную контору. За столом, вблизи раскаленной докрасна железной печки, сидел Иван Родионов. Бурка у него была накинута на плечи, и из-под полы виднелись на кителе ордена и медали. Старик подсел к печке и, потирая перед огнем руки, сказал:

— А что, Иван, мы тут, кажись, неплохо обстроились, так что и голосовать до дому не поедем. Агитпункт для всего нашего лагеря я уже выделил — там, где была столовая «Красного маяка», помещение обширное.

Старик подсел к Родионову. Ему хотелось узнать, кого же будут в Родниковской выдвигать кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР, и он нарочно заговорил о предстоящем голосовании:

— Ездить в станицу, как я полагаю, — только зазря время тратить... Агитпункт есть, кабины тоже сделаем...

— Агитпункт, Никита Никитич, и здесь дело нужное, а голосовать все ж поедем домой, — сказал Родионов, не отрываясь от дела. — Я недавно был в станице. Ты бы посмотрел, какие там у нас участки, — один в правлении и два в школах.

— А ты ненароком не слыхал, — шопотом спросил Никита Никитич, — кого будут выдвигать кандидатом?

— Еще ничего не известно... Люди поговаривают об одном очень близком нам человеке.

Никита Никитич еще немного посидел возле печки, отогрелся, сказал, что ему надо пойти по делу к соседям, и вышел.

«Ежели люди говорят, то это не зря, — думал он. — Вот только бы знать — кого?»

Никита Никитич был самолюбив, и ему хотелось посмотреть, как живут, как устроились его соседи. Старик проходил по лагерям соседних станиц, ко всему присматривался. И хотя не хуже родниковцев обжились и обстроились беломечетинцы, краснокаменцы, рощенцы, яманджалгинцы, а также хуторские колхозы «Светлый путь», «Новая жизнь», «Пролетарская воля», а Никите Никитичу казалось, что все здесь было хуже, чем у него. Вдоль трассы канала стояли хутора с землянками и скирдами сена, с кузнями и погребами, а все-таки, по определению Никиты Никитича, это были не такие хутора и не такие землянки, как у родниковцев. Были у соседей и свои столовые — да не так про-

сторны, как у родниковцев; были свои кухарки-женщины, тоже и веселые, и проворные в работе, а вот таких белых передников, как у родниковских кухарок, у них не было, и борщ они заправляли не толченым салом, а жареным. Были и свои кузни — от зари и до зари сочился сквозь крышу пахучий дымок, — а только наковальни там пели не так звонко, как у родниковцев, и кузнецы там были молодые, безбородые. У соседей по вечерам играли гармонисты, возвращаясь в станицу на ночлег, землекопы пели хором песни, и хотя и пели и играли они хорошо, а Никите Никитичу казалось, что все ж таки у родниковцев и певцы, и гармонисты куда лучше... Да что там говорить! По уверению Никиты Никитича Андриянова, «дажеть кочеты у родниковцев куда красивейше горланят, нежели в любом прочем колхозном лагере».

Попробуй доказать ему обратное!

С той поры, как на берег Кубани со всего района приехали землекопы, устьневинцам пришлось здорово потесниться — не было ни одного двора, где бы не жили квартиранты. Сюда съехались двадцать три колхоза. По подсчету Саввы Остроухова, численность населения Усть-Невинской увеличилась больше чем вдвое. Улицы стали людные и шумные, как в городе, а с наступлением вечера жизнь в станице била ключом. Гости и хозяева жили хоть и тесно, но зато весело, дружно, без ссор, — по справедливости надо сказать: так умеют жить только наши люди... Не позднее, как на третий день после приезда, повелись знакомства. Женщины и мужчины из трех-четырех станиц собирались по вечерам в одной хате на посиделки, и это как нельзя лучше сближало и роднило людей. Тут можно было поговорить и о своем колхозе, и расспросить, как в других колхозах с урожаем, сколько выдано зерна на трудодни, много ли ферм и есть ли племенной скот. Тут же читали газеты, делились текущими новостями, возникали разговоры о хозяйстве, о весне, о выборах. Приветливая хозяйка ставила на стол жаровню гарбузовых семечек, поджаренных так искусно, что крупные зерна сами выскакивали из-под паленой коричневой скорлупы... Но семечки — пустая забава, и она всем быстро наскучивала. Тогда женщины затягивали песню. К высоким голосам подстраивались басы, то еще несмелые, чуть слышные, то ревущие, — без песни и

вечер не вечер! К песельникам приходила молодежь с гармошкой, и тогда начинались пляски. Эх, и до чего ж любят на Кубани потанцовать! Только заиграет гармонь — и уже никто не чувствует усталости, ширится, растет круг, гремит под ногами земля, будто и не ворочали весь день кирками и лопатами...

Особенно хорошее настроение было у парней и девушек. Их собралось на строительстве немало, и скучать им было некогда. Так же как и на работу, они выходили на гулянье станицами со своими гармонистами, танцорами и запевалами. Часто родниковцы вместе с устьневинцами приходили на другой край станицы в гости к беломечетинцам, а рощинцы — тоже с хозяевами — шли к яманджалгинцам. И сходились они на такие гулянья и за тем, чтобы познакомиться и потанцовать, а более всего, конечно, за тем, чтобы посмотреть, хороши ли собой у соседей парни и есть ли у них красивые девушки. Как на счастье, в ту пору стояли тихие и лунные ночи, на крышах, на плетнях лежал снег — светло, как днем, — и было нетрудно и показать себя, и посмотреть других. Молодые люди быстрее взрослых подружились и познакомились. Прошел только месяц, а гулянки уже не делились на станицы, и молодежь сходилась на площадь, потому что родниковские парни ухаживали за рощинскими девушками, а беломечетинским девушкам нравились парни из Яман-Джалги. Все смешалось, перепуталось, все были свои — не стало ни хозяев, ни гостей, и каждую ночь залитая лунным светом станица оглашалась песнями и веселым девичьим смехом...

На Кубани исстари повелось: зимой, в стужу, хозяева зазывают к себе в хату парней и девушек — то ли из уважения, то ли из желания послушать гармониста и посмотреть пляски... Под Новый год, когда в каждой хате шло веселье и Усть-Невинская не спала до рассвета, Тимофей Ильич Тутаринов тоже зазвал в свою хату молодежь с гармонистом. Давно часы пробили двенадцать, давно было выпито вино за счастье наступившего 1947 года. С приходом молодежи в обеих комнатах стало тесно. Пришлось отодвинуть к стенкам столы и стулья. В переднем углу, под иконой посадили гармониста — чубатого парня с большими глазами, похожего на сыча. Девушки и парни расселись, кто на лавке, кто на сундуке. Никита Мальцев со своей Варей (они пришли встречать Новый год к Семену и Анфисе еще засветло) сидели в сторонке за столом. Никита,

поглядывая на парней и девушек, вполголоса рассказывал Семену и Анфисе о том, как с ним разговаривал Кондратьев. И хотя этот разговор был месяц тому назад, перед тем как Мальцева избрали председателем колхоза, но он передавал свою беседу с секретарем райкома с таким волнением и с такими подробностями, будто бы он приехал от Кондратьева только вчера... Три женщины-квартирантки, пожилые, с темными, обожженными морозом лицами, сидели на кровати чинно и с тем гордым видом, с каким обычно сидят свахи, пока им еще не поднесли по рюмке. Василиса Ниловна, в новой кофточке и в белом платочке, завязанном узлом ниже подбородка, в новой юбке с широкой оборкой, поднесла гармонисту стакан вина и кусок домашней колбасы с хлебом. Глазастый парень усмехнулся, посмотрел на девушек и разом выпил вино, но закусывать не стал. Он поправил на плече ремень, притронулся короткими сильными пальцами к клавишам и заиграл полечку. Пары образовали круг. Девушка с быстрыми, смеющимися глазами пригласила «женача» Никиту танцовать. Никита быстро и с улыбкой посмотрел на Варю, как бы говоря: «Ну, что ж, Варюша, я бы и не пошел танцовать с этой красивой девушкой, но надо же показать парубкам, как я умею танцовать». А Варю в это время подхватил парень, и они закружились. Пошли в круг Семен и Анфиса, а Ниловна подсела к женщинам на кровать и, подперев кулаком морщинистую щеку, с веселой улыбкой смотрела на молодежь.

— Эх, был бы мой Сережа! — говорила она, ни к кому не обращаясь. — Ой, какой же он весельчак... А только не приехал. Как он там, бедняга, встречает Новый год?..

Тимофей Ильич и квартирант Трифон Яровой, — тот черноусый, похожий на грача казак, который ехал с родниковским обозом и разговаривал с Сергеем, — изрядно подвыпили и сидели в кухне за столом с недоеденными яствами и недопитым вином в кувшине. Тимофею Ильичу достался такой разговорчивый и сведущий квартирант, что они часто проводили за беседой весь вечер. Теперь же, когда в голове немного шумело, разговор у них был особенно оживленный. Трифон любил козырять своей партийностью, считая, что его мнение для беспартийного старика — непререкаемый авторитет. А Тимофей Ильич этого не признавал.

— Ты член партии, — говорил он, — а я на свете прожил шестьдесят семь годов. Кто из нас жизню лучше знает?

— Тимофей Ильич, — сказал Трифон, — а слыхали вы одну важную новость?

— Об чем же та новость?

— По всему видать, ныне мы будем голосовать за вашего сына.

— Кто ж тебе про то сказывал?

— Все люди говорят.

Старик насупился и промолчал.

— Мой сын и так в почете — и Герой, и голова района, — сказал он, наливая в стаканы вино. — С него хватит — только поспевай поворачиваться. — Старик гордо улыбнулся. — Ты, Трифон, лучше послухай, об чем говорят казаки моих годов.

— А что?

— А то они говорят, что будем мы подавать голос за Иосифа Виссарионовича. Вот как! — Тимофей Ильич погладил усы, повеселел. — Старики наши так порешили, что на цей раз мы упросим его прибыть до нас на выборы. Пускай погостит у нас чин по чину, поглядит нашу жизнь вблизи...

— Тимофей Ильич, — возразил Трифон, — то верно, что товарища Сталина вся страна будет выдвигать своим кандидатом, а только он не сможет баллотироваться по всем округам. Вы ж читали положение о выборах? Там сказано...

— Да что ты мне положением грозишься! — обиделся старик. — А ежели мы просить будем? Так и так, мол, товарищ Сталин, все верховье Кубани просит вас дать согласие...

— А он скажет: «Спасибо вам, казаки и казачки, за доверие, а только буду я избираться в Москве, в своем Сталинском округе...» А я, Тимофей Ильич, так думаю: ежели мы отдадим голоса за вашего сына, то тем самым уважим товарища Сталина. Ежели подойти к этому вопросу с политической позиции: кто вырастил и закалил такого героя? — Сталин. Кто вывел его на такую дорогу? — Опять Сталин. Вот оно и выходит...

— Так-то оно так, — перебил Тимофей Ильич, — а все ж таки я думаю, что не в том суть... Ты говоришь, что товарищ Сталин не приедет до нас через то, что положение не велит? Нет, Трифон, положение можно переменить. Я побаиваюсь другого. Ежели он к нам и не захочет ехать, то тут есть другая загвоздка. Какая? А такая, что много у нас разных непорядков. Сказать, урожай — нику-

дышный, а через то и трудодень тощий! К тому же Артамашов мотал колхозное добро и довел нас до такого позора, что дальше и иттить было некуда... Вот через это, как я полагаю, товарищ Сталин и не захочет ехать к нам на выборы. А положение тут ни при чем... Ежели бы мы все работали так, как Стефан Петрович Рагулин, и колхозы были все такие, как у нас буденновский, да чтобы и урожай у всех был такой, как у буденновцев, да и порядок и дома и в поле такой, как у Рагулина, то я так думаю, что товарищ Сталин узнал бы о наших победах и сказал бы: «Молодцы кубанские хлеборобы! Гарно поработали. Поеду я ныне на выборы в верховье Кубани».

Старик размечтался, даже облегченно вздохнул и продолжал:

— А ты что думаешь, Сталин не знает, как мы тут живем да поживаем? Все до тонкостев знает. И про пятилетний план знает, — про наши наметки урожая знает, и это все он дюже одобряет. Только так говорит: пусть стараются, планы у них обширные, а только надо посмотреть, как они их выполнят, как электричество зачнут в дело применять, чтоб, значит, не было в этом деле одного хвастовства... Все ему видно! Взять того же Стефана Петровича Рагулина. В нынешнем году его колхоз дал урожай пшеницы небывалый — по тридцать центнеров. И Сталин уже знает об этом, похвалил колхозников и через своих работников запрос сделал в район, чтоб дали на Рагулина полную биографию... Вот оно как! А ты говоришь...

Тимофей Ильич недосказал. Распахнулась дверь, и в клубах белого пара показались Савва Остроухов и Еременко, в шубах, повязанные поверх кубанок башлыками. Веселые, покрасневшие от вина и мороза, они, поздравив и хозяев и гостей с наступившим Новым годом, сняли шубы, башлыки и прошли в горницу. Они, казалось, были слишком обрадованы тем, что напали на такую веселую вечеринку, — оба шутили, смеялись, и оба частенько посматривали на Семена, как бы говоря: «Ты, Семен, не смотри, что мы такие веселые, а у нас есть к тебе важное дело...» Савва даже попробовал обнять быстроглазую девушку, свою соседку, но та вырвалась и со смехом выскочила в кухню. Еременко заказал «барыню» и начал старательно выбивать о пол своими коваными сапогами, приговаривая: «А барыня под кушак... А барыня шита-крыта...» На помощь ему вышел Никита. Посмотреть танцующих пришли Тимофей

Ильич Тутаринов и Трифон. Они стояли у порога и улыбались.

Когда гармонист заиграл вальс и молодежь закружилась, заполнив всю хату, Савва и Еременко вызвали Семена в кухню, сели за стол и закурили.

— Семен Афанасьевич, — сказал Еременко, — ты с Сергеем Тутариновым всю войну прослужил?

— Как сошлись мы в танковой школе, да так до конца войны и не расставались, — ответил Семен. — А что такое?

— Люди поговаривают насчет Сергея, — негромко сказал Савва, — чтобы выдвинуть своего станичника в депутаты от нашего округа. — Савва улыбнулся своим широким лицом. — Тебе, Семен, как фронтовому другу Сергея, дадим первое слово.

— Это хорошо, — думая о Сергее, проговорил Семен. — Но вот беда — речей я не умею говорить.

— Да ты только почин сделай, нарисуешь его боевой путь, о теперешней его работе скажешь, а там тебя все поддержат, — сказал Савва. — Тут нужна запевка. Я следом за тобой выступлю... Я же с Сережкой еще без штанов бегал, знаю его с самых детских лет.

— Когда же собрание? — спросил Семен.

— В пятницу, днем, прямо на площади. Соберем не только устьневинцев, но и всех строителей. — Савва повеселел. — Теперь же у нас не станица, а город. Поставим трибуну, украсим ее полотнищами, поставим знамена всех двадцати шести колхозов — как на сессии Объединенных Наций! — И Савва рассмеялся. — Это будет такое собрание, каких у нас еще не было!

Семен задумался, и перед ним встал Сергей — то таким, каким он его встретил в танковой школе, то таким, каким знал на фронте. Предстоящее собрание, мысли о друге както ярче воскресили в памяти картину недавних походов. Вспоминалась Кантемировка, переправа через Днепр, прорыв на Прагу... Семен не мог оторваться от воспоминаний и задумчиво сидел у стола, склонив голову.

Вошел Тимофей Ильич.

— Об чем совещание?

— Вашего сына будем выдвигать в депутаты, — сказал Савва. — Одобряете, Тимофей Ильич?

— Одобрить можно, — задумчиво проговорил Тимофей Ильич. — Ежели люди пожелают, то почему ж и не одоб-

рить... А только от стариков на том собрании я скажу об Иосифе Виссарионовиче.

— Дельное предложение, — сказал Савва. — Только вы, Тимофей Ильич, хорошенько подготовьтесь.

— Да это я смогу, — гордо заявил Тимофей Ильич и потом веселыми глазами посмотрел на Трифона, стоявшего в дверях соседней комнаты.

— Эй, Трифон! А что я тебе говорил?..

Гармонист зачастил гопачок, и Трифон, подбоченясь и закрутив усы, молодцевато пошел в круг.

ГЛАВА XX

Никита Мальцев давно мечтал войти в доверие пожилых людей, а особенно стариков. Он и рано женился, и охотно брался за тяжелую «мужскую» работу, и отрастил пучкастые, некрасивые усы, и говорил хриповатым баском, и носил табак в расшитом кисете на очкуре — словом, все делал так, как пожилые казаки. Парторг Еременко давал ему важные поручения — то доклад в бригаде, то беседу с чабанами, то громкую читку в красном уголке. С ним раза два о делах колхоза говорил Сергей Тутаринов, к его советам прислушивались даже старики, а на собрании Никиту частенько избирали председателем. А не так давно с ним, как равный с равным, беседовал Кондратьев, и то, что после этой беседы колхозники избрали своим председателем именно его, Никиту Мальцева, только лишний раз говорило, что в глазах людей он вырос, что ему доверяют и в станице и в районе...

И вот из рядового колхозника Никита стал руководителем, и это настолько его окрылило, что он забыл и о сне, и об отдыхе и работал горячо, с юношеским пылом и задором. Прошел всего только месяц, — казалось бы, что можно было сделать за это время? А Никита сумел вывести свой колхоз на первое место в станице по ремонту бричек и посевного инвентаря. Заметно улучшился уход за лошадьми и волами, повысилась трудовая дисциплина, были утеплены телятники, овчарни, подвезены корма на фермы, наведен порядок в колхозной кладовой — и все это было сделано благодаря стараниям Никиты. Он похудел, взгляд его серых глаз сделался строже, но был он попрежнему таким же молодцевато-веселым, и попрежнему под пепельно-серыми усами таилась ребяческая улыбка, которая точно

говорила: «Вот он каков есть, Никита Мальцев! Но вы погодите: это же еще только начало, а вот весной мы поспорим с буденновцами».

Приняв дела колхоза, Никита пошел к Стефану Петровичу Рагулину, снял перед стариком кубанку и сказал:

— Стефан Петрович, я до вас с просьбой. Помогите советами.

Стефан Петрович хитро сожмурил свои юркие глаза:

— А какие же тебе нужны советы?

— Как лучше колхозом руководить.

— А по дороге Артамашова не пойдешь?

— Не за тем меня избирали.

— Так, так... А жадюгой меня обзывать не будешь?

— Что вы, Стефан Петрович...

— Ну, так и быть, помогу, чем сумею. Ты человек молодой. — Стефан Петрович задумался. — Так тебе, Никита, хочется знать, как лучше колхозом руководить? Мудрость, Никита, нехитрая. Руководи так, чтобы твой колхоз из года в год рос и рос, чтобы все хозяйство на ногах крепко стояло. А совет тебе мой будет простой: перво-наперво — завсегда беспокойся об урожае. Запомни, что я тебе скажу: будет у тебя высокий урожай — будешь и ты хорошим председателем, а не будет урожая — грош тебе цена даже в базарный день. На то мы с тобой и поставлены, чтобы об урожае беспокоились. А что для этого надобно сделать? Заставь звеньевых собирать золу, куриный помет, а по весне все это отвезешь на озимые посевы... Я слыхал, что Артамашов звеньевым заделался? Ну, вот ты его и погоняй хорошенько... Требуй, чтоб каждое твое слово исполнялось. Ты же не сам взялся за это дело, а тебя избрали, — вот ты и требуй, чтоб тебе подчинялись... Был ты нынче в поле? Не был? А ты поезжай. Там снегу лежит по колено, а подует ветер — и снег улетит. Прикажи бригадирам, пусть нарубят хворосту, сделают плетни и поставят на зеленях затишки. И еще тебе один совет — превыше всего ставь интересы не свои, а государственные, чтобы у тебя ни по хлебу, ни по каким другим обязательствам хвостов не было... А еще вот что — тоже важная штука: береги колхозную копеечку, не транжирь, не вольничай сам и не позволяй вольничать другим. Кладовую запирай от воров и бездельников. Завхоза завсегда держи на вожжах, чтобы он чувствовал удила и тоже берег колхозные деньги. Скупись — этого не бойся. Покупки делай поосторожнее. На

всякую купленную вещь требуй счет да смотри, чтобы те, кто покупает, не переплачивали. Ты хозяин, и с тебя спросят. Дорого куплено — документы не принимай, не подписывай, потому что тратишь не свои гроши, а колхозные. Из года в год увеличивай неделимый фонд — это, Никита, самый ценный капитал. Будет у тебя расти неделимый фонд — и колхоз будет крепнуть и сил набираться... Бухгалтерию частенько ревизуй, подбери себе бухгалтера честного, трудолюбивого... А кто у тебя предревкомиссии? Тимофей Тутаринов? Знаю, старик с хозяйственной жилкой. Только ты ему помогай. Запомни — ревизионная комиссия есть твоя правая рука... И напоследок тебе скажу: знай, Никита, — колхоз не любит бесхозяйственности.

Никита не только внимательно выслушал, но и все, что сказал ему Стефан Петрович, записал в блокнот. Он знал, что работать ему будет нелегко. В наследство от Артамашова досталось разваленное хозяйство, с долгами, с недостачей семян, с истощенным тяглом. За что Никита ни брался — всюду нехватки, неполадки. Везде нужны были люди, лошади, волы, а их нехватало. К тому же за станицей полным ходом шло строительство электростанции — ежедневно нужно было посылать на канал пятьдесят человек и десять подвод. А тут надо было готовиться к весне. Ко всему этому прибавилась новая забота — Никите было поручено оборудовать избирательный участок и агитпункт.

Одно дело наседало на другое — только успевай поворачиваться!

Самым же значительным событием в жизни Никиты было предстоящее выступление на собрании избирателей с речью о Сталине. Такое важное выступление доверено только старику Тутаринову и ему, Никите Мальцеву, — сам факт говорил о многом. Весь день Никита был задумчив. В ушах у него звенели песни, а лицо важно хмурилось. Он обдумывал речь, и мысль о Сталине волновала его, и ему хотелось сделать что-то такое, чтобы все обратили на него внимание, хотелось с кем-либо поговорить, поделиться своей радостью, и он пошел на канал к Семену Гончаренко.

Они прошли вдоль трассы и очутились на берегу реки. Сели на каменный выступ и закурили. Внизу вода гнала плотный лед, с глухим шумом он терся о берег.

— Семен, помнишь, как мы с тобой разговаривали на лесосплаве, когда ночью сидели на камне посреди реки? —

заговорил Никита. — А я хорошо помню... Тогда ты тоже радовался, что я становлюсь передовым человеком. Но разве в ту ночь я мог даже подумать, что зимой стану председателем колхоза и буду держать речь о товарище Сталине...

— В гору идешь, Никита, в гору — вот тебе и весь ответ, — весело сказал Семен, растирая в горячих ладонях мокрый снег. — И хорошо, что так получается. Это как раз то, что человеку нужно, — итти вперед! И нечему тут удивляться. Парень ты молодой, с деловой жилкой, немножко, правда, хвастовитый, но зато честный, преданный, а это самое главное. Ты теперь стоишь у всех на виду... А как было у нас на фронте? Ах, ты не был, не знаешь... То же самое: скажем, приходит в роту новичок, парень как парень, а никто его сперва не замечает, будто его и нету. А покажет себя в бою, вот его сразу и приметят — в штабе, и в политотделе, и в редакции, а там, гляди, и вышел в герои! Пример — Сережка Тутаринов. За храбрость его приметил сам генерал, — и не ошибся... Вот так и тебя приметили, а только ты смотри не подведи, не опозорься...

Тимофея Ильича и пугало, и радовало предстоящее выступление на собрании избирателей. Думать ему об этом было и приятно, и лестно, и как-то боязно, — оттого и не спалось. Кровь приливала к вискам, тяжелели веки, и когда он закрывал глаза, силясь уснуть, перед ним вставала гудящая голосами станичная площадь, людная и густо расцвеченная знаменами. Старик видел себя на трибуне: тысячи глаз смотрели на него и ждали, а он робел, запинался и не находил нужных слов...

Ворочаясь на постели, он тяжело вздыхал, вставал курить и подолгу сидел, опустив на пол сухие, костлявые ноги в белых подштанниках... Возле печки на соломе спали родниковские женщины, на лавке храпел Трифон.

— Тимофей, — сердито проговорила Ниловна, не подымая с подушки головы, — и чего ты все куришь и тяжко вздыхаешь?

— А то и курю, — неохотно ответил Тимофей Ильич, — что думки лезут в голову, а какие они есть — тебе про то знать нельзя.

— А может, ты насмотрелся парней и девок, да и вспомнилось тебе твое молодечество?

Тимофей Ильич промолчал, докурил цыгарку и лег.

«Задал я сам себе задачу, — думал он, натягивая на голову одеяло, — придется посоветоваться с Трифоном, человек он в этом деле сведущий...»

И перед ним опять раскрывалась площадь, и опять множество глаз смотрело на него в ожидании... В груди у него холодело, мысли путались. Тогда Тимофей Ильич стал думать о своем, о привычном: о том, что пора бы уже ремонтировать парниковые рамы, но нет оконного стекла, и где его достать — трудно придумать; о том, что время провести ревизию в кладовой — пойти и поговорить об этом с Никитой; о том, что в январе надо будет перебросить на огороды весь навоз, который лежит во дворах третьей и четвертой бригад. Тимофей Ильич стал в уме подсчитывать, сколько потребуется подвод, немного успокоился, но уснул не скоро.

Только-только начинало рассветать. В сенную дверь кто-то настойчиво стучал кулаком:

— Эй, хозяева! Пора вставать!

Ниловна по голосу узнала Савву.

— Тимофей, — негромко сказала она, толкая мужа, — к нам Савва стучится. Иди впускай.

Тимофею Ильичу не хотелось вставать.

— И за каким делом он пожаловал в такую рань? — бурчал старик.

Покрякивая, Тимофей Ильич не спеша сунул ноги в валенки, зажег лампу и, накинув на плечи тулуп, вышел в сенцы.

Савва Остроухов, в бурке, накинутой поверх шубы, с замотанной башлыком головой, словно не вошел, а влез в хату, и от него повеяло холодом. У порога он гремел коваными сапогами, очищая снег, полой бурки опрокинул таз... От шума и от холода в доме все проснулись. Обе женщины, закрываясь одеялом, торопливо надели юбки, кофточки и уже сидели на постели, расчесывая косы. Трифон тоже не спал, но еще лежал под шубой на лавке и закручивал папиросу. Спали только в соседней комнате Семен и Анфиса, и их не будили.

— Савва Нестерович, тебе бы бригадиром быть, — с усмешкой сказал Тимофей Ильич, поглаживая свисающие желтые у губ усы. — Никто бы не проспал!

— Дело есть спешное, — пояснил Савва, — ваш сын вызывает к восьми часам... А к вам я забежал, — может, что пожелаете ему передать.

— Ой, Саввушка, спасибо, сынок, что зашел! — всполошилась Ниловна, слезая с кровати. — Я зараз соберу Сереженьке посылочку, он так любит моченые яблоки. А еще захватишь ему соленых арбузов и сметаны.

Ниловна надела шубчонку, взяла спички, огарок свечи и пошла в погреб.

— А от меня передай Сергею выговор, — сказал Тимофей Ильич. — Скажи ему, что так сыны не делают... Ну, посуди сам! Позавчера, под самый Новый год, как я дознался, Сергей был в станице, заезжал на птичник к своей Ирине, а родной дом не навестил... Разве это по-сыновьи?

— Да, это нехорошо, — согласился Савва. — Я ему скажу... Ну, а как у вас, Тимофей Ильич, с речью? Готовитесь?..

— Думок, Савва, полная голова.

— Ничего, Тимофей Ильич, все будет хорошо. Вот я вам важную книжку принес — биографию товарища Сталина. Тут вся его жизнь.

Тимофей Ильич взял книжку, надел очки, подошел к лампе и стал рассматривать.

— За книжку, Савва, спасибо, — сказал он, — а только ты научи меня, с чего и как начинать?

— Прочитайте всю книжку, запишите на бумагу главную мысль, — уверенно заявил Савва. — Поставьте несколько наводящих вопросов, а потом по ним и режьте!

Такой ответ не удовлетворил Тимофея Ильича.

«Режьте, поставьте наводящие вопросы, — думал он, — а с чего начинать — вот моя загвоздка».

Тимофей Ильич хотел обстоятельно поговорить, но Савва торопился, у двора его поджидали сани, а тут еще засуетилась с посылкой Ниловна, укладывая в кошелку и моченые яблоки, и соленые арбузы, и махотку со сметаной, и какие-то пирожки... Когда Савва уехал, Тимофей Ильич подсел к своему квартиранту и рассказал ему о будущем собрании на площади и о том, что ему, Тимофею Ильичу, предстоит выступить там с речью о Сталине.

— По характеру я говорливый, — похвастался старик.— Вот ежели, допустим, какую присказку рассказать или так запросто промеж себя побалакать, то я очень даже могу.

А вот чтобы речь произносить — не приходилось... И речь же опять-таки не простая... Как-то дажеть боязно.

Чернявое, еще сонное лицо Трифона просветлело.

— Не бойтесь, Тимофей Ильич, — как всегда авторитетно сказал Трифон, сбрасывая с себя шубу. — Эй, бабочки! Не глядите в мою сторону! — Трифон быстро оделся и участливо обратился к Тимофею Ильичу: — Я вам помогу составить речь — ничего в этом хитрого нету. Савва правильно советовал — надо сперва написать себе тезисы.

— А разве без тезисов нельзя?

Черные глаза Трифона оживились.

— Да вы послушайте, что я вам скажу... Я всю эту премудрость знаю. Еще до войны приезжал к нам в станицу докладчик — настоящий оратор! Так у него все течет — заслушаешься! А почему? Потому, что говорит исключительно по тезисам. Он и меня учил, как все это составить. Слушайте, я и вас научу. Это нетрудно. Сперва наметьте себе главный тезис — с чего начинать. К нему припишите два-три примера — в виде наводящих вопросов. Затем идет дальнейшее развитие и углубление главного тезиса. Еще два-три наводящих вопроса — и довольно. После этого запишите себе основную мысль и тоже с наводящими вопросами. А в конце краткие выводы и заключение. Вот и вся речь! Жаль, что мне надо итти на канал, а то бы я вам все написал...

Тимофей Ильич некоторое время молчал, комкая в жмене усы. Лицо его сделалось грустным.

— Такую чертовщину нагородил! — с обидой в голосе сказал Тимофей Ильич. — Мне такие тезисы не подходят...

Трифон стал уверять, что именно так и нужно готовиться к выступлению, но Тимофей Ильич даже не захотел слушать.

— Не по тезису я хочу говорить, а по сердцу, — сердито сказал Тимофей Ильич и вышел из хаты.

Тимофей Ильич прошелся по двору, постоял у калитки, потом начал расчищать в снегу дорожки. Работая лопатой, он старался ни о чем не думать, а мысли о предстоящем собрании сами лезли в голову.

«И Сергей на ту беду не едет, с ним бы посоветовался», — думал он.

Прочистив дорожки, Тимофей Ильич прошел по глубокому снегу в сад, постоял на берегу Кубани — от реки доносились людские голоса и цокот колес. Взошло солнце.

В холодном тумане над лесом лежал багровый шар, и голые темные верхушки деревьев, тронутые оранжевой краской, отчетливо рисовались на белом фоне невысокой горы... Тимофей Ильич вернулся во двор, поднял плетень, напоил корову, сменил в свинарнике подстилку, занятый все теми же мыслями о предстоящем выступлении.

После завтрака Тимофей Ильич направился в правление. Там он поговорил с бухгалтером, худым и подслеповатым мужчиной, сказал ему, что пора провести в кладовой ревизию. Потом зашел к Никите в кабинет и попросил выделить огородной бригаде пару саней с волами; посоветовался с Никитой, где бы достать оконного стекла для парниковых рам; поругал плотников за то, что до сих пор не сделали деревянные коробки, которыми будут накрываться парники. Собравшись пойти в кладовую, Тимофей Ильич как бы между прочим спросил:

— Никита, а собрание в пятницу?

— Ровно в двенадцать.

— И прямо на площади?

— А то где же? Такого здания у нас нету, чтобы всех людей вместить. Знаете, сколько там соберется народу? Шесть станиц! Еременко говорил, что и Кондратьев приедет.

— А ты, Никита, как насчет речи? — спросил Тимофей Ильич, не подымая головы. — Подготовился?

— У меня, папаша, речь будет короткая.

— И без тезисов? — осведомился Тимофей Ильич.

— Безо всего.

— А как же так ты будешь — без тезисов?

— А так. Что есть у меня на душе, то и выскажу.

«Вот так бы и мне, безо всего», — рассуждал Тимофей Ильич, направляясь в кладовую.

Возле амбаров он встретил Еременко с газетами и журналами. Он шел напрямик через огороды; сапоги и полы шубы у него были в снегу.

— Тимофей Ильич, а я к вам забегал, — заговорил Еременко, вытирая ладонью нагретый лоб. — Как у вас дело с речью? Не подведете? Еще не готова? Я так и знал... Тимофей Ильич, вы сядьте за стол и напишите, да слова подберите складные и красивые...

— Это вроде тезисов? — со вздохом спросил Тимофей Ильич.

— Во-во! — обрадовался Еременко. — Только расширенные... Я пришлю комсомольцев, они помогут.

— Обойдусь и без помощников.

Тимофей Ильич не пошел в кладовую, а вернулся домой, разделся, сел за стол и начал составлять конспект. В хате была одна Ниловна. Она с удивлением смотрела на мужа, который придвинул ближе чернильницу, положил перед собой ученическую тетрадь и что-то писал.

— Аль письмо сыну задумал послать? — спросила Ниловна.

— Не письмо, а тут, Ниловна, такое дело, что не знаю, как тебе и пояснить, — сказал Тимофей Ильич, поправляя на носу очки и посматривая на кончик пера. — Речь мне надо произносить — вот оно какая вещь... А без написанного не можно.

— Так по написанному говорить, как я думаю, труднее, — участливо заговорила Ниловна.

Тимофей Ильич только тяжело вздохнул.

— А ну, принеси мне с той хаты книжку, — сказал он, отодвигая чернильницу. — Ту, что Савва оставил...

Тимофей Ильич раскрыл книгу, прочитал первые строки, и сердце его наполнилось гордостью: Сталин и он были сверстники, а «ровесничество», или «ровня по годам», у казаков еще в старину ценилось дороже дружбы... Тимофей Ильич с радостью сообщил об этом Ниловне. Ниловна сидела возле стола и слушала, опершись щекой на ладонь и склонив набок свою маленькую, в чепчике, голову, а Тимофей Ильич продолжал читать:

— «Я вспоминаю, — говорил Сталин, — 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских... Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение... моими первыми учителями были тифлисские рабочие».

Тимофей Ильич посмотрел на Ниловну и сказал:

— Молодчина! В ту пору Сталину пошел всего только девятнадцатый год...

— А припоминаешь, Тимоша, — оживилась Ниловна, предаваясь воспоминаниям, — как раз в том году мы с тобой поженились. Как сейчас все помню. Ты пришел к нашим свататься — в такой красной рубашке, в суконных шароварах и в чоботах, а моя мать тебя и в хату не пустила... Не хотела она выдавать меня замуж... Не забыл?

— Эх, жена, жена! И нашла, что вспоминать, — с улыбкой возразил Тимофей Ильич, не отрывая глаз от книги. — В том, что я на тебе оженился, ничего интересного нету...

Тимофей Ильич продолжал читать, а Ниловна смотрела на него помолодевшими глазами и то слушала, то о чем-то своем думала... Знакомясь с биографией Сталина, Тимофей Ильич и Ниловна невольно вспоминали пережитое, и им как-то по-особенному было приятно видеть свою жизнь рядом с жизнью Сталина... В апреле 1902 года Сталин был арестован, а Тимофей Ильич и Ниловна в этом году уже отделились от родителей, за лето построили домик и к осени зажили сами себе хозяевами. Илья Тутаринов выделил сыну пару быков, бричку и телку. С таким хозяйством можно было начинать жить, но в ту же осень Тимофея Ильича призвали на действительную военную службу. Пришлось продать и быков, и бричку и на эти деньги купить коня с седлом... Хорошо помнит Тимофей Ильич, как в октябре, на закате пасмурного дня он покидал станицу. Ниловна, молодая и красивая жена, стояла у калитки с сухими и горестными глазами. На руках у нее был только что родившийся второй сын, а первенец, трехлетний мальчик, держался руками за юбку матери и ласково смотрел на отца, уже сидевшего на коне... Как давно это было! А в том году, когда Сталин первый раз бежал из ссылки, казачий полк, в котором служил Тимофей Тутаринов, спешно погрузился в эшелон и уехал в Маньчжурию... Началась русско-японская война... Прошло более трех лет. Сталин прибыл в Лондон на Пятый съезд партии, а Тимофей Тутаринов, усталый, душевно разбитый, вернулся в Усть-Невинскую. Жену и детей он нашел в крайней нужде. Сыны подросли, но были одеты в тряпье, как цыганята, во дворе—ни брички, ни тягла, ни поросенка, ни коровы... Сжалось у Тимофея Ильича сердце. Сел он на завалинке и задумался. Надо было начинать жить сначала. И он начал. Залез в долги, кое-как стянулся на пару бычат-неучей... Тяжело вспоминать об этом.

Лист за листом Тимофей Ильич прочитал всю книжку, а Ниловна все так же, склонивши голову, слушала, вздыхала и раза два тихонько всплакнула... Надо было Тимофею Ильичу что-то записать в тетрадку, а вот что — не мог придумать... Пришли комсомольцы, но Тимофей Ильич отказался от их услуг, не стал слушать и советов вернувшегося с канала Трифона. Молчаливый и грустный, он с

вечера лег в постель и лежал с закрытыми глазами. Он думал о прочитанном, и вся жизнь Сталина, как громадный утес, стояла перед ним. И рядом с этой большой жизнью шла своей дорогой маленькая жизнь казака Усть-Невинской. Тимофею Ильичу казалось, что его жизнь и жизнь Сталина, как две горные реки, — одна маленькая, другая бо́льшая, — зародились в один год, но в разных ущельях и потекли каждая по своему руслу. Маленькую, журчащую между камней речку все время притягивала к себе большая и бурная река, но между ними лежали горы... Только на широкой и просторной долине обе реки соединились и потекли вместе...

«Ежели, к примеру, взять мою жизнь отдельно, — думал Тимофей Ильич, — то она хоть и простая и бу́дто такого ничего не значит, а все ж таки и в ней есть памятные годочки, и по ней рассеяно много горестей и радостей... Хлебнул и я горя через край, рано породнился с нуждой, чтоб ее черти взяли...»

И воспоминания снова чередой прошли перед ним... После революции, когда маломощному казаку по-настоящему полегчало, Ленин и Сталин стояли во главе советского государства, а у Тимофея Ильича к тому времени уже подросли дети и земли стало вдосталь... Живи и трудись!.. В памяти воскресли годы коллективизации, строительство колхозов на Кубани, и Тимофей Ильич снова увидел свою жизнь рядом с жизнью Сталина... Началась война, пять сыновей Тутариновых пошли на фронт, а старик и старуха с дочерью работали в колхозе, и опять Тимофей Ильич видел, что жизнь его шла той же дорогой, что и жизнь Сталина... И хотя он свою жизнь считал тоже важной и значительной, но в сравнении с жизнью Сталина она выглядела так, как степной курган в соседстве с Эльбрусом.

«Так вот с этого я и начну завтра речь о Сталине, — обрадованно подумал Тимофей Ильич. — Безо всяких тезисов, потому как самое главное у человека есть его жизнь... Не зря же и в народе говорится: жизнь прожить — не поле перейти...»

ГЛАВА XXI

В пятницу 3 января погода стояла тихая и морозная. Падал мелкий крупчатый снег. На площади Усть-Невинской гремел оркестр — Савва привез его из района еще ве-

чером. Музыканты мерзли, их надутые щеки краснели, из труб шел пар, но играли они азартно, и на крикливо-призывные звуки хлынули на площадь молодые и старые. Люди оделись потеплее: женщины — в кофты, в зимние пальто или полушубки; мужчины — в шубы, пиджаки, подтянутые поясами, а те, кто недавно вернулся из армии, — в шинели с еще не отпоротыми петлицами. Вокруг автомашины-трехтонки, расцвеченной знаменами двадцати шести колхозов, колыхались припорошенные снегом то кудлатые папахи, то кубанки с красными и синими верхами, то шали, то воротники тулупов, широко раскинутые на плечах. В кузове, за столом, покрытым кумачом, сидели члены президиума, — среди них был и Тимофей Ильич Тутаринов.

Первое слово Савва предоставил Тимофею Ильичу Тутаринову. Старик встал — сухой, высокий, в широком тулупе с раскинутыми полами. Некоторое время Тимофей Ильич стоял молча, и по тому, как он торопливо снял шапку и погладил ладонью седую голову, а затем поклонился народу, было заметно, что старик волновался.

— Граждане станичники! — начал он глухим басом. — Самое главное у человека есть его жизнь...

На площади воцарилась тишина. Было слышно, как под каблуками поскрипывал снег. Тимофей Ильич вышел из-за стола, остановился у задней грядки кузова, увидел Ниловну, смотревшую на него тревожно-ласковыми глазами, и начал неторопливо, все тем же глуховатым басом, рассказывать о жизни Сталина. Тимофей Ильич впервые выступал с речью перед таким людным собранием, но говорить ему было легко. То, что передумано и перечувствовано накануне, было таким значительным и ярким, а в голове собралось столько светлых и хороших мыслей, что простые и нужные слова приходили сами... И когда Тимофей Ильич сказал, что все верховье Кубани выдвигает своим кандидатом в депутаты Иосифа Виссарионовича, площадь всколыхнулась, и в морозном воздухе прошумели рукоплескания. Тимофей Ильич еще раз поклонился народу, надел шапку и сел на свое место.

Затем выступали Никита Мальцев, Иван Родионов, Семен Гончаренко, Глаша Несмашная, и каждый оратор вместе с именем Сталина называл Сергея Тутаринова.

Зимний день — короткий, и собрание на площади затянулось допоздна. А на другой день по всему Рощенскому округу проходили такие же собрания, и выдвинутые Усть-

Невинской кандидаты нашли единодушную поддержку. В краевой газете появились статьи и речи ораторов. Сергей с интересом прочитал на одной странице выступление своего отца и Никиты Мальцева о Сталине, а на другой — Семена и какого-то бригадира тракторного отряда Ивана Слюсарева — о себе. Иван Слюсарев говорил так подробно, точно знал Сергея с детских лет, и, как в прошлом сам танкист, давал исключительно высокую оценку водительскому таланту будущего депутата.

Всюду — и в газетах, и на лозунгах, и на красочных плакатах — Сергей видел свою фамилию ниже фамилии вождя, свой портрет — рядом с портретом Сталина, и ему казалось, что Сталин вводил его в какую-то новую и большую жизнь и говорил: «В Рощенском округе я побуду с тобой немного, пока тебя люди узнают, привыкнут к тебе и полюбят, а потом ты уже будешь работать сам...» Сергей вспоминал маленькую фотографию Сталина, которую наклеил чуть повыше перископа, когда покидал танковое училище и уезжал на фронт. Фотография была у него перед глазами, и тогда ему, так же как и теперь, казалось, будто Сталин говорил: «Я провожу тебя на фронт, побуду с тобой в первом бою, научу по-настоящему воевать, а потом ты уже и сам пойдешь...»

Морозным утром Сергей выехал в Марьяновскую, и никто не мог понять, почему для первой своей встречи с избирателями он отправился в соседнюю районную станицу. Правда, одному лишь Кондратьеву Сергей сказал, что лучше всего сперва поехать в Марьяновскую, где его еще и в глаза не видели. К тому же дорога в Марьяновскую лежала через Усть-Невинскую, и Сергей решил заехать на канал — посмотреть монтажные работы и заодно узнать у Виктора, как идет учеба на курсах колхозных электриков... Однако о самой главной причине Сергей умолчал: ему хотелось перед такой длительной поездкой навестить по пути Ирину...

Что тут сказать — молодость! Кому, кому не знакомо то незабываемое время свиданий и встреч, когда всякая дорога к любимой девушке кажется попутной; когда желаешь поделиться своей радостью именно с той, которую любишь, ибо знаешь, что никто во всем свете не сможет так, как она, и выслушать тебя, и понять твои чувства.

С этими мыслями и спешил Сергей к Ирине, чтобы побыть с ней хоть немного — лишь бы успеть рассказать ей все, что передумал за эти дни. Но почему-то к радостным

мыслям примешивалась горечь, и Сергей то видел серую ложбину и убегающую к обозу Ирину, слышал ее тихий голос: «А еще я хочу ехать учиться»; то вспоминал слова Виктора: «На перевозке турбины мы познакомились». Сергей закрывал глаза, хотел ни о чем не думать, а перед ним вставало смеющееся лицо Виктора.

«Забавно! — думал он, чувствуя, как щеки хлещет встречный морозный ветер. — Я, кажется, ревную... Забавно... Нет, нет, надо кончать слишком затянувшееся ухаживание. — Он улыбнулся. — Вот приеду и все ей скажу. Кончатся выборы, и мы поженимся... «А еще я хочу учиться... Пожалуйста! Вместе поедем...»

Сергей так размечтался, что не заметил, как подъехал к птичнику. Сойдя с машины, он посмотрел в знакомое окно ирининой комнаты и отшатнулся. В глазах у него потемнело, и он не мог понять: или ему только показалось, или в самом деле у стола сидели Ирина и Виктор.

«Вот это забавно», — подумал он, и ему вдруг стало жарко. Еще не веря своим глазам и ничего не соображая, Сергей взглянул на сосредоточенно-строгое лицо Ванюши и не подошел, а подбежал к машине:

— А ну, водитель, пришпорь! — сказал он и уехал.

Вслед ему послышался голос Ирины:

— Сережа! Какой же ты глупый, Сережа!

Сергею так хотелось обернуться и посмотреть, но машина уже завернула за курган, и птичник скрылся...

Сергей побывал на канале, издали полюбовался цинковой крышей гидростанции, а потом разговаривал с монтажниками, — Виктора там не было, и Сергей о нем не спрашивал. У Саввы узнал о том, что занятия на курсах электриков начались.

— Ты бы посмотрел, сколько теперь курсантов! — весело говорил Савва. — Или потому, что преподаватель такой молодой, или еще по какой причине — все девушки в станице захотели стать электриками. Соня, Варя Мальцева, девушка из «Светлого пути», та, что ты прислал, — все учатся. Твоя Ирина тоже посещает занятия — такая активность, что я уже боюсь, как бы и моя Анюта не записалась в курсанты!

— Это отрадно, — грустно проговорил Сергей, садясь в машину.

Выехав из Усть-Невинской, Сергей как ни старался думать о том, как бы хорошо было, если бы Рубцов-Емниц-

кий поскорее отгрузил электрооборудование, чтобы уже зимой начать сооружение линии, как ни приятно было сознавать, что и крыша гидростанции блестит на солнце, и установка машин идет успешно, и учеба электриков налажена, и канал, как заверил Семен, будет готов в феврале, — а мысли об Ирине не покидали его, и на сердце было тяжко...

«Сережа, какой же ты глупый!» — звучал в ушах голос Ирины. — Забавно, чорт возьми... Я — глупый! Все же надо было вернуться... А то, чего доброго, Виктор подумает, что я испугался...»

Сергей оторвался от мыслей, когда над головой загремел мотор самолета. Лимузин «У-2» пролетел совсем низко, обогнал машину и, сделав круг, приземлился недалеко от дороги на ровной снежной площадке. Из самолета вылез пассажир и побежал по снегу, наперерез Сергею. Он снял шапку-ушанку и стал ею махать. Сергей велел Ванюше остановиться. Человек в кожаном пальто на меху, в валенках и с небольшим чемоданчиком подбежал к Сергею.

— Товарищ Тутаринов? — спросил он, запыхавшись.

— Он самый, — с улыбкой ответил Сергей.

— Прекрасно! И как я удачно тебя настиг! — Он протянул руку и сказал: — Спецкор краевой газеты Чумаченко! Сергей Тимофеевич, как же это ты так решился ехать в такое важное путешествие и без собственного корреспондента?

— Да где ж его взять? — шутя спросил Сергей.

— Ну, я тебя провожу до первой станицы. — Чумаченко было жарко, и он снял шапку-ушанку. — Я бы охотно поехал и дальше, но редактор приказал на самолете доставить беседу и твой портрет... Я прилетел в Рощенскую, а ты уже уехал. Кондратьев дал маршрут, а летчик мне попался смелый... «Разыщем, я, говорит, на Севере работал, в ледовую разведку летал...» И вот я уже здесь! — Чумаченко улыбнулся и вынул из кармана «лейку». — Попрошу на одну минутку...

— Зачем же так сразу! — возразил Сергей. — Вот приедем в Марьяновскую.

— Согласен, — сказал Чумаченко. — Сейчас я скажу пилоту, чтобы подлетел к станице, а я поеду с тобой.

Станица Марьяновская — районный центр — растянулась по берегу Кубани. Были видны сады, ряды тополей.

и кущи ясеня на площади. Затем показались белые крыши, амбары, стоявшие особняком за станицей.

После торжественной встречи в Марьяновской в тот же день на закате солнца Сергей, в сопровождении председателя исполкома Кривцова, моложавого и краснощекого мужчины, выехал по станицам Марьяновского района.

За Марьяновской в ложбине показался хуторок. На заснеженную степь ложился холодный туман.

— Хуторок Грушка, — пояснил Кривцов. — Надо нам сюда заехать. Это полеводческая бригада колхоза «Луч». Я никогда их не миную. Почему? Это такое место, что его нельзя проехать. — Моложавое, гладко выбритое лицо Кривцова расплылось в добродушной улыбке. — Здесь живет наша «царица полей».

— А кто она такая?

— Да разве ты не знаешь нашу рекордистку высоких урожаев? — удивился Кривцов. — Ну, как же так? Это же знаменитость! Звеньевая Прасковья Николаевна Голубева! А мы в шутку ее зовем «царица полей».

— Ну, что ж, — сказал Сергей, — поедем и к «царице полей», это даже интересно.

Машина свернула на проселочную дорогу и направилась в хутор Грушка.

ГЛАВА XXII

В ложбине, невдалеке от шоссе, стояли десятка два домов под камышовыми и соломенными крышами, с невысокими, из хвороста, плетнями. В центре — общественная конюшня, навесы для бричек и плугов, кузня, амбары. По обе стороны широкой улицы стояли тополя, густо, один в один, иные толщиной в два об'хвата, а за тополями, как за высокой стеной, прятались палисадники, постройки, сады.

Проезжая по улице, Кривцов обратил внимание гостя на новое здание, под черепичной крышей, с высокими окнами. Передняя стена была расписана аршинными буквами — красочные слова призывали голосовать за Сергея Тутаринова. Крыльцо было увито красным полотном и украшено флажками и плакатами.

— Бригадный агитпункт, — с гордостью в голосе пояснил Кривцов. — Оборудован на время выборов, а вообще это — Дом агротехники Прасковьи Голубевой. Специально для нее построили... А у вас есть такие дома? — Не дожи-

даясь ответа, Кривцов заговорил о Голубевой: — Золотые руки у этой женщины! И если бы ты только знал, как она нас выручает... В районе с урожаем неважно; как мы ни бьемся, а похвалиться нечем. Осенью приедешь с отчетом в крайисполком, веришь, стыдно. Вот тут и приходит на выручку наша «царица полей». Это такой, я тебе скажу, козырь в руках! В этом году звено Голубевой дало по сто восемьдесят шесть пудов пшеницы с гектара. Это же рекорд! Назовешь такую цифру — и уже тебя не ругают и смотрят на тебя совсем другими глазами... Вот оно какую силу имеет эта женщина!

— А много у вас таких «цариц»? — спросил Сергей.

— Как много? — удивился Кривцов. — Она же рекордистка.

— Ну, а какой у вас урожай в других звеньях?

— Так себе... До Голубевой им далеко.

Машина остановилась возле тесовых ворот, выкрашенных в зеленый цвет, и Ванюша подал хозяевам сигнал. В калитке показался Петр Голубев — муж Прасковьи Николаевны — в одной рубашке и без шапки. Увидав Кривцова, он торопливо распахнул ворота и побежал впереди, как бы показывая, как удобнее подъехать к крыльцу.

— Как поживает хозяйка дома? — спросил Кривцов, выходя из машины и здороваясь с Петром за руку. — Как идут ее дела?

— Спасибо, Андрей Федорович, на жизню жалоб нету, — ответил Петр, мужчина коренастый, широкоплечий, с серой, давно небритой щетиной на веселом лице. — И дела у нас идут исправно, а только девки из первой бригады не дают жене покою. — Петр с улыбкой посмотрел на окна, откуда доносились женские голоса. — Слыхал? Полдня воюют! С утра пришли и не уходят... Я уже Андриана на подсобление позвал.

— Что там еще за девки? — сердито спросил Кривцов.

Дверь распахнулась, и на крыльцо вышел бригадир Андриан, смеясь и вытирая рукавом красное, побитое оспой лицо.

— Ох, и что за канальские дивчата! — сказал он, здороваясь с Кривцовым. — Комсомолки! Ну, прямо одно горе с ними!..

— А что случилось?

— Две девчушки из первой бригады пожаловали к нам и хотят тут хозяйничать. Одна — звеньевая, а другая — ее

помощница. — Андриан усмехнулся. — Беда! Я им и по-хорошему, и по-всякому...

Из дома донеслись выкрики:

— Так ты не дашь?!

— Сказала, не дам — и не дам!

— Ишь, какая барыня!

— Все тебе да тебе!

— А мы разве не такие?!

— Идите к председателю, а чего вы ко мне явились? Ничего вы от меня не получите... Понятно?

— Мы не к председателю пойдем, а в район на тебя пожалуемся.

— Меня в районе не знают! Вот Андрей Федорович приехал, жалуйтесь ему, а от меня отцепитесь!

В сенцах Кривцова и Сергея встретила сама хозяйка. Это была женщина статная, не старше сорока лет, с той природной деревенской красотой, которая открыта всем, — видна и в улыбке, и в походке, и в манере держать голову, чуть склонив ее на плечо... Прасковья Николаевна была взволнована, и от этого ее дородное лицо было особенно привлекательно. Она была рада приезду гостей, улыбалась и Кривцову и Сергею, приглашая в дом...

В передней комнате стояли молодые, но, по всему видать, — бедовые девушки. — Обе они были невысокого роста, белокурые; лица их были гневны.

— Ну, здравствуйте, красавицы! — сказал Кривцов.— Что у вас тут за споры?

— Не споры, а разговор, — гордо ответила звеньевая, выйдя наперед и поведя бровью.

— А кто вас сюда прислал?

— Сами себя прислали.

— Почему одна Прасковья рекорды получает?

— Разве мы хуже ее?

— Все ей да ей, царицей прозвали, а все другие будто и на свете не существуют.

— А вам завидно? — Кривцов добродушно усмехнулся. — Что ж поделаешь? Ей весь край завидует...

— Мы не завидуем, а только дайте и нашему звену хорошие семена!

— А ты кто такая смелая? — спросил Кривцов.

— Звеньевая... Шура Богданова.

— А тебя как звать? — обратился Кривцов к подруге Шуры.

— Маруся Новикова.

— Вот что я вам скажу, Шура Богданова и Маруся Новикова, — с улыбкой проговорил Кривцов, — идите домой и готовьтесь к выборам. Вот перед вами и кандидат — Сергей Тимофеевич Тутаринов, за него нам предстоит голосовать. Мы еще заедем к вам и побеседуем о выборах...

— Вы нам выборами зубы не заговаривайте, — смело ответила Шура. — Нам семена нужны!..

— Так вы об этом поговорите со своим правлением, пусть оно вам и поможет.

— Ага, дожидайтесь! — со смехом сказала Маруся. — Наше правление только Прасковье помогает...

— Мы ничего не хотим, — сказала Шура, — а только дайте нам «гибрид-кубанку» — ту пшеницу, что Прасковья будет сеять...

— Не можем, девушки, не можем, — ласково сказал Кривцов. — Ту пшеницу мы специально раздобыли... Так что, Шура и Маруся, об этом и не думайте... Идите, идите домой, пока светло.

— А мы не пойдем!

Шура и Маруся немного постояли и ушли.

— Обиделись, — сказал Сергей.

— Обижаться тут нечего, — заговорил Кривцов, приветливо глядя на Голубеву. — Ну, царица полей, как готовишься к севу? Может, нужна какая помощь?

— Сказать, Андрей Федорович, к севу готовимся лучше всех.

— Вот и прекрасно!

— Дела у меня идут исправно. — Прасковья склонила на плечо голову, приятно улыбнулась. — Золы припасли порядочно, не зеваем!.. «Гибрид-кубанку» на всхожесть уже испробовали.

— Ну и как? — спросил Кривцов.

— Лучше и быть не может. Густая, как щетина! Сила в ней к росту необыкновенная. Такая даст двести пудов... Вчера на тех участках зяби, где будем сеять «гибрид-кубанку», снегозадержание устраивали.

— Всем хутором вышли на помощь Прасковье Николаевне, — пояснил Андриан.

— Правильно, так и нужно, — сказал Кривцов, — Прасковья Николаевна у нас на особом счету.

— Пожаловаться я не могу, — с самодовольной улыбкой сказала Голубева. — Все помогают, а только бабы из других бригад чересчур вредные.

— Отчего же они вредные? — спросил Сергей.

— Видали эту парочку? — Голубева горестно посмотрела на Сергея, как бы говоря: «Эх, что тебе сказать? Ты у нас человек новый и не знаешь, как мне тяжело». — Вы думаете, эти девчата — первые? Вчера тоже были такие ж крикливые делегатки из третьей бригады... И откуда они узнали про ту пшеницу?

— А что это за пшеница? — допытывался Сергей.

— Сергей Тимофеевич, зараз я тебе вкратце поясню,— отозвался Кривцов. — Дело было так. В Краснодаре на опытной семеноводческой станции я по знакомству раздобыл семян засухоустойчивой пшеницы... Да. Так вот эти семена мы и передали Прасковье Николаевне, и весной она засеет шестьдесят гектаров... Ну, а другие звенья узнали об этом и взбунтовались...

— А вы дайте возможность посеять «гибрид-кубанку» и другим звеньям, — сказал Сергей, — вот они и не будут бунтовать.

— Не можем, — решительно заявил Кривцов. — И семян маловато, да и не получится у них такой урожай, как у Прасковьи Николаевны. — Кривцов обратился к Петру и Андриану: — А вы чего стоите? Седлайте коней да созывайте народ — проведем вечер встречи с кандидатом...

На дворе вечерело. Петр и Андриан вышли из хаты, на ходу совещаясь, как бы им побыстрее созвать колхозников. Между тем Прасковья Николаевна зажгла лампу и стала собирать на стол ужин. Кривцов умывался в соседней комнате, а Сергей сидел у окна и задумчиво смотрел на темное небо, — сумерки уже укрыли и тополя, и двор, и сарайчик с острой крышей.

«Значит, по осени Кривцов может смело ехать в край с отчетом, — думал он. — Отдушина будет... Как это он говорил — надежный козырь в руках... Забавно. Сделали на весь район одну рекордистку и радуются. Голубевой — все внимание, а другим — ничего... Надо поговорить с Кривцовым».

Он думал это сделать за ужином, но не решился начать разговор в присутствии Голубевой.

«При ней этого нельзя говорить, — думал он. — Женщина хоть и простая, но избалованная, и она не поймет».

Он не смотрел ни на Кривцова, ни на Голубеву, ел молча, а после ужина сказал, что на агитпункте, наверное, уже собрались колхозники, и стал одеваться.

В Доме агротехники, куда вошли Сергей и Кривцов, любезно провожаемые Голубевой, имелись просторная зала и четыре небольшие комнаты. В одной из этих комнат временно помещалась избирательная библиотека и газеты. Рядом с книгами и комплектами «Правды» и «Известий» Сергей увидел ящики с черноземом — в них кустилась яровая пшеница. Голубева погладила рукой густую щетку игольчатых ростков и гордо посмотрела на Сергея.

— Вот она, та самая «гибрид-кубанка», что никому жить спокойно не дает... Видите, какая у нее сила к росту. — Голубева обратилась к Кривцову: — Андрей Федорович, в будущем году мы еще не такие рекорды установим!

— Правильно! Действуй, действуй, Прасковья Николаевна, — одобрительно отозвался Кривцов.

Зала хотя и считалась агитпунктом и была предназначена для собраний, но внешним своим видом напоминала аудиторию агрономического техникума. На стенах, рядом с избирательными лозунгами и плакатами, висели всевозможные экспонаты с надписями. Тут были и связки до половины оголенных кочанов кукурузы, и огромные головы кормовой свеклы, и снопики колосьев пшеницы, ячменя, овса, и серебристо-красные связки проса, и сухие шляпы подсолнуха, и клубни картошки — словом, все, что вырастило звено Голубевой. В просвете окон Сергей увидел свой портрет и невольно улыбнулся: под портретом, на высокой тумбочке, лежала белая, с розовыми полосками тыква величиной с добрую цыбарку.

Желающих послушать и посмотреть будущего депутата оказалось так много, что далеко не всем посчастливилось попасть в помещение. Народ толпился и у окон и на крыльце. Многие женщины пришли с детьми, и им отвели передние места. Все скамьи были заполнены доотказа. Те, кому негде было сесть, стояли в проходе, кое-кто из мужчин, пробравшись к столу президиума, присел на корточках вдоль стены, кое-кто забрался на подоконники. У входа, на длинной лежанке, сидели в ряд, как цветы, девушки, тайком поглядывая на Сергея Тутаринова озорно блестящими глазами, и по взгляду их можно было догадаться, что они еще точно не знали, нравится или не нравится им кандидат в депутаты.

Пока Кривцов открывал собрание и знакомил людей с кандидатом в депутаты, Сергей тем временем рассматривал колхозников. Тут были и молодые парни, и пожилые, степенные мужчины, и бородачи, и старушки, и цветущие, красивые девушки, — все они смотрели на Сергея таким сосредоточенным вниманием, точно желая этим испытать, чиста ли у него совесть, не отвернется ли он, не опустит ли глаза... Сергей смотрел спокойно, и взгляд его невольно обратился к девушкам, сидевшим на лежанке. Они это заметили, смутились, покраснели и отвернулись. Потом снова как-то боязливо посмотрели в его сторону, и взгляд их как бы говорил: «Ничего мы еще не придумали: ты и нравишься нам, и не нравишься».

Рядом с ними стояли Шура Богданова и Маруся Новикова, в одинаковых серых шалях. Лица у них были важные, Шура держала в руке кнут, и обе девушки тоже посматривали на Сергея и о чем-то тихо переговаривались.

«Не уехали, — подумал Сергей. — Молодцы! Значит, не желают уступать...»

В это время Кривцов закончил вступительное слово и попросил Сергея рассказать свою биографию. Прошумели аплодисменты, — охотно хлопали в ладоши Шура и Маруся и девушки, сидевшие на лежанке...

Сергей встал и, волнуясь, некоторое время стоял молча. Как мы уже знаем, Сергей не любил и не умел говорить о себе, но на этот раз к нему вдруг неведомо откуда пришло и желание, и красноречие. Он начал с воспоминаний о детстве, об отце и матери, о сестрах и братьях, с любовью отозвался об Усть-Невинской и о тех закубанских островках, куда доводилось ему еще подростком водить в ночное колхозных лошадей. Сказав несколько похвальных слов о станичной школе, в которой учился, поблагодарив учителей, Сергей перешел к годам военным и нарисовал такую правдивую картину боев и походов, что старушка с шишкатым носом и две женщины с детьми на руках, сидевшие на первой лавке против Сергея, прослезились и тихо вздохнули. Сергей говорил о войне подробно, но не столько о себе, сколько о своей дивизии, о генерале, о своем танковом экипаже. Увидев на стене старенькую, оставшуюся от военного времени карту, расписанную флажками и стрелками, Сергей подошел к ней и показал расстояние, которое прошла Кантемировская танковая дивизия... Старушка с шишкатым носом и ее сосед — угрюмый, с белой бородой казак — одо-

брительно кивнули головами, а Сергей уже снова вернулся к своей станице и подробно, как только мог, рассказал о пятилетке Усть-Невинской, о начатом строительстве электростанции и о планах электрификации района.

— Тимофеевич, — сказал старик с белой бородой, — батька твоего я дюже знаю — служить довелось в одном полку... Да и о твоем геройстве слыхал, а зараз довелось и с тобой свидеться... И мы все так думаем: голосовать за тебя есть нам прямая выгода. По всему видно, парняга ты дельный, добре служил на войне и нам послужишь с пользой... А только хотел я спросить тебя еще насчет такой биографии: як там у вас в районе с урожаем?

— Игнат Савельич, такой вопрос к биографии не относится, — возразил Кривцов. — Вы говорите по существу.

— А я тебе говорю, что относится, — стоял на своем старик.

— С урожаем у нас, дедушка, плохо, — чистосердечно признался Сергей.

— А отчего же так? Или засуха? Или, может, перевелись добрые хлеборобы? — с усмешкой спросил старик.

— И добрые хлеборобы не перевелись и не в засухе дело, а мне думается, что во всем мы виноваты сами. Есть же у нас — да и у вас, — Сергей посмотрел на Голубеву,— есть же такие звенья и даже колхозы, где каждый год урожай выходит вышесредний, а то и рекордный. Но таких передовиков — единицы, вот в чем беда! А почему их не тысячи? Мы в этом виноваты... Вот я скажу, как было на фронте: там героизм был явлением массовым. А почему же у нас каждое звено не может стать высокоурожайным?

Шура Богданова и Маруся Новикова улыбались:

— Правильно!

— Поддерживаем!

— И мы про то же говорили!

— Почему нам не дают сортовую пшеницу?

Кривцов встал и постучал карандашом.

— Порядок, порядок, товарищи! — Кривцов обратился к старику: — Игнат Савельич, будете говорить?

— Скажу, — проговорил Игнат Савельич. — Тимофеевич, вот ты говорил, что есть у нас рекорды. А я так понимаю: рекорды — штуковина хорошая, а только на одних рекордах далеко не ускачешь и одинолично урожай не подымешь. Мы же не навыпередки играем? То там, навыпередках, знай подшпаривай, поглядывай на соседа да и

радуйся, ежели он отстает. А в колхозном деле такой манер не годится, тут следует друг дружке подсоблять, чтобы земля сплошь давала рекорды... Правильно я понимаю? — Игнат Савельич посмотрел Сергею в глаза и, уловив в них сочувствие, продолжал: — А то что ж такое у нас получается? Одно звено в рекордах ходит, а другое — в слезах. С одним звеном цацкаемся, как с малым дитем, а другое глядит на него и тоскует. У одного звена урожай, а у десяти — солома... Какая-то чертовщина получается!— Старик разгневался, подошел к столу. — А почему? Неправильно район действует! Как у нас получается? Одного человека заприметят и уж от него не отходят, все для него, а про остальных прочих забывают. — Старик обратился к Голубевой: — Прасковья, ты у нас в почете, все мы тебя уважаем за старание, а только ты на меня не прогневайся, ежели я и тебя коснусь ради такого случая... стерпи мою самокритику. — Он снова обратился к собранию: — Почему у нас завелся такой порядок, что у всех на виду одна Прасковья? Слов нет, женщина она достойная почету, а нельзя же и про других забывать. — Старик усмехнулся в бороду. — Все начальство только и видит нашу Прасковью. Первый секретарь райкома приедет — к Прасковье, ее он одну знает, об ней печалится. Второй секретарь прибудет — тоже сперва пожалует к Прасковье. Ты, Андрей Федорович, прискачешь — опять же норовишь к Прасковье, а в другие звенья ты и дорогу не знаешь. Председатель колхоза появится на тачанке — и сразу: «А как тут идут дела у Прасковьи Николаевны?» Чуть какая у нее неуправка — бригадир скликает людей, давай и авралувать, и буксировать! Ты, Андриан, не косись, не косись на меня, бо ты дюже великий мастер до буксиров... Вчера всей бригадой снег задерживали. А кому? Опять голубевскому звену. Знать, выходит так: влага нужна только полям Голубевой, а соседние участки пусть себе живут, как знают. Не годится, граждане, такое дело... Или взять этот дом, — старик развел руками, показывая на стены, увешанные плодами, — мы его строили всем колхозом, сколько тут людского труда вложено! А кому достался? Одной Прасковье. Она тут разные свои достижения показывает, научность проводит: вот и тыквы, и колосья, а в той комнатушке и зеленя прорастают. Другие женщины тоже смогли бы и семена прорастить, и свои достижения показать, а негде. А у нас в колхозе шестнадцать звеньев, а в этот дом они невхожи...

А по-моему, как я понимаю дело, ты, Прасковья, взяла бы все эти звенья, да потащила бы к высокому урожаю. Правильно я говорю? Привела бы их в этот дом — и давай учить, как надо хлеб выращивать... Нет же, наша Прасковья Николаевна сторонится людей, гордость возымела, а бабы через это и злятся... Да и кому охота пасти задних?

— Мы в ее помощи не нуждаемся! — крикнула Шура Богданова. — Пусть она даст нам «гибрид-кубанку», а мы и без помощи обойдемся.

— Вот видите, какая крикуха! — Старик развел руками. — Гибрид, гибрид — ишь, как бунтует! — Игнат Савельевич обратился к Сергею: — Это Александра, моя внучка. Бедовая девчушка, тут ее все знают... Приехала она в Грушку на волах и завернула до меня во двор. «Зачем явилась с худобой?» — спрашиваю. «За пшеницей». А что ж это за пшеница? Какой-то гибрид, я его и в жизни не видал. Почему ж ей не дать тот гибрид, — пусть она посоперничает с Прасковьей.

Слушая Игната Савельевича, Сергей написал записку Кривцову: «Андрей Федорович, мне думается, что придется поделить «кубанку». И об этом надо сказать тут же, на собрании». Кривцов горестным взглядом посмотрел на Сергея, отрицательно покачал головой и написал на той же записке: «Не могу. Все мои расчеты ломаются». Сергей читал и думал:

«Упрямится, а совершенно напрасно... Ну, если ты не можешь, так я сам об этом скажу...»

Когда кончил говорить Игнат Савельевич, протискиваясь между людьми, к столу подошла Шура Богданова. Ей было жарко. Теплая шаль сползла на плечи, волосы растрепались, она подбирала их рукой, чтобы не лезли в глаза. Она смущенно улыбалась, курносое ее лицо раскраснелось.

— Дедусь, — сказала она звонким голосом и легонько взмахнула кнутом, — вы за меня не заступайтесь, я и сама за себя заступлюсь... Мы с Маней так порешили: не уедем из Грушки, пока не получим «гибрид-кубанку». — Она подошла к Сергею, ласково, чисто по-девичьи улыбнулась ему. — Я хочу к вам обратиться. Скоро мы за вас будем голосовать, а скажите: правильно поступают в нашем колхозе, когда нашему звену не дают семенную пшеницу?

— Нет, неправильно, — сказал Сергей.

В зале наступила тишина.

— Так почему ж нам не дают «гибрид-кубанку»? — спросила Шура. — Разве мы хуже Прасковьи?

— Дадут, — уверенно заявил Сергей и встал. — Мы с Андреем Федоровичем слушали Игната Савельича и перекинулись словами. — Сергей посмотрел на злое, побагровевшее лицо Кривцова. — Перебросились словами, и Андрей Федорович согласился дать вам «гибрид-кубанку»... Но только смотри, Шура: опередить Голубеву не так-то просто...

Кривцов молчал и только сокрушенно покачал головой.

— Вы, девки, только на языке широкие, — разгневанно сказала Голубева, — трудно вам будет за мной угнаться...

— Не очень гордитесь, Прасковья Николаевна, — возразила Шура. — Мы тоже люди гордые и в обиду себя не дадим.

По залу покатился одобрительный шум.

— Андрей Федорович, — обратилась Шура к Кривцову, — нам хоть немного, гектаров на десять...

— Ладно, ладно, — сказал Кривцов, не подымая головы. — Куда ж от вас денешься.

Шура, обрадованная, ушла к своей подруге.

Собрание, приняв чисто производственный характер, затянулось допоздна. Было уже далеко заполночь, когда люди расходились по домам. Шура и Маруся, довольные и счастливые, благодарили Кривцова и Сергея, просили весной приехать к ним в поле.

— Благодарите одного Сергея Тимофеевича, — сухо проговорил Кривцов. — Ваше счастье, что такой случай, а то не видать бы вам «гибрид-кубанки».

Кривцов и Сергей ночевали у Голубевой. Кривцов был мрачен. Он не обмолвился с Сергеем ни одним словом, сказал только, что у него болит голова, и лег спать... Утром, когда они позавтракали и выехали со двора, Кривцов увидел рослых быков, тянувших воз, груженный мешками. На возу чинно сидели Шура и Маруся. Кривцов тяжело вздохнул и сказал:

— Сергей Тимофеевич, неправильно ты поступил вчера на собрании... Обидел ты и меня, и нашу «царицу полей»...

— А знаешь, что я думаю о Голубевой? — сказал Сергей. — Женщина она трудолюбивая, простая, и зря вы ее так балуете... Ведь это же губит в ней все хорошее... Да

и нельзя усилиями всего района выращивать рекордисток. Слышал, что говорил старик? И он прав.

— Ты разговариваешь так, точно мы едем с тобой по твоему району, — с нескрываемой обидой в голосе сказал Кривцов.

— А я не вижу разницы, мой район или твой.

— Но все-таки хозяин здесь я, а не ты. У тебя порядки одни, а у меня другие... Мы на Голубеву возлагаем...

— Порядки у нас везде должны быть одинаковые. И я уже знаю, что ты возлагаешь на Голубеву... Хочешь иметь надежный козырь? — Сергей улыбнулся. — А ты сделай так, чтобы осенью у тебя был не один козырь в руках, а сотни!

Кривцов насупил брови и ничего не сказал. Сергей протянул ему коробку папирос. Они курили и ехали молча. Машина минула последнюю хату и выскочила в поле.

ГЛАВА XXIII

Давно наступила ночь, а до Низков — небольшого степного хуторка — езды оставалось еще более часу. В степи гуляла метель, дорога, освещенная фарами, курилась и вздымалась поперечными рубцами. След постепенно терялся, колеса вязли в сугробе, с визгом вращались на месте, — гремели комочки льда о крылья, и зад машины точно кто-то сильными руками заносил то в одну, то в другую сторону. Сергей кутал лицо в бурку и в маленькое отверстие посматривал одним глазом на дымившуюся поземку. Ванюша поддал газу, и «виллис», прорезав сугроб, выскочил на совершенно голый пригорок. Ветер здесь свирепел еще сильнее, с яростью кружил снежную пыль, унося ее в темную ложбину, как в пропасть.

— Держи влево, — посоветовал шоферу Кривцов. — Нам бы проскочить этот яр.

Машина свернула влево, свет метнулся в глубокую низменность, заваленную мягкими дымящимися сугробами. Проехали еще немного, и радиатор зарылся в белую стену; стало темно, точно фары кто укрыл шалью.

— Что-то я дорогу не вижу, — смущенно проговорил Ванюша, приглушив мотор.

— Погоди, сделаем разведку, — сказал Кривцов, вылезая из машины. — Не могу разобрать, где мы находимся.

За ним молча, не снимая бурки, вышел и Сергей. Ванюша задним ходом снова выполз на расчищенную от снега площадку. Внизу, в глубокой ложбине, горой лежали завалы снега.

— Эге-ге, — негромко проговорил Ванюша, — тут нам не проехать...

Подымая полы бурки и погружаясь в снег выше колен, Сергей взобрался на высокий карниз, но не мог удержаться на ногах от ветра и упал. Тут же стоял, сгибаясь, Кривцов. Сергей крикнул Ванюше, чтобы подъехал ближе и осветил низину. Когда свет раздвинул темноту, за курганом, совсем близко, показалась длинная, лежащая на снегу крыша, — вероятно, овечья кошара. Сергей потянул носом морозный воздух и уловил свежий запах кизячьего костра и разглядел над низкой трубой срезанную ветром тонкую сизую полоску дыма.

— Чую жилье и людей, — сказал Сергей. — А ну, пойдем к ним, они-то дорогу разыщут.

— Постой, постой, — обрадованно заговорил Кривцов. — Теперь я распознал местность: перед нами овцеводческая ферма колхоза имени Калинина... Но как же мы сюда попали?

Домик чабанов, стоявший вблизи кошары, был завален снегом. Кривцов и Сергей отворили тяжелую, обитую войлоком дверь и вместе с холодным ветром и паром вошли в дом. Чабаны сидели у костра; двое из них вскочили и схватили за ошейники рычавших собак, оттянув их в темный угол. Третий чабан — рослый, могучего телосложения мужчина с пышной бородой — подошел к Кривцову и внимательно посмотрел ему в засыпанное снегом лицо.

— Андрей Федорович! — обрадованно вскрикнул он.— Какими судьбами?

— Буран загнал.

Внутри чабанское жилье напоминало горскую саклю из двух комнат. В первой — прихожей или кунацкой — не было потолка, с крыши свисала труба, сплетенная из хвороста наподобие сапетки. Как раз под этой сапеткой горел костер, на треноге стоял казанок. Вторая комната служила чабанам спальней, — там были и окна, и стол, и обычная печка, и нары вдоль стен, устланные сеном и овчинами... Сергей и Кривцов подсели к огню.

— Скажи, Мефодий, — обратился Кривцов к старшему чабану, — как нам добраться в Низки?

— Це дело неможное. — Мефодий развел руками. — На Низки отсюда не проедешь. Ложбину еще с утра так засугробило, что там ни пройти, ни проехать. А в объезд, на Суркули, тоже нельзя — там мост разобран.

— Катайте на Вросколеску, — посоветовал мужчина, сидевший на корточках у костра. — На Вросколеску — самое верное дело...

— А! Ефим Петрович! — сказал Кривцов. — Ты чего здесь?

— Пришел к брату, в его имение, — с улыбкой ответил Ефим, искоса посмотрев на Мефодия. — Мы с ним редко видимся, а тут выпал важный случай — готовимся к выборам. Наш завагитпунктом вызвал меня и сказал: «Ты, Ефим, как агитатор, сходи к чабанам и почитай им положение о выборах и расскажи о Тутаринове... Вот я и явился. — Ефим взял из костра горевшую палочку, посмотрел на нее. — А вообще я чабанов недолюбливаю... Избалованный народ!

— Так ты советуешь ехать на Вросколескую? — спросил Кривцов. — Далеко же!

— Зато наверняка доедете.

— И такое ты, братуха, придумал! — обиделся Мефодий. — В такую вьюжную ночь — ехать на Вросколеску? А дороги? Их же повсюду замело... Мой совет, Андрей Федорович, — и вам, и вашему товарищу, не знаю, как его звать, — Мефодий посмотрел на Сергея, — совет мой вам — заночевать у чабанов. Спальня у нас теплая, под бока постелим овчину, укроем шубами, а сверху буркой.

Кривцов взглянул на Сергея.

— Ну, как? Останемся?

— Надо сказать Ванюше, пусть подъезжает, — проговорил Сергей, потирая руки у огня.

— Вася, Коля, — обратился Мефодий к молодым чабанам, державшим в углу собак, — привяжите волкодавов, а сами бегите на бугор. Там стоит машина — скажите шоферу, чтоб подъехал сюда.

Молодые чабаны, погремев возле собак цепью, вышли из дома, а Мефодий обратился к гостям:

— Подсаживайтесь ближе к костру. У нас — как у черкесов: в доме огонь горит. Без костра не можем. В казанке доспевает баранина. А какая молодая да жирная! — Мефодий добродушно засмеялся. — Кажись, ради такого случая у нас и по рюмочке найдется.

— Чабаны — народ богатый, — сказал Ефим, с любопытством посматривая на Сергея. — Чабаны завсегда при деньгах — как купцы, а только живут некультурно.

Мефодий, не отвечая брату, посмотрел в угол, где негромко рычали собаки.

— Ну, ну! — прикрикнул он. — Эх, и славные у нас волкодавы! Не собаки, скажу тебе, Андрей Федорович, а истинное зверье. Позавчера волка в шмотья разнесли... При себе мы держим только двоих, для личной охраны, а остальные там, в кошаре...

— Брось, братуха, — сказал Ефим. — У тебя иного и разговору нету, как только об этом зверье... Странный народ чабаны! Живут в степи, как кочевники, хвастают своими волкодавами и никакой техникой не интересуются.

— Ефим Петрович, а как там поживает твой «герман»? — спросил Кривцов.

— Действует во-всю!

— Я вам зараз поясню, — шопотом заговорил Мефодий, подсев к Сергею. — Мой братуха привез из Германии моторчик и дал ему кличку «герман». И была охота тащиться с таким грузом!

— Тяжесть невелика, а вещь в колхозе нужная, — ответил Ефим, взглянув на брата, как бы говоря: «Эх, голова! Ничего ты, окромя своих овец, не знаешь...»

— Ефим Петрович — человек хозяйственный, — одобрительно отозвался Кривцов. — Он знает, что ему нужно...

— И за границей себя хозяином держал? — спросил Сергей.

— Да это уже само собой, — с достоинством ответил Ефим, черкнув ладонью усы. — Но отчего ж было и не взять нужную вещь? Трофей! А тут еще у меня была и такая думка: кончилась война, хозяйство наше от немцев пострадало, а восстановить его необходимо в быстрые сроки. Так что тут всякий моторчик надобно к делу пристроить.

В это время вошли молодые чабаны и Ванюша.

— Ефим Петрович, — сказал Кривцов, — так ты пришел агитировать чабанов, чтобы они единодушно голосовали за Тутаринова? А в глаза видел этого Тутаринова?

— Не приходилось.

— А ты посмотри! — Кривцов кивнул на Сергея.

— Сергей Тимофеевич? — обрадованно спросил Ефим. — А я посматриваю — и что-то мне твое обличие будто знакомое... На портрете видел... Доброго здоровья!—

и Ефим крепко пожал Сергею руку. — Это получается так: нет худа без добра! Не случись на дворе пурги, ты проехал бы на Низки — так бы и не повидались, и агитировал бы я за тебя заочно.

— Пожалуй, верно, — согласился Сергей. — Ну, а что ж такое ты тут рассказывал обо мне?

— Все только хорошее. Хвалил! А как же! У меня есть твоя полная биография.

— А еще о чем рассказывал? — поинтересовался Сергей.

— Еще был кое-какой разговор, — неохотно ответил Ефим.

— Братуха, и чего ты умалчиваешь? — сказал Мефодий. — Скажи, что была у нас балачка насчет Черчеля. И еще про ту... как ее? Про Улсуриту, что ли... — Мефодий поперхнулся.

— Эх ты, чабан! — со смехом сказал Ефим. — Иностранное слово как следует выговорить не можешь!

— Да его сам дьявол не выговорит! — Мефодий тоже рассмеялся.

— Разговор, конечно, у нас был, но не специально про Черчилля, — сказал Ефим, обращаясь к Сергею.

— Слов нет, беседа у нас была интересная, — заговорил Мефодий, поправляя костер. — И все ж таки никак я не могу уяснить... Ну, допустим, Черчель или там еще кто из той шатии-братии — понятно. Мы издавна сидим у них бельмом в глазу, оттого им и мерещится война, — болезня, ничего не поделаешь! — Мефодий усмехнулся и погладил бороду. — Но вот я не могу разобрать, что оно такое — Улсурита? Человек это или же чорт?

— И не то, и не другое, — смеясь сказал Ефим. — Какой же ты, братуха, нерассудительный! Русским же языком говорил: в главном американском городе есть такая улица...

— Опять про улицу! — перебил Мефодий. — Что ж, на этой улице одни сумасшедшие живут?

— Да ты послушай, голова! — Ефим мельком посмотрел на Сергея, как бы говоря: «Вот и расскажи ему...» — Кто живет на той улице, я не знаю, а только называется она Уолл-стрит, и стоят на ней банки миллионщиков — они-то и мутят белый свет и не дают трудовому народу жить спокойно... Теперь понятно?

— А-а... Оно-то вроде и понятно. — Мефодий почесал затылок. — А за каким дьяволом, скажи, требуется мутить свет? Есть деньга, ну и живи себе, пока живется. Этот Уолл-стрит и на нашу страну зарится? — спросил Мефодий.

— Око видит, да зуб неймет! — Ефим рассмеялся. — Была у них такая думка, чтоб пустить свои щупальцы и в нашу землю, да и присосаться к ней...

— Ишь, вражина! — сказал Мефодий вставая. — Нет! К чертям собачьим! Мы у себя сами хозяева!

— Видал? — спросил Кривцов, обращаясь к Сергею.— Э! Братья Меркушевы знают, что такое жизнь.

К тому времени сварилась баранина, и пока Мефодий готовил стол, Кривцов в самых кратких словах рассказал Сергею, кто такие братья Меркушевы... Выросли они в батраках, хотя и дед и отец у них были казаками. Петр Меркушев умер в бедности, оставив малолетних детей и жену в полуразваленной хате. Вскоре умерла и мать, и Мефодий и Ефим рано начали ходить по найму. Женились они тоже на батрачках. Жили у богатых хозяев, кочуя из одной станицы в другую. Мефодий со своей женой и сыном-подростком обычно нанимались пасти отары овец, а Ефим то работал в кузне молотобойцем, то зубарем на молотилке, а то с женой поступал «на срок» — пахали, сеяли, косили траву и с весны до осени безвыездно находились в поле... Но в тридцатом году оборвалась батрацкая жизнь Меркушевых; в колхозе имени Калинина Мефодий был назначен чабаном, а Ефим — механиком молотильной машины. Шли годы, и братья Меркушевы постепенно обзавелись и хатами с подворьем, и коровами, и семьей. Перед войной Мефодий уже заведовал овцеводческой фермой, а его брат руководил полеводческой бригадой. Еще в те годы Ефим недолюбливал чабанов. «И что за народ, — говорил он, — никакой механизации и знать не хотят... Положат герлыги на плечи и разгуливают по степи, как на курорте...»

На фронт братья Меркушевы уходили в один день. На станции, поджидая эшелон, Ефим сказал: «Жаль, братуха, нарушилась наша жизнь, а то бы я силой заставил тебя ввести на твоей ферме электрическую стрижку овец... Ежели успешно завершим войну да вернемся живы-здоровы, то тогда уже непременно я это сделаю...»

Ефим Меркушев праздновал день Победы в Берлине, а когда вернулся домой, Мефодий уже попрежнему находился возле овец...

— Верно, Андрей Федорович, — сказал Ефим, — до войны была у меня думка электрифицировать чабанский труд, а теперь я раздумал.

— Почему?

— Чабаны могут подождать. — Ефим покручивал ус и о чем-то думал. — Сперва надобно урожай поднять... А как его поднять? Я уже знаю, как это сделать, и про все свои наметки написал в Совет по делам колхозов... Жду ответа.

— Ефим, ради бога не заводи балачку про свою механизацию, — сказал Мефодий. — Все уже слыхали!.. Зараз мы чин-чином повечеряем, а после — кто куда: кто спать, а кто твои прожекты слушать... Лично я задам крепкого храпака!

Ужинали за низеньким круглым столиком — тоже горский обычай. Сидели кто на крохотном стульчике, кто на овчине, кто на свернутой бурке. Мефодий вынимал из котла дымящуюся баранину. В углу блестели черные глаза, — волкодавы, чуя сладкий запах мяса, положили морды на вытянутые лапы и не отрывали взгляда от чабанов...

У Мефодия и в самом деле нашлась бутылка водки — как раз всем хватило по рюмке. Ели дружно, с аппетитом, и разговаривали о том, о сем, а больше о погоде, о покрове снега, о выпасах. Сергей ел хорошо проваренный кусок баранины и изредка посматривал на Ефима, который держал в руке ребро, подсаливал его и кусал острыми белыми зубами.

«О чем же он написал в Москву? — подумал Сергей. — Что там у него за проекты?»

Вскоре ужин кончился, молодые чабаны наведались в кошару и, вернувшись, ушли спать и увели с собой Ванюшу. У костра остались Сергей, Кривцов и братья Меркушевы.

Мефодий бросил в огонь сухие чурки кизяка, и костер стал разгораться. Дым толстым столбом валил в засмоленное отверстие и, не вмещаясь в нем, на землю не садился, а висел, как облако, под крышей. На дворе гуляла пурга, слышался посвист ветра, иногда в дымовую трубу сыпался мокрый, тающий на лету снег. Костер вспыхнул пламенем — в закопченной кунацкой сделалось светло и уютно.

— Ефим Петрович, о чем же ты писал в Москву? — спросил Сергей. — Может, и нам расскажешь?

Ефим не спеша свернул цыгарку, прикурил ее, держа в толстых, загрубелых пальцах уголек, и некоторое время молча смотрел на костер.

— Писал я о нашей жизни... Вернулся с фронта, пробыл дома вот уже более года, и все это время одна думка не дает мне покою: не так мы живем, как надо...

— Ого! Это ты, Ефим, далеко загнул! — отозвался Кривцов. — А как же ты еще хочешь жить?

— Как я хочу жить? А так, Андрей Федорович, я хочу жить, чтобы в калининском колхозе хлеба были горы, чтобы государство нами завсегда было довольно и чтобы никто не посмел нас ни в чем упрекнуть... А главное — облегчить труд колхозников, чтобы тяжесть легла на плечи машины... Да чтобы и ты по осени не мотался по району, как угорелый, не хватался за голову и не кричал: «Проваливаем уборку! Ах, чорт возьми, дожди льют, а у нас опять и там неуправка, и там не поспели!..» Вот как я хочу жить!

— Ты бригадир, от тебя и зависит, чтобы я не мотался по району, — с нескрываемой усмешкой сказал Кривцов.

— После войны дюже стал грамотный! — сказал Мефодий.

— Говоришь, от меня зависит? — продолжал Ефим. — Верно, за хлеб я в ответе в первую голову. Но я частенько примечаю: летом проезжаете по полю — и ты, и секретарь райкома, и все людей торопите, а в голове у вас, как я понимаю, тоже думка о темпах — чтобы и то и другое во-время скосить и убрать. И на небо поглядываете, куда там уходят тучи... Будто и дожди не очень беспокоят, и люди наши стараются, а неуправка мучает. Урожай теряем... А отчего? Все от трудодня!

— Ай, шутник же ты! — Кривцов покачал головой. — При чем же тут трудодень?

— Все ему не так, все выдумывает, — бурчал Мефодий.

— Вы оба председатели райисполкома, — продолжал Ефим, не слушая брата, — и оба помоложе меня, — так вот что я вам скажу... В калининском колхозе нахожусь уже семнадцать лет. Знать, пережито немало годов, есть об чем вспомнить и есть на что взглянуть... В ту пору, как я вступил в колхоз, ты, Андрей Федорович, наверно, был еще комсомольцем, где-нибудь учился — твою биографию я не знаю... А Сергею Тимофеевичу в тридцатом году, как

мне известно, было всего восемь лет — совсем еще малыш. Про то, как рождались колхозы, вы знаете больше по книгам, а я их своими руками вынянчивал... Я-то хорошо помню, как мы первую весну пахали сообща, как учетчик писал мне за пахоту колья. Я вспахал два гектара, а мой сосед Никита Слюсарев — меньше гектара, а колья нам поставили одинаковые. Чего вы смеетесь? Теперь это смешно, а тогда нам плакать приходилось. Так вот. В скором времени все увидели, что на тех кольях далеко не ускачешь, потому была это не то что уравниловка, а сам чорт знает, что было! Тогда стали учитывать так: вышел ты в поле, пробыл там до вечера — пишется тебе полный день, пробыл до обеда — получай половину дня. Тоже, сказать правду, статистика была незавидная! После этого придумали норму выработки — малость полегчало, стали платить и за труд, и за день, и вот родился на свет божий наш теперешний трудовой день. С ним дело пошло веселее.

— Ну, вот и прекрасно! — воскликнул Кривцов. — Чего ж тебе еще надо?

— А он и сам не знает, чего ему хочется, — сердито отозвался Мефодий. — Как пришел с войны...

— А ты, братуха, помолчи, — сказал Ефим. — Я знаю, чего мне еще нужно, не беспокойся! — Ефим посмотрел на Сергея, как бы ища у него сочувствия. — Я хочу, чтобы труд колхозников полегчал, а трудодень потяжелел... Вот чего я хочу.

— Что же для этого необходимо? — спросил Сергей.

— Спаровать трудодень с машиной! — улыбаясь, сказал Ефим и искоса посмотрел на Кривцова.

— И такое выдумал! — Мефодий даже горестно махнул рукой. — Да это только молодых бычков спаровывают!

— Ефим Петрович, — заговорил Кривцов, — я тебя понимаю так: ты хочешь, чтобы у нас было больше тракторов, комбайнов и разных машин? Мысль правильная. Все, дорогой мой, идет к тому, что еще год-два — и недостатка в машинах не будет.

— Не о тракторах я веду речь. — Ефим на минуту задумался. — Тракторы и комбайны — это, сказать, в нашем деле тяжелая артиллерия, и надежа на нее большая... А загляни в полеводческую бригаду. Какая там техника? Для наглядности возьмем меня и моего соседа Андрея Селезнева, — ты его знаешь. Земли у нас одинаковые, лежат они рядышком, сеем поровну, людей, тягла, бричек, разно-

го инвентаря тоже поровну, дажеть бригадиры бывшие фронтовики — ни дать, ни взять одинаковые бригады. — Ефим привстал на колени, выпрямился, взмахнул сильными руками, как бы собираясь взлететь, и начал рассказывать и о себе, и о Селезневе с таким жаром, с каким только поэты читают свои стихи. Лицо его, бледное при слабом свете костра, вдруг почернело, глаза с широкими, нависшими бровями то хмурились, то загорались блеском. — И вот прошло лето. Посмотрим на меня и на моего соседа... Я приспособил к делу моторчик...

— Сплатируешь своего «германа!» — сказал Мефодий и хрипло рассмеялся.

— Да, приспособил моторчик, и получилась у меня совсем другая песня. Всякий мотор, как известно, трудодней не просит, а работает за десятерых. Веялку к нему приставишь — тянет, триер подвезешь — берет и триер. Транспортировку зерна пристроил — и тут дело пошло! Да что там говорить! Нужно мне поспешить с уборкой подсолнуха, а дня мало — ставлю «германа» на загоне, включаю динамку, и на поле уже светло, как днем. Кукурузу нужно ночью срезать — освещаю и кукурузу. Да я этим моторчиком и подсолнух молотил. Все можно делать. Дожди пошли, а у меня уже все убрано. А что получилось у Селезнева — ты, Андрей Федорович, это хорошо знаешь: и людей уморил, и зерно потерял... А к осени такая картина: Селезнев трудодней наколотил много, а дела сделал мало... Вот оно при чем тут трудодень и техника!

— Да, ты, Ефим, прав, — задумчиво проговорил Кривцов. — Честь тебе и хвала!

— Хвала? — с усмешкой переспросил Ефим. — Хвала не велика... Этот моторчик меня только раздразнил... Вот если б электричество!.. В Усть-Невинской какое зачали дело — завидки берут. Опередить бы нам устьневинцев...

— Э, Ефим, ты, однако, смелый! — сказал Кривцов.

— Зато ты, Андрей Федорович, дюже робковатый. — Ефим усмехнулся, склонив голову и потрогал усы. — Ты смотришь на колхозы так: план сева выполнили — хорошо, хлебопоставки завершили — молодцы. А как мы живем, чем болеем, как бы людям труд облегчить, — сказать правду, ты этого побаиваешься.

— Критику я, конечно, уважаю, — сказал Кривцов, — но при чем тут хлебопоставки?

— А при том они, — Ефим подсел к огню, — при том, что без техники в самой бригаде трудно своевременно управиться с большими планами.

— И чего ты, Ефим, разошелся! — вмешался в разговор Мефодий. — Может, людям пора спать, а ты про технику...

— Техника в самой бригаде - дело нужное, — сказал Кривцов вставая. — К ней мы идем, но, к сожалению, не все делается быстро... Обидно, конечно, что соседи нас обгоняют, — Кривцов с грустной улыбкой посмотрел на Сергея, потом потянулся и зевнул. — Ну, Мефодий, веди меня в чабанскую опочивальню... Сергей Тимофеевич, ты как насчет сна?

— Еще посижу.

Мефодий и Кривцов ушли в соседнюю комнату. Ефим долго сидел молча. Крупное тело его сгорбилось. Он подсел поближе к костру и начал не спеша подкладывать кизяки. Костер загорался неохотно. В кунацкой стало холодно. За стенами бушевала метель, в трубу падал снег. Сергей, кутаясь в бурку, прилег и долго смотрел в отверстие трубы, точно прислушиваясь к завыванию ветра.

— Не знаю, какой мне будет из Москвы ответ, — негромко заговорил Ефим. — Ты думаешь, я писал только о себе? Нет, обо всей станице. Две тетрадки исписал, может быть, и не все правильно, но я сужу так: техника нужна всюду, и того, кто ей противится, нужно силой заставить. А таких еще много! За примером далеко не ходи — мой брат. Человек малограмотный, всю жизнь вручную стриг овец, зимой сидел вот у этого костра, а жизнью, как я вижу, доволен. А почему? Незнаком с машиной и не знает, что такое для человека техника... А если бы, скажем, все трудоемкие работы да механизировать, то сколько бы освободилось людских рук! Тогда бы и трудодень возрос в цене, и вся наша жизнь стала бы культурная. Я читал, как на больших заводах — там умная машина все сама делает. А разве в полеводческой бригаде этого нельзя достичь?.. И еще я писал насчет нашего домашнего житья. Сказать, живем еще по старинке. Тут нам тоже следует пример брать у рабочих, чтобы в хате у нас было чисто, ночью — электрический свет, захотел чаю — вскипятил чайник, пожелал искупаться — искупался в своей ванне. Да чтобы и в станице были и хорошая читальня, и клуб, и такое дело, как канализация, водопровод... Может, я

тут и лишнее написал, а только с техникой все это достичь можно...

За стенами гуляла пурга, свистел над крышей ветер, и в дымовое отверстие все чаще и чаще сыпался снег. Костер постепенно чернел, сжимался и потухал, а Ефим все не умолкал, — казалось, он говорил сам с собой.

Слушая Ефима и соглашаясь с ним, Сергей почему-то невольно вспоминал своих земляков — и тех, кого встречал на фронте, и тех, с кем познакомился после войны, и тех, кто давно покинул свой край и стал известен всей стране... Кубань, Кубань, — как же ты богата хорошими людьми! Везде, в какой уголок ни заглянешь, встретишь либо какого-нибудь добродушного дядьку, либо весельчака-песельника и танцора, либо сурового усача с надвинутой на брови кубанкой, либо дородную молодайку с насмешливыми серыми глазами, либо молодцеватого парня. С виду обычные люди, нет в них ничего такого, что отличало бы их, а поговоришь по душам — и сразу перед тобой открывается такой самобытный характер, в котором, кажется, сама природа не поскупилась и соединила решительно все: тут и государственный деятель, и пытливый ум, и глядящий в будущее мечтатель, и рачительный хозяин...

А Ефим Меркушев к тому же был еще и ярым поборником машин, страстно верующим в созидательную силу техники, а это особенно нравилось Сергею.

«Побольше бы нам таких бригадиров, — думал он, когда Ефим умолк и стал сворачивать цыгарку. — Надо бы ему помочь осуществить мечту... Но как?»

И Сергей долго думал, но так и не мог найти нужный ответ.

— Сергей Тимофеевич, — заговорил Ефим, — скоро мы изберем тебя своим депутатом, по людям вижу — проголосуем дружно... Поедешь в Москву на сессию... разузнай там — будет ли мне какой ответ?

— Хорошо, я сделаю, — сказал Сергей.

На пороге появился Мефодий в белых подштанниках и в накинутом на плечи тулупе.

— Ефим! Да кончай ты свою балачку! — сказал он. — Идите спать... Скоро и рассветать начнет.

— Да, пожалуй, будем спать, — сказал Сергей вставая. — Ефим Петрович, мне хочется, чтобы ты приехал к нам в район.

— А что я там буду делать?

— Погостишь, я тебя познакомлю с нашими бригадирами и с Стефаном Петровичем Рагулиным — есть у нас такой председатель колхоза.

— Рагулина я немного знаю, в газетах о нем читал — завидный старик. Вот к нему бы я поехал — на выучку по урожаю.

Утром Сергей и Кривцов позавтракали, поблагодарили чабанов за ночлег и сели в машину. Поехали они не в Низки, — туда не было дороги, — а в станицу Степную, лежавшую на шляху.

На восходе солнца ветер стих, день разгорался погожий, но морозный. По обочинам шоссе возвышались снежные заносы, с зубчатыми, наподобие пилы, верхушками.

— Сергей Тимофеевич, — заговорил Кривцов, когда машина мчалась по ровной, слегка заснеженной дороге, — видал, какие у нас имеются бригадиры? Он и в международной жизни разбирается, и чутье у него насчет наших текущих дел верное.

— Толковый человек. Мы еще долго беседовали.

— А я ушел, и ты знаешь почему?

— Спать захотел.

— Нет. — Кривцов горестно улыбнулся. — Я еще долго не спал и все думал... Ты для него гость, можешь слушать и молчать. А мое положение? Я молчать не могу. Ефим меня критикует, и он, конечно, прав, но что я могу ему ответить? Я и сам хорошо понимаю, что время у нас такое, что одних тракторов да комбайнов мало. Нужно механизировать ручной труд, и этот паршивый немецкий моторчик не поможет. Тут потребуется не десять лошадиных сил... Все я отлично понимаю, но помочь бессилен.

— Нужно строить гидростанцию, — сказал Сергей, — по примеру устьневинцев.

— Думал я и об этом. И знаешь, какая мысль пришла мне в голову? Надо бы нашим районам породниться. Подключил бы ты нас к устьневинцам! А? Вместе бы строили...

— Не смогу.

— Да почему же не сможешь? Скоро ты будешь в этих местах представитель верховной власти и если захочешь, то сможешь.

— Нет, Андрей Федорович, и не проси, — сказал Сергей. — Не смогу, если бы даже и захотел... Мощность гидростанции не позволит.

— А мы ее увеличим.

— Нет, сперва мы попробуем, а потом уже и вы пойдете по нашему следу.

Кривцов тяжело вздохнул, сильнее натянул воротник шубы и молчал. А Сергей приподнял полу бурки и, прячась от ветра, стал закуривать. На снежной равнине показалась станица Степная.

ГЛАВА XXIV

В последних числах января ударили морозы с восточным ветром, закурилась поземка, и полетела мелкая, гонимая с гор снежная пыль. Снег засыпал ров, строителей, набивался и за воротник, и в рукава, и за голенища сапог. Самым же большим препятствием на пути землекопов были не пурга с морозом, а скала — она преграждала канал острым углом, похожим на нос корабля. Отрубить этот нос, да тем более ручным способом, было нелегко.

«Подложить бы под нее динамиту, — думал Семен, — да и рвануть...»

Но у устьневинцев не было ни минеров, ни взрывчатки. Приходилось клевать ноздреватый известняк кирками и ломами. Со всех бригад были отобраны опытные каменоломы. Белые, заметенные снегом, они облепили скалу; звенела сталь, слышались тяжелые удары; камень, казалось, стонал, но не сдавался. Семен стоял внизу, руки его мерзли, сжимались в кулаки и просили лом или кирку — хотелось согреться, — а тем, кто вгрызался в скалу, было жарко, лица их, пожженные морозом, были мокры.

Ниже всех, почти на отвесном выступе, стоял Иван Атаманов в синем, небрежно замотанном на голове башлыке. Рослая его фигура в шинели с подоткнутыми за пояс полами напряженно сгибалась, — он часто и низко кланялся и с таким ожесточением рубил киркой, что от камня вместе со щебенкой летели искры.

— Эй, Иван! А ну, дай-ка и я погреюсь! — крикнул Семен, взбираясь на выступ.

Атаманов искоса посмотрел на Семена, его лицо, помеченное шрамом, расплылось в улыбке.

— Трудно ее, чертяку, оседлать, — сказал Атаманов и быстрым движением руки смахнул с лица пот. — Хочешь погреться? У меня есть ломок. Вот этот. Небольшой, а ухватистый... Только ты сперва угости меня папиросой.

Атаманов сел на корточки, закурил и облегченно вздохнул.

— Семен, когда же к нам Сергей явится?

— Ждем со дня на день, — ответил Семен, рассматривая короткий, но увесистый ломок.

— Не пойму, что это за порядки, — продолжал Атаманов. — Наш кандидат, можно сказать, свой, доморощенный, а к нам в станицу не заявляется.

— Соскучился?

— Да не в том дело. Должна же быть встреча. Мы его первые выдвинули, да к тому же есть к нему личный разговор. Еще осенью наш колхоз заключил договор с артелью «Красный черепичник». Должны мы были получить у той артели пять тысяч черепицы для кровли конюшни. Деньги перевели через банк, а позавчера Стефан Петрович направил туда обоз саней, а он и вернулся ни с чем, только быков зря прогоняли. Артель не дает нам продукцию; ждите, говорят, до весны. Как же тут нормально вести строительство?.. Вот я и хочу Сергею пожаловаться.

— Нам бы успеть до приезда Сергея разделаться с этим утесом.

Семен поплевал на ладони и с силой вонзил лом в узкую расщелину. Сталь звякнула и заклинилась. Семен налег на конец лома, но отломить камень не мог. Атаманов курил и смеялся. Затем он встал, бросил недокуренную папиросу и ударил киркой чуть дальше лома. Кусок камня пудов на пять глухо загремел вниз.

Не успел Семен как следует погреться, как к скале прискакал на коне мальчуган-вестовой: Семена вызывал вернувшийся из Ставрополя Родионов.

Ветер сдувал снег с гор, кружил, бросал его в низину. Пурга разгулялась и белым полотном затянула все небо, степь, Верблюд-гору, Усть-Невинскую. Только виднелись приземистые строения временных хуторов вблизи берега, да и то рисовались они в этой молочной мгле слабо, точно с обратной стороны матового стекла. Семен направился не мимо строений, — там лежали сугробы, — а по чистой, подметенной ветром бровке канала. В этом месте работы были завершены еще третьего дня, и землекопы передвинулись ближе к скале. Глубокий ров начинался у самого берега, где лежал перекат, и отсюда русло реки, круто повернув вправо, уходило все ниже и ниже, а канал, как казалось Семену, постепенно восходил все выше и выше.

«Вот чудо! — думал Семен. — Как же по нему потечет вода?»

Эти мысли часто тревожили Семена, и однажды он поделился своими опасениями с инженером.

— На глаз же видно, — говорил Семен, — что Кубань уходит вниз, а канал подымается в гору, — как же по нему пойдет вода?

— На глаз такие вещи мерять нельзя, — сказал инженер и вынул из ящика стола лист плотной бумаги. — Вот точные расчеты. Они показывают, что русло нашей новой реки все время идет под небольшой уклон.

Семен краснел, смотрел на линии чертежей и утвердительно кивал головой... Тогда он верил. Но вот перед ним снова лежал не чертеж, а канал, и опять ему казалось, что инженер неправ... Семен так задумался, что не заметил, как подошел к землянке.

Родионов и с ним какой-то сержант, еще молодой, с широким и приятным лицом парень, сидели возле железной печки и грели руки. Семен поздоровался и тоже присел к огню.

— Ну, Семен Афанасьевич, — весело заговорил Родионов, — как там идут дела?

— Помаленьку роем... А как тебе ездилось?

— Плохо.

— Отчего ж так?

— Чертовски холодно, — сказал Родионов.

Семен еще раз посмотрел на сержанта, и ему показалось, что лицом он схож с Родионовым.

«Наверное, его младший братишка, — подумал Семен. — Очевидно, в отпуск приехал...»

— Ну, а как дела обстоят со скалой? — спросил Родионов.

— Клюем, но она, чертяка, не сдается... А тут еще дюже метель одолевает.

— Ну, ничего, сдастся, — уверенно заявил Родионов вставая. — Я вот привез зубастого солдата — ему не такие скалы подчинялись.

— Минер? — обрадованно спросил Семен, обращаясь к сержанту.

— Подрывник, — сухо ответил сержант.

— И взрывчатку привез? — допытывался Семен.

— А мы без этого не ездим, — с достоинством ответил сержант. — Да к тому же есть приказ — отбыть в вашу станицу...

— Вот это замечательно! — воскликнул Семен. — Иван Герасимович, где ты раздобыл такого нужного нам человека?

— Свет не без добрых людей, — сказал Родионов, добродушно улыбаясь. — Знакомый майор выручил... Только ты, Семен, потом будешь радоваться, а сейчас отведи сержанта в станицу и определи его до хлебосольной хозяйки. Пусть он покушает, отдохнет, а завтра возьмемся за скалу.

— Накормить мы сможем! — Семен ласково посмотрел на сержанта. — Пойдем, дорогой товарищ, прямо к моей теще. Лучше ее никто не накормит.

На другой день вечером, когда только что начинало смеркаться, над завьюженной Усть-Невинской прокатилась гроза — четыре огромной силы взрыва потрясли воздух. В окнах ближних от реки домов зазвенели стекла. Протяжный грохот подхватил ветер и унес по реке далеко в горы, и снова стало тихо...

Часа через два Семен и Анфиса вернулись домой. Тимофей Ильич встретил зятя приветливой улыбкой.

— Воюете? — шутливо спросил он. — Садануло, как из мортиры!

— Еще как, батя, воюем! — весело ответил Семен. (Он называл тестя «батей» по казачьему обычаю, и это нравилось Тимофею Ильичу.) — Верите, батя, — как ножом срезало. Гость наш здорово подсобил.

— И скажи на милость, какой молодцеватый тот сержантик! — отозвалась Ниловна. — А за столом был такой несмелый да стеснительный.

— Ой, мамочко, родная! — заговорила Анфиса, прижимаясь к матери. — Если б вы только знали, какое это было чудо! Нас всех отогнали далеко за курган, но нам все было видно. Сперва блеснул такой сильный огонь, как все одно молния, а потом разом земля задрожала. И еще огонь, а потом взрыв, еще огонь, и сразу взрыв... Красиво!

— Вот глупая, — смеясь, сказала Ниловна. — У меня от этой твоей красоты вся душа похолодела... А где ж тот взрывщик?

— Уехал к поезду, — сказал Семен. — Его в полку ждут.

— Ну, давайте вечерять, — объявил Тимофей Ильич.— Что-то долго нету наших квартирантов.

— У них собрание. Из Родниковской вернулся Андриянов — свои дела решают.

За ужином Тимофей Ильич вспомнил о сыне.

— Семен, а ты случаем не слыхал, где там запропал наш кандидат? — как бы между прочим спросил Тимофей Ильич.

— По округу ездит.

— По округу? — переспросил старик, поглядывая на Ниловну. — А до батька с матерью и не думает приехать? Да и со своими станичниками как-никак надобно повидаться.

С тех пор как на станичном собрании Сергей был назван кандидатом в депутаты, Тимофею Ильичу не терпелось поговорить с сыном о таком значительном событии — хотелось и ему сказать свое отцовское напутствие. Но прошло уже более трех недель, а Сергей не приезжал не только в дом к отцу, но и в станицу, и это злило старика.

— Все он не по-моему делает, — с обидой заговорил Тимофей Ильич. — Перво-наперво ему нужно было явиться не в какую там другую станицу, а в Усть-Невинскую, да собрать народ и поклониться ему... А как же так? Тут он родился, тут живут его родители, сверстники... Или, может, он думает, что его в Усть-Невинской и так изберут?

— И чего ты, старый, бурчишь? — отозвалась Ниловна. — Вестимо, изберут. А почему ж его не избрать? Первые мы с тобой, как родители, пойдем голосовать и всем пример покажем... Мы и за ширмочку не будем хорониться. Наш же сын, и утаиваться тут нам нечего.

— Ишь, какая ты грамотная! — с усмешкой заговорил Тимофей Ильич. — Надо сказать Еременку, чтобы он тебя в агитаторы включил... А ты лучше скажи мне, отчего твой сын домой не заявляется? Нет того, чтобы приехать к родителям да побалакать по-семейному...

— Знать, некогда ему — вот он и не едет, — сказала Ниловна.

— Как так некогда! Своя машина, сел, да и прикатил.

Старики заспорили не на шутку. Ниловна, как всегда, встала на сторону сына и всячески защищала его, доказывала, что Сергей никак не мог приехать. Тимофей Ильич теперь злился и на сына, и на Ниловну. «Ежели он чтит отца и мать, то должен был навестить свою станицу».

— Ну, разошлись, — шепнула Анфиса, подойдя к Семену. — Пусть себе поспорят, а мы пойдем спать. Постель уже разобрана, ты иди, а я только помогу матери посуду помыть.

Семен не первый раз ложился в пружинистую кровать с высокими и прохладными подушками и с такой поразительно мягкой периной, что все тело погружалось в нее, как в вату, и всегда у него на сердце было тепло и спокойно. Он радовался всему: и тому, что так горячо любил Анфису, и тому, что породнился со своим фронтовым другом, и, наконец, тому, что помирился с Тимофеем Ильичом и был радушно принят в доме Тутариновых. Он считал себя самым счастливым человеком на свете. И всякий раз, когда он поджидал в постели жену, на ум ему приходила одна и та же мысль: вот он, бездомный сирота, нашел себе место в жизни, и полно у него и забот и радостей. И было самым радостным для него то, что он в этой новой жизни никак не мог отделить себя от Сергея. С первых дней знакомства он так привязался к Сергею, так полюбил, что считал его своим братом, и разлука с ним казалась ему немыслимой. И хотя теперь они виделись редко, а когда встречались, то говорили больше о серьезных делах, дружба их, так счастливо начатая на войне, не только не расстроилась, но укрепилась еще сильнее. Семен был благодарен своему другу и за то, что он привез его в Усть-Невинскую, и за то, что рассоветовал обзаводиться своим домом, и за то, что поставил руководить такой важной стройкой. Только как же быть с Анфисой? Она еще живет надеждами, что муж ее на канале работает временно, что к лету у них будет и свой дом, и молодой сад...

«В самом деле, зачем же мне свое гнездо, когда вокруг столько дела...»

Семен живо представил себе и профиль канала, и работающих людей, и движение подвод, и вороха свежей земли на снегу. Семен улыбнулся и подумал о том, что лишь одна его мечта непременно сбудется: скоро он увидит свою Анфису с ребенком на руках. Его радовало и то, что у Анфисы потемнело лицо и появились серые пятнышки на верхней губе и на подбородке, и то, что карие ее глаза как-то смешно округлились и сделались еще ласковее, и то, что вся она и пополнела, и похорошела.

Анфиса работала на канале и в паре с Варюшей Мальцевой таскала на носилках землю. Семен, часто проходя

мимо них, видел, как Анфиса, улыбаясь ему, быстрыми шагами шла следом за Варей, крепко держа поручни в сильных руках.

«Не тяжело ли ей? Может быть, перевести ее на более легкую работу — управлять быками или лошадьми?»

Об этом Семен подумал и теперь, когда Анфиса, шурша юбкой, разделась, подлезла под одеяло и прижалась к нему, желая согреться. Он взял ее за руки — ладони у нее были шершавые и твердые, точно припухшие, на изгибах пальцев затвердели мозоли.

— И какой же наш батя смешной! — сказала она шопотом. — Все бурчит, все поучает Сережку, будто братушка и сам не знает, что ему делать.

— Анфиса, — ласково сказал Семен, — ты на канале, наверно, устаешь? Носилки тяжелые, а тебе придется рожать...

— Ну, это еще когда будет! Я же сильная! — Анфиса прижалась к нему и наивно, по-детски рассмеялась. — Я об этом и не думаю.

— А о чем же ты думаешь?

— О весне, — сказала она все так же тихо. — Канал выроем, а по весне займемся своим домом.

— Анфиса, а что, если у нас не будет ни домика, ни садика?

— Ты опять свое! — обиделась Анфиса. — Почему ж ему не быть? Может, ты уж не хочешь строиться? Может, уезжать задумал?

— Уезжать я никуда не думаю, — серьезно сказал Семен. — Но зачем же нам свой дом, когда и без него нам будет хорошо... Сережа правду говорит — нечего нам прятаться в свою нору, а лучше всего поселиться возле электростанции.

— Не хочу я там жить, — глухо проговорила Анфиса. — Какая там жизнь, на отшибе?

— Но посуди сама, Анфиса, не могу же я ослушаться Сережу и бросить порученное мне дело...

— А ты Сережку здорово не слушайся. Ему ничего не нужно, а нам корову надо завести, птицу, огород.

Семен улыбнулся — такими наивными показались ему теперь желания жены.

— Будет у нас и корова, и птица, — сказал он, желая успокоить Анфису. — Еще и гусей разведем — жить-то будем возле реки.

Анфиса тяжело вздохнула и промолчала.

Она поднялась на заре, умылась, подоила корову и принесла Семену кружку парного молока.

— Эй, ты, начальник канала! — смеясь и стаскивая с Семена одеяло, звонко сказала она. — Вставай, пора на работу. Я и молоко тебе принесла.

Наскоро закусив, Семен и Анфиса вместе с родниковцами ушли на канал. А когда совсем рассвело и Тимофей Ильич, накинув полушубок, вышел дать корове корму, на пороге появилась Марфа Игнатьевна с кошолкой, в которой сидела белая «леггорнка».

— Здравствуй, свашенька, — приветливо сказала Ниловна. — Что-то ты давненько к нам не заглядываешь?

После неудачного сватовства Ниловна и Тимофей Ильич хотя и обиделись на своего сына и на Ирину, но с Марфой Игнатьевной породнились и стали называть ее свахой. «Дети наши пускай себе там, что хотят, то промеж себя и делают, бо родительской воли теперь над ними нету, — рассудительно говорил Тимофей Ильич, покидая птичник.— А мы — люди старые, знаем, как на свете надо жить, и коли мы выпили по чарке и посватались, то и будем считаться сватами...»

— Все, свашенька, управляюсь с птицей, — отвечала Марфа Игнатьевна, ставя под лавку кошолку, из которой тревожно выглядывала белая головка курицы с посиневшими от мороза серьгами. — Да и живу я далече от станицы, часто не находишься.

Вошел Тимофей Ильич, стряхивая на пороге прилипшие к полушубку сухие листья.

— Слава богу, сваха заявилась! — сказал он. — А мы частенько тебя вспоминаем.

— Курочку вам на обмен принесла, — проговорила Марфа Игнатьевна, ставя кошолку на лавку. — На вид красивая, а наседкой быть не желает.

— Ну, как там поживает наша невесточка? — спросила Ниловна. — Слыхала я, будто сын Грачихи приспособился ее обучать.

— Верно, раза два приходил, — Марфа Игнатьевна тяжело вздохнула. — Какие-то ей книжки читает — ничего я в том не разбираюсь.

— А она что ж? — спросила Ниловна. — Веселая собой?

— На вид будто и веселая, да только кто ж его знает, что у нее на сердце.

— Об Сереже вспоминает или молчит?

— Вижу, что-то от меня скрывает.

— Книжки — дело хорошее, — рассудительно заговорил Тимофей Ильич, — а только ты, сваха, присматривайся, чтобы за этими книжками чего другого не случилось.

— Я-то и сама побаиваюсь, — сказала Марфа Игнатьевна. — Один разок дажеть не стерпела, постояла у дверей и послушала.

— И что же он ей там наговаривал? — спросила Ниловна. — Не ласкал ее?

— Этого не было, а что он ей говорил — толком и не разобрала... Все какие-то слова непонятные.

— Так-таки ничего и не разобрала? — спросил Тимофей Ильич.

— Называл какиесь альперы или анперы — позабыла. А еще упоминал какую-то вольту и лошадиную силу.

— Скажи на милость: с девушкой — такой разговор! — удивилась Ниловна.

— Бог же его знает, что значат те выражения. — Марфа Игнатьевна виновато улыбнулась.

— Может, оно и есть то самое, — пояснила Ниловна, — он ей говорит «навдогад буряков, чтоб дали капусты?»

— И такую чертовщину придумала! — обиделся Тимофей Ильич. — По всему видать, была у них балачка про электричество... А лучше будет, ежели спросить у знающего человека. Марфа Игнатьевна, давай я запишу те слова, а вскорости приедет Сергей — он-то знает, в чем тут смысл.

— Чего ж мы так стоим? — спросила Ниловна своим ласковым голосом. — Снимайте, сваха, одежину да сидайте до нас завтракать.

Марфа Игнатьевна повеселела, стала развязывать шаль, а Ниловна уже хлопотала у стола.

ГЛАВА XXV

Если вам когда-либо доводилось смотреть, как работает художник, то вы, наверное, замечали: на сером холсте сперва появлялись лишь неясные контуры и тени, затем выступали очертания головы, плеч, рук. И пока художник не бросал кисть, портрет поминутно менялся, — тона светлели или темнели, взгляд казался неестественным или по-

ворот головы неправильным, плечо несколько поднятым или изгиб пальцев резким. Но вот художник, положив последний мазок, говорит: «Готово», — и с полотна на вас уже смотрит живой человек.

То же самое примерно можно сказать о Прохоре Ненашеве, с той лишь разницей, что художником здесь была сама жизнь, — за многие годы она, казалось, сделала все, что только могла, и сказала: «Ну, вот это и есть Прохор Ненашев, и тут уже ничего нельзя ни убавить, ни прибавить». И в самом деле! Родился и состарился Прохор в Усть-Невинской, и за полувековую жизнь так отчетливо выразились его внешность, черты лица и характер, что все в станице были совершенно уверены: да, таким Прохор уже останется до смерти.

Однако же в ту зиму с Прохором произошло нечто непонятное — его стали не узнавать даже и те из жителей станицы, кто был с ним в самых приятельских отношениях. Устьневинцев удивляла в нем странная перемена: будто по улице, направляясь на гидростанцию, идет все тот же Прохор, будто и та же неторопливая походка, и тот же взгляд маленьких серых глаз, и тот же хриповатый бас, а присмотришься поближе, прислушаешься повнимательнее и скажешь: «Эге! да это же совсем другой человек!» И что могло быть тому причиной — так никто и не мог понять. Было похоже на то, как если бы к давно забытому портрету вдруг снова подошел вдохновенный художник, увидел свои ошибки и начал писать все заново... Та же история случилась и с Прохором. Если раньше он носил старенький пиджачок, извечно подвязанный веревкой, если на его маленькой голове обычно лежала либо измятая кепка, часто с оторванным козырьком, либо гнездом сидела шапка с облезлой шерстью, а на ногах черевики так истоптаны и искривлены, что вызывали одну только жалость, — это был его обычный наряд, и к этому все привыкли. Теперь же Прохор сшил себе пальто из темносинего сукна на вате, заставил жену вынуть из сундука еще парубоцкую кубанку с таким красным верхом, что он горел, точно факел, купил на валенки галоши, а в довершение всего — повесил на шею шерстяной шарф. И еще устьневинцы привыкли видеть всегда заросшее серо-бурой щетиной лицо с усами, к которым, казалось, уже лет десять не прикасались ножницы. Теперь же Прохор щетину сбрил, отчего лицо его помолодело лет на десять. Правда, усы оставил, но

это были уже не прежние колючие и некрасивые усы, — возле них походила опытная рука и подрезала на гвардейский манер. А к таким молодцеватым усам появилась у Прохора не по годам бравая походка. Еще стали все чаще замечать Прохора идущим по улице с книгами. Проходил он обычно неторопливо, поглядывая по сторонам, и кого ни встречал, тому и показывал книги, при этом не без гордости заявлял:

— Вот это — видал! Научность! Ночью читаю, а днем всю эту технику с Виктором Игнатычем на практике вершу.

И если кто-либо заинтересуется (а таких уже было много) и спросит:

— Прохор Афанасьевич, а что это у тебя за книги?

— Как — что? — строго переспросит Прохор и нарочно помедлит с ответом. — Есть это разная научная литература. Погляди, какая тут программа! Это называется «Электрическая машина», — на свете, конечно, бывают разные электрические машины, но тут описаны всякие, какие только есть, так что курс сполна! А это учебник по трансформаторам и линиям электропередач.

— А что оно такое — трансформаторы? — робко поинтересуется собеседник.

— Эге-ге-ге! — протяжно скажет Прохор и гордо улыбнется. — Подробно рассказывать — песня дюже длинная, а вкратце могу ответить: сооружается такая будка, и туда идет ток высокого напряжения, а оттуда выходит низкого... Тебе и это непонятно? Тогда я поясню на примере денег: предположим, у тебя есть сто рублей, а тебе надобно истратить рубль, приходится сто рублей разменять, иначе ничего не получится. Вот в ту будку и поступают крупные ассигнации, допустим, сторублевки, а обратно выходит разменная монета... Вот оно в чем тут дело!

— Скажи, какая важная штуковина!

— А ты что ж думал?

— А куда же ты, Прохор Афанасьевич, путь держишь?

— На ученье!

— Так еще ж рано?

— Кому рано, а мне в самый раз. Меня же Виктор Игнатыч поджидает... Перед занятием мы всегда с ним советуемся, как и что. Без меня он ничего не решает!

Нетрудно догадаться, что тут Прохор уже сказал лишнее: Виктор, разумеется, его не ждал. Старику просто за-

хотелось еще засветло пройти по станице, чтобы повстречаться с людьми, а потом на часок заглянуть к Тимофею Ильичу — давно он собирался навестить стариков Тутариновых.

В этот день Тимофей Ильич не ждал гостей. Примостившись на низеньком стульчике возле окна, он чинил сапог. Ниловна сидела на лежанке, задумчиво поглядывая на окна, и думала о том, что куры, наверное, давно уже взобрались на насест, что пора бы доить корову, но не хочется покидать теплое местечко. А между тем начинало вечереть. Наступил тот час короткого зимнего дня, когда на дворе еще светло, а в углах хаты уже гнездятся мрачные сумерки. Видя согнутую спину мужа, Ниловна мысленно ругала Тимофея Ильича за то, что так долго не бросал работу.

«И чего сидит? Только глаза портит, — думала она. — Или дня нехватает?..»

Высказать же свое недовольство вслух побоялась. Потом вспомнила Сергея, и сердце у нее тревожно забилось.

«Домой не заявляется, — сокрушалась Ниловна. — Где-то он там, бедняжка, раскатывается? Небось, и голодный и холодный...»

В эту минуту ей так захотелось, чтобы открылась дверь и вошел Сергей, — тогда бы она не пошла, а побежала доить корову и напоила бы сына парным молоком.

Только она об этом подумала, дверь и в самом деле отворилась, но на пороге появился не Сергей, а Прохор.

— Здорово булы, хозяева! — сказал Прохор, снимая у порога галоши. — Сумерничаете?

— Поджидаем электричество, — с усмешкой ответил Тимофей Ильич, держа в зубах конец дратвы.

— Дело хорошее, — важно ответил Прохор. — Все поджидают.

Тимофей Ильич положил сапог на подоконник и вынул кисет.

— Хорошее, да дюже длинное, — сказал Тимофей Ильич. — Вот ты, Прохор, там монтерничаешь, а скажи мне по совести: когда ж мы дождемся свету?

— Теоретически могу ответить: все дело упирается в воду.

— Знать, за этим только и остановка?

— А как же? — Прохор протянул руку к кисету. — Эта машина не на каком там газе движется, а на воде...

Тимофей, да ты пришел бы и поглядел, какое мы там чудо сооружаем.

— Не ходил и не пойду.

— Отчего ж у тебя такое намерение?

— Чего ж мне туда ходить? Ни черта я в том не смыслю, да и не хочу думками себе голову заморачивать.

Прохор рассмеялся.

— Там же ничего нет такого заковыристого! Все просто. — Тут Прохор развел руками, ибо почувствовал, что выпал случай показать свою осведомленность в электричестве. — Я всю эту механику назубок изучил. Ты приходи завтра и ни к кому не обращайся, а прямо задавай мне разные вопросы. Я тебе по-простому и покажу и расскажу. А ты вот меня спроси: что такое есть свет?

— Свет да свет! — перебила Ниловна. — Вот я вам зараз подам свет.

Ниловна зажгла лампу, поставила ее на стол и пошла доить корову.

— Ну, ежели ты такой дюже стал грамотный, — заговорил Тимофей Ильич, — тогда объясни мне одну загадку.

— Какую?

— А вот послушай. — Тимофей Ильич достал из печурки кусочек бумаги, куда он записал сообщенные Марфой Игнатьевной слова, подошел к лампе, надел очки, прочитал и сказал: — Что означают такие слова: альпера, вольта и лошадиная сила? Вот оно какая у меня загадка!

— Так, так, — сказал Прохор, поглаживая усы и не зная, что же ответить. — Так ты, Тимофей, захотел знать эти слова? А на что они тебе понадобились?

— То дело мое. А ты поясняй!

— Или тоже изучаешь? — допытывался Прохор.

— Какое тебе дело? Хочу знать — и все! — стоял на своем Тимофей Ильич. — Может, у меня есть своя цель.

«Ишь ты, какой прыткий — тоже своя цель!»

Прохор задумался и долго мял усы, а Тимофей Ильич терпеливо ждал ответа.

«И где он выдрал такие слова? Сам сапоги чинит, а в голове — погляди на него, какие мысли... Знал бы — и не заходил».

Но надо было как-то выходить из затруднения.

— Поясняй, поясняй! — торопил Тимофей Ильич.

— Могу! — решительно заявил Прохор, снял кубанку и погладил ладонью вспотевшую лысину. — Ну, сказать —

лошадиная сила? Что ж тут непонятного? Всякая лошадь имеет силу — вот и весь ответ!

Прохор хитро усмехнулся, а Тимофей Ильич только покачал головой.

— Допустим, лошадь имеет силу, — согласился Тимофей Ильич. — А еще два слова?

— Те слова — то же самое, только на научной почве, — не моргнув глазом, ответил Прохор. — Все это — техника!

— Э-э-э! Прохор, Прохор, скажи, что ничего ты не смыслишь.

— Смыслить-то я смыслю, — оправдывался Прохор, — но тут, Тимофей Ильич, такая научность, что до тонкостев сразу не дойдешь. А вот ежели хочешь, то я тебе поясню, каким путем проникает в твою хату электричество.

— Это я и сам знаю. По столбам.

— Не-е-е! — значительно протянул Прохор. — По столбам-то — еще не главная вещь! Главная вещь, Тимофей Ильич, ежели хочешь знать, в том, чтобы иметь понятие... Для наглядности скажу: та турбина, какую мы на быках привезли, будет вырабатывать такую силу, что ежли, допустим, без ума с нею сбращаться, то она может всю станицу вмиг сжечь. Припоминаешь, как у нас в грозу сено горело? Мокрое, а пылает, как свечка.

— Так то ж от молнии.

— Ты послушай меня, а тогда уже и возражай. — Прохор подсел ближе к Тимофею Ильичу. — Ток именно и есть самая настоящая молния, только на небе она как-то сама по себе вырабатывается — этого я не знаю, а тут она от машины идет... А силу имеет могучую!

— Так почему ж та молния не делает человеку вреда?

— А потому, что это молния, сказать, ручная. Ученые люди приручили и таким путем ввели в обиход.

— Как же это понять? — насупив брови, спросил Тимофей Ильич. — Незримую вещь — приручить?

— Поясню. — Прохор погладил усы, задумался, как бы давая этим понять, что пояснить не так-то легко. — Предположим, что мы имеем реку, — для примеру возьмем нашу Кубань. Что она делает в разлив?

— Известно, — проговорил Тимофей Ульич, — бушует!

— А тебе, допустим, требуется полить огород, и ты направляешь ту реку на плантации. Что из этой затеи может получиться?

— Ну, и чудак же! То ж стихия!

— Постой, постой! Стихия — это верно, но можно ее перепрудить, в цемент заковать, а потом уже провести трубы или ручейки и на грядки, и на водопой, и дажеть тебе в хату — и уже нет стихии, а имеется человеку одна выгода... Так оно получается и с током. С помощью таких разных приспособлений эту громадную силу можно направить куда хошь — и в лампочку, и в мотор, и в плитку, чтобы на ней сало жарить, и в чайник, и дажеть в утюг, чтобы было бабам облегчение... Вот в чем главная вещь! — Прохор от удовольствия улыбнулся.

— И ничего я тебе не верю, — склонивши голову, проговорил Тимофей Ильич. — Ты говорил про воду, — тут я согласен, потому как вода — зримая, ее можно в ведро зачерпнуть, умыться, и ежели она течет по трубам или ручейкам, то все наглядно... А вот скажи: ты видел, как ток идет? Э! Не видел! А ежели своими глазами не видел, то и голову мне не морочь.

— Какой же ты непонятливый! — Прохор даже покачал головой. — Я бы тебе все доказал, да нужно мне спешить на курсы.

— А ты докажи, ежели можешь! Докажи!

— В другой раз докажу, — со вздохом сказал Прохор вставая.

— Ну, ну, подучись, — с усмешкой сказал Тимофей Ильич, провожая гостя.

Всю дорогу от Тутариновых до школы Прохор не мог успокоиться и продолжал спор с Тимофеем Ильичом. В голове его вдруг появилось столько, как ему казалось, неоспоримых доводов, что хоть возвращайся обратно, да и только! Прохор даже хотел вернуться, и, надо полагать, разговор с Тимофеем Ильичом затянулся бы до полуночи, а то и дольше, но тут совсем близко засветилась окнами школа.

В коридоре собирались курсанты, и Прохор, поправив кубанку, подошел к ним. Вскоре прибыл и Виктор, но не один, а с Ириной, и учеба началась... В этот вечер курсанты изучали «Устройство сетей высокого и низкого напряжения» — тема, безусловно, важная, но мы не станем подробно излагать весь ход занятий, а скажем лишь о том, что Виктор очень понятно объяснял, какие бывают виды электропередач высокого напряжения; как устанавливаются линии специально сельскохозяйственного назначения; что собой представляют линии электропередач низкого напря-

жения, какой должна быть высота столбов и какое допускается расстояние между проводами и поверхностью земли в обычных местах и при пересечении дорог... Словом, много интересного говорил в тот вечер Виктор своим ученикам. Но мы все это опустим и обратимся к будущим электрикам, людям в Усть-Невинской новым и безусловно интересным... Они заполнили все парты небольшого класса. Лампа-молния, свисавшая с потолка, освещала их лица, — посмотрите, посмотрите хорошенько, какая в них сосредоточенность, сколько во взгляде задумчивости и пытливого внимания! Вот сидят два дюжих парня с чубатыми головами из Белой Мечети. Им тесно за партой — нельзя ни склониться, ни раздвинуть локти, но они слушают и записывают, забыв в эту минуту о неудобствах. За спинами у них — пожилой дядько с усами какой-то гнедой окраски. Он то подымает голову, то пригибается к парте, то задумчиво улыбается. Его сосед посматривает на Виктора и что-то записывает с таким усилием, что ему время от времени приходится быстрым движением вытирать платком взмокший лоб, и этот жест как бы говорит: «Эх, ты, чорт побери, трудно!» Молоденький паренек слушает Виктора с чуть приоткрытым ртом и с такими светящимися глазами, точно ему рассказывают занятную сказку. А Прохор важно откинулся на спинку парты и только иногда кивает головой и причмокивает губами. Сидящий с ним рядом суровый на вид мужчина не сводит с Виктора глаз и все покручивает ус.

Девушки — их было восемь — занимали передние парты и, казалось, ничего, кроме доски и Виктора, не видели: у одной сбился на плечи полушалок, и она о нем забыла; у другой распустилась коса или выбился на лоб локон, и она не поправляла ни локон, ни косу, — все их внимание было обращено к столбам и проводам, которые рисовал мелом Виктор. Лена Коломейцева, — та самая Лена с озорными глазами, из «Светлого пути», — так пристально смотрела на доску, что вдруг увидела и степь вблизи своего хутора, и линию проводов, убегающую к горизонту. Ирина, сидевшая в паре с Леной, тоже мечтала о том недалеком времени, когда побегут столбы от станицы к станице, понимала, как важно знать то, о чем рассказывает Виктор, но ей казалось, что усвоить и понять все это значительно легче, чем ту программу, которую она изучала вместе с Виктором. Одна только Соня, хотя и делала вид, что слушает, а ду-

мала о своем: не могла она понять, почему Виктор ни разу ее не проводил домой, а Ирину провожает на птичник каждый день. Ей было до слез обидно, что и Сергей, и Виктор, которые когда-то любили ее, теперь не обращают на нее внимания и оба ухаживают за Ириной.

«И что они нашли в этой вознице такого прелестного? Видать, Сережа ее уже бросил, так она льнет теперь к Виктору», — думала Соня.

А когда урок был окончен, курсанты обступили своего преподавателя, — кто угощал табаком, кто задавал вопросы, а тот молчаливый мужчина, что весь вечер крутил ус, развернул тетрадку с записями и чертежами.

— А взгляни, Виктор Игнатьевич, — сказал он басом,— правильно я вершу дело?

Пока Виктор закуривал, отвечал на вопросы и рассматривал чертежи, Ирины в классе не оказалось.

«И что за своенравная ученица! — с улыбкой думал Виктор, выходя из школы. — Условились же час или два позаниматься, так нет же — опять убежала... Придется догонять...»

Вечер был морозный и тихий, небо иссиня-темное и чистое. Среди густой россыпи звезд гуляла молодая луна, и над уже уснувшей Усть-Невинской струился слабый свет. Виктор вышел за станицу и невдалеке увидел Ирину. Хотел догнать, пустился бежать, а Ирина, смеясь и оглядываясь, тоже побежала и остановилась только у порога хаты. Она стояла спиной к дверям, держась рукой за щеколду, и лицо ее в бледном свете луны было возбужденно-веселым.

— А что, догнал? — спросила она, тяжело дыша.

— Ирина, я тебя не понимаю, — угрюмо проговорил Виктор. — Таких диких коз, как ты, я не встречал.

— Значит, одна еще осталась, — ответила Ирина, играя глазами.

— Ну, что же это такое, Ирина? — Виктор посмотрел на ее смеющееся лицо и сам невольно улыбнулся. — Ты от меня убегаешь, как чорт от ладана, мы же программу изучаем, а не в кошки-мышки играем?

— Ты сам пожелал меня обучать.

— Да что ж эта за учеба? Лучше бросить всю эту затею.

— Зачем же ее бросать? — смеясь, сказала Ирина. — Раз начали, то надо продолжать... А только вместе ходить не нужно.

— И что за странное условие!

— Обычное.

— Знаю: Сергея боишься!

— И ничуточки.

— Неправда! Помнишь, как он рассердился? Но ты ему скажи, что я не влюблюсь в тебя. Этого ты не бойся.

— А я и не боюсь.

— Тогда почему же мы не можем итти вместе?

— А так вот и не можем. — Ирина значительно улыбнулась. — Нельзя нам ходить вместе — вот и все!.. А ты на меня не сердись... Зараз я пойду в хату, зажгу лампу, все приготовлю, а тогда и тебя позову.

— Погоди, я еще не все сказал, — Виктор хотел взять Ирину за руку.

— Нет, нет, — она вырвала руку, погрозила пальцем и скрылась в сенцах.

Марфа Игнатьевна еще не спала. Разбирая постель, она искоса, недовольным взглядом посмотрела на дочь.

— Опять с учителем явилась? — строго спросила она.

— С ним, мамо... Мы часок позанимаемся.

— Ох, гляди, дочка, как бы за тем учением чего другого не получилось... Полюбила одного, так и выбрось все из головы...

— Да я и так выбросила, — оправдывалась Ирина. — Мы же с Виктором электричество изучаем.

— Ох! вижу я, заморочит он тебе голову тем электричеством! — со вздохом проговорила Марфа Игнатьевна.

Ирина только грустно улыбнулась, ничего не сказала и пошла в свою комнату. Там она зажгла лампу, взяла фотографию Сергея, — он смотрел на нее почему-то очень строго, — поцеловала ее, снова поставила на стол, рядом положила книги, тетрадь и пошла звать Виктора.

ГЛАВА XXVI

В Рощенскую Сергей вернулся на рассвете усталый и продрогший. Рождалось пасмурное, с морозом, утро, просыпалась станица — уже закурились трубы над заснеженными крышами, и дым кривыми столбами тянулся к холодному в тумане небу.

Вчера до полуночи Сергей просидел на собрании в станице Урюпинской, а затем часов пять ехал по тряской дороге. Ему мучительно хотелось поспать и отогреться, но он

не поехал на квартиру, а велел Ванюше завернуть к дому, где жил Кондратьев. У ворот отпустил Ванюшу, встал на землю и с трудом, как больной, пошел в калитку.

«Ого! Здорово меня Ванюша укачал! — с улыбкой думал он, подходя к коридору. — Даже после танкового марша — и то я, кажется, крепче держался на ногах...»

Кондратьев еще спал. Услышав стук в дверь и голос Сергея, он соскочил с постели, наскоро оделся и пошел открывать.

— Наконец-то явился! — Кондратьев пожал холодную руку Сергея. — А мы тебя заждались. Дней осталось мало, а из станиц все спрашивают, когда же ты к ним приедешь. Даже твой папаша приходил ко мне с выговором.

— Батя мой всегда лезет туда, куда его не просят.

— Проходи ко мне, а я скажу жене, чтобы она нам чай согрела.

Сергей снял шинель (бурку, мерзлую и негнущуюся, он оставил в коридоре), расчесал пальцами чуб и сел у стола.

— Ну, рассказывай, как там тебя встречали и провожали? — спросил Кондратьев, возвращаясь от жены.

— И встречали, и провожали хорошо, пожаловаться не могу.

— Ты только рассказывай все по порядку, — предупредил Кондратьев, жмуря глаза, точно уже угадывая мысли Сергея. — А ты похудел и почернел... Устал? Озяб? Ну, мы сейчас погреемся.

— И устал, и спать хочу, и чай буду пить, а более всего хочу с тобой поговорить.

Выпили чаю, Сергей согрелся, закурил и начал рассказывать о поездке так подробно, что не упускал ни того, как среди степи нагнал его на самолете корреспондент, ни того, как въехал в Марьяновскую, ни того, где и как приходилось ночевать, с кем разговаривать...

— А как там у них дела в районе? — спросил Кондратьев. — Лучше нас работают?

— Пожалуй, даже хуже.

— А! Вот как! — Кондратьев рассмеялся. — Даже хуже? Значит, мы — плохо, а наши соседи — еще хуже?.. А как у них колхозы? Как урожай? Приметил какие-нибудь недостатки? Есть ли у них что перенять? Есть ли чему поучиться?

Глаза у Сергея заблестели, — казалось, он только и ждал этого вопроса, — пучкастые брови раздвинулись, лицо повеселело. Он подробно рассказал, как проходило на хуторе Грушка собрание и как там девушки звеньевые отвоевали семенное зерно.

— Необходимо и нам завести эту «гибрид-кубанку»,— сказал Сергей. — И еще я вот о чем думал. У нас хоть и нету таких «цариц полей», но один «царь» есть, — я имею в виду Стефана Петровича Рагулина. Урожай у него высокий, а как он помогает своим соседям?

— А вот мы у него семинар организуем, — сказал Кондратьев, — пошлем к нему председателей... Ну, а еще что там у соседей?

Сергей вспомнил ночевку у чабанов и подробно рассказал и о Ефиме Меркушеве и о его плане механизации труда в полеводческих бригадах. Кондратьев слушал молча, сосредоточенно и то поглядывал на Сергея, то что-то рисовал карандашом на газете.

— У нас с механизацией дело пойдет быстрее, — сказал Кондратьев. — Вот построим гидростанцию...

— А знаешь, о чем меня просил Кривцов? Хочет, чтобы мы подключили Марьяновский район к устьневинской гидростанции.

— Что ж ты ему ответил? Обещал?

— Всю поездку он меня уговаривал, и можно было бы, конечно, согласиться, но тогда нужна вторая турбина. — Сергей встал, прошелся по комнате. — Николай Петрович, а что если попросить уральцев, чтобы они дали нам вторую турбину?

— Погоди, давай управимся с одной, — сказал Кондратьев. — Мы все это у себя наладим, накопим опыт, а тогда и соседям поможем.

Говорили они еще долго — и о поездке Сергея, и о своих делах. Кондратьев сообщил кое-какие новости, в частности о том, что по решению крайисполкома в четырех колхозах создаются племенные коневодческие фермы, что в район завозятся новые сорта кукурузы. Рассказывал и о ходе строительства устьневинского канала, а затем стал излагать план поездки Сергея по району, показал список станиц, маршрут, расписанный по дням. В этом списке Усть-Невинская значилась на последнем месте.

— К своим землякам ты придешь в самый канун выборов, — сказал Кондратьев.

Сергей распрощался с Кондратьевым и вышел на залитую солнцем улицу. В тот же день, побывав в исполкоме, немного отдохнув у себя дома, Сергей под вечер выехал в Краснокаменскую.

Впереди открывалась знакомая картина — дорога надвое рассекала белое предгорье: то огибала небольшую возвышенность с мережками заячьих следов на снегу, с острой вершиной, на которой сидел, нахохлившись, орел, то надолго пряталась в невысоком, пышно заиндевелом кустарнике, то взбиралась на пригорок, ярко освещенный пламенеющим между гор закатом...

Машина въезжала в Краснокаменскую. Привычными и знакомыми казались празднично украшенные избирательные участки и агитпункты, и Ванюша еще издали по кумачовым полотнищам на стенах угадывал, куда ему нужно было подъезжать...

В каждой станице собрания проходили либо в клубе, либо прямо на площади. И ораторы, говорившие горячо и взволнованно, и встречавшая Сергея музыка, — либо духовой оркестр, либо гармонь, такая голосистая, что ее было слышно еще у въезда в станицу, — и новые знакомства, разговоры, ужины, ночлеги — внешне все казалось знакомым и обычным, а Сергей всякий раз, покидая станицу или хутор, думал:

«Вот это была встреча! Нет, нет, такого собрания еще не было. Да и люди какие-то замечательные! И речи выступающих какие-то особые!..»

...В субботу 8 февраля утром Сергей приехал в Усть-Невинскую. У въезда в станицу Сергей заметил пестро разодетую толпу, впереди — конный разъезд из трех всадников. У среднего всадника было в руках знамя, высоко поднятое на древке, а у левого крайнего — на поводу конь под седлом.

— Встречают! — сказал Ванюша.

Завидев машину, конники галопом понеслись навстречу, и высоко поднятое знамя пламенело на ветру. У Сергея радостно забилось сердце. Не зная, что ему делать в таком случае, он посмотрел на шофера, а Ванюша уже понял, что тут дальше ехать некуда, и резко остановил машину. В ту же минуту перед радиатором кони встали на дыбы.

Сергей вышел из машины. Перед ним, как на картине, стояли три всадника. Одеты они были в одинаковые но-

венькие черкески с наборами серебряных газырей, такие же новенькие и одинаковые кубанки из черной смушки, такие же одинаковые, саженного размаху в плечах бурки и красные, как пламя, башлыки за спиной. Два всадника — это были Никита Мальцев и Григорий — молодые, с раскрасневшимися лицами; третий, — тот, что держал знамя, — был Иван Атаманов: вся грудь — в орденах и медалях, а высокий воротник бешмета подпирал гладко выбритый подбородок, отчего голова его держалась необыкновенно браво. На нем были темносиние, довольно просторные шаровары, по которым шириной в ладонь лежали алые лампасы, — издали генерал, да и только!

Всадники спешились, и Атаманов, отбив шаг, вытянулся и взял под козырек. Лицо его в эту минуту было суровое, а глаза блестели молодо и смело.

— От лица колхозников! — крикнул он торжественным голосом. — От всех устьневинцев! Я! Мы! приветствуем тебя, Сергей Тимофеевич, как родного брата.

Сергей поздоровался с Атамановым за руку, поблагодарил за столь радушную встречу. Атаманов метнул строгий взгляд на Никиту, державшего на поводу коня под высоким казачьим седлом и красочно расшитой попоной.

— Никита, коня!

Конь был подведен к Сергею. Сергей накинул на плечи бурку, поставил ногу в стремя и легко сел в седло.

Иван Атаманов со знаменем выскочил наперед, а трое всадников — Сергей посредине — поехали за ним. Они рысью направились в Усть-Невинскую, а навстречу им неслись приветственные возгласы. Толпа, собравшаяся за станицей, повалила следом за конниками. Из домов с той и другой стороны улицы выбегали женщины, девушки, подростки, дети и тоже направлялись за всадниками, с нескрываемым любопытством поглядывая на Сергея. Кони шли шагом, а из переулков выходили люди, и когда Сергей подъезжал к площади, оттуда уже доносились звуки оркестра, — вся улица была запружена жителями станицы.

Эх, и до чего ж славный народ устьневинцы! Любят они пышно, с шиком встречать гостей! Казалось бы, чего проще: едет кандидат в депутаты — и встречай его попросту. Так нет же! За станицу скачет конный разъезд, да еще и не как-нибудь, а в казачьей форме и со знаменем! А на площади — вся станица, гремит музыка, здания в

кумачовых полотнищах, красочные портреты Сталина и Тутаринова возвышаются у станичного совета. Сюда, к станичному совету, стекается народ, всюду людно и шумно. У входа — стол под красной скатертью, а за столом с торжественным видом стоит Тимофей Ильич, в старомодной черкеске, с хлебом на руках...

К этому столу и подъехал Сергей на коне и слез с седла. Перед ним стоял отец и сурово смотрел на сына. Наступила тишина. Тимофей Ильич молодцеватым шагом подошел к Сергею и передал хлеб с солью вместе с рушниками, свисавшими чуть ли не до земли.

— От всей станицы тебе, сынок, — сказал он дрогнувшим голосом.

В это время грянул оркестр. Старик браво поднял голову. Сергей низко поклонился отцу, а потом станичникам и подошел к столу, держа на вытянутых руках высокую белую буханку хлеба с горсткой соли.

Когда церемония с подношением хлеба была закончена, Савва крепко пожал Сергею руку.

— А! Не промчался мимо! — сказал он весело. — Да ты погляди, какой нынче праздник в Усть-Невинской!

Не успели Сергей и Савва обменяться двумя-тремя фразами, как их уже окружили Дарья Никитишна Байкова, Семен, Родионов, Андриянов, Стефан Петрович Рагулин. Все, кто подходил, здоровались с Сергеем, улыбались ему — кто весело, кто смущенно, как бы спрашивая: тот ли это Сергей Тутаринов, которого они знали давно, или же совсем другой, с которым, возможно, и разговаривать нужно как-то по-иному? Но, видимо, все нашли, что перед ними стоял все тот же Сергей Тутаринов, и заговорили все сразу: у каждого нашлось какое-нибудь важное дело, даже у Ивана Атаманова.

И когда перед станичным советом собрался митинг, Сергей опять, как уже много раз, был совершенно убежден, что еще ни на одной станичной площади не собиралось столько народа, нигде его еще так не встречали, как в Усть-Невинской, — никогда он еще не видел перед собой столько знакомых лиц...

Савва открывал митинг, повышая голос до хрипоты, затем выступали доверенные лица, агитаторы, передовые люди строительства. Сергей слушал, а глазами отыскивал в толпе своих знакомых. Их было много, но Сергей прежде всего увидел отца и мать. Старики стояли почти у самой

трибуны. Рядом с рослым и немного согнутым Тимофеем Ильичом Ниловна, в шали и в старомодной кофтенке, казалась совсем маленькой, похожей на куст возле кряжистого дуба. Она не сводила глаз с сына, и во взгляде ее Сергей видел знакомый ему еще с детских лет луч материнской ласки, и теперь он светился ярче обычного. Тимофей Ильич смотрел на сына искоса и строго, как бы мысленно уже выговаривая ему за такой поздний приезд.

«Ой батя, батя, какой же вы злющий! — думал Сергей.—Ну, не коситесь на меня, сегодня у вас я заночую...»

Тут Сергей увидел Анфису. Ее окружали подруги, в числе их были Варя Мальцева и Ирина — обе в одинаковых белых шалях. Сергей кивнул Анфисе, любуясь ее быстрыми глазами. Живое, всегда открытое ее лицо, местами тронутое матовым налетом, говорило о том, что она счастлива и что на душе у нее спокойно.

«Ну, ну, сестренка, — думал Сергей, продолжая улыбаться, — по всему вижу: скоро ты порадуешь меня племяшом...»

Ирина старалась не смотреть на Сергея; щеки ее разрумянились, ей было жарко, и она сбила рукой шаль на плечи... Она нарочно глядела куда-то в сторону, делая вид, что ее занимает чья-то колом торчащая папаха, а глаза сами так и косились на трибуну и видели одного только Сергея...

«Ишь, какая гордая, — думал Сергей. — Вижу, вижу, что соскучилась, а прямо в глаза посмотреть не хочешь... А может, ты думаешь, что я уже забыл, как последний раз уехал с птичника? А я помню, оттого и не поеду к тебе вечерком, а побываю утром...»

Ирина, точно поняв его мысли, отошла в сторону и скрылась в толпе... Тут Сергей увидел Никиту Мальцева и Стефана Петровича Рагулина. Они сидели на мальцевской тачанке — все собрание было перед ними. Невдалеке от тачанки Сергей заметил миловидное личико — молодая женщина смотрела на него приветливо, то сдержанно улыбаясь, то удивленно сдвигая брови.

«Что-то она мне знакома, — думал Сергей. — Но где ж я ее видел? А! Да ведь это Глаша Несмашная! — чуть не вскрикнул он. — Как она, бедняжка, председательствует? Надо съездить и помочь».

Сергей неожиданно разглядел в толпе Артамашова — низкая кубанка с синим верхом была ловко сдвинута на лоб.

«Звеньевой... Надо и с ним повстречаться и поговорить...»

Сергей стоял на трибуне и видел свой портрет в руках миловидной, в сереньком полушалке девушки: она держала его на шесте и с ласковой улыбкой смотрела на Сергея, и эта улыбка как бы говорила: «Ты смотри на свой портрет, а я буду смотреть на тебя, потому что в жизни ты куда красивее, чем на портрете...» А ораторы выступали один за другим, голоса их звучали необыкновенно торжественно, и каждый, кто всходил на трибуну, восхвалял Сергея и говорил о нем только хорошее. Сергей перевел взгляд на оркестр — там были одни девушки. Они сидели на двух длинных лавках, положив инструменты на колени, и с любопытством посматривали на Сергея.

«Что они думают обо мне — вот бы узнать?»

Девушки уже притронулись губами к медным трубкам, капельмейстер, низкорослый, с седыми усами, встал, взмахнул руками, и оркестр заиграл туш.

Когда музыка смолкла, Савва предоставил слово Сергею. Сергей снова посмотрел на девушку, державшую на шесте его портрет. Сердце его билось учащенно, виски горели: он впервые выступал на таком большом митинге перед своими одностаничниками и впервые ощутил в груди новую, еще не изведанную им радость.

После митинга Сергей с Семеном и Саввой уехали на канал. Они прошли всю трассу. Строителей уже не было, — всюду лежали утрамбованные дороги, ловко очищенные откосы, отлогие, как у корыта, берега готовой части канала, а вдали виднелся ровный срез скалы...

— Сережа, веришь, — взволнованно говорил Семен, — если поднажать, то тут работы на какой-нибудь месяц.

Через час они возвращались домой и у въезда в станицу нагнали сани, запряженные одной лошадью. В санях сидел, кутаясь в тулуп, Стефан Петрович Рагулин.

— Стефан Петрович! — крикнул Сергей. — Далеко путь держите?

Машина остановилась возле саней.

— Хочу проведать озимые, — ответил Рагулин. — Боюсь, влаги к весне будет маловато. А тут еще, по всем признакам, весна ожидается сухая.

— Какие ж такие признаки?

— Снегу мало. — Рагулин помял в кулаке бородку. — У батька заночуешь?

— Была такая думка.

— Знаю, знаю, отчего ты у батька на ночь остаешься, — сказал Рагулин и погрозил Сергею кнутовищем. — Хочешь посмотреть, как тут за тебя земляки будут голоса отдавать?

— Это тоже важно, конечно, — с улыбкой ответил Сергей. — Стефан Петрович, заходите вечерком, поговорим. Я привез для вас одну важную новость.

— Говори зараз, а то я с поля заеду на ферму. — Рагулин нахмурил брови. — А что там у тебя за новость?

— Хочет познакомиться с вами один важный человек, — сказал Сергей.

— Кто ж он такой будет?

— Ефим Петрович Меркушев — бригадир из Марьяновского района.

— В чем же его важность? — сухо спросил Рагулин.

— Механизатор! Очень толковый человек. Скоро он приедет к вам в гости.

— Пущай приезжает, мы гостям завсегда рады.

Рагулин причмокнул на лошадь, взмахнул кнутом и поехал. А Сергей, проезжая по станице, все думал об Ирине, и так ему хотелось завернуть не к отцу, а на птичник!

«Нет, — думал он. — Сегодня не поеду, а вот уже завтра не утерплю...»

ГЛАВА XXVII

Тимофей Ильич был доволен, видя Сергея у себя за столом, хотя внешне казался спокойным и даже строгим. А Ниловна была так обрадована, что не знала, где посадить сына, чем его угощать. Когда Семен и Анфиса стали собираться итти в избирательный участок, Ниловна боялась, что Сергей тоже встанет из-за стола и уйдет, а она так и не успеет насмотреться на него и поговорить с ним.

— Мамо, а я у вас заночую, — сказал Сергей, желая успокоить мать.

— Да правду ли говоришь, Сережа? — обрадованно спросила Ниловна.

— А куда ж ему ехать в ночь, — отозвался Тимофей Ильич. — Жинки, сколько нам известно у него еще нету, а невеста пусть и подождет. — Тимофей Ильич погладил усы, задумался. — Добре, сыну, что ты остался у нас ночевать. Давно я тебя поджидал, чтоб побалакать с тобой...

А ты, Ниловна, либо нас слушай молча и не вмешивайся в наш разговор, либо ложись спать. При тебе невозможно сурьезные дела решать.

— Сережа, я постелю тебе у Анфисы, — сказала Ниловна. — Там теперь у нас диван стоит с пружинами, Семен перед Новым годом купил.

— Ну, сыну, як там тебе живется? — спросил Тимофей Ильич, когда Ниловна пошла приготовить Сергею постель. — Вот и выбирать тебя завтра будут. Радость-то какая в станице! Знать, и новое тебе доверие, стало быть, и ответственность прибавляется, — Тимофей Ильич развернул на колене кисет.

— Что ж вам, батя, сказать о себе? Вот более двух недель разъезжал по округу. Каких только людей я там не видел, с кем только не разговаривал! Много я, батя, передумал за эти дни, и одна мысль не дает мне покою — смогу ли я быть таким человеком, каким хотят видеть того, кого завтра будут выбирать своим депутатом?

— А ты смоги, — сказал Тимофей Ильич, сворачивая цыгарку. — Поднатужься и смоги.

— Что, по-вашему, батя, нужно мне делать?

— Перво-наперво — район выведи в передовые, чтоб жизнь в колхозах была обеспеченная да чтобы люди наши не бедствовали, — вот тебя и будут все уважать.

— Жизнь, батя, уже в этом году будет обеспеченная, — задумчиво проговорил Сергей. — Да и район мы выведем в передовые, а все ж таки, как я понимаю, этого мало, и не в этом моя главная цель...

— А в чем же? Говори — может, я подсоблю.

— Не знаю, как вам и сказать. — Сергей смущенно улыбнулся. — И жизнь наладить в колхозах, и район вывести в передовые — все это я обязан был сделать, не будучи депутатом. Когда я ездил по станицам и хуторам, то на всех собраниях — даже без слов, без речей, а по одним только взглядам — я узнавал: люди не только доверяют мне, а ждут от меня чего-то большого... — Сергей ласково посмотрел на вошедшую Ниловну, потом на отца. — Батя, и вы, мамо, скажите мне правду: что обо мне говорят в Усть-Невинской? Вы живете в станице, и вам все слышно.

— Все тебя, Сережа, хвалят, — сказала Ниловна. — Куда я ни пойду, а бабы мне и говорят: «Счастливая мать, вот какой у тебя славный сынок...» Повстречалась я с бабкой Никифоровной, а она и говорит...

— Ниловна, — перебил Тимофей Ильич, — кому я сказал — не вмешивайся в наш разговор.

— Да я только поясняю.

— И без тебя поясню, — буркнул Тимофей Ильич и обратился к Сергею: — Ежели ты хочешь знать правду, то я скажу: в обиде на тебя станишники...

— За что?

— За то самое, что идешь ты против своей станицы. Ты чего зубы скалишь? Я тебе без смеха говорю. То ты подсоблял нашим людям, план помог составить, лесу добился... Тогда ты Федора Лукича поругивал — такой-сякой, не так действует. А теперь сам управляешь районом, а скажи, чем ты лучше Федора Лукича? Лес в станице позабрал. Станцию хотели себе построить, так ты ее всем станицам передал, Савву обидел... Куда годится такое дело?

— Не мог я, батя, поступить иначе.

— Почему ж не мог? Ты ж районная власть, и ежели захотел бы, то смог бы.

— Тимофей, и чего ты к нему прицепился? — сказала Ниловна. — Нет того, чтобы поговорить по-семейному, порадоваться.

— Радостей мало, — угрюмо проговорил Тимофей Ильич. — Ты вот беспокоишься, как бы людям угодить, в мечтах высоко подымаешься, хочешь весь свет обнять, а того не видишь, что зараз самое главное для тебя — своей станице подсобить... Сам же взбудоражил людей, разные планы составлял, на всю Кубань прогремел: вот, мол, какая моя станица! А теперь что ж получается? Усть-Невинскую ставишь в ряд с другими?

— Эх, батя, батя! — со вздохом сказал Сергей. — Не в том для меня радость, чтобы видеть успехи одной Усть-Невинской.

— А в чем же?

— Хочется мне, батя, заглянуть в наш завтрашний день и увидеть там не только Усть-Невинскую, а всю Кубань, все станицы — от Преградной и Сторожевой до Темрюка. А завтрашний наш день, батя, — это техника, машины, электричество. И скажу вам, что не так трудно построить гидростанции или приобрести машины, — государство у нас щедрое, поможет, — а трудно приобщить к технике людей. К этому их надо готовить. Если мы введем

механизацию, то и люди наши должны стать иными, а добиться этого не так-то просто... Вот что меня беспокоит!

— Беспокойся и об этом, — сказал отец, — но свою ж станицу ты более других должон любить.

— И я ее люблю, — сказал Сергей. — И оттого, что я ее люблю больше, чем другие станицы, и взял лес у устьневинцев и этим возвысил в глазах всего района своих одностаничников. Поэтому и станцию мы начали строить для всего района. Поймите, батя, — нельзя вводить электрификацию в одной станице, тут надо итти всем фронтом!

— Ну, бог с тобой,—сказал Тимофей Ильич. — Делай, что знаешь, тебе виднее.

Уже было поздно, когда Сергей, вволю наговорившись с отцом, разделся и лег на диван. Под ним мягко вдавились пружины, и Сергей одобрительно подумал о покупке своего друга. Он закрыл глаза и хотел уснуть, но ощутил на своем плече мягкую и теплую руку. Не открывая глаз, он уже знал, что это подошла к нему мать.

— Сережа, а ты не печалься, — шептала Ниловна. — Поверь матери: никто о тебе и плохого слова не говорил. Батько на тебя дюже гневается, что ты до дому не приезжаешь, вот он всердцах такое и сказал...

Сергей встал, усадил мать на диван, обнял, — ему всегда, еще с детских лет, приятно было посидеть с ней. послушать, как она говорит своим тихим и ласковым голосом. Совсем крохотная старушка с седой, маленькой головкой в чепце, она напоминала Сергею уже засыхающее дерево рядом с молодым побегом. Ниловна прижалась к Сергею, гладила рукой его чуб и смотрела ему в глаза.

— Сережа, а что я хотела у тебя спросить...

— Спрашивайте.

— Как там у тебя с Ириной?

— Ничего, мамо... Все хорошо.

— А чего ж ты к ней не поехал?

— Устал с дороги.

— Ох, что-то тут не то, — Ниловна покачала головой. — Я так понимаю: ежели любишь, то и усталости не знаешь.

— Это, мамо, верно, а только сегодня я не поеду.

— А может, ты ее разлюбил? — допытывалась Ниловна. — Говори матери правду.

— Нет, мамо, не разлюбил. — Сергей ласково посмотрел матери в глаза. — Знаете, мамо, что я решил? Вот завтра поеду к Ирине — и уже последний раз. Либо она будет моя жена, либо я уже и не знаю, что тогда...

— Ну, и слава богу, сынок, что ты так порешил. — Ниловна перекрестилась, хотела осенить крестом и сына, но, увидев его улыбающееся лицо, воздержалась. — Сережа, а что я слыхала? Будто сын Грачихи обучает Ирину.

— Виктор? — Сергей приподнялся. — Забавно!

— Какиесь ей слова непонятливые говорит... Ты бы, сынок, разузнал. Может, в том обучении один только соблазн...

— Хорошо, мамо, завтра я все узнаю.

Ниловна еще немного поговорила с сыном и ушла в свою комнату. Сергей потушил лампу и натянул на голову одеяло. Ему хотелось побыстрее уснуть, чтобы подняться за час до начала выборов, но в голову назойливо лезли мысли то об Ирине, то об Викторе.

«Он ее чему-то обучает? Неужели он хочет со мной навеки поссориться? Ну, почему он пошел к ней? Просто забавно, да и только!»

Вскоре пришли Семен и Анфиса. Сергей еще сильнее закутал одеялом голову и притворился спящим.

— Братушка уже спит, — тихо проговорила Анфиса. Не зажигая лампы, они легли в постель. Анфиса что-то шопотом рассказывала Семену: Сергей расслышал только, что Ирина сама попросилась в эту ночь дежурить на избирательном участке:

— После собрания мы вышли, а она мне и говорит: «Эх, Анфиса, если б ты только знала...» — тут Анфиса заговорила совсем тихо, и Сергей уже ничего не мог услышать...

«Значит, она меня ждала, а я лежу здесь, как дурак», — подумал Сергей.

Семен тоже что-то бубнил и тихонько смеялся.

«Вот у кого счастливая жизнь, — думал Сергей. — Ни тебе забот, ни печалей...»

В это время Семен и Анфиса, очевидно, забыли, что в их комнате лежит гость, заговорили громко, смеялись, шутили.

— Эй, вы, черти молодые! — не удержался Сергей. — Спать мешаете!

— А ты спи, братушка! — и Анфиса залилась смехом.

— Да разве можно тебе теперь спать, — заговорил Семен. — Столько людей зараз о тебе думают, а ты — спать? Я на твоем месте от счастья всю ночь танцовал бы на улице... Эх, счастливый же ты, Сережа!

— А ты, бедняжка, несчастным прикидываешься? — сказал Сергей. — Ах, бедный мой радист-пулеметчик, как же ему тяжело на свете жить! Так, что ли? — Сергей усмехнулся, а потом тяжело вздохнул и сказал: — Ну, шутки в сторону. Давайте будем спать.

Наступила тишина. Сергей еще долго смотрел на побеленные морозом окна и не заметил, как уснул. Ему показалось, что прошло всего несколько минут, и он вдруг услышал голос матери.

— Сережа, — ласково говорила она, касаясь губами его уха, — мы все уходим, а ты оставайся на хозяйстве.

Сергей открыл глаза и ничего не мог понять. В комнате горела лампа, и все уже не спали. Анфиса прихорашивалась у зеркала, повязывая на голову пушистый из белой шерсти платок. Семен, в гимнастерке, но еще без пояса, натягивал сапоги с такой поспешностью, точно его подняли по сигналу боевой тревоги. Ниловна была одета не в обычную свою кофточку и юбку, а в праздничное платье, подвязанное серым в полоску фартуком. Тимофей Ильич в тулупе и в валенках стоял у порога и торопил Ниловну.

«Вот он и наступил, мой день!» — с улыбкой подумал Сергей.

От этих мыслей к сердцу подступила большая, горячая радость. Когда все ушли, он откинул голову на подушку и долго лежал с открытыми глазами.

Пришел шофер.

— Сергей Тимофеевич, уже началось, — сказал Ванюша, подойдя к Сергею. — Слышите, что в станице делается? А как же мы? Поедем в Рощенскую?

— Да, поедем! — Сергей вскочил и стал одеваться. — Хотя, Ванюша, погоди, часок подождем. — Он весело посмотрел на неизменно серьезное лицо шофера. — Ванюша, а куда ж нам сегодня спешить?

— Оно-то верно, спешить будто и некуда, — рассудительно сказал Ванюша, — а все ж таки и нам надо проголосовать...

Сергей прислушался. Откуда-то издалека, очевидно из-за Кубани, долетела песня. Она была слабая и то стихала

совсем, то снова крепла... Сергей торопливо умылся, причесал чуб и, надевая на бегу шинель, шапку, выскочил на улицу и остановился за воротами.

Была ранняя предутренняя пора, а Усть-Невинская уже давно проснулась — в окнах горел свет, но дымари еще не курились. Низко, на закате, висела луна. Свет падал наискось — оттого с одной стороны белых крыш темнела тень наподобие козырька, а с другой, обращенной к луне, снег так блестел, что даже вспыхивали искорки... Но не эта красота зимнего рассвета заставила Сергея выбежать на улицу и остановиться у белолистки. Он еще ничего не видел, а только слышал — и отдаленный говор людей, и певчие голоса, и гармонь — и уже не разумом, а сердцем узнавал, чем жила станица в этот предутренний час. Та самая песня, что возникла, как ему казалось, за Кубанью, теперь была уже на площади, и басы так ревели, что женские голоса как ни старались, а взлететь наверх не могли... В той же стороне, только в разных местах, играли две или три гармони, слышались девичьи голоса, припевки, частушки, только слов нельзя было разобрать... Было очевидно, что народ только-только начинал собираться, и по всей станице уже плыл тот особенный гул и шум, который бывает разве только на рассвете летом, в разгар косьбы. Петухи, как бы испугавшись, что проспали утро, горланили во всю мочь, лениво перекликались собаки. До Сергея долетали то веселый хруст снега под сапогами, то звон щеколды, то стук калитки, то чей-либо голос: «Ты мне на часы не указуй, я и без часов бачу, що це самый раз». А то вдруг вывернулись из-за угла сани в упряжке горячих коней и понеслись, как вихрь, разметая снег. Проезжая мимо двора Тутариновых, кучер даже привстал и так усердно погнал лошадей, точно вез невесту и жениха. В санях сидела шумная компания — мужчины и женщины, а над их головами трепетал флаг на коротком древке... Затем из-за угла выскочили вторые сани в сопровождении трех верховых в бурках, — кони под ними не скакали, а танцовали, бросая копытами снег. Среди всадников Сергей узнал Ивана Атаманова, — узнал не по приметной его кубанке и не по роскошной бурке, сделанной, очевидно, для генерала, а по той особенной посадке, которой славился и отличался в станице один только Иван Атаманов.

«Да ведь это же буденновские коневоды!» — обрадованно подумал Сергей.

Потом он позвал Ванюшу, сказал, чтобы выезжал со двора, сел в машину и тоже поехал на площадь...

В школе, где уже началось голосование, все окна, выходившие на площадь, были ярко освещены. У подъезда то останавливались сани, запряженные разгоряченными лошадьми, и приехавшие шли гурьбой в школу, то подлетали всадники — со всех улиц сюда стекался народ. Сергей сошел с машины и долго смотрел на гостеприимно распахнутые двери: там было шумно и людно, народ входил и выходил, и здание школы в этот час напоминало пчелиный улей.

— Сережа, а я за тебя уже проголосовала!

Сергей так задумался, что не слышал, как к нему подошла Ирина. Она стояла против луны, и ее смуглое лицо, обрамленное белой шалью, и ее большие темные глаза светились тревожной радостью.

— Надеюсь, не вычеркнула мою фамилию? — шутя спросил Сергей.

— А это, Сережа, тайна, — в тон ему ответила Ирина и потупила взгляд.

Сергей взял ее под руку, и они пошли через площадь. Шли они тихо и молча, а куда — и сами не знали. Только в каком-то переулке на окраине станицы остановились у плетня. Сергей взял с изгороди снег и стал сжимать его в горячей ладони.

— Сережа, как тебе ездилось? Я так ждала...

— И неправда...

— Не веришь?

— Хотелось бы поверить...

— А что же мешает?

— Так... всякие глупые мысли. — Сергей взял Ирину за плечи сильными руками и строго посмотрел ей в глаза. — Скажи мне... только правду скажи: зачем тогда приходил к тебе Грачов?

— Я так и знала, что ты спросишь.

— И уже приготовила ответ?

— Ничего я не готовила, — с обидой в голосе сказала Ирина, а потом склонила голову ему на грудь и минуту стояла молча. — Сереженька, милый, ничему ты не верь... Тебя я одного и любила и люблю, и если б не было тебя, то и весь свет мне был бы не мил... Помнишь, я тогда сказала, что напрасно тебя полюбила, а теперь вижу, что жить без тебя не могу...

— Но почему к тебе Грачов приходил?

— Все, все расскажу, потому что ничего от тебя не скрываю... Сережа, он хочет, чтобы я работала диспетчером на гидростанции, и взялся меня обучать...

— Тебя?

— Да... А что? Разве нельзя, Сережа?

— Почему ж нельзя? Можно, это даже похвально, если только в самом деле так...

— Так, так, верь мне, Сережа. И я согласилась... Но Виктор еще хотел, чтобы все это было скрыто и чтобы ты ничего не знал, а я так не захотела и сказала ему, чтобы из этого никакой тайны не делать...

— Забавно, — проговорил Сергей. — А зачем же он об этом просил?

— Не знаю, только я на это не согласилась... И я рассказала бы тебе все еще тогда, на птичнике, но ты уехал... Сережа, ну не сердись. Не будешь сердиться, скажи?

— Да как же мне на тебя сердиться? — сказал Сергей, любуясь ее ласковым взглядом. — Вот поговорил с тобой — и от сердца отлегло.

— А болело сердечко?

— Болело, — сознался Сергей.

— А теперь тебе хорошо?

— Да!

— И мне хорошо! — она снова склонила голову ему на грудь. — Сережа, скажи, ты не станешь запрещать? Я уже многое изучила, поняла, я быстро усваиваю, и ты знаешь, как будет хорошо, когда я стану работать... Ты будешь ко мне приезжать, а я кончу смену, и мы пойдем с тобой в степь... Нет, лучше по берегу Кубани... Ну, скажи, ты не станешь запрещать?

— Зачем же я стану запрещать? — заговорил Сергей, гладя ее волосы, выбившиеся из-под шали. — Я и прав на то не имею, да и верю тебе...

— Вот видишь, какой ты хороший!

— Но скажу другое.

— Что? — Ирина испуганно подняла голову. — Что-нибудь нехорошее?

— Да ты чего испугалась? — Сергей обнял ее и, ласково глядя ей в глаза, сказал: — Учись, я одобряю... Но посмотри на небо. Уже рассветает. Скоро наступит день, взойдет солнце. И ты запоминай и это утро, и этот день:

сегодня мы станем мужем и женой... Вот это я и хотел тебе сказать. Ну, что ты приуныла?

— Так сразу, Сережа?

— Да разве ж это сразу? — Сергей улыбнулся. — Эх, ты, на словах смелая, а уже испугалась... Нет, Иринушка, голубка ты моя, пойми, что так дальше мы жить не сможем... Да и любить тебя на бегу трудно, — не любовь, а каторга.

— Сережа, — сказала Ирина совсем тихо, — давай подождем до весны. Я кончу учебу... И я согласна: пусть уж с этой минуты все будет так, как ты сказал... Считай меня своей женой... но...

Сергей нахмурился.

— Ну, Сережа, это же все равно... Ну, милый, хочешь, поцелую тебя как жена, а поженимся через два месяца. — Она приподнялась на цыпочках и поцеловала Сергея. — Вот видишь, какая я смелая!

— Нет, нет, и поцелуй твой принимаю, в душе согласен с тобой, а только поженимся сегодня — и ни днем позже! Сейчас же пойдем к твоей матери, а потом к моим родным — и всему конец!

А над станицей вставал морозный рассвет, небо было чистое и розовое, — где-то за горами уже всходило солнце.

ГЛАВА XXVIII

Долго от Рубцова-Емницкого не было никаких вестей, и только двенадцатого февраля, наконец, пришла телеграмма, извещавшая, что изоляторы, крючья, шнуры, лампочки и провода уже находятся в пути, а электрические моторы и еще кое-какое оборудование будет отправлено к концу месяца. Через неделю груз прибыл на станцию Невинку. Сергей этому так обрадовался, что в тот же день выехал в Усть-Невинскую, велел Савве спешно снарядить обоз, а сам заскочил на гидростанцию к Виктору.

К тому времени монтажные работы заметно продвинулись вперед. Посреди просторного здания лежало массивное тело гидротурбины, а по соседству возвышался на фундаменте генератор. Вдоль стены были установлены какие-то железные каркасы и мраморные доски, — во всем машинном отделении казалось теперь и светлей, и уютней. В стене вблизи турбины была пробита дыра, к которой уже спускалась опоясанная тросами водонапорная труба.

— Виктор! Едем! — крикнул Сергей, увидев Грачова.

— И куда ты все торопишься? — Виктор пожал Сергею руку. — Что случилось?

— Радуйся, Витя! Оборудование прибыло! Поедем на станцию.

— А транспорт?

— Савва отправляет... Ну, собирайся, да побыстрее. Мы заранее все осмотрим...

— Ну, вот и прекрасно! — сказал Виктор, когда они уже выехали за станицу. — Теперь нужно побыстрее сооружать электролинию.

— Поможешь? — спросил Сергей. — Да, кстати, и учеников своих посмотришь на практике. Ну, что же ты молчишь?

Виктор посмотрел на сурово сдвинутые брови своего друга, на его жесткий чуб, выбившийся из-под картуза, и рассмеялся.

— Тебе чего так смешно?! — удивился Сергей.

— Смотрю на тебя — и меня смех разбирает... Хитрый ты, Сережа!

— Забавно!

— Помню, когда мы еще были подростками, ты и тогда любил обращаться за помощью... Хитрый!

— Ах, ты вот о чем!

— То же и сейчас. — Виктор снова рассмеялся. — Я приехал установить турбину, а ты меня к электрикам пристроил, преподавателем сделал. Но этого, оказывается, мало — хочешь, чтобы я был инженером на строительстве линии электропередач?

— Хочу, — откровенно признался Сергей. — Ну, ты же понимаешь, нужно помочь... А за подготовку электриков тебе большое спасибо!

— А за Ирину и не благодаришь? — шутливо спросил Виктор.

— Это твоя инициатива! — так же шутя ответил Сергей.

— Моя, это верно, — Виктор хлопнул Сергея по плечу. — А ты, оказывается, Сережа, ревнивый, как чорт! Конечно, не Отелло, а все же... И, небось, побаивался, думал — влюблюсь, вот и пропала твоя Смуглянка!.. Эх, ты, дьявол бровастый!

— А я знал, что этого не случится.

— А если бы случилось? — светлое лицо Виктора расплылось в добродушной улыбке. — Скажу тебе по секрету — Ирина мне нравится.

— А ты ей? — в упор спросил Сергей.

— Ну, это уже второй вопрос...

— А по-моему — первый! — Сергей искоса посмотрел на друга. — Именно первый, ибо если девушка тебе нравится, это еще не означает, что и ты ей тоже по сердцу. Часто бывает как раз наоборот!

— Да ты вообще большой оригинал!

— Да уж какой есть, — неохотно ответил Сергей.

— Между прочим, — заговорил Виктор, глядя на подтаявшие лужи у дороги, — в такую своенравную особу, как Ирина, влюбиться просто невозможно.

— А вот я полюбил!

— Видно, что искал по характеру.

— Все насмешечки?

— А брови! Да не хмурься, ничего я о тебе плохого не думаю. Полюбил — и люби себе на здоровье.

— Спасибо за совет, — сухо проговорил Сергей. — А все же, Виктор, мне хочется знать, почему твой выбор пал на Ирину?.. Я понимаю, намерения твои благородны, но разве мало в станице девушек?

— Хочешь знать правду?

— Безусловно.

— Во-первых, — рассудительно начал Виктор, — Ирина очень смышленая девушка, ее обучить нетрудно, и теперь я уже уверен, что диспетчер из нее выйдет...

— А во-вторых?

— Во-вторых же, — с расстановкой проговорил Виктор, — мне казалось странным: как же так, девушка готовится стать женой Героя, а сама — простая возница?

— Так вот что тебя беспокоит? И ты говорил об этом Ирине?

— Конечно, сказал.

— Вот это ты сделал глупо! — Сергей насупился, склонил голову. — Противно даже слушать... Не любил я по расчету и не буду. Да и тебе не советую.

— Чего же ты обижаешься? — Виктор задумался. — Вообще ты для меня стал и странным и даже непонятным... Ну, скажи, зачем ты объявил Ирину своей женой, наложил, так сказать, бронь, а к себе не берешь?

— Это уже наше дело.

— Да, я понимаю, — с улыбкой говорил Виктор. — Но мне теперь как-то даже неудобно ходить с уроками к замужней женщине.

— А ты можешь и не ходить.

— Нет, на полдороге останавливаться нельзя.

— Знаешь что, Виктор? — Сергей поднял голову и холодно посмотрел на друга. — Я бы тебе сказал... по-дружески, но мешает Ванюша.

Наступило молчание. Машина, разбрызгивая желтый, смешанный с песком снег, выехала на пригорок... Сергей напрасно опасался своего шофера: он мог бы говорить при нем все, ибо Ванюша в этот момент был занят своими мыслями и ни одного слова из того, о чем говорили Сергей и Виктор, не слышал.

А мысли у Ванюши были все те же, — никак он не мог понять: что с ним стряслось, после того как он побывал в колхозе «Светлый путь», и почему та хорошенькая Лена, которая не дала ему выспаться, до сих пор не выходит из головы? Он знал, что Лена учится на курсах электриков. Сколько раз, бывая в Усть-Невинской, Ванюша хотел навестить Лену, но случалось всегда как-то так, что не оказывалось свободной даже и минуты. А между тем с каждым днем Лена нравилась Ванюше все больше и больше, мысленно он частенько с ней разговаривал, — чего только не говорилось, и, может быть, от этого он потерял покой, видел ее во сне... Вот и в эту поездку Ванюше было, конечно же, не до чужих разговоров: припадая к рулю и всматриваясь в бегущую под машину дорогу, он думал о Лене и видел перед собой ее улыбающееся лицо...

Груз перевозили на санях, но уже через два дня наступила такая оттепель, что казалось, будто вместо марта неожиданно в верховье Кубани заявился апрель. А солнце грело уже и не по-апрельски, а по-майски, дни установились погожие, даже жаркие. Снег испуганно припал к земле и, еще не зная, что бы такое могло случиться, сперва ушел только с пригорков, надеясь не сегодня, так завтра снова вернуться. Но назавтра весна положила по всем пригоркам бледноватую зелень, а степь вдруг с утра закурилась, по ярам, по ложбинам загремели вешние воды, в одну ночь вскрылась ото льда Кубань, тревожно загремела, точно выговаривая: «У-у-у-х! Ка-к же я люблю весну!» С запада повеяли теплые ветры и принесли ранний,

но дружный дождь. Прошла неделя, и умытая степь преобразилась, помолодела и покрылась свежими красками.

Планы весенних работ, так удачно составленные агрономами, вдруг стали никуда не пригодными, — все сроки нарушились, и то, что намечалось делать в апреле, приходилось делать в первых числах марта... И вот первого марта потянулись на поля тракторы с вагончиками и прицепами сеялок и плугов, загремели подводы, груженные семенным зерном, задымились костры, а третьего числа уже почти повсеместно начался сев овса и ячменя.

Рано утром в райкоме состоялось совещание актива. Вернувшись в исполком, Сергей стал готовиться к выезду в район. Неожиданно распахнулась дверь, и в кабинет вошел торопливым шагом невысокого роста мужчина, усталый и небритый. Поставив у порога чемодан, опоясанный дорожными ремнями, он приветливо улыбнулся, блеснув золотыми зубами, протянул обе руки, и тут Сергей невольно воскликнул:

— Лев Ильич! Ты ли это?

— Я, я! Доброго здоровья, Сергей Тимофеевич! — Лев Ильич схватил руку Сергея и начал ее трясти с невероятным усилием. — Очень рад, для ясности, поздравить тебя со столь высоким доверием народа!

— Да еще успеешь поздравить! — сказал Сергей, еще не веря, что перед ним стоит Рубцов-Емницкий. — Садись и рассказывай! И где ты пропадал столько времени?

— Изъездил, для ясности, полсвета!

Лев Ильич тяжело опустился на диван, а Сергей смотрел на него, слушал и только улыбался... Да, теперь уже Сергей не сомневался, что на диване сидел не кто другой, а именно Рубцов-Емницкий, хотя узнать его с первого взгляда было нелегко. И так же нелегко было, увидев Рубцова-Емницкого, сказать: в чем же он изменился, что в нем прибавилось и чего недоставало? Было заметно, что он похудел, стал смугл до черноты, в глазах светилась живая искорка, но от этого и его лицо, и взгляд сделались куда приятнее в сравнении с тем, какими они были прежде... Может быть, вся загадка скрывалась в том, что вместо хорошо нам известного плаща под цвет осенних листьев каштана Рубцов-Емницкий носил коричневый полушубок, который раздобыл, очевидно, во время поездки у своих новых приятелей; что на ногах у него не было знакомых нам парусиновых сапожек с тупыми носками, которые

уж очень мягко и неслышно ступали по земле, а были фетровые валенки на толстой каучуковой подошве, обшитые красной кожей; что не вышитая на украинский манер сорочка украшала его грудь, а обычная гимнастерка; что на голове вместо соломенного картуза ловко сидела кепка из черной смушки с нацепленными над козырьком темно-синими очками. Но надобно сказать, что и новая одежда была ему так же к лицу, как и все то, что он носил раньше... Нет, по всему было видно — перемена, происшедшая в Рубцове-Емницком, коренилась не во внешнем его виде, а жила где-то в глубине его существа. Поэтому и Сергей, так хорошо знавший своего председателя райпотребсоюза, удивлялся не новому его одеянию и не смуглости небритого лица, а тем необычным для Рубцова-Емницкого суждениям о жизни и тем интересным рассказам о поездке, в которых чувствовалась какая-то благородная гордость: «Вот, мол, какой есть Рубцов-Емницкий! Может, и были такие, кто считал меня бездельником и плутом, а я поехал по важному заданию и показал себя, и хотя трудно мне было, а я не сдался и дело сделал, оборудование получил и отгрузил, и теперь горжусь сам собою!»

— Да что — грузы! — весело воскликнул Рубцов-Емницкий, продолжая рассказывать о поездке. — Грузы уже дома, и о них ты меня не спрашивай... Ты лучше спроси, что я там увидел, в каких я побывал городах. О! Замечательные то города! А какие видел заводы! Ведут меня по цехам, а я гляжу на все и, веришь, только удивляюсь! Какие механизмы! А какие там люди! Золото, а не люди! А как работают! А обхождение с приезжими! А какое тебе внимание!

— Значит, обошелся и без сливочного масла? — шутя намекнул Сергей.

Рубцов-Емницкий не обиделся.

— Куда там! Люди не мелочные. — Тут он уже не мог усидеть на диване, встал, снял полушубок и стал расхаживать по кабинету. — И очень хорошо, что тебя послушался, а то пришлось бы там краснеть... Правда, были моменты трудные, не все шло гладко, и мысль моя тогда работала во все стороны. Но знаешь, кто меня выручал в трудные минуты? Усть-Невинская!.. Ого! Оказывается, нашу станицу знают повсюду! Бывало так: затормозится дело, всякая мелочь лезет под ноги и мешает, я и так и эдак — ничего не помогает. Тогда я иду к тому человеку,

от которого зависит решение, и говорю: «Так ведь это же груз для Усть-Невинской ГЭС!» И сразу начинается другой разговор... Вот она какая, наша станица! Так у меня было, когда семь вагонов в один день получил... А еще, для ясности, друзья, конечно, здорово помогали!

— И там оказались у тебя друзья? — с улыбкой спросил Сергей.

— А как же! Без них я и жить не умею... Вот только все же беда: не сумел заполучить лишних моторов. По одному на колхоз достал, но ведь это же недостаточно? Как по-твоему, Сергей Тимофеевич?

— Да, маловато, — со вздохом сказал Сергей. — А в общем на первое время хватит... Спасибо тебе, Лев Ильич, за старание.

— Погоди, погоди! — Рубцов-Емницкий подсел к Сергею. — Благодарность приму, но не в данный момент. А знаешь, когда? Будешь произносить речь на торжественном пуске гидростанции — вот там упомяни, для ясности, и мое имя.

— Долго ждать!

— А я подожду. Только дай слово, что упомянешь как активного строителя.

— Хорошо, упомяну, — пообещал Сергей. — Но, знаешь, Лев Ильич, сколько у нас еще дел? По всему району должны вырасти столбы с проводами, все, что ты отгрузил с заводов, нужно пристроить к делу. Работа не маленькая! А тут и посевная в разгаре.

Поговорив еще немного с Рубцовым-Емницким, Сергей выехал в район и в тот же день проезжал полями колхоза «Светлый путь». На широком загоне зяблевой пахоты двигались четыре сеялки — на свежей, еще влажной земле были видны следы дисков. Сзади за сеялкой шел, помахивая чистиком, Петр Несмашный — Сергей узнал его издали по пустому рукаву, подоткнутому за пояс.

— Петро, как оно сеется?! — крикнул Сергей, когда сеялка, позвякивая цепочками, подошла к дороге.

— Сеем исправно! — с достоинством ответил Петро.— Моя Глаша определила меня на новую должность. «В завхозах, — говорит, — тебе ходить не годится, становись за сеялку».

— Ну, а ты? Согласился?

— Сперва не хотелось, — чистосердечно признался Петро, — а теперь даже охотно соглашаюсь.

— А что случилось?

— Так ты разве не читал? — Петро вынул из кармана аккуратно сложенную газету. — Постановление пленума... Тут и про сеяльщиков сказано — очень важная мысль! Так что есть прямой расчет быть сеяльщиком.

— А где мне повидать Глашу?

— Наверно, в хуторе.

Хутор виднелся из ложбины одними крышами и голыми верхушками деревьев. Въезжая в улицу, Сергей встретил линейку, на которой ехала Глаша Несмашная.

— Ну, Несмашная, читала? — сказал Сергей, показывая газету. — Что скажешь?

Глаша взглянула на Сергея все с той же веселой улыбкой, и ее быстрые глаза с белыми, как волокно льна, бровями точно говорили: «На такой вопрос мне ответить легко... А вот если бы ты спросил меня, что я думаю о тебе и почему я так улыбаюсь, то тут я бы ничего не смогла ответить...»

— Мы уже обсудили и одобрили, — сказала Глаша, закрывая губы кончиком платка. — Более всего, конечно, радуются зерновики. Теперь у нас самым богатым будет звено Лукерьи Ильинишны. А меня тоже завидки берут... Сергей Тимофеевич, переведи меня опять звеньевой — дюже выгодная должность. — Глаша посмотрела на Сергея, и он понял, что она шутит; глаза ее заблестели, и она стыдливо усмехнулась и покраснела.

В тот же день Сергей позвонил Кондратьеву. По телефону они условились на этой неделе созвать совещание председателей колхозов и бригадиров. Сергей предложил пригласить на совещание Ефима Петровича Меркушёва.

— Вези, вези, — сказал Кондратьев. — Пусть он познакомится с нашими людьми. Да не забудь, поезжай в Усть-Невинскую и скажи Рагулину, чтобы готовился к совещанию. Ему в этом хоре — первый голос... Так и скажи!

В Усть-Невинской Рагулина не было. Сергей заехал к нему домой. На огороде, недалеко от хаты, жена Рагулина, полная пожилая женщина, расчищала граблями грядки. Сергей спросил, дома ли хозяин.

— Эх, сынок, сынок, — певучим голосом заговорила она, — разве ж ты моего Стефана не знаешь? Он у меня, как грач. Услыхал тепло и улетел. — Она тяжело вздохнула. — С весны и до осени я его вижу редко, как гостя...

Ежели хочешь его повидать, то скачи на Иван-венец. Туда он поехал с обозом озимь кормить. — Старуха горестно махнула рукой. — И такое придумал — пшеницу кормить!

Поля буденновцев — Сергей это знал — лежали на левом крыле устьневинского земельного клина. За станицей, если ехать от Верблюд-горы, дорога уходила все левее и левее. Навстречу бежала равнина — то подступало квадратное, гектаров на сто поле, уже засеянное ячменем, — еще свежи были следы колес сеялки; то попадалась весенняя пахота со стальным блеском; то тянулась серая и унылая стерня, за зиму прибитая к земле и еще не совсем сухая. По ней ходили конные бороны, девушки-бороновальщицы стягивали блеклую солому и поджигали ее — костры выстроились в одну линию, сильно дымили и были похожи на корабли в море.

«А где же будет все ж таки этот Иван-венец?» — подумал Сергей и подъехал к бороновальщице, прочищавшей у дороги борону.

Девушка узнала Сергея и, смутившись, разговаривала с ним, не глядя в его сторону.

— Бачите, вон потянулся обоз? — сказала она. — Так это они и едут на Иван-венец.

Сергей поблагодарил девушку, так и не увидев ее лица, и поехал догонять обоз. У дороги стоял вагончик. Сколько таких вагончиков с цинковыми крышами, со ступеньками и с окнами, на которых белеют занавески, разбросано по кубанской земле! И вблизи каждого вагончика, как правило, лежат бочки, заботливо обложенные камнями или обсыпанные горкой земли, и стоит полуразобранный трактор, похожий на скелет неведомого животного, вокруг которого копошатся трактористы, чумазые, как машинисты, и виднеется плуг с блестящими, как зеркала, лемехами, и в сторонке — печка из самана, вместо трубы — ведро без дна,— по всему видно, тракторная бригада по-настоящему обосновалась на жительство. Кухарка, пожилая женщина, повязанная косынкой, сидела на корточках и раздувала в печи огонь. Увидев проезжавшего Сергея, она приветливо помахала ему рукой и снова занялась своим делом. А невдалеке на пригорке два колесных трактора пахали под пропашные. Они шли один вслед за другим, удаляясь от дороги, — Сергей видел только блеск начищенных шпор, согнутые спины рулевых и сычами сидевших на корпусе плуга подростков — плугарей.

Бычий обоз двигался по взгорью медленно, со скрипом. Сергей насчитал девять подвод. На каждой стояли чаны ведер на сто, кадушки, а то и продолговатые, очевидно специально сделанные корыта. Вся эта разнокалиберная посуда была наполнена жидкостью цвета хорошо прожаренного подсолнечного масла. От обоза веяло запахом конского помета. Впереди на вислозадой кобыленке без седла ехал Стефан Петрович Рагулин. Он сидел несколько боком, лицо его, давно не видавшее бритвы, было серое и грустное. В своем будничном костюме — старенькие, вобранные в носки шаровары, ватный пиджак, подпоясанный веревкой, изрядно поношенный картуз — Рагулин напоминал конюха, едущего в поле на самой старой кобыле. Старик не то дремал, закрыв глаза, не то о чем-то думал.

— Стефан Петрович, — сказал Сергей, поровнявшись с Рагулиным, — далеко ли путь держите?

— Харч везем озимым, — ответил Рагулин, слезая с лошади.

— А что ж вы там будете делать? — спросил Сергей, хотя знал, куда и зачем едет обоз.

— Эх, ты, сын казака-хлебороба! — с усмешкой сказал Рагулин. — Как же ты так — ничего не можешь понять? Везем мы пищу для озимой пшеницы — вещь дюже питательная. Слов нет, в земле имеются питательные соки, но мы же порешили взять урожай невиданный, вот и надо тому делу подсоблять. Каждый корешочек подмочим, попоим — работа дюже хлопотливая, да зато выгодная.

— Теперь вам надо еще больше постараться, — сказал Сергей. — Читали постановление пленума?

— Читал, — задумчиво проговорил Рагулин. — И ты знаешь, о чем я думал, когда читал? О том марьяновском бригадире, о котором ты мне рассказывал. Как я рассудил про себя — молодчага тот бригадир, ей-богу! Надо бы мне с этим человеком повидаться.

— Скоро вы с ним повстречаетесь. На той неделе в среду созывается районное совещание. Будем обсуждать решение пленума ЦК. На это совещание мы пригласим и Ефима Петровича Меркушева... Так что вы, Стефан Петрович, подготовляйтесь.

— Не смогу подготовиться.

— Почему?

— Не кончу к тому времени сеять.

— Так вы постарайтесь.

— Стараюсь, а вот не кончу. — Старик задумался, посмотрел на обоз, который уже выползал на гору. — Сергей, а скажи, этот Меркушев по технике, конечно, спец, а по урожаю как, высоко идет? Какая там у него цифра запланирована?

— Точно я не знаю, — сказал Сергей, — но думаю, что от вас он не отстанет.

— А опережать не думает?

— Вот он приедет, мы его и попросим рассказать... Так что готовьтесь и приезжайте.

Проезжая полями, Сергей завернул в бригадный стан ворошиловцев. Подворье бригады было убрано, расчищено и подметено. Две женщины белили стены невысокого саманного домика. Тут же старик-плотник чинил дверь. Под навесом трое мужчин очищали на триере ячмень, ручку триера вращал Алексей Артамашов. Его нельзя было узнать. Вместо красивой кубанки с синим верхом на голове у него была поношенная кепка, вместо галифе и длиннополой сорочки, подтянутой казачьим пояском, — обычные брюки и рубашка, вобранная за пояс. Сергей посмотрел на Артамашова и усмехнулся.

— Сергей Тимофеевич! — крикнул Артамашов, плавно и легко вращая ручку, — не узнаешь?! Эге! Артамашов теперь уже не тот. Его скоро и родная мать не узнает.

— Вижу, вижу, нарядился, как артист! — крикнул Сергей. — Опять хвастаешь? Не живешь, Алексей, а играешься!

Сергей вошел в дом. В передней комнате с одним столом и длинной — от угла к углу — лавкой находились Никита Мальцев и бригадир Антон Солод, грузный мужчина с лукавым взглядом. Никита о чем-то громко разговаривал с Антоном, который подошел к окну и задумчиво смотрел на веяльщиков.

— Сергей Тимофеевич, — сказал Никита, подавая Сергею руку. — Посмотри ты на этого совестливого дядьку, — указал он на бригадира. — Совестится поехать к Рагулину... А я ему говорю, что стыдно будет тогда, когда урожая не будет.

— Да не в этом дело, — проговорил Антон. — Как же я к нему поеду, ежели я с ним еще в прошлом году поругался... Это ж такой вредный старик.

— А так и поедешь, — сказал Никита. — Нет своего ума, так иди к чужому дяде с поклоном... В этом, как я полагаю, нет ничего плохого.

— Пусть бы лучше Артамашов, как звеньевой, и поехал, — глядя в окно, проговорил Антон. — У него же зерновой участок, ему и надо ехать.

— Заставь, ты бригадир, — сказал Никита.

— Да, его заставишь! — со вздохом возразил Антон и горестно посмотрел на Сергея. — Рассуди, Сергей Тимофеевич, как же мне тут начальствовать. Мне дали в звеньевые Артамашова. В прошлом году он мною управлял, а теперь мы вроде ролями поменялись. И Артамашов меня не слушается. Беда мне с таким звеньевым! Я ему насчет Рагулина намекнул, так он на меня таким зверюкой посмотрел...

— А о чем у вас разговор? — спросил Сергей.

— Посылаю к Рагулину за опытом, — пояснил Никита, зло покосившись на Антона. — Хочу в этом году подкормку зерновым дать, а этой премудрости никто у нас не обучен. Я был у Рагулина, упросил его показать, как оно делается. Старик уважил, он ко мне хорошо относится, но не могу ж я, как председатель, за всем успеть. А Антон, видишь ли ты, совестится, не хочет ехать... По правилу, лучше всего поехать бы Артамашову, как у него все посевы зерновые, но ты ж знаешь, что Артамашов и Рагулин — давние враги... А побывать у Рагулина крайне нужно. Зараз он на конеферме раствор делает.

— Опоздал, Никита, — сказал Сергей. — Рагулин давно выехал целым обозом на поля.

— И раствор повез? — Никита махнул рукой. — Ах ты, горе! Надо его догнать. А ну, Антон, зови Артамашова. Я с ним сам поговорю.

Артамашов вошел в комнату все той же стройной походкой, какой он не раз появлялся здесь, когда был председателем. И хотя он был одет в обычный крестьянский костюм, но был попрежнему строен, руку всем подал все с тем же привычным достоинством, и на его смуглом лице все так же играла гордая улыбка.

— Алексей, — сказал Никита, — знаешь, зачем я тебя позвал?

— Скажешь — вот я и узнаю.

— Ты читал постановление пленума ЦК о поднятии урожая? — Никита показал Артамашову газету.

— А как ты думаешь? — Артамашов усмехнулся. — Не только читал, а уже на практике реализую.

— Не вижу.

— О! Видал ты его! — Артамашов рассмеялся. — Сережа, погляди ты на него, какой быстрый. Молодой, а нетерпелячий! Погоди до осени, вот тогда и увидишь. Раз я, Алексей Артамашов, сказал, что согласно этому решению подыму урожай и заработаю орден, — знать, так тому и быть!.. Это точно! Можешь взять себе на заметку.

— А Рагулина обгонишь? — спросил Сергей.

— Эге! — Артамашов снял картуз и смял его в кулаке. — Этого чертяку старого на самом лихом коне не обскачешь...

— А хочется? — Сергей улыбнулся.

— Хоть и хочется, а не смогу.

— А я думаю, что мы сможем, — уверенно заявил Никита. — Ты, Алексей, поезжай к Рагулину да поучись у него, как надо делать подкормку озимых, а потом у себя все это сделаем. Вот и сумеем обогнать буденновцев... Сергей Тимофеевич, куда поехал обоз?

— На Иван-венец.

— Алексей, зараз же седлай коня и скачи.

— Это чтобы я ехал к Рагулину?! — удивился Артамашов. — Ни за что! Я, Алексей Артамашов, — и поеду на поклон к Рагулину, к этому жадюге? Да ты, Никита, смеешься!

— Вот видишь, как ты постановление реализуешь, — упрекнул Никита. — На словах ты герой, я тебя знаю.

— А ты мне молодой указывать, — решительно заявил Артамашов. — Я и без Рагулина как-нибудь управлюсь...

— Как-нибудь, Алексей Степанович, нельзя. — сказал Сергей и строго посмотрел на Артамашова. — Если ты всерьез решил поднять урожай, то забудь все, что было между тобой и Рагулиным, а седлай коня и поезжай... Да все хорошенько там изучи.

Артамашов низко склонил голову и молчал.

— Алексей Степанович, ты всюду говоришь о каком-то другом Артамашове, — продолжал Сергей. — Если же и в самом деле после того собрания на свет появился новый Алексей Артамашов, то он должен немедленно оседлать коня и уехать на Иван-венец. Иначе всем твоим разговорам грош цена.

— На коне все одно не поеду, — мрачно проговорил Артамашов. — На коне я с ним никогда не встречался. Дай мне, Никита, мою тачанку. — Лицо у него побледнело. — Понимаешь, не могу я к нему ехать на коне. А ежели надо ехать, так прикачу я к нему на тачанке, как прежде... И это обмундирование сниму, а надену все праздничное.

Никита крикнул кучера и велел запрягать. Вскоре к дому со знакомым цокотом подкатила тачанка. Артамашов весь вздрогнул, посмотрел в окно на знакомых ему лошадей, на кучера Андрона, потом взглянул на Сергея, точно говоря: «Ну, будь что будет, поеду...» Губы его скривились, точно он превозмогал страшную боль. Видимо, ему хотелось что-то сказать, но он удержал себя, зло махнул рукой и вышел.

— Ну, Андрон! — крикнул он кучеру, садясь в тачанку. — Снова мы вместе. Вези меня сперва в станицу, я там малость приоденусь, а потом понесемся мы с тобой в гости к Рагулину.

Тачанка загремела по дороге.

ГЛАВА XXIX

Поздно ночью Стефан Петрович Рагулин приехал со степи домой. Кобылу он не стал отводить на общую конюшню, а привязал под навесом, возле лежавшей коровы, бросил охапку сена и пошел в дом. Дверь открыла Фекла Саввишна, в белой длинной сорочке. Не сказав ему ни слова, она прошла в переднюю комнату, зажгла лампу и сердито посмотрела на Стефана Петровича.

— И где ты все полуношничаешь? — спросила она гневно.

— В поле... Где ж еще?

— Ну и ночевал бы там.

— Случилось так, что приехал, — робко отвечал Стефан Петрович.

— Боже мой, а выгваздался! Да ты что, конюшню чистил?

— Да, малость подзамарался, — смущенно проговорил Стефан Петрович, поглядывая на свою одежду. — Но зато какое важное дело сделали. Теперь очередь за дождями. Вот бы два-три мартовских дождя — и ты знаешь, Саввишна, какой у буденновцев будет урожай! Эге! Ты, вижу

я, ничего не знаешь. А я тебе скажу: сколько мы с тобой живем на свете, а такого урожая еще не было!

— Да будет ли? Ты так говоришь, будто зерно уже лежит в амбаре. Лучше, Стефан, скажешь гоп, когда перескочишь. Впереди еще всего можно ожидать — и градобоя и суши.

— Град — стихия, а суши я не испугаюсь.

— Эх, какой герой! Ты лучше скидывай свою вонючую одежу, да я начну тебя обмывать. Зараз затоплю печь и согрею воды.

Искупавшись и улегшись в чистую и мягкую постель, Стефан Петрович ни с того, ни с сего рассмеялся.

— Чего тебе так весело? — удивилась Саввишна.

— Артамашова вспомнил... Ты знаешь, он сегодня приезжал ко мне на тачанке.

— На какой же тачанке? Он теперь ведь не председатель.

— В том-то как раз и смех... Не председатель, а прикатил на тачанке. — Стефан Петрович тихонько засмеялся и продолжал: — Мы себе занимаемся подкормкой пшеницы. Гляжу я — по дороге на Иван-венец мчится артамашовская тачанка. А на ней все такой же бравый и гордый сидит Артамашов и разодетый так, будто он едет не в поле, а на свадьбу... Хитрый, чертяка!... — и Стефан Петрович не мог удержать смех.

— Так чего ж он приезжал?

— С поклоном к своему недругу... Жизнь оказалась куда умнее Артамашова... А этого он как раз и не хотел признавать. Вышло же так, что пришлось признать, потому что моя линия оказалась правильнее, чем линия Артамашова. Было время, носился Артамашов поверх земли, посмеивался надо мной, жадюгой обзывал, за человека не считал, а на проверку оказалось, что без Рагулина никак нельзя обойтись.

— И чего же он от тебя хотел? — допытывалась Саввишна.

— Совету и помощи... Ты ж знаешь, в своем колхозе он подрядился звеньевым по высокому урожаю и уже всем грозится рекордами...

— Как все одно ты, — вставила Саввишна.

— Что ты меня равняешь? — обиделся Стефан Петрович. — Слушай, что я тебе скажу... Грозиться-то он умеет, а того, как делается простая вещь — подкормка озими, не

знает. Но не в этом самый главный интерес, а в том, что Артамашов пожаловал ко мне с поклоном... Ну, поздоровались мы, конешно, мирно, за руку, как и полагается. Выслушал я его просьбу и говорю: «А что, Алексей, на чьей стороне правда?» Молчит. В глаза не смотрит — стыдно. Гляжу я на него и вижу: хоть он и вырядился в свою новенькую форму, хоть и поясок на нем серебряный и кубанка чортом сидит на затылке — щеголь, куда тебе, а только прежнего форсу в нем и в помине нету. Высоко порхал Артамашов, да только подрезали ему те крылышки; научись сперва правильно по земле ходить, а тогда и в небо гляди. И вот он это понял и захотел стать таким, как все люди. Я его одобряю. Правильно поступил. Звеньевой — должность почетная. Тут ежели постараться да все делать с умом, то можно и в почете быть, да еще и награду от правительства получить... Но только не могу я его понять: или хитрит и представляется, или же в самом деле ума набрался и сурьезно захотел стать примерным человеком... Поживем — увидим.

— Ну, ты ж ему подсобил? Пояснил, что и как?

— Пришлось уважить. — Стефан Петрович тяжело вздохнул. — Подсобил. Куда ж его денешь! Было время— враждовали, а теперь между нами мир. Да и то сказать: об одном же мы деле печалимся. Показал я ему и как подкормку делать и вообще как за посевами смотреть. Поговорили мирно, по-хорошему. Стал он меня благодарить, а в глаза посмотреть не может. А я ему и говорю: «Эх, Алексей, Алексей, опоздал ты меня благодарить. Надо было тебе не гордиться, да и наведываться ко мне почаще, — оно, гляди, и не пришлось бы тебе расставаться с тачанкой...» Ничего не отвечает, а по лицу его вижу — не раскаивается.

Они немного помолчали. Стефан Петрович перестал думать об Артамашове и уже стал засыпать.

— Стефан, вот ты считаешь себя чересчур умным, — заговорила Саввишна. — Всех председателей ты поучаешь... А разве ты сам правильно начальствуешь? Отчего ты лезешь во все дырки?

— Это в какие ж дырки я лезу?

— А в такие. Ты за сеялкой ходишь, и плуги налаживаешь, и с этой подкормкой вторую неделю возишься, а то раз я видела тебя, как ты на конюшне скребницей коней чистил. Разве это председательское дело? Ты Артамашо-

ва завсегда ругал... А Артамашов был человек видный, на нем одёжа чистая — вид совсем другой. А ты в чем ходишь? Да тебя от конюха нельзя отличить. Сегодня пришел — весь загваздался, как самый паршивый свинопас... И почему? Суешься во всякое дело, а оттого и дома не живешь.

— Про Артамашова ты уже не вспоминай, — сердито заговорил Стефан Петрович. — Он форсил здорово, да только уже доформсился... А что ж касается того, что я во все вникаю, то это правильно... Берусь, ежели надо, и коней чистить, и за плугом ходить, а за сеялку стану, то наверняка скажу тебе, что лучше меня никто не посеет... Ничем не брезгаю, ежели вижу, что делается не по мне. А как же нужно руководить иначе? Кто такой, по-твоему, председатель колхоза? Белоручка, что ли? По-моему, он есть первейший хлебороб и знающий дело хозяин... поэтому он все должен уметь. А какой же из меня будет хлебороб и хозяин, ежели я стану только другими командовать, наряжаться, на тачанке раскатываться... С этим всякий справится, а вот правильно вспахать, посеять да показать, как все это делается на практике, да поучить, а потом еще раз показать — все это труднее... Тут уже некогда за костюмчиком смотреть... Эх, жена, жена, ничего ты не смыслишь в моей профессии. Ежели говорить всерьез, то я и половину того не делаю, что надлежит мне делать как руководителю... Вот и с посевами запоздали. А почему? Я виноват. Не поспеваю поворачиваться. Постарел. Мне бы годов тридцать сбросить, вот тогда бы ты могла сказать...

Что именно могла сказать Саввишна, Стефан Петрович так и не пояснил, ибо вспомнил свою молодость и загрустил. Они некоторое время лежали молча, очевидно предаваясь воспоминаниям. Потом Саввишна тяжело вздохнула, зевнула и перекрестила рот, а Стефан Петрович поспешил переменить тему разговора. Он поведал жене о предстоящем совещании и о том, что Сергей просил его выступить с докладом.

— Да ты у меня говорун, — ласково сказала Саввишна, — тебя только затронь. Поговорить ты умеешь.

— Высказаться-то я смогу, — согласился Стефан Петрович, — а только меня беспокоит один человек...

— Кто ж он такой?

— Какой-то Меркушев. — Сергей обещал привезти его из Марьяновского района. По рассказам Сергея — дюже бедовый и грамотный человек.

— А чего ж ты его боишься?

— Особенно бояться, конечно, нечего, а все ж таки опасения у меня кое-какие имеются... Может же он выйти на сцену и сказать: так, мол, и так, беру по зерновым больше, чем Рагулин. Вот оно какое опасение! Тогда и мне придется прибавлять, а тянуться вверх уже некуда. Я и так замахнулся на такую цифру, что боюсь, как бы мне на старости лет в дураках не остаться.

— А много ли пудов ты порешил взять? — спросила Саввишна.

— На нынешний год двести сорок.

— Ой, Стефан, Стефан, дурная у тебя голова! — Саввишна даже приподнялась на локте и посмотрела на мужа. — Кто ж еще посягнет выше этого? Да оно и ты перед людьми только хвастаешься: я не я, все могу.

— И смогу! Двести сорок будет, а вот более ни на один пуд не смогу прибавить. — Стефан Петрович задумался и увидел перед собой Ефима Меркушева, высокого и стройного парня, — почему-то именно таким он ему казался. — И ежели Меркушев скажет: «Обещаю двести пятьдесят пудов», что я ему тогда скажу?

— Ничего и не говори, — посоветовала Саввишна. — Промолчи — да и все.

— Не-е-ет, Саввишна, — сказал Стефан Петрович и тихонько засмеялся, — тут в молчанку не отыграешься. Не та песня. Ежели он станет меня вызывать, так я, потвоему, должен отмалчиваться?

Ранним утром, на минуту заглянув в правление, Стефан Петрович снова отправился в поле. Ввиду нехватки тягла он передал своих выездных лошадей вместе с кучером в полеводческую бригаду на все время сева, поэтому сам разъезжал по полям на старой и удивительно ленивой кобыле. Она была настолько стара и ленива, что ее никакими усилиями нельзя было развеселить и заставить пуститься рысью. Ни плетки, ни кнута она не боялась и с горы и на гору шла одинаковым, чуточку прихрамывающим шагом. Стефан Петрович давно махнул на нее рукой и не торопил. Ехал он без седла, для удобства свесив ноги на одну сторону, — так обычно ездят мальчуганы-табунщики. Повесив на холку поводья и покачиваясь, он осмат-

ривал поля и все время думал о районном совещании и о марьяновском бригадире. Он был почему-то уверен, что Ефим Меркушев непременно вызовет его, а может быть и других председателей, на соревнование по урожаю и при этом скажет: «Вам лучший председатель обещает взять двести сорок пудов, а я даю слово на двести пятьдесят пудов с гектара».

«Иначе зачем же Сергей решил привезти этого Меркушева к нам на совещание, — рассуждал Стефан Петрович. — Да, оно, пожалуй, и я смогу прибавить пудов на десять, виды на озимые неплохие...»

Стефан Петрович залюбовался густой, с темным отливом озимью. Пшеница дружно кустилась, и Стефан Петрович радовался в душе. Надо заметить, что кобыле зеленя тоже понравились, — она уже хотела их отведать, потянула поводья и наклонила голову, но получила пинка в бок и плетку по гриве.

— Куда тянешься, бешеная! — крикнул Рагулин, заворачивая кобылу на дорогу.

Стефан Петрович торопил и бригадиров, и звеньевых. Последние три дня сеяльщики не покидали поля ни днем, ни ночью, сильно приморили лошадей и быков, и к отъезду на совещание Рагулина и бригадиров посев колосовых был завершен. Довольный и обрадованный таким успехом, Стефан Петрович, одетый в праздничный костюм, с побритыми щеками и ловко подрезанной бородкой, сидел на линейке и держал на коленях папку с докладом. Кони шли усталым шагом, и кучер Афанасий их не торопил. Мимо, обгоняя Рагулина, промчались на тачанках беломечетинские председатели.

— Отстаешь, Стефан Петрович! — крикнули беломечетинцы.

Стефан Петрович промолчал.

— Беда, — грустно проговорил Афанасий. — Разве ж можно выездных лошадей запрягать в сеялку? Их там так выгоняли, что они теперь еле-еле ногами переступают... Поглядите, как беломечетинцы помчались — только пыль стоит! А мы будем плестись.

— Председателю выговор делаешь? — Стефан Петрович улыбнулся. — Я и без тебя знаю, что нельзя. А ежели надо? Что ты на это скажешь?

Афанасий сердито молчал.

— Говоришь, выездную пару на севе уморили? — продолжал Стефан Петрович. — И через это мы с тобой не можем так лететь, как полетели беломечетинцы?

— Стыдно ж так ехать.

— Какой же тут стыд? Едем медленно, но зато мы первыми в районе завершили сев зерновых. Вот оно какой расчет! Я еду шагом, но без хвостов, а у тех председателей, что ездят галопом, гляди, и половины колосовых не засеяно... Так что ты, Афанасий, мне не выговаривай, я и сам знаю, что делаю...

В Рощенской к приезду Рагулина вся площадь, как будто здесь разместилась ярмарка, была запружена лошадиным транспортом — тут и тачанки всех фасонов и моделей, и линейки на высоких и на низких колесах, и двухколесные шарабаны на рессорах и без рессор. Кучера, давно поджидая такого удобного съезда, уже собрались в круг и раскуривали первые папиросы. Посредине этого людного собрания торчала белая, из козьей смушки капелюха Дорофея. Афанасий распряг своих лошадей и, вынув кисет, не спеша направился в круг.

Совещание должно было открыться вечером, и делегаты разбрелись по районным учреждениям — каждый по своим делам. Стефан Петрович зашел к Сергею в кабинет, передал рапорт об окончании сева колосовых, поговорил о том, о сем и как бы между прочим осведомился, приехал ли марьяновский гость.

— Я его еще утром привез, — сказал Сергей. — Поселили мы его в Доме колхозника, в отдельном номере.

— Знать, с шиком?

— А как же! На то он гость. Хотите с ним повидаться?

— Большого желания не имею, — сказал Стефан Петрович, — а все ж таки для интереса можно повидаться.

— А он очень просил меня, чтобы вы к нему зашли до совещания.

— Это зачем же я ему так быстро понадобился?

— Его ваш урожай интересует.

— Это какой же? Который был или который еще будет?

— Как я понимаю — и тот, и другой.

— А! Значит, и тот, и другой? Так, так. — Стефан Петрович помял в жмене бородку, и глаза его так сожмурились, что он уже ничего не видел. — Сергей Тимофеевич, я просил тебя разузнать, какой урожай планирует этот Ефим Меркушев. Говорил ты с ним?

— Такого разговору у нас не было, — ответил Сергей, но с такой хитрой улыбкой, которая точно говорила: «Нет, Стефан Петрович, разговор у нас был, и я знаю все, да только не хочу вас расстраивать».

— А что ж это он свои планы под секретом держит?

— Я думаю, что на совещании он обо всем расскажет.

— На совещании — это само собой, — задумчиво проговорил Рагулин. — Надо бы до совещания все разузнать...

Когда Сергей и Стефан Петрович вошли во двор Дома колхозника, Ефим Меркушев, в опрятном, хотя и не новом костюме, без шапки, с орденом Красной Звезды и пятью медалями, стоял на крыльце и улыбался.

«А веселый мужчина, на вид приятный, — подумал Рагулин. — И, сказать, не очень молодой. Годов более сорока наберется...»

— Сергей Тимофеевич, — заговорил Меркушев, — а знаешь, отчего мне так весело?

— Я думаю — оттого, что ты у нас в гостях.

— То само собой. А есть причина поважнее. — Ефим развел руками, как бы желая показать постройки во дворе. — Погляжу — и глазам своим не верю. Ведь это же подворье когда-то принадлежало моему хозяину Мокроусову. Два года я у него с женой батрачил, а потом от злости плюнул ему в морду и ушел. Вот этот погребок мы с женой выкопали. А в комнате, где я поселился, жил сам Мокроусов, то была его спальня... Смешно, ей-богу! Думалось ли мне, что я войду в этот дом не батраком, а гостем!

— Да еще и каким гостем! — сказал Сергей. — Почетным!

— Гость-то обыкновенный, чего ж тут лишнее говорить, — возразил Меркушев.

«Молодец, не из гордых, цену себе знает, — подумал Стефан Петрович, — по всему видать, человек простой...»

— И как же, скажите, меняется время! — продолжал Ефим. — Бывало, в этот дом я мог заходить только по зову хозяина, да и то на цыпочках. А теперь Меркушев живет в хозяйской спальне.

— Как ты там устроился? — спросил Сергей. — Пойдем посмотрим. Небось, не хуже, чем тот Мокроусов?

Они вошли в небольшую комнату с высокой двухспальной кроватью, с диваном и столом, над которым висело зеркало.

— Ефим Петрович, — заговорил Сергей, — а знаешь, кто со мной пришел? Это же Стефан Петрович Рагулин.

— Доброго здоровья, Стефан Петрович, — сказал Ефим и протянул Рагулину свою сильную руку. — Я о вас столько слыхал...

«Ничего ты про меня не слыхал, — подумал Рагулин, — а так сказал, для красного словца...»

— Откуда ж ты мог обо мне слышать? — спросил он. — Живем мы в разных станицах и, кажись, ни разу не встречались...

— Не встречались — это верно, а я вас хорошо знаю. В газетах частенько пишут.

— Могло быть, конешно, — неохотно согласился Рагулин.

— Знаю-то я вас давно, а представлял себе совсем не таким.

— Да, вид у меня не очень того... года!

Стефан Петрович сел на стул и внимательно осмотрел Ефима с ног до головы.

«Крупный мужчина, — подумал он, видя широкую, как совок, ладонь Ефима. — И тоже, по груди видно, воевал... А только орденов маловато. Медалей сполна, а орденов маловато...»

— Ну, вы уже познакомились, — сказал Сергей. — У меня есть срочные дела, и я вас покину. А вы посидите, поговорите.

Сергей ушел, а Рагулин и Меркушев недоверчиво и как-то по-особенному строго посмотрели друг на друга, точно говоря: «Ну, вот мы и остались одни, а говорить-то нам и не о чем». Они сидели молча, и им было неловко. Ефим вынул из кармана коробку папирос и стал угощать своего нового друга. Стефан Петрович даже не взглянул на папиросы, сказал, что курит самодельную махорку, и тут же протянул кисет Ефиму. Они свернули цыгарки, закурили, похвалили махорку, а говорить опять было не о чем.

— Стефан Петрович, так что наши батьки были тезками, — сказал Ефим, поглаживая усы.

— Выходит, что так.

И снова молчание.

«Ты наших батькив не трогай, — думал Стефан Петрович, косясь на Ефима. — Ты лучше без обиняков, а говори напрямик — зачем пожаловал в чужой район».

— Стефан Петрович, вам не приходилось батраковать? — спросил Ефим, стараясь завязать разговор.

— У меня до тридцатого года было свое хозяйство.

— Бедняцкое?

— Не знаю, как его и считать, — сухо ответил Рагулин. — Сперва ходил я в маломощных середняцких, а потом подрос до крепкого середняка. Дело прошлое, на что тебе это знать?

— Да я только спросил.

Снова наступило неловкое молчание.

«Все допытывается, — думал Стефан Петрович. — Все ему надоть знать...»

— Молодцеватый у вас предрайисполкома, — сказал Ефим. — Я с ним на кошаре случайно повстречался.

— Ничего, хороший человек.

— Теперь мы его и своим считаем.

— Оно верно, считать вы можете, — все так же неохотно отвечал Рагулин, — а все же таки он наш... В нашей станице родился.

— Рождение тут ни при чем.

Они снова закурили, снова посмотрели друг на друга, а разговор не получался. Рагулин раскуривал цыгарку и о чем-то думал.

— Ефим Петрович, — заговорил он после продолжительного молчания, — ты, слыхал я, мастер насчет техники?

— Кое-что соображаю.

— И в электричестве смыслишь?

— Малость разбираюсь.

— Отчего ж вы себе гидростанцию не сооружаете? — с гордой улыбкой спросил Рагулин. — На том немецком моторчике далеко не уедешь.

— Да, это верно, — согласился Ефим. — Вот бы и нам такую гидростанцию, как у вас... Завидно, ей-богу!

— Стройте и себе.

— Построим, — грустно проговорил Ефим. — Может, и не так быстро, как устьневинцы, а построим... А какие у вас нынче виды на урожай? — спросил он, вынимая из кармана ту же коробку папирос. — Давайте моих закурим.

Рагулин отказался.

— Какие ж зараз виды на урожай? — Стефан Петрович нарочно уклонился от прямого ответа. — Рано еще предугадывать. Так в общем будто благополучно... А там кто ж его знает.

«За урожай пытает, — подумал Стефан Петрович, — хочется ему знать про мои наметки».

— Стефан Петрович, я хотел спросить у вас одну вещь. — Ефим ближе придвинул папиросы. — Берите. Очень славные папироски.

— Спрашивай. Ежели смогу — отвечу.

— Вопрос такой: какими путями вы добиваетесь таких высоких урожаев?

— Какие ж там пути? Никаких особых путей нету, — все так же, не желая отвечать прямо, неопределенно проговорил Стефан Петрович. — Наше дело обычное, хлеборобское.

— Обычное, да не совсем. Скажем так: вы сеете по черным парам?

— Исключительно. Без черных паров как же можно?

— Так. А какую даете культивацию?

— Не особенно глубокую, но не очень и мелкую.

— А подкормку по весне делаете?

— Завсегда.

— Золой?

— И золой, и суперфосфатом. Но, на мой взгляд, лучше всего конским пометом в жидком растворе. — Стефан Петрович увидел, что тема разговора становится и близкой ему, и интересной, взял папиросу, закурил и сказал: — Тут, брат, дело вкуса. Один делает так, другой — иначе. Можно, конешно, и золой, и другими удобрениями, но все это совсем не такая сила. А ежели ты хочешь получить добротное зерно, чтоб оно дало высокую кондицию, то ты должен...

Речь потекла легко, и остановить ее Стефан Петрович был уже не в силах. Маленькие его глаза заблестели, он даже встал, прошелся по комнате. Оживился и Ефим. Как только разговор коснулся такой близкой для них темы, оба собеседника точно переродились. Откуда-то пришли красноречие, живость, улыбки на лицах. С каким-то особенным волнением они говорили о самых простых вещах, как, скажем, о культивации черных паров, о посеве пшеницы перекрестным способом, — так могут беседовать только агрономы-опытники. Ефим слушал то с восторгом, то с удивлением и без конца задавал вопросы, один другого значительней, и улыбался, любовно поглядывая на Рагулина. Они говорили минут сорок — и о подкормке колосовых, и о прополке, и об организации труда в полеводческих брига-

дах, — говорили с такими подробностями и с таким знанием дела, что их суждения были похожи на хорошо продуманные записи лекций. И когда перешли к самому насущному — к механизации трудоемких работ, тут уже инициатива перешла к Ефиму, который говорил об этом предмете так просто и так убедительно, что Рагулин уже не мог ни возразить, ни добавить ни слова к тому, о чем рассказывал Ефим. У Ефима оказался такой богатый опыт, что Рагулин, редко кому завидуя, тут почувствовал зависть и про себя решил, что его новый приятель — человек и умный, и весьма положительный... А Ефим, ничего не подозревая, вдруг спросил, какой урожай пшеницы Рагулин намечает взять в нынешнем году, и попал в самое больное место.

«Ага, — подумал Рагулин, — вот тебе о чем хочется знать? Ты, Ефим Петрович, решил меня выпытать? А я не скажу...»

— Хочешь обогнать? — в упор спросил Стефан Петрович.

— Куда там мне! Я вам в ученики гожусь.

— А зачем же спрашиваешь?

— Из интереса... Эх, Стефан Петрович, вот бы мне приехать к вам в колхоз на выучку! Хоть бы на месяц. Вы же настоящий хозяин, у вас есть чему поучиться.

— Что ж, приезжай. — Рагулин важно погладил усы.— Ты, конешно, можешь приехать и поглядеть наши поля. А только меня ты чересчур не расхваливай. В работе я злой, и в колхозе меня не все уважают.

— А я бы уважал.

— Могло быть, конешно, — согласился Рагулин, уже окончательно решив, что Ефиму можно во всем открыться. — Ты заинтересовался моими планами на урожай? Могу сказать... К примеру, по пшенице думаю взять двести сорок пудов.

— Сколько?!

— А что? Мало? — Стефан Петрович самодовольно усмехнулся.

— Ого! Куда там «мало»! — Ефим придвинул свой стул ближе к Рагулину. — Стефан Петрович, я к вам обязательно приеду. Вижу, что именно к вам я должен приехать и поучиться... Только уж вы не обижайтесь, ежели я прихвачу с собой звеньевых. У меня их три — и все дивчата.

— Вези и своих дивчат, — согласился Рагулин. — Какая ж может быть обида, раз дело того требует!

— За это вам спасибо. — Ефим задумался. — Стефан Петрович, а знаете, какая мысль пришла мне в голову?

— Скажи, скажи.

— Давайте от всех, кто хочет добиться высоких урожаев, напишем письмо товарищу Сталину. Так, мол, и так, мы, передовики, каждый на свою совесть, берем обязательства добиться рекордного урожая, да еще добавим к этому насчет механизации. Вы понимаете мою мысль?

— Да я-то понимаю — дело нужное, — рассудительно отвечал Рагулин. — А только почему ты в своем районе такую идею не высказывал?

— Высказал бы, но у нас нет подходящего запевалы по урожаю.

— Это какого ж такого запевалы?

— А такого, как вы. — Ефим улыбнулся, погладил усы. — Понимаете, Стефан Петрович, тут первое слово должен сказать такой человек, чтобы он вес имел.

— А я не очень собой толстый.

— Вы шутите! А я вот о чем думаю: тут нужен такой запевала, чтобы его голос был услышан всюду. Ежели, допустим, я выступлю на собрании первый и скажу, что обещаю товарищу Сталину достичь урожая, скажем, двести пудов с гектара, а у меня, — это же все в районе знают, — в прошлом году было всего-навсего шестьдесят пять пудов, все скажут: «Ефим мелет языком, а что — и сам не знает». А вам поверят, и ваше слово разнесется по всей Кубани, а вслед за вами многие пожелают и поучиться у вас, и потягаться с вами. Да вот я первый. Мне за вами, конешно, не угнаться, но двести пудов возьму. Да и механизацию у вас можно построить образцовую — свое электричество!

— Так вот ты с какими намерениями приехал, — задумчиво проговорил Рагулин, комкая в кулаке бороду. — Погляжу я на тебя — парень ты башковитый. Что ж, я согласен, в запевалы так в запевалы! Только смотри, Ефим, уговор дороже денег: пообещаем — так надо выполнить... Дело это сурьезное.

— Я это понимаю. — Ефим встал. — Я уже говорил об этом с Сергеем Тимофеевичем. Он нас поддержит, и письмо будет от всей Кубани. — Скуластое лицо Ефима расплылось в добродушной улыбке. — Так, значит, с этим делом мы порешили... А к вам я приеду с делегацией.

— Милости прошу.

На дворе вечерело. Скоро должно было открыться совещание. Рагулин и Меркушев посмотрели в окно, надели шапки и молча вышли на улицу.

ГЛАВА XXX

В марте, в пору безлунья, ночи на юге бывают такие темные, что и в двух шагах не видно ни холмов, ни деревца, ни взгорья, а степь кажется сплошной пахотой. Кое-где на дороге встречаются лужи, тоже черные, похожие на стекло, облитое мазутом. Кони переступают робко и боязливо, иногда сбиваются с дороги. Кучер Афанасий, подбадривая лошадей вожжами, ласково говорил:

— Куда, куда пошли? Слепые, что ли?

Спиной к Афанасию, закутавшись в бурку и низко склонив голову, сидел Стефан Петрович Рагулин.

«С лошадьми, как с людьми, разговаривает, — подумал он. — Интересно, понимают они его слова?»

Стефан Петрович прислушивался к стуку колес и все думал о том, что было на совещании. Выйдя на трибуну и предложив послать письмо товарищу Сталину, он не утерпел и прибавил десять пудов к той цифре урожая, которую наметил сам себе еще осенью.

— Двести пятьдесят пудов пшеницы с гектара — мое слово товарищу Сталину, и я прошу последовать за мной.

Ему аплодировали, и это так взволновало старика, что он сейчас же после совещания, несмотря на просьбу Сергея посмотреть кинокартину, уехал в Усть-Невинскую, рассчитывая на заре появиться в поле.

— Пусть мои бригадиры поглядят картину, а я поспешу домой, — говорил он Сергею, уже усевшись на линейку.

Теперь он смотрел в темноту и почему-то видел себя на трибуне. Затем выступали председатели колхозов, бригадиры, взял слово и Ефим Меркушев, — и Стефан Петрович, вспоминая речи, видел лица ораторов и даже слышал их голоса. Ему приятно было думать о своем выступлении, о том, что именно он сделал почин и призвал всех следовать его примеру; мысленно он переносился в большой клуб, заполненный народом, и на сердце у него было радостно.

«Эге, так вот ты какой, Стефан! — добродушно думал он о себе. — То говорил, что прибавить к двумстам сорока пудам никак не можно, а заговорил перед людьми — и сра-

зу прибавил. И я знаю, тебе от этого приятно, ты этим гордишься... А мог бы, конешно, и не прибавлять... Мог бы, а прибавил. Оно, конешно, хорошо, что прибавил, а вдруг не дотянешь — последние десять пудов самые трудные... Эх, смотри, Стефан, не опозорься. Это ж не то что сам себе на уме подумал, а люди про твою думку ничего не знают... Сам объявил, а слово не воробей, выскочит — не поймаешь...»

Радостное чувство омрачала навязчивая мысль о том, что как бы и в самом деле не случилось чего такого, что навеки опозорило бы перед людьми имя Рагулина. А что ж может случиться? Не уродит столько зерна — вот и все! И как там ни было торжественно у него на душе, а старик Рагулин понимал: получить двести пятьдесят пудов зерна с гектара — дело не шуточное... Такого урожая не видели в Усть-Невинской даже те из стариков, кто старше Рагулина лет на тридцать.

«Почему, к примеру, Никита Мальцев пообещал только сто восемьдесят пудов? — думал Рагулин. — Молодой, побаивается... А выходит, что я уже и не молодой, а побаиваюсь...»

Он стал припоминать: Ефим Меркушев обещал двести пудов, председатель колхоза «Заветы Ильича» — сто пятьдесят, беломечетинцы — все шесть председателей — тоже назвали такую цифру. Дарья Байкова, сославшись на каменистую почву, сказала, что не сможет взять с гектара пшеницы более ста двадцати пудов.

«Прибедняется, окаянная баба, — думал Рагулин. — Земли-то у нас лежат рядом, и я-то знаю, какая там у тебя почва... Ты не можешь, а я могу. Выходит так: старик Рагулин стоит в два с половиной раза дороже Дарьи Никитишны?»

Стефан Петрович даже неслышно засмеялся, припоминая, как Дарья, развязывая на ходу шаль, с раскрасневшимся лицом вышла на трибуну. Когда она кончила говорить, ей не аплодировали, а Рагулин крикнул вслед: «Мало, Дарья!» Стефан Петрович задумался, прислушиваясь к однообразному стуку колес.

Вокруг стояла темь. И опять тревожные мысли не давали Рагулину покою, и все чаще и чаще приходило на ум: а вдруг случится недород?

«Не может того быть, — успокаивал он сам себя. — Вдруг ничего не случается. А если ударит сушь — начну

поливку, а хлеб спасу... И все ж таки почему-то мне боязно? Погорячился. Скажем так: все сделаю, чтоб спасти посевы, а тех десяти пудов и не доберу — вот тебе и позор на голову... А что, ежели соберу столько, как в нынешнем году?»

На этот вопрос у Стефана Петровича не нашлось ответа. Заныло сердце, и Стефану Петровичу кажется, что уже прошла осень, дождливая и нерадостная, и его, Стефана Петровича Рагулина, вызывает к себе Сталин. Приглашает в кабинет и говорит: «Что ж это вы, Стефан Петрович, такой опытный хлебороб и так подкачали? Мы на вас надеялись, начинание ваше одобрили, все газеты о вас писали, а все, выходит, зря... Я, когда получил ваше письмо, прочитал и сразу сказал: «Кубанцы — народ бедовый, я их знаю, слову своему они хозяева. Там один Рагулин чего стоит...» Да, обидно. Ну, пусть бы там случилась такая беда с Никитой Мальцевым. Парень он хоть и славный, но еще молодой, первый год на руководящей работе. Но вы же, Стефан Петрович, не молоды, у вас жизненного опыта целая кладовая. Как же это вы, такой старый конь — и могли свернуть с борозды?..»

Стефан Петрович так задумался, что на лбу у него выступили капельки пота. Он смахнул их рукой, сбросил бурку с плеч и, расправляя плечи, сказал:

— Не допущу!

— Это вы об чем? — осведомился Афанасий.

— Все о том же! — Стефан Петрович облегченно вздохнул и снова натянул на плечи бурку. — Слыхал, какое я дал обещание? Тут, брат, есть о чем задуматься.

— Слыхать слыхал.

— Ну, и что?

— Обещание высокое... Только трудно будет.

— Я и сам знаю, что нелегко... Афанасий, ты, как человек сведущий, скажи: сможем?

— Смотря по тому, какой выдастся год. Хлеборобское занятие такое.

— Что ты мне говоришь про хлеборобское занятие! Я тебя спрашиваю: в любой год сможем?

— Ежели не случится засухи...

— Опять ты свое! ты не гадай, что там случится, — скажи прямо: сможем? Сил у нас хватит?

— Силов-то хватит, почему же нехватить. А только трудно... Но я так думаю: ежели все постараемся — сможем.

Тут такой расчет — единоличнику, сказать, такая задания не под силу, а колхозом возьмем.

— Ну, вот это ты говоришь справедливо. Значит, сможем? А я малость побаивался.

Стефан Петрович, довольный ответом своего кучера, повернулся к Афанасию и предложил ему свой кисет. Курили молча.

Не заезжая в Усть-Невинскую, Стефан Петрович велел Афанасию завернуть в стан третьей полеводческой бригады. Ночь к тому времени была на исходе. Белел край неба, с востока дул свежий ветер, предвещая ясное, но холодное утро. На стане было тихо. На зов Афанасия из сенец вышел мужчина, на ходу надевая шубу.

— Кто тут еще не спит? — спросил Стефан Петрович.

— Це я, Никанор.

— Чего ж ты, Никанор, не спишь?

— Дивчат сторожую, — зевая, с усмешкой ответил Никанор. — В хате зараз такого храпака задают.

— Выпрягать? — спросил Афанасий.

— Погоди. — Стефан Петрович слез с линейки. — Значит, звеньевые меня послушались и ночуют в поле. Так ты, Афанасий, поезжай по соседним станам и скажи звеньевым, чтоб зараз же собирались сюда, до меня, на важный совет... А потом поедешь в станицу и привезешь членов правления...

Стефан Петрович прожил на свете немало, но не помнит, чтобы когда-либо так быстро, как в эту весну, бежало время. Да и хлопот по хозяйству стало еще больше. А после того как Стефан Петрович провел беседу со звеньевыми, а затем состоялись заседание правления и бригадные собрания, жизнь в колхозе и вовсе ускорила свой бег. Из края приехали корреспонденты, и вскоре в газете были напечатаны портрет Рагулина на фоне широкого поля озимой пшеницы, а ниже — его статья, которая называлась: «Мое слово нерушимо...» Затем к Рагулину пожаловал Ефим Меркушев, и не один, а с девушками-звеньевыми. Они приехали на бричке, запряженной волами, и въехали в Усть-Невинскую с такой звонкой песней, что вся станица всполошилась. Следом за Меркушевым стали приезжать то председатели колхозов Белой Мечети, то бригадиры из Родниковской, а то примчалась на коне Глаша Несмашная из «Светлого пути». Гости были людьми досужими — все им хотелось разузнать, и все они старались не только увидеть, но и пощупать руками.

«Ишь, какие хитрые, — думал Рагулин. — Все им раскрой да покажи».

И хотя гости отнимали у Стефана Петровича много времени, но он был весел и доволен их приездом, даже нарушил свое обычное правило — выписал из кладовой продуктов и устроил для гостей обед с вином.

— Что-то ты, Стефан Петрович, дюже расщедрился, — не без резона заметил кладовщик.

— Тут, брат, иначе нельзя, — улыбаясь и жмуря глаза, отвечал Рагулин. — Это же гости не простые, и надо нам себя перед ними показать, чтоб они всем были довольны и ничего плохого о нас не могли сказать...

Но самое значительное и притом неожиданное событие принесло двадцатое марта: в этот день во всех московских газетах был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства. В числе награжденных был и Стефан Петрович Рагулин.

Рано утром, как только Стефан Петрович пришел в правление и велел Афанасию запрягать лошадей, ему позвонила телефонистка станичного совета. Девушка волновалась и то поздравляла, то подробно передавала свой разговор по телефону с Сергеем Тутариновым. Рагулин слушал молча и не знал, что отвечать. Только когда повесил трубку и закрыл ладонью глаза, он добродушно улыбнулся и сказал сам себе:

— Тарахтела, тарахтела, а толком ничего и не сказала.

Вспомнив, что ему пора давно выехать в поле, что у Киркильского родника его ждет агроном, Стефан Петрович сердито посмотрел на Афанасия, стоявшего у двери с кнутом в руках.

— Ты чего стоишь? — спросил Рагулин. — Кони запряжены? А почему не запряжены? Да чего ты на меня так смотришь?

Афанасий смущенно двинул плечами и ушел запрягать лошадей, а Стефан Петрович снял трубку, подержал ее у уха, хотел позвонить, но раздумал. Он еще ничему не верил и хотел уехать в поле, но тут прибежал, запыхавшись, Савва Остроухов и минут десять пожимал и тряс руку новому Герою.

— Стефан Петрович, от всей души, именно от всей души поздравляю! — говорил Савва, все еще держа в своих руках руку Рагулина. — В вас, Стефан Петрович, мы видим

замечательного человека! — И Савва так посмотрел на Рагулина, точно перед ним стоял совсем другой Рагулин. — Эх, чорт возьми! Везет же Усть-Невинской! Два Героя на одну станицу — это, скажу я вам, не так уж мало!

— А я в степь собрался, — смущенно проговорил Стефан Петрович, хотя думал сказать Савве что-то совсем другое. — Давно бы выехал, да вот Афанасий задержал... А там, на Киркилях, меня поджидает агроном...

— Да какая ж теперь может быть степь? — воскликнул Савва. — И какой там еще агроном! Не в степь вам надо ехать, а на станичную площадь, где вас будет чествовать вся станица. Я говорил с Сергеем по телефону. Он и Кондратьев скоро приедут.

— И чего ты, Савва, горячишься? — спокойно спросил Стефан Петрович. — Покудова я своими глазами не увижу указ, митингов проводить не надо... Где же газета с указом?

— Да не успела еще притти. А радио! Вся страна слышала!

— По радио можно ошибиться... Может, то говорилось про моего однофамильца, на Кубани Рагулиных много.

Стефан Петрович так бы и уехал в поле, — он уже сел на линейку, но в это время во двор вкатился тутаринский «виллис», и из него вышли Сергей и Кондратьев. Они тоже пожимали Рагулину руку и поздравляли, а тем временем во дворе правления сами по себе собирались станичники. По станице разнеслась радостная весть, и людей во дворе становилось все больше и больше — Стефан Петрович не заметил, как он и его линейка оказались в кольце. Афанасий понял, что тут случилось очень важное событие и поездка в поле не состоится, без разрешения Рагулина отъехал в сторонку и стал поджидать, что же будет дальше. На линейку взобрались ребятишки и, стоя гурьбой, жадно смотрели через головы взрослых, видели Стефана Петровича, но ничего понять не могли. Стефан Петрович поглядывал во все стороны, на него смотрели знакомые и необычно веселые лица. Рагулин смущенно улыбался, точно говоря: «Ну, вот видите, какой я теперь стал...» И все ж таки он ничему еще не верил... Встретившись взглядом с Афанасием, он что-то сердито крикнул ему, затем махнул рукой. Афанасий отъехал в конец двора и увез ребятишек.

Митинг состоялся тут же. Через час весь двор был запружен народом, у ворот даже стояли трое верховых, а на

улице остановились подводы — возчики взобрались на дробины и сосредоточенно смотрели во двор, прислушиваясь к голосу оратора. Не только у Сергея и у Кондратьева, а у каждого, кто подымался на крыльцо и поздравлял нового Героя, нашлось столько хороших, от сердца идущих слов, что Стефану Петровичу становилось как-то даже неловко. Слушая, он склонил голову, комкая в кулаке бородку, и думал:

«Все разом хвалят, будто во мне ничего плохого и не осталось...»

Выступил и Никита Мальцев и говорил с такой любовью, с какой только сын может говорить об отце.

— Мы все будем учиться у нашего славного Героя Труда! — закончил он свое выступление и посмотрел на Рагулина.

Стефан Петрович одобрительно кивнул головой и мысленно почему-то опять обратился к Киркильскому роднику, где его с утра поджидает агроном, с которым они условились разведать источник, посмотреть его, чтобы потом решить, нельзя ли родник использовать для поливки посева.

«Небось, клянет меня на чем свет стоит... Ну, я еще подоспею. Где это мой Афанасий?»

Он посмотрел в ту сторону, где стоял с линейкой Афанасий, а в это время Савва предоставил слово Артамашову, — стройный, подтянутый, он молодцеватым шагом подымался на крыльцо.

«А ну, что скажет обо мне мой давний соперник? — подумал Рагулин. — Тоже будет хвалить или назовет жадюгой?..»

После митинга Рагулин уехал в степь и четыре дня не появлялся в Усть-Невинской. Он бывал то в одной, то в другой бригаде, разговаривал с сеяльщиками, с звеньевыми, старался быть спокойным, но не мог. Мысль о присвоении звания Героя Социалистического Труда не давала ему покоя. Ему казалось, что теперь колхозники смотрят на него как-то по-особенному, не так, как смотрели раньше, и ни днем, ни ночью он не мог не думать о том, что вот уже четыре дня он не просто Стефан Петрович Рагулин, а Герой Труда, человек в стране видный и всеми уважаемый. Он уже дважды осматривал родник, мысленно прикидывал, как бы лучше устроить водохранилище на случай вынужденной поливки, а в голову лезли думки все о том же: вот он —

Герой, а как же ему теперь руководить колхозом — так же, как руководил и раньше, или как-то по-другому?

«А может, это еще ошибка? — думал он. — И чего так долго газеты не приходят?»

Теперь уж ему не хотелось, чтобы была ошибка, и он с нетерпением ждал, когда же придут в станицу центральные газеты с указом.

На пятый день в степь приехал Сергей. Он побывал во всех полеводческих станах и отыскал Рагулина у истоков Киркильского родника. Старик стоял на взгорье, высоко подняв голову, а перед ним широко расстилалась в низине озимая пшеница — зеленя были такие густые и сочные, что издали они напоминали темнозеленое полотно, раскинутое по земле. Пшеница еще не поднялась и коню по щиколотку, и по ней еще не играл ветерок.

— Стефан Петрович! Что это вы тут стоите, как полководец?

— Думаю, как бы мне повернуть киркильскую воду на эти зеленя.

— Да зачем же ее поворачивать? Пусть себе течет по ложбине. — Сергей вынул из кармана шинели «Правду». — Читайте!

Стефан Петрович осторожно развернул газету и, вытянув руки, насколько только можно было, стал читать вслух:

— «За получение высоких урожаев в тысяча девятьсот сорок шестом году присвоить звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот»...»

Ниже Стефан Петрович видел набранные жирным шрифтом фамилии и среди них никак не мог найти свою. Чем он пристальнее всматривался в строки, тем смотреть ему было труднее, и строчки сливались одна с другой, так, точно по ним текла мутная вода, — глаза его слезились, и смотреть было больно...

— Ниже, ниже, — подсказал Сергей. — Вот где буква «Р»... Читайте... «8. Рагулину Стефану Петровичу — председателю колхоза имени Буденного станицы Усть-Невинской Рощенского района, получившему урожай озимой пшеницы тридцать центнеров с гектара на площади четыреста восемьдесят гектаров».

— Вижу. Совершенно справедливо, — обрадованно сказал Стефан Петрович. — Было, верно, четыреста восемьдесят гектаров, а в нынешнем году мы шагнули вперед.

Взгляни, какое поле! Но тут меньше половины. Главный массив — на Иван-венце. — Он смущенно посмотрел на Сергея, как бы поняв, что сказать ему надо было что-то другое, и губы его виновато скривились в улыбке.

Они сели на зеленом холмике, поросшем низкими кустами боярышника. Чуть ниже, шагах в трех, бурлил родник Киркиль. Вода в небольшом котловане колыхалась, точно вскипала, но была такая чистая, что сквозь нее виднелось коричневое, из мелкого песка дно, усыпанное, как бусинками, разноцветными камешками. По песку метались цветные жучки, и нельзя было понять, бегают ли это водяные жители или передвигаются камешки. Из котлована вода вырывалась тремя мощными струями и с глухим шорохом катилась по камням, как по ступенькам, вниз, в густой лесок; затерявшись на время в леску, она выходила в неглубокую балку и текла прямо в Кубань...

— Сергей Тимофеевич, — заговорил Рагулин, срывая пальцами молодую и сочную траву, — надо бы нам побалакать об одном важном предмете.

— Какой же он, этот важный предмет?

— Про геройство. — Стефан Петрович тяжело вздохнул. — Зараз в этих местах двое нас, Героев. Правда, мы с тобой Герои разные — ты получил ту почесть на войне, а я ее приобрел тут, среди этого поля, но спрос с нас, можно сказать, одинаковый. Сказать так: идем мы в одной упряжке... Но ты в Героях ходишь не первый год, а я человек в таком почете совсем новый. Скажи мне по совести: как мне держать себя с людьми? Ты чего смеешься? Я у тебя серьезно спрашиваю.

— А оттого я и смеюсь, что вы об этом серьезно спрашиваете.

— Да как же мне не спрашивать? — Стефан Петрович загреб пальцами кустик травы и вырвал его с корнем. — Ну, вот ты посуди сам: то я был простым человеком и мог говорить с людьми запросто, по-свойски: где с шуткой, где прикрикнешь, а где и острое словцо пустишь в обиход для складности. Теперь же, как я понимаю, мне надобно разговаривать как-то очень вежливо, всякими там умными словами...

— Стефан Петрович, знаете, что я вам на это отвечу?

— Ну, ну?

— Будьте самим собой — это же самое главное, — Сергей с улыбкой посмотрел на строгое лицо Рагулина, — и

нечего вам перестраиваться. Вы же Рагулин, так и будьте им же!

— Значит, все делать так же запросто? — вполне серьезно спросил Стефан Петрович.

— Именно запросто.

— А все ж таки мне нужно как-то себя показать, что-то такое важное сделать... отличиться. Посоветуй, что б мне такое сделать?

— Первое — вам нужно ехать в Москву, — сказал Сергей. — Есть телеграмма, и вам необходимо выехать послезавтра. Побываете в Кремле, получите награду, а когда вернетесь, то и сами увидите, что вам нужно делать... Так что готовьтесь к отъезду. Я за этим и прибыл к вам.

— Так сразу и ехать? — Стефан Петрович задумался. — Хоть бы отсеяться.

— Не беспокойтесь, без вас отсеются.

Более двух недель Стефан Петрович Рагулин пробыл в Москве. Только в первых числах апреля он вернулся домой. На разъезде Стефана Петровича встречали Савва Остроухов, приехавший сюда на тачанке еще утром, Сергей Тутаринов, Никита Мальцев, Семен Гончаренко и еще небольшая группа станичного актива. Стефан Петрович не спеша вышел из вагона и остановился. На нем был новый темносиний костюм; на голове — тоже новая и такая же темносиняя кепка, бородка так ловко подрезана и подчищена, что Стефан Петрович всем своим помолодевшим видом был похож на Михаила Ивановича Калинина. На борту красиво сшитого пиджака, чуть повыше ордена Ленина, горела золотая медаль «Серп и Молот».

Стефан Петрович поставил чемодан и долго восторженным взглядом смотрел на поля, на яркую зелень ярового ячменя вблизи дороги. Он снял кепку, вытер платком голову, со всеми поздоровался за руку и спросил:

— Ну, как тут наши посевы?

ГЛАВА XXXI

Однажды ранним мартовским утром Виктор собрал курсантов не в школе, а на площади. Они пришли с лопатами, с «когтями», на которых висели тонкие звенящие цепочки. На молодой яркозеленой травке Виктор развернул карту Усть-Невинской и начал объяснять по чертежам, в каком порядке и по каким улицам должны пройти провода

электросети. Тем временем на подводах были подвезены бревна и ящики с крючьями и изоляторами. С восходом солнца начались земляные работы, и это было такое значительное событие, что на площадь сошлись почти все жители станицы, — кто рыть ямки, кто развозить столбы, а кто просто посмотреть.

Прохору было поручено руководство развозкой столбов. Он принял это назначение охотно и с таким гордым видом, что всякий, глядя на его сосредоточенно-строгое лицо, думал: да, только Прохор, и никто другой, может справиться с этим делом.

— Виктор Игнатьич, да я и без чертежов все вижу! — нарочно говорил он так громко, чтобы все слышали. — Я же всю станицу наизусть знаю!

Однако чертежи у Виктора взял, стал их рассматривать, что-то отмечать карандашом, умышленно подойдя ближе к толпе.

— Прохор Афанасьевич! — кричали ему станичники. — В первую очередь вези столбы буденновцам!

— Нет, давай на ворошиловский край!

— Все буденновцам! Буденновцы подождут.

— Сперва на метефе!

— До клуба!

— Лучше всего — к домам!

Прохор, гордо подняв голову, слушал молча.

— Граждане, не горячитесь, — начальствующим тоном сказал Прохор. — Все движение столбов у меня пойдет по схеме! Вот она, глядите! — и он показал чертежи.

Два дня от лесосклада по всем улицам тянулись подводы, груженные бревнами, а следом за ними направились с лопатами землекопы. Повсюду, куда ни глянь, у дворов лежали бревна и чернели бугорки земли.

Утром третьего дня на площадь к Прохору пришли бабка Параська и дед Евсей.

— Прохор! — сказала бабка Параська гневно. — Ты тут старшой или есть еще и повыше тебя!

— И я старшой, и есть еще и повыше меня, — поглаживая усы, отвечал Прохор. — Смотря по тому, какое дело.

— По столбам ты главарь? — допытывалась Параська.

— По столбам — я и есть, — с достоинством отвечал Прохор.

— Само собой, — буркнул Евсей. — Рази не видишь?

— А в чем дело, бабуся? — официальным тоном спросил Прохор.

— Почему ты нас с дедом обходишь? — Бабка Параська подступилась к Прохору и продолжала: — Почему нам не везешь те дручья? Возле каждого двора сваливаешь бревна, а мы с дедом разве не такие люди? Наш двор разве ты не знаешь, где он стоит?

— Знаю, знаю, но погодите, бабуся, не глядите на меня чортом. Зараз я рассмотрю и все вам объясню. — Прохор раскрыл папку и долго водил пальцем по бумаге. — Евсей и Параська Семененковы?

— Мы, мы...

— Так, так... — Прохор задумался.—Ваш дом стоит на краю станицы?

— Само собой, — подтвердил Евсей.

— На правой стороне улицы?

— Там, там, — сказала бабка Параська. — Домишко наш под соломой, а соседом у нас будет зять Тутаринова.

— Все понятно. — Прохор решительно закрыл папку. — Возле вашего двора ввод не полагается.

— Какой такой увод? — спросила бабка Параська. — Это ты что придумал?

— Ну, столбу стоять там не полагается. Поняли?

— Само собой, — согласился Евсей.

— Как же так не полагается? — тут уже бабка Параська уперлась кулаками в бока и решительно подошла к Прохору. — Отчего ему там стоять не полагается?

— А вот так и не полагается, потому как я действую по чертежу.

— Ах ты, дьявол старый! — не на шутку расходилась старуха. — Знаю тебя, сатанюку! — Нарочно обошел наш двор! Старые люди живут, — так тебе на них чертежов нету? Вези зараз же столб — вот и все! Вези!

— Не могу, бабуся, — спокойно отвечал Прохор. — Без света вас не оставим, но провода подведем с соседней улицы... Понятно?

— Знать ничего не хочу! Давай столб!

— Вот прицепилась! Горе, а не бабуся!

— И не отцеплюсь! — стояла на своем Параська. — Я на тебя, сатанюку, управу найду. Сережке пожалуюсь! А вот и он, на счастье, едет... Пойдем, Евсей! — и она повела мужа к станичному совету, куда подъехал на машине Сергей.

Мимо Прохора, глухо стуча колесами и поскрипывая, проехала подвода, груженная тремя столбами, на верхних концах которых уже торчали крючья. Быков вел Нестор — рослый мужчина лет сорока, в широких суконных штанах и в куцом жакете. На бричке сидела Лена, держа на коленях связку белых, как голуби, изоляторов.

— Нестор, обожди! — крикнул Прохор. — Свои точки знаешь?

Бричка остановилась, Нестор повесил кнут быку на рога и развернул кисет.

— Скажи, так и буду знать, — не спеша ответил Нестор, сворачивая цыгарку.

— Так вот, смотри сюда, — сказал Прохор, показывая возчику чертежи. — Под номером сорок семь сбросишь возле яценкового сарая, только не по сю его сторону, а по ту, — вот эта точечка. Под номером сорок восемь отвезешь к мальцевскому двору, — вот этот кружочек, наискось от калитки. А под номером сорок девять положи на углу, где стоит курничок... Понятно?

— Не заблудюсь, не бойся, — ответил Нестор.

— Повтори!

— Значит, так: сарай, мальцевский двор и курник.

— Правильно! — сказал Прохор и обратился к Лене: — Елена, ты будешь чашки накручивать?

— Как видите.

— А кто ямки выроет?

— Почем я знаю, — ответила Лена.

— И где запропал Грицько с хлопцами? — Прохор горестно махнул рукой. — То ж его улица.

— Прохор, а я знаю, где Грицько, — сказал Нестор. — Он ушел до кочубеевских амбаров.

— Эх ты, горе! Возьми, Нестор, лопаты, а землекопов я пришлю.

Первый столб, как и наказывал Прохор, был сброшен возле яценкового сарая. Нестор уехал дальше, а Лена отвязала два изолятора и стала привинчивать их на крючья. Она впервые без помощи Виктора занималась этим делом. Ей хотелось, чтобы чашечка не косила, села на крюк плотно и разрезом именно в ту сторону, в какую нужно, но добиться этого было нелегко. Или фарфор был уж очень скользкий, или руки у нее дрожали, но чашечка никак не хотела повиноваться и два раза выскакивала из пальцев. К тому же резьба оказалась слабой, и от этого навинченная

чашечка сидела несколько боком. А тут еще, как на беду, подъехали Виктор и Сергей. Лена волновалась, но работу не бросала, а только покраснела до слез, сильнее склонилась над столбом и, конечно же, не видела, с какой приветливой улыбкой посмотрел на нее Ванюша.

— Ну, Коломейцева, как идет практика? — весело спросил Виктор.

— Хорошо, — глухо ответила Лена.

— А почему косит изолятор? — спросил Сергей.

— Ну, это не беда, — сказал Виктор и подсел к Лене. — Возьми кусочек пакли... Давай помогу.

— Нет, нет, я сама! — Лена улыбнулась Сергею, как бы говоря: «Вот, мол, я теперь какая. Я все знаю и смогу, только вы оба не глядите на меня».

— И в самом деле, Виктор, — сказал Сергей, — не будем мешать. Зайдем на минутку к нашим... Ванюша, ты потом подъедешь.

Ванюше показалось, что ослышался, и он нарочно переспросил, куда нужно было подъехать. А когда Сергей и Виктор направились в переулок, Ванюша осторожно подошел к Лене и долго смотрел на ее проворные руки.

— А ты чего остался? — не подымая головы, спросила Лена.

— Лена, да ведь это же я, Ванюша — шофер райисполкома.

— Вижу, — сказала Лена, не отрываясь от дела.

— Помнишь, как мы ночевали у вашей мамаши?

— Понравилось? — Лена поправила рукой спадавшие на лоб локоны. — Приезжайте еще!

— Да мы с Сергеем Тимофеевичем были у вашей мамаши, а только никого там не застали.

— Были у матери и никого не застали? Смешно!

Ванюше сделалось жарко. Он снял шапку и пригладил ладонью белую чуприну.

— Лена, а тебя там не было... а мне так хотелось с тобой повстречаться.

— Это зачем же?

— А так, запросто.

Лена удивленно подняла голову, и этот ее строгий взгляд, ее румяное лицо показались Ванюше такими красивыми, что он уже не мог стоять и присел на столб.

— Лена, в тот вечер...

Ванюша не договорил. Лена вдруг рассмеялась и так радостно, что и ее смех, и белые зубы, и голубые с крапинками глаза были Ванюше до того приятными, что он и сам, не зная отчего, тоже рассмеялся.

— Ванюша, — сказала она ласково, — ты не вспоминай тот вечер... Он давно прошел и уже никогда не вернется, а лучше помоги мне...

— Леночка! — Ванюша вскочил. — Приказывай все, что хочешь, — вмиг сделаю! Да если ты только скажешь...

— А Сергей? Скоро тебе нужно ехать.

— Теперь все обождет. И Сергей Тимофеевич, и все на свете! Раз я решился...

— На что же ты решился? — при этом Лена так улыбнулась, что у Ванюши потемнело в глазах.

— На то я решился, на то... — Ванюша тяжело вздохнул: — На все я решился, потому как люблю тебя, Лена!

— Меня? — Лена так звонко рассмеялась, что Ванюша отступил от нее. — Так я уже замужем была! Разве ты не знаешь?

— Ничего мне не надо знать, ежели ты мне по душе...

— Ва-а-ню-ша! — протяжно сказала Лена. — Ой, какой ты страшный!

— Сам я теперь не свой, вот и страшный!.. Лена, говори, что мне делать?

— Помоги яму вырыть.

— Хоть десять! — Ванюша ударил шапкой о землю, снял пояс, засучил рукава. — Давай лопату! Где рыть?

— Милый Ванюша! Ты не страшный, а очень славный!

Ванюша вонзил острие лопаты в землю, наступил ногой и уже ничего не слышал.

Прошла неделя, и по Усть-Невинской поднялись, как лес, столбы, отсвечивая на солнце белыми серьгами изоляторов. Вид станицы как-то сразу изменился. От непривычки и улицы казались шире, и дома выше, и изгороди исправней. Будто бы все оставалось прежним, и деревья, как и во всякую весну, дружно покрывались зеленью, а только вдоль садов возвышались столбы, и на них то там, то здесь карабкались электрики, уже натягивая провода; и яблони, как всегда, зацвели буйным цветом, а только на фоне этой пышной и яркой белизны величественно рисовались все те же столбы... На площади они описали размашистый круг, а затем разбежались кто куда: одни по улицам, другие вдоль реки, третьи к амбарам и на колхозные дворы, а са-

мая длинная цепь, обогнув Верблюд-гору, протянулась к саманному домику птицеводческой фермы... А курам в это время не было решительно никакого дела до того, подошли на птичник столбы или не подошли: они встречали весну таким крикливым кудахтаньем, что оно было слышно даже в станице. В курник, где ярусами вдоль стены, точно ложи в театре, висели плетеные из соломы гнезда, набилось столько хлопотливых несушек, что там образовался настоящий куриный базар. «Я-я несу яйцо! Я-я несу яйцо! А я уже снесла! А я уже снесла!» — разносилось на все голоса.

А петухи тоже были небезучастны: одни стояли у порога, другие взбирались на крышу и, гордо поднимая головы, кричали изо всей силы:

«А что там за шум! А-а! Мы знаем, что там за шум! А-а! Мы знаем, почему все разом кричите!..»

Молодой, зимней выводки, петушок с острым, еще не вполне оформившимся гребешком и куцым хвостом, молодцевато взлетел на крышу невысокого сарайчика и, топча солому длинными, еще без крючковатых шпор ногами, кричал что есть мочи:

«Ага! Я же вам говорил, что пришла весна!»

— Ой, какой же крикун! — ласково сказала Ирина, глядя на молодого петуха. — Все орут — и он туда же!

Ирина вошла в птичник. Длинное и низкое помещение, с широкими на юг окнами, было залито солнцем. Свет падал широкими полосами, и куры, сбившись у гнезд, казались не белыми, а с зеленоватым отливом на спинках и на шеях. Над головой у нее с паническим криком пролетела курица. Ирина подошла к гнезду. В нем лежала белая горка яиц, — видимо, в этот день побывала здесь не одна несушка. Ирина подоткнула фартук и осторожно начала брать яйца. В другом конце птичника Марфа Игнатьевна тоже выбирала яйца и складывала их в корзину, надписывая на каждом дату и порядковый номер.

— Иринушка! — крикнула мать. — Не приезжал Сережа?!

— Обещал, а почему-то нету, — невесело ответила Ирина.

— Ну, приедет, ежели обещал! Дорога теперь у него одна, да к тому еще знакомая.

Вот уже прошел месяц, как Ирина считалась невестой Сергея, приближалось и время, когда она станет его женой.

Все эти дни, занималась ли она с Виктором, или была занята каким делом, находилась ли одна, или в компании,— мысленно она постоянно была с Сергеем. Постепенно, сама того не замечая, Ирина научилась понимать Сергея с полуслова, умела по взгляду, по одной лишь улыбке или по движению его широких бровей узнавать, чем он взволнован или обрадован. И, может быть, потому, что Ирина так часто и подолгу думала о нем, в ней произошли любопытные перемены: она жила теми же интересами и заботами, какими жил Сергей, и это ее радовало... Если Сергею хотелось, чтобы как можно быстрее завершить в районе сев, точно такие же желания возникали и у нее, и она, сочувствуя ему, говорила: «Сережа, а ты дай указания председателям, чтобы они поторопились...» Если Сергей говорил о сооружении электролинии — и она была уверена, что важнее и значительнее этого разговора и быть не может. Сергей рассказывал ей о том, как Артамашов работает звеньевым, — и она утвердительно кивала головой. Как-то раз Сергей в разговоре с ней похвалил Стефана Петровича Рагулина — и Ирина согласилась с ним, что лучшего председателя колхоза нельзя найти во всем районе. Как-то Сергей пожаловался ей, что не любит сидеть на слишком затянувшихся заседаниях, — и Ирина уже считала, что нужно проводить заседания короткие... Ирина совершенно была убеждена, что Сергей всегда и во всем был прав и что против него никто не смел сказать и слова. Она беспокоилась о его авторитете, пожалуй, больше, чем он сам, и из-за этого поссорилась с Анфисой.

Случилось это в тот день, когда по просьбе Ниловны Анфиса и Семен пришли на птичник проведать свою будущую родственницу. Ирина встретила гостей радостно, пригласила в хату, усадила за стол и накормила обедом. Семен был в черной, из мелкого курпея, кубанке, которую купил на базаре, и в этом наряде «под казака» он был смешным, не таким, каким встретила его Ирина на полустанке.

— Семен, это ты что же — в казаки приписался? — с усмешкой спросила Ирина.

— Фасонит, — с улыбкой сказала Анфиса, — бате угождает.

— Просто нравится — вот и ношу.

Анфиса готовилась стать матерью, и хотя она нарочно сшила себе слишком просторный сарафан со сборками и напусками, но и такой костюм уже не мог скрыть ее бере-

менность. Ирина смотрела на Анфису, и вид молодой женщины и радовал, и пугал ее.

— Анфиса, ой, какая ты стала! — шепотом, на ухо сказала Ирина.

— Скоро и сама будешь такая, — с гордой улыбкой ответила Анфиса.

За обедом Семен частенько посматривал на Ирину, и невольно губы его кривились в улыбке. Видя ее матово-темное лицо, веселые и умные глаза, он живо представил себе и глухой полустанок, и лениво плетущихся огненно-красных быков, и смуглолицую возницу... И думалось ему: как же недавно все было, а сколько за это время произошло перемен! И какие перемены!

— Казак! — весело сказала Ирина, — я догадываюсь, чего ты на меня так посматриваешь. Небось, припомнил, как я тебя и Сережу из беды выручила на том полустанке? И где вы взялись на ту пору?

— Тебе тогда, наверно, и в голову не пришло, что на твоем возу сидят сразу два жениха! — Семен тоже рассмеялся и весело посмотрел на жену. — А какие женихи! Можно сказать — герои! — тут Семен нарочно надел кубанку и лихо сбил ее на лоб.

— А ты не очень гордись, — сказала Анфиса. — Не было бы тебя и Сережки, так мы бы с Ириной еще бы не таких женихов себе нашли. В девках бы не сидели. Правильно, Ирина?

— Не знаю...

— Вот видишь — она не знает, — сказал Семен. — Значит, я прав. Да и женихи-то какие — первый сорт! — Он обратился к Ирине: — Только вы с Сережей что-то чересчур запаздываете. Погляди на мою Анфису! Женщина, можно сказать, в полной боевой форме!

— А ну тебя, Семен, — смущенно проговорила Анфиса.

— Анфиса, да ведь это же правда, — все так же весело сказал Семен, — поджидаем маленького казачонка.

— А разве ты казак? — еще не оправившись от смущения, спросила Анфиса. — Кубанку купил — так, думает, уже и казак?

— Как он думает, это не имеет значения, — рассудительно ответила Ирина. — Раз ты, Анфиса, казачка, значит и муж у тебя казак, и ребенок будет казачонком.

— Вот это сказано по-моему! — воскликнул Семен. — А все ж таки мой друг слишком медлит... В других-то де-

лах он дюже щирый да торопливый... Я на него обиделся. Не за то, конечно, что он так долго не женится, а за горячность... Мне сдается, что на фронте он был куда спокойнее. — Семен обратился к Ирине: — Веришь, позавчера он вызвал меня и Савву с отчетом на заседание исполкома. Сам сидит за столом и чортом на меня косится, будто я ему зло какое сделал.

— Значит, сделал, коли он на теб'я так посмотрел, — сказала Ирина. — Сережа зря серчать не будет.

— А откуда ты его так быстро разузнала? — не б'ез ехидства спросила Анфиса. — Я, кажись, лучше тебя знаю своего брата. Тоже спичка! Если что не по нем — может ни с того, ни с сего воспламениться.

— Досталось тогда и мне, и Савве, — продолжал Семен. — Мне — за строительство плотины, а Савве — за плохую доставку столбов.

— И правильно! — смело заявила Ирина.

— Что правильно? — спросила Анфиса.

— А то, что Сережа хорошенько поругал Савву и Семена. Он понапрасну никого не станет обижать.

— Ой, ой, ой! — воскликнул Семен. — Что я слышу? Ты ли это, Смуглянка? Да ты не в жены годишься моему другу, а в заместители!

— Это Сережка ее научил заступничать, — вставила Анфиса.

— А вы не смейтесь, — строго сказала Ирина, — ты погляди на Савву. Разве так выполняют пятилетний план? Сережа помог ему все составить, лесу доб'ыл, а Савва теперь прохлаждается и ждет, чтобы Сережа за него снова работал. А у Сережи есть свои дела — у него целый район, и он не б'удет за Савву работать, а заставит, потребует... а и с тебя, Семен, тоже потребует! Вот скоро начнем высоковольтную линию ставить. А ты, Семен, неповоротливый! Будет тебе нагоняй!

— Не имеешь права на Семена такое наговаривать, — перебила ее Анфиса, и лицо ее разрумянилось. — Ишь, какая объявилась начальница!

— Нет, имею право, — сказала Ирина, смело глядя на Анфису. — Ты не знаешь, как Сережа б'еспокоится за электростанцию? А я все его думки знаю... Он так печалится!

— Охотно верю, что Сергей печалится, — спокойно перебил Семен. — А тебе-то чего болеть душой?

— Верная будет женушка, — с усмешкой сказала Анфиса. — Тоже начнешь районом управлять?

— Что я буду делать — тебя не спрошу! — резко ответила Ирина.

— Анфиса, Ирина! — сказал Семен. — Да вы что ж в самом деле... Не успели породниться — и уже ссоритесь?

Всем было неловко. Некоторое время они сидели молча. Ирина, не понимая, почему Анфиса так сильно обиделась, пробовала заговорить с ней то о семенах гвоздики, то о каком-то новом рисунке на вышивке. Анфиса отвечала неохотно, разговор не клеился, и они расстались сухо, как чужие.

— Видишь, Семен, — заговорила Анфиса, когда они вышли на дорогу, — какую языкастую да сильно умную жену подобрал себе Сергей. Характером вся в него... Только обидно слушать, — чего, скажи, она лезет, куда ее не просят? Что она понимает в сережкиных делах?

— Как всякая жена, — проговорил Семен. — Ты иногда тоже вмешиваешься в мои дела.

— Так то ж я... Да и то я только с тобой иногда наедине говорю, а на людях я и слова не скажу... А она, видал, как за Сережку заступается? Ишь, какая умная!

А Ирина все еще стояла у порога и задумчиво смотрела им вслед. Она так и не могла понять, почему Анфиса на нее обиделась...

«Или она недовольна тем, что ее брат женится на мне? — думала Ирина. — Так пусть бы так и сказала, и тогда бы я не стала с ней и разговаривать...»

С этими мыслями Ирина вошла в хату и остановилась возле большого, несколько продолговатого сундука в железной обивке. Сундук был куплен еще в ту пору, когда Марфа Игнатьевна собиралась выходить замуж, но выглядел еще не очень старым — немного поржавело железо... Теперь в этом сундуке хранились наряды Ирины. Ирина вспомнила, как Сергей однажды подошел к сундуку, потрогал его рукой и рассмеялся.

«Эту старинную скрыню, — сказал он с усмешкой, — мы не возьмем. Нам она не подходит. На «виллис» ее не поставишь, а на быках тащить совестно. Так что ты рассортируй все, что там у тебя хранится, а я привезу тебе три чемодана. Это и прилично и удобно...»

Ирина слушала Сергея и утвердительно кивала головой, — она была согласна с тем, что материн сундук и в са-

мом деле никуда не годится... Она подняла тяжелую крышку и задумалась: влезет ли все, что лежит в сундуке, в три чемодана?

ГЛАВА XXXII

Помнится Сергею, что даже на фронте в самые жаркие дни боев время бежало не так быстро, как в эту весну. Вслед за севом незаметно наступила прополка, люди из станиц перекочевали на поля — там они дневали и ночевали, и строительство станции само по себе замедлилось. И хотя к середине марта плотина преградила русло Кубани и по каналу прошла пробная вода, хотя монтажные работы подходили к концу, а в станицах сооружалась электросеть и провода подводились к домам и общественным постройкам, но Сергея это не радовало. Он хорошо понимал, что не сделано еще одно из главных сооружений: трансформаторные подстанции и высоковольтная магистраль, которая должна пересечь район в трех направлениях. Уже приехали из сельэлектро специалисты, было и оборудование, но нехватало рабочей силы и транспорта. Вначале Сергей думал обойтись небольшими бригадами, созданными, главным образом, из наемных рабочих и бывших курсантов-электриков. Но потом он вскоре убедился, что этой силы далеко не достаточно и что строительство линии может затянуться до осени, а пуск станции был намечен на май.

В беседе с Кондратьевым Сергей настаивал, чтобы сооружение высоковольтной линии объявить народной стройкой подобно тому, как это было сделано на рытье канала.

— Мы подымем все станицы, — горячо доказывал Сергей, — мобилизуем весь транспорт, какой только есть в районе, и, я уверен — выйдем с победой! А иначе нас ожидает позор!

— Ну, это уж слишком строгое суждение, — Кондратьев с добродушной улыбкой посмотрел на Сергея. — Все станицы мы, конечно, поднять сможем, но не имеем на это права.

— Почему?

— Есть же у нас не менее важное дело — поля, и о них не следует забывать. Ты вот что сделай: поезжай в станицы, узнай на месте, сколько каждый колхоз сможет дать людей и тягловой силы, но только чтобы без ущерба для полевых работ...

— Без ущерба невозможно!

— А ты попробуй, попробуй... Тогда и примешь на исполкоме нужное решение.

— Да ведь это же долгая история! А время бежит!

— Не торопись. Поспешишь — людей насмешишь, — мудрые слова. Поезжай, поезжай...

И Сергей поехал. Он побывал во многих станицах и хуторах, и как ни подсчитывал вместе с руководителями колхозов и бригад, как ни прикидывал, но ни людей, ни транспортных средств нехватало. И, как ни тяжело было сознавать, что на полях будет неуправка, Сергей всюду говорил, что высоковольтную линию нужно сооружать силами колхозов, — иного выхода он не находил. Но чем больше он об этом думал, тем тревожнее у него было на сердце. Это чувство было ему знакомо еще по фронту, особенно в те минуты, когда он вел танк в бой и наверное знал, что вот-вот встретится с противником. Он хорошо понимал, что ездит по району не ради простого любопытства. Ему нужно было завтра, не откладывая ни на один день, принять важное решение и сделать так, чтобы и обработка полей и строительство электролинии шли одновременно. Часто, — еще на фронте да и теперь в районе, — когда ему приходилось принимать то или иное значительное решение и он еще твердо не знал, что и как сделать, он всегда думал о том, как бы в таком случае поступил и что бы предпринял генерал его дивизии, авторитет которого Сергей ставил очень высоко. Сергей и на этот раз думал о генерале, видел его доброе, со скупой улыбкой лицо, мысленно разговаривал с ним. И как ни старался упросить сказать хоть одно слово о том, что же ему, Сергею, делать — генерал только улыбался и молчал.

«И он тоже ничего не может мне сказать, — с наивной серьезностью подумал Сергей. — Еще посоветуюсь с отцом и буду действовать», — решил он и поехал в Усть-Невинскую.

Однако к отцу Сергей приехал не скоро. Сперва побывал у Саввы, затем у Рагулина, заехал к Виктору, а потом велел Ванюше заскочить на птичник.

Начинало вечереть. Ирина прилаживала к одеялу новый из белого батиста пододеяльник, который она только что сшила, но еще не успела прорезать петли. Она стояла на коленях на середине раскинутого одеяла, босая, с голыми до колен ногами, и поворачиваясь во все стороны, поправ-

ляла концы и ставила карандашом точки на том месте, где должны быть пуговицы. Ей было почему-то очень весело. Все эти дни, приходя домой, она не находила себе места, все ждала Сергея — и то пела, то беспричинно, как казалось Марфе Игнатьевне, смеялась, то выбегала на курган и смотрела на дорогу.

— Эх, дочка, дочка, — рассудительно говорила Марфа Игнатьевна, — радость твоя мне понятна. Как же в твоем положении и не радоваться... Была и я девушкой и все это переживала... А все ж таки нечего тебе просиживать за книжками да этого Грачова водить в дом, а пора за ум взяться. Ты теперь невеста, и одна у тебя дорога — стать женой. Вот ты и готовься к этому, посмотри, все ли у тебя припасено для новой жизни... А как же? Мы так выходили замуж. — Марфа Игнатьевна понимающе улыбнулась, как бы говоря этой улыбкой, что она, мать, знает, о чем должна беспокоиться невеста. — Перво-наперво — постель. Хоть он у тебя и фронтовик и любит при людях похвастать, что сильно закален на войне, а пуховую постель и ему надо приготовить. Кровать у тебя мягкая, на сетке, четыре подушки пухом набитые, есть и новое одеяло, а вот пододеяльника нету...

В тот же день Ирина занялась шитьем, и ей приятно было сделать самой то, что радует ее и должно обрадовать Сергея: хотелось, чтобы Сергей приехал не сегодня, а завтра, когда одеяло, блестя батистом, будет лежать на кровати... Прорезая ножницами петли, Ирина услышала знакомый шум мотора, твердые шаги, цокот щеколды, и по тому, каким веселым голосом говорил Сергей с шофером и с какой решительностью распахнул сенную дверь, она уже знала, что у него хорошее настроение. Как всегда, встречая Сергея, она и обрадовалась, и испугалась, хотела вскочить и побежать к нему, а подняться не могла — сердце билось так тревожно, что тело ее сразу ослабело, и она так и осталась сидеть на одеяле с поджатыми ногами, как горянка на ковре.

— Иринушка! — крикнул Сергей, крупными шагами подходя к ней. — Ты бы только знала, как я летел к тебе! Так только птицы...

Сергей не договорил, ибо в ту минуту, когда он приблизился к ней, нагнулся и обнял ее, то, что он хотел сказать о птицах, сразу потеряло свой смысл... Он легко, вместе с одеялом, приподнял ее, обрадованную и испуганную, и

стал целовать и ее улыбающиеся губы, и ее закрытые, но все видящие глаза, и ее уши, маленькие и мягкие; целовал торопливо и с той ненасытной жадностью, с какой уставший, томимый жаждой путник пьет воду, добравшись до родника.

— Ой, Сережа, одеяло падает! — смеясь, сказала Ирина, когда Сергей, еще не выпуская ее, смотрел ей в глаза тем ласковым взглядом, который как бы говорил: «Какая ж ты у меня красивая, и оттого, что ты такая красивая, я ничего не вижу и ничего не соображаю...»

— Наше? — спросил Сергей.

— Наше...

Они отошли к столу, смотрели на одеяло и смеялись так весело, точно то, что они видели, и в самом деле было смешным.

— Сама мастерила?

— Сама...

— И смогла?

— Так это же нетрудно.

— Ты пока оставь свое шитво, — сказал Сергей. — Собирайся, поедем к нашим...

Наступал сухой и душный вечер. В доме Тутариновых еще не светились огни. Ниловна подоила корову и прошла с дойницей в сенцы — из дверей повеяло сладким запахом молока. Тимофей Ильич сидел на низеньком стульчике возле хаты — он только что вернулся с огородных плантаций и отдыхал. За день старик находился, устал, все тело его ныло, старчески сухие ноги просились на покой, но не ломили в суставах, не было и в коленях той ноющей боли, которая обычно предвещала старику сырую погоду. Усталыми глазами Тимофей Ильич смотрел на небо, до половины залитое жарким красновато-синим светом, и думал: «Что-то моя ревматизма не тревожится, знать, не быть скоро дождю...»

Ниловна процедила молоко, вымыла дойницу и, повесив ее на колышек, присела, тоже на низеньком стульчике, рядом с мужем.

— Тимофей, — заговорила она, — ну, что там твои ноги, не зудят?

— Уже вылечились, — с нескрываемой усмешкой ответил Тимофей Ильич. — Думаю записаться в танцоры.

Постепенно стемнело. Густые сумерки полезли в сад, а из сада на улицу. В калитку вошла Анфиса, ведя за нашейник телка.

— Разыскала? — спросила Ниловна.

— В бурьянах возле мальцевского двора спал, окаянный, — сказала Анфиса, проходя мимо родителей, полная и низенькая, с заметно выросшим круглым животом. — Мамо, Семен еще не пришел? Знать, и сегодня будет ночевать на гидростанции.

— Э-хе-хе! — тяжело вздохнул Тимофей Ильич. — Дождик-то пойдет, ему еще придет пора. А меня, Ниловна, другое опечаливает... Весна наступила, вода в Кубани прибыла, а электричества все нету и нету. А Прохор доказывал мне, что все упирается в воду...

— А чего ты печалишься, — сочувственно заговорила Ниловна. — Гляди, сколько столбов по улице стоит, просто как в городе. И шнур в хату проведен, чего ж тебе еще?

Тимофей Ильич поднял голову, хотел посмотреть на провода, идущие в дом, но в темноте их уже не было видно.

— Ничего ты, Ниловна, не смыслишь, — сказал он. — Ну, что такое столбы? Что мы на них богу будем молиться, коли в них тока нету... Будем вот так сидеть и на столбы поглядывать... Да и сын наш тоже вояка хороший, в станицу носа не показывает. И Никита Мальцев тоже сидит и чуприну свою поглаживает. Был я у него сегодня. Сидит и за голову руками схватился, чуб мнет! «Почему, — говорю ему, — не ведете столбы от станции?» — «Нету, говорит, директивы, а без нее неможно...» Видал ты его — без директивы жить не может.

Тимофей Ильич еще долго бурчал, ругал и Савву, и Сергея, и зятя, а Ниловна слушала и зевала — она привыкла ложиться спать рано, когда куры садятся на насест. Она уже хотела встать и уйти, но в это время на улице вспыхнуло зарево. Сперва оно осветило плетни, затем перекинулось на сад и, позолотив верхушки белолисток, упало на белую стену и ослепило Тимофея Ильича и зевавшую Ниловну.

— Сереженька едет!

Анфиса легко, точно она и не была беременна, побежала открывать ворота, заслонив рукой от света глаза... Машина подъехала к самому порогу. Сергей и Ирина подошли к родителям.

— Мамо, и вы, батя, — сказал Сергей, — мы с Ириной приехали к вам в гости.

— Спасибо, дети, спасибо, — басом ответил Тимофей Ильич. — Давно пора навестить стариков.

А Ниловна, обрадованная таким неожиданным приездом сына с будущей невесткой, прижималась то к Сергею, то к Ирине, хотела сказать что-то значительное и не находила слов... Старушка вспомнила свою молодость, увидела и себя и Тимофея Ильича вот так когда-то стоявшими перед родителями, и ей хотелось побежать в хату, вынести икону и благословить жениха и невесту, только она не знала, вынести ли сюда икону, или увести молодых в хату... Потом Ниловна вспомнила, что сын ее икону не примет, и от этого ей стало так больно на сердце, что она тихонько всплакнула, прижавшись уже не к Сергею, а к Ирине, и успела тайком, так что в темноте никто и не заметил, перекрестить их обоих своей маленькой старческой рукой.

— И чего ты к ним липнешь? — сказал Тимофей Ильич. — Эй, бабы! — обратился он к Анфисе, что-то говорившей на ухо Ирине, и к Ирине, уже как к своей, и к Ниловне. — Идите в хату и там шепчитесь и целуйтесь, сколько вашей душе угодно. Да приготовьте стол, а мы тут с Сергеем побеседуем.

Женщины ушли в хату, вскоре в окнах загорелся свет и послышался девически веселый смех Анфисы и Ирины.

— Ну, что ж, сыну, — заговорил Тимофей Ильич. — Нареченную жену ты привез, а русская горькая у тебя имеется? Без этой штуковины и в хату не пущу! — И старик рассмеялся тихим, с хрипотой смехом.

Между тем закат давно угас, и из-за крыши подымалась луна. Тени от дома потянулись к воротам. Тимофей Ильич, прислушиваясь к веселому смеху в хате, сказал:

— А веселая тебе жинка попалась.

Затем он усадил Сергея рядом с собой и положил ему на колено свою костлявую и тяжелую руку.

— Еще не расписывались? — спросил он строго.

— Еще с месяц подождем.

— Чего ж ждать? Какая тому есть причина?

— Так условились... Ирина учится.

— А ты бы ее сам и учил... на то и муж.

— Вы этого, батя, не поймете.

— Так, так. — Старик подумал. — И без свадьбы будешь кончать дело?

— Некогда, батя, разгуливать.

— Так... оно-то и верно, зараз тебе не до гулянья... А как же с прочим?

— Это вы о чем?

— Нужно ж тебе родительское благословение, или как?.. Знаю, у попа венчаться не будешь, свадьбу справлять тоже не желаешь, а все ж таки без родительского благословения нельзя. — Тимофей Ильич тяжело вздохнул. — Ты, сыну, не суперечь, ежели мать поднесет тебе икону, не бунтуй, хоть и не смотри на лик божий, и не крестись, а только мать не оскорбляй...

— Нет, нет, батя, только без этого, — поспешно ответил Сергей. — Вы же знаете, что ни вас, ни мать я никогда и ничем не обижал, а этого делать не надо... Ни к чему.

— Так-таки и ни к чему? А чем же мы тебя будем благословлять? Кулаками, что ли? — Тимофей Ильич, сжимая пальцами колено сына, рассмеялся и закашлял.

— Скажите нам доброе слово — вот и все.

— Так, так, доброе слово. — Тимофей Ильич задумался. — Я и сам не дюже охочий до тех икон, а вон мать твоя женщина старорежимная, что она смыслит в политике?.. Ну, ничего, я ее как-нибудь сам отговорю.

— А жилье там у тебя имеется? — спросил отец после короткого молчания. — Где жить-то будете? На квартире?

— Об этом, батя, не беспокойтесь.

— Ну, добре, добре. — Старик расстегнул бешмет, выпрямил ноги. — Ну, что там у вас в районе? Что думает начальство насчет дальнейшего строительства?

— Да так, все ничего... Думаем, батя, и очень много думаем. — Сергей тяжело вздохнул. — Приехал и к вам посоветоваться.

— Так, так. — Старик наклонился, поднял палочку и стал ею чертить землю. — Значит, приехал к бате за советом... Понаобещали Сталину, понашумели, понахвастались, а теперь — думаете? Плохо, сынок, думаете, вот что я тебе скажу.

— Вы, батя, меня не попрекайте, не за попреками я к вам приехал.

— Знаю... Говори, за каким советом приехал?

— Как мне поступить, батя? — Сергей горестно посмотрел на отца. — Чтобы пустить станцию, нужно по всему району провести провода, — работа большая и очень трудная...

— Так что ж из того, что она трудная? Ежели нужно, так и нечего глядеть на трудность.

— Да я это понимаю!

— Скликай людей, да и начинай... А что ты тут раздумываешь? Вот наш Никита смог бы дать и людей, и тягло, а сидит, ждет директиву и чуприну мнет... А ты напиши ему такую директиву, чтоб его черти взяли!

— Если бы собраться всем районом, — задумчиво продолжал Сергей, — то мы смогли бы за два месяца пустить станцию.

— Так чего ж ты мне об этом рассказываешь? Действуй, как лучше.

— А полевые работы? Бурьяна на полях, знаете, сколько? Тут такое трудное время.

— Поднатужимся да и поля в бурьяне не оставим, — сказал Тимофей Ильич. — Ты, сыну, этого не устрашайся. Ежели за дело взяться как следует да чтобы порядок был, то можно всюду управиться... Ты, сыну, так сделай: мужчин, парубков, девок да и баб, которые без малых детей, а то и стариков, которые еще при силе, отбери и пошли на строительство, а остальные пусть будут в поле. Да и в районе надо всех людей забрать и машины там, какие есть...

Сергей встал, подтянул пояс так поспешно, как это он всегда делал, издали увидев командира, оправил гимнастерку и уже мысленно был там, где должна была пройти электромагистраль... Как хорошая скаковая лошадь, увидев препятствие, горячится и уже не может стоять на месте, так и Сергей уже не мог ни сидеть, ни разговаривать. Переступая с ноги на ногу, он уже жил тем, что должно было делаться там, на будущих дорогах электролиний, и не мог решить, ехать ли ему в район сейчас, или подождать ужина...

Боясь обидеть стариков, он остался ужинать и был весел, много разговаривал, охотно ел... Пить же чай он отказался, объявив, что ему нужно срочно ехать в район. Ирина, радостно блестя глазами, шепнула ему на ухо, что она тоже поедет с ним. Тимофей Ильич только утвердительно кивнул головой, а Ниловна горестно смотрела на сына и на невестку и ничего не могла понять. Ирина что-то сказала Анфисе на ухо, поцеловала в щеку Ниловну и стала собираться.

Ванюша, изрядно выпив и закусив, первым вылез из-за стола и пошел заводить машину.

ГЛАВА XXXIII

До рассвета оставалось еще часа два, когда Сергей приехал в райисполком. Он привез с собой Ирину, Семена и Стефана Петровича Рагулина. Следом должны были подъехать Никита Мальцев, Дарья Байкова и Савва Остроухов. Сергей решил созвать заседание исполкома с активом, поэтому начал звонить в станицы, разбудил ночных дежурных и велел передать председателям станичных советов, чтобы немедленно прибыли в Рощенскую.

Созвать людей было нетрудно, но Сергея больше всего беспокоило то, что Кондратьева не было дома, — он тоже, оказывается, выехал в район и еще не вернулся. Как ни пытался Сергей связаться с ним по телефону, но отыскать так и не мог. Звонил в Белую Мечеть — ему отвечал сонный голос сельисполнителя: «Они еще днем туточка были, да и уехали... А куда? Кажись, в Родниковскую...» Из Родниковской сообщили, что секретарь райкома ночью зашел на минутку в станичный совет и тотчас уехал, а куда— никто не знал... Покамест Сергей звонил, Стефан Петрович, удобно устроившись на диване, уснул, а Ирина и Семен сидели у стола и о чем-то вполголоса разговаривали.

Сергей повесил трубку и подошел к Семену и Ирине.

— Ну, Иринушка, помогай! — сказал он. — Садись к телефону и начинай вызывать нужных нам людей... Возьми карандаш.

Ирина молча улыбнулась, как бы говоря: «Ну, что же, давай буду помогать», и взяла со стола карандаш и бумагу.

— Привыкай, Ирина! — весело сказал Семен.

— Звони на квартиры вот этим товарищам, — Сергей наклонился к столу: — начальнику автоколонны—Супрунов его фамилия, хозяин машин, нужный человек... Директору нефтебазы — Соломатину Евсею Марковичу, — пусть подымается, тоже богатый хозяин. Еще разбуди заведующего сельским хозяйством — Ковтунов Сидор Гордеевич. Еще есть телефон на квартире директора МТС — Савельев Петр Семенович, — с ним ты говори поделикатней. Тракторы нам тоже нужны. Вот еще кому позвони — председателю артели «Кожкоопремонт» — Есаулов Илья Григорьевич, — у него есть четыре автомашины, мы у него можем взять пар десять коней. Да и народу у него немало. Еще вызови директора сырзавода — Кожкодаев Савелий Митрофанович. А тебе, Семен, тоже найдется работа: пойди к

Рубцову-Емницкому, к старому своему приятелю... Жаль, у него телефона нету. Но тут недалеко.

— А если он, для ясности, спит? — спросил Семен и рассмеялся.

— Буди, для ясности, и тащи сюда!.. А я пойду на квартиру ко второму секретарю.

Второй секретарь проснулся неохотно, на стук в дверь отозвался не сразу. Спустив босые ноги на пол, он потер ладонью щеку и посмотрел на Сергея заспанными и грустными глазами с таким огорчением, точно говоря: «А! это ты, Тутаринов... И чего тебе нужно? Ведь я вчера лег спать поздно, у меня голова болит, а тебя леший носит в такую пору...»

Выслушал Сергея молча.

— Кондратьев вернулся? — спросил он, потирая ладонью щеку.

— В том-то и дело, что не вернулся. Я его и по телефону не мог разыскать. А дело-то такое, что не терпит.

— Ну, хорошо. Собирай людей, а я подойду.

Между тем наступило утро. По улицам, направляясь в стадо, лениво шли коровы. Возвращаясь в исполком, Сергей завернул к Федору Лукичу Хохлакову. Из-за садика все так же молодо и приветливо смотрели на улицу окна небольшого дома под черепичной крышей. Рамы были раскрыты. Федор Лукич в одной нательной рубашке сидел за столом и пил чай. Увидев входившего в калитку Сергея, он обрадованно крикнул:

— Ранний гость! Заходи до меня чаевничать! А я думал, что только старому коню не спится, — сказал Федор Лукич, когда Сергей вошел в комнату, — а оно и молодой скакун любит на зорьке вставать... Ну, садись, выпей чайку.

— Спасибо, не хочется.

— А ты пей, хоть и не хочется, — приятно улыбаясь, говорил Федор Лукич. — Водкой угостить не могу, — доктора запретили даже в доме держать эту влагу. — Федор Лукич налил в стакан крепкого чаю и усадил Сергея за стол. — Да ты что такой хмурый? Не больной ли? А может, не выспался?

Сергей отрицательно покачал головой, налил в блюдце горячего чаю и, пока пил, в кратких словах рассказывал Федору Лукичу, как члену исполкома, по какому делу он к нему пришел.

— Всех мобилизуешь? — строго спросил Федор Лукич.

— Не всех, но вот у вас на мельнице есть три пары лошадей — вы должны их послать.

— Не пошлю.

— Почему?

— Пустая затея. — Федор Лукич задумался, осторожно потрогал пальцем родинку на своей толстой губе. — Сергей! И что ты есть за человек? Год на тебя я смотрю, нравишься ты мне, вижу, казачья у тебя жилка, — а вот понять я тебя не в силах.

— Что ж во мне непонятного?

— Характер... Я знаю, — это тебя настрополил Рагулин... И вот я не могу понять. Будто ты парень умный, и глаз у тебя верный, но за каким дьяволом ты держишь курс на этого старика Рагулина? Это же одно горе, а не человек! То он мне своими выдумками кровь портил, а теперь к тебе прицепился. Это же карьерист первой статьи! Он уже отхватил одну Золотую Звезду, а теперь целится на другую... Герой нашего времени да и только! Ну, вот ты — Герой, кровь на фронте проливал, войну на своих плечах вынес, — это я понимаю. Но какой Герой из этого вредного старика? Хлеб уродил — стал Героем. Да у нас земля такая, что и без Рагулина может уродить.

— Геройство людей, Федор Лукич, нужно видеть не только на войне, — возразил Сергей. — Что же касается народной стройки, то инициатива эта исходит не от Рагулина... не печальтесь, Федор Лукич.

— А от кого?

— Да это не суть важно.

— Зачем же ты Рагулина привез?

— Актив. Рагулину я верю, не подведет!

— Веришь? — Хохлаков усмехнулся. — Не понимаю, во что ты в нем так сильно уверился? Решил аврал подымать и Рагулина привез на подсобление. А Рагулин, чертяка хитрый, я-то его знаю. Он-то свои поля обработает, а в других колхозах из-за недостатка людей посевы погибнут — и Рагулин сызнова выдвинется... Вот у него какой расчет!

— Плохо вы знаете Рагулина.

— Но ты рассуди сам, — Хохлаков приподнялся, — есть же «Сельэлектро» или там еще какая строительная контора, пусть они и сооружают, а твое дело — о хлебе думать... Урожай — вот твой главный козырь!

— Козырь! — Сергей зло усмехнулся. — Да мы же не в карты играем, а жизнь строим! Прошу вас сейчас же притти на заседание исполкома.

— Погоди, — Хохлаков удержал Сергея. — Ты скажи: почему Рагулину веришь, а в то, что я тебе говорю, не веришь?

— Это длинный разговор.

— Ну, все же?

— Мне кажется, потому я вам не верю, что идете вы не вперед, а назад.

— Значит, мы с тобой вроде как бы не попутчики? — Хохлаков рассмеялся.

— Вот, вот!

— Чертовщину придумал! А Рагулин, мой же сверстник, по-твоему, скачет вперед? Так, что ли? Рагулин, по-твоему, меня обогнал? Так я тебя понял?

— Нет, немножко не так. — Сергей скупо улыбнулся.— Федор Лукич, по правде сказать, не Рагулин вас обогнал, а сама жизнь... А вы этого не видите, да и не хотите видеть... Вот в чем ваше горе.

— Шутник же ты, ей-богу! Жизнь меня обогнала? Вот придумал! Как же это можно понять? Да ты знаешь, что я эту самую жизнь с саблей в руках завоевал. Ай, придумал! — Хохлаков хлопнул Сергея по плечу и улыбнулся своей мягкой и приятной улыбкой. — Ну, хорошо! Я приду на исполком. Только заранее знай — буду против, потому, как вижу в этом разбазаривание колхозной силы... Хлеб бурьяном позарастал, а ты с Рагулиным штурм подымаешь...

К полудню заседание исполкома закрылось, люди разъехались по станицам, а на второй день началось строительство электромагистрали. Со всех концов района в Усть-Невинскую потянулись за лесом подводы, тракторы-тягачи с прицепами, запылили по дорогам автомашины. На лесоскладе, где шла погрузка бревен, гудели людские голоса, слышался глухой стук укладываемых на воза столбов, цокот колес, урчание моторов — весь берег был запружен лошадьми, быками и машинами.

От Усть-Невинской бревна уходили по трем маршрутам: один обоз, растянувшись километра на два, взял курс

на Рощенскую и вскоре потерялся в степи; другой двинулся по берегу Кубани — до Родниковской; третий направился на запад, в Белую Мечеть. Великанами лежали желтовато-серые столбы и по зеленям, и по холмам, и по зяби.

Обезлюдели станицы и хутора, зноем и тишиной были охвачены улицы и пустые дворы. Окна на многих домах наглухо закрыты ставнями, на дверях — ржавые, давно бывшие в деле замки...

Лишь изредка можно встретить то древнего старика в тени, у плетня, в поношенном бешмете и в кудлатой шапке: сидит старина, горестно опершись на палку, печальные его глаза слезятся, — видно, и его тянет в степь, и он бы ушел за возом, да только ноги уже не слушаются... То в саду забелеет детская головка и тотчас скроется за кустом; то покажется, согнувшись над грядкой, одинокая старуха — и снова ни души вокруг... Все живое из станиц и хуторов перебралось на поля, и там, под теплым весенним солнцем, началась трудная и необычная жизнь людей.

Как будто ничего особенного и не случилось, а Федор Лукич не мог успокоиться. Ему казалось и странным и непонятным: почему именно после этого заседания исполкома одолела его такая тоска, отчего так тяжко и тревожно было на сердце?

«Кажется, и заседание было обычным, — думал Хохлаков. — Ну, собралось много людей, не смогли уместиться в кабинете и перешли в зал... Ну, поспорили, резал я, как всегда, правду-матку, критиковал в глаза, не боялся... А что ж тут такого? Кто мне запретит критиковать? Сергей хмурился, ему не нравилось, тоже критику не уважает, но слушал молча... Терпел... А вот Рагулин, старый чорт, бесился, перебивал, насмехался, — давно он стоит у меня поперек горла...»

Хохлаков вспомнил, как разозлился на Рагулина и сказал, что и сам не поедет на строительство и лошадей с мельницы не даст, и тут же покинул заседание. За дверью нарочно остановился, прислушался, думал — позовут, но его не удерживали, и только кто-то громко и насмешливо крикнул: «Валяй! Валяй! Обойдемся и без ахида!» С горькой обидой вспоминая об этом, Хохлаков поежился.

«Кто же окрестил меня такой дурацкой кличкой? — думал он. — Сергей? Нет, Сергей такое глупое слово не придумает... А! Кто же еще — Рагулин, старая бестия!..» — И Федор Лукич поморщился, точно от боли...

...Опираясь на палку, Федор Лукич неторопливо шел по берегу проточной речки. Вблизи мельницы устало опустился на камень и задумался...

«Ахид... Значит, ехида... Это я — ехида? Так, так... Дожил... Спасибо, спасибо...»

Грузное его тело сгорбилось, седая, низко остриженная голова опустилась на колени.

«Без меня обходятся... Тридцать годов не обходились, а теперь без меня... А почему без меня?»

Он не находил ответа и безотчетно грустно смотрел на бугорками бегущую воду. Мельничное колесо шумело весело, как бы насмехаясь над Хохлаковым, от речонки веяло прохладой, а сердце уже не болело, а щемило...

«А без Рагулина не обходятся!»

Ему не хотелось ни о чем думать, а в голову лезли мысли и перед глазами стоял Сергей...

«Значит, что ж, Сергей, за Рагулиным пошел и радуешься?» — И ему казалось, что Сергей улыбался, и широкие его брови лезли на лоб. «Тебя не Рагулин обогнал... сама жизнь...»

Федор Лукич закрыл ладонью слезившиеся глаза, и уже перед ним не было ни речонки, ни мельничного колеса, — мысленно он снова находился на заседании исполкома и сидел за столом как раз напротив Рагулина. После сообщения Сергея Федор Лукич первым выступил в прениях и теперь каялся, потому что речь начал издалека, с полчаса говорил о неуправке в колхозах, о плохих видах на урожай, а Рагулин смотрел на него своими маленькими глазами и хитро усмехался. Эта ненавистная ему усмешка так разозлила Хохлакова, что он стукнул кулаком о стол и сказал, покосясь на второго секретаря: «Партия и правительство не позволят растранжиривать колхозные трудодни!» — «Ишь, какой стал грамотный! — крикнул Рагулин. — А ты знаешь, какую пользу принесут колхозам эти трудодни? Стыда у тебя, Федор Лукич, нету! Не для чужого дядька стараемся — понимать надо!» — «Ты меня не учи!» — Федор Лукич смотрел на речонку и думал: «А еще что же я тогда сказал? Ах, да! Говорил, что посевы надо спасать. И правильно говорил».

«Тут Федор Лукич пел нам песню, что посевы у нас позаросли бурьянами, что людей нехватает... Пожуриться да еще и слезу пустить — чего проще! А ты, Федор Лукич,

спроси у самих колхозников, желают ли они линию строить? Желают! А раз желают, то и неуправки не будет...»

Вспоминая выступление Рагулина, Федор Лукич даже слышал его хриповатый голос... Вот Рагулин снял картуз и ударил им по столу так, что резкий, как пощечина, звук и до сих пор стоял в ушах... Там, на заседании, Федор Лукич косился на Рагулина и отвечал ему репликами, которые теперь ему почему-то казались и смешными, и обидными... Только сейчас он понял, что надо было отвечать Рагулину резче, надо было сказать что-то совсем иное, а что именно — не мог придумать... Ему хотелось продолжать спор с Рагулиным, но мысли в голове путались...

«А ты, Федор Лукич, знаешь, отчего мы затеяли всем людом подымать столбы?»

— Знаю, — угрюмо проговорил Хохлаков, видя, как мимо него проплыла белая утка. — Пошуметь захотелось... Как же — два героя!

«Нет, ни чорта ты не знаешь! Себе ж облегчение в труде хотим получить, чтоб силы у нас прибавилось...»

— Какой сильно умный! А придется тебе комиссию вызывать да акты на гибель посева составлять.

«Нет, Федор Лукич, этого ты не дождешься...»

— Хвастаешься, чертяка старый! — зло сказал Хохлаков и бросил камень в воду.

«Чем тебе тут языком трепать, ты побывал бы у нас на полях да посмотрел, что там делается...»

Федор Лукич не знал, что ответить, потер кулаком глаза, хотел больше не думать о Рагулине, но навязчивые мысли не давали покою, и снова перед ним стоял Рагулин и поглаживал бородку.

— А ты меня не учи! — крикнул Хохлаков так, что гуси, подходившие к реке, подняли головы. — Ишь, какой учитель нашелся! Я, может, больше твоего бывал на полях и еще побываю, ежели потребуется.

«А чего ж кричишь: караул, посевы погибли! Акты давайте писать! А кто тебе сказал, что посевы погибли?»

— Все люди видят, а тебе повылазило... Нацепил Золоту Звезду и уже ничего не видишь? А за что получил награду? За хлеб! А теперь от хлеба отворачиваешься?

«Ты моей награды не касайся — руку обожжешь! Да и о посевах не печалься — присмотрим!»

— Помяни мое слово — повезешь комиссию...

«Да разве мы за тем приставлены к делу, чтобы понятых возить по полю? Дескать, «поглядите, люди добрые, какие мы есть заботливые хозяева, об актах своевременно беспокоимся, не зеваем...» Так, что ли?»

— Смейся, смейся! — сказал Хохлаков и со злостью плюнул.

«...Нет, Федор Лукич, лично я на это не согласен. Да ежели ко мне явится такая комиссия, то я за свое спокойствие не могу поручиться — так попру со степи, что они и детям своим закажут туда ездить...»

— На язык ты герой, а поглядим, что ты запоешь осенью!..

Тут Федор Лукич облегченно вздохнул, даже улыбнулся, — ему показалось, что теперь-то Рагулину уже нечего сказать, а только сердце почему-то ныло еще сильнее, ломило грудь и к горлу подкатывался комок острой и обидной боли...

«И что же это такое? — думал Хохлаков. — Кажись, раньше со мной ничего такого не случалось... А может, и случалось?..»

Федор Лукич тоскливым взглядом посмотрел на перекат. Там конюх, молодцеватый чубастый парень, поил шестерых лошадей, сидя верхом на гнедом мерине. Конь, низко нагибая голову, пил воду, и передняя нога, немного согнувшись в колене, мелко и нервно вздрагивала... Только Хохлаков взглянул на конюха, как глаза его затуманились, точно их затянуло поволокой: и перекат, и сидевший на коне парень, и слабо согнутая, подрагивающая нога мерина вдруг унесли Федора Лукича в далекую пору молодости, и в памяти воскресло то, что было давным-давно забыто... Вспомнился кочубеевский отряд, свежий осенний рассвет, мелководная, вот такая же, как и здесь, речонка, и в балке хутор Извещательный. В то горячее время Федор Лукич был и молод, и вспыльчив и носил такой же, как у парня-конюха, чуб, и слыл в эскадроне гордым и своенравным юношей... И только он подумал об этом, как перед ним живой картиной встала атака на хутор Извещательный... Только-только рассвело, белела изморозью зеленая трава по низине. Эскадрон подходил к хутору, и командир эскадрона приказал нарысях пересечь речонку на мелком песчаном перекате. Хохлаков, гарцуя впереди отряда, не подчинился командиру и, желая прихвастнуть и показать лихость перед товарищами, пришпорил коня и погнал его на-

прямик по кустам. Вблизи речонки конь споткнулся, упал на колени, и Хохлаков вылетел из седла. Эскадрон помчался вперед, вспенилась, взлетела брызгами вода на перекате, а Хохлаков лежал возле своего коня и не мог подняться. Гремела земля под копытами скачущей конницы, блестели вскинутые над головами сабли, кто-то хлестнул плеткой с такой силой, что у Хохлакова зазвенело в ушах, и проскакал мимо. И вдруг в эту напряженную минуту по эскадрону прокатился громкий смех, и Хохлаков понял, что это смеются над ним... Постепенно дробь копыт стихла, но уже вблизи хутора в туманном утреннем воздухе пронеслось «у-р-р-ра-а-а-а!», а Хохлаков хватался за дрожащую переднюю ногу коня, который тревожно всхрапывал и косился на своего хозяина... Хохлаков понимал, что бой начался и что хутор будет взят без него, и ему стало так обидно и стыдно, что на глаза выступили слезы, а сердце заныло вот такой же, как сейчас, страшной и тупой болью... Напрягая последние силы, Хохлаков вскарабкался в седло, и, не помня себя и только чувствуя тупую боль в груди, во весь галоп помчался в хутор, где уже шел бой...

«Догнал же я тогда эскадрон и дрался со всеми... И никто меня не мог упрекнуть... Ну, свольничал, упал и сам же поднялся... А разве зараз не смогу подняться?..»

Федор Лукич услышал за спиной конский топот и вздрогнул... К нему подъехал конюх и, не слезая с лошади, сказал:

— Федор Лукич, или же пасти коней, или же поехать за хворостом?

Хохлаков вытер хусткой мокрую голову и, опираясь на палку, тяжело поднялся.

— Запрягай, — сказала он, и лицо его побледнело. — Запрягай всех шестерых, да положи лопаты, кирки...

— Или же куда ехать собрались, или же еще что? — спросил конюх.

— Чего ты илижкаешь? — гневно сказал Хохлаков. — Тебе сказано — запрягай, значит, делай, что тебе говорят!

ГЛАВА XXXIV

После заседания исполкома Сергей и Ирина вошли в кабинет, остановились у окна и долго смотрели друг на друга усталыми, но радостными глазами.

— Сережа! — ласково сказала Ирина. — Вот так мы и будем жить?

— Да ты что! — удивился Сергей. — Конечно же, все будет по-иному... И получим квартиру, и вообще все как полагается.

— А мне и так нравится. Веришь, Сережа, мне так радостно... Только очень спать хочется. Ночь не поспала, а так хочется спать, как малому ребенку... А тебе, Сережа?

— Еще терпимо, — с достоинством ответил Сергей. — Да тебе со мной и не равняться. Я еще на фронте избавился от сонливости.

— Ой, Сережа, какой же ты обманщик! — Ирина тихонько рассмеялась. — По глазам же вижу, что и ты хочешь спать...

— И ничего ты не видишь.

— Сережа, поедем в Усть-Невинскую... Я так соскучилась по дому!

— Быстро соскучилась. — Сергей обнял Ирину и посмотрел ей в глаза. — Верю, спать хочешь. Но мы скоро уедем. Я только просмотрю почту, это быстро. А ты устраивайся на диване... Хочешь, у меня есть свежий журнал «Советская женщина».

Ирина взяла журнал, а Сергей сел за стол и начал просматривать поступившие из края бумаги... И пока Ирина перелистывала журнал и рассматривала фотографии, а потом прочитала небольшой очерк «Начало новой жизни», прошло минут пятнадцать: Ирина старалась не мешать Сергею, даже не смотрела в его сторону. А Сергей, читая какой-то объемистый циркуляр, написанный под копировальную бумагу слепым шрифтом, не услышал, как голова его мягко, словно на подушку, упала на стол, и он уснул.

Ирина посмотрела на Сергея, улыбнулась и покачала головой.

«Эх, ты, — добродушно подумала она, — закаленный!..»

Затем тихонько, на цыпочках, подошла к столу и присела на стул. Ей так было приятно видеть Сергея спящим, что она несколько минут не сводила с него глаз, — хотелось попристальнее рассмотреть и его широкий, с двумя поперечными морщинками, лоб, и чуточку приоткрытые губы, и клок жесткого чуба, упавшего на правую бровь. И чем внимательней она всматривалась, тем больше находила в его лице таких черт, каких раньше не замечала. Уголки губ были слишком вогнуты вовнутрь, отчего на ще-

ках образовались еле приметные ямочки; брови шириной в палец лежали густой стежкой через весь лоб.

«Ой, какой же ты бровастый!» — подумала она.

На носу Ирина рассмотрела горбинку, и это ее так рассмешило, что она с трудом удержала смех...

«Так ты еще и горбоносый, — сдерживая смех, подумала она. — А я этого раньше и не замечала...»

И только сейчас Ирина рассмотрела, как же заметно изменился Сергей с тех пор, как встретила она его на полустанке: черты лица сделались строже, кожа матово-темная, и две тончайшие моршинки уже подкрадывались к глазам.

«Знаю, нелегко тебе, Сережа, — думала она. — Ну, ничего, еще немножко — и отдохнешь... А морщинки? Да это мне показалось, а может, голова у него неудобно лежит...»

И ей так захотелось уложить его голову на что-либо мягкое, что она встала и уже хотела итти к сторожу и просить подушку, но увидела в дверях Кондратьева — он появился совсем неожиданно. Не зная, что ему сказать, Ирина снова опустилась на стул.

— Спит или заболел? — спросил Кондратьев.

— Тише, — прошептала Ирина. — Он, бедняжка, так устал...

— А ты кто будешь, заступница? — тоже шопотом спросил Кондратьев.

— Ирина Любашова...

— А! Ирина! — Кондратьев присел на диван. — Ирину помню, помню. Как же! Но почему же Любашова? Тутаринова, пожалуй, будет точнее.

— Нет, Любашова. — Ирина подсела к Кондратьеву. — Знаете, что тут было... Сережа всю ночь вот и столечко не спал, — и она показала кончик мизинца.

— Так-таки и не спал? Ай, ай, ай! — Кондратьев сокрушенно покачал головой.

— Да вы тише, а то разбудите...

— А я и не сплю...

Сергей с трудом поднял голову, увидел Кондратьева и, виновато улыбаясь, стал торопливо оправлять гимнастерку.

— Так вот ты, оказывается, как столбы ставишь? — весело сказал Кондратьев. — Посадил у стола надежный караул, а сам задал храпака!

— Вздремнулось, — смущенно ответил Сергей. — Николай Петрович, мы тут без тебя приняли важное решение.

— Вдвоем с Ириной? — шутя спросил Кондратьев.

— Да нет, я не об этом, — Сергей покраснел и стал мять рукой чуб. — Решение о строительстве...

— Знаю, знаю. — Кондратьев встал. — Правильно и весьма кстати... Пойдем ко мне, поговорим. — Он взглянул на Ирину. — Так почему же все-таки Любашова, а не Тутаринова?

— Мы еще не регистрировались, — вполне серьезно ответил Сергей.

— Все равно... Пусть привыкает.

Кондратьев выслушал Сергея, охотно принял все его предложения и только решительно не согласился создавать специальную тройку или нечто наподобие оперативного штаба.

— Никаких троек и штабов нам не нужно, — сказал Кондратьев, строго глядя на Сергея. — Руководить всеми работами будешь ты, как председатель райисполкома, и надо организовать дело без шума и крика. Побольше деловитости. Созывай совещание специалистов, к нам их приехало много, выслушай их. Дай им верховых лошадей, чтобы они не сидели в Усть-Невинской. Выдели каждой станице участки, распредели людей так, чтобы не было толкучки... Работы вести нужно одновременно по всем трем линиям. — Кондратьев значительно улыбнулся. — Да сперва выспись хорошенько...

— Да что ты, Николай Петрович, я же спать не хочу...

— Ну, ну! Без хвастовства!

Обогнув Верблюд-гору, главная магистраль вырвалась на простор и побежала напрямик по полю. Еще не поднялись над степью провода, а уже на десятки километров обозначалась будущая электрическая дорога: по ней и группами, и в одиночку разбрелись строители — рыли ямы, ставили столбы, тянули провода; взад и вперед по одному следу двигались конные и бычьи упряжки, развозя бревна; встречались и разминались тракторы, тянущие вереницу подвод с грузом и без груза; там и здесь раскинулись походные таборы — балаган или палатка, поднимался дым от костра и мелькали белые косынки кухарок; удивительно ровной стежкой чернели бугорки свежей земли, напоминая кротовьи насыпи, и возле этих насыпей лежали столбы.... Ямки начинались от Усть-Невинской и убегали все дальше и

дальше, а вслед за ними шли люди с лопатами, ползли обозы, передвигались таборы — издали вся эта живая вереница людей и подвод была похожа на муравьиную тропу.

Где-то там среди строителей затерялся и Прохор Ненашев. Сергей проехал добрых пять километров, кого только из своих знакомых не встречал, а Прохора отыскать не мог. А Прохор был ему очень нужен. Дело в том, что в Родниковскую еще позавчера был завезен кирпич, цемент и камень, нужно было начинать возводить стены трансформаторной будки, а каменщиков нехватало. Посоветовавшись с Виктором, Сергей решил послать туда Прохора, человека, как о нем говорили в станице, на все руки мастера.

— Серега! Ты кого разыскиваешь?

К Сергею подошел Рагулин, ведя на поводу оседланного коня.

— Прохора хочу повидать, — сказал Сергей, подавая Рагулину руку. — Не знаете, где он тут запропал?

— Ты погоди о Прохоре печалиться, — сказал Рагулин, хитро усмехаясь. — Я тебе зараз более важную новость сообщу.

— Какую?

— Мой соперник Федор Лукич, оказывается, пригнал подводы с людьми и сам заявился...

— Серьезно?

— Честное слово, явился! — Рагулин махнул рукой. — Видать, поумнел. Но злой, — ты бы только посмотрел, — как чорт! Увидел меня и кричит: «Раскатываешься на коне, умник!» Ну, я, конешно, смолчал и от греха не стал к нему подъезжать...

— Где же он?

— Савва услал за дрючьями.

— Новость хорошая, — сказал Сергей, глядя вдаль. — А все ж таки, где мне отыскать Прохора?

— А ты его ищи там, где самая шумная компания.

— Да тут везде народ веселый.

А Прохор в это время и не предполагал, что он так нужен Сергею. Подойдя со своей бригадой к столбу, лежавшему возле готовой ямки, Прохор отдал команду привязывать канаты. И когда тонкий конец бревна был заарканен, мужчины с гиком и криком натянули канаты, подхватили рычагами, столб пополз по траве, затем сунулся засмоленным краем в ямку и начал подыматься.

— Вставай, вставай, браток! — кричал Прохор, подпирая столб плечом. — Я тебя, сатанюку толстую, по воде сопровождал, знаю тебя, знаю — лентяй! Рычагами, рычагами! Ну-ка, еще! Ах, ты, кабанчик эдакий! Десять раз застревал, в корчи лез, а теперь тоже противишься?! Ну, ну! Левый канат сильнее! Подымай, подымай голову, молодчик эдакий! А ну, становись, становись да посмотри, что там делается вокруг!

И бревно, как бы и в самом деле внимая словам Прохора, встало с такой гордой осанкой, точно и впрямь хотело посмотреть на зеленеющую в окружности степь.

Через час Прохор уже ехал с Сергеем в Родниковскую... Эх, и какой же славный характер у этого человека! Что ему ни поручи — он сделает, и возьмется за работу охотно, с какой-то особой душевной радостью. Другой на его месте еще подумал бы, уезжать ли ему в Родниковскую, или оставаться поближе к своей станице, — все же тут можно вечерком сходить домой, помыться в бане; иной стал бы уговаривать Сергея, просил бы оставить на прежней работе, при этом приводил бы столько доводов и такую уйму уважительных причин, что возразить на них было бы нелегко. Но Прохор Афанасьевич Ненашев не такой! Он с гордой улыбкой выслушал Сергея и, не говоря ни слова, начал собираться. И только когда машина, мягко покачиваясь по пахоте, проезжала мимо неровной шеренги столбов, — и поднятых, и торчащих наискось, и еще только подтянутых к ямке, — Прохор сказал:

— А что, Сергей Тимофеевич, — знать, без Прохора и родниковцы не могут обойтись?

— Выходит, что так.

— Вот оно какая вещь!

Встречались наскоро устроенные таборы, возчики, едущие в Усть-Невинскую за лесом, мелкие группы строителей, и Прохор, картинно сидя в машине, приветливо помахивал картузом и кричал:

— Прощайте, хлопцы! Еду родниковцев выручать!

— Как же мы без вас, Прохор Афанасьевич?

— А я скоро вернусь! Сооружу им будку — и домой!

Чем ближе Сергей и Прохор подъезжали к Родниковской, тем линия столбов становилась стройнее — тут работали беломечетинцы. На небольшом участке электрики уже дроздами маячили на столбах. Трактор тащил огромную, на деревянных колесах катушку, и белый провод упруго раз-

матывался и поблескивал в траве, точно ползущая змея. На нескольких столбах провод был уже поднят и натянут, искрился и дрожал на солнце.

«А красиво», — подумал Сергей.

На столбах, связанных буквой «А», — стояли они на изгибе линии, — Сергей увидел Соню и Виктора и приказал Ванюше остановить машину.

У столба стояла Лена и смотрела вверх. Ванюша нарочно подъехал к ней так ловко, что они оказались рядом, и подал руку:

— Здравствуй, Лена!

— Сумасшедший! Как испугал! — крикнула Лена.

— Так это же я от приятных чувств, — почти шепотом проговорил Ванюша.

— Виктор Игнатыч! — крикнул Прохор. — Ты знаешь, что я командируюсь в Родниковскую?

— Поезжай, поезжай, дядя Прохор,—сказал Виктор.— Да только поторапливайся. Видишь, провода натягиваем.

— Ну, как твои практиканты? — спросил Сергей.

— Посмотри и оцени.

Соня боялась взглянуть и на Виктора, и вниз, на Сергея, разрумянилась, держа в руке вязку алюминиевого провода. Привязанная широким поясом, она крепко стояла на «когтях», заколов снизу юбку булавкой.

— Ну, действуй, Соня, — с какой-то особенной лаской говорил Виктор. — Сперва обведи проволокой вокруг чашечки. Вот так... Правильно! У тебя получились усики — видишь, как они торчат. Теперь этими усиками притягивай провод с двух сторон.

Соня робко, но проворно закрутила провода и только тогда с виноватой улыбкой посмотрела на Виктора, как бы спрашивая: «Ну, как?»

— Вот это Соня! — сказал Сергей.

— Даже Сергей одобряет! — проговорил Виктор. — Молодец, Соня!

— На то ж мы обучались, — важно заметил Прохор.

— Ну, Лена, твоя очередь, — сказал Виктор и посмотрел вниз. — Так, так, вот оно какой монтаж!

Только теперь все увидели, что Лена и Ванюша гуляли в сторонке и о чем-то разговаривали.

— Придется сделать перерыв, — сказал Сергей.

Виктор и Соня, гремя «когтями» и позвякивая цепью пояса, спустились на землю.

— Итак, Сережа, — сказал Виктор, — моя миссия закончена. Сам смог убедиться — курсанты знают дело и могут обойтись без меня. А мне же нужно закончить кое-какие монтажные работы, сдать станцию в эксплоатацию — да и в путь-дорогу.

Сергей заметил, как Соня с грустью посмотрела на Виктора, и ее ласковые, постоянно задумчивые глаза тревожно заблестели.

— Сережа, не отпускай Виктора, — сказала она. — Все к нему так привыкли...

— Да ты хоть на торжествах у нас побудешь? — спросил Сергей. — Ведь уже недолго ждать.

— Пожалуй, не смогу. — Виктор задумался. — Я уже получил новое назначение, и мне нужно торопиться... Сдам станцию, как полагается, по акту и уеду.

— Виктор Игнатыч правильно сказал, — отозвался Прохор. — Обучены мы добре... Правду сказать, дивчата не так чтобы уж очень — у них на уме не всегда бывает серьезность... Что ж касается пожилых мужчин, таких, как, допустим, я, то тут, Виктор Игнатыч, можете без всякого сомнения...

— Вот слышал? — сказал Виктор.

— Все мы теперь могем, — продолжал Прохор. — Ежели сказать такое дело, как лампочку провести, мотор-динамику наладить, — все пойдет как нельзя лучше...

Сергей не слушал Прохора, взял Виктора под руку и отвел в сторонку:

— Витя, это не по-дружески.

— Ты о чем?

— Побудь до конца... Помоги, не оставляй меня одного.

— Я и сам хотел бы, но не смогу. Ждут меня в другом месте. — Виктор поправил спадавшие на лоб русые волосы и улыбнулся. — И уезжаю я не один, ты этого еще и не знаешь...

— А с кем?! — удивился Сергей.

— С Соней...

— Неужели?

— Да!..

— Соня об этом знает?

— Безусловно. — Виктор склонил голову. — Мы с ней о многом говорили, вспоминали детство — все-все припомнили... И, веришь, очень мне хорошо с ней, она славная женщина.

— Да, выходит, что я был прав.

— В чем?

— Соня тебя больше любила...

— Возможно... Но теперь-то тебе все равно...

Они минуту стояли молча.

— Ну, что же, Витя, хорошие мы тебе проводы устроим... А все-таки я тебя прошу — задержись...

— Постараюсь, — сказал Виктор, — но боюсь — отзовут. Из «Главэлектро» есть телеграмма...

Всю дорогу до Родниковской Сергей ехал молча, на расспросы Прохора отвечал неохотно и все думал о Викторе и Соне. А Прохор был в таком хорошем настроении, что молчать не мог.

— Сергей Тимофеевич, — говорил он, наклонившись к Сергею, — а как оно пойдет у нас жизнь на будущее? Разные меня думки волнуют...

— Какие ж это думки?

— Все про жизнь, — Прохор значительно улыбнулся, — сказать, наше теперешнее положение. Будет у нас электричество и все что ни на есть передовое. А потом что ж?

— Жить станем хорошо, — сказал Сергей. — Что ж еще? Это самое главное.

— Не в том дело, что жить хорошо. — Прохор на минуту задумался. — То все мне понятно и, скажу тебе по совести, — жаль, что года ушли... Но думка у меня о другом. Война у меня из головы не выходит, — с грустью проговорил он. — Вот мы строим, строим, труда сколько укладываем, недосыпаем, недоедаем, а какой-нибудь сатанюка вроде Гитлера заявится и все наше добро разорит.

— Нет, Прохор Афанасьевич, больше сюда никто не придет, — сказал Сергей. — Не допустим.

— Ты меня не агитируй, — возразил Прохор. — Я тоже кое-что смыслю. А все ж таки, как ты того дьявола не допустишь, ежели он зубы точит и зарится на нашу землю? Вон в Америке разную там атому попридумали и уже этой чертякой людей пугают.... Ты другое скажи: ежели б взнуздать тех атомщиков или арканом бы их пристегнуть — тогда другое дело.

— Приарканить-то можно, — задумчиво проговорил Сергей. — Но только тут другой нужен аркан, не волосяной.

Между горами показалась Родниковская. Станица растянулась по ложбине, как в корыте. В этом углублении,

обставленном со всех сторон холмами, солнце горело жарко, и над садами стоял сизый туман... Вскоре машина въехала на площадь. Белый каменный дом станичного совета смотрел окнами на гущу молодых деревьев. Под тутовником на траве сидели девушки — одна читала старенький, побывавший во многих руках журнал «Огонек», а остальные слушали. Та, что читала, была повязана шелковой косынкой с напуском на лоб. Увидев подъехавшую машину и в ней Сергея и Прохора, девушки встали, и та, что читала журнал, вышла вперед.

— Вы Никиту Никитича шукаете? — спросила она, блеснув из-под косынки большими, как у совы, глазами.

— Да, его.

— Так вы поезжайте в штаб.

— В какой штаб?

— А вы разве не знаете? — девушка рассмеялась. — Вон, поглядите — на той вершине маячит балаганчик, то и есть штаб. Там и Никита Никитич. Он велел всех, кто заявится в станицу, направлять туда...

— Забавно, — сказал Сергей и с таким любопытством посмотрел на девушек, что те даже смутились. — А вы что же тут делаете?

Девушки заговорили все сразу:

— Мы — тыждневые.

— Журнал читаем.

— От каждого колхоза по одной единице.

— Просились на строительство, а Никита Никитич не пустил.

— Говорит — находитесь для связи.

— А вы хотите поехать на строительство? — спросил Сергей.

Девушки переглянулись.

— Мало, что мы хотим.

— Мы ж на посту.

— Поговорите с Никитой Никитичем, пусть он даст нам распоряжение.

— Хорошо, я поговорю, — сказал Сергей. — А вы знаете, кого я привез? Большого мастера. Прохор Афанасьевич, знакомьтесь, эти девушки будут вам помощниками.

— Слов нет, дивчатки бедовые, — сказал Прохор, слезая с машины, — а все ж таки были бы сподручней мужчины. — Прохор покрутил усы. — Вы, дивчатки, на мои слова не обижайтесь. Оно ежели бы скинуть с меня годов

тридцать, то для таких помощниц нашелся бы у меня веселый разговор! А? Что, правду я говорю?

— Вы, дедушка, будете будку сооружать? — спросила та, что читала журнал. — Мы вам поможем.

— Ну, ежели согласны, — сказал Прохор, — то раздобудьте ведра и лопаты... Глину замесить сумеете?

Они пошли к красневшим невдалеке столбикам кирпича. Принесли ведра, лопаты, и Прохор начал размечать шнуром место, где должен быть заложен фундамент. Сергей поехал к Никите Никитичу.

Никита Никитич Андриянов любил при случае прихвастнуть перед соседями. Вот и на этот раз, желая хоть какнибудь показать себя, он решил, как он сам говорил, «перебазироваться поближе к массам». Находиться на участке какого-либо одного из пяти колхозов Никита Никитич считал неудобным, обидятся другие. Поэтому, вернувшись с заседания исполкома, он спешно, в один день, соорудил на самой высокой вершине балаган из хвороста, покрыл его свежим камышом, привез сюда стол, стулья, захватил с собой секретаря станичного совета с чернилами и бумагой, обзавелся коннонарочными и для пущей важности назвал свой балаган «станичным штабом по электрификации».

Место Никите Никитичу показалось весьма удобным. С возвышенности — даже не нужно было выходить из балагана — были видны все станичные поля. Обширная, до десяти тысяч гектаров, площадь земли, по которой должна пройти электромагистраль, лежала в низине и формой своей напоминала (если смотреть на нее сверху) гигантскую птицу в полете. Казалось, эта птица не могла подняться и улететь только потому, что правое ее крыло, упиравшееся в курчавый лесок, было уже прошито столбами, как гвоздями.

Никита Никитич, в черевиках на босу ногу, в стареньком бешмете, вобранном под очкур непомерно широких в шагу суконных шаровар, стоял подле балагана и смотрел в бинокль. Чуть поодаль шесть человек коннонарочных держали в поводьях лошадей, курили и о чем-то разговаривали.

Сергей оставил машину под горой и быстрыми шагами взошел на вершину.

— Никита Никитич! — сказал он. — Да ты примостился на этой вершине, как орел!

— Удобно! — воскликнул Никита Никитич. — Погляди, какой обзор в окружности! Все перед очами!

— Вид, верно, хорош. А как идут дела?

— Помаленьку движемся, — ответил Никита Никитич, поглаживая куцую, молодцевато подрезанную бородку. — По последним донесениям, впереди идет «Власть Советов». Родионов прислал рапорт — поставлено уже более сорока столбов... Малость похуже в остальных колхозах, а особенно в «Ударнике». И опять ж беда с транспортом. Председатели доносят — нехватает подвод, задерживается подвозка леса. А где я им возьму? Все, что у меня было, мобилизовал. — Никита Никитич с мольбою посмотрел на Сергея: — Сергей Тимофеевич, подбрось мне хоть с пяток машин.

— А это что за казачья сотня? — не отвечая, спросил Сергей, кивнув на верховых.

— При мне. Связные.

— Играешься, Никита Никитич, на старости лет? — с усмешкой спросил Сергей. — Штаб открыл, полководца из себя строишь? Связные, в бинокль смотришь? А к чему все это?

— Как так к чему? — возразил Никита Никитич. — Не сидеть же мне в станице! Тут я у всех на виду и передо мной все как на ладони. Вот на этом ближнем участке люди уже обедают, потом прилягут отдохнуть — и я все вижу... Или какое совещание созвать — пошлю нарочных...

— Вот что, Никита Никитич, — строго сказал Сергей, — этот спектакль на вершине горы нужно поломать.

Никита Никитич нахмурился, склонил голову и стоял молча.

— И чего ж ты мне упрек даешь? — глухо сказал он. — Сам же на заседании намекал, чтоб все на военный лад и чтоб штабы...

— Намекал, да не сделал. — Сергей посмотрел на коннонарочных. — Вот ты жалуешься, что у тебя нехватает транспорта, а шестерик лошадей держишь на горе. В станичном совете тыждневые без дела скучают, а ты тут в бинокль даль рассматриваешь... Чтобы сегодня этого ничего не было.

Никита Никитич пристыженно молчал, но по лицу его, красневшему пятнами, было видно, что он злился.

— Где находится «Власть Советов»? — Сергей выдернул из балагана камышинку.

— Там, — Никита Никитич указал рукой.

— Поедем к Родионову. — Сергей раздавил пальцем камышинку. — Верховых отправь в станицу, пусть они там помогают строить трансформаторную будку.

Был послеобеденный час отдыха. Строители спали. Над ними царила тишина — ни ветерка, ни песни жаворонка, — только слышалось тяжелое дыхание, как в большом общежитии среди ночи, да изредка позвякивали уздечками лошади, стоявшие у корыт. Казалось, люди упали на землю, где кто стоял, и запрудили своими телами всю дорогу. Сергей и Никита Никитич оставили машину и пошли, осторожно переступая через спящих, боясь потревожить их покой. А люди спали таким крепким сном, что хоть пали из пушки — не проснутся!.. Кто спрятал голову под бричку, в тень, широко раскинув ноги; кто поудобней устроился возле колеса, на влажной и прохладной земле, прикрыв от солнца лицо платком или картузом; кто соорудил из рядна подобие шатра и сунул туда голову... Вот трое мужчин растянулись посреди дороги; они лежали навзничь, широко, по-богатырски раскинув сильные руки; под самодельным шатром спали девушки, спрятав в холодок лишь молодые, опаленные солнцем лица и подогнув едва прикрытые юбкой колени; вокруг столба гурьбой лежали мальчуганы-подростки, — сон их был так сладок, что и жара им была нипочем; невдалеке от них ничком лежала женщина, и коса ее, широко распустившись, покрывала голые, под цвет меди, плечи...

Не спал только Иван Родионов. Он сидел под бричкой, без рубашки, в галифе с алыми лампасами, все такой же краснощекий, с пышными и красивыми русыми усами. На коленях у него лежала толстая книга. Он читал ее, задумчиво поглаживая усы. Увидев Сергея и Никиту Никитича, Родионов сунул книгу между спиц и крикнул:

— Сюда! Эй, сюда!

— Удивляюсь, Иван Герасимович, — сказал Сергей, подавая Родионову руку, — как ты можешь не спать, когда вокруг тебя такой геройский сон?

— А вот так и могу. Тут секрет простой, — ни черта, брат, не спится. Еще никогда меня так не мучила бессонница. Веришь, на фронте, и то со мной этого не случалось, спал нормально.

— Отчего ж теперь не спишь? — спросил Сергей, усаживаясь в тени.

— Думки беспокоят.

— О чем же те думки, если не секрет?

— Все о том же. — Родионов улыбнулся и почему-то покраснел. — Столбы стоят перед очами.

— Так ты ж еще мало их поставил?

— Да не в том дело, мало или много. — Родионов притронулся пальцем к усам, задумался, как бы решая, погладить их или уже ответить Сергею, а тогда заняться и усами. — Столбы поставим, не в этом мое беспокойство. А вот сама теория меня смущает. Ведь это же не шуточное дело — в станицу идет электричество. В любой отрасли хозяйства будет электромотор, техника! А ты спроси так, для интереса, любого председателя колхоза, что он смыслит в электричестве? Ну, допустим, меня спроси? Или вот Никиту Никитича?

— Я уже старый, пусть молодежь этому обучается, — буркнул Никита Никитич.

— Ишь, ты! Нашел оправдание! — Родионов черкнул ладонью по усам. — Руководить станицей не старый, на вдовушек, небось, засматриваешься, а технику изучать — года мешают? Это никуда не годится. — Родионов достал книгу. — Вот она, большая наука! Но я читаю, зубрю, зубрю, будто все и понятно, а полностью уяснить себе не могу.

— Да, Иван Герасимович, — проговорил Сергей, — это не только твоя печаль... Будем все проходить курсы.

— И правильно, — подтвердил Родионов. — Иного выхода я не вижу, а то что же может получиться? Электричество будет, а обращаться мы, руководители, с ним не сможем — это же позор!

Родионов взял гимнастерку, блеснувшую орденами, достал из кармана часы:

— Ого! Пора подымать людей.

ГЛАВА XXXV

Сергей безвыездно находился в поле, и то напряжение в труде, которое он видел изо дня в день, почему-то напоминало ему фронт. Может, это происходило оттого, что и здесь, как и на фронте, рождались герои, вырастали способные вожаки — люди волевые и стойкие. Сергея радовала и активность строителей, и то, что всюду — и на полях и в станицах — маячили столбы, а на станичных площадях вы-

растали трансформаторные подстанции, и то, что приближался заветный день — пуск гидростанции, а особенно то, что за эти месяцы, постоянно живя с людьми, он узнавал их так, как бы не мог в обычной обстановке узнать и за год. Часто вспоминая свои военные годы, Сергей рядом с фронтовыми друзьями ставил Стефана Петровича Рагулина, Прохора Ненашева, Глашу Несмашную, Савву Остроухова, Ивана Родионова, Никиту Мальцева, — да разве мало еще кого! Но сколько он об этом ни думал, а сказать себе не мог: кто же, старые или новые друзья теперь ему дороже, кто же из них помог ему стать тем, кто он есть... Лишь одно было очевидным: как там, на фронте, так и здесь, в своем районе, Сергей видел себя всего лишь маленькой и неотделимой частицей большого коллектива, и интересы людей там и здесь, вся их трудная и напряженная жизнь с ее радостями и печалями были и его интересами, и его жизнью...

«Что сталось бы со мной, — думал он, — если бы все было иначе, если бы выпала мне другая дорога?..»

Прошел апрель, и наступил май. В нарядную зелень принаделась степь, запестрела цветами, зазвенела птичьими голосами. Всюду, куда ни взгляни, поля были одинаково красочны и ярки, и только в тех местах, где пролегла электрическая магистраль, вид их сделался необычно новым. Если раньше какая-нибудь степная балка Куркульчиха была обычной сенокосной балкой и славилась лишь густотой трав да заросшим осокой родником, то теперь эту Куркульчиху нельзя было узнать. Словно совсем нежданно сюда пришли столбы-великаны, встали в ряд и сказали: «Вот так мы и будем стоять здесь вечно!» И от того, что через всю балку тянулись провода, а от столбов на пышной траве лежала тень, Куркульчиха, казалось, расширилась и зазеленела пуще прежнего. Кто бы тут ни проезжал, кто бы ни проходил, всякий остановится и скажет: «Вот тебе и Куркульская балка! Погляди ты на нее, как преобразилась!» Или взять, к примеру, гравийную дорогу, стрелой убегающую от Рощенской до Белой Мечети. Давным-давно перекинулась она через всю степь: сколько по ней прошумело машин и прогремело подвод, и никто, бывало, не останавливался на бугре. Теперь же дорогу наискось пересекла линия электрических проводов: по одну и по другую сторону стояли вы-

сеченные столбы, как буквы «П», — вид степи и сама дорога казались такими новыми, что каждый невольно восклицал: «Так вот какая картина!»

Самые значительные перемены произошли вблизи Усть-Невинской. В низине, под кручей, пламенем горела цинковая крыша хорошо всем знакомого кирпичного здания с серой водонапорной трубой, с белыми и желтыми гроздьями изоляторов. От этого здания во все стороны разбежались столбы, блестя на солнце проводами, — как нити к узелку, тянулись они к этой пламенно-яркой крыше, а сама Усть-Невинская теперь казалась не станицей, а городом.

Как-то в эти дни Тимофей Ильич Тутаринов, взойдя на гору (он ходил в соседний хутор к своему куму), присел на камень и долго не сводил глаз со станицы.

«Вся в проводах, — задумчиво проговорил он. — И кто мог подумать, что такое чудо может совершиться с Усть-Невинской... Непривычно, а все ж таки красиво! А что будет, когда засветятся огни? — старик задумался. — Только что-то они долго не светятся...»

Да, беспокойство Тимофея Ильича было не напрасным... Прошел май, а пуск станции все откладывался и откладывался. Только в середине июня работы, наконец, были завершены. И в тот день, когда строители уже мыли руки и собирались ехать в станицы, а Сергей в хорошем настроении спешил в Рощенскую, чтобы посоветоваться с Кондратьевым и установить точную дату пуска гидростанции, с утра на востоке поднялась лилово-белая туча, похожая на раскинутый по ветру башлык. Концы этого гигантского белого башлыка свисали почти к горизонту, а капюшон поднялся над солнцем и уже накрыл его. На какой-то час солнце успело подняться выше, паля землю с небывалой силой, но туча-башлык, то синея, то чернея, расползлась по небу и стала походить на огромную, с острыми плечами бурку... Подул ветер, закурились дороги, тревожно и глухо прокатился над степью гром; небо потемнело, и как бы в награду людям за их труд полил дождь... Казалось, что сама природа понимала, как важно было после окончания работ смыть следы колес, лопат, полить водой глубоко врытые столбы, умыть и по-праздничному разукрасить степь...

Гонимая ветром темносерая туча с шумом двигалась навстречу Сергею, и вскоре «виллис» нырнул в ливень, как ныряет утка в воду. Ванюша припал к рулю, белая его голова сразу потемнела, от воротника по спине побежали

холодные струйки. Только сейчас Ванюша вспомнил, что брезент тента оставил дома, и, не зная, как бы оправдаться перед Сергеем, боялся даже поднять голову. Дождь хлестал ему в лицо, было трудно сквозь залитое водой стекло увидеть дорогу.

— Сергей Тимофеевич, — сказал он, не поворачиваясь, — а здорово мы промокнем... Брезент-то я позабыл дома...

— Ничего, Ванюша, не из глины сделаны! — Сергей обеими руками приглаживал мокрый чуб. — Давай вперед! На Усть-Невинскую!

Сергею нужно было отыскать Ирину и увезти ее с собой. Он знал, что она работала на участке Семена, и поэтому велел Ванюше свернуть на поля Усть-Невинской. Навстречу им по вязкой и хлюпкой дороге ехали строители: они сидели на бричках скученно — кто прикрылся рядном, кто подлез под бурку, кто натянул на голову брезент... Одни возчики не прятались от дождя — со свистом и криком торопили лошадей, поднявшись во весь рост и подставляя грудь косой струе воды.

На одной из подвод кучером был Иван Атаманов. Увидев Сергея, он остановил лошадей и крикнул:

— Сережа! Дело сделали и вот купаемся!

— Хороша баня! — сказал Сергей, выходя из машины.

— Сережа! Сережа! Иди сюда!

В задке брички, под буркой, как в балагане, сидели Семен и Анфиса. Сергей подошел к ним, а дождь шумел и поливал с такой силой, что нельзя было приоткрыть угол бурки.

— Эй, радист-пулеметчик! — крикнул Сергей, заглянув под бурку. — Как там твоя любушка!

— Братушка, полезай к нам, — отозвалась Анфиса, блестя в темноте глазами. — Прячься!

— Не знаешь, как мне отыскать Ирину?

— Следом за нами на быках едут девушки — там и она.

Быками никто не управлял — они и сами хорошо знали дорогу в станицу. А под брезентом, накинутым над бричкой в виде цыганского шатра, набились, как в нору, девушки и пели песню. Сильные струи воды стучали в мокрый парус, как в бубен, заглушая девичьи голоса.

«Поют, им и дождь нипочем», — подумал Сергей.

Он сошел с машины, остановил быков, но девушки не переставали петь. Затем из-под брезента высунулась головка с распущенными косами, — это была Соня.

— Ой, девушки! — крикнула она. — Это Сережка быков остановил!

Из шатра выпрыгнула Ирина и, не видя ни дождя, ни луж под ногами, пошла к Сергею.

Девушки ей что-то кричали, звали к себе, но Ирина их не слышала. А когда Сергей прикрыл ее лежавшим в машине лоскутком брезента и усадил рядом с собой, а Ванюша, сделав круг, выезжал на дорогу, Ирина, вся уже мокрая, сказала:

— Это Соня больше всех кричала, а сама Виктора любит.

— А Виктор ее?

— Тоже любит. — Ирина подобрала размокшую и упавшую на плечи косу. — Соня мне все рассказала. Знаешь, какая у них сильная любовь... Вот посмотришь — Соня уедет с Виктором.

— Счастливого им пути!

— Я так рада за Соню...

— А я — за Виктора...

Ирина склонилась к Сергею, сняла с плеч лоскуток брезента и сказала:

— Пусть поливает! Большая вырасту!

Ирина рассмеялась от радостного сознания, что в такую непогоду она может прижаться своим мокрым телом к такому же мокрому и теплому телу Сергея. Ее платье, пропитанное водой, липло к плечам, к груди, и вся она, облитая дождем, возбужденно-радостная, была для Сергея еще более милой и близкой Смуглянкой, чем в тот вечер, когда он, спасаясь от ливня, забежал на птичник и увидел ее на пороге...

Через два дня, когда просохли дороги и необычайно красиво расцвела степь, со всех станиц и хуторов стали приезжать в Усть-Невинскую гости. По этому случаю у въезда в Усть-Невинскую была поставлена арка, обвитая венками из травы и полевых цветов, с портретами Ленина и Сталина по бокам, с огромными белыми буквами на кумачовом холсте: «Добро пожаловать!» Между витками цветов прятались электрические лампочки, образуя изогнутую ду-

гой полоску; лампочки обрамляли и портреты Ленина и Сталина.

Еще на восходе солнца сюда прибыл Савва Остроухов в галифе и белой сорочке, в кубанке, чудом державшейся у него на затылке. Савву сопровождали Стефан Петрович Рагулин, Тимофей Ильич Тутаринов и Прохор Афанасьевич Ненашев. Стефан Петрович был одет в темносиний костюм, купленный в Москве, — на груди как-то уж очень высоко красовались золотая медаль и орден Ленина.

— Не люблю я гостей встречать, — чистосердечно признался Стефан Петрович. — Хлопотно с ними.

— Хлопотно, но зато гостям приятно, — возразил Тимофей Ильич. — Да и то сказать — людям нужен почет. А как же! Тут дело государственное.

— Встречали бы без меня, — сказал Стефан Петрович.

— Без вас, Стефан Петрович, нельзя, — проговорил Савва. — Вы у нас — человек видный, Герой, и ежели вы гостей встречаете, то это же очень важно!

— Гостеприимство — вещь дюже нужная, — вмешался в разговор Прохор. — Ты, Стефан Петрович, небось, читал в газете, как наше правительство завсегда встречает чужеземных гостей. Прилетит на самолете какой-нибудь посол, а ему почет, духовой оркестр и там разная церемония, — пусть знает, в какое государство приехал...

— То дело другое, — буркнул Стефан Петрович, — то дипломатия.

— А ежели мы дипломатов так радушно встречаем, то своих людей тем более нужно принимать с лаской да почетом.

— Да я не против почета, но мне не хочется их принимать, — доказывал Стефан Петрович. — По характеру я не подхожу к этому делу.

— Нет, Стефан Петрович, — рассудительно заговорил Тимофей Ильич, — ты неправильно мыслишь, характер тут не в счет. Мы люди культурные, и гостей нам надобно встречать по-человечески, чтобы во всем вежливость была...

— Тебе, Тимофей Ильич, хорошо быть вежливым, — возражал Стефан Петрович, — а для меня эти гости несут один убыток... Обед возле гидростанции затеяли, пять котлов баранины жарится. А чьи овцы? Давай, Рагулин, и баранов, и меду, и белой муки...

Савва улыбнулся и, боясь рассмеяться, отошел в сторонку.

— Гостям только подавай, я их знаю, — продолжал Стефан Петрович. — Вина бочку кто привез? Рагулин... А гости — народ не гордый. Они и без вежливости сядут за стол и все поедят и попьют. А кому перед собранием краснеть? Рагулину... Вот она какая встреча.

— Не печалься, Стефан Петрович, не один твой колхоз готовит обед, — сказал Тимофей Ильич. — Там дело идет в складчину... И ежели ты хочешь знать, то тот, кто богатеет, обедом не обеднеет... А мы, слава богу, богатеем. Погляди на станицу, сколько там проволоки, столбов и разного богатства... Так что не скупись, не скупись, Стефан Петрович, ради такого важного случая.

— А ревизионная комиссия что скажет? — спросил Рагулин, хитро сожмурив глаза. — Что она в акте запишет? Ты сам же будешь ревизовать свой колхоз и станешь чортом коситься на Никиту Мальцева.

— Тут все по закону, чего ж коситься...

— Не спорьте, кто-то едет, — сказал Савва, заметив на дороге машину.

Плавно подкатил «зис», и из него вышел депутат Бойченко, а следом за ним Сергей. Одет Сергей был по-парадному: разутюженные бриджи, новенький китель, до лоска начищенные сапоги, а через всю грудь, как Млечный путь на небе, горели ордена и медали, — так он еще никогда не одевался с тех пор, как стал председателем райисполкома.

Сергей представил Бойченко сперва своего отца, затем Савву и Рагулина.

— Помню, мы встречались, — сказал Бойченко, подавая руку Рагулину. — Вас, Стефан Петрович, легко отличить от других, человек вы видный.

— Сказать — с приметой, — улыбаясь и косясь глазом на золотую медаль, проговорил Рагулин.

— А это Прохор Афанасьевич Ненашев, — сказал Сергей, представляя Прохора, — первый электрик на всю Усть-Невинскую.

— Слышал, слышал о вас, — сказал Бойченко, здороваясь с Прохором. — Это вы отыскали лес в Чубуксунском ущелье?

— Было дело, — как всегда важно ответил Прохор. — Я же природный молевщик, дручья гонял по Кубани, а вот на старости лет переменил профессию.

— И доволен?

— Староват я малость по столбам карабкаться, — отвечал Прохор, — а дело занятное, по душе пришлось.

— Ну, Савва, как там? — спросил Сергей, кивнув на гидростанцию. — Все готово?

— Полный порядок! — живо ответил Савва. — Гости будут довольны!

— А вы б их с хлебом да с солью встречали, — посоветовал Бойченко.

— Там, за обедом, преподнесем и хлеба и вина, — сказал Тимофей Ильич. — Обед будет на славу, только наш герой-старший, — старик кивнул на Рагулина, — дюже скупится...

— И чего ты на меня лишнее наговариваешь! — заметно краснея, возразил Рагулин. — Тебе по-дружески сказал...

Сергей и Бойченко не стали расспрашивать, о чем по-дружески говорили старики, и уехали на гидростанцию. А через некоторое время вдали над зеленой степью алой птицей взметнулся флаг, затем показались скачущие всадники в бурках, а за всадниками катились тачанки и линейки, издали — свадебный поезд, да и только!

Оказалось же, что это была родниковская делегация. И до чего ж веселый и самобытный народ — родниковцы! Ничего они не могут делать без выдумки, без того, чтобы хоть чем-нибудь не отличиться и не показать себя. Другие станицы выехали на грузовиках, с одним гармонистом, да и то сидевшим где-то в задке кузова, с небольшим женским хором и флагом, маячившим на передней машине. А разве у родниковцев нет машин? Да кто же этому может поверить! Есть у них машины, и не одна! Но разве эти горные жители могут ехать на грузовиках, как все люди? Нет, им подавай тачанки, и не просто тачанки, а чтоб были они обвиты красным полотном, украшены цветами и ветками, а в передке, рядом с кучером, чтобы непременно трепетало знамя колхоза и сидел гармонист с букетом на картузе; а за тачанками чтобы мчались такие же нарядные линейки да чтобы в гривах лошадей были заплетены кумачовые лоскутки. Впереди же этого шумного и красочного поезда скачет конный эскадрон: всадники, как один, в бурках, в кубанках с синими верхами и с пламенеющими за плечами башлыками, — по всему видно, что народ едет на праздник!

— Ну, узнаю птицу по полету, — сказал Рагулин, когда родниковцы уже подъезжали к арке. — Ты погляди, какой шик! И что за канальи! Как же красиво едут!

Впереди, сдерживая взмыленных, горячих коней, гарцовали Иван Родионов и Никита Никитич Андриянов, а по бокам у них плясали на скакунах знаменосцы — красные стяги взвивались на ветру.

— Здорово булы, устьневинцы! — хриповатым басом приветствовал Никита Никитич, важно выгнувшись на седле.

И не успели Родионов и Андриянов слезть с коней и поздороваться, как возле арки загремели колеса — тачанки подлетали, как птицы; на все лады заиграли гармони, поднялся шум, понеслись выкрики, припевки, разноголосый говор, а возле одной тачанки уже образовался круг и начались танцы.

— Да вы что, подпили малость? — спросил Рагулин у Никиты Никитича.

— Только еще собираемся! — весело ответил Никита Никитич. — Приготовлена у вас выпивка?

«Да ты, старый чертяка, дюже большой мастак выпить за чужой счет», — подумал Рагулин, но Никите Никитичу улыбнулся и сказал:

— Дорогие гостюшки, милости просим, все для вас приготовлено.

— Тогда тронули! — крикнул Никита Никитич. — По ко-о-оням!

Всадники сели в седла, приняли строй и шагом, по два, проехали под разукрашенной аркой. За ними с криком и свистом понеслись тачанки и линейки, и вскоре снова стало тихо.

— Вот оно какая дипломатия, — с усмешкой сказал Рагулин. — Еще и с седла не слез, а уже о вине осведомился.

— Веселая станица — что тут скажешь! — заметил Тимофей Ильич.

— Одно слово — Родники, — рассудительно добавил Прохор.

Через несколько минут прибыли на четырех грузовиках беломечетинцы, поздоровались, постояли немного у арки и уехали. Затем проследовали — кто на лошадях, кто на машинах — делегаты Краснокаменской, Рощенской, Яман-Джалги. Мелкими обозами проехали хуторские колхозы.

Когда солнце поднялось высоко, на двух грузовиках прикатили марьяновцы. Кривцов, возглавлявший делегацию, поздоровался с Саввой, осведомился, на какой час назначен пуск станции, будет ли митинг, приглашены ли гости из других районов и приедет ли Бойченко. А тем временем из кузова торопливо выскочил Ефим Меркушев и с ласковым взглядом, как сын к отцу, подошел к Рагулину. Долго он тряс старику руку и поздравлял с наградой.

— От души желаю вам, Стефан Петрович, — волнуясь, говорил Меркушев, — чтобы эта золотая медаль была не последней.

— Поживем — увидим, — гордо ответил Рагулин.

Марьяновцы поговорили и тоже уехали, и уже ничего особенного не случилось у въезда в Усть-Невинскую. Правда, еще приехал на «эмке» Кондратьев с женой и детьми, а следом за ним — грузовик с духовым оркестром да промчался на «газике» Рубцов-Емницкий, прихватив с собой мрачного и насупившегося Федора Лукича Хохлакова.

— И мой задушевный дружок пожаловал, только на лицо дюже тоскливый, — насмешливо проговорил вслед Рагулин.

Постояв еще немного, устьневинцы покинули арку. А в этот самый час вблизи гидростанции, на обширной поляне, раскинулся такой шумный табор, собралось столько народу, машин, лошадей, тачанок и линеек, что даже на самой большой ярмарке и то их бывает меньше; над Кубанью поднялся такой разноголосый говор, шутки, смех, щебетанье детворы, что и на свадьбе ничего подобного не увидишь и не услышишь, — повсюду разливались такие протяжные песни, а гармонисты с таким старанием припадали к мехам и так искусно перебирали пальцами, что даже заглушали плеск падающей на сбросе воды; по всей поляне пестрело такое обилие знамен, женских платков и косынок, чубатых голов, кубанок с разноцветными верхами, букетов цветов, — словом, было так пестро и шумно, было столько веселых лиц, обрадованных улыбок, крепких рукопожатий, радостью сияющих глаз, что передать эту картину в натуральных красках было бы не под силу даже самому одаренному живописцу.

В довершение всего на бугре, невдалеке от канала, чернели пузатые, десятиведерные котлы, врытые в землю и охваченные дымом и пламенем; возле них хлопотали кухарки, не обращая никакого внимания на то, что делалось

там, на берегу реки. В сторонке в шесть рядов протянулись наскоро сбитые из досок и накрытые скатертями низенькие столы со скамьями, а чуть поодаль, прямо на свежей траве, горкой возвышались буханки хлеба, мягкие и удивительно белые, с коричневой, в меру поджаренной коркой.

Прошел час или два, и когда солнце начало клониться к низкому полдню и Никита Никитич Андриянов стал все чаще и чаще поглядывать на столы и уже успел отыскать своими зоркими глазами не только свежие буханки хлеба, но и бочонки с вином, к дверям машинного отделения подъехал грузовик с обитым кумачом кузовом — импровизированная трибуна стала на свое место. Митинг состоялся перед зданием гидростанции под тревожный шум падающей воды. И пока выступали с речами Бойченко и Кондратьев, пока Сергей бегло набросал картину выполнения пятилетнего плана и назвал фамилии лучших строителей, пока выступали ораторы из соседних станиц, играл оркестр и много раз по реке шумели аплодисменты, к тому времени столы были уставлены вином и яствами, и гостей пригласили к обеду...

Как повелось на рытье канала, на сооружении электролинии, так было и за столами: что ни станица, то отдельный стол, так сказать — «свой участок», и только марьяновцев посадили на почетном месте, а с ними сели Бойченко, Кондратьев с женой, Сергей с Ириной (пусть, мол, все люди посмотрят, какая у него жена), Рагулин со своей Саввишной, Тимофей Ильич с Ниловной, Прохор Ненашев, Виктор Грачов, — он хотел посадить возле себя Соню, но та покраснела и убежала к устьневинскому столу. Тогда рядом с Виктором умостился Семен Гончаренко, молчаливый и сосредоточенно строгий (он только вчера, после пробного пуска турбины, принял гидростанцию и еще не привык к своему новому положению).

Пока люди усаживаются и вполголоса разговаривают о том, о сем, о чем обычно говорят за обедом, когда еще стаканы только налиты вином, пока Сергей упрашивает Федора Лукича Хохлакова сесть с ним рядом, а Федор Лукич говорит, что ему все же лучше сесть с рощинцами, пока Рубцов-Емницкий мечется возле грузовика, с которого снимают какие-то ящики, — мы тем временем окинем столы хотя бы беглым взглядом... Чего, чего только на них и не было, и все в таких щедрых порциях, что посмотришь — и невольно скажешь: «Да, народ здесь живет в достатке!»

Если подана баранина — то кусками в килограмм весом; если стоит жареная картошка — то облитая жиром и в огромных мисках; если подрумяненные гуси или куры — то расставлены они по всем столам; если мед — то в черепяных чашках, хоть зачерпывай ложкой; если подан хлеб — то непременно в ситах; если редиска — то красная стежка так и тянется из конца в конец; если молоденькие огурчики — то полные ведра... Еще следовало бы обратить внимание на вина, уже разлитые по стаканам и кружкам, но тут поднялся Прохор Ненашев, взял узловатыми короткими пальцами кружку, обвел сидящих строгим взглядом и сказал:

— Люди добрые! Строители и гости! Старинный обычай на Кубани так гласит: не будет сладким вино и не ощутим мы вкуса пищи, ежели перед тем, как приступить к обеду, не сказать слово...

Все умолкли, прислушались, а Никита Никитич, уже нацелившись на баранью ляжку, подумал:

«Эх, Прохор, Прохор, и до чего ж ты охотник поговорить. И тут речи — мало тебе было митинга, только зазря время терять...»

— А слово мое будет короткое, — продолжал Прохор, сжимая пальцами кружку, боясь, чтобы не расплескалось вино и чтобы никто не заметил, как дрожит его рука. — Поглядите сперва вон в ту сторону, на этот красивый домик, что приютился себе под кручей. Поглядите на провода, что убегают во все стороны! Чьих это рук дело? Наших рук и наших помыслов... А прислушайтесь! Эге-ге! шумит, не умолкает Кубань, и хоть с детства мы ее слышали, привыкли к ее песне, а только ныне песня у реки иная, потому что падает вода с высоты небывалой... Песня та новая, как и вся жизнь наша... И вот я скажу ради такого случая: думалось тем, кто в сорок втором году топтал, паскудил нашу землю, что мы уже не подымемся до той высоты, на какой допрежь были, что не избавимся после войны от беды-лиходейки. Прошло с той страшной поры немного времени, а мы не только поднялись, но и расправили плечи, и такой взяли разгон, какого еще никогда не было...

— Прохор Афанасьевич, — хитро жмурясь, сказал Никита Никитич, — речь твоя правильная, одобряю, а только взгляни, где солнце... Закругляйся!

— Погоди малость, Никита Никитич, солнце от нас не уйдет, а потому и не торопи меня закругляться. — Прохор

погладил усы и улыбнулся. — Днем нам будет светить небесное солнце, а ночью — свое!.. А теперь, люди добрые, поглядите сюда, на угощение. На столах — полная чаша. Было это до войны — и сызнова есть, будет и никогда не переведется, потому как жизнь свою мы поручили нашей дорогой коммунистической партии. — В этом месте речь Прохора была прервана аплодисментами, и, когда снова наступила тишина, Прохор продолжал: — Потому и выпьем мы первую чарку за свою советскую власть, за коммунистическую партию и за здоровье нашего батька Сталина!

Все встали, выпили, и обед начался.

Ели неторопливо, не так, как обычно едят на работе во время обеденного перерыва, и то поглядывали на гидростанцию, то на солнце, ибо знали: самое значительное событие, ради чего съехались сюда люди и уселись за столы, произойдет лишь вечером. Почему вечером, а не днем? Такой вопрос никому даже в голову не приходил, — каждый понимал, что именно вечером, когда темнота укроет степь, должны вспыхнуть по всем станицам огни... Пусть тогда весь мир смотрит, что делается в верховьях Кубани! И потому, что уж очень всем хотелось, чтобы быстрее наступила ночь, день, как бы назло, тянулся удивительно медленно, а солнце точно остановилось в низком полдне и уже не хотело двигаться ни взад, ни вперед.

Может быть, желая как-то скоротать время, а может быть, и оттого, что два или три бочонка уже были опорожнены и яства на столах поредели, но только вскоре делегации станиц смешались и разбрелись кто куда: песельники — к песельникам, танцоры — к танцорам, некоторые парни и девушки, стараясь укрыться от родительских глаз, пошли гулять по берегу. Только одни старики и старухи еще остались на своих местах, но и они пододвинулись ближе друг к другу и завели неторопливый разговор; к ним подсел и Бойченко... А лагерь шумел и гудел: там подвыпившие мужчины и женщины собрались в круг, и мягкий тенор запел: «Ска-а-а-кал ка-а-зак через доо-олину», а мощный хор тут же подхватил: «Че-е-ерез куба-а-нские по-о-ля...», там, в шумном собрании, кто-то ухал и выбивал ногами такую частую дробь, выделывал такие колена и присядки, что дрожала земля.

«Вот этот доказывает! — подумал Сергей, протискиваясь поближе к кругу. — Да и кто это так отплясывает?

А! Да ведь это Алексей Артамашов! Чертяка! Дает жизни!»

— Сергей! Иди на подмогу! — кричал Артамашов, сбив на лоб кубанку.

Рядом с собой Сергей увидел Кривцова, — он смотрел на Артамашова грустными глазами.

— Андрей Федорович, — сказал Сергей, — отчего такой мрачный?

— Завидую.

— Кому? Алексею Артамашову?

— И ему, и вообще... Отойдем в сторонку.

Они выбрались из толпы, неторопливо прошли по бровке канала, не разговаривали, а только смотрели на мутный поток. Остановились на плотине, — под ними кружилась вода и, толкаясь в шлюзы, закрывавшие трубы, с сердитым рокотом текла по холостому сбросу.

— Скоро откроешь шлюзы? — спросил Кривцов.

— Вечерком откроем.

— По двум трубам пойдет вода?

— Покамест по одной.

— Что ж так? Воды мало?

— Нет. Вторая еще не имеет турбины.

— А будет иметь?

— Постараемся.

— Сергей Тимофеевич, — с жаром заговорил Кривцов, — с той поры, как ты побывал у нас, загрызли меня думки...

— Оттого ты и невесел? — Сергей усмехнулся.

Кривцов закурил, бросил горящую спичку в воду.

— Тебе хорошо и улыбаться, и быть веселым, а каково мне смотреть на ваше веселье... При народе я бы об этом постеснялся заговорить, но тут нас двое... Помоги, Сергей, по-дружески прошу.

— Знаю, о чем ты печалишься, — сказал Сергей. — Посмотри на эту трубу — она поставлена для марьяновцев. Скоро я поеду в Москву на сессию и буду хлопотать еще одну турбину.

— Дай твою руку, дружище!

— Турбину достать не трудно, а вот как ты людей своих подымешь?

— Постараемся!

— Заезжай, Андрей Федорович, ко мне после торжеств — обо всем поговорим.

Невдалеке от них по берегу канала шли Семен и Анфиса.

— Таки уговорил тебя мой братушка? — грустно спрашивала Анфиса.

— Пойми, дорогая, — ласково отвечал Семен, — не мог я не согласиться. Всю войну я Сереже подчинялся, привык во всем его слушаться. Вот оно какая вещь.

— А как же наша хата?

— Построим, только здесь. — Семен смущенно улыбнулся. — Посмотри, сколько тут места — выбирай любую позицию.

— Эх, Семен, Семен, какой же ты упрямый. А ежели не справишься с работой? Тогда как будем жить?

— Справлюсь, — уверенно заявил Семен. — Я же тут буду не один. Завтра должен приехать механик, а пускать станцию будет Виктор. Ирина тоже в моем штате.

Анфиса только покачала головой и тяжело вздохнула.

— Сережа! — крикнула Ирина, выйдя из машинного отделения. — Иди сюда! На минутку!

— Жена зовет,—сказал Сергей Кривцову. — Придется беседу нашу прервать...

Сергей торопливо сбежал по деревянной лестнице.

— Сережа, а ты знаешь, нужна красная ленточка, — шепотом сказала Ирина.

— А зачем?

— Да как же! Ты должен ее разрезать. Виктор сказал, что так полагается.

— Ну? Ежели полагается — тогда нужно попросить ленту у какой-нибудь девушки.

— Пойдем вместе просить.

Они направились по берегу реки, туда, где собралась молодежь.

— Сережа, — заговорила Ирина, — если бы ты только знал, как я волнуюсь! Виктор меня уже инструктировал, и ругал, и успокаивал, а я все волнуюсь...

— Ничего, Иринушка, волнение — это хорошо!

А когда была найдена ленточка и приготовлены ножницы, когда ушло за горизонт солнце и темная июньская ночь заиграла над Кубанью звездами, вокруг гидростанции шпалерами выстроился народ и ждал. По всему было видно — шли последние приготовления: мелькали фонари, сквозь высокие, слабо освещенные окна виднелись силуэты людей, кто-то бегом с фонарем в руке подымался по лестни-

це на шлюз... И вот на шлюзе звонко загремела цепь лебедки, и вода с глухим ворчанием ворвалась в горловину трубы, ударила в лопасти турбины, и в машинном отделении робко вспыхнул свет. Теперь в окна было видно, как вращался маховик турбины, как Виктор ходил вокруг машины, то прислушиваясь, то наклоняясь, как бы тихонько о чем-то спрашивая турбину. И когда небольшая группа мужчин — там были Сергей и Кондратьев — направилась к дверям гидростанции, толпа умолкла, — все поняли, что вот и наступило то, чего так все ждали. Сергей и Кондратьев шли несколько впереди, как обычно ходят, осматривая позиции, командир и начальник штаба, сопутствуемые многочисленной свитой офицеров. Они остановились у дверей перед полоской красной ленточки.

— Готово! — крикнул Виктор, посмотрев на Ирину, стоявшую у щита. — Нагружать машину.

Слабо блеснули ножницы — Сергей перерезал ленточку. Ирина включила рубильник, и в ту же секунду ослепительное зарево раздвинуло темноту, и вокруг домика стало светло, как днем. Заиграл оркестр, прокатились возгласы, крики «урр-а-а-аа!», взлетели к небу шапки, затрепетали платки. Ирина включила еще один рубильник, — свет рванулся в станицу, и тут собравшиеся увидели Усть-Невинскую в таком красивом и ярком наряде, в каком ее никогда еще не видели. Над Усть-Невинской полыхали огни, искрясь и вспыхивая, озаряли бархатную зелень садов, освещали площадь, улицы и переулки; лампочки горели и на столбах и ярко светились в окнах хат.

— Третий! — крикнул Виктор.

Ирина включила и третий рубильник. Тогда зарево, похожее на восход солнца, от Усть-Невинской перекинулось в степь и поднялось в той стороне, где лежали станицы Белая Мечеть, Краснокаменская, Родниковская, Яман-Джалга, и казалось людям — огни озаряют то прекрасное будущее, куда лежат их дороги.

Январь 1946—март 1948 г.

г. Пятигорск

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *Ф. Панферов*

Художник *И. Николаевцев* Техн. редактор *З. Малек.*

А16284. Подписано к печати 12/XII-49 г. Объем 34 3/4 печ. л.
Уч.-изд. л. 30,1 Формат 64×108/32. Тираж 30 000. Заказ 1477.

1-я типография Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18.

Scan, DJVU: Tiger, 2013

